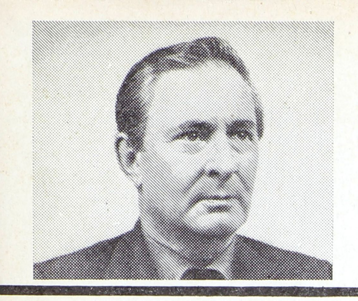
ЗОЛОТЫЕ ПЕРСИКИ САМАРКАНДА

Э. ШЕФЕР

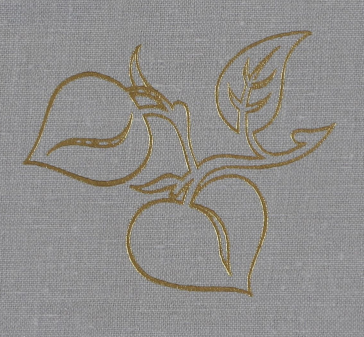
ЗОЛОТЫЕ ПЕРСИКИ САМАРКАНДА · Э. ШЕФЕР

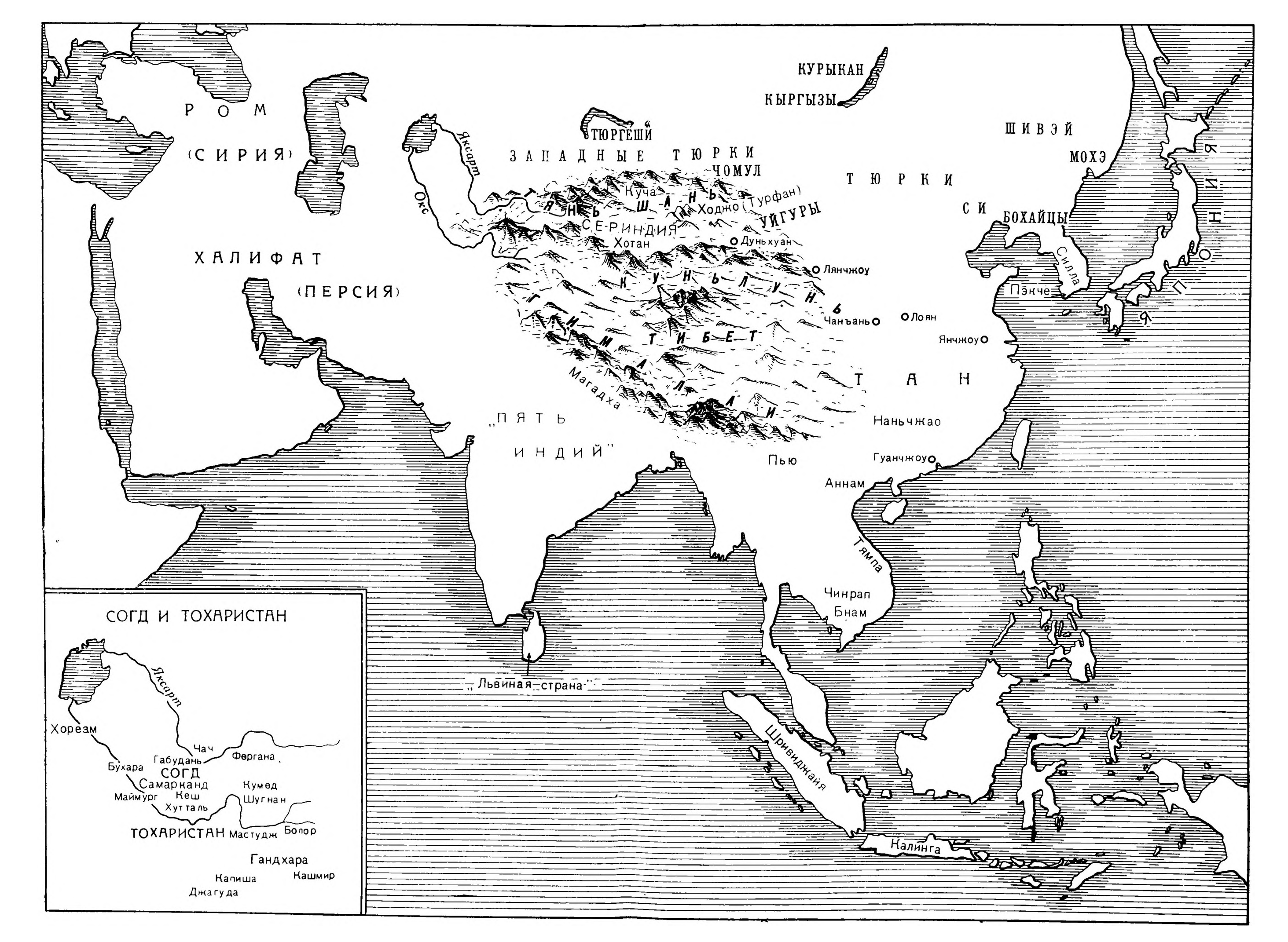


Профессор Эдвард Хетцель Шефер (Edvard Hetzel Schafer) — крупнейший зарубежный исследователь культуры Китая эпохи Тан (VII—X вв.) — родился в г. Сиэтл (штат Вашингтон) в 1913 г. В Калифорнийском и Гавайском университетах изучал искусство Востока и Византии, в Гарвардском университете — китайский и японский языки.

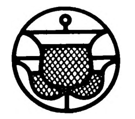
С 1946 г. преподает в Калифорнийском университете (Беркли), где возглавлял Отделение восточных языков, был редактором востоковедного издания «Journal of the American Oriental Society», избирался президентом Американского общества востоковедов («The American Oriental Society»). Исследуя литературные памятники и культуру танской эпохи, Э. Шефер уделяет преимущественное внимание быту, материальной культуре и технологии, оставаясь при этом прежде всего филологом и историком языка. Среди научных трудов Э. Шефера такие фундаментальные монографии, как «The Empire of Min», «The Vermillion Bird», «The Divine Woman», «Pacing the Void».

ЗОЛОТЫЕ ПЕРСИКИ САМАРКАНДА · Э. ШЕФЕР





РОМ
(СИРИЯ)
ХАЛИФАТ
(ПЕРСИЯ)
Яксарт
Окс
ТЮРГЕШИ
ЗАПАДНЫЕ ТЮРКИ
ЧОМУЛ
КУРЫКАН
КЫРГЫЗЫ
ТЮРКИ
ШИВЭЙ
МОХЭ
СИ
БОХАЙЦЫ
Силла
Пэкче
ЯПОНИЯ
ТЯНЬ-ШАНЬ
Куча
Ходжо (Турфан)
УЙГУРЫ
СЕРИНДИЯ
Хотан
Дуньхуан
Лянчжоу
КУНЬЛУНЬ
Чанъань
Лоян
Янчжоу
ТИБЕТ
ГИМАЛАИ
Магадха
ТАН
„ПЯТЬ ИНДИЙ"
Наньчжао
Гуанчжоу
Пью
Аннам
Тямпа
Чинрап
Бнам
„Львиная страна"
Шривиджайя
Калинга
СОГД И ТОХАРИСТАН
Яксарт
Хорезм
Чач
Бухара
Габудань
Фергана
СОГД
Самарканд
Кумед
Маймург
Кеш
Шугнан
Хутталь
ТОХАРИСТАН
Мастудж
Болор
Гандхара
Капиша
Кашмир
Джагуда



АКАДЕМИЯ НАУК СССР. ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

Э. ШЕФЕР

ЗОЛОТЫЕ ПЕРСИКИ САМАРКАНДА

Книга о чужеземных диковинах в империи Тан

Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

9(М)1
Ш 53

Edward H. Schafer.
THE COLDEN PEACHES OF SAMARKAND.
A Study of T'ang Exotics.
Berkeley — Los Angeles, 1963

Перевод с английского *Е. В. Зеймаля*
и *Е. И. Лубо-Лесниченко*

Стихотворные переводы *Л. Н. Меньшикова*

Редакция и предисловие *Л. Н. Меньшикова*

Шефер Э.

Ш 53 Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

608 с. с ил. (Культура народов Востока)

Книга американского исследователя Э. Шефера представляет собой обстоятельное собрание разнообразных сведений о культурных влияниях внешнего мира на Китай танского времени (618—907 гг.) — эпохи наивысшего расцвета его культуры.

Ш $\frac{10603-039}{013(02)-81}$ 224-80. 0504020000 9(М)1

ОТ РЕДАКТОРА

Давно уже замечено, какую роль в истории Китая играли окружающие его народы и государства. Китайские исторические труды, официальные и неофициальные, хроники и энциклопедии, географические описания и собрания документов в той или иной степени всегда включают сведения о некитайских народах, соседствующих с Китаем или проживающих в самой стране. Китаю постоянно приходилось оборонять свои границы то от сюнну, то от ухуаней, то от сяньби, то от тибетцев, то от киданей, то от тангунов, то от чжурчжэней (список этот можно было бы продолжить). Великая китайская стена — самое крупное оборонительное сооружение в истории человечества — строилась в течение многих веков для защиты от воинственных народов — соседей Китая. Но, несмотря на ее существование, Китай с древних времен многократно, полностью или частично, завоевывали различные племена и народы, образуя на территории страны, главным образом в северной ее части, государства, во главе которых стояли некитайские правители; бывали случаи, когда некитайцы — монголы, маньчжуры — завоевывали весь Китай и подолгу управляли им.

Впрочем, не оставались в долгу и китайцы. Они не только ассимилировали завоевателей — такая участь постигла и сяньби, и тоба, и киданей, и многие другие народы, а в самое последнее время и властвовавших в Китае в течение трехсот лет маньчжуров. Китайское государство упорно, шаг за шагом, на протяжении тысячелетий, то отступая, то вновь наступая, умножало подвластные ему земли. Сначала на востоке — в Шаньдуне и по нижнему течению Хуанхэ, где в глубокой древности жили некитайские племена. Потом на юге — в междуречье Хуанхэ и Янцзы и далее к границам Вьетнама, вытесняя и ассимилируя многочисленные племена и народы, населявшие нынешний Южный Китай. Потом — на севере и северо-западе, на юго-западе, па северо-востоке... Так постепенно Китай расширял свои пределы, все более приближаясь к своим сегодняшним границам.

Многовековое знакомство с различными народами и племенами не прошло бесследно. Ученые знают, что культура китайского народа, при всей ее монолитности и непрерывности развития, включает в себя множество элементов, объяснить наличие которых можно только заимствованиями. Иногда это предметы, легенды, обычаи, отдельные слова, о

происхождении которых можно только строить догадки, ибо народы, от которых китайцы все это взяли, уничтожены или поглощены и давно исчезли с лица земли. В других случаях мы имеем дело с более мощными культурными пластами: с буддизмом (и буддийской культурой), пришедшим в Китай из Индии во II в. н. э., или с элементами центральноазиатской музыкальной культуры, которые неоднократно вливались в китайскую музыку на протяжении, во всяком случае, двух последних тысячелетий, и т. п.

В китаеведческой литературе издавна появлялись и появляются книги, рассказывающие как о «китайских дарах Западу», так и о «дарах Запада Китаю». Обычно считается, что в древние времена «китайские дары» превосходят «дары Запада». Порох, бумага, компас, книгопечатание, чай, рис, шелк — таков наиболее распространенный перечень предметов и изобретений, впервые появившихся в Китае и потом — одни раньше, другие позже — распространившихся по всему миру. Но то, что древний и средневековый Китай своей культурой во многих отношениях опережал остальной мир, не должно заслонять от нас и того, что рядом с ним существовали и жили своей, непохожей на китайскую жизнью другие, не менее великие и древние цивилизации. Одна из таких стран — Индия, многие века служившая для Китая источником философской и религиозной мысли: именно отсюда пришел в Китай буддизм, распространение которого стимулировало дальнейший расцвет китайской философии, литературы, науки, архитектуры, скульптуры, живописи. Севернее Индии и западнее тогдашнего Китая жили народы тюркского и иранского происхождения, которым Китай обязан коневодством, многими сельскохозяйственными культурами (джут, рами, виноград, люцерна) и множеством других полезных вещей, без которых сейчас невозможно представить китайскую цивилизацию.

Культурное влияние, таким образом, было отнюдь не односторонним. Передавая другим народам свои достижения, Китай и сам получал полной мерой; и сама китайская культура в целом представляет собой сложнейший сплав, где коренное китайское так прочно соединилось с заимствованным, что разделить этот монолит на составные части оказывается невозможным. Именно в таком синтезированном виде она предстала перед европейцами, такой она остается для Старого и Нового Света и сейчас. И только специалисты знают, каким сложным оказывается при анализе ее состав.

Книга американского ученого Эдварда Шефера «Золотые персики Самарканда», которая предлагается сегодня читателю в русском переводе, вышла в свет в 1963 г. и сразу привлекла к себе внимание самого широкого круга востоковедов. Этому способствовало не только ее содержание, но и манера изложения, легкая и непринужденная, а также та скрупулезность и точность, с которой подобран и изучен вошедший в нее материал. Она, таким образом, соединяет в себе достоинства научного труда и научно-популярного произведения, что встречается совсем не часто. Что же это за книга?

Под экзотическим названием «Золотые персики Самарканда» скрывается повествование о том, что и когда ввозил Китай как из близлежащих стран (Корея, Маньчжурия, Монголия, Восточный Туркестан, Тибет, Средняя Азия, Индокитай), так и из отдаленных (Индия, Иран, Островные Индии). Тема эта неисчерпаема и необъятна. Поэтому Э. Шефер, стремящийся к возможно более полному описанию материала, выбирает из многих тысячелетий китайской истории только триста лет правления династии Тан (618—907). Об этой династии достаточно хорошо знают как о времени высочайшего взлета: поэзия и новелла, живопись и скульптура, музыка и архитектура эпохи Тан и доныне представляются в истории китайской культуры недосягаемым образцом в не меньшей мере, чем для Европы — культура и искусство античной Греции и Рима. Выдающиеся культурные достижения сочетались в этот период с экономическим расцветом, обусловленным, с одной стороны, введением новой для тогдашнего Китая системы землепользования (так называемой системы *цзюньтянь* — «уравнения полей») и разветвленным, хорошо налаженным государственным аппаратом — с другой. Система «уравнения полей» была проявлением понимания закономерности: для благоденствия страны (и ее господствующего класса, конечно) необходимо, чтобы наделы крестьян не уменьшались ниже определенного уровня. Административный аппарат обеспечивал, с одной стороны, регулярное действие системы землепользования, а с другой — бесперебойное поступление налогов на содержание императорского двора, армии (как для защиты границ и завоевания новых земель, так и для усмирения собственных бунтующих подданных), общественных работ (строительство и содержание городов, укреплений, путей сообщения, оросительных систем и т. п.) и, наконец, самого государственного аппарата.

Немалую роль в процветании танского Китая сыграло и ограбление завоеванных и включенных в состав империи стран и народов. Китай расширил в эту эпоху свои границы от оазисов нынешнего Синьцзяна на западе до Кореи на востоке, от степей нынешней Внутренней Монголии на севере до Вьетнама на юге.

Произошло невиданное до того расширение кругозора. Многие народы, в действительности не входившие в состав империи, числились (во всяком случае, по китайским понятиям) данниками Китая. Другие, о которых часто именно в танское время были получены первые достоверные сведения, присылали к танскому двору посольства с дарами. Третьи, нередко известные китайцам лишь понаслышке, от случая к случаю напоминали о своем существовании, когда в государстве Тан вдруг появлялись диковинные предметы оттуда.

Вот об этой «дани», об этих дарах и иноземных диковинках времени Тан, нередко навсегда оседавших в Китае и ставших частью китайской культуры, и рассказывает книга Э. Шефера. В понятие «дань» в Китае вкладывалось особое значение, нам непривычное, без объяснения которого трудно будет правильно понять содержание книги. С древних

времен, когда окружающие народы стояли на значительно более низком уровне развития, чем Китай — единственная в этой области страна с высокоразвитой земледельческой культурой, — китайцы привыкли считать себя культурным и экономическим центром мира. Поэтому и страну свою они назвали Срединным государством (Чжунго) — обозначение, сохранившееся и до сих пор в официальном наименовании государства. Такое положение породило уже в древности высокомерную китайскую государственную идеологию, согласно которой Срединному государству не было равных в мире. Поэтому китайские властители никогда не соглашались разговаривать с окружающими народами и странами как с имеющими одинаковые с Китаем права. Предполагалось, что повелевать миром может только Китай, а остальные — в силу этого «естественного» порядка вещей — могут быть только подданными повелителя Срединного государства (или «мятежниками»). Все, что привозилось в Китай, рассматривалось как дань китайскому двору, а страны и народы, хоть раз приславшие посольство с подарками, включались в реестр областей, признавших свое подданство и сюзеренитет Китая над собою. Покорных подданных надо было, естественно, поощрять, и императорский двор посылал ответные подарки, присоединяя к ним пожалования идеологического порядка: «уступая просьбам», Китай жаловал новоявленным подданным китайские фамилии и имена, тем самым удостоверяя, что больше не считает их варварами, но при этом китайские титулы давались всегда хоть на ранг, но ниже, чем «истинным неварварам».

Нетрудно догадаться, что за дипломатической ширмой «пожалований» и пышных взаимных «даров» на самом деле скрывалась международная торговля Китая. Чем больше прибывало посольств, чем более богатую «дань» они привозили и чем более щедрые «подарки» получали в ответ, тем более мы сейчас вправе говорить об оживленной торговле между Китаем и его ближними и дальними соседями. Э. Шефер собрал по этому вопросу огромный и чрезвычайно убедительный материал. Последовательно учитывая по возможности сведения обо всех посольствах, прибывавших в Китай на протяжении трехсот лет, а также и о других способах поступления в Китай иноземных предметов (военная добыча, иноземные диковины, доставленные путешественниками, и т. п.), Э. Шефер подробнейшим образом характеризует все, что приходило в Срединную империю из-за рубежа: люди, домашние и дикие животные, птицы, меха и перья, растения, пища, благовония, лекарства, минералы, предметы культа и домашнего обихода, книги.

Конечно, Э. Шефер никогда не собрал бы такого внушительного количества данных, если бы его работе не предшествовали многолетние труды целой плеяды ученых. Сам автор не скрывает, что он создал свою книгу, стоя «на плечах многих ученых», но справедливости ради нужно напомнить, что и лично Э. Шефер опубликовал серию частных исследований, результаты которых также вошли в его книгу на равных правах с достижениями других исследователей. Не будь у «Золотых

персиков Самарканда» длинного ряда предшественников, извлекавших по крупицам сведения из многочисленных источников, большей частью китайских, эта книга вряд ли могла бы появиться на свет. Одному исследователю такой объем работы был бы просто не под силу. Тщательный учет сделанного — одно из основных достоинств книги. Если добавить к этому точность, детальность, полноту, удобство пользования, то будет ясно, почему книга уже стала настольным справочником для всех, кто изучает историю культуры не только Китая, но и многих других стран Средней и Передней Азии, Монголии и Маньчжурии, Южного Китая, Вьетнама, Бирмы, Индонезии и др. Дело в том, что для многих стран сведения письменных источников весьма скудны и часто ограничиваются тем, что сохранила китайская историческая традиция. И по этой причине перевод книги Э. Шефера на русский язык необходим для многочисленных советских исследователей не только Китая, но и Средней и Центральной Азии, Сибири и Монголии, хотя не всегда его оценки тех или иных событий могут быть безоговорочно приняты.

Большая заслуга Э. Шефера, принципиально отличающая его исследование от работ его предшественников, — значительное расширение круга источников: впервые как исторический источник используются стихотворные произведения танской эпохи. Общепризнано, что танская поэзия — одно из высших культурных достижений эпохи. Но Э. Шефер, взглянув на нее глазами историка культуры, обратил внимание на то, что танская поэзия очень конкретна и многие описания в ней полностью совпадают с историческими источниками, а часто и значительно их дополняют. Приводя стихи в качестве свидетельства о явлениях, характерных для танского Китая, Э. Шефер при передаче их по-английски предупреждает читателя, что его больше устраивает точность и последовательность перевода, чем изящество стихотворной строки. Правда, иногда он отступает от провозглашенного принципа, приводя небольшие выдержки и целые стихотворения в переводах известного китаиста и поэта-переводчика Артура Уэйли, что никоим образом не вредит книге в смысле точности и в то же время украшает ее. Широкое использование стихотворных текстов — одна из особенностей книги, делавшей ее особенно трудной для перевода на русский язык. Стремясь, как и Э. Шефер, к точности и дословности в передаче терминов, понятий и образов (иначе использование стихов как исторического источника вряд ли было бы возможным), пришлось применить принцип перевода, несколько отличный от принятого Э. Шефером, но привившийся в русском китаеведении после академика В. М. Алексеева. При переводе поэтических произведений В. М. Алексеев полагал необходимым (для себя по крайней мере) ритмизовать стихи таким образом, чтобы русская стопа передавала китайский слог. Переводы, предлагаемые здесь, таким образом, ритмизованы в соответствии с этим принципом и оснащены рифмой там, где это было возможно без ущерба для содержания стиха. Но в целом, как и у Э. Шефера, они в большей степени пре-

тендуют на точность в передаче содержания стиха, чем на художественность. Насколько этот опыт удачен, судить, конечно, читателю.

Хочется надеяться, что эта отличная и интересная работа американского исследователя не только станет настольной книгой специалистов, но и явится увлекательным чтением для тех, кто интересуется общими вопросами истории культуры.

В книге Э. Шефера есть отдельные неточности, отчасти продиктованные неполнотой некоторых материалов — всего не смог собрать даже такой «дотошный» исследователь. Некоторые исследования (например, В. А. Вельгуса и ряда других), непосредственно связанные с рассматриваемыми в книге вопросами, вышли уже после опубликования «Золотых персиков Самарканда» (1963 г.). Отнюдь не бесспорно и прочтение Э. Шефером некоторых стихотворных текстов. Свои сомнения и дополнения в подобных случаях переводчики и редактор отразили в примечаниях (они даны в угловых скобках), а введенный в русском переводе библиографический материал (в основном исследования советских ученых, к сожалению почти неизвестные Э. Шеферу) отмечен звездочкой. Но такого рода «вторжений» в авторский текст, к чести Э. Шефера, пришлось делать совсем немного.

Главы I—IV, VIII, XI, XIV—XVI переведены Е. В. Зеймалем, главы V, XII, XVIII, XIX — Е. И. Лубо-Лесниченко, главы VI, VII, IX, X, XIII, XVII — Е. В. Зеймалем и Е. И. Лубо-Лесниченко совместно. Переводчики считают своим приятным долгом поблагодарить за ценные советы и консультации А. М. Беленицкого, И. М. Дьяконова, М. Э. Кирпичникова, С. Г. Кляшторного, Е. И. Кычанова и В. А. Лившица. Большую часть работы по составлению указателей выполнили А. М. Кабанов и А. П. Керзум.

Л. Меньшиков

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

С моей стороны было смелостью взяться за предприятие, которое в итоге вылилось в опубликование «Золотых персиков Самарканда». Сложная культурная история обширных областей от Карпат и до западных берегов Тихого океана осталась сферой исследований, в которой уже давно специализировались русские и куда теперь вторгся и я.

В начале своей научной карьеры разными косвенными путями я попал под влияние передовых русских ученых, взгляд которых на историю Азии был намного шире, чем у большинства их современников как в Китае, так и в Западной Европе. Я имею в виду, в частности, широкий кругозор В. П. Васильева, исследовавшего прежде всего буддизм, что само по себе не позволяет мысли замыкаться в пределах какой-то одной страны или этнической области, а также китайский и маньчжурский языки и географию Тибета. И было много других исследователей, подобных ему. По необходимости я опираюсь на их могучие плечи. Меня не перестает удивлять, что я оказался в состоянии превратить довольно обширную и разрозненную массу заметок, извлеченных из источников на многих языках, во вполне цельную книгу.

Помимо этого я в равной степени и горд и поражен тем, что она была сочтена заслуживающей перевода на русский язык. Я надеюсь, что мои читатели будут достаточно великодушны, чтобы простить многие ошибки и недоработки, которые я обнаружил в книге уже после появления ее первоначальной публикации. Я предвижу, что читатели русского издания найдут в ней еще и другие промахи, которые ускользнули от моего внимания. И я рассчитываю на их снисхождение. Я не могу в полной мере выразить мою признательность переводчикам за то, что они сделали эту книгу доступной для широкого читателя в СССР. Я надеюсь, что их благородные усилия окажутся затраченными не совсем напрасно.

Э. Шефер

Посвящается Бертольду Лауферу

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первой главе этой книги есть много такого, что не принадлежит мне. Я опирался на работы американских, европейских, китайских и японских исследователей танской культуры. В последующих главах читатель найдет гораздо больше от моих собственных трудов, хотя я и стремился упрятать большую часть научной «кухни» и критических рассуждений в примечания, вынесенные в конец книги. Но даже и в этих главах я стою на плечах многих ученых. И за поддержку в этой неизбежной акробатике я в высшей степени признателен моим коллегам, ныне здравствующим и покойным, и прежде всего несравненному Бертольду Лауферу, которому я не мог не посвятить эту книгу.

Большую часть работы, в результате которой появилась эта книга, оказалось возможным проделать благодаря исследовательской стипендии Американского совета научных обществ, которому я весьма признателен. Особой благодарности заслуживает доктор Джозеф Нидэм, который великодушно предоставил мне возможность пользоваться его библиотекой книг и статей по истории науки и техники в колледже Конвиля и Кая (Кембридж).

Переводы стихов, когда их авторство не отмечено, выполнены мною; в большинстве других случаев переводы принадлежат Артуру Уэйли. Эпиграфы к главам I и II в английском издании взяты из канонической версии Библии.

Э. Шефер

Беркли, Калифорния
Февраль 1962 г.

Вам не узнать, в какие смоквы
Мои впивались зубы,
Студеных дынь какие груды
На золотом лежали блюде —
Их обхватить не в силах люди,—
Какие персики — как бархат! —
Прозрачный виноград без зерен...

Кристина Россетти. Рынок домового

ВВЕДЕНИЕ

Обаяние экзотических товаров действенно и в наши дни. В любом американском журнале вы найдете тому десятки примеров: если это духи из Франции, то они называются «аромат любви»; туфли из Бельгии — значит, они сделаны «мастерами, искусству которых более трехсот лет»; автомобили из Швеции — это «олицетворение величия шведской технической мысли и мастерства»; херес из Испании — «точно такого же вкуса, как во времена королевы Виктории»; проигрыватели из Швейцарии — «с отделкой из древесины лучших швейцарских пород — груши, клена, вишни»; джин из Англии — это «многовековое мастерство и тщательно оберегаемый рецепт»; тиковый паркет из Сиама — «даже время не оставляет на нем следов»; лосьон с Виргинских островов, которым вы смажете кожу после бритья, «в красивой туземной упаковке, сохраняет подлинную свежесть и прохладу лимонных деревьев Вест-Индии»; макадамовы орехи с Гавайев — это «сказочное богатство Островов». И уж тем более нет необходимости напоминать о шотландском виски, немецкой фотоаппаратуре, датских изделиях из серебра, итальянских сандалиях, индийских кустарных тканях, индонезийским перце, китайском шелке, мексиканской водке-текиле. Эти волшебные вещи привлекательны для нас или потому, что у нас в стране нет ничего подобного, или потому, что нас убедили, что они лучше наших собственных, но в основном эти товары привлекательны еще и потому, что они прибывают к нам из чудесных стран, представления о которых совершенно отделены в нашем сознании от таких «земных материй», как дипломатические отношения, торговые балансы и войны. Они живут своей жизнью в том светлом мире нашего воображения, где мы отдыхаем по-настоящему.

Название этой книги — «Золотые персики Самарканда» — было выбрано потому, что оно напоминает одновременно о многом: и о золотых яблоках Гесперид, и о персиках бессмертия, которые китайская легенда помещает далеко на Западе, и о «Золотом путешествии в Самарканд» Джеймса Элроя Флекера,

и о мелодии Фридерика Делью «Золотой путь в Самарканд» к пьесе Флекера «Хасан». Но если оставить эти туманные ассоциации с мифами и музыкой, золотые персики существовали и в действительности. Дважды в VII в. диковинные желтые персики посылало в дар китайскому двору Самаркандское царство. «Они были большие, как гусиные яйца, и поскольку их цвет был подобен золоту, их так и называли: золотые персики» [1]. Несколько саженцев деревьев, на которых произрастали эти царственные плоды, были привезены посольским караваном через пустыни Сериндии и выращены в дворцовых садах Чанъани. Теперь можно только гадать, что за сорт персиков это был и каков был их вкус. Заманчивые благодаря своей недоступности золотые персики Самарканда символизировали в Поднебесной империи Тан все экзотическое и желанное, все неведомое и влекущее к себе.

Довольно хорошо известно, каков был вклад танского Китая, его познаний и обычаев, в культуру его соседей на средневековом Дальнем Востоке, особенно Японии, Кореи, Центральной Азии, Тибета и Аннама. От искусства книгопечатания (ксилография) и до стихосложения, от планировки городов и до покроя одежды — самыми разными сторонами своей духовной жизни эти окраинные страны обязаны танской культуре. Знаем мы и о реальных товарах, закупавшихся иноземцами в Китае или вывозившихся за границу самими китайцами: предметы роскоши — шелковые ткани, вина, керамика, изделия из металла, лекарства; разные лакомства — персики, мед, кедровые ⟨?⟩ орехи [2]; и, конечно же, такие носители цивилизации, как классические книги и изысканная живопись [3].

Китай играл также роль культурного посредника, передавая плоды цивилизации стран Запада странам Востока через своих посланцев, таких, как буддийский проповедник Дао-сюань, который в 735 г. вместе с возвращающимся из Китая послом Тадзихино Мабито Хиронари прибыл в Японию в сопровождении индийского брахмана, музыканта из Тяма и персидского лекаря [4]. Предметом многочисленных исследований был и тот вклад, который внесли в культуру самого танского Китая иностранцы, стекавшиеся в большие китайские города с разных сторон. Влияние индийской религии и астрономии, персидских узоров на тканях и изделий из металла, тохаристанской музыки и танцев, тюркской одежды и обычаев — только небольшая часть огромного целого.

Но из каких именно товаров складывался этот конкретный импорт в танский Китай, точно неизвестно; выяснение этого и составляет основное содержание данной книги. Кони, изделия из кожи, меха и оружие — с севера; слоновая кость, древесина редких пород, лекарства и благовония — с юга; ткани, драго-

ценные камни, промышленные минералы и танцовщицы — с запада[5]; ко всему этому разгорелся интерес в танском Китае, особенно в VIII в., и за эти товары он мог себе позволить платить.

Эта книга, несмотря на подобный уклон, не преподнесет читателю ни статистических данных по средневековой торговле, ни заманчивых теорий по поводу системы дани. Как бы ни было вещественно то, что в ней рассматривается, книга задумана как эссе о человеческом в людях. Нет никакого парадокса или откровения в поисках того, что составляет мир человека, его суть, через самое плотское и осязаемое. «Прошлое,— писал М. Пруст в своем романе „По направлению к Свану",— схоронено за пределами его ведения, в области, недостижимой для ума, в каком-нибудь материальном предмете (в ощущении, которое вызвал бы у нас этот материальный предмет), где мы никак не предполагали его найти». Какаду с острова Целебес (Сулавеси), собачка из Самарканда, диковинная книга из Магадхи, сильнодействующее снадобье из Чампапуры — каждая такая вещь по-своему захватывала китайское воображение, изменяла танский образ жизни и неизбежно находила отражение в стихах, в указе, в новелле или в докладе трону. И в каком-нибудь из этих жанров экзотический предмет находил свою новую и продолжительную жизнь, превращаясь со временем — даже после его физического исчезновения — в некий идеальный образ. Он получал при этом реальность, как ее понимал Платон, реальность, которой у предмета не было, когда он впервые появился на границе Китая, лишенный духовных одежд, утратив на этом пути бóльшую часть представлений и ассоциаций, некогда связанных с предметом на его родине. Так, какаду, что бы он ни олицетворял на Зондских островах, стал зримым символом мудрости, собачка — в сказках и на картинках — радовала детские сердца, сутра своим «отталкивающим» письмом сперва поражала изучавших ее, а снадобье, примешанное к вину, придавало ему новый привкус и становилось для знатоков необходимым ингредиентом напитка.

Именно из таких соображений эта книга названа «Золотые персики Самарканда». Хотя эти плоды и существовали некогда как «реальность», они превратились в предметы мифические, жизнь которых продолжалась в форме литературного образа, метафоры. Словом, они уже в гораздо большей мере принадлежали миру представлений, миру воображаемому, чем миру вещественному, физическому.

* * *

Занимающие важное место в книге термины и понятия, которые могли бы оказаться трудными для неспециалиста, пришлось пояснить в нижеследующих замечаниях, общих для всей книги.

Поэзия. При переводе стихотворений и поэтических отрывков я предпочитал впасть в грех буквального следования языку оригинала (даже если сохранение непривычной образности несколько затемняло смысл), но не прибегать к пересказу ради достижения поэтического изящества и приближения к знакомым для нас образам.

Старое произношение. При передаче некитайских средневековых географических наименований, названий вещей и имен собственных я обычно пользовался гипотетической, но достаточно надежной реконструкцией старого произношения, основанной на труде Бернарда Карлгрена, хотя диакритические и фонетические знаки затрудняют чтение (иногда я самочинно упрощал их). Перед такими реконструированными словами стоит звездочка. Важно помнить, что конечное *-t* в среднекитайском часто передает чужое *-r* или *-l*. Так, слово **myrrh* передается как **muət*. Общепринятое «мандаринское» произношение (т. е. стандартное произношение современного китайского языка), которым пользуются многие исследователи, не дает никакого или почти никакого представления о фонетическом облике этих старых заимствований. Применять такую неудачную транскрипцию все равно что писать Г. Ю. Царь вместо Гай Юлий Цезарь. Например, древнекамбоджийское название народа, населявшего побережье Сиамского залива до прихода туда камбоджийцев,— *bnam* «гора», поскольку считалось, что цари этой страны — богоподобные существа — правили, восседая на вершине священной горы мироздания [6]. От *bnam* происходит и современное *pnom* в названии столицы Камбоджи Пномпень. В танскую эпоху это название передавалось как **b'iu-nâ̭m*, но не так легко опознать это же самое слово в современном китайском Фунань.

Археология. Названия Дуньхуан и Сёсоин будут часто встречаться на страницах этой книги. Они связаны с главными собраниями памятников танской эпохи, дошедших до наших дней. Дуньхуан — пограничный город в провинции Ганьсу, во времена династии Тан именовавшийся Шачжоу. В начале XX в. там была обнаружена спрятанная в древности библиотека. Большое число средневековых рукописей и свитков с живописью, найденных в этом тайнике, было вывезено сэром Аурелом Стейном в Британский музей и профессором Полем Пельо в Национальную библиотеку, где они теперь доступны для изу-

чения. Сёсоин — это средневековое хранилище при буддийском храме Тодайдзи в городе Нара, близ Киото (Япония). В нем собраны самые различные предметы большой ценности со всей Азии, и в особенности из танского Китая. Некоторые японские ученые, правда, считают эти вещи (или какую-то часть этих вещей) местными изделиями; в любом случае они обычно настолько сходны с известными нам танскими изделиями, что могут быть определены если не как танские, то как «псевдотанские».

Термины «древний» и «средневековый». Когда идет речь о Китае, термин «средневековый» в этой книге служит для обозначения примерно того же периода времени, который обозначается этим термином применительно к истории Европы. Слово «древний» в моем употреблении почти синонимично понятию «античный», «классический» и относится главным образом ко времени династии Хань наряду с последним периодом династии Чжоу. Термин «архаический» обозначает период династии Шан и ранний период Чжоу. К сожалению, по традициям китайской филологии обозначение «древнекитайский» относится к произношению танской эпохи, которое я называю «средневековым китайским», а принятый филологами термин «архаический китайский» относится к языку, который я называю «древнекитайским» или «классическим китайским». **Muət*, *myrrh*, если пользоваться «профессиональным» языком филологов,— это «древнекитайское» слово, но, по существу, это его средневековая форма, бытовавшая в танскую эпоху. Я старался во избежание путаницы не употреблять этих чисто лингвистических обозначений.

Сюань-цзун. Если не обращать внимания на различия «тона» при произнесении слова «сюань», то оказывается, что два танских монарха обладали этим посмертным титулом, под которым они и вошли в историю. Но из них гораздо более известен тот, чье продолжительное и прославленное правление приходится на VIII в. Его иногда называют также Мин-хуан («просвещенный государь»). Он и госпожа Ян, его Драгоценная Супруга (Гуй-фэй), часто упоминаются в этой книге. Другой же Сюань-цзун удостоился меньшей славы, хотя и был неплохим правителем в трудные для Китая годы IX в. Чтобы как-то различать их, я принял для обозначения императора, правившего в IX в., написание Сюань-цзун II.

Рокшан. Ставшее легендарным имя этого вполне реального мятежника времен Сюань-цзуна сейчас известно главным образом в стандартном произношении, хотя оно и не является китайским. Его осовремененная форма — Ань Лу-шань. Я же всюду буду называть его Рокшаном, следуя реконструкции звучания его имени, предложенной профессором Э. Дж. Пулли-

бланком. Иранское имя Роксана состоит в очень тесном родстве с именем Рокшан, под которым он и был известен своим современникам.

Варвары ху. В танскую эпоху люди и товары из многих чужеземных стран обозначались как ху, хуские. В древности этот эпитет прилагался главным образом к северным соседям Китая, но в средние века (в том числе и во времена Тан) он служил преимущественно для обозначения всего западного (и особенно иранского), хотя иногда употреблялся также в применении к индийцам, арабам и византийцам. В санскрите эквивалентом этого термина служило слово *sulī* от *Śūlika,* в свою очередь восходящее к *Suγδik = «согдийский», но с расширительным значением «иранский» [7]. Я часто перевожу «ху» просто как «западный» или «человек с Запада».

Варвары мань. «Мань» служило названием некитайских народов южной границы империи Тан, а также аборигенов земель, которые стали территорией Китая. Это название прилагалось также к некоторым индокитайским племенам, не поддающимся в наши дни идентификации.

Линнань. Крупная область Линнань на юге Китая почти точно совпадает с современными провинциями Гуандун и Гуанси. Этим названием я широко пользуюсь.

Аннам. Аннам переводится как «спокойный Юг» или «умиротворенный Юг». Этим довольно-таки «империалистическим» термином обозначался танский «протекторат» в Тонкине, или в Северном Вьетнаме, расположенный непосредственно к югу от Линнаня и к северу от Тямпы.

Чинрап. Камбоджийцы, заселившие Бнам (Фунань), носили название «чжэньла» (в современном стандартном произношении), этимология которого была остроумно раскрыта профессором Пельо [8] как **chinrap* «покоренный китайцами» наподобие современного названия города Сиемрэп — «покоренный сиамцами».

Ходжо. Крупный танский гарнизон в Турфане официально именовался Сичжоу — «остров на Западе», но для многих народов в Западном крае он был Чинангкант — «город китайцев» [9]. Сами китайцы называли этот город Гаочан. От китайского произошло его местное название Ходжо, которое я преимущественно и употребляю.

Сериндия. Огромное пространство между танским Китаем и Трансоксианой (междуречьем Амударьи и Сырдарьи) обозначают по-разному: Китайский Туркестан, Восточный Туркестан, Бассейн Тарима, Центральная Азия, Синьцзян. В книге я называю его Сериндия, используя название, предложенное сэром Аурелом Стейном.

 Рим *[9]. Восточную Римскую империю, о которой до тан-

ского Китая доходили кое-какие сведения, там называли одним из искаженных вариантов термина «Ром», пришедшего из какого-то восточного языка в форме «Хром». Я пользовался этим термином, но иногда употреблял и «Рум» и «Ром». Современное произношение старой китайской транскрипции — Фулинь — настолько далеко от танского, что пришлось совершенно отказаться от его употребления, нарушив и в этом случае священные для специалистов традиции.

Чжоу. Танская империя подразделялась на удобные для управления административные единицы, называвшиеся *чжоу* «округ» и очень похожие на наши округа. Одно из значений слова *чжоу* «земля, окруженная водой», т. е. «остров», «континент». Известный миф повествует о том, как герой Юй отвел воды великого наводнения и основал девять первозданных *чжоу* — возвышенных мест, на которых люди могли жить. Это были самые первые округа в Китае. Термин *чжоу* оставался в употреблении в течение многих столетий, обозначая территориальные единицы разной величины. Можно было бы переводить это слово как «остров-провинция» или даже просто «остров»; это, во всяком случае, не удивило бы ни англичанина, для которого Isle of Ely ‹«остров Эли»› — такое же обозначение административного округа, как и графство Эссекс или Кембриджшир, ни француза, для которого Иль-де-Франс ‹Île de France — «французский остров»› — только территориальная единица. Но я, как правило, писал Чучжоу или Лунчжоу вместо «остров Чу» или «остров Лун».

Сы. Согласно традиции первое буддийское святилище в Китае в ханьское время размещалось в правительственном казенном здании, называвшемся *сы*. С этого времени все буддийские монастыри и культовые сооружения («храмы», если понимать под этим словом многочисленные здания, галереи и сады, соединенные в одном большом комплексе) назывались *сы*. Я переводил *сы* как «святилище», «святилище-храм» или «кумирня». В танское время название *сы* продолжали носить и некоторые государственные учреждения.

Растения. Отождествления растений в этой книге выполнены преимущественно с помощью трудов Д. Стюарта (Стюарт 1911), Б. Рида (Рид 1936) и И. Бэркила (Бэркил 1935).

Богатство твое и товары твои, все склады твои, корабельщики твои и кормчие твои...
Когда приходили с морей товары твои, ты насыщал многие народы; множеством богатства твоего и торговлею твоею обогащал царей земли.

Книга пророка Иезекииля, 27, 27, 33

ГЛАВА I

ПРОСЛАВЛЕННАЯ ИМПЕРИЯ ТАН

Историческая канва

Наше повествование — об империи Тан, во главе которой стояли государи из семейства Ли, славившейся в средние века по всей Азии и доныне еще знаменитой на Дальнем Востоке. Если окинуть историю Тан беглым взглядом, то окажется, что три века официального существования империи не были похожи один на другой. Мы должны будем как-то разделить их, наметив хронологический костяк, который будет обрастать плотью нашего повествования, но при этом отдавать себе отчет в том, что сооружение наше возникает в результате отбора: в него попадает слишком много сведений о том, что изменялось радикально, и слишком мало о том, что оставалось прежним или изменялось лишь слегка. К счастью, так как нас интересуют преимущественно ремесла и торговля, мы можем избрать простое хронологическое деление, в целом соответствующее векам. С фактами такое членение согласуется совсем неплохо.

Седьмой век для Китая был столетием завоеваний и колонизации. Сперва семейство Ли свергло правившую Китаем династию Суй и расправилось с другими столь же честолюбивыми претендентами на трон. Затем были подчинены восточные тюрки (на территории современной Монголии), государства Когурё и Пэкче (ныне Маньчжурия и Корея) и, наконец, западные тюрки, владетели прежних городов-государств Сериндии (т. е. Восточного Туркестана)[1]. Китайские гарнизоны, размещенные на завоеванных землях, обеспечивали постоянный приток оттуда в Китай людей и товаров. Почти на всем протяжении это было столетие низких цен и экономической устойчивости, которая стала возможной благодаря раздачам земельных наделов крестьянам и установлению новой системы твердых налогов — знаменитого тройного обложения, которое состояло из налога зерном, вносившегося каждым взрослым мужчиной, семейного налога, взимавшегося с каждого хозяйства шелковыми тканями или льняным полотном (их ткали женщины; частично этот

налог выплачивали также шелком-сырцом или коноплей), и отработок, когда опять-таки мужской состав семьи нес трудовую повинность на общественных работах [2]. Это было столетие подвижности, когда переселенцы в огромных количествах двигались в области, составляющие современный Центральный и Южный Китай. Их влекла на эти неустроенные земли не только надежда на удачу и, может быть, богатство, но и стремление избежать призывов на военную службу, наводнений и набегов варваров [3]. Это был век социальных перемен, на протяжении которого новая провинциальная знать из южных областей Китая — с помощью системы государственных экзаменов — сложилась в политическую силу, противостоящую старинной знати северных областей Китая с ее традиционными связями с тюркской культурой. Эти сдвиги достигли высшей точки в последних десятилетиях VII в. — во времена императрицы У и ее недолговечной империи Чжоу [4]. Это был век широкого проникновения индийской культуры, когда буддийская философия вместе с достижениями индийской науки в астрономии, математике, медицине и филологии пронизывала высшие слои китайского общества. И, наконец, это был век, когда вкус ко всякого рода иноземной роскоши и диковинам и мода на них из придворных кругов начали проникать в широкие слои городского населения.

Восьмой век литературоведы обычно подразделяют на два периода: до 765 г.— «расцвет Тан» (времена Ду Фу, Ли Бо, Ван Вэя), затем «среднетанский период», длившийся до второго десятилетия IX в., когда общество, постепенно оправляясь после многочисленных бедствий, достигает нового подъема и происходит настоящее возрождение литературы (Хань Юй, Бо Цзюй-и, Лю Цзун-юань) [5]. Значительные перемены наступают после середины столетия, и справедливо, что этот век делится на две равные части: первая — время наивысшего взлета и великолепия, вторая — оздоровления и странностей. Первая из этих двух половин, «расцвет Тан», связана с блистательным царствованием Сюань-цзуна — длительной эпохой благосостояния, безмятежной жизни и дешевизны, когда «не было в Поднебесной ничего, что стоило бы слишком дорого» [6], когда каждый мог «...посетить Цзин и Сян на юге, поехать в Тайюань, или Фаньян на севере или отправиться в Сычуань или Лянфу на западе, и повсюду были лавки и склады для странствующих купцов. Отправляйся они хоть за несколько тысяч ли, им не надо было заботиться даже о крошечной былинке»[7]. На безопасных дорогах путешественникам предоставляли лошадей и мулов [8], а сложная система каналов, созданная, чтобы обеспечить перевозки податного шелка из устья Янцзы в столицу, была в это время настолько улучшена, что могла служить и для доставки предметов роскоши из чужеземных стран [9]. Отличные

наземные и водные пути благоприятствовали развитию торговли с заморскими странами, равно как и перемена во вкусах молодого императора Сюань-цзуна, который в начале своего правления предал огню у себя во дворце целую груду изделий из драгоценных металлов и камней, чтобы выказать свое презрение к дорогим безделушкам. Но несколько лет спустя, соблазненный рассказами о богатствах из-за границы, притекавших в Гуанчжоу (Кантон), император пристрастился к дорогим привозным вещам и начал ревностно следить за состоянием торговли с иноземцами [10]. Прежний натуральный обмен, при котором кусок тафты служил обычной мерой стоимости и мог быть использован для покупки чего угодно — от верблюда до земельного участка [11], все больше сдавал свои позиции. В 731 г. он окончательно уступил место официально признанному денежному хозяйству, возникшему в результате невиданного ранее экономического расцвета, особенно в таких центрах торговли, как Янчжоу или Гуанчжоу [12]. Деньги сыграли роль смазочного масла для всей коммерческой машины, послужив во благо набирающему силу купечеству. Оказался неминуемым пересмотр налоговой системы VII в.: в 780 г. была проведена реформа и стала действовать система «двойного налога», заменившая натуральные и трудовую повинности денежными платежами раз в полгода. Эта перемена была вызвана становлением денежного хозяйства и очень укрепила позиции торгового сословия [13]. Нововведения в финансах повлекли за собой не только расцвет деловой жизни и предпринимательства, но и крах мелкого независимого крестьянства, исчезновение мелких наделов, пожалованных после прихода династии к власти. Поэтому VIII век со второй его половины был эпохой, когда безземельные бедняки и злосчастные арендаторы, заменив собой свободное крестьянство, противостояли состоятельным землевладельцам и крупным помещикам. К этому привели войны, «отработки» и гнет налогов [14].

Правление Сюань-цзуна было временем торжества нового сословия образованных людей, примером чего может служить небывалая карьера государственного деятеля Чжан Цзю-лина, уроженца Южного Китая, противника политиканов — военных и аристократов, друга южан и торговцев. Но на протяжении того же царствования решающую победу одерживают привилегированные сословия; при этом диктаторство Ли Линь-фу находило поддержку в уповании монарха на твердую государственную власть [15]. После смерти Ли Линь-фу один из его сподвижников, по имени Рокшан (Светлый) [16], поощряемый «чистокровными» китайскими родами в провинции Хэбэй, выступил против новоиспеченного правительства, привел своих бывалых солдат с северо-восточной границы в долину Желтой

реки и разграбил обе столицы[17]. Таким образом, вторая половина VIII в. была и эпохой разрушений и смертей, резкого сокращения населения[18]. Вместе с тем это было и столетие значительных изменений на границах Китая: войска нового государства Наньчжао (позднее — провинция Юньнань) проложили прямой путь на запад — в Индию и Бирму — и не собирались отказываться от своей независимости. На северо-западной границе в середине VIII столетия набрали силу тюрки-уйгуры, превратившиеся в надменных друзей и соперников Китая. В Маньчжурии разветвившееся племя киданей, еще не ставшее — как это произошло через два столетия — серьезной угрозой для Китая, истощало силы китайских гарнизонов. Тибетцы разбойничали на торговых дорогах из Китая на Запад, пока не были подавлены выдающимся полководцем Гао Сяньчжи, корейцем по происхождению. Но в 751 г. этому воителю, в свою очередь, довелось увидеть на реке Талас собственное войско обратившимся в бегство под натиском аббасидских отрядов. Средняя Азия оказалась в руках арабов, все чаще приходивших после этого в соприкосновение с Китаем; их отряды оказали помощь китайскому правительству в подавлении мятежа Рокшана (Светлого), а несколькими годами позднее арабские пираты принимают участие в разграблении Гуанчжоу[19]. Это было столетие терпимости к иноземным верованиям, когда буддисты разных толков, сирийцы-несториане и уйгуры-манихеи свободно отправляли свои службы и пели молитвы в своих собственных святилищах, построенных в городах Китая и находившихся под защитой правительства.

Культурное и экономическое оживление страны, последовавшее за опустошительным нашествием на северные области удачливого мятежника Рокшана, завершилось на протяжении двух первых десятилетий IX в. С точки зрения наших интересов это столетие начинается около 820 г. и заканчивается в 907 г., вместе с концом танской династии. За дефляцией, последовавшей вслед за провозглашением закона о «двойном налоге», происходит постепенный рост цен, начавшийся в третьем десятилетии этого тяжелого века. Стихийные бедствия (вроде засухи или нашествий саранчи) и бедствия, которые были делом рук человеческих, вызвали всеобщие лишения и нехватку самых насущных товаров, не говоря уже о дорогостоящих привозных вещах[20]. Самым тяжелым потрясением, причиненным стране руками людей в IX в., было восстание Хуан Чао, опустошившее всю страну в 70—80-х годах; особенно гибельный урон экономике Китая нанесло избиение иностранных купцов в Гуанчжоу, учиненное Хуан Чао в 879 г., после которого нарушились международные торговые связи и прекратилось поступление доходов в страну от торговли с иноземцами[21]. Это

было столетие ослабления китайской власти в землях, ранее зависевших от Тан и плативших ей дань, столетие, на протяжении которого у Китая появились новые соперники на международной арене. Народ Наньчжао посягнул на издавна установленный Китаем контроль над Вьетнамом [22], а киргизы покорили могущественных и коварных уйгуров. После ослабления уйгуров манихейство — их религия — оказалось совершенно беззащитным в Китае. В 845 г. манихейство вместе с буддизмом сильно пострадали во время великих гонений на иноземные религии, направленных на то, чтобы лишить духовенство льгот при обложении налогами и переплавить на монеты огромное количество священных бронзовых изваяний [23]. Предпринятые из экономических побуждений, эти гонения способствовали, в первую очередь, насаждению злобы и ненависти ко всему иностранному [24]. Это было также столетие, когда могущество государства оказалось безнадежно подорвано «центробежными» силами. Резиденции крупных военачальников в провинциях стали повторением императорского двора в миниатюре. Все это привело к тому, что в X в. правящий дом Ли и созданная им могущественная танская держава перестали существовать.

Иностранцы в танском Китае

За три калейдоскопических века существования танского государства в нем перебывали уроженцы почти всех стран Азии. В эту поразительную страну одних влекло любопытство, других — честолюбие, третьих — погоня за выгодой, а некоторые попадали туда поневоле. Три самые важные категории приезжающих — послы, духовные лица и купцы — преследовали соответственно крупные политические, религиозные и коммерческие интересы. Среди дипломатических посланцев, пожалуй, наиболее видной фигурой был Пероз, сын царя Ездигерда III, последний отпрыск династии Сасанидов, оказавшийся в VII в. на положении жалкого просителя при дворе китайского властелина [25]. Но видел китайский двор множество и менее важных посланцев, также искавших расположения и помощи для только возвышающихся (или, наоборот, уже клонившихся к упадку) династий, которые они представляли. Тут были в изобилии буддисты из Индии, но немало и священнослужителей разных религий из Ирана — маги, для которых в 631 г. заново отстроили маздеистский храм в Чанъани; несториане, которых в 628 г. почтили возведением церкви; манихеи, представившие в 694 г. двору свое необычное учение [26]. Тюркские князьки пытались понять, какими путями приходят сюда драгоценности из Омана, а японские паломники в удивлении разглядывали погонщиков согдийского каравана. Каких только народов и профессий не

было в этом пестром круговороте! И каждый такой путешественник привозил с собой в Китай экзотические вещи — или как посольские подарки, или как товары на продажу, или, наконец, просто как свое личное имущество. А в ответ некоторые, вроде согдийского купца, назначенного наместником Аннама[27], находили здесь почет. Другие наживали богатства, как еврейский купец из Омана, который привез из Китая вазу черного фарфора с золотой крышкой, внутри которой была «золотая рыба с рубиновыми глазами, наполненная мускусом самого лучшего качества. Содержимое вазы стоило пятьдесят тысяч динаров»[28]. Третьи (видимо, более непритязательные) приходили сюда в поисках мудрости, как это произошло со знатными тибетскими юношами, которых отцы послали за правильными истолкованиями китайских классических сочинений[29].

Суда и морские пути

Существовало два пути в Китай: сухопутный — для караванов, морской — для судов. Большие корабли пересекали Индийский океан и моря, омывающие Китай, доставляя снедаемых нетерпением людей из стран Запада на призывно сверкающий Восток. В северной части этого бассейна искусными мореплавателями считались корейцы. В их руках, особенно после разгрома в 60-х годах VII в. царств Пэкче и Когурё государством Силла, оказались сосредоточены все морские перевозки в этом районе. Из страны-победительницы в Китай отправлялись многочисленные посольства, священнослужители и купцы, из побежденных стран в не меньшем количестве — беглецы[30]. Корейские суда шли обычно вдоль северного берега Желтого моря, поворачивая влево у Шаньдунского полуострова. Этот же морской путь был обычным для японских парусников, выходивших из Хидзэна,— во всяком случае, до конца VII в., пока Япония и государство Силла не стали враждовать[31]. В VIII в. японцы были вынуждены, обходя государство Силла, выходить из Нагасаки в открытое море, или держа курс на устье реки Хуай, или направляясь к Янцзы, а то и в залив Ханчжоу[32]. Но в IX в., чтобы избежать таких путешествий, оказывавшихся крайне опасными, японские паломники и дипломаты предпочитали пользоваться более надежными корейскими судами и попадать через Шаньдун в устье реки Хуай или даже отваживались садиться на китайские парусники, причаливавшие не в Янчжоу, а много южнее — в Чжэцзяне или в Фуцзяни[33]. Хотя корабли государства Силла господствовали в этих водах, торговые суда маньчжурского государства Бохай, зависевшего в культурном отношении от Тан, также плавали там[34], а в Дэнчжоу (Шаньдун) даже существовали государственные постоялые дворы для

обслуживания посланцев как из государства Бохай, так и из государства Силла [35]. Но больше всего было корейцев, которые составляли значительное инородное тело в пределах Китая, занимая обширные районы в городах Чучжоу и Ляньшуй, на системе каналов между Янцзы и Желтой рекой, и пользуясь, как и другие иностранцы, некоторыми правами экстерриториальности [36].

Однако бо́льшая часть морской торговли Китая шла через Южно-Китайское море и Индийский океан, завися от сезонных муссонных ветров. Парусники, отчаливавшие из Гуанчжоу, шли под северо-восточным муссоном, если пускались в путь поздней осенью или зимой [37]. Северо-восточный муссон был также благоприятным ветром для отправления из крупных портов Персидского залива, лежавших на тысячи миль к западу от Китая. Еще до того, как торговые суда покидали Гуанчжоу, мусульманские парусники уже были в пути. Если они выходили из Басры или Сирафа в сентябре или в октябре, то оказывались за пределами Персидского залива как раз во время попутного зимнего муссона, гнавшего их через Индийский океан, и могли надеяться захватить в июне буйный юго-западный муссон, который доставил бы их путем, пролегавшим севернее Малайи, через Южно-Китайское море, к цели их путешествия — в Южный Китай. Правило и для тех, кто плыл с востока, и для тех, кто плыл с запада, существовало одно: «к югу — зимой, к северу — летом» [38].

С VII по IX в. Индийский океан был богатым и безопасным бассейном, заполненным парусниками самых разных народов. Аравийское море находилось под контролем мусульман, и когда при Аббасидах столица Халифата была перенесена из Дамаска в Багдад, связанный с Персидским заливом рекой Шатт-эль-араб, торговля с Востоком стала весьма процветающей [39]. Арабский город Басра был ближайшим к Багдаду портом, но большие корабли не могли подниматься до него по реке. Ниже Басры, уже на берегу залива, находился старый порт Убуллах, служивший еще царям Ирана. Но самым богатым городом Персидского залива был Сираф (на восточном побережье, ниже Шираза). Своим процветанием этот город был целиком обязан торговле с Востоком, а его главенство среди портов Персидского залива сохранялось до 977 г., когда Сираф был разрушен землетрясением [40]. Население города состояло главным образом из персов, но были там и арабы — искатели жемчуга, и не боявшиеся риска купцы из Месопотамии и Омана, появлявшиеся, чтобы раздобыть судно для путешествия в Индию и Китай [41]. Упадок Сирафа был бедствием для торговли с Дальним Востоком, которая сократилась еще раньше, после разрушения Басры и Убаллаха в 870 г. восставшими рабами из Африки [42].

Из этих портов отчаливали суда разных народов, но укомплектовывались они персоязычными командами: персидский язык служил lingua franca на Южных морях, точно так же как согдийский — на караванных дорогах Центральной Азии[43]. Прежде чем выйти в Индийский океан, суда обычно заходили в Маскат, порт в Омане, а затем, может быть, отваживались заходить в порты на Синдском побережье, посещавшиеся пиратами, или же следовали прямо на Малабар[44] и оттуда на Цейлон, называвшийся также Львиной страной или Островом рубинов, где торговцы-мореходы закупали драгоценные камни[45]. Отсюда путь лежал на восток, к Никобарским островам, где, вероятно, они выменивали у голых дикарей, подплывавших к кораблям на каноэ, кокосовые орехи или серую амбру. Затем они заходили на полуостров Малакку (видимо, в Кедах) и оттуда через Малаккский пролив в страну золота — Суварнабхуми, «сказочные Индии». В конце концов купеческие корабли поворачивали на север, подгоняемые влажным летним муссоном,— за шелковыми тканями в Ханой или Гуанчжоу, а то и севернее[46].

Морские торговые суда, заполнявшие в танскую эпоху порты Китая, назывались среди китайцев, пораженных их величиной, по-разному: «корабли Южных морей», «корабли западных стран», «корабли варваров-маней», «малайские корабли», «сингалезские корабли», «корабли брахманов» и особо «персидские корабли»[47]. Что же касается китайских судов, то они, вне всяких сомнений, не совершали в это время долгих и опасных путешествий в Сираф. Большие парусники, предназначенные для океанских плаваний, появились в Китае только на несколько столетий позже, при династиях Сун, Юань и в начале Мин[48]. В танскую же эпоху китайские путешественники отправлялись на запад на чужеземных кораблях. Когда арабские авторы IX—X вв. говорят о «китайских судах» в гаванях Персидского залива, они имеют в виду торговые суда, использовавшиеся китайцами, точно так же как мы говорим «китайские клипперы» или «ост-индские корабли». Арабы и персы называли корицу и сандаловое дерево из Индонезии «китайскими» потому, что их привозили из стран, расположенных рядом с Китаем, и, видимо, на судах, принадлежавших китайцам[49]. Точно так же «персидские корабли», о которых писали китайцы, были просто судами, занятыми торговлей между Китаем и Персидским заливом, часто с малайской или тамильской командой[50].

В китайских источниках говорится, что самые крупные парусники, участвовавшие в этой оживленной торговле, были с Цейлона. Их длина составляла двести *чи*, и вмещали они шестьсот-семьсот человек. Многие из них имели спасательные шлюпки и прирученных голубей[51]. Одномачтовые арабские суда,

строившиеся в Персидском заливе, были меньше, имели треугольные паруса, а их корпус, обшитый досками, как у каравелл [52], не скреплялся гвоздями, а связывался пенькой и пропитывался для водонепроницаемости китовым жиром или китайской смолой, которая, застывая, становилась как черный лак [53].

Сухопутные дороги и караваны

Богатства восточных народов стекались в Китай и по суше: с севера и с востока, с юго-запада и с северо-запада, в повозках или на верблюдах, лошадьми или на ослах. Изделия народов Маньчжурии и Кореи шли в Китай через леса и равнины Ляояна, населенные тунгусскими и протомонгольскими племенами, затем достигали побережья Бохайского залива в той крайней точке, где Великая китайская стена заканчивалась, оставляя узкий проход между горами и морем. Здесь существовал поселок, называвшийся Черный Дракон (Лулун), и протекала река Юй, теперь не существующая. Здесь же была китайская пограничная крепость и таможенный пост [54].

Великий шелковый путь, приводивший в Самарканд, Иран и Сирию, начинался от северо-западных границ Китая и шел по краю пустыни Гоби. За Яшмовыми Воротами начинались несколько — на выбор — дорог, но ни одну из них нельзя назвать приятной. Направление караванного пути зачастую можно было определить по человеческим скелетам и костям павших животных. Такой была ужасная дорога от Дуньхуана до Турфана напрямик, пересекавшая Барханы Белого Дракона — соляную пустыню, некогда составлявшую часть дна озера Лобнор. Проводники предпочитали идти дорогой через Иу (Хами) [55], делая по пути к Турфану большой крюк на север [56], так как считалось, что совершенно безлюдные Барханы Белого Дракона населены нечистой силой. От Турфана можно было идти на запад, через земли западных тюрок, севернее Небесных Гор (Тянь-Шань), или повернуть на юго-запад, пройдя южнее этих гор, и проследовать через Кучу и другие оазисы Восточного Туркестана. Кроме того, существовала параллельная дорога из Дуньхуана (Южная дорога) вдоль северной оконечности таинственных гор Куньлунь и далее через Хотан на Памир [57]. Эти дороги были проходимы только благодаря исключительным достоинствам бактрийских (двугорбых) верблюдов, которые могли отыскивать для изнывающих от жажды купцов подземные родники, а также чувствовали приближение смертоносных песчаных бурь:

«Когда приближается такой ветер, лишь старые верблюды чувствуют его заранее. Они сразу же сбиваются в кучу и по-

гружают свои морды в песок. Люди замечают это и тотчас же закрывают рты и носы войлоком. Этот ветер налетает мгновенно и так же внезапно стихает, но если не защитить себя подобным образом, то непременно погибнешь»[58].

Другой сухопутный торговый маршрут — очень старый, но мало использовавшийся до танской эпохи — проходил из Сычуани через современную провинцию Юньнань, на территории Бирмы разделялся на две дороги по страшным ущельям верховьев реки Иравади и затем приводил в Бенгалию. Провинция Юньнань в те времена была областью, населенной «варварами», которых танское правительство безуспешно пыталось покорить. Попытки вновь открыть сообщение с Бирмой по этому старому пути потерпели полный крах в результате возвышения в VIII в. нового государства — Наньчжао, более расположенного не к танскому государству, а к тибетцам, постоянно тревожившим пограничные области Китая. Только после вторжения Наньчжао в Тонкин в 863 г. китайцам удалось подорвать его военное могущество. Но в это время международная торговля Китая пришла в упадок, так что победа эта могла принести уже мало пользы. Одна из этих дорог в Бирме проходила поблизости от копей янтаря в Мьичине, неподалеку от той местности, где уже в новое время добывали пользовавшийся известностью жадеит цвета зимородка. Его тоже отсылали в гранильные мастерские Пекина по старому пути через Юньнань[59].

И, наконец, буддийские паломники иногда пользовались извилистым и трудным путем из Китая в Индию через Тибет, проходившим, как правило, через Непал[60].

Чужеземцы, осевшие в танском Китае

Обратимся теперь к большим и малым городам Китая, в которых сосредоточивались иноземцы, а также к дорогам, по которым они передвигались внутри страны. Начнем с юга. В дотанские времена мореплаватели, достигавшие Южно-Китайского моря, обычно бросали якоря в Тонкине, в районе современного Ханоя. После упрочения династии Тан купцы из Аравии и «Индий» стали направлять свои суда в Гуанчжоу и даже севернее[61]. В это время Цзяочжоу был местом, из которого китайцы осуществляли контроль над приверженными к бетелю жителями Тонкина, а пристанью для судов служил Лунбянь[62]. В VII в., с возвышением роли Гуанчжоу, морская торговля Цзяочжоу пришла в упадок, но никогда не затухала полностью. Она даже снова расширилась в середине VIII в. и в последних десятилетиях этого столетия, когда иностранные купцы, избегая вымогательств, ожидавших их в Гуанчжоу со стороны алч-

ных чиновников и торговых агентов, предпочитали идти в Цзяочжоу[63].

Но среди всех городов Юга, в которые стекались иноземные торговцы, не было города более процветающего, чем Гуанчжоу — крупный порт, называвшийся у арабов Ханфу, а у индийцев — Чина[64]. Гуанчжоу был тогда пограничным городом, на краю необжитых тропиков, населенных дикарями и страшными животными, зараженных опасными болезнями. Приятная сторона такого расположения порта состояла в изобилии апельсинов, бананов, баньяна и орехов личжи. За время правления танских императоров он превратился в чисто китайский город, несмотря на то что большую часть его двухсоттысячного населения составляли «варвары»[65]. При всех своих богатствах Гуанчжоу выглядел неказисто: тройная стена окружала скопление деревянных домиков с соломенными крышами, которые не раз сметались опустошительными пожарами, пока в 806 г. просвещенный градоначальник не приказал жителям делать крыши из черепицы[66]. У причалов этого яркого и немного иллюзорного города стояли «суда брахманов, персов и малайцев, сколько — и не счесть, все нагруженные благовониями и пряностями, разными лекарствами, редкими и дорогими вещами, и тюки на них возвышались, как холмы»[67]. Смуглые иноземцы в обмен на свои почти легендарные снадобья и на душистую древесину тропических пород получали здесь тюки шелка, ящики с фарфором и рабов. Они обогащали китайских дельцов, охотно отказавшихся от комфорта на севере ради прибылей на юге, и обеспечивали высокое положение правителя самого Гуанчжоу и прилегающей области; правитель «носил шесть бунчужных хвостов яка — по бунчуку на каждое свое войско — и могуществом и достоинством не отличался от Сына Неба»[68].

Многие из приезжих селились в иностранном квартале Гуанчжоу, расположенном по повелению императора в стороне, к югу от реки, для удобства многочисленных представителей разных стран и народов, которым приходилось оставаться в городе для ведения дел или в ожидании благоприятного ветра. Они управлялись специально назначавшимся старейшиной и пользовались некоторым правом экстерриториальности[69]. Здесь купцы из цивилизованных стран, вроде арабов или сингалезцев, вплотную сталкивались с торговцами более отсталых народов, например «белых варваров маней» или «красных варваров маней»[70]. Правоверные буддисты из Индии, в монастырях которых существовали пруды, украшенные благоухающими голубыми лотосами[71], находились рядом с мусульманскими еретиками — шиитами, бежавшими от гонений в Хорасане и воздвигшими свою собственную мечеть на Дальнем Востоке[72]. Словом, здесь, в Гуанчжоу, иностранцы самых разных кровей и китайцы

со всех концов страны ежедневно по полуденному сигналу барабанов толпами заполняли огромный рынок, хитрили на складах, торговались в лавках, а на закате барабаны призывали их разойтись по своим кварталам или — в некоторых случаях — еще громче торговаться на своих необычных наречиях во время ночных торгов [73].

Пестрая история этого преуспевающего города переполнена и убийствами, и пиратскими набегами, и хищениями продажных чиновников. И поскольку пороки пускали корни все глубже, одно зло порождало другое. Так, к примеру, капитан малайского грузового судна убил правителя Лу Юань-жуя, который, злоупотребив своим положением, обобрал капитана. Это произошло в 684 г., т. е. во времена во всех остальных отношениях совершенно безмятежные. Центральное правительство сразу прислало вместо негодяя порядочного человека [74], но и в последующие годы находилось немало других вельмож в шелках, охотно отказывавшихся от веселья столичной жизни, чтобы за счет несчастных купцов полностью вознаградить себя за все неудобства провинциальной жизни. В начале VIII в., именно с целью установить в Гуанчжоу хоть какой-то порядок и повиновение, а также чтобы гарантировать правительству получение причитающихся ему доходов, а двору — предметов роскоши, была введена важная и порой весьма прибыльная должность «ревизора торговых судов», своего рода таможенного начальника в этом трудном для контроля портовом городе [75]. В какой-то мере это было сделано по настоянию обобранных иностранцев, обращавшихся с жалобами к императору [76]. Но не только от китайцев приходилось страдать городу: в 758 г. он подвергся набегу шайки, состоявшей из арабов и персов. Они изгнали правителя, разграбили склады, сожгли постройки и ушли морем, видимо, в пиратскую гавань на острове Хайнань [77]; разрушения вывели из строя порт на полвека, на протяжении которого иностранные суда шли в Ханой [78].

Еще одним бедствием, немало досаждавшим этой сокровищнице на границе Китая, стало появившееся во второй половине VIII в. обыкновение назначать евнухов из императорского дворца на ответственный пост «ревизора торговых судов». Такая практика приводила к злоупотреблениям, вызванным вмешательством в торговые дела этих надменных сановников, что деликатно именовалось тогда «дворцовые торги» [79]. В 763 г. один из таких высокопоставленных негодяев дошел до того, что восстал против трона. Только с большим трудом удалось справиться с мятежным евнухом, а торговля тем временем, по существу, прекратилась, остановился приток предметов роскоши, направлявшихся оттуда на север. Поэт Ду Фу так пишет об этом времени в двух своих стихотворениях:

О жемчуге светлом из Южных морей
давно уже все замолчали,
О перьях зеленых на платье юэском
и слухов теперь не бывает [80].

И еще:

...теперь не привозят живых носорогов,
а перья зеленые — редко [81].

Самый честный правитель (подобный Ли Мяню, который начиная с 769 г. три года управлял портом без незаконных поборов со злополучных купцов, так что под его руководством оборот морской торговли возрос в десять раз) [82] не мог удержать от злоупотреблений должностных лиц более низкого ранга [83]. Зато если являлся крупный грабитель в одеждах чиновника, то он мог присвоить в тысячу раз больше, чем мелкие разбойники. Так, в последние годы VIII в. некто Ван Э, собирая пошлины и для государства, и в свою пользу, без конца посылал на север, своей семье, ящики со слоновой костью и жемчугом; в результате его личное состояние превзошло общественную казну [84]. Постоянные жестокие притеснения купцов привели к тому, что какая-то часть торговых операций оказалась перенесенной из Гуанчжоу на юг, в Цзяочжоу, и на север, в порт Хайян (округ Чаочжоу) [85]. Но тем не менее жизнь города и его процветание не могли быть нарушены навсегда: в первых десятилетиях IX в. Гуанчжоу везло на честных и просвещенных правителей [86] и дела шли хорошо. Так продолжалось до последней четверти IX в., когда начались предсмертные судороги династии. В 879 г. предводитель мятежников Хуан Чао ограбил город, перебил купцов-иностранцев и уничтожил тутовые рощи, кормившие червей-шелкопрядов — источник сырья для главной отрасли китайского экспорта. Все это вызвало глубокий упадок благосостояния и престижа города, от которого, несмотря на кратковременное оживление в конце IX в., Гуанчжоу никогда не смог оправиться полностью [87]. Во времена империи Сун корабли все чаще и чаще стали поворачивать из Южно-Китайского моря к портам Фуцзяни и Чжэцзяна. Гуанчжоу, хотя и оставался значительным портом, навсегда утратил свою монополию на торговлю с Западом.

Индийский монах, посол с острова Ява или купец из Тяма, если они хотели отправиться из Гуанчжоу на север — в сказочную столицу Китая или в какой-либо иной крупный город, могли выбирать между двумя путями, чтобы пересечь горы, преграждавшие путь на север. Одна дорога шла строго в северном направлении по реке Чжэнь (теперь она называется Северная река), пока не достигала Шаочжоу, откуда надо было

повернуть на северо-восток, пройти через Горный Перевал Сливовых Деревьев ⟨Мэйлин⟩ [88] и спуститься в долину реки Гань, по которой можно легко проследовать через современную провинцию Цзянси, через Хунчжоу, где встречалось много персов [89], и попасть на великую Янцзы — Длинную реку. Таким путем достигали торгового города Янчжоу или добирались до других пунктов в самом сердце Китая. Этот путь через перевал в начале танской эпохи не справлялся с сильно возросшими торговыми перевозками и передвижениями. Поэтому великий министр Чжан Цзю-лин, сам южанин по происхождению, выдвинувшийся из «низов» и симпатизировавший торгово-ремесленным сословиям, решил построить большую новую дорогу через перевал, чтобы способствовать увеличению морской торговли и развитию Гуанчжоу. Этот великий труд был завершен в 716 г. [90].

Другой путь из Гуанчжоу на север — очень старый, но которым пользовались реже,— шел в северо-западном направлении вверх по реке Гуй⟨цзян⟩ (Коричная река; от *гуй* — китайская разновидность корицы) через восточную часть современной провинции Гуанси до истока этой реки на плоскогорье, имеющем высоту менее тысячи *чи*. С этого же нагорья берет начало другая крупная река — Сян, следуя по которой на север, через Таньчжоу (Чанша) в провинции Хунань, попадали на изобилующие водными артериями равнины Центрального Китая. В верхнем течении река Сян называлась рекой Ли, а ее исток был соединен с истоком реки Гуй древним (уже в танское время в нем нельзя было узнать искусственное сооружение) каналом, так что истоки рек — той, что текла на север, и той, что текла на юг,— составили теперь как бы одно целое. Поэтому для маленьких лодок оказывался возможным непрерывный путь от Гуанчжоу до больших водных магистралей Центрального и Северного Китая — вплоть до путешествия прямо в столицу [91].

Оба эти маршрута упоминаются в четверостишии Ли Цюнь-юя, поэта IX в.:

Прежде я задержался на речке Гуйцзян:
затопил берега ее дождь,
А потом не прошел перевала Мэйлин:
преградил мне дорогу обвал [92].

Какой бы из этих двух путей ни выбирал путешественник, он попадал затем на большие озера к югу от Янцзы, по которым без особых затруднений можно было проследовать к месту назначения под парусом, на веслах, с шестами или — с конца VIII в. — даже используя гребные колеса [93]. Обычно целью та-

2 Заказ № 2366

кого путешествия был город Янчжоу, славившийся своим великолепием.

В VIII в. Янчжоу был жемчужиной Китая. Люди мечтали с честью завершить свои дни, умерев в этом городе[94]. Богатствами и красотой город был обязан своему расположению у места слияния реки Янцзы, вбиравшей в себя все реки центральных областей Китая, с Великим каналом (китайцы называют его Рекой Перевозок), по которому изделия со всего света доставлялись в большие города Северного Китая. Не случайно здесь находилась резиденция императорского чиновника, ведавшего государственной монополией на соль,— очень важной фигуры. Купцы из стран Азии собирались здесь, на большом и оживленном перекрестке всей сети водных путей танского Китая, откуда все товары, привозившиеся китайскими и иностранными судами, направлялись по каналам на север[95]. Жители Янчжоу разбогатели благодаря центральному месту, которое их город занимал в распределении по стране соли (она была нужна всем), чая (он в это время как раз стал входить в моду на севере Китая), драгоценных камней, благовоний и лекарств, привозившихся из Гуанчжоу, а также дорогих узорных тканей и гобеленов, доставлявшихся по Янцзы из Сычуани[96]. Кроме того, Янчжоу был центром банковских операций и торговли золотом в стране, так что банкиры играли в его жизни не менее важную роль, чем купцы. Словом, это был шумный деловой город, где деньги текли рекой[97]. Но Янчжоу был и ремесленным центром, славившимся своими прекрасными изделиями из металла, особенно бронзовыми зеркалами, своими войлочными шляпами, модными среди молодых людей Чанъани, своими шелковыми изделиями, парчой и тонким полотном из волокна рами, своим очищенным сахаром, производившимся здесь с VII в. по способу, заимствованному из Магадхи, своими верфями и превосходными изделиями столяров[98]. Это был веселый город нарядных людей, в котором всегда устраивались лучшие представления, город парков и садов — настоящая Венеция, пересеченная водными магистралями, так что лодок здесь было больше, чем экипажей[99]. Это был город, который жил и после заката — при свете луны и фонарей, город песен и танцев, город куртизанок. «Янчжоу — город первый, а я — второй»,— говорилось в эпиграмме о городе Чэнду (Сычуань), прочная слава об изысканности и блестящем легкомыслии которого, равно как и его постоянном процветании, потускнела с расцветом Янчжоу[100].

Вполне естественно, что иностранные купцы заводили здесь свои лавки[101]. Известно, что число их было весьма значительным: толпы мятежников во главе с Тянь Шэнь-гуном убили несколько тысяч арабских и персидских предпринимателей,

когда в 760 г. разграбили Янчжоу[102]. Несмотря на разгром, город сохранял свои богатства и блеск до последних десятилетий IX в., когда был опустошен двумя соперничавшими главарями, Би Ши-до и Сунь Жу,— шакалами, которые следовали по следу крупного тигра Хуан Чао. Прежняя слава Янчжоу была частично восстановлена царством У, новым государством, возникшим на развалинах танской империи в начале X в. Но в середине X в. город был снова разрушен — на этот раз северным царством Чжоу, напавшим на государство Южное Тан, преемника царства У[103]. Запустение, в котором город Янчжоу находился в начале сунского периода, становилось еще более тяжким в результате политики императоров новой династии, поддерживавших развитие торговли, перевозок и финансов в местечке Янцзы, позднее получившем название Чжэньчжоу. Оно находилось ближе к Длинной реке (Янцзы), чем Янчжоу, и оттуда изделия направлялись в другие пункты[104]. Хун Май, писавший в XII в., высказывает недоумение по поводу восторга, выражавшегося поэтами VIII—IX вв. в отношении Янчжоу: в его дни этот город мог только «бить в нос зловонием»[105].

Возвышение Янчжоу (вместе с повышением роли Великого канала) было делом рук императоров династей Суй, но подлинный расцвет и самого города, и канала приходится на VIII в. При том небывалом росте и населения и благосостояния, которое Китай переживал в это время, поля, орошавшиеся Желтой рекой, оказались не в состоянии прокормить две столицы и остальные города Северного Китая, хлеб пришлось ввозить туда из района Янцзы. Новые требования, предъявленные временем, создали непредвиденную перегрузку старой системы каналов. Выход был найден в 734 г.: вдоль всего пути от Янчжоу до Чанъани, в наиболее «узких» местах, были построены амбары для зерна, где хлеб мог должным образом храниться до тех пор, пока транспортные магистрали не разгружались настолько, чтобы обеспечить его дальнейшую перевозку к пункту назначения. Это предотвращало задержки и «пробки» в пути, а также порчу зерна и хищения, позволяя не спеша перевозить рис и просо на судах подходящих габаритов. Таким образом был организован постоянный приток зерна на север. В то же время новая система организации перевозок позволила исподволь (или по крайней мере без широкой огласки) использовать лодки и водные пути для перевозок с далекого юга страны предметов роскоши во всевозрастающих количествах[106]: слоновая кость, черепаховые панцири и сандаловое дерево грузились теперь на баржи, предназначенные первоначально для доставки мешков с зерном.

Путешественник (ничего не ведая, как и капитан такой баржи, об этих серьезных экономических проблемах) мог, поки-

нув Янчжоу, проследовать по Реке Перевозок (если он не предпочитал ехать верхом или в повозке) на север и на запад, дивясь на большие стаи уток и гусей, вспархивающих с шумом вокруг его лодки[107]. Он должен был проплывать мимо барж соляного управления, сверкающих на солнце, как снег, и, возможно, захотел бы сделать остановку в цветущих городах Суйян и Чэнлю, в каждом из которых были большие фактории иностранцев, особенно персов, или в Бяньчжоу (Кайфэн), где находился храм Священного Огня[108], городе, население которого уже превышало полмиллиона, но слава которого как столицы была еще впереди. Наконец путешественник попадал в древний город Лоян — Восточную столицу империи.

Иностранцы, посещавшие Китай или оседавшие там, тяготели к оживленным торговым городам на юге страны вроде Гуанчжоу или Янчжоу. Но их притягивали и почтенные города Северного Китая, средоточие политической власти, местопребывание знати, где истинный знаток книг или великий воин ценились гораздо больше, чем удачливый купец. Из двух великих столиц Лоян стоял рангом ниже, по количеству населения он тоже был вторым городом империи: в нем жило более миллиона человек[109]. Лоян берег свои священные тысячелетние традиции, не уступая почета и славы даже Чанъани, а духовная атмосфера, пропитывавшая его, была более умеренной и утонченной, чем в его западной сопернице. Лоян, эта «божественная столица»[110] императрицы У, был на пути к тому, чем он стал в XI в. — самым величественным и прекрасным городом Китая. В нем были дворцы, парки и толпы чиновников. Он был известен своими замечательными фруктами и цветами, своей узорной камкой и превосходными шелками, своими керамическими изделиями самого разного рода[111]. Огромная торговая площадь — Южный рынок — занимала два квартала (*фан*), где были сосредоточены 120 базаров-рядов, специализировавшихся на продаже какого-то одного вида изделий, и тысячи отдельных лавок и складов[112]. Для иноземцев, ведших здесь дела, имелись постоянные храмы для иноземных богов, в том числе три храма Священного Огня, что свидетельствует о существовании в Лояне персидской колонии[113].

В 743 г. восточнее Чанъани, Западной столицы, было сооружено искусственное озеро — водоем, предназначенный для перегрузки судов. Житель Северного Китая, привыкший к поговорке «Лодки — на юге, лошади — на севере», мог в тот год с удивлением наблюдать, как со всех концов империи в новое водохранилище собирались лодки, груженные товарами, внесенными как подать или доставленными в качестве дани ко двору. Здесь были алые войлочные попоны с севера, багряные горьковатые мандарины с юга, розовые паласы с шелковой ба-

хромой с востока, малиновые квасцы с запада. Все товары перегружались здесь на баржи, команды которых, по образцу лодочников на Янцзы, были специально одеты в бамбуковые шляпы от дождя, куртки с рукавами и соломенные туфли [114]. Здесь заканчивался долгий водный путь от Гуанчжоу до крупнейшего города того времени.

Со своими без малого двумя миллионами податного населения Чанъань была в десять раз более многолюдным городом, чем Гуанчжоу, расположенный на другом конце этой длинной сети рек и каналов. Пропорционально этому было больше и число иноземцев, живших в столице [115]. Но здесь международная прослойка по своему составу была совсем иной, чем в южном порту. В столице жили главным образом выходцы с севера и с запада — тюрки, уйгуры, тохаристанцы, согдийцы, тогда как Гуанчжоу наполняли жители Тяма, кхмеры, яванцы и сингалезцы. Но, правда, и в Гуанчжоу и в Чанъани жило много арабов, персов и индийцев. В целом иранское население было наиболее многочисленным. Танское правительство даже имело Ведомство сартхаваков (буквально, «погонщиков караванов»), чтобы блюсти их интересы [116].

В Чанъани было два больших рынка — Восточный и Западный, каждый с множеством рядов. Восточный рынок, менее людный, располагался поблизости от особняков знати и чиновников и был сравнительно тихим и богатым. Западный рынок, более простонародный, был крикливым и необузданным (здесь же, кстати, казнили преступников), но и более экзотичным. Каждый ряд, предназначенный только для одного рода товаров, имел своего старосту (*хантоу*) и был окружен складами. По закону требовалось, чтобы каждый такой ряд имел подобие вывески — знак, сообщающий, каким товаром здесь торгуют. Проходя по Западному рынку, где вело торговлю большинство иностранных купцов, можно было последовательно видеть мясной ряд, кузнечный ряд, одежный ряд, шорный ряд, шелковый ряд и лекарственный ряд [117]. С середины VIII в. получила широкое распространение торговля чаем. Эта новая мода пить чай захватила не только китайцев: есть сведения в источниках, что уйгуры, прибывавшие в столицу, прежде всего направляли своих коней к лавкам торговцев чаем [118]. Среди иностранных торговцев на Западном рынке главенствовали соотечественники этих любителей чая — уйгуры-ростовщики, которым бесчисленные китайские дельцы, искатели кредита или молодые моты в обеспечение взятых денег закладывали землю, домашнюю утварь, рабов и даже священные реликвии. В первые десятилетия IX в. цены неуклонно росли, любой был в долгах, и этих ростовщиков стали воспринимать как национальное бедствие. Наглость этих тюрок действительно не имела предела: один из

них был арестован за то, что средь бела дня заколол некоего купца, но староста ростовщиков освободил его без всякого расследования инцидента с китайской стороны [119]. Всеобщее возмущение против них возрастало, пока наконец в 836 г. все частные сделки с «людьми иного цвета» не были запрещены [120]. Невыносимое высокомерие уйгуров было одной из серьезных причин вспышки ненависти ко всему иностранному в середине IX в. и преследований иноземных религий.

У горожанина были сотни способов утешить себя, сделав при этом еще больше долгов. Он мог, например, отправиться на любое из великого множества празднеств, танцевальных и драматических зрелищ, которые устраивались в богатых буддийских храмах, разбросанных вокруг города. Среди их репертуара могли быть и новые представления, первоначально возникшие в буддийских странах Индии и Туркестана, одновременно и увлекательные и назидательные [121]. Горожанина, если он был одинок, ожидало совсем другого рода утешение у проституток квартала Пинкан, расположенного между Восточным рынком и императорским дворцом. Знаменитая куртизанка, искусная в музыке, танцах и в обхождении, которую он мог здесь встретить, подарила бы его своей благосклонностью на эту ночь, заплати он тысячу шестьсот монет ее «приемной матери» [122]. Юный аристократ, дороживший добрым именем своего отца, или молодой ученый, стремившийся к успешной сдаче экзаменов на чин — единственному пути к государственной службе, легко могли попасть в любовные сети одной из таких чародеек. И если у него был какой-то литературный дар, он воспевал ее, окруженную волшебным ореолом, в своих стихах или новеллах [123]. Менее дорогими, но гораздо более экзотическими были развлечения в тавернах, расположенных полосой вдоль восточной окраины города, к югу от ворот Весеннего сияния — места, удобного для проводов друга, отправляющегося в Лоян или на восток. Здесь предприимчивые трактирщики, заботясь о своих доходах, держали экзотически привлекательных западных девушек — тохаристанских или, скажем, согдийских,— чтобы они подавали редкостные вина в янтарных или агатовых чашах. Выручку увеличивали и их сладостные песни, и соблазнительные танцы под аккомпанемент западных мальчиков-флейтистов, но особенно — приветливое обхождение:

Чужеземная дева
манит белой своею рукою,
Чтобы гость на пиру
опьянился из кубка златого [124].

Эти смущавшие покой поэтов услужливые зеленоглазые красавицы, часто золотоволосые, оставили след в танской литературе. Вот как писал о них Ли Бо:

Цинь напевает: «В Воротах Дракона
    зелень свежа шелковицы.
В яшмовом кубке отменно вино —
    с небом прозрачным сравнится.
Струны проверю, колки обмету —
    выпейте, сударь, со мною:
Красное станет для нас бирюзовым,
    чуть зарумянятся лица».
У чужеземки —
    облик, подобный цветку,
Возле жаровни
    смех ее ветром промчится.
Смех ее ветром промчится,
Тонкое платье танцует:
«Сударь, пока вы не вовсе пьяны,
    вас на покой отведу я» [125].

На этом приятном месте мы расстанемся с Чанъанью и коротко рассмотрим остальные китайские города, в которые стремились попасть иностранцы. Иноземные купцы, конечно, встречались повсюду, куда их могли заманить прибыли. Их можно было найти в богатых горных долинах Сычуани, куда они попадали в поисках тафты, и в болотистых низинах вокруг озера Дунтин [126]. Но из всех областей, которые не были связаны водными путями с главными городами страны, иноземцы более всего предпочитали селиться в районах караванного «коридора», ведущего на запад, в Туркестан. Здесь, по краю пустыни Гоби, существовали расположенные через правильные интервалы китайские города, в которых были устроены караван-сараи. Политическое положение всех этих городов, в которых можно было всегда найти иранских огнепоклонников и музыкантов, оставалось довольно неопределенным: один год здесь сидели, ссылаясь на древних мудрецов и наставляя жителей в добродетели, китайские наместники; на следующий год, потрясая своими луками, сюда врывались тюрки; зачастую владетелями этих городов оказывались тибетские князья. Типичным образцом многоязыких аванпостов Китая служит старинный город Лянчжоу, некогда принадлежавший сюнну и их кочевым преемникам. Какое-то время здесь была ставка царственного полководца Гэшу Ханя, развлекавшего избранных гостей львиными пантомимами, танцами с мечами и внимательным попечением девушек с алыми губами, разносивших чаши [127]. В VIII в. в Лянчжоу было более ста тысяч постоянных обитателей, славившихся твердым и неподатливым нравом, поскольку они жили под влиянием Белого Тигра и знака металла [128]. Определенную часть горожан составляли китайцы, многие были по происхождению индийцами и назывались — по этническому имени — на китайский манер «синьду»; немало было здесь и выходцев из стран между Оксом и Яксартом [129]. Здесь сущест-

вовали первоклассные пастбища для лошадей, особенно вдоль реки, которая еще сохраняла свое древнемонгольское название Тюмиген, означавшее на языке сяньби «костный мозг» и полученное этой рекой за плодородие земель в ее долине [130]. Здесь также ткали тонкую камку, плели циновки и выделывали шкуры диких лошадей. Славился Лянчжоу и своим превосходным средством от головных болей [131]. Этот город, служивший для китайцев своего рода символом экзотики в родных стенах (как Гавайи для американцев в XX в.), был как бы тиглем, в котором сплавлялось воедино иноземное и китайское. В частности, «гибридная» музыка Лянчжоу, чужая и понятная одновременно, которую нельзя было в полной мере назвать ни китайской, ни иностранной, в раннем средневековье вошла в моду на всем Дальнем Востоке.

Отношение к иностранцам

Китайская политика по отношению к иностранцам и взаимоотношения китайцев с чужеземцами складывались далеко не просто. Даже в разгар моды на экзотику самая правильная линия поведения для чужеземцев состояла в том, чтобы воспринять китайские обычаи и образ мыслей, как это многие и делали. Однако иногда правительство лишало иноземцев такой возможности. Например, указ 779 г. обязывал уйгуров, живущих в столице (а таких тогда насчитывалось около тысячи), носить свое национальное платье и запрещал им «соблазнять» китаянок, беря их себе в жены или наложницы, и вообще подделываться под китайцев любым другим способом [132]. Этот закон мог быть вызван всеобщим негодованием против уйгуров-ростовщиков, но другие постановления такого же характера не имели под собой никакой иной подоплеки, кроме попечения благочестивых властей о сохранении в чистоте китайских обычаев. Так, в частности, произошло, когда Лу Цзюнь, став правителем Гуанчжоу в 836 г., обнаружил, что китайцы и иностранцы живут в этом городе, никак не разделяясь друг с другом, свободно заключая между собой браки. Он принудил их обособиться, положил конец заключению смешаных браков и даже запретил иноземцам владеть землей и домами. Лу Цзюнь считал себя человеком высоких идеалов, предназначенным призвать к порядку этот распущенный портовый город,— словом, он был своего рода поборником этнической чистоты [133].

Такие китайские стереотипы, как богатый (и потому жадный) перс [134], черный (и потому безобразный) малаец, голый (и потому безнравственный) житель Тяма, относились к числу широко распространенных в народе представлений и не играли особой роли в официальной политике по отношению к иностран-

цам. Да и само это народное мнение об иностранцах было двойственным. Те же самые юные поэты, которые могли томиться от любви к прекрасным иранским служанкам из столичных винных лавочек, охотно смеялись над куклами-марионетками, изображавшими пьяных людей с Запада — в остроконечной шапке, с голубыми глазами и огромным носом (такими куклами развлекались в публичных домах): когда забавная фигурка выступала вперед, гость, на которого она при этом указывала, должен был осушить свою чашу [135]. Восьмой век был столетием необычайной популярности в китайских городах арфистов и танцоров из Средней Азии, но это было также и столетие, известное избиением тысяч безобидных (но богатых) персидских и арабских торговцев в Янчжоу. В IX в., когда экзотические вещи оказались намного более труднодоступными и дорогими, получила широкое распространение экзотическая литература, изобилующая романтическими воспоминаниями о прошлом. Любопытно, что то же самое время, когда по всему Китаю ходили рассказы о щедрых миллионерах с далекого Запада [136], стало вместе с тем и эпохой неприязни и гонений на иностранцев. В этот период двойственного отношения иноземец был в состоянии даже возвыситься до высокого положения на государственной службе, особенно если он оказывался связанным с новой знатью, созданной — в противовес потомственной аристократии — с помощью системы государственных экзаменов. Мы знаем, к примеру, случай, когда один араб в середине IX в. удостоился пожалования высшей степени «возвысившийся муж» (*цзиньши*). В повседневной жизни Китая имелось немало факторов, способствовавших отделению вымышленного образа «идеального» иностранца от реальных чужеземцев: и повышение цен, вместе с которыми росло негодование против богатых торговцев, и слабеющая политическая власть, допускавшая вторжение иноземцев в пределы Китая [137]. Словом, недоверие или ненависть к иностранцам не были решительно несовместимыми с любовью к экзотическому. В прекрасные дни VII и VIII вв. эта любовь была вполне реальной, но в IX—X вв. она сохранялась, набальзамированная, в литературе. Теперь она служила лишь напоминанием о лучших временах, когда иноземцы повсюду признавали превосходство и китайского оружия, и китайских ремесел, а рядовой китайский подданный мог потешить себя редкостными товарами из отдаленных стран.

Так и в наши дни бывший немецкий солдат может с тоскою вспоминать о тех днях, когда он запросто пил любые французские вина, отнюдь не считая при этом француза равным себе, а бывший чиновник английской администрации грустит о богатствах «варварской» Индии в рамках Британской империи.

чужеземцы всегда кажутся недостойными их собственных сокровищ.

Было нечто двойственное и в отношении китайцев к торговле с иностранцами. Торговля никогда не была свободна от политических осложнений. Чем более были необходимы товары для общего благосостояния или чем больше был на них спрос среди высших кругов, тем вероятнее было, что власти примут участие в распределении этих товаров. Традиционная государственная монополия на такие предметы повседневного обихода, как соль, железо, металлические деньги, а временами вино и другие продукты широкого потребления, послужила моделью для системы контроля за торговлей заграничными предметами роскоши. Прообразом и идеалом для новой должности «ревизора торговых судов», созданной в Гуанчжоу в VIII в., послужила существовавшая с давних времен должность «ревизора по соли и железу». Ему вменялось в обязанность скупать те привозные товары, над которыми государство стремилось установить контроль (в первую очередь товары, на которые существовал спрос двора и кругов, приближенных ко двору), пресекать контрабанду и действовать по примеру внутренних монополий старого образца[138]. Такая политика приводила к тесному сплетению коммерции с дипломатией, а подношения иноземных народов императорскому двору, часто состоявшие из большого количества дорогих вещей и считавшиеся выражением покорности вседержавной власти Сына Неба, оказывались на деле существенной частью международной торговли Китая[139]. Но нельзя смотреть на эти отношения только с одной стороны и считать, что «покорившиеся народы» были вынуждены преподносить эту дань. Иноземные владения — и те, что действительно трепетали в непосредственной близости от Китая, и те, удаленность которых позволяла им чувствовать себя совершенно независимыми,— вывозя свои товары в Китай, явно преследовали выгоду для себя, получая за свои хлопоты от китайцев вожделенные ответные «дары»[140]. Для иностранного купца в существовавшей системе были уготованы известные ограничения. Он не мог вести свои дела совершенно свободно: предполагалось, что такой купец обязан представить определенную часть изделий в императорскую столицу или передать ее на государственные склады в порту прибытия. Если он пытался заключать сделки с частными лицами, то вполне мог ожидать вмешательства властей и даже навлечь этим на себя неприятности. Местный чиновник был скорее склонен перегнуть палку, следуя правительственным предписаниям, чем рисковать своей головой, проявляя излишнюю снисходительность[141]. Даже теми товарами, которые иноземцу позволялось свободно продавать населению[142], он должен был торговать на

одном из больших рынков, находившихся под тщательным наблюдением государственных чиновников. Еще сложнее обстояло дело как раз с теми китайскими товарами, которые этот иностранец особенно стремился привезти к себе на родину: чиновники наиболее ревностно следили за тем, чтобы правительство не лишилось своей доли в барышах. Мы можем судить об ассортименте таких товаров по указу 714 г., запрещавшему вывоз из страны или продажу иностранцам гобеленов, узорных тканей, газа, крепов, парчи и всяких необычных шелков, а также хвостов яков, жемчугов, золота и железа [143]. С другой стороны, существовал весьма неопределенный правительственный запрет на ввоз и продажу китайцам всего, что могло быть сочтено легкомысленным и вредным для нравственности, хотя такие товары могли оказаться на деле наиболее выгодными среди купеческого груза. Даже продажа имитаций предметов роскоши и поддельных вещей, угрожавшая, если обман вскрывался, тюремным заключением [144], была весьма прибыльным занятием, как в этом убедился в Гуанчжоу неудачливый персидский жрец, специализировавшийся на производстве экзотических «диковин» для избалованного императорского двора [145]. Но и разумный купец, осведомленный, что можно ввозить и что можно вывозить и на каких условиях, даже если он торговал честно, имел возможность вести дела с большой выгодой для себя — в этом можно убедиться по тысячам иностранных купцов, приезжавших в Китай. Однако и самого умудренного купца ожидал целый ряд других опасностей. В частности, если местные чиновники не слишком внимали нравственным принципам, предписывавшимся китайским должностным лицам, то под видом «таможенной пошлины» они могли оставить купца без значительной части его товаров. И даже если таможенный надзиратель был человеком строгих правил, то чрезмерными оказывались требования правительства. Один арабский географ сообщает, что его соотечественники обязаны были по прибытии в Китай передавать на государственные склады треть своих грузов [146]. Но и тут не было ни постоянства, ни твердых установлений. То, что было в прошлом году капризом, в следующем году становилось коммерческой политикой. Время от времени наступало послабление: указы двора делали положение купца более сносным, а его надежду на большие прибыли более реальной. Таким было постановление, подписанное Вэнь-цзуном в 834 г. по случаю высочайшего выздоровления от болезни. В этом указе наряду с объявлением амнистии разным категориям преступников особо выказывалось покровительственное отношение императора к чужеземцам из-за моря, ведущим торговлю в Гуандуне, Фуцзяни и Янчжоу, а местным властям предписывалось не мешать им торговать свободно, без обложения излишними

пошлинами, поскольку они отдали себя на милостивое попечение монарха [147].

Существовали и другие проблемы для иностранцев, поселившихся в Китае. Им приходилось испытывать социальное и экономическое бесправие не только в сфере коммерции. Когда иностранец-купец имел несчастье умереть в Китае, его товары опечатывали и государство конфисковало их, если сразу не объявлялись жена или наследник [148]. Розыски наследников не должны были заходить слишком далеко. Сверх того, если иноземец брал в жены или в наложницы китаянку, ему предписывалось оставаться в Китае. Ни в коем случае он не мог забрать китайскую женщину к себе на родину. Так было установлено указом 628 г., изданным со специальной целью оградить китайских женщин от временных браков с посланниками из иностранных государств и членами их миссий, стремившихся окружить себя всеми удобствами на время пребывания вдали от дома [149]. Это правило не распространялось, конечно, на те случаи, когда принцессу из императорского рода отдавали за предводителя кочевых племен. Когда добрые отношения с ее будущим мужем оказывались необходимыми для китайской внешней политики, невесту отправляли в степь безропотно. В начале IX в. одна из таких принцесс была отдана замуж за хана уйгуров, находившихся тогда в зените своего могущества. Уйгурское посольство, отправленное, чтобы привезти ее, преподнесло двору, как это и полагалось, ответные дары: камлотные ткани, парчу, собольи меха, нефритовые пояса, тысячу лошадей и пятьдесят верблюдов [150]. Мы читаем в источниках, что в VIII в. многие иностранцы, повинуясь этому указу 628 г. или по доброй воле, прожили в Чанъани по сорок лет и больше, все имея жен и детей [151]. При этом, как уже отмечалось выше, иностранец подпадал под действие деспотических сегрегационных законов, только частично смягчавшихся другими постановлениями, разрешавшими иностранным колониям в китайских городах избирать своих старост и улаживать споры между членами таких факторий в соответствии с законами и обычаями своей родины [152].

Дань

Когда рядовой купец получал официальное разрешение торговать на китайских рынках, он устраивался на постой среди соотечественников и отправлялся по своим делам. Но посол, представляющий иностранное правительство, даже если его в первую очередь интересовала коммерция или по крайней мере выгодный обмен пышных даров, должен был столкнуться с показным великолепием, предназначенным для ослепления пред-

ставителей народов-данников. Его страна была, конечно, готова выказать даннические чувства, но сам посол в тесном кругу своих собутыльников мог позволить себе хитро подмигивать по этому поводу. Только в редких случаях допускалось отступление от этой церемонии. Так, никто не мог сказать, какие знаки покорности китайскому императору были выказаны беглым сасанидским царевичем Перозом и что привез двору в качестве дани этот последний отпрыск династии, когда он прибыл в Чанъань искать защиты и поддержки у Тай-цзуна против победоносных арабов [153]. Но это был случай исключительный. Обычный же посол — был ли он рядовым дипломатом или близким родичем своего царя, выдающимся священнослужителем или богатым купцом,— как правило, не испытывал особых трудностей, когда дело доходило до выражения покорности. Очень отдаленные страны, заинтересованные в поддержании торговых отношений с Китаем, иногда просили посольства дружественных им соседних владений представлять их интересы вместо того, чтобы посылать собственного посла. Так было, например, в 630 г., когда царство Бали отправило своего представителя с набором того, что производит эта страна, в составе посольства Тяма к китайскому двору [154].

Посол, прибывший в китайскую столицу, должен был иметь официальные свидетельства его полномочий, чтобы получить полноправный статус. Ища расположения или покровительства династии Тан, чужеземные владетели направляли грамоту, прося о золотом поясе и облачении императорского подданного для себя (существовали такие наряды разных цветов, соответствовавших рангу подданного), о назначении китайского чиновника советником при нем или о присылке экземпляра одного из китайских классических сочинений, а иногда и о том, и о другом, и о третьем. Но более всего был необходим такому послу красивый футляр, в котором он мог бы возить официальный знак своих полномочий [155]. Такие знаки делались из бронзы и имели форму рыбы (точнее, половины такой рыбы). Каждой стране, поддерживавшей регулярные дипломатические отношения с танским двором, предназначалось двенадцать — по числу месяцев в году — таких рыб, разделенных на две части. На каждом таком знаке ставился порядковый номер месяца и было начертано название страны, которой он был вручен. «Мужские» половинки знаков оставляли в императорском дворце, «женские» — отсылали в «обязанные данью» владения. Посол, отправленный в Китай, вез в парчовом футляре половину рыбы-талисмана, на которой стояло число, соответствующее порядковому обозначению месяца, в котором посол должен был приехать в Чанъань. Если его половина точно совпадала с той, что хранилась в столице, послу жаловали права и блага, соответ-

ствующие его стране[156]. Привилегии не были, конечно, одинаковыми для всех послов. К примеру, размеры пищевого довольствия были пропорциональны удаленности страны от Китая. Поэтому посланцам из Индии, Персии и Аравии полагался шестимесячный рацион; послам из Камбоджи, с Суматры и Явы выдавалось довольствие на четыре месяца, а послам из Тямпы, государства, сопредельного с Китаем,— в расчете только на три месяца[157]. Посланцы сильных держав не так-то легко уступали друг другу право первенства: когда 11 июня 758 г. посольство уйгурского государства и посольство аббасидского Халифата прибыли одновременно с «данью» к китайскому двору, они схватились друг с другом у дворцовых ворот за право войти в них первыми. Потребовался специальный императорский указ, чтобы установить протокол для этого случая: оба посольства были впущены во дворец одновременно, но через разные ворота — левые и правые[158].

По прибытии в столицу посольство помещали на время в одной из гостиниц, расположенных у четырех главных ворот города, в ожидании указаний свыше[159]. С этого момента все действия посла направлялись чиновниками из ведомства Хунлу[160], отвечавшими и за встречу и прием чужеземных гостей, и за погребение членов императорского рода[161]. Это важное ведомство кроме выполнения своих основных обязанностей занималось еще и сбором информации о чужеземных странах, представлявшей большую ценность для страны, особенно для военного командования. Специальный представитель Ведомства оружия направлялся для того, чтобы опрашивать послов сразу после их прибытия. Им задавали вопросы о географии и об обычаях их стран, а на основе полученных сведений составлялись карты[162]. Во второй половине VIII в. во главе этого ведомства стоял географ Цзя Дань. Говорили, что его превосходное знание мировой географии было результатом опросов приезжих иностранных дипломатов, которые Цзя Дань проводил сам[163].

Самым ответственным днем за все время пребывания посла в стране был день, когда его принимал император. В таких случаях все было рассчитано на то, чтобы поразить иностранца величием и устрашающей мощью танского властителя. Если посол был достаточно высокого ранга, чтобы присутствовать на большом приеме для князей-данников, устраивавшемся в день зимнего солнцестояния, он оказывался перед двенадцатью рядами стражей, выстроенных перед залом для приемов: меченосцы, алебардщики, копейщики и лучники, каждый отряд в сверкающих шапках определенного цвета и с присвоенной ему эмблемой — пучком перьев попугая или павлина — или со знаменем с вышитым изображением дикого осла, леопарда или

иных символов доблести. Даже менее важный посол видел перед собой дворцовую стражу, несшую службу на всех приемах. Она подразделялась на пять отрядов, из которых четыре были одеты в алые рубашки и шапки, украшенные хвостовыми перьями маньчжурских снежных фазанов, а пятый отряд носил плащи из алой тафты, расшитые изображениями диких лошадей. Вся дворцовая стража имела дубинки и мечи у пояса [164]. Ослепленная этим зрелищем чужеземная миссия приближалась и после подобающего преклонения раскладывала свои подношения вдоль зала для приемов. Глава посольства после этого приближался к трону и, следуя наставлениям, которые шепотом подавал ему сопровождавший его китайский чиновник [165], кланялся императору и говорил: «Ваш покороный слуга такой-то и такой-то, из такой-то страны, осмеливается преподнести вам эти приношения из его земли» [166]. Император продолжал после этого сидеть в державном молчании, а чиновник протокола принимал от его имени эти дары, а также прочие подарки для раздачи придворным [167]. В ответ приславшему дань царю и его послу присваивались звучные (хотя и чисто номинальные) титулы танской административной системы в знак признания их подданными Сына Неба, а в качестве «жалованья» им вручались богатые подарки [168]. Так, когда царь страны Шрибходжа [169] прислал в знак подчинения дары Сюань-цзуну, император подписал грамоту о признании, устанавливающую: «...и подобает, чтобы было даровано ему облачение подданного, и чтобы был он пожалован без занятия должности [титулом] „великого полководца воинской стражи левого крыла", и чтобы был поднесен ему пурпурный кафтан и меч с золотой инкрустацией» [170]. Приняв от имени своего господина эти отличия, посол в сопровождении сановников удалялся. Теперь он мог рассчитывать на поощрение его трудов в более свободной обстановке, как это было с японским послом в первой половине VIII в.:

«Японская страна, хотя и лежит далеко за морями, отправила своих послов к нашим берегам. Теперь, поскольку они пересекли бирюзовые волны, а также сделали нам подарки изделий их страны, подобает, чтобы этих послов, Мабито Макумона и других, собрали бы на празднество в [Ведомстве] срединной документации в шестнадцатый день сего месяца» [171].

Пристрастие к экзотике

Так принимали иноземцев, привозивших в танскую столицу изысканные диковины, которых жаждали китайская знать и те, кто ей подражал. Пристрастие к экзотике охватывало все слои общества, пронизывало все стороны повседневной жизни:

иранские, индийские и тюркские узоры и украшения можно было встретить на любом виде домашней утвари. Мода на иностранные одеяния, иностранную пищу и иностранную музыку в особенности преобладала в VIII в.[172], но и остальные периоды танской эпохи не были от нее свободны. Некоторые, как, например, поэт Юань Чжэнь, писавший в конце VIII в., сокрушались по поводу этих новшеств:

С тех пор как всадники варварских орд
взметнули дымную пыль,
Мехов и войлока тяжкий дух
наполнил Ло и Сянь.
Девицы за варваров замуж идут,
по варварской моде одеты;
Певицы варваров песни ввели
и музыку варварских стран[173].

Сянь и Ло — это столичные города Чанъань (обозначен по названию его разрушенного предшественника Сяньяна) и Лоян, в которых увлечение экзотикой было повальным.

Китайцы (во всяком случае, некоторые) знали язык тюрок[174]. Существовал тюркско-китайский словарь, доступный серьезным ученым[175], а метрика стиха некоторых произведений танской поэзии обнаруживает влияние тюркских народных песен[176]. Многие китайские приверженцы буддизма изучали санскрит. Но насколько широко было распространено изучение этих и других иностранных языков — корейского, тохарского, тибетского, тямского и других, об этом у нас нет сведений.

В обеих столицах существовало поветрие следовать тюркским и восточноиранским модам в одежде. В танскую эпоху и мужчины и женщины, когда они выезжали из дома, особенно верхом, надевали «варварские» шапки. В первой половине VII в. среди знатных дам пользовалась успехом некая разновидность бурнуса, называвшаяся *мили*,— комбинация головного убора с покрывалом-накидкой. Такой плащ, закрывая лицо и бóльшую часть тела, помогал знатной даме сохранить свое инкогнито и избежать любопытных взглядов простолюдинов[177]. Но с середины этого же столетия, когда скромность переживает упадок, на смену длинной накидке приходит «головной убор с завесой»[178] — широкополая шляпа с накидкой, спадавшей только до плеч, так что лицо могло оставаться открытым. Такие шляпы, первоначально предназначенные для защиты головы от пыли во время длительных путешествий, носили и мужчины и женщины, но вызвали к себе неодобрительное отношение только женщины, надевавшие их. Указ, изданный в 671 г., пытался поставить вне закона таких всадниц с бесстыдно обнаженными лицами, которым надлежало путешествовать в повозках, при-

стойным образом закрытых; но запрет не был принят во внимание, и в начале VIII в. можно было видеть на улицах столицы женщин, разъезжающих в тюркских шапках, а то и с непокрытой головой и одетых в мужской верховой наряд и сапоги [179]. К другим экзотическим обычаям в одежде знати среднетанского периода следует отнести и шапки из леопардовой шкуры, которые носили мужчины; женщины — на иранский манер — носили облегающие рукава и пригнанные по фигуре корсажи наряду со складчатыми юбками и длинными пелеринами, собранными в складки вокруг шеи; некитайскими были даже прически и вся косметика. Придворные дамы VIII в. носили «уйгурский шиньон» [180]. Вместе с тем приверженность китайцев, живших в колониях, к чистоте обычаев своей родины заставила население Дуньхуана сохранять без изменения китайские наряды во время тибетского владычества в IX в., в то время как жители городов вроде Лянчжоу, особенно склонные к экзотическому, легко перенимали иноземные платья и привычки [181].

Восторженное отношение к тюркским обычаям позволяло некоторым вельможам сносить неудобства жизни в палатке, иногда ставившейся даже посредине города. Поэт Бо Цзюй-и, воздвигший у себя во дворе два тюркских шатра из небесно-голубого войлока, принимая в них гостей, с гордостью показывал, как хорошо они защищают от зимних ветров [182]. Самым известным из таких городских жителей шатров был злосчастный царевич Ли Чэн-цянь, сын великого Тай-цзуна, подражавший тюркам во всем: он предпочитал говорить не по-китайски, а по-тюркски и устроил на территории дворца настоящую тюркскую ставку, где в облачении тюркского хана восседал перед своим шатром, украшенным эмблемой в виде волчьей головы, и, окруженный рабами в тюркских одеждах, мечом отрезал себе куски от туши вареного барана [183].

Хотя у этого царевича, несомненно, были последователи, похоже, что такая варварская пища имела лишь ограниченное число приверженцев. Но другие блюда иностранного происхождения пользовались большим успехом. Самой широко распространенной чужеземной пищей были разного рода пирожки, особенно варенные на пару и начиненные зернами кунжута, а также пирожки, жаренные в масле [184]. Искусство их приготовления было принесено с Запада, и, хотя их любили одинаково и китайцы и иностранцы, делали их и продавали, как правило, выходцы с Запада. Один популярный танский рассказ повествует о таком продавце пирожков, к которому зашел юноша, возвращаясь от своей дамы уже перед рассветом, в ожидании ударов утреннего барабана, возвещающих об открытии ворот квартала.

«Когда он подошел к воротам квартала, засов на воротах еще не был открыт. Рядом с воротами была лавочка одного западного чужеземца — торговца пирожками с рисом, который как раз расставлял светильники и принимался за разжигание жаровни. Чжэн-цзы присел под его навесом, чтобы отдохнуть и дождаться барабана» [185].

Другой крайностью были изысканные яства, подававшиеся к столу людей почтенных и богатых. Некоторые из таких блюд изготовлялись из дорогостоящих привозных продуктов, хотя, может быть, и не по правилам чужеземной кухни. Особым признанием пользовались такие пряные и острые блюда, как «пирожки с тертыми пряностями ценою в тысячу золотом» [186]. Но кое-что, очевидно, и приготовлялось по иностранным рецептам, например «брахманская» халва, «светлая и самая хорошая», которую варили в корзинках [187].

Чужеземным влияниям в одежде, в устройстве жилища, в пище и в других сторонах повседневного быта сопутствовало пристрастие к экзотическому и в искусстве. Иностранцев, попадавших в большом количестве в танский Китай, изображали и живописцы и поэты. Конечно, в любую эпоху могут существовать люди искусства, увлеченные экзотикой: человек — в силу своего характера или по иным причинам — не обязательно должен идти в ногу с наиболее популярными, основными направлениями в культуре своего времени. Но в целом пристрастие к экзотическому расцветает преимущественно в периоды новых (или возобновленных) контактов с чужими народами, совпадая или оказываясь особенно тесно связанным поэтому с периодами завоеваний чужих стран или торговой экспансии. В большинстве случаев художники, произведения которых посвящены чужеземной экзотике, не только прославляют свою страну-покорительницу, но и в то же самое время выражают свое сознание вины перед угнетенными и эксплуатируемыми иноземцами, воспевая их в своих произведениях. С этой точки зрения мавры и сарацины в живописи Гоццоли и Беллини, так же как и изображения алжирцев и таитян в произведениях Делакруа и Гогена, одинаково показательны для искусства цивилизаций, ведущих колониалистскую и завоевательную политику. Очень близкие по существу явлений примеры есть и в искусстве танского Китая. Так, увлечение чужеземными, экзотическими религиями, которое в искусстве западноевропейского Ренессанса проявилось в повышенном интересе к изображению волхвов, находит аналогии и в буддийском искусстве Дальнего Востока, где идеализированные архаты изображались с индийскими ликами.

Некоторые авторы средневековых китайских трактатов об искусстве не различали картины на экзотические темы как осо-

бую категорию живописи. Например, когда знаменитый Го Жо-сюй писал об искусстве IX—X вв. с высоты своего XI в., он классифицировал старую живопись по таким рубрикам, как «проявления добродетели», «геройство», «изображения природы» или «народные обычаи», но у него нет специального раздела для картин, изображавших иноземцев и всего, что с ними связано, хотя иногда Го Жо-сюй и касался экзотической тематики в живописи, останавливаясь, в частности, на том, как надлежит правильно изображать божества индийского происхождения. Так, рисуя Индру, «подобает показать суровость и значительность его облика» [188].

С другой стороны, анонимный автор «Сюань-хэ хуа пу», каталога живописи в собрании Хуэй-цзуна, сунского императора (XII в.) и любителя живописи, оставил нам краткий очерк картин, запечатлевших иностранцев [189]. Он включил в число приводимых им образцов и изображения «варваров», относящиеся к танскому времени и выполненные художником Ху Гуем и его сыном Ху Цянем, многие произведения которых еще существовали во времена сунской династии. Оба они были знамениты своими изображениями сцен охоты в далеких странах, а также экзотических чужеземных лошадей, верблюдов и соколов [190]. Неизвестный автор этого каталога утверждает, что истинная ценность такого рода картин состоит в том, что они показывают более низкое положение варварской культуры по сравнению с китайской. Такая шовинистическая назидательность больше соответствует сунскому, чем раннетанскому времени. Если в танскую эпоху живописные изображения всего чужеземного вызывали чувство снисходительной гордости, то во времена Сун правильнее говорить о самоуверенном высокомерии. Но в любом случае, независимо от того, как воспринималось содержание картины, можно не сомневаться, что и большинство любителей искусства в танскую эпоху, и коллекционеры времен династии Сун более всего ценили эти картины за манеру письма и цвет.

Несмотря на большую редкость в средневековых трактатах по искусству обобщающих суждений о приверженности к экзотическим темам и о прочих поветриях в живописи, можно легко воссоздать общую картину направлений и модных течений в танском искусстве, опираясь на высказывания о наиболее излюбленных темах отдельных художников. Проделав такую работу, можно убедиться, что веком экзотики в танской живописи был VII век, когда военная мощь державы находилась в зените, а благоговейные варвары толпами стекались к императорскому двору. Все эти иноземцы оказались персонажами, вполне подходящими для живописи, тешившей гордость победителей. В танской литературе (в противоположность живопи-

си) расцвет увлечения чужеземной экзотикой приходится, как мы это увидим дальше, на IX в. — столетие воспоминаний о былом. Из живописцев, посвятивших свое творчество иноземной тематике, самым выдающимся был Янь Ли-дэ, брат не менее знаменитого Янь Ли-бэня, который был удостоен чести запечатлеть в облике воителя самого Тай-цзуна. Считалось, что ни один художник ни в то время, ни во все прежние времена не мог превзойти Янь Ли-дэ в изображении экзотического[191]. В 629 г. ученый Янь Ши-гу представил ко двору уроженца отдаленных горных районов, соответствующих современной провинции Гуйчжоу. «Его шапка была сделана из шкуры бурого медведя, с золотым ободком вдоль лба; верхняя его одежда была из меха, а на ногах кожаные чулки и обувь». Нравоучительно ссылаясь на подходящие примеры из древности, Ши-гу говорит: «Ныне несметное число владений, на которые простерлась державная добродетель, приходят ко двору в своих нарядах из трав и в облачениях из перьев, чтобы встретиться в кварталах для варваров-гостей. Воистину такое [зрелище] могло бы быть представлено в виде картины, чтобы показать потомкам, как далеко простерлось это величие». В соответствии с этим Янь Ли-дэ было поручено запечатлеть столь лестное для самолюбия зрелище[192].

Изображение чужеземцев и их стран, опиравшееся на расспросные сведения, служило первоначально тем же целям, что и составление карт для военных целей. Однако в танскую эпоху практические и художественные задачи уже, несомненно, различались. В 643 г. Янь Ли-бэню было поручено нарисовать характерные сцены из жизни народов, направлявших посланцев с выражением покорности ко двору Тай-цзуна. Два из этих его произведений были посвящены «западным странам»[193]. Чжоу Фан и Чжан Сюань, работавшие в конце VIII в. и оба прославившиеся своими изображениями женщин[194], более века спустя после братьев Ли создали изображения неведомой страны Пром (или Хром, или Ром; в современном произношении — Фулинь), т. е. какой-то части Византийской империи. Теперь трудно даже приблизительно представить, что именно было изображено на этих картинах, но, несомненно, они составляли бы неоценимое богатство, если бы сохранились[195]. Даже великий Ван Вэй изобразил ландшафт некоего «Чужого царства», хотя в наши дни установить, какого именно, невозможно[196].

Иноземцы из отдаленных стран изображались обычно в их национальных одеждах, а то, что казалось непривычным в их облике, при этом особо подчеркивалось. Среди изображений иностранцев, которые можно с уверенностью считать работой танских мастеров, большинство составляют небольшие терракотовые фигурки, передающие разные этнические типы. Среди

них можно найти и высокомерных уйгуров в высоких шапках, и, видимо, арабов с черными бровями и горбатыми носами, а также широко улыбающихся людей с курчавыми волосами, манера изображения которых, независимо от того, какой народ имелся в виду, обнаруживает воздействие эллинистических вкусов [197]. Хотя чужестранные народы были излюбленной темой не только танских гончаров, но и художников, очень мало живописных произведений такого рода дошло до наших дней. Мы не располагаем картиной Янь Ли-бэня, на которой перед императором склонялись данники, преподносившие ему, видимо, царственного льва [198], и никогда не увидим ни варварских всадников с луками, нарисованных Ли Цзянем и его сыном Ли Чжун-хэ [199], ни написанную Чжан Нань-бэнем картину «Царь Кореи совершает ритуальный обход с воскурением» [200], ни картину Чжоу Фана «Индийская женщина» [201], ни «Японскую всадницу» Чжан Сюаня [202]. Но на фресках Дуньхуана сохранились изображения представителей некоторых народов Центральной Азии — со странными лицами, необычными головными уборами и диковинными прическами [203]. Китайский воин, государственный чиновник или утомленный паломник, следуя через один из городов-оазисов Сериндии, где стояли китайские гарнизоны, мог бы увидеть на стенах местных храмов и еще более странных существ: будд в эллинистических облачениях, мирян чисто иранского облика или обнаженных женщин, перенесенных сюда прямо из индийских эпических сказаний [204].

В эти же годы увлечений иноземным не меньший интерес вызывали изображения диких животных из чужих стран (особенно тех, которых привозили посольства в качестве подношений императорскому двору), а также домашних животных, в частности знаменитых соколов, охотничьих собак и лошадей, ставших для китайцев объектами восхищения и вожделений [205].

Наконец, танские художники любили изображать чужеземных богов и святых, прежде всего из тех стран, где процветал буддизм: изнуренных индийских архатов с лохматыми бровями; царственных бодхисаттв, сверкающих многоцветными ожерельями драгоценных камней [206]; древних богов Индру и Брахму, изображавшихся в качестве охранителей и Закона Будды, и китайских дворцовых ворот [207]; прочих божественных стражей, частично включенных и в китайские верования, и в религиозные представления северных кочевников, вроде Куверы, Защитника Севера, изображавшегося с бородой и усами и в китайском доспехе [208]. Такие изобразительные «помеси» иногда появлялись в результате использования художниками китайских моделей для передачи чужеземных образов; гейша, состоявшая в услужении у знатного вельможи, позировала в качестве какой-нибудь индийской богини-девы для картины на буддий-

ские сюжеты[209], совсем как итальянская куртизанка, наделявшая своим обличьем мадонн эпохи Возрождения. К таким изображениям «гибридных», ‹с точки зрения историка культуры›, существ должны быть отнесены также детализированные изображения несказанного буддийского рая, напоминающего неведомые волшебные страны. Один из самых выдающихся буддийских иконописцев раннетанского времени был сам иноземцем из Хотана[210], носившим сакское имя Виша Ирасанга (Viśa Īrasangä[211]), передававшееся по-китайски как Юйчи И-сэн. Он появился в Китае при дворе где-то в середине VII в., присланный хотанским владетелем, и принес с собой новый ‹для Китая› живописный стиль иранского происхождения: моделированные тенями многоцветные изображения казались рельефно выступающими и даже свободно выплывающими из фона. Изображение Девараджи, выполненное им, сохранилось до наших дней. Высказывались мнения, что художественная манера этого хотанского живописца оказала воздействие на такого крупного мастера, как У Дао-сюань, и может быть прослежена в росписях пещер Дуньхуана[212]. Ему приписывалось также привнесение с Запада в росписи буддийских храмов в крупных городах Китая такого технического приема, как использование линии равномерной толщины (линии «железной проволоки») для обрисовки контура фигуры[213]. Сам Виша Ирасанга не только писал в экзотической манере, но и не был чужд экзотической тематике, написав «Танцующую девушку из Кучи»[214].

Экзотическое в литературе

Расцвет интереса к экзотике в танской литературе отстоит на два века от наибольшего увлечения ею в изобразительном искусстве. Это новое направление в литературе, начало которого приходится на конец VIII в., сопровождалось движением за «старый стиль» в прозаических произведениях в отличие от противополагавшейся ему формально «новой» (т. е. насчитывавшей всего несколько столетий) прозы. Увлечение чужеземным было характерно не только для прозы, но и для поэзии того времени. Богатые краски, необычайные картины и романтические образы овладели умами многих лучших поэтов IX в. Типичным для того времени было творчество Ли Хэ, поэта иллюзий, воображаемых образов и ярких красок, склонного к употреблению гиперболы и синекдохи («янтарь» вместо «вино», «холодный багрянец» вместо «осенние цветы»). Нас не должно удивлять, что этот юноша увлекался чтением сокровища древней классики — книги «Чу цы» и «Ланкаватара-сутры» секты чань ‹дзэн›, что он умер молодым и что критики сунского вре-

мени говорили о его «демонической одаренности»[215]. В стихотворении «Посол из Курунга» или в поэтическом описании мальчика-варвара с курчавыми волосами и зелеными глазами[216] цветы экзотики кажутся вполне естественными и органичными для творчества Ли Хэ. Близким к нему поэтому был и Ду Му — чиновник, известный также своим военным трактатом, в котором доказывалось, что необходимо объявлять войну северным «варварам» в самом начале лета, когда они лишены подвижности и не подготовлены[217]. Помимо своих практических талантов Ду Му обладал и поэтическим даром, принадлежа к романтическому направлению. Обращения к прекрасному прошлому обычны для его стихов:

Гляжу на Чанъань, обернувшись назад,—
 узором она предстает.
Меж горных вершин открывается мне
 череда в десять тысяч ворот,
Чуть всадник покажется в красной пыли,
 властительница засмеется.
Но кто это знает — орехи личжи
 он, может быть, и не везет[218].

Это стихотворение навеяно впечатлениями от заброшенного дворца у горячих источников близ Чанъани, где когда-то Сюань-цзун и Ян Гуй-фэй проводили зимние месяцы[219], Ду Му упоминает о специальном гонце, который привозил из Гуанчжоу орехи личжи, исполняя прихоть Драгоценной Супруги. Третьим поэтом, типичным для того времени, был Юань Чжэнь. Этот великолепный писатель страстно тосковал по чистоте и традиционности норм жизни воображаемого прошлого. Он сетовал, например, что в VIII в. забыт камень с берегов реки Сы — традиционный материал для изготовления каменных колокольчиков, воспетый в старинной литературе, — и ему предпочитают другие, новые породы камня[220]; увы, писал он, мало кто в новые времена обращает свой слух к старой музыке, и хотя «Сюань-цзун любил музыку, но это была новая музыка». Даже в своих куплетах, написанных на мотивы народных песен[221], Юань Чжэнь жалуется на повальное увлечение новым и экзотическим. Однако при всем пуританстве этих строф в них впечатляют как раз упоминания о таких экзотических вещах, как привозные носороги и слоны, тюркские наездники, бирманские оркестры. Юань Чжэнь был, так сказать, экзотичен в своей «антиэкзотичности».

Исследование об экзотическом в танской поэзии еще будет когда-нибудь написано. Гораздо больше сейчас известно о прозаической литературе на экзотические темы, включающей в себя и такой важный жанр, как танские новеллы о чудесах. Их расцвет приходится на два последних десятилетия VIII в. и два

первых десятилетия IX в. По существу, фантастические истории и разного рода чудеса вошли в моду в литературе начала IX в., и, к счастью, многие из них дошли до нас. Распространенный вариант составляла новелла о чудодейственном драгоценном камне, который привозит или разыскивает в Китае загадочный чужеземец. Этот камень обладает силой очищать мутные воды, обнаруживать спрятанные сокровища, вызывать попутный для мореплавателей ветер или наделен каким-нибудь другим, столь же благотворным свойством [222]. Пристрастие к фантастическому [223], отразившееся также в поразительно грубой и вызывающей ужас пейзажной живописи позднетанского времени [224], требовало присутствия в произведениях искусства загадочно-неведомого и чужеземного. В своем наиболее чистом виде эта тенденция выражена в новеллах о сверхъестественных и прекрасных вещах, привезенных из-за рубежа, — чаще всего о роскошных диковинах, якобы преподнесенных в прежние времена императорскому двору. И нам приходится соответственно иметь дело не с очарованием подлинных привозных вещей, а с романтическим отблеском, окружавшим никогда и нигде не существовавшие предметы, — не с настоящими драгоценными дарами, а с их дешевыми имитациями, сфабрикованными вымыслом и украшенными мишурой воображения.

Вымышленные дары, также питавшие, в свою очередь, воображение, впервые появились, конечно, не в танской литературе. Для древнего периода мы располагаем рассказами о чудесных дарах, преподнесенных Му — Сыну Неба. Начиная с этого времени во все эпохи появлялись легенды о волшебных подарках, привезенных из чужих стран. Две девушки, преподнесенные народом красного ворона в дар Му, царю Чжоу по божественному праву, и взятые им в наложницы [225], послужили прообразом для рассказа о посланных (так, во всяком случае, говорится в переработанном источнике XIII в.) в качестве «дани» с Коромандельского побережья [226] двух смуглокожих девах, жаркие чресла которых могли возвращать молодость совершенно бессильным мужчинам. Очарование древности таких чудес усиливалось еще и старинным представлением о том, что путешествие в чужие страны сопряжено с множеством физических опасностей и духовных испытаний и что страшные происшествия ожидают смельчака повсюду за пределами Китая. Охотно верили, что духи и чудовища подстерегают за каждым поворотом в горном ущелье и скрываются под каждой волной тропических морей [227]. Совершенно естественно, что вещи и люди, попадавшие в Китай из-за границы, считались носителями этих опасных чар. Не приходится удивляться, что и позже, при Тан, все экзотическое еще было наделено ароматом непонятной магии и зловещего колдовства. Да и в любую эпоху, даже в наши дни,

люди намного охотнее принимают на веру любое странное измышление, если оно связано с далекими странами. Словом, само представление о фантастической дани, привозимой чужеземцами, не было новинкой в IX в. Повествовавшая о такого рода чудесах литература просто оживила старые предания, найдя для этого свежий материал в событиях первой половины танской эпохи, замечательной таким разнообразием экзотических вещей, какого раньше не видели в Китае. Пристрастие к экзотике — вещественной и духовной — господствовало во вкусах VII и VIII вв. Иноземцы в их непривычных нарядах, мода на которые широко распространилась, встречались в эти годы в Китае во множестве. В эту яркую эпоху роскоши оказалось даже необходимым, чтобы Сын Неба время от времени показывал своим расточительным и легковерным подданным пример, издавая запреты на представление среди приношений дани ко двору всего, что было сверхъестественным, излишне причудливым и безнравственным. Заслуживает внимания образцовая скромность основателя танской династии, выказанная подданным в указе, подписанном в первый год его правления [228]. Следует подчеркнуть, что это постановление преследовало и дополнительную цель: подчеркнуть безрассудство предыдущей династии Суй. Заканчивается этот указ так: «...прекратить подношения таких существ, как карлики, маленькие лошадки с короткими ножками, карликовый скот, необычные звери, диковинные птицы и все, что не приносит практической пользы; представление такого будет во всех случаях не приниматься в расчет и отвергаться! Да будет это объявлено и обнародовано повсеместно! Пусть каждый услышит и постигнет!» Это постановление оставалось в силе не очень долго, но подобные же запрещения исходили от танского трона снова и снова [229], направленные если не против диковинного (вроде «пятицветных» длиннохвостых попугаев с острова Ява), то против пустой расточительности (вроде белоснежных охотничьих соколов из Маньчжурии).

Но после бедствий второй половины VIII в. в израненной стране можно было лишь изредка встретить диковины из заморских и чужеземных стран. И еще меньше их стало после опустошительных операций Хуан Чао в IX в., подобных избиению иностранных купцов во время разграбления Гуанчжоу. На это же столетие приходятся большие гонения на иноземные религии, которые привели к исчезновению из поля зрения рядовых китайцев не только иностранных религий, чужеземных священнослужителей и их паствы, но и иностранных книг, изображений иноземных богов.

Нет ничего удивительного в том, что в начале IX в. настал конец интернациональной эпохи — эпохи импорта и смешения

китайского с иностранным, золотого века, а спрос на все чудесное из-за моря или из-за гор — будь то буддийские рукописи или медицинские трактаты, дорогая парча или редкостные вина, а то и просто возможность полюбоваться бродячим фокусником из Туркестана — уже не мог больше без труда удовлетворяться. И не удивительно, что именно в это время древние рассказы о чудесах получили новую, еще более яркую жизнь, даруя ностальгическому воображению то, что было недостижимо в реальности.

Наибольшее число танских новелл о вымышленных привозных товарах и о фантастической дани было написано именно в IX в., когда подлинные чудеса оказались за пределами досягаемости[230]. Так на смену моде на экзотические товары пришла мода на ничем не ограниченную экзотику в литературе. «Мы более не пребываем в мире из плоти и крови, — пишет современный литературовед, — мы находимся в Стране Грез, где дух мерцает наподобие пламени свечи. Мир внешний заменен миром внутренним. Весь свет тонет в необъятном Океане Мрака, и остается только „благоухающая тень“»[231].

Многие из этих рассказов приурочены к правлению Сюань-цзуна, легендарного императора, наиболее прославленного монарха космополитической эпохи, большого знатока и любителя экзотики, еще при жизни ставшего олицетворением всего романтического[232]. В *его* дни каждый мог *услышать* лютню из Кучи, а в следующем столетии можно было только грезить о ней.

Вот несколько примеров такого творческого обращения к минувшим дням. Два белых обруча, повествует рассказ, были переданы императору одним из его подданных наряду с другими «сокровищами, упрочивавшими страну»[233]. Это были обручи Матери — Повелительницы Запада, окутанной туманом почтенной фигуры, ассоциировавшейся с мечтами о достижении бессмертия в горах на вершине мироздания. Эти обручи напоминают другие магические кольца, хорошо известные в китайском фольклоре. Их владелец мог быть уверенным в подчинении ему всех окраинных стран[234].

В другом случае из Тонкина доставляется часть носорожьего рога, желтого как золото. Ее устанавливают на золотой пластине в зале для приемов, а посол, который привез ее, объясняет, что вещь эта обладает свойством рассеивать холод — и действительно она излучает тепло во все стороны[235]. Нечто похожее представляли собой и сто брусков угля, называвшегося «благовестный уголь», якобы присланные из Западного Лян, древнего государства в районе Ганьсу. Они были тверды, как железо, и могли гореть без пламени в течение десяти дней, не зная себе равных по количеству выделяемого тепла[236].

В дар от владетеля Кучи было поднесено жесткое изголовье, вырубленное из гладкого камня, напоминающего агат. Счастливец, преклонявший на него голову, спал, осененный снами о путешествиях через все страны и моря, в том числе и неизвестные смертным людям. Как повествует легенда, таким счастливцем был Ян Го-чжун, быстро выдвинувшийся государственный деятель, вдвойне счастливый еще и оттого, что был любимым кузеном Драгоценной Супруги Сюань-цзуна [237].

Постоянный спрос на прекрасный нефрит, самый замечательный из минералов, послужил поводом для другого рассказа. Как-то в середине своего правления Сюань-цзун пришел в удивление, что не было среди подношений, недавно полученных с Запада, никаких изделий из почти легендарного пятицветного нефрита, хотя в его сокровищнице имелись пояс, украшенный пластинами из этого красивого камня, и вырезанная из такого же нефрита чаша, представленные давным-давно. Он приказал своим военачальникам, ведавшим «безопасностью Запада», сделать внушение тем нерадивым (но безымянным в рассказе) варварам, которые были в том повинны. Этими должниками, скорее всего, могли бы быть жители Хотана, неистощимого источника нефрита, считавшиеся в Китае дикарями, несмотря на высокие достоинства их музыки и прелести хотанских женщин. Кто бы ни были эти провинившиеся данники, им не удалось уклониться от отправки в Чанъань чудесного многоцветного камня. Но, увы, на караван напали и захватили его груз жители Малого Болора, грабители из холодных и узких долин в предгорьях снежного Памира, носившие тюрбаны и поедавшие вшей [238]. Когда дурные вести достигли священного дворца, Сын Неба, разгневавшись, послал армию из сорока тысяч китайцев и бесчисленного множества зависимых «варваров», чтобы осадить столицу грабителей и вернуть себе нефрит. Царь Малого Болора сразу возвратил награбленное и смиренно домогался права посылать ежегодную дань танскому двору. В этом было отказано, а его злосчастный город Гильгит подвергся опустошению.

Победоносный китайский полководец, ведя за собой три тысячи уцелевших от погрома жителей города, двинулся на родину, провожаемый предсказанием гибели, исходившим от местного прорицателя. И действительно, все это множество людей, за исключением только одного китайца и одного варвара-союзника, было уничтожено великой бурей. Несчастный Сюань-цзун, окончательно лишившись драгоценного нефрита, послал экспедицию на поиски остатков своего воинства. Удалось найти целую армию совершенно прозрачных тел — замерзших пленников и превратившихся в лед воинов, которые тут же на глазах растаяли, исчезнув навсегда [239].

Это было время чародейства, когда не было ничего невозможного. Именно таким пытались воссоздать в своем воображении ослепительно сверкающий мир VIII в. авторы фантастической литературы на экзотические темы.

Лучшим образцом этого жанра в танской литературе является книга, написанная в самом конце IX в. В отличие от большинства танских сочинений о чудесах, прибегавших к самому разнообразному вымыслу, она почти полностью посвящена экзотическим диковинам. Ее название — «Дуянская смесь»[240], а написал ее в 876 г. ученый Су Э[241]. Ниже перечислены лишь некоторые из описанных им диковинных вещей.

Бобы волшебного сияния[242] были присланы в Китай из страны, названной «Лес Солнца», что может быть истолковано и как «Исток Солнца», т. е. Япония[243]. Самым достопримечательным в этой стране, лежавшей далеко за морем на северо-востоке, была большая сверкающая скала, лучи которой просвечивали внутренности человека, совсем как современный рентгеновский аппарат, так что лекарь мог обследовать их состояние и исцелить больного намного быстрее. Сами бобы эти были ярко-розовые и излучали свет на расстояние нескольких *чи*[244]. Сваренные с листьями сладкого ириса, они разбухали до величины гусиных яиц. Сам император отведал от одного из этих необычайных бобов и признал их лакомством, не имеющим себе равного. Более того, они на несколько дней избавили его от голода и жажды.

Другая чудесная пища прибыла из некой страны в таинственных Южных морях. Из этой же страны было прислано хрустальное изголовье, в котором была видна какая-то местность с постройками и человеческими фигурками. Вместе с изголовьем прислали также вышитое покрывало, изготовленное из шелка «водяного шелкопряда»[245], которое расширялось от влажности и сжималось от тепла. Пищей, присланной из этой страны, была особая благоухающая разновидность пшеницы, делавшая тело настолько легким, что можно было летать по ветру, и зерна пурпурного риса, возвращавшего молодые силы и продлевавшего жизнь.

Драконы (т. е. духи воды), заключенные в какой-нибудь миниатюрный предмет, были другим излюбленным видом подарков. Примерами могут служить «шпилька из рога дракона»[246] и «нетонущая бусина»[247]. Чудодейственная шпилька была поднесена в дар вместе с бобами волшебного сияния. Вырезанная с нечеловеческим искусством из камня глубокого темно-фиолетового цвета, похожего на нефрит, она изображала дракона. Император Дай-цзун подарил эту шпильку своей любимой наложнице — прекрасной[248] госпоже Дугу. Однажды, когда они плыли в лодке по Пруду Драконовой Ладьи, на

шпильке появилось лиловое облако. Властитель взял шпильку в руку и брызнул на нее водой; пар, сгустившись, превратился в двух драконов, которые взмыли в небеса и улетели на восток. «Нетонущая бусина», черная, с просверленным отверстием, имела странную чешуйчатую поверхность. Тот, на ком она была, мог безопасно пройти через любые воды. Император испытал ее, привязав пятицветным шнуром — средством против драконов — к руке хорошего пловца. Тот прошел по поверхности волн, нырнул в воду и вынырнул сухим. Позже, когда дворцовые женщины развлекались в бассейне с этой бусиной, она превратилась в черного дракона.

Желанным подношением были волшебные птицы и птицы-духи. К их числу относится и «не боящийся пламени воробей»[249] — присланная в качестве дани к вступлению на престол Шунь-цзуна черная птичка, не горевшая в огне. Словом, это был настоящий феникс (в отличие от птицы *фэнхуан* китайских преданий, неверно называемой на Западе «феникс») — индийский *самандал* (по словам арабов, он встречается также в стране Вак-вак), наружной оболочке которого никакой огонь не мог причинить вреда[250]. Этой необычайной птичке была предоставлена хрустальная клетка в спальне монарха, а служанки развлекались, тщетно пытаясь спалить ее свечой. Другая страна прислала двух танцовщиц, одну из которых звали Светлый Феникс, а другую — Летающий Симург[251]. Это были самые неземные создания, какие только можно представить. Золотые короны на головах этих фей украшали изображения фантастических птиц, по именам которых они были названы или воплощением духа которых они являлись. Питались они орехами личжи, золотой пылью и камфорой «мозг дракона».

Особую группу экзотических чудес составляют необычайные источники тепла. «Всегда кипящий котел»[252] варил пищу без помощи огня. Эта полезная вещь — подношение мифического царства — описана в фантастическом повествовании, переполненном названиями стран, упоминаемых в истории Хань за тысячу лет до этого. Сродни ему и «огненный нефрит», который был красным и на котором, как на раскаленных углях, можно было подогревать котел.

Им противостоят столь же полезные и чудесные предметы, сохранявшие и излучавшие холод. «Вечно твердый лед»[253] находился на высокой горе, ледники которой насчитывали тысячи лет, и не таял даже на самом жарком солнце. «Камень соснового ветра» был прозрачным, и внутри его можно было видеть сосну, от ветвей которой исходило холодное дуновение. Летом император держал этот камень поблизости от себя.

Менее приятно, но столь же сверхъестественно выглядит «трава, убивающая дневной свет»[254], напоминающая банан.

Ее всегда окружало пространство, погруженное во тьму. Это зловещее свойство пришлось не по вкусу императору.

Среди литературных чудес были и такие, которые вполне могли существовать в действительности или были навеяны ею. К их числу можно отнести «пятицветный ковер»[255], поднесенный, как и многие другие дары, танскому Дай-цзуну корейским царством Силла. Чудесной выделки, он изображал танцоров и музыкантов, горы и реки. Среди всего этого на нем можно было увидеть любую породу птиц и насекомых, которые трепетали и колыхались, когда в комнате возникало самое легкое дуновение ветерка.

Сооружение около десяти *чи* высотою, вырезанное из индокитайского дерева алоэ и украшенное драгоценностями, называлось «гора десяти тысяч будд»[256]. Оно тоже было прислано царством Силла. На горе были помещены изображения будд, окруженные постройками и естественной зеленью, все до мельчайших деталей отделанные жемчугами и драгоценными камнями. Император, правоверный буддист, поместил это символическое изображение горы Мироздания в святилище, постелив на полу «пятицветный ковер». Это чудо могло и не быть чистым плодом воображения[257].

Птица *чжулай*[258] также могла в том или ином виде существовать в действительности. Хотя императору Дэ-цзуну часто подносили ученых животных и поразительных птиц, он, как правило, выпускал такие существа на волю в соответствии с буддийскими предписаниями. Но он не освободил прекрасную птицу *чжулай*, присланную из «южной страны» в 781 г. Клюв этой птицы был красный, а пурпурно-голубой хвост был длиннее ее тела. *Чжулай* понимала приказы человека и была очень сообразительна. Голос у нее был высокий и пронзительный. Эта изысканная птица (очевидно, какая-то разновидность тропической сороки[259]) пользовалась большой любовью придворных, которые скармливали ей самые дорогие яства. Она проводила ночи в золотой клетке, а днем летала в дворцовых двориках, и «ни хищный ястреб, ни крупный коршун не отваживались приблизиться к ней». Но однажды, увы, ее поймал и убил орел. Дворец искренно оплакивал птицу *чжулай*, а один придворный, искусный каллиграф, на бумаге, крапленной золотом, изготовил список «Праджняпарамита-хридайя-сутры»[260] в память о ней[261].

Неизвестная страна на Южных морях прислала девушку четырнадцати лет, прозванную Девой Черных Бровей, среди прочих дарований которой был и такой талант: она могла вышить семь свитков «Лотосовой сутры» крохотными, совершенных очертаний знаками на одном-единственном куске ремесленной тафты длиною в один *чи*. Подобная мастерица также могла существовать и в действительности.

Перечисленные выше чудеса — только выборка из блестящей вереницы, представленной в книге Су Э. Одни из них, как мы видели, приурочены к вполне реальным странам (Япония, царство Силла), другие связаны с древними народами, о которых давным-давно никто не слышал в Китае, третьи перенесены в страны совершенно мифические. Однако мы не найдем никаких упоминаний о подобных дарах, даже когда они приписаны действительно существовавшим странам, если будем искать их в достоверных документах танской эпохи — отчетах о приношении дани двору. Повествования Су Э охватывают последнюю половину VIII — первую половину IX в.— время, на сто с лишним лет отстоящее от современной писателю поры, когда полдень танского великолепия уже прошел и его солнце начинало закатываться, но зябкие, неуютные дни тех лет, когда жил сам Су Э, еще не наступили. Во времена, о которых писал этот автор, в Китай действительно привозили лошадей от уйгуров, танцовщиц страны Бохай, музыкантов из Бирмы, носорогов из Тямпы, жемчуга и янтарь из «осколков» уже раздробленной персидской державы. Сведения об этом сохранились в источниках, а Су Э просто заполнял магическими или необыкновенными вещами те туманные пробелы, которые имелись в этих известиях. Словом, в его книге ведут торговлю со сказочными странами и принимают дипломатов из волшебных миров прошлого. Прелесть этой книги в «антикварности» ее экзотики, усыпанной невероятными драгоценностями и забытыми диковинами. Но если даже какие-то из новелл и восходят, оплодотворенные воображением, к сведениям о реальных посольствах времен тускнеющей славы танской империи в конце VIII в., они остаются изысканными плодами творчества, которые могут вдохновить поэта [262], но бесполезны для историка.

Товаров золотых и серебряных, и камней драгоценных и жемчуга, и виссона и порфиры, и шелка и багряницы, и всякого благовонного дерева, и всяких изделий из слоновой кости, и всяких изделий из дорогих дерев, из меди и железа и мрамора, корицы и фимиама, и мира и ладана, и вина и елея, и муки и пшеницы, и скота и овец, и коней и колесниц, и тел и душ человеческих.

Откровение Иоанна Богослова, 18, 12, 13.

ГЛАВА II

ЛЮДИ

Военнопленные

Среди товаров, ввозившихся в Китай в средние века, заметное место занимали человеческие существа. Из чужеземных стран, хорошо знакомых или совершенно неведомых китайцам, доставляли во множестве мужчин, женщин и детей, предназначая им не то место в жизни, для которого они были рождены, а горькую долю под танскими небесами, доставшуюся им по воле злого рока или по прихоти властелина.

На протяжении VII в., когда китайские рати завоевателей сметали повсюду пред собой варварские полчища, среди мужчин, оказавшихся в Китае на подневольном положении, было особенно много военнопленных. Из них наибольшую группу составляли тюрки, тысячами попадавшие в плен в степях Монголии и пустынях Сериндии. Обитатели Маньчжурии и Кореи также попадали в руки китайцев, отправлявших их гнуть спину на Сына Неба и его фаворитов. Даже гражданское население могла ожидать такая участь. В 645 г., во время похода Китая против царства Когурё, четырнадцать тысяч жителей города Ляодуна были взяты в плен, так как они посмели оказать сопротивление войскам императора. Они были осуждены на рабство, но позже благодаря необычайному милосердию Тай-цзуна [1] помилованы. Однако тысячи других пленников, менее счастливых, отправляли в столицу, чтобы победоносный полководец, продемонстрировав их горожанам в триумфальном шествии, мог преподнести их Сыну Неба и его божественным предкам в Великом Храме (Таймяо).

В таких случаях победитель в одеждах всадника-кочевника выстраивал свои войска в полном снаряжении за Восточными

воротами столицы, куда блестящая дворцовая стража шествовала для его встречи. По знаку церемониймейстера процессия трогалась. Впереди выступали два верховых военных оркестра, играя на свирелях, флейтах, гобоях, кларнетах [2], барабанах и колоколах, и хор, который исполнял четыре триумфальные оды, предназначавшиеся для таких торжественных случаев. Гимн «Радость приношения поздравлений при императорском выходе» [3] звучал так:

Четыре моря осчастливил
величественный ветер;
Тысячелетье в чистоте
пребудет добродетель.
Мы варварских одежд отныне
не станем надевать [4],
Сегодня возблагодарим
за милости за эти.

В одной, во всяком случае, из таких программ предусматривалась и хореографическая часть: торжественное исполнение триумфальной оды и танец «Сокрушение боевого строя» в ознаменование побед Тай-цзуна были представлены ста двадцатью восемью юношами в серебряных доспехах в 632 г. [5].

Вслед за оркестрами и хором шли наиболее отличившиеся отряды, а за ними, к восторгу затаивших дыхание жителей столицы, вереница живых трофеев — пленников. Они шествовали по городу к дворцу, пока не достигали ворот Великого Храма, где музыканты спешивались, а толпа ожидала у святилища, пока император [в храме] совершал священный обряд жертвоприношения и благодарения теням усопших властителей. Затем снова ударяли оркестры, и генерал-победитель со своими военачальниками направлялся к башне, где их ожидал Сын Неба. Здесь по протоколу их встречали пением триумфальных од. Наконец вводили скопище злосчастных пленников — наглядный пример непокорности, ожесточенности и варварской неотесанности, чтобы огласить, какая участь для них уготована [6]. Когда этих несчастных спроваживали с высочайших глаз, старшие офицеры преданного войска награждались в соответствии с их заслугами и могли рассчитывать, что примут участие в большом праздничном пиршестве [7].

После смерти великого завоевателя Тай-цзуна его преемник Гао-цзун во время празднования по поводу пленения вождя (ябгу) западных тюрок Ашина Хэлу ввел в триумфальный ритуал новую процедуру. Царственного пленника сперва приносили в жертву духу Тай-цзуна в Лучезарной Гробнице [8] — усыпальнице этого императора в северо-западной части города. Затем в присутствии двора и предводителей зависимых народов

3 Заказ № 2366

совершалась традиционная церемония в Великом Храме[9]. Это бесспорное нововведение, видимо, отчасти рассматривалось как возрождение очень древнего обычая — заклания побежденного царя в качестве жертвы манам усопших владык. Однако в том конкретном случае, когда эта церемония, ставшая в последующие годы традиционной[10], проводилась впервые, Хэлу был великодушно избавлен от смерти.

Принесение в жертву знатного пленника у могилы державного предка находило обоснование не только в религиозных мотивах, но и в соображениях политического характера. Любой иноземный вождь считался — в силу естественного порядка вещей — вассалом китайского монарха. Выступая войной против императора, он тем самым поднимал мятеж против своего законного повелителя и заслуживал наказания смертью. Именно в этом состояло преступление, и такова была кара для владетеля Ташкента[11], плененного в 750 г. корейским генералом на китайской службе Гао Сянь-чжи[12]. Но такой мрачный конец ожидал далеко не всех знатных особ, попадавших в плен к китайским полководцам. Более типичен случай с Туманом, вождем западных тюрок, который в 660 г. был захвачен великим полководцем Су Дин-фаном и привезен в Восточную столицу, где китайский военачальник сам успешно ходатайствовал за сохранение жизни Туману[13]. На долю знатных пленников иногда выпадали особые милости, как это было с царем Кучи, доставленным в столицу в 649 г. После символического принесения в жертву духам умерших императоров он был освобожден и пожалован титулом «великого войскового начальника военных стражей левого крыла»[14].

Некоторым царственным пленникам назначались даже посмертные почести, впрочем довольно сомнительные, поскольку их слава при этом мало чем отличалась от славы какого-нибудь знаменитого боевого коня, молва о котором служила украшением истории царственного монарха, которому этот конь принадлежал. В качестве примера приведем такой эпизод. Честолюбивый и деятельный посланец Китая в Индии Ван Сюань-цэ в отместку за оскорбление, нанесенное танской державе, выставив на посмешище войска тибетцев и непальцев, разграбил цветущий город Магадху и угнал наряду с несметным количеством лошадей и скота две тысячи пленников обоего пола. Среди них оказался «самозваный» царь Магадхи, отправленный в Китай в 648 г. Два года спустя, после смерти Тай-цзуна, эмиссаром которого был Сюань-цэ, изваянное из камня изображение несговорчивого индийца было установлено перед Лучезарной Гробницей почившего императора[15]. Так этот правитель Магадхи удостоился вечной славы, но уже в качестве чисто символической фигуры и свидетельства военных успехов Тай-цзуна.

Простых пленных обычно ожидали рабство или смерть[16]. Стихотворение Бо Цзюй-и «Пленник», написанное в 809 г., рассказывает о такой участи:

Связанных жунов отряды!
Связанных жунов отряды!
Проткнуты уши, разодраны лица,
в Цинь их пригнали как стадо.
Милость к несчастным Сын Неба явил,
не соизволил казнить,
Он повелел их на юго-востоке
в У и Юэ поселить.
В желтое платье одетый чиновник
их имена записал...[17]

Какая-то часть военнопленных распределялась в качестве личных рабов среди высших военных и гражданских чиновников империи, но большинство из них становилось казенными рабами, приписывавшимися по определению государственных властей к той или иной службе[18]. При некоторых обстоятельствах (например, когда пленные были китайцами, захваченными во время междоусобных войн) они могли быть освобождены специальным постановлением об амнистии. Такая свобода иногда предоставлялась на определенных условиях: не при династии Тан, а несколько ранее, в 545 г., было освобождено от оков множество военнопленных, затем справедливо распределенных среди вдов страны[19]. Но обычные пленники-варвары не могли рассчитывать на такой счастливый исход.

Назначение на работы такого злосчастного пленника, находился ли он в подневольном положении у государства или у частного лица, могло определяться его этнической принадлежностью. Кочевники из Монголии или Центральной Азии часто использовались как табунщики, конюхи или ездовые при экипажах знати. Ум и образование могли выдвинуть казенного раба на видное место в текстильном, например, или в керамическом производстве или даже возвысить до ответственного положения в императорском дворце[20] — стража[21], переводчика или танцора. Самое худшее, что могло ожидать обращенного в рабство пленника,— отправка к южным границам Китая, на работы среди болотных испарений, туземных охотников за головами и крокодилов, как это случилось с тюрками, описанными в стихотворении Бо Цзюй-и, или с тибетцами и уйгурами, отправленными в район Гуанчжоу в 851 г.[22]. Китайские власти IX в., чрезмерно опасаясь проникновения в страну шпионов, считали эти гибельные южные окраины наиболее подходящим местом для использования пленных — уроженцев горных и северных местностей. В VII в., когда существовала твердая уверенность в авторитете и могуществе Китая, было легче проявлять велико-

душие. Тем не менее при удачном стечении обстоятельств раб-иноземец, находившийся в зависимости от частного лица или от государства, мог надеяться с помощью талантов или интриг достичь богатства и власти. Так, некоторые домашние рабы, одаренные в военном деле, стали важными особами при дворе. К их числу относится, например, Ван Мао-чжун, сын корейского мятежника, достигший головокружительных высот власти, но павший из-за собственного чрезмерного честолюбия [23].

Военнопленные, если им не повезло быть приписанными к домам знатных и высокопоставленных владельцев, обычно становились обезличенными рабами. В такое рабство попадали также — по принципу коллективной ответственности — семьи тех, кто был осужден за государственную измену. И военнопленные, и родственники изменников были обречены таскать камни для стен, ограждавших страну, или для дамб, защищавших поля, и получить свободу они могли только по специальному указу или по общей амнистии [24].

Рабы

Рабы-китайцы будут хранить
сокровищницы и закрома;
Рабы-чужеземцы будут пасти
стада коров и овец.
Рабы-скороходы будут бежать
у стремян моего седла;
Рабы-силачи будут землю пахать,
не жалея сил для меня.
Рабы-красавцы — на лютнях играть
и мне подносить вино;
Рабы с тонким станом будут для меня
петь песни и танцевать;
А карлики будут свечи держать
у обеденного стола.

Так описываются в одной дуньхуанской рукописи мечты юного новобрачного, жаждущего власти и роскоши богатого главы дома [25].

По-видимому, большинство домашних рабов, использовавшихся в качестве слуг — от служанки при госпоже и до егеря, поставлялись торговцами [26]. В позднетанское время приобрел значение и еще один новый источник получения рабов: безнадежные должники и арендаторы продавали помещикам или иным кредиторам себя или своих детей на определенный срок, иногда даже до конца жизни [27]. Но наиболее распространенным рабом во времена Тан оставался иноземец, деньги за которого шли в карман продающего. Пуритански настроенный поэт Юань Чжэнь, постоянно проявлявший интерес ко всему экзо-

тическому, описал в большом стихотворении одного такого торговца людьми. Он нарисовал образ барышника, ненасытную душу которого снедает жажда наживы; гонимый по свету алчностью, он готов продавать все — любое существо и любую вещь,— лишь бы это приносило ему выгоду:

...В поисках жемчуга
    в синее море плывет,
Собранный жемчуг
    в Цзин или в Хэн доставляет.
Север продаст
    добрых дансянских коней,
Запад поймает
    туфаньских ему попугаев.
В Огненных Землях
    холст есть, омытый огнем,
В области Шу
    ткется парча дорогая.
Рабыня из Юэ —
    гладкая влажная плоть;
Мальчик из Си —
    глаза под бровями сверкают [28].

Осмотрительный работорговец избегал обращать в «товар» соотечественников. Древний обычай, подкрепленный законом, делал такую торговлю рискованным делом. Если продавали в рабство похищенного у родителей ребенка, то преступивший закон торговец подлежал наказанию за причиненные ему страдания. Правда, глава китайского семейства, если к этому его вынуждала необходимость, мог продать женщину или ребенка из своего дома, потому что его воля была для домочадцев законом [29]. А торговля невольниками-иноземцами была совершенно безопасным занятием, нисколько не отягощавшим совести, поскольку их вовсе не считали людьми в полном смысле этого слова [30]. Продавать можно было любых чужеземцев, из какого бы народа они ни происходили, потому что не существовало китайских законов, предусматривавших их освобождение от неволи. Живым товаром для таких торговцев могли быть персы, вместе с другой добычей захваченные пиратами Фэн Жо-фана и содержавшиеся в невольничьих поселках близ Ваньаня на острове Хайнань [31]. Это могли быть и тюрки — не военнопленные, а живой товар, который из Трансоксианы вывозили на продажу Саманиды [32], а то и мирный табунщик или его дети, выкраденные и переправленные через китайскую границу,— практика, не допускавшаяся в годы расцвета династии, когда танская держава жила в мире с беспокойными кочевниками [33]. Не исключено, что даже какие-то рабы-славяне, вывозившиеся из Хорезма, попадали на Дальний Восток [34]. Такими рабами могли быть и уроженцы Кореи, в особенности кореянки — де-

вушки из государств Когурё и Силла,— они пользовались большим спросом и обычно их держали как служанок, наложниц и музыкантш в богатых домах [35]. Эта торговля корейскими девушками велась шайкой пиратов, орудовавшей в водах Желтого моря, и вызывала протесты со стороны правительств Корейского полуострова. В 692 г. китайский правитель области Шаньдун, где невольников высаживали на побережье, испрашивал разрешения пресекать подобные действия, преступные по отношению к дружественному государству Силла, и таковой приказ последовал [36]. Это не могло не вызвать вздохов огорчения в определенных кругах. Красота корейских девушек славилась, хотя и встречала иногда осуждение у людей косных. Приведем такой пример. В 646 г. государство Когурё направило к императору Тай-цзуну миссию, чтобы принести благодарность за то, что он пощадил жителей одного из городов в Ляодуне, подвергшегося осаде в предшествующем году. В качестве благодарственного подношения послы доставили двух прекрасных кореянок. Однако властитель, обращаясь к этим женщинам, сказал такие слова: «Возвращайтесь и скажите вашему господину, что, хотя красота и привлекательная наружность высоко ценятся мужчинами, а его подарки действительно изумительны и прекрасны, я жалею их, разлученных с отцом, матерью, старшими и младшими братьями в их родной стране. Удерживать их особы [здесь], забыв об их семьях, любить их прелести, в то время как в их сердцах скорбь, я не могу». И с этим он отправил их домой [37].

Но самым крупным источником чужеземных невольников являлись племена юга — таи и другие туземцы, оказавшиеся среди недавно захваченных китайских владений в Фуцзяни, Гуандуне, Гуанси и Гуйчжоу. Торговцы невольниками безжалостно охотились на этих несчастных «варваров», пока двор, издавая указ за указом, порицал это зло и запрещал — явно без особого успеха — ловлю туземцев [38]. Весьма характерно повеление Дэ-цзуна, относящееся к концу VIII в., в котором указывается по поводу юных рабов, присылавшихся до этого в качестве обычной ежегодной дани ко двору из отдаленного города Юнфу, поблизости от современной вьетнамской границы, что «служить причиной их разлучения с деревнями их матерей и отцов, разрушать любовь к их плоти и крови поистине бесчеловечно. Пусть это прекратится!» [39]. Это повеление могло положить конец только обращению туземцев в неволю под эгидой властей, а частные операции с невольниками продолжались. В середине IX в. Сюань-цзун [II] в указе, направленном против всякой торговли рабами на далеком юге, заявляет, что до него дошло, что эти простодушные туземцы не лучше дикарей, «которые доныне обрабатывают землю огнем и разрыхляют

ее водой, пребывая в нужде днем и в голоде ночью», что они задавлены налогами и вынуждены продавать своих сыновей и дочерей. Поэтому они становятся добычей злодеев, и в результате, говорится в императорском постановлении, «мужчины и женщины превращаются в товары и богатства наряду с рогом и слоновой костью»[40]. Есть указания на то, что торговцы более всего стремились получить от южных туземцев, как и от корейцев, юных девушек-невольниц. Поэтому незаурядный правитель Гуанчжоу Кун Куй, занявший должность в 817 г., одним из первых своих постановлений запретил продажу женщин, взятых из туземных селений[41]. Поэт того времени Чжан Цзи так описывает одну из них:

В стране, где в травах весенних яд,
что Медных Столбов южней,
Куда путешественник к Брегу Златому
доедет за несколько дней,
Там кольца из яшмы продевшая в уши
девица из чьей-то семьи,
Сжимая в объятиях лютню-пипа́,
приветствует бога морей[42].

Другим значительным источником рабов для танского Китая были области Индии, лежащие за Гангом. Ввозившиеся из «Индии» рабы назывались «невольниками курунг», т. е. невольники из стран Курунг Бнам[43] (Царей Горы), с использованием древнекамбоджийского названия, соответствующего санскритскому Шайлараджа и символизирующего господство Кхмера над священной космической горой, как и у царей Шайлендра на Яве и Суматре[44]. К югу от Тямпы, говорится в «Истории династии Тан», «все имеют курчавые волосы и черное тело, и все совокупно называются курунг»[45]. Мы можем обозначить этих невольников как «малайцев» в самом широком понимании этого слова. Среди них, если судить по упоминанию «курчавых волос», встречался веддоидный тип, а также кхмеры и другие народы, имеющие вьющиеся волосы, и, возможно, даже дравидийские и иные племена бассейна Индийского океана. Они более всего славились своими талантами как пловцы, так как умели нырять под воду с открытыми глазами и доставать со дна брошенные туда предметы. Многие из них были искусными ловцами жемчуга.

Хуэй-линь, видный буддийский лексикограф VIII — начала IX в., приводит такие сведения о людях Куньлуня:

«Их также называют курунг. Это варварские племена больших и малых островов на Южных морях. Они очень черные, а выставляют на обозрение свои обнаженные тела. Они умеют охотиться и укрощать диких животных: носорогов, слонов и тому подобных. Среди них есть много племен и разновидностей;

таковы занги, турми(?), курданг (?) и кхмер. Все они — простые бедные люди. У этих народов нет никаких благих обычаев и общественного устройства. Ради пропитания они грабят и воруют; они привержены к жеванию и пожирают людей, как если бы они были какими-нибудь ракшасами или злыми духами. Их речь отлична от языков „верных народов“ и не является правильной и чистой. Не имеют себе равных, когда оказываются в воде, так как они могут оставаться там целый день и не погибают»[46].

В этом отрывке можно увидеть довольно характерные проявления китайской эгоцентрической предубежденности, особенно против темной кожи (они даже персов называли «черными»!) и против относительной наготы, которая считалась предосудительной со времен династии Хань. Другие источники термином «курунг» определяют все страны к югу от Китая или приравнивают «курунг» к географическому понятию «Двипантара» санскритских сочинений[47]. Однако, судя по описанию Хуэй-линя, название «курунг» ограничивается только индонезийцами, еще не вкусившими «благ» индийской культуры, т. е. неиндианизированным туземным населением Островов.

Когда великий Ли Дэ-юй, сосланный в Чаочжоу, лишился во время кораблекрушения своей любимой коллекции произведений искусства, за ней пришлось нырять «невольнику-курунгу». И нет никакого позора в том, что варвар-ныряльщик потерпел неудачу из-за обилия крокодилов[48]. Береговые индийцы и привычные к воде малайцы были излюбленными фигурами в популярных рассказах танского времени. В одном из них[49] невольник, отъявленный плут, устраивает юному герою тайное свидание с прекрасной куртизанкой, истолковывая непонятные знаки, которые дама делала пальцами. Позже этого раба, бежавшего от мстительного хозяина, обнаружили в Лояне, где он занимался продажей снадобий[50]. Все это, несмотря на китайский «декор», очень напоминает арабские или индийские рассказы и в целом характерно для особого «экзотического» направления в литературе позднетанского времени[51].

Как установлено, невольники-негры в танскую эпоху в Китае были известны только небольшому придворному кругу и на протяжении короткого периода. Этих редкостных существ китайцы называли *zāngī*, используя обозначение негров, распространенное по всему Малайскому архипелагу и существовавшее также в несколько иных видах — «зенджи» и «джанги»[52]. Это название относится к обитателям Занзибара в древнейшем и наиболее широком значении этого географического термина, обозначавшем не только остров, который носит сейчас это имя, но и обширную область в экваториальной части Восточной Африки — удобный естественный пункт назначения для кораблей,

шедших из Персидского залива под северо-восточным муссоном. Затем наименование жителей Занзибара стало собирательным, и всякого негра называли «зенджи». За шестилетний промежуток — с 813 по 818 г. — ко двору Сянь-цзуна прибыли три миссии из расположенной на острове Ява страны Калинга, царь которой пил вино, приготовленное из кокосовых орехов,— страны «пагубных женщин» [53], переспав с которыми можно было погибнуть. Посольства из Калинги преподнесли императору (наряду с такими диковинами, как живой носорог и «пятицветный» попугай) несколько мальчиков и девочек занги [54]. Кроме этого сообщения имеется только одно упоминание о присылке девочки занги танскому Девапутре в 724 г. [55] из Шривиджайи, средоточия санскритской учености и буддийского благочестия. Эти чернокожие юноши и девицы не оставили никакого следа в китайской литературе, удостоившись лишь самых кратких упоминаний в исторических сочинениях. Для просвещенного танского двора VIII—IX вв. они были лишь быстро промелькнувшими диковинами и никогда не достигали прочного положения живописных арапчат с тюрбанами на головах эпохи европейского рококо [56]. Нет определенных сведений о том, как негритята, доставленные Сянь-цзуну, оказались в руках царя Калинги, однако обычно полагали, что попали они туда из Африки. Известно, что индийские пираты, потопив корабль, который был отправлен в 712 г. правителем Цейлона к халифу, захватили на нем «абиссинских рабов» [57]. Затем черные невольники могли быть проданы где-нибудь на побережье Индийского океана и, возможно, даже оказаться увезенными на Яву [58]. Не исключено, что танские монеты, найденные на Занзибаре и на сомалийском побережье [59], были привезены туда китайскими торговцами живым товаром. Однако негроиды, присланные в Китай с Явы и Суматры, с равной вероятностью могли быть и обращенными в рабство жителями Юго-Восточной Азии, где и сейчас есть население с черной кожей. Во времена Тан китайцам была известна «страна Кат-кат занги», остров у северо-западной оконечности Суматры, дикость обитателей которого наводила страх на моряков [60]. Такое место, расположенное близко от Калинги и Шривиджайи, вполне могло быть родиной негритят, отправленных в Чанъань.

Карлики

Люди маленького роста — карлики и пигмеи, свои и чужеземные — вызывали, как и у других средневековых народов, восторженный интерес в танском Китае. Однако нельзя сказать, что мода на карликов при Тан была выражена сильнее, чем во времена династий, ранее правивших Китаем. Сам Конфуций

определил классический для карликов рост в три *чи*, когда речь шла о пигмейском народце, именовавшемся цзяояо [61] — название, означающее также «птица-королек». Как сообщает предание, маленькие люди-«корольки» жили к юго-западу от Китая; впрочем, другие называли местом их обитания остров в юго-восточном море [62]. В древности они посылали в Китай в качестве дани слоновую кость, водяных буйволов (карабао) и зебу. Они были дикарями и превосходными пловцами [63]. Нет уверенности, что китайцы времен Чжоу или Хань хотя бы видели этих тропических пигмеев, принадлежавших либо к негроидной, либо к какой-то иной антропологической группе людей с курчавыми волосами (вроде современных сенуа). Но уже тогда в Китае имелись свои природные карлики — артисты, танцоры, музыканты.

Точно так же обстояло дело и при танских императорах. Город Даочжоу (в южной части современной провинции Хунань), известный большим числом рождавшихся там карликов, должен был посылать их ко двору каждый год в качестве «дани». Поэт Бо Цзюй-и писал о них в IX в.:

В округе Даочжоу
Крошечный есть народ,
Даже самый высокий из них
    выше трех *чи* не растет.
На рынок крошечных этих рабов
    что ни год присылают снова,
И это зовется: «дары от земель
    округа Даочжоу».
Но разве могут такими
Быть дары от земель?.. [64]

Ян Чэн, гуманный правитель Даочжоу, в конце VIII в. по собственной инициативе приостановил представление ко двору столь необычной дани. Как и следовало ожидать, вскоре явился гонец из столицы, чтобы узнать, почему ожидаемая подать не поступила. Ян Чэн составил официальный ответ, в котором говорилось, что все уроженцы этого места необычайно низкого роста, так что он оказался не в состоянии решить по справедливости, кого именно отправить в столицу. Очевидно, что в этом ответе было больше хитрости, чем истины. Как бы то ни было, но в результате это требование было официально отменено, а имя Ян Чэна благословляли повсюду в этой местности [65].

Гораздо большее удивление вызывали (и намного более, чем карлики-китайцы из Даочжоу, соответствовали изощренным запросам эпохи) привозившиеся в Китай из-за границы пигмеи, к тому же напоминавшие людей-«корольков» древних времен. В 724 г. суматранским островным гсударством Шри-

виджайя (или Шрибходжа — название, под которым оно было известно арабам и китайцам) [66], был отправлен в Чанъань некий Кумара (значение этого слова — «царевич»; возможно, посланный и был им) с множеством редких даров для Сына Неба, среди которых большинство составляли человеческие существа: музыканты, девушка-негритянка (о ней уже упоминалось выше), а кроме того, два пигмея [67]. В том же году один пигмей был прислан из Самарканда, плодородной страны, изобилующей всяческими продуктами и изделиями [68]. О породе «коротких людей», живших далеко на северо-западе от этого места, в Китае слышали еще с самой глубокой древности [69]. Рассказывали, что страна этих пигмеев богата жемчугом и светящимися драгоценными камнями. Другое предание сообщало, что они живут мирной жизнью в Сибири, к северу от тюрок; и единственными их врагами там являются огромные птицы, поедающие их, когда эта удается; пигмеи же отчаянно защищаются с помощью луков и стрел [70]. Это, конечно, пигмеи античных греков, но только в дальневосточном варианте рассказа о них эти племена отнесены не к глубинным областям Африки, а к Восточной Европе или к Сибири. Однако и другая версия — исходная западная традиция, помещавшая пигмеев в Африке, — также достигла Китая.

«Маленький народ живет к югу от Великой Цинь [Дайцинь — Рим]. Их тела едва достигают длины трех *чи*. Во время вспашки и сбора своего урожая они пребывают в страхе, опасаясь быть съеденными журавлями. Но Великая Цинь поставляет стражей, чтобы защитить их, а маленький народ истощает свои сокровища, чтобы расплатиться с ними и вознаградить их» [71].

Но откуда происходил настоящий, немифический пигмей, присланный царем Самарканда?

Заложники

Не только невольники, но и многие другие категории иноземцев оказывались против своего желания в неволе у китайских владык. Одну такую группу марионеток, оказавшихся в безвыходном положении, составляли воины-арабы, посланные в VIII в. на помощь генералу Го Цзы-и для подавления великого бунта Рокшана. Но они были не единственными инородцами, жизнь которых не принадлежала им полностью и которые являли собой зрелище, вызывавшее интерес у жителей Поднебесной. От участи таких иностранных отрядов, если не считать разницы в социальном положении, мало чем отличалась и судьба заложников, содержавшихся в китайской столице в качестве гарантии дружественного расположения их титулованных или царственных сородичей за границей. Хотя институт заложни-

ков теоретически по китайским традициям был неприемлем, практика международных отношений часто требовала, чтобы об этих традициях забывали. Да и возражения, обычно выдвигавшиеся против системы заложничества, сами по себе были продиктованы скорее деловыми соображениями, чем гуманностью. Источником таких доводов была, как правило, ксенофобия, консервативное недоверие к иностранцам: считалось, что пребывающие в Китае варвары вполне могут оказаться зачинщиками смут или шпионами [72]. Во времена блистательных завоеваний VII в. было вполне обычным делом потребовать, чтобы тюркский или корейский наследник престола находился в чанъаньском дворце до тех пор, пока танское правительство не сочтет благоразумным возвратить его. Даже сасанидский царевич Нарсе [73] содержался в Китае в качестве окруженного почетом заложника, возможно, впрочем, добровольного, после того как его отец Пероз бежал из Ирана и погиб [74]. Такой период вынужденного пребывания в Китае мог показаться невыносимо длинным, несмотря на не имевшие цены почетные одеяния и обеспеченный достаток. Высокородные заложники проводили время своей комфортабельной ссылки, находя утешение в какой-нибудь чисто условной должности при дворе: обычным делом было определение их в дворцовую гвардию. Не приходится сомневаться в том, что такие отпрыски иностранных владетелей выглядели необычайно элегантно в своих красочных мундирах китайского образца [75]. И только начиная с миролюбивого царствования Сюань-цзуна соответствующим властям вменялось в обязанность отправлять по домам престарелых заложников, находившихся при дворе не один десяток лет [76]. Положение иноземных заложников в Китае, внешне выглядевшее почетным, у них на родине воспринималось совсем иначе. Там его считали унижением и неволей: «Сыновья тюркской знати стали рабами людей Китая, их непорочные дочери стали подневольными служанками» [77].

Подати людьми

Мужчины и женщины, которых отправляли танскому двору в качестве царских подарков (или «дани», как истолковывали такие подношения сами китайцы), с точки зрения свободы распоряжаться собой находились по сравнению с заложниками в еще более зависимом положении, поскольку от них требовали исполнения определенных обязанностей, и мало чем отличались от рабов. Любой смертный, отличавшийся какими-нибудь необычайными качествами, мог быть сочтен подходящим для такой роли, а китайские города еще с древности были приучены отправлять к императорскому двору разного рода необыкновен-

ные или диковинные вещи, к которым вполне могли причисляться и человеческие существа. Весьма типичным подношением, представленным одним северо-западным городом в начале VIII в., была женщина, все тело которой было покрыто очертаниями храмов и изображениями разных будд, рельефно выступавших у нее на коже[78]. Столь же поразительными были два белоголовых человека с бледной кожей — дикари-альбиносы, присланные камбоджийским государством Бнам[79]. Но люди из далеких стран, примечательных именно благодаря своей отдаленности и необычайности, казались достаточно диковинными сами по себе. Так воспринимались и четыре карлука из района озера Балхаш, присланные в Чанъань уйгурами в 822 г.[80], и айн с невероятно большой бородой, доставленный японским посольством в 669 г.[81], и преподносившиеся в дар тюркские женщины[82], и тибетские девушки, которых присылали в качестве поздравительного подарка по случаю китайского государственного празднества[83].

Но самыми лучшими подношениями из всех считались мудрые люди, ведуны из дальних стран, сверхъестественные познания которых казались еще более заслуживающими доверия в силу их чужеземного происхождения. Таким человеком был великий Муша, т. е. один из манихейских избранников,— человек, глубоко сведущий в «конфигурациях небес», присланный с этой рекомендацией в 719 г. царем Тохаристана[84]. Таким был также и Нараянасвамин, составитель лекарств, которого в 648 г. доставил из Магадхи Ван Сюань-цэ[85]. Он утверждал, что ему двести лет и что он умеет приготовлять эликсир бессмертия. Этот мудрец поведал танским придворным немало небылиц: он рассказывал, например, о чудодейственной влаге, которую можно найти только в каменной ступе в глубине гор Индии. Эта могущественная жидкость обладала свойством растворять плоть, дерево и металл. Собирать ее можно было только в череп верблюда, а перевозить — в бутыли из тыквы горлянки. Этот источник охраняется каменным изваянием, и смерть ожидает того жителя гор, который откроет это место чужому человеку[86]. Почтенный рассказчик был хорошо принят китайским императором, получившим лестные рекомендации через высокопоставленного чиновника, и ему было милостиво предписано приготовить его снадобья, продлевающие жизнь. Однако, поскольку все попытки оказывались неудачными, его влияние падало, и в конце концов он был отставлен от императорской службы. Остаток своих дней этот старец провел в Чанъани, обеспеченный, вне всяких сомнений, обширной клиентурой[87]. Другим таким чудотворцем был присланный ко двору в VII в. одной западной страной жрец, который обладал силой с помощью заклинаний возвращать к жизни мертвых. Тай-цзун нашел

среди стражников «добровольцев» для опытов в доказательство такого могущества. Иноземец с помощью своих чар умертвил их, а затем таким же путем оживил. После этого добродетельный советник трона якобы сказал монарху, что искусство это от нечистой силы, которая бессильна против истинно праведного человека (т. е., конечно же, его самого); и в самом деле, чужеземец-ведун упал замертво, когда стал произносить свою тарабарщину в адрес этого примерного вельможи [88]. Злополучный чудодей, несомненно, был искусным гипнотизером, а все, что касается его смерти, явно подверглось искажению (и было приукрашено) в последующей передаче.

Музыканты и танцоры

Но из всех умельцев, присылавшихся в Китай иностранными правительствами и занимавших несколько двусмысленное общественное положение, самыми популярными и влиятельными были музыканты-исполнители, певцы и танцоры, привозившие с собой не только инструменты, но и музыкальные вкусы. И когда в историческом источнике сообщается, что Япония в 853 г. преподнесла танскому двору «музыку» [89], под этим словом следует понимать как музыкальные номера и произведения (их рассматривали как ценности, которые как вполне вещественная собственность могут переходить из одних рук в другие), так и исполнителей вместе с инструментами японского изготовления. На протяжении многих веков музыка Западного края находила в Китае почитателей, но при императорах династии Суй мода на нее была особенно велика. Не уменьшилась она и во времена Тан. Когда страны Западного края попадали под власть Китая, их музыка «захватывалась», как и всякая другая военная добыча, и соответственно ее требовали представлять ко двору в качестве «дани» от зависимых стран. Иностранные оркестры включались в состав многочисленного придворного персонала, им предписывалось играть для придворных и вассалов во время «неофициальных» дворцовых торжеств. В противоположность этому на «официальных» церемониях должны были звучать традиционные мелодии, исполнявшиеся на старинных китайских инструментах, главным образом на колоколах, литофонах и цитрах [90].

Привычка слушать экзотические мелодии и вообще проявлять к ним великосветский интерес распространилась из придворных кругов на знать, а затем во все слои городского населения:

У стены городской слышны крики «кок-кок»,
    словно квохчут горные птицы,—
Это музыке варваров ныне в Лояне
    в каждом доме хотят научиться [91].

Но не похоже, чтобы это нелестное сравнение поэта могло оказать какое-то влияние на всеобщее увлечение. Главными очагами распространения музыкальных мод высших слоев среди народа служили два казенных «квартала обучения»[92] в Чанъани, которые можно сравнить с кварталами Гион и Понтотё в современном Киото. Один квартал специализировался в пении, другой — в танце[93]. Здесь поднесенные в дар музыканты, певицы и танцовщицы находились на таком же положении, как и казенные проститутки[94], гейши самого высокого ранга постигали развлекательный музыкальный репертуар, чтобы услаждать тех, кому Сын Неба оказывал такую милость. От них эта новая музыка переходила к независимым великосветским куртизанкам, а затем спускалась в круги полусвета и через городских гуляк попадала в общий поток танской культуры. Эти властительницы музыкальных вкусов из «кварталов обучения» старались не пропустить вновь появившихся мелодий и заботились об обновлении слов старинных песен, любимых публикой. Пользовались успехом мелодии «Музыка к освобождению из неволи сокола», «Плывя в ладье дракона», «Сокрушение южных варваров», «Зеленоголовая утка» и множество других, исполнявшихся обитательницами этих кварталов, к большому восхищению всех слоев общества, если только рачительное благоразумие не призывало к осуждению этих дам, как это бывало во время внезапных, но коротких периодов, когда властитель выражал решимость ограничить расточительность придворных кругов и издавал указ, направленный против таких безрассудств, как скупка жемчугов и нефрита, ношение изукрашенных шарфов и устройство выступлений женщин-музыкантов[95]. Но когда порядки не были излишне пуританскими, эти девы вдохновлялись на создание таких мелодий, как «Три плоскогорья тюрок», «Южная Индия», «Музыка Кучи» или «Следя за месяцем в стране Брахманов»[96]. Эти песни были подсказаны мелодиями, исполнявшимися иноземцами (главным образом музыкантами, доставленными в качестве «дани»), но требовали соответствующей обработки, чтобы не слишком расходиться с привычными вкусами. Нетрудно представить, что это были псевдоэкзотические сочинения вроде нашей нынешней «Индийской песни» или песен «Там, где Ганг струится в океан» и «Любовный сон в Пагане».

Такая не совсем непривычная музыка — с экзотическим «содержанием» и в экзотическом «стиле» — была характерна для VII в.[97]. В VIII столетии псевдоэкзотическое уступило место подлинно чужеземному, популярная китайская музыка этого времени стала похожей по звучанию на музыку городов-государств Центральной Азии. Так, знаменитая песня «Радужная рубашка, одеяние из перьев», которая всегда будет напоминать

нам о Сюань-цзуне (рассказывают, что этот царственный меломан содержал тридцать тысяч музыкантов), на самом деле была только переделкой центральноазиатской песни «Брахман». Так музыкальные традиции Кучи, Ходжо и Кашгара, Бухары [98] и Самарканда, Индии и Кореи под официальным покровительством слились с китайской музыкальной традицией. В IX в., когда строгая классическая музыка снова приобрела значение в придворных кругах [99], приток чужеземных влияний приостановился. И хотя в эти годы в Китай еще попадала музыка из Индокитая (в особенности из Бирмы и из государства Наньчжао), она, видимо, уже не оказывала, по существу, никакого воздействия на музыку Поднебесной [100].

Музыка Кучи оказала наибольшее (если сравнивать с другими городами Сериндии) воздействие на танскую музыкальную культуру. И утонченные ценители, и грубые горожане одинаково жадно внимали мелодиям «танца барабана», исполнявшегося кучинскими оркестрами [101]. Пользовались предпочтением и инструменты, на которых играли кучинские музыканты. Самым важным из этих инструментов была четырехструнная лютня с изогнутой шейкой, на технические возможности и строй которой были рассчитаны двадцать восемь популярных видов танской музыки и восходящие к ним мелодии [102]. Гобой и флейта, также занимавшие важное место в музыке Кучи, оказались поэтому распространенными и в Китае [103]. Самым любимым из всех кучинских инструментов был, однако, лакированный барабанчик из кожи валуха [104] с возбуждающими ритмами и экзотическими песнями на испорченном санскрите, исполнявшимися в его сопровождении [105]. Сам великий Сюань-цзун, как и многие другие знатные особы в Китае, был искусным мастером игры на таком барабанчике [106].

Наибольшей известностью пользовалась гибридная музыка «Западного Лян», пограничного города, официально называвшегося в танскую эпоху Лянчжоу. Эта музыка представляла собой необычный сплав музыки Кучи с традиционной китайской: в ней находилось место для, казалось бы, несовместимых звучаний вроде сочетания кучинской лютни с классическими китайскими курантами-литофонами. В VIII в. и позднее ее прославляли поэты [107].

Музыка северных соседей танской державы, воспринимавшаяся как «унылая» и «резкая», также оказывала свое влияние, но в основном на военные оркестры. Такое созвучие «ударных и духовых» [108] — живая и эмоциональная музыка, исполнявшаяся рожками, барабанами и гонгами,— более всего подходила для придворных празднеств, официальных триумфальных процессий и других случаев, требующих выражения патриотических чувств [109].

Музыка индийского происхождения попадала в Китай не только через Центральную Азию: народы Индокитая (т. е. Тямпа, Камбоджа и бирманское государство Пью) также присылали свои оркестры и своих танцоров, представлявших сочинения на темы, взятые из буддийских текстов, например «Мудры будды», «Победа сражающегося Рамы», «Павлиний царь» [110].

Некоторые из таких танцевальных пантомим, доставлявших наслаждение людям танской эпохи, в переработанной и застывшей хореографии дожили до XX в. и включаются в Японии в представления, которые дают как музыканты и танцоры при дворе, так и некоторые любители классики, тогда как в странах Азиатского материка эти балетные представления [111] оказались совершенно забытыми. Оркестры, которые в наши дни сопровождают эти «реликтовые» спектакли в Японии, должны довольно близко напоминать своих предшественников времен Тан. Они состоят из трех групп инструментов. Первая группа — духовые деревянные — включает в себя горизонтальные флейты, гобои и «губные органчики», исполняющие мелодию в высоком регистре, расцвечивая ее красочными гаммами. Во вторую группу — ударных — входят: гонг, маленький «барабан валуха» на подставке и «большой барабан», подвешенный на ярко-красной станине, увенчанной золотыми языками пламени. В третьей группе — цитра [112], лютня и струнные басового звучания. Такой оркестр исполняет произведения с четким разделением частей, чаще всего свободные прелюдии, для которых принята определенная форма — вступительная часть, исполняемая на высоких нотах «губным органчиком», затем свободное развитие темы и быстрая кода [113]. «Калавинка» — одна из танских музыкальных пьес, сохранившаяся в японских партитурных записях XIX в. и исполняемая еще и сейчас, названа так по имени божественной птицы буддийского рая [114]. Эта пьеса считалась переданной людям в виде откровения ангелоподобным существом. Созданная в Индии, она была привезена в Китай, вероятно, через Тямпу [115] и в итоге достигла Японии, где пользовалась большим успехом в IX в.[116]. «Калавинка» была представлена в 861 г. в Нара во время посвящений новой головы для изваяния Вайрочаны в храме Тодайдзи, с танцами, поставленными китайским хореографом-эмигрантом, и с новой музыкой в стиле страны Тям, исполнявшейся флейтистом Ванибэ Отамаро [117]. Этот танец и теперь исполняется в Японии четырьмя мальчиками, снабженными крыльями и одетыми в венки из цветов; они играют на маленьких цимбалах, подражая волнующему небесному голосу птицы калавинки [118]. Другая японская пантомима, представления которой также еще даются в Японии, называется «Ботоу» [119]. В ней изображается юноша в

простой одежде, с беспорядочно растрепанными волосами, который разыскивает дикое животное, съевшее его отца. Эта пьеса также попала в Японию из Китая, но в конечном счете она происходит из Индии[120]. Среди других известных нам пантомим были такие, как «Варвар, пьющий вино», демонстрировавшая пьяного «варварского» предводителя; «Бхайрава сокрушает боевой строй» — подвиг бога Шивы в его устрашающем облике; «Музыка для ударов по мячу» — инсценировка игры в поло[121]. Но самым забавным в своем первоначальном виде должно было выглядеть представление «Брызгаю водой варвара, умоляющего о холоде»[122] — танец зимнего солнцестояния, который исполняли обнаженные юноши, китайские и иноземные, прыгая в фантастических масках под громкие звуки барабанов, лютней и арф и поливая ледяной водой друг друга, а заодно и тех, кто оказывался поблизости. Это озорное зрелище вызвало такое осуждение добропорядочных подданных, что уже в 714 г. Сюань-цзун был вынужден отдать распоряжение о его отмене[123].

Добавим к этому, что выступления акробатов и фокусников, по существу, никогда не считались менее благородным зрелищем, чем музыкальные представления. Фокусы и выступления чародеев, канатных плясунов, акробатов, пожирателей огня и карликов назывались совокупно «смешанной музыкой»[124], и немало таких исполнителей из Туркестана и Индии появлялось в городах Китая[125]. Представления факиров, включавшие демонстрацию самоистязания, регулярно давались в храмах Ахура Мазды в Лянчжоу и в Лояне[126]. Представления иноземных трюкачей, часто допускавшиеся официально или даже пользовавшиеся одобрением таких незаурядных монархов, каким был Сюань-цзун, иногда все же подвергались запретам со стороны верховных властей. Гао-цзун, например, повелел изгнать с китайской земли некоего индийца, который завораживал публику демонстрациями самопотрошения и отсекания членов, и распорядился, чтобы никого из его собратьев более не присылали ко двору из-за этих рубежей[127].

Хотя в Китае с древних времен были знакомы с театром теней, в котором выступали куклы из пергамента, считается, что куклы-марионетки впервые попали в Чанъань из Туркестана в VII в.[128].

Китайцы постигали, как могли, новое музыкальное искусство, но все равно зарубежные маэстро, особенно из Трансоксианы и Восточного Туркестана, всегда были желанны, как знатоки своего дела, несмотря на то что танскому тщеславию была ненавистна сама мысль о том, что китайский гений не может взять верх над ловкостью чужеземцев. Актер из Бухары, флейтист из Самарканда, гобоист из Хотана, танцор из Ташкента,

сочинитель песен из Кучи — все они могли быть уверены, что найдут себе применение на Дальнем Востоке [129]. И в то же самое время хорошо известный китайский писатель мог сочинить историю о дворцовой служанке Тай-цзуна, которая, прослушав один раз исполнение выдающимся чужеземным музыкантом пьесы для лютни, совершенно точно воспроизвела ее. Посрамленный исполнитель покинул Китай, и, «когда об этом прослышали в странах Запада, несколько десятков из них попросили о подчинении Китаю» [130]. Таково, мол, было величие танской культуры.

Много иноземных исполнителей доставлялось в качестве подарков от далеких царств; о таких людях и об их музыке делались записи в танских анналах. Но было немало вольных музыкантов, завоевавших себе славу в Китае. И хотя их произведения не входили, как музыка Кучи и Самарканда, в официальный придворный репертуар, они были очень популярны среди народа. Так было с безымянными музыкантами из Кумеда, страны в Припамирье, на искусство которых не обратили внимания официальные хронисты; так было и с музыкантами из Кабудана, преимущественно лютнистами, получившими в Китае по названию своей страны фамилию Цао; уроженцев этой страны среди иностранных музыкантов в Китае было больше, чем из всех других стран [131]. Но нам придется вернуться от этих независимых и странствующих по далеким краям артистов к рассмотрению нашей непосредственной темы — музыкантов, которые были собственностью властителей или обывателей.

Самую низкую ступень среди этих одаренных невольников занимали мальчики, игравшие на поперечной флейте [132], любимцы вельмож вроде западного «птенца», который был у Сюань-цзуна в составе исполнителей «Грушевого сада» [133]:

С кудрявой головкой из варварских стран
 мальчик зеленоокий
В безмолвную ночь на бамбуковой флейте
 в башне играет высокой [134].

Самыми влиятельными среди подневольных музыкантов были зрелые мастера, пользовавшиеся успехом и как исполнители и как наставники. Для некоторых инструментов (во всяком случае, просвещенному человеку) считалось совершенно необходимым обучаться под руководством учителя-иностранца, чтобы достичь в искусстве подлинных высот утонченности. Мы читаем об одном превосходном китайском лютнисте VIII в., к которому восхищенный слушатель, заметивший чужеземный характер его интерпретаций, обратился с вопросом: «Не кучинский ли это лад?» На что польщенный музыкант ответил: «Мо-

им наставником действительно был человек из Кучи»[135]. Одним из таких знаменитых маэстро был кучинец Бо Мин-да (хотя неизвестно, был ли он подневольным или свободным человеком)[136]. Он сочинил пользовавшийся популярностью балет «Трели весенней иволги», ярко расцвеченный мелодиями Кучи, который был воспет в стихах Юань Чжэня и до сих пор ставится в Японии[137].

В Китае с древнейших времен существовало обыкновение отправлять в качестве подарка от одного властителя к другому красивых девушек, обученных музыке,— исполнительниц, музыкантш, певиц и танцовщиц, хотя нравственные принципы «конфуцианского» толка и рассматривали такие дары как в высшей степени легкомысленные и распутные. Тем не менее многие танские правители принимали такие подношения от властителей более низкого ранга, и в частности от властителей «индианизированных» народов Туркестана. Так, «женщины-музыканты» были присланы в 733 г. царем Хутталя, страны в верховьях Окса, богатой лошадьми, красными леопардами и конями «черной соли»[138].

Из всех артистов, ввозившихся из Центральной Азии, наибольшее восхищение вызывали танцоры — юноши и девушки. Их представления традиционно подразделялись на две группы — «гибкие» танцы и «энергичные» танцы[139]. Балет Бо Мин-да «Трели весенней иволги» был характерным для танцев первой группы — поэтических, изящных и утонченных. Но именно танцы из группы «энергичных» были более всего популярны и поэтому чаще всего упоминаются поэтами танской эпохи. Три танца из этой группы известны довольно хорошо. Одним из них является «Западный скачущий танец»[140], обычно исполнявшийся мальчиками из Ташкента, одетыми в блузы иранского образца с облегающими рукавами и в высокие остроконечные шапки, обшитые сверкающими бусами. Они были подпоясаны длинными кушаками, концы которых свободно развевались, когда танцоры припадали к земле, кружились и прыгали под быстрый аккомпанемент лютней и поперечных флейт[141]. «Танец Чача»[142], названный так по месту своего происхождения — древней области в районе современного Ташкента[143], танцевали две юные девушки в газовых халатах, украшенных многоцветной вышивкой, с серебряными поясами. На них были также рубашки далекого Запада с узкими рукавами и остроконечные шапки с золотыми колокольчиками, а на ногах — красные парчовые туфли. Девушки появлялись перед публикой, возникая из лепестков двух искусственных лотосов, и исполняли танец под звуки барабанов. Это был эротический танец: девушки строили глазки зрителям и, заканчивая выступление, приспускали свои рубашки, чтобы были видны их обнаженные плечи[144]:

Застелена ровно скамья для гостей,
    развернут коврик парчовый.
Тройными ударами барабан
    торопит снова и снова.
Вот поднимается Персика Лист
    при свете свечи принесенной;
Это явилась певица из Чача,
    колышет рубашкой лиловой.
Тянут подвески узорные вниз
    пояс на стане-цветке,
Слышен на шапке над снежным лицом
    звон бубенца золотого.
Когда же закончилась песня ее,
    никто усидеть не может —
Клубятся тучи, собрался дождь,
    бежать па Янтай готовы [145].

Это стихотворение «Певица из Чача» [146], написанное Бо Цзюй-и,— прекрасный пример произведения на экзотические темы в поэзии начала IX в., эротическое содержание которого скрыто проявляется в последней строке, где древние символические образы «облаков и дождя» и «солнечной террасы» связывают эти фееподобные создания с мифом о богине плодородия и содержат намек на соитие полов. Странные слова о поднимающихся лепестках персика, очевидно, должны изображать фейерверк [147].

Наибольшей любовью среди всех юных танцоров с далекого Запада пользовались «Девы с Запада, крутящиеся в вихре» [148]. Немало их было прислано в качестве даров от правителей Кумеда, Кеша, Маймурга и особенно Самарканда во время царствования Сюань-цзуна, т. е. на протяжении первой половины VIII в. [149].

Эти согдийские девушки, облаченные в алые платья с парчовыми рукавами, в зеленые дамаскиновые шаровары и в сапожки из красной замши, скакали, передвигались прыжками и вращались, стоя на шарах, перекатывавшихся по площадке для танцев, к восхищению пресыщенных сердец богатых и знатных зрителей. Сюань-цзун очень любил этот танец, а госпожа Ян и Рокшан обучались его исполнению [150]. А кое-кто видел губительное падение нравов в этом увлечении созерцанием кружащихся дервишей женского рода [151].

Меньше попадало в танский Китай музыкантов и танцоров из других частей Азии. Тем не менее, если говорить о странах Индокитая и Индонезии, то государство Наньчжао, расположенное на юго-восточной границе Тан, отправило оркестр, который в 800 г. выступал перед китайским императором [152]. Этот чужеземный оркестр, возможно, уже имел гибридный характер, поскольку китайский посланец несколькими годами ранее видел в Наньчжао исполнителей кучинской музыки, которые задолго

до того были отправлены в Наньчжао Сюань-цзуном и все еще играли в оркестре [153]. После того как в конце VIII в. в результате китайского завоевания Наньчжао [154] открылось сообщение с танской державой, государство Пью на территории Бирмы преподнесло в 802 г. оркестр из тридцати пяти исполнителей, игравший произведения, написанные на сюжеты буддийских сочинений, отсчитывая такт сжатием кулаков и аккомпанируя на круглых раковинах и красиво отделанных гравировкой бронзовых барабанах вроде тех, какие имелись у состоятельных «варваров» Южного Китая [155]. Владение Шрибходжа (на острове Суматра) прислало в 724 г. ко двору Сюань-цзуна ансамбль музыкантов [156], а группа музыкантов-женщин с острова Ява прибыла из государства Калинга во второй половине IX в. [157]. Одиннадцать японских танцовщиц были препровождены ко двору Тан в 777 г. представителями царства Бохай [158]. В другом случае японское посольство привезло как подношение священные «звучащие раковины» [159].

Когда в VII в. были завоеваны царства Когурё и Пэкче, стала пленницей и музыка этих корейских государств: целые оркестры вместе с инструментами и нотными записями были увезены в Китай как добыча [160]. Исполнители из Когурё и их потомки более ста лет продолжали преданно играть для китайского двора, но из двадцати пяти произведений, известных им в конце VII в., к концу VIII в. они помнили только одно, а сами музыканты уже совсем утратили родные обычаи своих плененных предков. Что же касается оркестрантов из Пэкче, то они уже к началу VIII в. или умерли, или рассеялись [161]. Более продолжительное существование коллектива оркестрантов из Северной Кореи (т. е. из Когурё), может быть, объясняется тем, что две группы их коллег и соотечественников, уже оказавшихся подданными царства Силла, были привезены вместе с инструментами к танскому двору в 818 г., пополнив собой поредевший состав невольных эмигрантов [162]. Поднимавшееся на Корейском полуострове царство Силла, которое находилось в дружеских отношениях с династией Тан, прислало в 631 г. Тай-цзуну пару пригожих девушек, отличавшихся как своими прекрасными волосами, так и музыкальными талантами. Император изрек несколько нравоучительных сентенций (вроде следующего: «Мы наслышаны, что наслаждение звуком и цветом не может идти в сравнение с любовью к добродетели» [163]), затем поведал терпеливым послам, как он отослал обратно в Тямпу царское подношение — белого молуккского какаду, и, заключая свою речь, провозгласил, что эти очаровательные девы более достойны сочувствия, чем какой-то экзотический попугай, и потому они должны отправиться обратно в Силлу [164].

Дофин: La cheval volant, Пегас, qui a les narines de feu! Когда я скачу на нем, я парю над землей, я сокол; он несется по воздуху; земля звенит, когда он заденет ее копытом. Самый скверный рог его копыт поспорит в гармонии со свирелью Гермеса.

Вильям Шекспир. Жизнь короля Генриха V (перевод Е. Н. Бируковой)

ГЛАВА III

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

Кони

Лошади имели чрезвычайное значение для танских правителей. Высокое положение и далеко простиравшееся среди народов Азии могущество династии Тан зависели в значительной степени от наличия у Китая множества лошадей для того, чтобы перемещать воинов и припасы в борьбе против подвижного неприятеля, в особенности против кочевых народов, их ненасытных противников. Тезис о полной зависимости государства от того, насколько велико у него число боевых коней, открыто провозглашен в «Истории Тан», где в связи с гибелью от мора ста восьмидесяти тысяч государственных лошадей сказано: «Лошади — это военная готовность государства; если Небо отнимет эту готовность, государство начнет клониться к упадку» [1]. Когда в начале VII в. династия Тан пришла к власти, победители насчитывали в своем распоряжении только пять тысяч лошадей, что паслись на лугах Лунъю (в современной провинции Ганьсу). Из них три тысячи достались в наследство от павшего дома Суй, а остальные составляли добычу, захваченную у тюрок [2]. Благодаря попечению чиновников, ведавших проведением государственной политики коневодства, уже в середине того же столетия страна стала располагать семьюстами шестью тысячами лошадей, размещенных на восьми больших пастбищах к северу от реки Вэй, в сельском округе Западной столицы [3]. С этих пор прилагались усилия, чтобы поддерживать конское поголовье на столь же высоком уровне. Единственная важная перемена произошла в середине VIII в. уже после правления Сюань-цзуна, когда бедствия войны опустошили сельские местности. После этих невзгод, сопровождавшихся упадком центральной власти, крупная знать и высшие провинциальные чиновники стали содержать в своем владении огромные табуны, численность которых в итоге превышала

поголовье, находившееся в распоряжении императорского правительства [4].

Но самая острая потребность не означала, однако, что властителем будет принято любое подношение коней. Император мог из принципа или по соображениям целесообразности отвергнуть дорогостоящий подарок, будь то девушка-танцовщица или танцующая лошадь, как неподобающий его добродетельному и неподкупному правлению. Три первых танских властителя часто поступали именно так [5]. Иноземные князья, нередко на протяжении VII в. добивавшиеся чести родственного союза с династией Тан, посылали табуны столь желанных коней, чтобы подкрепить ими предложение о браке с китайской принцессой. Поэтому для китайского монарха принятие такого дара было равноценно внешнеполитической акции. Показательно, например, различие в отношении к двум тюркским государствам: в 642 г. телесские тюрки, прося о брачном союзе с императорским домом, прислали три тысячи коней, но после долгих дебатов танский двор отверг это унизительное соглашение [6]. А уже в следующем году такой союз был заключен с тюрками-сиртардушами, приславшими царевича с пятью тысячами серых черногривых коней [7] и, кроме того, с большим количеством быков, верблюдов и козлов [8].

Представление о лошадях как об орудии дипломатической и военной политики сочеталось с представлением о всадничестве как об аристократической привилегии. Этот пережиток власти пытались закрепить указом 667 г., запрещавшим ремесленникам и торговцам ездить верхом на лошадях [9].

Но, пожалуй, для властителей Китая благородство этих животных еще больше было связано с их особым священным статусом, чем даже с их действительной полезностью. Древняя традиция приписывала коню святость, наделяя его чудесными свойствами и несомненными знаками божественного происхождения. Почтенный миф провозглашал коня родственником дракона, близким к таинственным силам воды. Все замечательные кони (вроде скакуна благочестивого Сюань-цзана, который, согласно поздней легенде, доставил из Индии священные буддийские сочинения) считались аватарами дракона, а все высокорослые кони, имевшиеся у китайцев, назывались в древности просто драконами [10].

Самыми прославленными из всех лошадей древности были необычайные верховые кони Му — Сына Неба, называвшиеся «восемь скакунов» [11]. *Цзюнь* — китайское обозначение любой отменной чистопородной лошади — часто подразумевает сверхъестественное происхождение или таинственное родство с божественными конями Запада и даже — как метафора — могло обозначать героя из людей. Изображение в искусстве этих не-

обычных, наделенных, как ангелы, крыльями лошадей, сопровождавших великого царя через пустыни священного Куньлуня, было важной темой в фантастическом искусстве средневекового Китая. Их гротескными изображениями, написанными в V в., дорожили танские знатоки. Чтобы объяснить странный вид этих коней, ссылались на то, что все святые мудрецы древности, даже сам Конфуций, тоже не выглядят как обычные люди. Божественные создания, будь то люди или кони, не только по сути были неземными и сверхъестественными созданиями, но и выглядеть должны были соответственно [12].

На далеком Западе жили замечательные «небесные кони» — «с богатырской статью драконовы свахи», т. е. кони, стать которых была создана, чтобы нести такие же крылья, как у фантастических западных скакунов-*цзюнь*, коней — приманивателей и провозвестников драконов [13]. Вот как их описывает Ли Бо:

Коней небесных род начался
    в стране Юэчжи в пещерах.
На спинах у них как у тигра узор,
    с драконьими крыльями тело [14].

Поверье о лошадях-драконах Запада восходит ко II в. до н. э., когда ханьский император У-ди, стремясь утвердить свою божественность и обеспечить бессмертие — то с помощью волшебной пищи, приготовленной алхимиками, то выполнением сложных обрядов невероятной (но сомнительной) древности,— страстно мечтал об упряжке неземных коней, которые доставили бы его на небеса [15].

Предание о лошадях, рожденных из воды, было известно в различных частях Туркестана. Например, в Куче, когда в VII в. этот город посетил Сюань-цзан, перед одним из храмов имелось «озеро драконов»: «Эти драконы, изменяя свой облик, соединяются с кобылицами. Их потомство — порода диких лошадей [«лошади-драконы»], трудная для приручения и свирепого нрава. Но потомки этих лошадей-драконов становятся послушными» [16]. Этот рассказ, должно быть, имеет истоки где-то западнее, в иранских странах, где и в изобразительном искусстве, и в мифах крылатые кони были хорошо известны [17]. Даже длинноногие и поджарые лошади «таджиков» (даши), т. е. арабов, считались рожденными от соединения драконов с кобылицами на берегах «Западного моря» [18]. Во времена У-ди божественных лошадей — «потеющих кровью» коней, славившихся и на Востоке и на Западе и находившихся в родстве с нисейскими конями, которых выращивали для персидских царей в Мидии,— китайцы помещали на Яксарте, в Фергане [19]. И весьма вероятно, что посланник Китая, открывший во II в. до н. э. пути на Запад, знаменитый Чжан Цянь, был на деле личным

посланцем императора, которому было доверено найти этих чудесных коней. Их появление открыло бы для ханьского Китая «век дракона»[20].

Хотя Чжан Цянь и не сумел привезти этих коней, уже по крайней мере ко II в. до н. э. китайцы располагали красивой и статной лошадью западной породы[21], которую они отождествляли с легендарными лошадьми-драконами. И пускай у них не было крыльев, но они имели «стать, созданную для крыльев дракона». Эти лошади были больше монгольских низкорослых лошадок и их одомашненных разновидностей, распространенных в Китае. Но вряд ли они были крупными боевыми конями. Скорее это были животные нежного сложения, содержавшиеся для ритуальных целей[22]. Зоологическое определение этих чудо-коней остается невыясненным. Они описывались одним авторитетным специалистом как «арианские кони» — крупная и сильная порода, известная в древности в прикаспийских областях[23]. Вероятно, их потомков можно распознать в современных туркменских конях.

«Туркменская лошадь, или лошадь *турки*, получила свое название от ее первоначальной родины — Туркестана, но теперь она распространена в Персии, Армении и Малой Азии. Имеется несколько пород, из которых лучшая обитает в областях к югу от Аральского моря и Сырдарьи. Ростом в 15—16 ладоней, отличающиеся большой выносливостью, эти лошади имеют крупную голову с римским носом, овечью шею, стройное тело и длинные ноги. Обычно они гнедой или сивой масти, но некоторые из них — вороные, с белыми бабками. Своей быстротой и красотой они обязаны арабским кровям, привитым к местному стволу, в большей или меньшей степени родственному, видимо, монгольскому тарпану»[24]. Арабские крови сказываются в «двойном хребте», отмеченном еще китайцами ханьской эпохи[25],— двух складках мышц по обе стороны от хребта. Эта особенность, очень удобная при езде верхом без седла, ценилась и на Западе в античное время[26]. С другой стороны, «узор как у тигра», упоминаемый в стихотворении Ли Бо, указывает на атавистический признак этой породы — «след угря», т. е. на темную полосу вдоль спины, типичную для многих примитивных пород лошадей вроде норвежского коня мышастой масти и очень отчетливую у азиатского онагра.

В танском Китае верили, что эти лошади, которых они ввозили из водообильного Самарканда как производителей для своих боевых рысаков, были из породы настоящих ферганских скакунов-*цзюнь*[27]. Но в Китае слышали также и о лошадях «драконьего семени» в снежной и безветренной долине Кашмира[28]. Из рассказа, относящегося к началу XI в., мы узнаем, что шесть настоящих «потеющих кровью» лошадей было по-

слано в середине VIII в. из Ферганы ко двору Сюань-цзуна. Они назывались Красный чыртпад, Лиловый чыртпад, Алый чыртпад, Желтый чыртпад, Гвоздичный чыртпад и Персиковый чыртпад (*чыртпад* на языке согдийцев означает «четвероногий»). Властитель принял их с удовольствием, дал им новые, менее «варварские» имена, и их изображения были запечатлены на стенах одного из больших залов во дворце Сюань-цзуна[29]. Казалось бы, можно считать эту красивую историю только отражением ностальгической фантазии ее автора Цинь Цзай-сы — литератора, жившего тремя веками позже описанного события. Он пользуется, например, романтическим старинным названием родины этих разноцветных коней — Давань. Но достоверность рассказа нельзя отвергнуть полностью. Во-первых, китайцы питали пристрастие к устаревшим названиям чужеземных стран. А во-вторых, есть подлинное свидетельство в историческом источнике о преподнесении Сюань-цзуну коней (к сожалению, неописанных и не названных по именам) из Ферганы[30]. Более того, в литературе VIII в. не раз встречается определение «красный чыртпад»: он употреблен даже по отношению к единственной разновидности китайского кота, живущего в Линъу (Ганьсу)[31]. Я склонен верить в этих «потеющих кровью» коней, попавших в Китай, и в настенную живопись Сюань-цзуна с их изображениями. Но независимо от того, существовали ли в действительности описанные лошади или нет, молва о конях этой породы всегда имела сказочный оттенок.

Издревле известная китайцам лошадь — большеголовый низкорослый конек со стоячей гривой, косматый зимой, который был некогда распространен на большей части Северной Азии и Европы (его знали еще люди каменного века во Франции и Испании). Эта дикая лошадь азиатских степей, кости которой были найдены в плейстоценовых отложениях Ордоса в Северном Китае[32], в настоящее время встречается только в Джунгарии[33] и находится на грани полного исчезновения[34]. Этот тарпан (или лошадь Пржевальского — *Equus przewalskii*) имеет разбросанных по всему свету одомашненных родичей, довольно жалких, вроде норвежского мышастого, или сильно облагороженных благодаря примеси арабских кровей[35]. Одомашненный монгольский пони, на которого китайцы могли в основном рассчитывать, по существу, тарпан, но с ниспадающей гривой, челкой и густым хвостом. Эти особенности появились, по-видимому, также в результате скрещивания с арабской породой[36]. От основного ствола (вероятно, с помощью каких-то других, неизвестных нам пород) было выведено в древности много разновидностей, различавшихся мастью и статью: например, белые лошади с черной гривой, традиционно ассоциирующиеся с династией Ся; белые с черными головами — кони династии Шан;

красногривые желтые лошади династии Чжоу. Богатство и сложность словаря, связанного с обозначением разновидностей лошадей даже во времена Чжоу и Хань, свидетельствуют о высоком уровне развития коневодства в древнем Китае [37].

Несмотря на особое пристрастие к более крупным западным лошадям, в танском Китае сохранялся, видимо, в какой-то мере интерес и к диким коням, ибо в 654 г. тибетцы сочли сотню диких лошадей подарком, подобающим для поднесения правившему тогда Сыну Неба [38]. От этой же исходной породы, с большими или меньшими примесями далеких западных кровей, происходят также такие особые разновидности лошадей, характерные для средневекового Китая, как белые лошади с «багряной» гривой, разводившиеся в Шэньси в танскую эпоху [39] и, видимо, восходящие к классическим лошадям эпохи Чжоу, или как неутомимые сычуаньские лошадки, характерные в танскую эпоху для Суйчжоу, но знакомые западным соседям Китая на много веков раньше [40]. Многие из «казенных лошадей» (т. е. из породы, разводившейся властями) — почтовых, военных и т. п. — являлись гибридом тарпана и арабских лошадей, из них некоторые с преобладанием арабских кровей. Иногда таких лошадей, за которыми заботливо ухаживали, не хватало для государственных надобностей и приходилось пополнять их число за рубежом. Так было в начале VIII в., когда Сюань-цзун выпустил указ, разрешавший торговлю лошадьми с «шестью округами ху» [41]. Но арабские крови были в Китае в невыгодном положении и вряд ли могли противостоять потоку монгольских коней, находившихся под руками. Наследственность западных рысаков после танской эпохи стала ослабевать, а к началу нового времени была окончательно побеждена большим притоком степных лошадей на протяжении юаньской и минской эпох [42].

Иноземные лошади этих двух пород (т. е. низкорослые северные лошадки и западные рысаки) и многочисленные промежуточные помеси и разновидности притекали в Китай во время существования танской империи. Китайцы относились к ним с любовью и восхищением. Их пристрастие к лошадям как к вещам экзотическим, с одной стороны, можно отнести за счет предания о лошадях-драконах Запада, а с другой стороны, находит объяснение в родстве правящей верхушки с тюркскими и иными, более отдаленными кочевниками. Сверх того, поскольку лошадей, находившихся на пастбищах Китая, никогда не хватало для нужд огромной империи и «всаднической» аристократии, играющей в конное поло, предпочтение, оказывавшееся иноземным породам, естественно, определялось потребностью в них.

Рассказы о замечательных лошадях дальних стран (как правдоподобные, так и едва ли заслуживающие доверия) поль-

зовались большим успехом в танском Китае. Там слышали, например, о Стране пятнистых лошадей (Бомаго) далеко на севере, где земля всегда засыпана снегом. Китайское название этого народа выглядит переводом названия тюркского племени ала-йондлу — «имеющие пегих лошадей»[43]. Мы не знаем, попадали ли на китайскую землю когда-нибудь экземпляры этих пятнистых верховых животных, которых у них на родине без всякого почтения заставляли пахать[44]. Еще более отдаленными были земли арабов, восхитительные скакуны которых могли даже понимать человеческую речь[45]. Посланцы из мусульманских стран доставили таких чистокровных рысаков в Китай в 703 г.[46], но о том, что с ними произошло дальше, нам ничего не известно.

Более основательно пополнение конских табунов шло с северо-востока. Отсюда лошадей посылали тунгусские и монгольские народы: мохэ из страны Бохай[47], обитавшие к югу от Амура[48]; шивэй[49], кочевавшие к западу от народа мохэ[50]; си из Южной Маньчжурии, пославшие в подношение своих проворных лошадок в 816 г. и регулярно после этого года направлявшие миссии с данью[51]; кидани, будущие завоеватели Северного Китая, также жившие в Маньчжурии и посылавшие в VII и VIII вв. много посольств со своими небольшими лошадьми, искусными в езде по лесу[52].

На севере жили тюркские народы — главный источник лошадей для танского Китая. Они поставляли подвижную и ловкую породу, близкую к роду древних тарпанов, стойкую к долгим переходам и не имеющую равных в охоте, давным-давно прирученную древними хозяевами степей — сюнну[53]. И настолько были важны тюркские лошади, что гордым китайцам приходилось идти на разные мелкие унижения, чтобы заполучить этих крайне необходимых им животных. В одном случае, в первые годы правления династии, китайский принц унизился, явившись лично к тюркскому хану, в его отдаленную ставку. Там его встретили, выказав надменность и высокомерие. Только после того, как принц представил свои богатые дары (среди них наверняка были куски шелка и кувшины с вином), прием сразу же стал торжественным и теплым, а к танскому двору было послано ответное посольство с табуном лошадей[54]. Были и другие мелкие уступки, на которые приходилось идти в отношениях с тюрками. Не всегда была необходимость в вещественных подарках, для того чтобы вызвать ответный дар — желанных породистых лошадей. Когда зимой 731/32 г. могущественный владыка Бильге-каган отправил в танскую столицу пятьдесят первоклассных лошадей, то дар имел характер благодарственного приношения. Младший брат этого кагана незадолго перед тем умер, и артель из шести китайских художников от-

правилась в степной войлочный город, где воспроизвела облик умершего царевича, до слез растрогав тюркского владыку. И табун — щедрый подарок кагана — последовал за удачливыми мастерами в Китай [55]. Так, тем или иным путем, тюркские народы севера — будь то сиртардуши, токуз-огузы («девять племен») или другие народы — понуждались посылать в императорские загоны огромные количества лошадей, иногда до пяти тысяч разом [56]. Но самыми крупными и самыми заносчивыми поставщиками конского поголовья в Китай были тюрки-уйгуры. Они главенствовали на конском рынке с середины VIII в., когда непрекращающиеся войны, внутренние и внешние, породили в сокращающейся танской империи острую потребность в лошадях. Уйгуры и тибетцы стали главными внешними врагами Китая, а естественное соперничество и китайская дипломатия обращали первых против вторых. После того как тибетцы угнали тысячи китайских лошадей, что паслись на государственных лугах в Лунъю [57], и даже захватили столичный город Чанъань, униженные китайцы бесчисленными уловками пытались отделаться от надменных тюрок, изгнавших из Китая тибетских горцев только ради своей собственной выгоды. Несмотря на бесконечные сетования на высокомерие уйгуров, осмеливавшихся даже нападать на знатных китайцев на их собственной земле, Тан вознаградила чужеземцев за их службу монополией на прибыльную торговлю лошадьми [58]. Не было больше заискивающих тюркских посольств, добровольно привозивших в Чанъань живых лошадей в дар в надежде на благосклонность властелинов Востока. Теперь это были сугубо деловые взаимоотношения с более развитыми, но женоподобными (как они воспринимались среди иноземцев) китайцами, которые выказывали подобающее почтение и платили ту цену, которую называл продавец. В последние десятилетия VIII в. обычная цена уйгурской лошади составляла сорок штук китайского шелка — поразительный грабеж! [59]. В первой половине IX в. разоренной стране случалось уплачивать миллион кусков тафты в год в обмен на сто тысяч изможденных лошаденок, уже непригодных самим уйгурам для походов на север [60]. Только однажды китайский император попытался ограничить эту разорительную коммерцию. В 773 г. уйгуры прислали специального представителя с десятью тысячами лошадей для продажи. Назначенная цена превышала сумму годового дохода правительства от налогов. Тогда Дай-цзун, император рассудительный, «не желая вдвое увеличивать страдания народа, приказал, чтобы специалисты подсчитали сумму, которую можно истратить на ввоз, после чего разрешил приобрести шесть тысяч из тех лошадей» [61].

Проклятием для уйгуров в IX в. были киргизы [62], угрожающие нависшие над северными окраинами этого тюркского госу-

царства. Их описывали как высоких людей с бледными лицами, серыми глазами и рыжими волосами[63]. Еще во второй половине VII — первой половине VIII в. они ухитрялись пригонять своих лошадей через враждебную территорию к границам Китая[64]. И вся Центральная и Средняя Азия, от Яшмовых Ворот Китая (Юймынь) до Аральского моря, занятая западными тюрками и их ираноязычными подданными, также поставляла лошадей в необъятные танские конюшни[65].

Из широких долин и богатых городов Трансоксианы, а также из прилегающих к ним гор поступали (особенно в VIII в., в блестящее правление Сюань-цзуна) лошади, богатые арабскими кровями: из Самарканда[66], Бухары[67], Ферганы[68], Тохаристана[69], Чача[70], Кеша[71], Кабудана[72], Маймурга[73] и Хутталяна[74].

С границ Тибета в 652 г.[75] отправили в дар лошадей монгольские туюйхуни, уже заметно утратившие свою былую спесь. Сами тибетцы отправили сотню коней двумя годами позже[76]. Но в целом тибетцы не стали сколько-нибудь серьезным источником лошадей для Китая вплоть до первых десятилетий IX в., когда они были оскорблены уйгурами[77]; но и тогда они посылали намного меньше лошадей, чем эти заносчивые тюрки.

Города-владения Сериндии также отправляли в Китай превосходных коней — Куча неоднократно[78], Хотан по меньшей мере один раз[79]. Победоносные арабы присылали своих изящных рысаков однажды, в конце VII в.[80], потом, как мы уже видели, в начале VIII в. и несколько раз на протяжении «золотого царствования» Сюань-цзуна[81]. Даже отдаленная Капиша (древняя Гандхара) — жаркая страна к северо-западу от Индии, выращивающая рис и богатая слонами, где почитался буддизм, но правили тюрки,— прислала лошадей в Китай в 637 г., когда миром правил тенгри-каган Тай-цзун[82]. В 795 г. дар из шестидесяти лошадей неизвестной породы прислало и крепнущее государство Наньчжао, лежавшее на юго-западе[83].

Важная для страны торговля лошадьми, которая велась с северными кочевниками, была упорядочена в 727 г. санкцией на учреждение обменного рынка (*ху ши*) на границе в районе Ордоса, поставленного под наблюдение правительства. Целью этих мероприятий было увеличение конского поголовья в Китае и улучшение качества казенных лошадей путем скрещивания их с желанной чужеземной породой[84]. Непосредственным поводом для учреждения обменного рынка послужил дружеский дар из тридцати прекрасных лошадей, полученный от Бильге-кагана. Вместе с этим подношением он переслал Сюань-цзуну через своего посланца и письмо, полученное им от тибетцев, в котором те побуждали тюрок объединиться с ними в набегах на китайскую территорию. Повелитель был растроган

этими знаками дружбы, осыпал посланца богатыми дарами, а также «определил, чтобы место для обменного рынка было устроено в „Обнесенном стеной городе для приведения к покорности на Западе“, при „войске Северной стороны“. И каждый год туда доставлялось несколько десятков мириад кусков тяжелой тафты и других шелков...» [85].

Это место стало постоянным пунктом, через который лошади северных народов доставлялись в Китай. С этого времени можно встретить в китайских хрониках сообщения вроде приводимого ниже, которое добавлено к известию о поднесении шестидесяти четырех лошадей токуз-огузами, киргизами и шивэйцами в начале 748 г.: «Уполномоченный в „Обнесенном стеной городе для приведения к покорности на Западе“ приказал поставить на них клейма и принять их» [86]. Такой же торговый пост был установлен в 729 г. и на тибетской границе, в ущелье у Красной горы [87].

Но, конечно, продолжала существовать и оживленная частная торговля. На ней обогатились, в частности, тангутские поселения, расположенные на северо-западной границе. В начале IX в. «дальние и ближние странствующие торговцы доставляли к ним шелка и другие товары, получая взамен баранов и лошадей» [88]. Но такое процветание за счет близости к границе оказалось, однако, делом ненадежным, так как в 30-х годах того же столетия эти тангутские поселения были обобраны алчными китайскими чиновниками, принуждавшими предприимчивых тангутов продавать свой скот по разорительно низким ценам. Естественно, что за этим последовал тангутский разбой на дорогах вдоль южной оконечности Ордоса [89].

На крупных государственных торговых постах лошади (так же как и верблюды, ослы, бараны) принимались, осматривались и записывались государственным надзирателем. Затем их отправляли на соответствующие пастбища или в императорские конюшни. На пути от границы лошадей вели группами по десять голов, на каждую такую группу полагался один погонщик [90]. С этого момента лошади бережно охранялись государством. И самая большая забота состояла в том, чтобы ни одна из них не была поранена, потеряна или украдена. Лицо, на попечении которого находилась казенная лошадь, в любой момент было ответственно за ее сохранность и благополучие. Лошади не должны были погибать. Но если какая-нибудь пала, то процедура установления причины ее смерти и степени ответственности лица, пользовавшегося ею, была разработана до мельчайших деталей. Например, если лошадь была выдана для дальнего путешествия (т. е. использовалась не в качестве обычной почтовой лошади) и пала в пути, ее мясо следовало продать, а шкуру возвратить на казенный склад. Если же смерть лоша-

ди случилась в пустыне, где нет под рукой покупателя на конское мясо и складов, всадник был обязан доставить обратно (если ему самому удавалось вернуться) только кусок шкуры лошади с государственным клеймом в качестве доказательства [91].

Поступившая на государственное пастбище иноземная лошадь приписывалась к табуну (*цюнь*) из ста двадцати голов при одном из крупных пастбищных «надзоров» (*цзянь*), каждый из которых имел на попечении до пяти тысяч лошадей. Там это животное находилось под присмотром, пока его не брали на службу государству в качестве боевого коня, почтовой лошади или коня для членов правящего дома и придворных фаворитов. Клейма, указывающие на принадлежность, возраст, тип, качество и состояние лошади, ставились на разные участки тела. Все государственные лошади метились знаком *гуань* «казенная» на правом плече, а название «надзора», к которому она приписана, ставилось у хвоста. Существовали клейма, содержавшие название страны, из которой происходила лошадь; клейма, обозначавшие быстроту и выносливость («летящая», «дракон», «ветер» и др.); клейма с указанием работы, для которой предназначалась лошадь. Например, слово «выпущенная» выжигалось на правой стороне морды лошади, определенной на военную или почтовую службу; слово «выданная» ставилось на правой стороне морды лошади, предоставленной частному лицу [92]. Погонщикам и стоявшим над ними чиновникам предписывалось, не допуская снижения поголовья ниже определенного уровня, заботиться о его увеличении. Строгое наказание накладывалось на должностное лицо, в списке которого лошадей оказывалось меньше, чем нужно. Тридцать ударов бамбуковой палкой составлял штраф за недостачу одной лошади [93].

Если какая-нибудь из привезенных лошадей удостаивалась внимания начальника, ведавшего дворцовыми лошадьми, это животное отправляли с пастбища в столичный город, где приписывали к одному из загонов (*сянь*) или стойл (*цзю*), находившихся в распоряжении дворца. В зависимости от типа и качества лошадь могла быть включена в «Лошадиный загон летящих желтых», «Лошадиный загон благовестных и чистокровных», «Лошадиный загон драконовых свах», «Лошадиный загон *таоту*», «Лошадиный загон *цзюэти*» или в «Лошадиный загон Небесного парка» [94]. Пять из этих загонов были названы в честь прославленных лошадей прошлого, память о которых сохранилась в литературе и преданиях [95]. Шестое название — «Небесный парк» — служило поэтическим обозначением парка Сына Неба, где он охотился со своими лошадьми-драконами. Экзотических рысаков могли брать из этих загонов для крупных военачальников, для императорской охоты, для церемониальных

4 Заказ № 2366

шествий, для игр знати в поло и для других торжественных и величественных оказий.

Поло в начале танской эпохи или немного раньше проникло из Ирана — через Сериндию — в Китай [96], откуда уже распространилось в Корею и Японию. Игра называлась просто «битье мяча» [97]. Играли в нее изогнутыми клюшками, концы которых имели форму полумесяца, а воротами служили сетчатые мешки. В поло играли императоры, придворные, дамы и даже ученые, и во дворце существовало специальное поле для этой игры [98]. Мы не знаем, какие лошади в танском Китае считались лучшими для поло, но источники сообщают, что в 717 г. пара лошадок для игры в поло была прислана из города Хотана [99]. Можно представить, что самые лучшие животные для этой игры доставлялись из тех стран, где увлекались поло, таких, как Туркестан и Иран. Тибетцы тоже слыли чрезвычайно искусными игроками в поло [100].

Но и у китайцев, в свою очередь, тоже было чем поразить тибетцев. «Во времена Срединного Предка [Чжун-цзуна] в императорской резиденции был устроен пир для тибетцев и показано им представление с дрессированными лошадьми. Лошади были снаряжены и убраны шелковыми нитями с раскраской в пять цветов, украшениями из золота, а их седла были увенчаны головами единорогов и крыльями фениксов. Когда играла музыка, каждая из лошадей ступала ей в такт, и весьма чутко. А когда все они достигли середины зала, музыканты преподнесли им вина. И лошади, пока пили, держали чаши в пастях, Потом они легли ничком и снова поднялись. Тибетцы были совершенно поражены» [101].

Еще более прославленными, чем чуткие к музыкальным ритмам лошади Чжун-цзуна (начало VIII в.), считались танцующие лошади Сюань-цзуна, участвовавшие в представлениях несколькими десятилетиями позже. Эти последние числом достигали сотни и были отобраны из наиболее одаренных лошадей, присланных в качестве дани из-за рубежей Китая. Их наряжали в богатые вышивки с золотой и серебряной бахромой, а гривы украшали драгоценными камнями. Разделенные на две группы, они проделывали свои сложные телодвижения, сопровождая их кивками головы и взмахами хвоста. Танцевали они под музыку «Песни перевернутой чаши» (*цин бэй цюй*), исполняемую двумя оркестрами красивых юных музыкантов, облаченных в желтые одеяния с яшмовыми поясами. Они могли танцевать на скамьях, соединенных по три, и стояли как вкопанные, когда силачи поднимали эти скамьи. Вошло в обычай, чтобы эти замечательные создания выступали ежегодно в Башне Ревностного Правления (*цинь чжэн лоу*) в пятый день восьмой луны, в честь дня рождения императора, — на празд-

нествах, называвшихся «Период тысячи осеней» (*цянь цю цзе*). В таких торжественных выступлениях эти лошади разделяли успех с отрядом стражей в золотых доспехах, церемониальным оркестром, фокусниками-варварами, дрессированными для выступлений слонами и носорогами и с огромной толпой дворцовых девушек в богато украшенных костюмах — девушки играли на восьмиугольных «громовых барабанах» [102].

Когда Сюань-цзун был свергнут с престола, знаменитые танцующие лошади оказались рассеянными по стране. Сколько-то было отправлено Рокшаном на северо-восточную границу, некоторые несли военную службу. Но распознать их среди прочих боевых коней было легко: стоило лишь заиграть военному оркестру в лагере, как лошади начинали танцевать [103]. Лу Гуй-мэн, поэт-отшельник IX в., писал об этих лошадях Сюань-цзуна, связывая их с почти легендарными ферганскими лошадьми-драконами:

Потомки драконов пещер Юэ —
    четыре сотни копыт.
В такт тихим и горделивым шагам
    златой барабан гремит.
Окончилась музыка — словно бы ждут
    милостей от государя,
Не смея заржать, обернулись на башню,
    где повелитель сидит [104].

«Пещеры Юэ» у Лу Гуй-мэна — это то же самое, что «Пещеры в стране Юэчжи», упоминаемые у Ли Бо, т. е. Средняя Азия [105]. Поэтому лошади-танцоры и принадлежат к числу экзотических чудес среднетанского периода.

В пуританских указах, которые издавались время от времени в царствование династии Тан (особенно на протяжении добродетельно войнолюбивых и хвастливо-напыщенных царствований), повторяющейся темой было запрещение преподносить в дар престолу очаровательные безделушки: они объявлялись никчемными, так как не могли приносить пользу государству. К числу таких постановлений относится и запрет на подношение маленьких лошадок, подписанный в первый год правления династии [106] и отдававший предпочтение дюжим рысакам перед очаровательными конями-крошками. Тем не менее тремя годами позже Гао-цзу — тот же император, что издал упомянутый указ,— соблаговолил принять миниатюрных «лошадок **kuâ-ha*» из Пэкче (в юго-западной части Корейского полуострова) [107]. Величественный жест строгого благонравия, выказанный при вступлении на престол, уже, видимо, был предан забвению. Когда суровые и воинственные царствования VII в. сменились в VIII в. более мягким и более беспечным «просвещенным» царствованием Сюань-цзуна, миниатюрные лошадки наряду с

другими изящными редкостями с охотой принимались двором. В VIII в. они поступали из владевшего Кореей царства Силла [108] и должны были относиться к той же породе, что и лошадки из Пэкче, — к миниатюрной разновидности монгольского тарпана, которая развивалась в изоляции на острове (в данном случае на острове Чечжудо в Корейском проливе), так же как это было с известными шотландскими пони или «волшебными пони» Эланда [109]. Маленькие лошадки были знакомы китайцам еще с I в. до н. э., когда их впрягали в экипаж вдовствующей императрицы [110]. Во II в. н. э., таких лошадок присылало в Китай центральнокорейское царство Вэй [111], а более позднее предание отождествляло их с лошадьми героя Чжу Мэна — легендарного лучника, основавшего царство Когурё [112]. То, что все эти лошадки поступали в Китай с острова Чечжудо, где условия обитания сдерживали их рост, — только предположение. В танское время их название — **kuâ-ha* — изображалось китайскими иероглифами, означающими «под плодовым деревом», а распространенное объяснение так истолковывало это название: на этих лошадках, дескать, можно было, не задев, проехать под самыми нижними ветвями плодового дерева, так они были малы [113]. Это довольно поздняя этимология, а первоначально название **kuâ-ha* должно было передавать слово из какого-то языка северо-восточных соседей Китая, значение которого было утрачено и переосмыслено китайцами [114]. В XII в. это название употребляли, даже когда шла речь о маленьких лошадках с тропического юга танской империи [115]. В танскую эпоху обычно говорили, что корейские лошадки — ростом в три *чи* [116]. Это, конечно, фигуральное выражение — число, которым обозначалась высота всех миниатюрных существ: уже с древности оно употреблялось, например, когда речь шла о росте карликов [117]. Во всяком случае, не стоит пытаться с его помощью точно определить рост корейских лошадок. Легко представить, что использовали их при Тан точно так же, как во времена Хань: они возили повозки царственных дам, удостаивались участия в официальных шествиях и украшали собой публичные выезды изнеженных юных особ. Похоже, что именно такие кони-карлики, весело разукрашенные, возили золотую молодежь танской столицы в пригородные сады, где во время весеннего цветения устраивались пирушки [118].

Самыми знаменитыми из всех экзотических коней танского времени были шесть скакунов-*цзюнь*. Эти кони возили Тай-цзуна во все опасные походы против соперничавших с ним претендентов на китайский престол. И эти образчики совершенства известны нам как по литературе, так и по памятникам изобразительного искусства. Сам властитель в знак глубокой привязанности к ним оставил краткие описания в прозе каждого из

этой шестерки (пожалуй, скорее даже их портреты) и поэтические восхваления ⟨*цзань*⟩ каждому из них [119]. Вот один из них:

«Красный чыртпад — цвет его чисто-красный; ходил под седлом, когда усмиряли [Ван] Ши-чуна и [Доу] Цзянь-дэ [120]; был поражен четырьмя стрелами спереди и одной стрелой сзади. Панегирик ему такой:

> Когда Чань и Цзянь [121] были еще неспокойны,
> Топор и секиру простерло мое величество;
> Багряный пот — стремительные копыта!
> Голубые стяги — триумфальное возвращение!» [122]

Этот рысак был увековечен в поэзии и скульптуре. А боевой конь, ходивший под Тай-цзуном в этом же самом походе, — Желто-серый чалый [123] оставил совсем иной след в искусстве. После того как он погиб в корейских войнах, Тай-цзун сочинил в его честь мелодию, называвшуюся «Двойная песнь о Желто-сером», видимо в подражение старинной мелодии ханьского времени [124].

Любимый императором Красный чыртпад, если судить по выражению «багряный пот», был связан (по крайней мере в воображении) с «потеющими кровью» лошадьми Ферганы. Хотя в жилах всей императорской шестерки текла западная кровь, попали они к Тай-цзуну, судя по некоторым именам (вроде Тегинский чалый), от тюрок [125]. Прославленные изображения этих прославленных рысаков, запечатленные в каменных рельефах по повелению императора зимой 636/37 г. [126], основывались на рисунках великого Янь Ли-бэня. После смерти Тай-цзуна эти рельефы были установлены около его Лучезарной Гробницы в Шэньси, а затем их перенесли в музеи [127]. Гривы этих каменных коней были вырезаны (т. е. завязаны) уступами-пучками, напоминая силуэтом зубцы крепостной стены, по древнему обычаю, видимо, иранского происхождения, который был широко распространен в Центральной Азии и Сибири. В Китае же этот способ украшения конской гривы вышел из моды со времен ханьских императоров. Его появление вновь при Тай-цзуне не только удостоверяет высокородность и его лошадей, и самого наездника, но и свидетельствует о тюркском происхождении этих скакунов [128]. Что же касается воображаемой родословной шести скакунов-*цзюнь*, то она — через знаменитых коней ханьской эпохи — возводилась к восьми скакунам-*цзюнь* царя Му из династии Чжоу, чудесные очертания которых в качестве образца для великих властителей — покорителей «варваров» еще сохранялись тогда в старинной живописи, составлявшей одно из государственных сокровищ Тан [129].

Десять боевых коней [130] Тай-цзуна менее известны, чем его шесть скакунов-*цзюнь*, хотя и относятся примерно к тому же времени. Эти редкостные и прекрасные рысаки попали к импе-

ратору в конце его жизни. Поэтому новые кони не были так тесно сплетены с судьбой Тай-цзуна, не занимали такого места в его жизни, как их предшественники — шесть скакунов, особый почет и слава которых были заслужены в уже миновавшие дни горьких испытаний и переменчивого счастья. Новые кони были выбраны императором лично из сотни лошадей, присланных в 647 г. тюркским народом курыкан (гулигань) [131]. Воспитавшие их северные табунщики — обитатели страны, изобилующей лилиями, к северу от Байкала — взрастили их жилистыми и крепкими наподобие киргизских лошадей. Они прислали табун великому правителю Китая неклейменым, но с необычно подрезанными ушами и мечеными мордами [132]. Тай-цзун сам выбрал имена для десяти отобранных им коней [133]. Белый — Гарцующий Мороз, Серый — Сияющий Снег, Серый — Замерзшая Капля, Серый — Рассеянный Свет, Колеблющийся, как Волна, Гнедой, Летящий на Закат Чалый, Светостремительный Красный, Желтый — Струящееся Золото, Лиловый — Вздыбленный Единорог, Красный — Бегущая Радуга [134].

Хотя легко вообразить, что какие-нибудь живописцы VII в. могли запечатлеть курыканских коней для услады глаз своего господина, у нас нет сведений даже о намерении такого рода. Время Хань Ганя, самого выдающегося из всех китайских художников, писавших коней, еще не наступило. Он жил в следующем столетии, при Сюань-цзуне, который и сам был ценителем экзотических лошадей. Хань Гань гордился тем, что его динамичные картины больше следовали живой натуре, чем традиционным изображениям царских коней [135]. Судя по тому, что можно почерпнуть из письменных источников о более ранней живописи, излюбленная дотанская манера изображения лошадей была условной и даже фантастической; необычность очертаний и цвета подчеркивала божественное происхождение царских лошадей. Хань Гань был, видимо, первым крупным китайским живописцем, который, изображая лошадей, следовал принципу бескомпромиссного реализма. Это было большим новшеством. Не следует забывать, что особое место, занимаемое лошадью по сравнению с другими иноземными домашними животными, попадавшими в Китай, определялось не только ее значением для безопасности страны, но и в равной степени ее родством с легендарными и сверхъестественными созданиями седой старины. В известном смысле Хань Гань своей живописью навсегда низвел эти фантастические существа на землю. Этот китайский художник VIII в. оказался последним, кто смог увидеть небесных лошадей-драконов изумляюще правдоподобными. Натуралистическое пристрастие к экзотическому навсегда одержало верх над благоговейным почтением к символическим образам.

Одомашненная разновидность двугорбого бактрийского верблюда к началу правления танской династии уже была знакома и находила себе применение в Северном Китае по меньшей мере в течение тысячи лет. Во времена династии Хань тысячи верблюдов использовались в торговых и военных караванах, ходивших во вновь завоеванные области Серинդии [136]. В древности китайцы, когда им нужно было пополнить контингент этих полезных животных, ценившихся за надежность при перевозке людей и товаров через пустынные плоскогорья Гоби и Тарима [137], целиком зависели от иноземных пастушеских народов вроде сюнну. Так же было и во времена Тан, когда империя простерлась еще дальше в глубь Центральной Азии: нужда в верблюдах оставалась столь же острой. Чтобы удовлетворить огромные потребности империи, верблюдов, как и лошадей, приходилось добывать за рубежом. Верблюды поступали в Китай в качестве подарков престолу, как «дань», как товар и в качестве военной добычи. Посылали верблюдов танскому двору уйгуры [138] и тибетцы [139]; верблюды были доставлены с посольством от народа чуми на реке Манас [140] и от тюргешей [141], а Хотан прислал «ветроногого дикого верблюда» [142]. Верблюды, особенно у тюркских народов, всегда относились к наиболее высоко ценимым вещам, таким, как золото, серебро, девушки и рабы [143]. В народных представлениях и в поэзии верблюды рассматриваются как добродетельные и благородные животные [144]. Их можно было получить на старых караванных путях в городах-владениях бассейна реки Тарим. Гао Сянь-чжи захватил много верблюдов, наряду с другими сокровищами, в Чаче [145]. Сражающиеся верблюды были особенностью больших празднеств в Куче [146]. Киргизы также использовали верблюдов для различных состязаний [147].

Пополнявшиеся из этих иноземных источников обширные стада верблюдов, которыми располагало китайское правительство, управлялись, как и казенные табуны лошадей, целой вереницей чиновников. Главный погонщик каждого табуна отвечал только за семьдесят верблюдов, тогда как нормальный табун лошадей состоял из ста двадцати голов [148]. Верблюдов вместе с другим крупным скотом содержали в богатых травой провинциях Гуаньнэй и Лунъю (современные Шэньси и Ганьсу). Численность государственного стада верблюдов точно неизвестна, но в 754 г. на казенных пастбищах провинции Лунъю находилось двести семьдесят девять тысяч голов крупного рогатого скота, овец и верблюдов [149]. Частные лица благородного происхождения, несомненно, тоже держали верблюдов, используя их в качестве верховых и вьючных животных. Возможно,

подавляющее большинство табунщиков, дрессировщиков и погонщиков верблюдов, находившихся на государственной и на частной службе, состояло из иноземцев — выходцев из Монголии, Центральной Азии и Тибета. Видимо, этим и вызвано изречение Ду Фу: «Западные парни имеют власть над верблюдами» [150].

Наиболее быстроходные и надежные верблюды, особенно белые, были приписаны к Ведомству надзора знаменитых верблюдов и использовались для чрезвычайных государственных надобностей, в частности для доставки известий о пограничных осложнениях [151]. Но этим превосходным почтовым верблюдам иногда находили применение и по менее серьезным поводам, как об этом сообщается в рассказе о Ян Гуй-фэй — наложнице Сюань-цзуна. Монарх, как повествуется в рассказе, получив в качестве «дани» из Цзяочжи в Индокитае десять «фигурок» камфоры с острова Борнео, отдал их госпоже Ян. Она же скрытно отправила их с помощью Ведомства надзора знаменитых верблюдов на отдаленную и опасную границу Рокшану, своему любовнику (он действительно им был) [152].

Существовали в императорских конюшнях и «верблюды — летящие драконы». В конце VIII в., когда запасы зерна в столице оказались недостаточными для приготовления вина Сыну Неба, не сочли унизительным занять этих замечательных животных перевозкой риса [153]. В целом же верблюды в Китае обычно предназначались для незаурядных и чрезвычайных целей.

Однако, тесно связанные с головорезами-кочевниками, обитавшими по ту сторону границы, верблюды могли восприниматься и как животное, несущее ужас. В начале VIII в. они упоминаются в столичной уличной песенке как «золотые верблюды с северных склонов» и олицетворяют грабителей из Монголии, вьючные животные которых нагружены богатой добычей, захваченной в танском Китае [154]. Позднее, в том же столетии, верблюды превращаются в особый символ, связанный с варварами-мятежниками, последовавшими за Рокшаном. «Они унизили две столицы и взяли за обыкновение навьючивать на своих верблюдов редкости и драгоценности из Неприкосновенной Сокровищницы, чтобы увозить их в свои тайники в пещерах и холмах Фаньяна» [155]. В стихотворении Ду Фу «Плач по государеву внуку» отношение к северным предводителям и их «кораблям пустыни» нашло свое классическое выражение. В центре стихотворения — образ царевича из разоренного гнезда Сюань-цзуна, который надеется избегнуть смерти в руках людей Рокшана; поэт рассказывает ему о воцарении Су-цзуна, чья «терпеливая добродетель» получила поддержку против повстанцев у тюрок-уйгуров. Поэт утверждает, что священный дух усыпальниц императорских предков дает непреходящую надежду на сохранение и династии и царевича:

Стаи белоголовых ворон собрались
    на чанъаньских стенах городских,
По ночам подлетают к воротам Яньцю,
    шум и гам поднимают на них.
Направляются после в жилища людей,
    что-то в пышных покоях клюют,
А хозяин покоев — сановник большой,
    он от варваров скрылся лихих.
Изломалась его золоченая плеть,
    в спешке девять коней он загнал,
Домочадцы его — плоть и кости его —
    вместе с ним убежать не смогли...
У кого возле пояса черный коралл,
    драгоценных подвесок набор?
Просто жалко смотреть: императорский внук
    на обочине плачет в пыли.
Отвечать не решается он на вопрос,
    кто он родом, как имя его;
Говорит о невзгодах и муках своих,
    молит взять его — хоть бы рабом:
«Пробежало, мне кажется, целых сто дней,
    как скрываюсь в колючих кустах,
Неизраненной кожи кусочка теперь
    не осталось на теле моем».
Императора Гао-ди царственный внук
    должен быть и в несчастье велик,
Чтоб драконово семя никто не посмел
    с человеком обычным сравнить.
Ныне в город шакалы и волки пришли,
    а дракон — где-то в диких полях.
Хорошо, если смог императорский внук
    драгоценную жизнь сохранить.
Заводить бы не стоило длинную речь,
    подойдя к перекрестку дорог,
Но измучен вконец императорский внук,
    я даю ему дух перевесть:
«Ночью ветер с восточной подул стороны,
    он зловоние крови донес,
И верблюдов на улицах древних столиц,
    на восточных дорогах не счесть.
Славны мощные воины северных стран,
    крепко тело их, руки сильны,
Сколь они безрассудными стали сейчас —
    сколь бывали надежными встарь!
Но я слышал: Сын Неба ушел на покой
    и наследнику трон уступил,
Что смирился на севере южный шаньюй —
    столь премудр молодой государь.
В гневе он расцарапал лицо — в Хуамэнь
    он готовится смыть свой позор,
Опасается только засад чужаков,
    охраняющих каждый проход.
Пусть я плачу с тобой, императорский внук,—
    в опасениях трусости нет:
Дух высокий пяти знаменитых могил
    в его сердце вовек не умрет» [156].

Верблюд был полезен людям не только как вьючное животное. Из его шерсти изготовляли замечательное сукно, очень мягкое, которым позже так восхищался Марко Поло. В танскую эпоху такой камлот выделывался и регулярно отсылался к императорскому двору из Хуэйчжоу (в Ганьсу) и из Фэнчжоу (в Ордосе), лежащих на северо-западной границе, близ основных источников сырья [157].

Кроме того, верблюжье мясо шло в пищу, а горб даже считался деликатесом. Ду Фу писал о «горбе розового верблюда, возникающем из голубого котла», а Цэнь Шэнь, повествуя о застолице на пограничной заставе Цзюцюань, писал:

Дети племени цян и мальчишки ху
свою песню хором поют.
Мясо пестрой коровы шипит над огнем,
приготовлен дикий верблюд... [158]

Вареная или жареная верблюжатина не могла быть обычным блюдом северокитайской кухни, за исключением тех мест, где были распространены сами верблюды и иноземные обычаи.

Крупный рогатый скот

Трудно поверить, чтобы крупный рогатый скот занимал сколько-нибудь важное место в перечне иноземных экзотических товаров, необходимых или желанных в танском Китае. Издревле китайцы должны были располагать многими разновидностями быков, среди которых имелись даже причудливые породы со шкурами разных мастей, специально выведенные для многочисленных жертвоприношений древним богам,— о большинстве из них в танское время вряд ли сохранились даже воспоминания. Но за всем этим многообразием стоит сравнительно простое подразделение на три крупные разновидности. Эти три изначальные породы различали во времена Тан, как различают и теперь. Крупный фармаколог VIII в. Чэнь Цан-ци называл их «желтые коровы», «черные, как ворон, коровы» и «водяные коровы» [159] (последние — это карабао или буйволы). Можно думать, что желтые коровы — это гибрид европейской коровы и индийского зебу [160]. Они южного происхождения и остаются наиболее характерными для Южного Китая, хотя и распространены по всей стране. За ними по значению следуют величественные карабао. Там, где распространены и желтые коровы, и буйволы, первые используются для вращения водяных колес, с помощью которых орошаются поля, и для вспашки легких почв, вторые — на тяжелых глинистых почвах рисовых полей [161].

Во времена Тан желтые коровы имели наибольшее значение на острове Хайнань — дикой тогда стране, только что попавшей под власть китайской администрации. Там не было тогда ни ослов, ни лошадей, поэтому тамошние жители ездили только на желтых коровах, которых они седлали, взнуздывали и украшали, т. е. относились к ним так, как в других местах относятся к лошадям[162]. Черные быки Северного Китая до некоторой степени остаются загадкой: они, видимо, имеют примесь крови одной из диких местных дальневосточных пород, таких, как гаур или бантенг[163]. Но в любом случае крупный рогатый скот той или иной породы был распространен по всей территории танского Китая.

Китайцы с очень давних времен имели также свои карликовые породы коров вроде «волшебного скота» с острова Корво на Азорах[164]. Считается, что «просяной бык»[165], как и бык-*цзю*[166] царства Чжоу, был миниатюрным священным животным[167]. Другая разновидность крошечных коров, называвшихся «скот *пи*» или «скот под плодовым деревом» (как и карликовые лошадки из Кореи и Гуандуна), разводилась с древнейших времен в Гаоляне, к юго-западу от Гуанчжоу[168]. Указ танского Гаоцзу, изданный в конце 618 г.[169] и налагавший запрет на подношение престолу карликового скота и других крошечных существ, мог быть направлен против представления ко двору как китайских животных-пигмеев вроде описанных выше, так и, возможно, иноземных, таких, как красивые маленькие бенгальские гинеи[170].

Среди жителей танского Китая ходили рассказы о быках чужеземных стран, иногда красочные, иногда весьма прозаические. Так, они знали, что рыжеволосые и белолицые киргизы, отказываясь возводить свой род к волкам, как это делали другие тюрки, заявляли, что они происходят от спаривания бога с коровой в горной пещере[171]. Но к какой породе принадлежала эта прародительница и похожа ли на нее та разновидность домашнего рогатого скота, которую разводят киргизы[172], об этом не сообщается. Китайцы знали также, что жители Кучи проводят обрядовые бои между боевыми быками (равно как и конями и верблюдами) во время своих празднований Нового года. Исход этих ритуальных состязаний используют как прогноз — увеличатся или уменьшатся в наступающем году их стада[173]. Но ни один из авторов не отмечает, что эти доблестные быки попадали в Китай. Нет никаких сообщений и о том, что китайские путешественники хотя бы видели исполинского дикого быка Центральной Азии — быка с белой шерстью, расстояние между рогами которого составляло целых десять *чи*, — несмотря на то, что о его существовании имеются вполне авторитетные свидетельства[174].

На деле трудно сказать что-нибудь определенное об особенностях даже тех быков и коров, тысячи которых были присланы танскому государству в 628 г. тюркским каганом, хотя увидеть их было несложно [175]. Что же касается стад «скота», пригнанных правителями племени туюйхунь [176] и тибетцев [177], можно полагать, что это должны были быть яки — единственный вид скота, о котором сообщается в перечне домашних животных этих народов в ту эпоху [178]. Если говорить точнее, это были зобо — гибридные потомки яка-самца и самки зебу. Крупный черно-коричневый дикий як и схожий с ним его полуприрученный родич (но несколько меньший по размерам, чем дикий як) хорошо чувствовали себя только в холодной атмосфере альпийских горных массивов. Лишь лохматые маленькие полукровки зобо (они бывают различных мастей) могли переносить гнетущую обстановку низин [179].

Из окрестностей большого голубого озера Кукунор [180], родины племен туюйхунь, богатой попугаями и полезными металлами, с начала VI в. поступали в качестве «дани» яки, названные вполне определенно, а также подношения знаменитых местных серых жеребят. Тибетцы, требовавшие от своих гостей, чтобы те для большого пира забивали своих собственных яков [181], также изредка присылали в начале VIII в. китайскому двору яков [182]. Мне представляется, что эти единичные животные были не послушными маленькими зобо, а их дикими и гордыми предками [183], которых посылали, чтобы удивить искушенных жителей столицы.

В изображениях яка в китайской литературе не нашел отражения опасный нрав его дикой разновидности. Ду Фу писал:

Когда заросли темно-зеленой травы
  погибают, спаленные сушью,
То неверной ногою небесный скакун
  вслед за яками еле бредет;
Для способных и мудрых с древнейших времен
  уготована скудная доля,
А нарушивший верность иль злобный юнец
  титул *хоу* всегда обретет [184].

В этих строках благородные кони божественных кровей показаны изнуренными засухой и голодом (что символизирует скудость духовной пищи, питавшей праведных людей в те трудные времена); им остается только тащиться заодно с простыми зобо, изображенными как тупоумные, неуклюжие существа (они олицетворяют людей с подобными же чертами).

Еще с древних времен, когда варвары, помахивая мухогонками из хвостов яков, принимали гостей своего царя [185], на равнинах Китая хвосты яков оказались крайне необходимыми

для знамен и штандартов, для украшений шляп и повозок знати[186]. При танских правителях эти хвосты посылали в качестве ежегодной постоянной дани западные города провинции Сычуань, где большие горные хребты поднимались к высокогорным равнинам Тибета[187]. Это были пушистые хвосты зобо, но подобные же хвосты были и у индийских *човри*[188]. В Китае, уже доставленные во дворец, эти хвосты должны были в конечном счете оказаться на заботливом попечении «надзирателя повозок», отвечавшего за экипажи дам императорского сераля и за дорогих животных, которых впрягали в эти экипажи: «Он ведает повозками и фаэтонами, и зонтами и веерами для них, и вещами для украшения, перьями и хвостами яков, которые он должен выставлять на солнце в подобающее время года»[189].

Овцы и козы

Молва о многих удивительных породах чужеземных овец (или, может быть, коз, поскольку эти животные рассматривались китайцами вместе, что, надо признать, вполне оправданно) достигала пределов Тан. Пожалуй, самым поразительным был рассказ о «землерожденных овцах» Рима: «Ягнята той породы овец рождаются из земли. Жители страны ожидают, пока не покажутся побеги, и затем возводят стену, с помощью которой предохраняют их от поедания дикими зверями. Но пуповины их прикреплены к земле, и, если их обрезать, ягнята подохли бы. Однако если люди в доспехах, чтобы перепугать их, ударяя в барабаны, пригонят туда своих лошадей, то ягнята, завидев их, закричат от страха, отчего пуповины отделяются, и те могут отправляться на поиски воды и травы»[190].

Один исследователь стремился видеть в этом рассказе отражение мифа об аргонавтах (люди в доспехах) и золотом руне, но приведенная история перепутана с другой — о раковинах мидий (к ней мы еще вернемся ниже), в которой с этими моллюсками воюют раки (им-то и соответствуют в рассказе об овцах, рождающихся из земли, люди в доспехах), сокращая их век. «Землерожденные овцы» — это отчасти также и «овцы-растения», т. е. хлопчатник, дающий растительную «шерсть»[191].

В Китае рассказывали также о том, что в Самарканде выращивают овец с огромным тяжелым хвостом, весящим целых десять *цзиней*[192]. И такие овцы — не миф; это курдючная порода, распространенная в Бухаре и в степях Казахстана, молодняк которой дает знаменитые астраханские смушки — каракуль. Отсюда такие овцы очень рано распространились в Персию и Сирию[193].

Дикая овца голубоватой масти с хвостом «цвета зимородка» упомянута в связи с Капишей. Должно быть, речь идет об опре-

деленной разновидности крупного бхарала, или «голубого барана», с причудливо закрученными рогами [194]. Это изящное животное, серо-голубая окраска которого позволяла ему оставаться незаметным на фоне голых скал высокогорья, странствовало по горам, на высоте десяти тысяч футов и выше, от Белуджистана через горы Куньлунь к пределам Китая [195].

Трудно идентифицировать гигантскую овцу, разводимую, как об этом сообщает знаменитый путешественник Сюань-цзан, крестьянами высокого в горах снежного Памира [196].

Один тюркский князь преподнес китайскому императору в 626 г. наряду с огромным табуном лошадей десять тысяч овец. однако этот дар не был принят; можно полагать, что политические соображения здесь были ни при чем: китайцы в этот период не испытывали большой нужды в овцах и ввозили их в страну в очень небольшом количестве. Коз в Китае знали с древнейших времен, а иметь дело с овцами более подобало вонючим кочевникам. Можно предположить, что отвергнутые овцы тюрок принадлежали к курдючной вислоухой породе, характерной для Центральной Азии и Сибири и хорошо известной в Китае [197].

Ослы, мулы и онагры

Осел, как и верблюд, появляется в поле зрения китайцев только в конце древнейшего периода (т. е. на закате династии Чжоу), медленно и постепенно распространившись из Северной Африки — своей первоначальной родины. Но для людей танской эпохи, тысячелетие спустя, он уже был местным домашним животным, которое не казалось удивительным и, очевидно, не было предметом ввоза, если не принимать в расчет осла в пятьдесят *чи* высотою; по сообщению источника, в целом достоверного, животное было прислано в 654 г. тибетцами вместе с сотней лошадей [198]. Этот гигантский экземпляр, видимо, был рожден преувеличенными слухами или ошибкой переписчика, если в данном случае к действительному событию не оказался приплетенным какой-то миф. Фармаколог Чэнь Цан-ци рассказывает наряду с морскими конями и морскими коровами и о «морских ослах», шерсть которых встает дыбом, когда они чувствуют морской ветер. Но мне неизвестно, рассказ какого путешественника он слышал. Может быть, он имеет в виду какое-то существо с далеких морей, шерсть которого не смачивалась водой, как у морского слона или морской выдры [199].

Появление в Китае мулов (как и ослов — их прародителей по отцовской линии) произошло уже в послеархаический период — возможно, даже близко к ханьской эпохе, но к танскому времени они были уже настолько распространены, что в одной

провинции, испытывавшей недостаток в лошадях, оказалось возможным посадить на мулов целое войско [200].

Близким родственником осла и мула являлось копытное животное, знакомое китайцам только по экземплярам, привозившимся в VIII в. в знак покорности с далекого Запада. Эти необычные существа назывались *лоу*, что отражает лингвистическую близость к китайским названиям осла (*лу*) и мула (*ло*). Китайские лексикографы затруднялись в определении этих животных, которых в 720 г. прислали из Тохаристана [201], а в 734 г. из Персии [202] — страны, где, как передавали, они водятся в большом количестве [203]. Одни говорили, что они относятся к какой-то породе лошадей, другие — что это разновидность осла, но в действительности это должны были быть почти не поддающиеся приручению онагры — как их неправильно называют, «дикие ослы» Туркестана, Персии и Ближнего Востока, родственные чигетаям Центральной Азии и Монголии, а также тибетским кянам (куланам) [204].

Собаки

Принято считать, что все разновидности домашних собак происходят от пяти древних видов [205]. Некоторые из этих первоначальных видов имеют потомков среди собак Китая. Чжоу (чао-чао), например, происходят от такого исходного типа, как шпиц, многочисленные разновидности потомков которого распространены среди ненцев и тунгусских племен и даже в тропических странах Индонезии [206]. Борзая, очень древняя порода собак, изображена на каменных рельефах ханьской династии, а ее прародители, вероятно, попали в Китай из Египта еще в незапамятные времена [207]. Наиболее популярен был в древнем Китае курносый мастиф с хвостом, закрученным на спину, родословная которого восходит к тибетскому волку (*Canis niger*); от него пошли также ассирийские собаки, римские *molossus*, сенбернары, ньюфаундленды, бульдоги, а также миниатюрные китайские породы, такие, как мопс [208]. Сам великий Янь Ли-бэнь рисовал мастифа, привезенного в качестве дани в VII в.,— видимо, это было подношение Тибета, родины этой породы [209].

Народы Туркестана также присылали в Китай собак: Самарканд — в 713 г.[210] и затем в 724 г.[211], Куча — в 721 г.[212]. Хотя нам и неизвестно ничего определенного об этих собаках, очевидно, это были охотничьи собаки, пользовавшиеся большим спросом среди китайских придворных. Если это так, они должны были попасть на императорские псарни при дворце в Чанъани [213]. Были и совершенно бесполезные диковины вроде двухголовой собаки — уродца от рождения, присланного ко двору императрицы У в 697 г.[214].

Порода пятнистых собак, попавших в Китай из Ирана, называлась здесь просто «персидской», но ее родословная остается загадкой [215]. Собаки, известные под этим названием в VI в., были крупными и злобными псами, способными убивать и пожирать людей [216]. По-видимому, такими же были и пятнистые собаки танского времени.

Другая порода, ввозившаяся из Западной Азии во времена танской династии,—«собаки Хрома» (т. е. «римские собаки») [217], впервые появилась в Китае в начале VII в. как подношение владетеля Гаочана (Ходжо). Вот как об этом сообщалось:

«Он преподнес собак, кобеля и суку, в шесть *цуней* высотою, а длиною в один *чи* или около того. Они были очень умными. Они умели править лошадьми с помощью вожжей и носить в зубах свечи. Говорили, что вырастили их в стране Хром» [218].

О наружности этих миниатюрных животных ничего определенного сказать нельзя, но высказывалось предположение, что были они не чем иным, как типичными болонками древней мальтийской породы [219], что весьма вероятно. Эти одушевленные игрушки, определенно относящиеся к породе шпицев, с лохматой шерстью и с заостренными мордочками, были любимцами и греческих гетер, и римских матрон [220]. Их порода оказалась поразительно устойчивой, а белошерстная ее разновидность существует и в наши дни. И, может быть, именно такие собаки изображались в живописи сунского периода, хотя до конца быть уверенным в таком отождествлении трудно [221]. В самом деле, никто не может сказать, дала ли вообще пара собачек, присланных из Ходжо, какое-то потомство в Китае; но не исключено, что другие, похожие на них собаки, попадая на Дальний Восток, продолжали породу. Напомним такой рассказ о Сюань-цзуне и его возлюбленной супруге:

«Однажды в летний день его величество, играя в *го* с наследником трона, приказал Хэ Хуай-чжи побренчать что-нибудь на цине. Драгоценная Супруга следила за игрой, стоя возле игральной доски. В тот момент, когда его величество был близок к проигрышу нескольких фигур, Драгоценная Супруга выпустила из-за сиденья собачку-игрушку из самаркандской страны. И тут собачка-игрушка вскочила на доску и смешала все фигуры на доске. Его величество был чрезвычайно доволен» [222].

Героиней этой дипломатической операции была, вероятно, римская собака. Ее же можно встретить (правда, без каких-либо указаний на происхождение) и в словах песни, написанной безымянным танским поэтом на мелодию «Опьяненный отпрыск знатного дома» [233]. В сцене рассказывается о ветренице (возможно, о куртизанке), ожидающей прибытия молодого господина;

За воротами дома
заливается лаем собачка,

Понимаю я сразу —
  это Сяо почтенный явился.
Я, чулки не поправив,
  по душистым ступеням спускаюсь,—
Только недруг мой милый
  за сегодняшний вечер напился [224].

Китайские иероглифы, которые я в приведенных строках переводил как «собака-игрушка», связаны со значением «карликовый» [225] и, таким образом, не содержит географических данных о происхождении этого создания. Доставка из Самарканда собачки, принадлежавшей Драгоценной Супруге Ян, как бы указывает в сторону Рима (и далее на Мальту [226]); трудно утверждать с уверенностью, что таково было происхождение и того мопса, что в песне оповещает о прибытии господина Сяо, но некоторые исследователи полагают, что все собаки, называвшиеся «собака-игрушка», были «римского» происхождения. В любом случае современные курносые китайские комнатные собачки не обнаруживают сейчас мальтийских кровей, хотя, возможно, их следы сохранились, но не видны нам [227]. Иноземные или китайские, но эти маленькие баловни были излюбленными героями поэзии (или метафорических выражений в стихах) начиная с танской эпохи и до XVII в. [228].

Потому что я молю господа, чтобы ввел он
на этот наш остров всех вновь сотворенных.
Потому что я молю господа о страусах в долине
Солсбери, о бобрах в Медуэе, о серебряной
рыбе в Темзе.

Кристофер Смарт. Возрадуйся Агнцу

ГЛАВА IV

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ

Слоны

Слон отнюдь не всегда был для Китая животным экзотическим. В эпоху бронзы, когда в долине Желтой реки правили цари династии Шан, слоны еще принадлежали к числу обычных диких животных; их, несомненно, ловили, приручали и использовали для практических нужд [1]. Но по мере того как народонаселение увеличивалось, а лесной покров в Северном Китае редел, эти крупные животные отступали к югу. В исторические времена слоны встречались только в глухих уголках малодоступных частей бассейна Янцзы и южнее. Они были многочисленны в горных местностях Гуандуна еще в IX в. [2], а на теплых побережьях этой провинции — в X в. [3]: в надписи 962 г. в пагоде в Дунгуани (к востоку от Гуанчжоу) записано, что стадо слонов вытоптало крестьянские посевы [4]. Эти гуандунские слоны отличались розовым цветом бивней, шедших на изготовление церемониальных табличек для записей, а местные повара высоко ценили нежный вкус их хобота [5]. Более интересна (и более загадочна) порода черных слонов (иногда их называют сине-черными) — обитателей долины Янцзы, где им было дано обидное название «речные свиньи» [6].

За те века, что прошли со времени падения государства Шан до возвышения династии Сун, для жителей Северного Китая слоны были только редкостным зрелищем, но на юге их временами использовали, правда, только в военном деле, и то не часто. Воины Чу двинули слонов против своих врагов в 506 г. до н. э.; южное государство Лян в 555 г. применяло слонов, оснащенных тесаками, а богатое государство Южная Хань использовало отряды слонов в больших битвах 948 и 971 гг. [7].

Но эти редкие исключения не смогли сгладить представления о слонах как о чудовищах и диковинных существах, родина которых лежит за южными пределами Китая. Во времена

династии Хань рассказывали, что люди аннамского побережья въезжают верхом на слонах в море для того, чтобы найти и вытащить сокровища глубин, в частности прекрасные жемчужины — слезы «акульего народа»[8]. В эпоху Тан слоны считались типично южным животным, символом жарких стран Индокитая. Именно так писал о них поэт Чжан Цзи:

В странах морских
  воюют верхом на слонах;
В округе Мань
  на рынках в ходу серебро[9].

В этом стихотворении слоны и серебро поставлены рядом, так как они были в такой же степени характерны для Индокитая, в какой необычны для Китая, оставшегося страной боевых коней и медных монет. Цзяочжоу (в XX в. — Тонкин), находившийся тогда под китайским протекторатом, — самая близкая из этих морских стран. Поэт IX в. Ду Сюнь-хэ писал стихи, изобилующие экзотическими описаниями юга, среди которых есть такие стихотворения, как «Пещеры цветов вторят песням маней»[10], «Где имена всех цветов и птиц иные»[11] или «Ветер играет в красной смокве, шелестя листом о лист»[12]. Он не преминул упомянуть и слонов в одной из своих стихотворных картин Аннама, считавшегося местом ссылки:

На лодки там грузят рабов из-за моря —
  оттянуты кольцами уши;
Слонов оседлали там женщины мань —
  пестрым обмотано тело[13].

За пределами китайских владений лежало большое царство Тямпа, в котором слоны играли еще более значительную роль: царская гвардия — пять тысяч сильных воинов, одетых в тростниковые доспехи, с луками и стрелами из бамбука — выходила на битву, сидя на слонах. Слоны служили здесь и орудием казни — для затаптывания преступников насмерть[14]. Кроме того, царь появлялся перед народом в окружении слонов, как бы заимствуя у этих тяжеловесных животных их мощь и силу[15]. В санскритской надписи 909 г. о царе Бхадравармане III сказано:

«Он, царь Тямпы, подобно сынам Панду, ослепляет своим блеском на поле битвы... по четырем сторонам которого звуки военных барабанов заглушаются ревом великолепных исполинских слонов... Восседающий на слоне, окруженный с фронта и с тыла неисчислимыми силами, он блистает в своем величии, тогда как его собственное сияние, подобное сиянию солнца, скрыто зонтом из павлиньих перьев, простертых над ним[16]».

В Камбодже слон тоже считался царским животным: царь Бнама (т. е. древних народов Южной Камбоджи) совершал выезды на слоне[17]. Царь Чинрапа, более северной страны, предок позднейших династий Ангкора, имел, как и его сородич в Тямпе, отряд из пяти тысяч боевых слонов. На их спинах были привязаны деревянные башенки, в каждой из которых размещалось по четыре лучника. Лучшие из этих военных слонов вместо обычного растительного корма пристрастились к мясной пище[18]. Божественный царь Джайаварман III, правивший в своей столице Харихаралая в середине IX в., сам был великим охотником на слонов, как это и подобало камбоджийскому царю[19].

Страна Паньпань на полуострове Малакка, давно уже не существующая, но некогда могущественная, также была известна в танском Китае своим слоновьим войском, поделенным на сотни, с четырьмя, как в Камбодже, воинами в башенке, которые были вооружены луками и копьями[20]. Среди стран, использовавших слонов, названы Таиланд и Бирма, лежащие на юго-западе (от Китая); Лю Сюнь, автор «Лин бяо лу и», посланный с официальной миссией в Юньнань, был поражен, обнаружив там, что знатные семьи владеют слонами; слоны служат им как вьючные животные — точно так, как лошади и рогатый скот в Китае[21].

Ходили слухи, что в стране под названием Кага[22] жил белый слон с четырьмя бивнями: это замечательное существо делало плодородной землю, по которой оно ступало. Поэтому танскому императору Гао-цзуну дали совет послать войска, чтобы захватить этого слона. Но повелитель отказался от этой дорогостоящей затеи как от неподобающей государю, который ведет политику умеренности, и, между прочим, сказал: «Какой нам прок в этом слоне-уроде?»[23].

Наряду с представлениями о слоне как об экзотическом животном в Китай проникали, преимущественно через охотников и торговцев слоновой костью, и крупицы иных сведений, но трудно решить, многие ли принимали их на веру: слоны якобы не любят собачьего лая настолько, что охотники юга, подражая ему, запугивают свою добычу до полного оцепенения так, что потом могут заколоть ее ударом, наносимым позади уха[24]; у слонов хорошая память, и они могут плакать, если увидят шкуру своего убитого детеныша[25]; желчь у слонов подвижна и перемещается из одной ноги в другую в зависимости от времени года[26].

Хотя злосчастным крестьянам на юге Китая приходилось сталкиваться с дикими слонами, а торговцы снабжали слоновыми бивнями ремесленников в городах, живых и прирученных слонов доставляли в страну главным образом посольства из

стран Индокитая, в частности из государства Тямпа. Эта страна посылала дрессированных слонов ко двору в Чанъань несколько раз: в 50-х годах VII в., в первое правление Гао-цзуна [27], в 80-х и 90-х годах VII в. в правление императрицы У [28] и в первой половине VIII в., при Чжун-цзуне и Сюань-цзуне [29]. В первой половине VIII в. примечательны два подношения от царей Тяма знаменитых белых слонов: в 709 г. и в 735 г. [30]. После этого у нас нет больше сведений о слонах, попадавших на север обычными путями. Но в самом начале IX в. китайский военачальник Чжан Чжоу, отобрав у государства Тям пару аннамских пограничных городов и сняв тридцать тысяч голов, захватил (наряду с такой добычей, как наборы оружия и царские дети) много боевых слонов Тяма [31].

От случая к случаю обученные слоны поступали и из других стран: из Камбоджи в 651 и 771 гг. [32]; из страны **Ziäm-pâk* [33], неизвестной по другим сообщениям, находившейся где-то рядом с Камбоджей, в 657 г.; из Джамби на Суматре в 853 г.[34]; и даже из такого неподходящего места, как «Персия», в 746 г. (скорее всего, речь идет о каком-нибудь отложившемся городе в Хорасане или в Трансоксиане) [35].

Эти слоны, поступившие как дань или подношения, в ожидании высочайшего милостивого внимания к ним содержались в императорских стойлах и получали ежедневную норму риса и бобов, а зимой их укрывали попонами из войлока и овечьих шкур [36].

Мы вправе были бы ожидать, что толстокожие из Тямпы занимали важное место в императорских шествиях. На протяжении IV и V вв. для государственных процессий было характерно участие слонов из Вьетнама, ведомых туземными погонщиками и везущих повозки с музыкантами. Этот обычай был возрожден спустя десять столетий династией Сун, но для танского времени, несмотря на большое число ручных животных, полученных двором от южных соседей, мы не располагаем сведениями об использовании слонов во время шествий [37]. Иногда им вообще не находилось никакого применения. Как уже было отмечено ранее, монархов династии Тан время от времени одолевали судорожные приступы пуританства, побуждавшие их избавляться от «дорогостоящих птиц и необычных животных», привозимых посольствами «варваров». Когда в 780 г. трон занял Дэ-цзун, он возвестил об аскетическом характере своего царствования, приказав освободиться (наряду с многочисленными соколами и гончими, а также сотней с лишним дворцовых женщин) от тридцати двух камбоджийских слонов. Слоны были отправлены «на солнечный склон горы Цзин», т. е. к месту обитания черной породы китайских слонов на средней Янцзы, вероятно чтобы обогатить местное стадо редкой камбоджийской породой [38].

Роль слонов, ввозившихся в танский Китай, была обычно довольно легкомысленной: они участвовали в сражениях и танцах на императорских представлениях. Император Чжун-цзун лично наблюдал за боем слонов у Южных ворот Лояна в 705 г. [39]. Но особенно примечательно участие слонов в представлениях в царствование Сюань-цзуна. На больших дворцовых представлениях, устраивавшихся этим монархом, наряду с танцующими лошадьми, живописными балаганами и выступлениями атлетов и акробатов показывали и слонов — они танцевали и кланялись в такт музыке [40]. Конец этих царственных животных был ужасен. Захватив Лоян, Рокшан устроил пиршество для своих союзников-вождей и похвалялся тем, что он покажет, как все животные, даже чужеземные слоны, покорны истинному Сыну Неба, т. е. ему. Он приказал ввести танцующих слонов Сюань-цзуна, но те не стали выступать перед ним. Оскорбленный мятежник согнал их всех в яму, где они погибли от огня и алебард. Далее сообщается, что сокольничьи и музыканты этого варварского двора были не в состоянии сдержать громких рыданий [41].

Но для танского Китая слон был не только олицетворением великих тропических стран и их сокрушительных боевых порядков, смирённых цивилизующей силой китайского образа жизни; таким был светский образ, нашедший, видимо, отражение в живописи Янь Ли-бэня, который изобразил варварского жреца, чистящего слона огромной щеткой, «весьма необычной» [42]. Но столь же распространенным был и образ духовный, с которым светское значение тесно переплеталось,— буддийские представления о слоне, во множестве засвидетельствованные в религиозной литературе эпохи Тан. Гаджапати, «Повелитель слонов», космический страж Юга; Гаджараджа, «Царь слонов», символизирующий Будду в его полном могуществе; и бодхисаттва, награжденный эпитетом «Благовонный слон»,— все это типичные примеры буддийских представлений о слоне, которые должны были находить отражение как в живописи, так и в благочестивой прозе [43]. Действительно, с помощью Гаджараджи (Сян-ван у китайцев) мы в состоянии как бы перекинуть мостик между Просветленным, т. е. Буддой, и величественными фигурами царей Индокитая, также неразрывно связанных с представлениями о слоне.

Носороги

Как и слоны, носороги были хорошо известны в Северном Китае в доисторические времена и, вероятно, в начале исторической эпохи, но стали большой редкостью в период, освещенный письменными источниками. Похоже, что из трех азиат-

ских разновидностей носорога две были известны в архаическом Китае: мы располагаем небольшими скульптурными изображениями как однорогого, так и двурогого носорога, дошедшими от времен Шан, Чжоу и Хань; они должны изображать соответственно яванского (или зондского) носорога и суматранского носорога, некогда широко распространенных на материке и островах; ныне они оттеснены в малодоступные части Индонезии и близки к исчезновению[44].

В танскую эпоху в Китае носороги встречались на довольно обширном пространстве южной части бассейна Янцзы, включающем большую часть Западной и Южной Хунани, а также прилегающие участки соседних провинций[45]. Двурогие носороги сохранялись также в отдаленных районах Линнани, смежных с основными пастбищами этих животных в Индокитае[46].

По-видимому, китайцы никогда не ловили толстокожих, обитавших в их стране, ради их приручения: дрессированные для представлений носороги, как и слоны, считались экзотическим чудом. Так, Дуань Чэн-ши, большой собиратель диковин, с удивлением писал о деревянных ловушках, которые применяются для поимки носорогов на родине некоего морского капитана, описавшего их одному врачу из Гуанчжоу. Тот же, в свою очередь, передал этот рассказ Чэн-ши[47].

Прирученных носорогов привозили танскому императору в качестве удивительных царских даров от великих стран на юге Китая. Один из таких даров, посланный «южным народом мань» в 854 г., был незамедлительно отослан обратно[48]. Не удивительно, что государство Тямпа было самым значительным источником поступления носорогов в Китай: жители Тяма послали ручного носорога в Чанъань в начале VII в.[49], затем в 640 г.[50] еще одиннадцать — из породы «проникающих в небо» (видимо, крупный индийский однорогий носорог) и еще одного в 799 г.[51]. Этот последний был помещен в Большое Святилище для услаждения не только здравствующих правителей, но и усопших. Кроме того, дрессированные носороги поступали из *Ẓiäm-pâk (неизвестная нам страна) в VII в.[52], из кхмерского царства Чинрап в VIII в.[53] и в IX в. из государства Калинга вместе со знаменитыми темнокожими девушками[54]. Несколько неожиданно, что в начале VIII в. носорогов (в том числе одного среди даров, сопровождающих царского сына) посылает в качестве подношений какое-то западное владение, именующее себя «Персия»[55]. Еще один носорог вместе с другими дикими животными был прислан в 824 г. тибетцами[56].

Климат Северного Китая далеко не всегда оказывался подходящим для этих тропических чудовищ; один из носорогов, привезенных в столицу в 796 г., был помещен в императорском парке и следующей зимой умер от простуды[57]. Однако некото-

рые из этих животных сумели выжить. Вместе со слонами они выступали в больших дворцовых представлениях Сюань-цзуна. Возможно, один из них стал прообразом для изображения двурогого суматранского носорога на инкрустированной жемчугом тыльной стороне зеркала из Сёсоина [58].

Но как экзотический образ носорог значения не имел. Это животное было скорее символом китайской древности — потомок древних толстокожих, выживший среди варваров. И только рог этого животного и его волшебная сила, как мы увидим позже, оставили заметный след в истории увлечения экзотикой.

Львы

История азиатского льва — это печальная повесть о его вымирании. Эти крупные кошачьи были распространенным животным в древней Индии, Персии, Вавилоне, Ассирии и Малой Азии и даже в античные времена еще встречались в Македонии и Фессалии [59]. С тех пор и граница распространения львов, и их количество становились все меньше и меньше. В XIX в. львов еще можно было встретить в некоторых районах Месопотамии, в Персии, к югу от Шираза, и в Гуджарате. Но сейчас они исчезли и из этих мест, за исключением последнего: небольшое количество львов каким-то чудом еще сохранилось на полуострове Катхиавар [60].

Немало экземпляров этого царственного животного было привезено в Китай в древности и в средние века. Два разных слова для обозначения льва пришли вместе с этим животным в Китай. Первое из них, звучавшее примерно **suangi* [61], было принесено в Китай из Индии до начала нашей эры и вышло из употребления в танское время (за исключением случаев его намеренного употребления в качестве анахронизма). Второе, произносившееся как *šišäk* [62], пришло несколькими веками позднее из Ирана и служило в средние века обычным названием для этого животного. Любопытно, что эта же форма встречается повсеместно в средневековой литературе как обозначение страны Цейлон. Некогда безлюдный и заселенный потом пришельцами, этот остров был известен также как «изобилующий драгоценными камнями» [63], где есть «гора желтых алмазов и бриллиантов» [64]. Этой славой объясняется и древнеиндийское название Цейлона — Ратнадвипа (Остров драгоценных камней), и арабское название IX в.— Джазират ал-Якут (Остров рубинов) [65]. Но в Китае, несмотря на широкую известность этих камней, было принято название для Цейлона, никак с ними не связанное. Однако на самом острове существовало древнее местное его название — Сингала (Обиталище львов), от которого, видимо, и происходит название, данное острову моряками из Персидского залива,— Сарандиб (от «сингала-двипа»?) [66]. В Китае Цейлон

назывался Страной львов, поскольку там, как рассказывали, «жители умеют выращивать и приручать львов»[67]. Так как на самом деле львов на Цейлоне нет, это китайское название должно происходить или непосредственно от сингалезского самоназвания, или от легенды, на которой оно основано и согласно которой «дочь царя Ванга сожительствовала в лесу со львом»[68].

Лев поразил воображение китайцев и запечатлелся в нем как самое могущественное и самое страшное из всех животных. В 635 г. император Тай-цзун получил льва из Самарканда[69] и приказал Юй Ши-наню составить оду в его честь. Ученый-поэт сочинил изящную оду-*фу*, в которой в вычурных выражениях показано благоговейное отношение средневековых китайцев к царю зверей:

Сверкнут его глаза — и молнии летят,
Раздастся рык — и гром, как эхо, вторит.
Утащен тигр,
И поглощен медведь,
Раздроблен носорог,
И слон разорван,
Могучий буйвол деснами размолот,
И скрючился удав в его когтях[70].

Нам известно еще одно стихотворение, посвященное тому же самому льву. Оно было написано много позже Ню Шан-ши, который в отличие от Юй Ши-наня знал об этом животном только как о славном событии прошлого — по письменному отчету о посольстве 635 г. из Самарканда[71].

Трижды посылали львов к танскому двору жители Тохаристана: один раз в VII в. и два раза в VIII в.[72]. Особенно примечательно посольство 719 г., когда два льва были представлены тохаристанским вельможей от имени Рима[73]. Несколькими месяцами позже «римский» священнослужитель «Великой Добродетели» был принят в Чанъани. В Константинополе царствовал тогда Лев Иконоборец, но нет уверенности, что эти люди были именно его посланцами, поскольку название «Рим» (или «Рум») прилагалось в это время преимущественно к Сирии, уже принадлежавшей арабам.

На протяжении первой половины VIII в., в период процветания, львов в качестве «дани» посылали также Маймург[74], «Персия» (возможно, какая-то часть переживавшего трудное время Хорасана)[75] и арабы. Последний из перечисленных — лев, присланный арабами, — дал повод императору Чжун-цзуну для весьма характерного назидательного поступка. Еще раньше он выказал свое благочестивое попечение о сохранении живых существ, отказавшись, в соответствии с заповедями Будды, от содержания соколиной и иной охоты. В данном же случае, следуя этим принципам, он не принял в дар хищное животное, не

забывая, конечно, и о том, что один из его министров предупреждал о больших расходах, необходимых для прокорма этого животного[76].

Таким образом, для китайцев танского времени лев был западным животным и, несомненно, наделялся такой же магической силой, что и тигр — символ Запада. В самом деле, как показывают стихи Юй Ши-наня, лев считался даже более свирепым, чем тигр, а расстояние и редкость должны были только усиливать его наводящую ужас мощь, так что в глазах китайцев его духовная сила была намного выше, чем у традиционного тигра. Этот могущественный образ можно даже рассматривать как туманное отражение доисламских представлений арабов о льве-боге Ягусе[77], хотя такие ассоциации могли быть в лучшем случае отдаленными и не прямыми; сомнительно, что китайцы знали об этом божестве. Представления о сверхъестественных силах, над которыми властвовал лев, можно проиллюстрировать таким образом:

«В конце правления ‹под девизом› Открытие Начал ‹Кайюань, 713—741 гг.› одна западная страна поднесла нам льва. Когда послы вступили на Западную дорогу Чанъани, то льва привязали к дереву на почтовой станции. А дерево это было рядом с колодцем. Лев зарычал ужасно, как бы встревоженный чем-то. Внезапно разразился гром и налетел страшный порыв ветра, а из колодца действительно появился дракон и скрылся с глаз»[78]. Ясно, что лев, олицетворявший Запад, как и тигр, обладал сверхъестественным даром, приводившим в бегство дракона, противостоявшего ему на Востоке.

Устрашающая сила льва, как физическая, так и магическая, проявлялась и в другом. В частности, большинство частей тела этого животного источало ужасные испарения. Считалось, что мухи и комары не переносят прикосновения метелки, сделанной из львиного хвоста, которым живой лев мигом расправлялся с этими насекомыми[79]. Если музыкант играет на цитре, струны которой сделаны из сухожилий льва, все другие струны в оркестре должны лопнуть. Такое представление, по-видимому, было связано с ужасающим рычанием льва[80]. Экскременты льва считались целебным лекарством, идентичным по одной из традиций стираксу, ладану. Танский фармаколог Чэнь Цан-ци внес поправку в это представление[81]. Подлинный львиный кал (который действительно должен был в Китае встречаться очень редко), по Чэнь Цан-ци, будучи принятым внутрь, приостанавливает свертывание крови. Он же имеет силу против всех ползучих существ и возжигается, чтобы прогонять нечистую силу[82].

Даже нарисованные изображения льва внушали боязнь. Придворный художник VIII в. Вэй У-тянь славился своим умением рисовать чужеземных животных. И «когда иноземные

страны преподнесли двору львов, он сделал их живописные изображения, и были они совсем как живые. Затем львов возвратили обратно и сохраняли только их живописные изображения. И даже при этом, когда картины разворачивали, любое другое животное, взглянув на них, приходило в ужас»[83].

Произведения этого художника пользовались большим спросом среди коллекционеров IX в.[84], а преподнесенные двору львы, кажется, на самом деле были сюжетом, пользовавшимся популярностью среди танских художников. Мы знаем, например, о выполненном Ли Бо-ши «белом абрисе» льва, присланного из Хотана[85]. Более всего были известны преподнесенные в качестве дани львы, запечатленные Янь Ли-бэнем, мастером этого жанра в живописи. Видимо, великий художник писал львов не раз. Мы читаем об одном таком звере темной масти, «напоминающем медведя, с обезьяньей гривой и длинным хвостом»[86], а Дуань Чэн-ши рассказывает о том, что на Западе существует черная разновидность львов[87]. Янь Ли-бэнь изобразил также группу львов в сцене с сидящим на троне варварским царем среди группы куртизанок с музыкальными инструментами; эти львы были «тигроголовые, с телом медведя, желто-коричневой масти, блистающие божественной раскраской»[88]. Чжоу Ми, которому принадлежит приведенное описание, отметил, что на указанных двух картинах были изображены львы не той разновидности, что была известна по другим картинам этого времени (XIII в.), хотя, говоря о черном льве, он добавляет: «Я слышал, что львы, посланные недавно как дань иноземными странами, относятся именно к этой породе!»[89]. Если Чжоу Ми описывал подлинные произведения Янь Ли-бэня, мы должны предположить, что обычное изображение льва в живописи Южной Сун и Юань было фантастическим или сильно искаженным, составлявшим разительный контраст с картинами Янь Ли-бэня, писавшего львов с натуры[90].

Религиозная символика, связанная в Китае со львом (как и со слоном), была навеяна индийскими и буддийскими представлениями и образами. Львиный рык был признанным сравнением для голоса Будды, провозглашающего свой закон всему сущему во вселенной. Кроме того, так как Будда считался львом среди людей, возвышение, на котором он сидел, именовалось «львиным троном». Этот символ распространился и на высших буддийских священников и нашел свое материальное воплощение в произведениях мастеров, изготовлявших троны высших буддийских священников. Поэтому Ли Бо в стихотворении, написанном в честь друга — священнослужителя, упоминает о том, что

Из желтого золота сделанный лев
воссел на высоком троне[91].

Наконец, сам Манджушри, персонаж, популярный в религиозном искусстве, изображался на иконах восседающим на льве.

Леопарды и гепарды

Китайцы были знакомы с несколькими разновидностями азиатского леопарда с древнейших времен [92]. Леопард занимал важное место в их традиционной системе символов. В древности он был олицетворением мужества и воинской доблести. В соответствии с этим значением его изображали на мишенях, по которым знать стреляла во время ритуализированных состязаний лучников. Старинная пословица гласит, что благородный человек изворотлив, как леопард. Общепринятое толкование этого выражения раскрывает только один из его смыслов: хорошие люди покладисты, готовы приноравливаться к обстоятельствам и делать уступки. Но выражение «подобный леопарду», видимо, имело и более старое значение — «ловкий», «хитрый» или еще более узкое — «коварный в битве». Этот немудреный образ напоминает символических животных в средневековых европейских аллегориях — олицетворения христианских добродетелей — вроде оленя, символа души, жаждущей крещения. Другой смысл, заключенный в слове «леопард»,— «исполненный боевого духа» — также сохранялся; в танскую эпоху воины, некогда называвшиеся «доблестная конница», были переименованы в «леопардову конницу» [93], а «устрашающие стражи» превратились в «стражей леопардовых ножен» [94] (один из разделов классического сочинения по стратегии назывался «Леопардовые ножны»). Считалось, что даже само изображение леопарда (как и льва) помогало против злых духов. Это побудило одну танскую принцессу сделать себе подушку в виде головы леопарда [95].

Много леопардов доставляли как подношение из западных стран — все на протяжении первой половины VIII в. Их посылали из Южной Индии [96], Маймурга [97], Кеша [98], Кандагара [99] (отсюда привозили красных леопардов), Бухары [100], Самарканда [101], Персии [102] и Халифата [103]. Словом, леопарды, несмотря на их почтенную историю на Дальнем Востоке, оставались тем не менее экзотическими животными.

Ключом к популярности в Китае этих чужеземных, но хорошо известных животных (они были намного менее экзотичны, чем носороги и тем более львы) может служить известие о дарах, присланных из Самарканда в 713 г., где упоминаются собаки и леопарды («порода собак и леопардов») так, словно речь идет о чем-то сходном. Единственное, в чем те и другие могут быть так сопоставлены,— их обучение для охоты. Мы встречаем точно такую же фразу и в другом контексте: в 762 г. император Су-цзун издал указ «прекратить приношения ястребов и соколов,

собак и леопардов»[104]. И в другом случае, когда двор устанавливает правила относительно стоимости вознаграждений, выдаваемых иноземцам в ответ на их подарки, упоминаются рядом «ястребы и соколы, собаки и леопарды»[105]. Соколов, кречетов, ястребов и собак китайцы знали как ловчих животных; можно сделать вывод, что и леопарды (точнее, гепарды) были известны им в этом же качестве.

Ловчий гепард, или чита[106], приручался и натаскивался человеком издавна, особенно для охоты на антилоп. Очевидно, они служили еще шумерам, а смелые хетты натаскивали для охоты даже настоящих пантер[107]. Гепарды чита появляются в египетском искусстве XVIII и XIX династий, украшенные дорогими ошейниками[108]. Ими пользовались в Индии, Персии, Армении, Абиссинии и Северной Африке, а также в Германии (XVII в.) и Франции (XVIII в.)[109]. Один монгольский хан брал с собой на охоту тысячу ловчих гепардов[110]. Популярность этого животного в Западной и Южной Азии была так велика, что знакомство с ним танского Китая было просто неизбежно. Но так как в китайской литературе этой эпохи можно найти только редкие намеки на существование ловчих леопардов, следует считать, что их использование ограничивалось придворным кругом и было непродолжительным. Мы должны, таким образом, вычеркнуть настоящего леопарда из этого повествования об экзотических для Дальнего Востока вещах, поставив на его место стремительного гепарда.

Соболи или горностаи

Списки «дани», поступавшей в танский Китай, показывают, что в начале VII в. из Маньчжурии прибыли посланники с подношениями зверя, называвшегося *фэндяо*. Два посольства были посланы киданями[111], а одно — их северными соседями на реке Керулен, которых китайцы знали как **Siet-j^wei* (современное шивэй)[112]. Название этого животного, к сожалению, редко встречается в танской литературе. Но оно довольно обычно в текстах V и VI вв., особенно в поэтических, где упоминается метонимически — красивый, лоснящийся хвост куницеподобного животного. В соответствии с древним обычаем, хвосты наряду с цикадами служили для украшения различных должностных и церемониальных головных уборов, особенно головных уборов военных чинов. Видимо, эта мода распространилась под влиянием северных кочевников[113].

К этому животному, от которого получали ценные и столь желанные хвосты, обычно прилагался эпитет *фэн*, означающий «ровный», «полный», «пышный», «лоснящийся» и, кроме того, «наилучший», «отборный». Название *дяо* давалось куницам, лас-

кам, хорькам и другим подобным зверькам, но на севере Китая чаще всего этим словом обозначали каменную куницу. Таким образом, наши привезенные в дар зверьки *фэндяо* — это «наилучшие куницы» или «отборные ласки», маньчжурские или сибирские животные, от которых получали необходимейшую принадлежность головных уборов знатных князей Северного Китая; вероятнее всего, это были соболи или горностаи. Упоминания «черного *дяо*» и «белого *дяо*» (соболя и горностая) совершенно обычны в средневековой литературе. Привозимые в дар зверьки (конечно, живые) могли предназначаться только для императорских парков, где их показывали и ими любовались. Возможно, их использовали на племя, чтобы обеспечить в Китае источник получения хвостов. Но о хвостах и шкурках зверьков из семейства куниц нам еще придется говорить.

Газели или серны

Загадочное посольство из «Рима» к танскому двору, осуществленное через тохаристанских посредников, уже упоминалось в связи с привезенным им великолепным даром — парой львов. Те же посланцы доставили и пару животных, названных китайцами «козлы *лин*» [114]. Идентификация этих козлов не может основываться на том, что в китайском контексте значение самого названия совершенно ясное: «козел *лин*» (иногда пишется с иероглифом *лин* «святой», «осиянный благодатью») — это горал, иногда называвшийся по-китайски «горным козлом». Горалы и их родичи, к которым относятся европейская серна и американский горный козел, на Западе называются в общем козами-антилопами, потому что походят и на коз и на антилоп [115]. Но сами горалы неизвестны в Западной Азии и Европе. Они живут в гористых районах Китая (как на юге, так и на севере) [116], а их мясо в танскую эпоху ели обитатели и юга и севера этой страны, причем южане — главным образом как противоядие против укуса змеи [117]. Рога этого животного ценились в танском Китае как лечебное средство: растолченные с медом, они, как полагали, избавляют от всех видов лихорадки [118]; поэтому их посылали ко двору как «местную подать» из горных городов Южной Шэньси и Северной Сычуани.

Рога козла *лин* обладали другим достоинством: существовало старинное предание о том, что только они обладают такой твердостью, что могут дробить окрашенные как аметист алмазы Камбоджи [119]. В нашем распоряжении вариант такой легенды, относящийся к VII в.

«Во время 〈правления под девизом〉 Благородное Обозрение 〈Чжэнь-гуань, 647—649 гг.〉 был один монах-брахман. Он говорил, что обладает зубом Будды и что нет такой вещи, которая

была бы достаточно крепкой, чтобы выдержать удар им [120]. Фу И услышал об этом и сказал своему сыну: „Это не зуб Будды. Но я слышал, что алмазный камень — самый крепкий из всего. И ничто не может равняться с ним, кроме рога козла *лин*, который может раздробить и алмаз. Ты мог бы пойти и проверить это". Монах упорно держал... скрытым [121], но [юноша] настойчиво упрашивал его, и в конце концов тот показал то, ‹что называл зубом Будды›. [Юноша] достал рог и стукнул по „зубу", и тот распался на кусочки в руке» [122].

Был ли это рог горала? И что не уберег доверчивый монах — зуб Будды, алмаз или ни то и ни другое? Горячность сына Фу И в этом эксперименте не дала ответа на поставленные вопросы. И что собою представляли на самом деле козлы *лин* из Рима? Не было бы ничего удивительного, если бы они оказались в действительности кавказскими или карпатскими сернами, т. е. дальними родичами серао и горала. Но вполне возможно, что это были какие-то иные красивые и экзотические животные, тоже похожие на горала, вроде персидской газели, арабской газели или очаровательной сирийской газельки доркас, которая стала на Ближнем Востоке обычным ручным животным благодаря своему послушанию и привязчивому характеру [123].

Непонятные копытные

«Козел с лошадиными копытами», представленный в 647 г. к танскому двору тибетцами и тюрками вместе [124], мог быть какой-то необычной разновидностью антилопы.

Ланеподобное животное с рогами как у быка — подношение сиртардушей того же года — именовалось **barlan* или **ballan* [125]. Это название может быть связано с Буланом, единорогом, который почитался у средневековых тюрок, — его рог был местом, где собирался дождь и снег [126]. Это мог быть даже тот самый плотоядный единорог, который был убит, согласно более поздней легенде, уйгурским богатырем Огуз Каганом [127]. Столь же вероятно, что это был гуран тунгусов и монголов — уродливая толстоносая сайга [128]. Или бхарал?

Непонятный хищник

Страна, названная **Gaviyap* (?) [129] (видимо, восходит к санскритскому *гавья* «удобная для скота»; местоположение этой страны не установлено), послала Гао-цзуну, к его восшествию на престол, ужасного медведя. Он назывался **t'ien-t'iet* (может передавать **tenter* или нечто подобное) и был приучен охотиться на белых слонов и львов [130]. Трудно было даже представить бо-

лее свирепое животное. В XVI в. Ли Ши-чжэнь был настолько поражен этим, что писал: «Уж насколько страшен и лют бывает лев, а есть еще кто-то, кто и с ним управляется» [131]. Но вряд ли этим могучим созданием был бурый медведь: он хотя и велик, но преимущественно вегетарианец. Живущий в горах гималайский черный медведь мельче, но мясо поедает с большей охотой. Похоже, что именно он и приобрел репутацию пожирателя львов.

Сурки

Видимо, нам не следовало относить гималайских сурков к числу экзотических для Китая зверей; хотя они и живут на тибетских кряжах на высоте примерно пятнадцати тысяч футов, часть района их обитания находится в пределах китайских провинций Сычуань и Юньнань. В танском Китае этого маленького зверька называли его монгольским именем — *тарбага* [132], хотя такое название правильней было бы прилагать к его общительному родичу, живущему в Монголии. Последний называется по-английски тоже тарбаган[133]. Во времена Тан тибетцы выкапывали этих маленьких грызунов из их каменных нор и охотно ели их. Так, Чэнь Цан-ци рекомендует вареного тарбагана как средство от золотухи. Можно предположить, что их с этой целью и ввозили в Китай из Тибета [134]. Во всяком случае, сурков вместе с мускусом и золотым песком посылал ко двору в качестве «местной подати» город Ланьчжоу [135]. Эта местность в провинции Лунъюй (современная Ганьсу) расположена между районами обитания монгольских и тибетских сурков. Поэтому мы не можем сказать, к какой из этих двух разновидностей принадлежали «крысы *тарбага»,* как называет их податной список.

Мангусты

«В тот год владение Капиша отправило посольство, чтобы поднести крысу **noudyi* с острой мордой и с красным хвостом. Она могла поедать змей. А если кто пострадает от укуса ядовитой змеи, эта крыса непременно отыщет [ранку] по запаху и помочится на нее. Рана немедленно заживает» [136].

Это было в 642 г. Спустя примерно десять лет тот же народ прислал к танскому двору другого такого же замечательного зверька [137]. Это были, несомненно, индийские или яванские мангусты [138], санскритское название которых *накула,* а в различных индийских диалектах они назывались *newal, neolā, nyaūl* и т. п. В Южном Китае есть свой местный мангуст-крабоед [139], но, видимо, он никак не ассоциировался с этим свирепым маленьким чужеземцем. Неизвестно, оправдали ли индийские мангусты

свою репутацию в стране Тан и оставили ли свое потомство для членов танского императорского дома.

«Есть люди, которые лелеют этого зверька и спят с ним, хотя он и злонравен, ибо предпочитают быть укушенными мангустой, но не погибнуть от змеи» [140].

Такое философское отношение индийцев к мангустам китайцы, видимо, не разделяли.

Ласка или хорек

«Страна Персия поднесла [зверька] **gharnoudja*, вид которого как у крысы, но цвет — с синевой. Длина его тела — семь или восемь *цуней*; он может залезать в норы, чтобы ловить крыс» [141].

Похоже, что это хорек, которого в античное время использовали на Западе для ловли крыс и кроликов. Приручали его и греки и римляне [142]. И даже могущественный Чингис-хан не брезговал охотиться с хорьками [143]. С другой стороны, в античном мире ласку, известного мышелова, содержали в домах и она считалась любимицей женщин [144]. Какой именно зверек — ласка или хорек — был поднесен в данном случае персами, я не могу сказать.

5 Заказ № 2366

Для златокрылых, сереброкрылых,
С крыльями из огня.
Для птиц, которых увидела я,
Не хватает имен у меня.
Летали они — на своем языке
Песню песней звеня.

Кристина Россетти. Птицы ра

ГЛАВА V

ПТИЦЫ

Китайцы танской эпохи натаскивали птиц для практических целей — соколов для охоты, а голубей как почтальонов. а также употребляли в пищу, находили им применение в медицине, но прежде всего птицами любовались. Конечно, наибольшее восхищение вызывали крупные птицы с богато раскрашенным оперением. С особенным восхищением относились к птицам, привезенным издалека,— они более всего давали пищу воображению. Вполне понятно поэтому, что изображения их, как мы увидим ниже, появляются и в литературе и в живописи. Мы знаем, например, что Янь Ли-бэнь написал картину «Диковинные птицы в Весеннем парке» [1], хотя, к сожалению, до нас она не дошла.

Танские сады и парки были наполнены диковинными или очаровательными птицами. Царственные коллекционеры с их неограниченными возможностями могли приобретать великое множество разнообразных птиц, в том числе и самых дорогих — для собственного удовольствия и для утех своего двора. В качестве примера можно упомянуть даровитого и импульсивного Сюань-цзуна, пославшего в 716 г. евнухов на юг от Янцзы «достать озерных цапель, хохольчатых уток и других птиц, которых он хотел поместить в своем парке. Появление посланцев везде вызывало волнение и печаль. Проезжая через Бяньчжоу, Ни Жо-шуй обратился к его величеству со следующими словами: „Хотя земледелие и шелководство сейчас в тяжелом состоянии, парки и пруды стремятся заполнить всякими пустяками и для этого ловят сетями птиц и дичь. Из далеких мест, с Янцзы и из Линнани ‹современные провинции Гуандун и Гуанси› их перевозят водой и сушей под охраной. Их кормят просом и мясом, так что тем, кто становится свидетелем этого в пути и на дорогах, остается лишь предполагать, что ваше императорское величество, ценя птиц, презирает людей. Вашему императорскому величеству подобает считать даже феникса обычной пти-

цей, а единорога — заурядным животным, не говоря уже о водяных цаплях или хохольчатых утках! Чем они заслужили такое уважение?“ Его величество собственноручно написал указ, в котором выразил благодарность Жо-шую, пожаловал ему сорок кусков дорогих тканей и выпустил этих птиц на свободу» [2].

Возможно, что Ни Жо-шуй был назидательным моралистом (его аргументы были столь типичны для сторонников консервативного образа мыслей в средневековом Китае), но, действительно, подобные большие экспедиции за птицами могли превратиться для населения в настоящее бедствие. Для Сюань-цзуна характерно, что он, как человек восприимчивый, несмотря на свою приверженность к роскоши, быстро отозвался на гуманный призыв.

Ястребы и соколы

Соколиная охота была знакома китайцам с III в. до н. э. Говорят, что великий министр Ли Сы накануне своей казни беседовал о любимом сером ястребе [3]. Впоследствии этот вид спорта пользовался все большим успехом в Северном Китае, главным образом при «татарских» правителях V и VI вв., когда китайская культура активно впитывала в себя навыки и обычаи жителей северных степей и лесов. В этом отношении государство Северная Ци в VI в. служит наиболее характерным примером [4].

При танских государях соколиная охота оставалась в почете, тем более что такие могущественные правители, как Тай-цзун или Сюань-цзун, подавали воодушевляющий пример [5]. Но положение вещей должно было измениться, когда трезвый правитель оказывался под влиянием традиционной морали, относившей соколиную охоту к числу легкомысленных занятий. Так, в VII в. Гао-цзун приказал отменить регулярные подношения ястребов и соколов [6]; в VIII в. Дэ-цзун ликвидировал императорские соколиные дворы, а заодно и театр [7], и, наконец, в IX в. Си-цзун в ознаменование своего добродетельного восшествия на престол последовал примеру Гао-цзуна [8].

В больших соколиных дворах при дворце, рядом с псарней для охотничьих собак, содержалось четыре породы охотничьих птиц. Самыми редкими, благородными и эффектными были орлы, и прежде всего золотой орел [9]. Наиболее изысканными и аристократичными были черноглазые длиннокрылые соколы: балабаны для охоты на цапель и крупную дичь, а сапсаны — на уток и других водоплавающих. Особенно ценились белые луговые кречеты [10]. У самого Тай-цзуна был такой кречет, ко-

торого он называл Полководцем [11]. Соколы с «морозом» из Маньчжурии считались самой лучшей породой кречетов:

Ты море прочертишь,
как облачный ястреб взмывая,
Ты в небе промчишься,
как сокол морозный спускаясь [12].

Затем шли ястребы-перепелятники, небольшие и с короткими крыльями,— их предпочитали использовать для охоты в лесах на перепелов и другую мелкую дичь [13]. И, наконец, самыми распространенными были ястребы-тетеревятники. Эти желтоглазые птицы, более крупные, чем их родичи—перепелятники, также охотились за лесной, чаще всего за «традиционной» дичью — фазанами и зайцами [14]. Белая разновидность тетеревятников из Маньчжурии ценилась выше всего [15], но черные тетеревятники тоже имели немалую ценность. Ду Фу написал два стихотворения о белом и черном тетеревятниках, из них здесь приведем второе:

Подобного черного ястреба мы
еще никогда не видали.
Моря пересек он и, верно, явился
из далей полночного края.
Крылами прямыми он ветер сечет,
багрянец границ — не преграда.
Немало ночей он в холодную зиму
скрывался на склонах Янтая.
Хотел бы поймать его каждый ловец,
но все их искусство напрасно.
Весенние гуси, с ним вместе вернувшись,
в тенета одни попадают.
В холодных просторах на тысячу ли
один только день ему нужен.
Зрачки золотые и когти из яшмы —
такое нечасто бывает [16].

У одного из принцев Сюань-цзуна был красный тетеревятник, составлявший пару с желтым соколом — собственностью другого царственного юнца. Императорский сокольничий называл этих двух птиц «разрывающими облака» [17].

Без сомнения, значительное количество охотничьих ястребов попадало в танскую империю из-за рубежа и лучших из них присылали в виде «дани» государю. В 866 г. Чжан И-чао, независимый правитель Дуньхуана, прислал наряду с двумя тибетскими женщинами и парой лошадей четырех тетеревятников с «зелеными лапами» [18]. В 715 г. вождь одного маньчжурского племени послал пару белых тетеревятников [19]. Кроме того, в VIII в. государство Бохай (к северу от полуострова Корея) [20] посылало много тетеревятников и соколов. Поэт Доу Гун описал

редкую охотничью птицу, присланную из Силлы (также на территории Кореи):

Осень стоит в императорских парках,
  кони оседланы снова.
Ястребов белых прислали с востока,
  с дальнего брега морского.
Ханьский властитель свободен от дел,
  время пришло для охоты,
Снежной метелью летят, кто скорее,
  на нарукавник парчовый [21].

Корея и Маньчжурия были главными поставщиками наиболее ценных пород ястребов и соколов; вслед за ними шли Монголия и Туркестан. Но ястребами из Северного Китая тоже не пренебрегали, и птицы из северной части Тай (на территории современной Шаньси) считались особенно благородной породой. Черные соколы и перепелятники, пойманные в Хуачжоу, близ слияния реки Вэй с Желтой рекой (современная Восточная Шэньси), видимо, должны были относиться к лучшим породам этих птиц, потому что их посылали в качестве «дани» императорскому двору [22].

Мы знаем достаточно много о танской классификации местных ястребов благодаря небольшому сочинению о соколиной охоте (самому старому из дошедших до нас). Оно было написано в IX в. Дуань Чэн-ши, который сам был любителем-сокольником и которому моя книга обязана столь многим [23]. Он описал несколько разновидностей китайских тетеревятников, привел их названия в нескольких вариантах каждое. Эти имена даны главным образом по окраске оперения, а некоторые — по месту, где эти птицы водились. Среди них были: «белый заячий тетеревятник» — первоклассный охотник, «резвящийся желтый», «обрызганный красными пятнами», «пещерный белый с красными бутонами» — из песчаных пустынь Северной Шаньси, «фаншаньский белый» — из тополевых лесов Северо-Западного Хэбэя, «желтый, как земля», — из сбрасывающих листву дубовых лесов Севера и «черный, как тушь, с белым» — из хвойных лесов Севера [24].

Китайцы в средние века сами владели искусством ловли этих птиц и умели приручать их для охоты, и поэтому они не нуждались в чужеземных знатоках [25]. При перелете молодых ястребов их ловили с помощью голубиных манков и приманок, а также хитроумно устроенными сетями, которые окрашивали в желтый цвет феллодендроном и дубовым соком для того, чтобы их не было видно на земле, и для защиты от насекомых [26]. Иногда, чтобы приручение было более успешным, птенцов брали прямо из гнезд с тополей и дубов [27]. К хвостам тетеревятников обычно прикрепляли звоночки из яшмы или золота и

других металлов с гравировкой, а на перепелятников надевали вышитые ошейники. На всех охотничьих птицах были надеты путы из кожи, зеленого шелка или «парчи с облачным узором». Их держали на привязи с помощью яшмовых вертлюгов, на позолоченных насестах и в клетках, украшенных резьбой и росписью [28].

Как местные, так и чужеземные ястребы и соколы были любимыми сюжетами танских художников. Ли Юань-чан, брат императора Тай-цзуна, как говорили, писал птиц лучше, чем даже Янь Ли-бэнь и Янь Ли-дэ [29]. В «золотой век» Сюань-цзуна было много знаменитых художников, изображавших ястребов. Цзян Цзяо — любимец императора, увлекавшегося этой охотой,— считался лучшим из них. Его картина с изображением «рогатого тетеревятника» стала темой стихотворения Ду Фу [30] («рогатый тетеревятник» должен быть на деле «ястребиным орлом» или «гребенчатым орлом», т. е. «царским тетеревятником»,— *шахбаз* персидских наставлений по соколиной охоте) [31].

Ястребы, соколы и орлы также фигурируют на видном месте в танской поэзии, часто как символический образ «в метафорах и сравнениях: сверкающий взгляд, молниеносная атака, разящий удар столь же обычны в китайских стихах, как и в западных. Это же относится и к образу ястреба — безжалостного хищника, подлежащего назидательному порицанию в стихах» [32]. Поэт Чжан Сяо-пяо в прирученном ястребе видит символ смелого и свободолюбивого духа, заключенного в оковы:

Думает он, как в далекой равнине
    зайцы тучнеют сейчас.
Клюв наточив и встряхнув опереньем,
    может быть, тысячу раз,
Все порывается он расклевать
    узел, скрепляющий путы.
Если б хозяина голос позволил,
    птица бы в небо взвилась [33].

Охотничьи ястребы занимали определенное место в представлениях о странах света. Иногда они ассоциировались с Западом через посредство довольно искусственного и условного звена: «запад» считался страной света «осени», а в это время года «ястребы оставляют свои северные гнездовья, чтобы перемещаться на юг, на равнины Китая» [34]. Более естественными выглядят ассоциации с севером, действительной родиной и ястребов и «варваров», доставлявших их в Китай:

Птицы из Вьет
    с юга уже прилетают,
Хуские ястребы
    тоже на север стремятся... [35]

Это слова Ли Бо. Ниже приводится четверостишие Сюэ Фэна о юноше-солдате. В нем описан хуский (т. е. присланный «варварами» с севера или запада) тетеревятник с зеленоватыми глазами (здесь допущена небольшая вольность, так как глаза тетеревятника желтоватого цвета в отличие от черных глаз сокола), напоминающими безжалостные зеленые или голубые глаза самих варваров. Эта картина, в свою очередь, сочетается с экзотическими образами пегого скакуна и горностаевого меха:

Хуский ястреб зеленоглазый
по его рукавице ступает;
Пятицветный скакун серо-пегий
под попоной из горностая.
Трижды все рынки обходит он,
никого не нашел знакомых,
В винную лавку поднялся один,
свистнула плеть золотая [36].

Таким же образом уйгуров сравнивали с «мчащимися соколами» [37] и считали, что «леопард — младший брат тигра, так же как тетеревятник — старший брат перепелятника» [38], а суровый чиновник мог заслужить эпитет «черного, как тушь, орла» [39]. Эти хищные птицы были наглядными эмблемами доблести: на малиновых куртках командиров некоторых отрядов гвардии императрицы У изображались львы, тигры, леопарды, тетеревятники и орлы [40]. В более примитивном виде это же представление объясняет место тетеревятников в танской медицине: их мясо ели, чтобы отразить нападение «диких лисиц и оборотней», с той же целью сжигали их когти и полученный пепел принимали с водой (таким же образом лечили и геморрой) [41]; даже помет тетеревятников сжигали и принимали вместе с ложкой вина как средство против дурного влияния злых духов (хотя больному не сообщалось, что это за лекарство) [42]. Так ястребом — диким, наполовину чужеземным существом, наводящим страх на царство зверей,— «причащали» испытывающих страдания, чтобы дать им силу противостоять призракам и злым духам.

Павлины

В древности, т. е. в доханьское время, единственной разновидностью павлина, известной китайцам, был индийский павлин [43]. В одном предании рассказывается, что экземпляр этой красивой птицы был послан второму царю династии Чжоу каким-то западным государством, не поддающимся отождествлению. Это должно было иметь место где-то в начале I тысячелетия до н. э. [44]. Возможно, этот рассказ и нельзя принимать на

веру целиком, но нет никаких сомнений, что в ханьское время китайцы воспринимали павлина как западную птицу, родина которой была в Кашмире [45] и в каких-то землях, подвластных парфянским царям [46]. Но знали тогда эту птицу только с чужих слов — вероятно, по описаниям, доставленным путешественниками. Это было время, когда на другом конце света, в Италии, индийских павлинов выращивали на маленьких островках, усаженных деревьями, а любители роскоши поедали их [47]. Но вскоре стали известны новые земли, которым в современную эпоху суждено было превратиться в тропический Южный Китай, и китайцы обнаружили там зеленого индокитайского павлина.

К III в. образчики этих красивых созданий с иссиня-зеленым и золотым оперением уже привозили наряду с благовониями, жемчугом, слоновой костью и попугаями из пределов Тямпы [48]. Спрос на этих чудесных птиц быстро возрастал. В 262 г. южное государство У послало чиновника в Тонкин собрать налог — три тысячи павлинов. Это и другие подобные опустошения, производимые должностными лицами, посаженными среди вьетнамцев (если их можно так называть для столь раннего времени), привели в следующем году к возмущению и убийству сборщика налогов [49].

Но когда тропический берег Линнани был освоен китайскими поселенцами, оказалось, что желанные птицы водятся на китайской земле в таком же изобилии, как и в Индокитае. В танское время павлинов посылали в Чанъань в качестве ежегодной дани из Лочжоу и Лэйчжоу (на полуострове Лэйчжоу) наряду с необычного вида бамбуком, попугаями и серебром [50]. Павлин стал для китайцев «птицей из Вьет», устойчивым олицетворением юга. Так, в X в. знаток птиц Ли Фан называл павлина «гостем с юга» [51]; он щеголял своим радужным оперением в садах Севера:

Идет и качает
хвостом золотым-изумрудным;
Летит и танцует
на Яшмовом Пруде тенистом [52].

Выражение «птица из Вьет» скорее было символическим образом и литературным эпитетом, чем общеупотребительным названием. Павлин обычно обозначался как «воробей *кун*» — названием столь же древним, сколь и загадочным. Можно напомнить, что греки именовали страуса «ливийский воробей» и «арабский воробей» и особенно «воробей-верблюд», а римляне называли его «заморский воробей» [53]. Эти наименования выглядят как сохраненная в серьезной речи народная шутка. *Кун* означает «великий», как гласит старая китайская тради-

ция, но я не берусь судить, насколько хорошо обоснована эта общепринятая этимология. Если это так, то выражение «великий воробей» выглядит до смешного неподходящим к такой великолепной птице.

Важное исследование по географии и естественной истории Южного Китая «Наньфан и-у чжи», написанное в IX в. Фан Цянь-ли, к сожалению, ныне утеряно, но некоторые извлечения из него сохранились как цитаты в других книгах. Одна из них — это как бы краткая сводка танских познаний о павлине:

«Воробьи *кун* в изобилии водятся в Цзяочжи, и в Лэйчжоу, и в Лочжоу. Они живут на больших деревьях высоко в горах. По величине они подобны гусям, а иногда в высоту достигают трех-четырех *чи* и тогда по величине не уступают журавлям. У них тонкая шея и выгнутая спина. На голове три пера примерно в *цунь*. Они летают стаями по нескольку десятков. Они ночуют и бродят среди скал и холмов. С рассветом звуки их голосов сливаются друг с другом. Они кричат: «дугху». У курицы хвост короткий, и у нее нет золотой и изумрудно-синей окраски. У трехлетнего петуха хвост еще короткий, но на пятый год длина его измеряется двумя или тремя *чи*. Летом у него линька, но весной перья вновь вырастают. По спине до хвоста у него идет узор в виде круглых пятицветных пятен с золотыми и изумрудно-синими концентрическими кружками, напоминающими монеты. Он влюблен в свой собственный хвост, и когда ночует в горах, то прежде всего выбирает место, где его можно уложить. Во время дождя хвост тяжелеет, павлин не может летать высоко, и тогда жители юга выходят на ловлю. Иногда они прячутся в тех местах, где он проходит, и выдергивают у живой птицы хвостовые перья, которые являются их местным продуктом. Но если [павлин] оглянется назад, то золотой и синий цвета внезапно блекнут. Горцы выращивают их цыплят и потом используют их для приманки. Иногда находят яйца и заставляют наседку их высиживать. Их кормят свиной требухой, свежей зеленью и тому подобным. Если они слышат, что человек хлопает в ладони, поет и танцует, то они тоже начинают танцевать. Характер у них ревнивый, и если увидят кого-либо в ярко окрашенной одежде, то непременно будут его клевать» [54].

Приманочных павлинов выпускали с путами на лапах, и, когда дикие птицы садились вблизи тех, охотники набрасывали на них сети [55]. Кроме поставок перьев для продажи южане использовали павлинов, как диких, так и ручных, для других целей. Подобно римским эпикурейцам, они их ели, хотя и не считали редким деликатесом. «Иногда их давали людям, чтобы наполнить рты и желудки, или же их убивали, чтобы заготовить сушеное и вяленое мясо» [56]. Их мясо обладало замечатель-

ным достоинством: оно являлось действенным средством против растительных и животных ядов. Кровь павлинов, кроме того, была средством против сильно действующего полумагического яда, называвшегося *гу* [57].

Половая жизнь этих блистательных птиц вызывала у южан жгучее любопытство. «Они не спариваются и не общаются друг с другом, но зачинают от слияния голосов или соединения их теней»,— писал танский исследователь юга [58]. Движение воздуха при этом имело, по-видимому, особенное значение, так как считалось, что самка должна понести, если она навлекает на себя ветер, а самец напускает его [59]. Впрочем, согласно Дуань Чэн-ши, который для доказательства приводит цитаты из буддийских источников, самки павлина зачинают от звука грома [60]. Утверждалось также, что самец павлина может соединяться со змеей [61].

Мы уже приводили сообщение Фан Цянь-ли о склонности павлинов к танцам и музыке. В средневековой литературе эта тема встречается постоянно. Уже для III в. мы узнаем о павлине, присланном из Западного края, который понимал человеческую речь и начинал танцевать при щелканье пальцев [62]. Согласно другому преданию, фазаны (или фениксы, что почти одно и то же) начинали танцевать, когда видели свое отражение в зеркале, и, очевидно, этим и объясняется присутствие этих птиц среди изображений на тыльной стороне танских зеркал [63]. Танцующие павлины, возбужденные своим собственным отражением, были наглядной иллюстрацией ходячего выражения «тщеславный, как павлин» в его средневековом китайском варианте. В конце VIII в. павлины были преподнесены правителем Силлы. Их плавный танец изобразил великий художник-пейзажист Бянь Луань [64]. Этот знаменитый мастер, который позднее оставил двор, чтобы стать бродячим художником, написал много других картин с изображением павлинов, некоторые из них дожили до сунского времени; в каталоге императора Хуэй-цзуна названы его картины «Банан и павлин», «Пионы и павлин» и целый ряд других [65].

Буддийская литература во многом обогатила представления о павлине, особенно введением образа павлиньего царя. Пилигрим Сюань-цзан поведал историю о том, как Будда, воплотившись в павлина, чудесным образом добыл из скалы целебную воду [66]. Бирманский танец, заимствованный при Тан, прославлял священного павлиньего царя [67]. Другое божество в обличье павлина — богиня Махāмаюрӣ Видьярāджнӣ, которую особенно почитали заклинатели-тантристы. В Китае ее наделяли силой вызывать дождь и изгонять демонов, насылающих болезни; этот могущественный дух, иногда преображенный в мужское божество, изображался сидящим в цветке лотоса на спине пав-

лина[68]. Существовало много китайских переводов сутр, посвященных этой богине. Для танского времени известен один перевод, выполненный знаменитым И-цзином, и другой — Амогхаваджрой[69]. Существовали изображения этого «Светлейшего принца», написанные такими выдающимися художниками, как Янь Ли-бэнь[70] и У Дао-сюань[71].

Попугаи

В древнем Китае имелись стаи попугаев местного происхождения, которые жили в горах Лун около старой караванной дороги, проходившей вдоль нынешней границы между Шэньси и Ганьсу. Эти классические птицы, которых иногда называли священными птицами Западного края за их способность говорить, скорее всего, принадлежали к породе зеленых длиннохвостых попугаев с фиолетовой грудью, называемых дербианские длиннохвостые попугаи[72]. Они и теперь распространены в Сычуани, Юньнани и Восточном Тибете, но севернее 30° северной широты неизвестны[73]. К несчастью, местные колонии птиц в горах Лун в средние века были опустошены массовым отловом попугаев для содержания в клетках, и с тех пор эта порода вывелась. В IX в. Пи Жи-сю с жалостью писал о жителях гор Лун, которым приходилось рисковать своей жизнью, чтобы ловить попугаев, поставляемых в качестве «местной дани» для Золоченой террасы императорского двора:

Луншаньские горы
вершин миллионы вздымают.
На скалах отвесных
выводят птенцов попугаи.
Но в бедности крайней
такие опасности скрыты,
Что даже и горы
охотников меньше пугают.
По внешности дики
живущие в Лунских горах.
Не легче, чем в небо,
взойти на отвесный карниз.
Высматривать надо,
где спрятано в высях гнездо,—
Не счесть птицеловов,
оттуда сорвавшихся вниз.
Из ста попугаев
поймали едва ль одного,
Но девять ловцов
из десятка с вершин сорвались.
Стоят гарнизоны
обычно на Лунских реках,
Но ты гарнизона
увидеть сейчас не мечтай:
Велел их начальник,
резные забрав короба,

Ловить попугаев
    отправиться в горы Цзиньтай.
Ни перья, ни шкуры
    не смогут их жизнь окупить.
Язык попугая
    не станет об этом болтать.
Но жизнь человека
    так мало у варваров стоит,
Что люди готовы
    со смертью на кручах играть.
Я слышал о мудрых
    правителях прежних времен,
Что прочь отсылали
    подаренных птиц дорогих.
Но вот и сегодня
    живущие в Лунских горах
Должны год за годом
    оплакивать мертвых своих [74].

Примерно со II в. на севере стали появляться новые породы попугаев — южных птиц, своим символическим значением тесно связанных с павлинами. Их присылали из Линнани и Вьетнама, недавно ставших китайскими. В танских пределах длиннохвостые попугаи — ожерелковые, красногрудые, сине- и пестроголовые,— столь же очаровательные, как и их названия, встречались на полуострове Лэйчжоу и в прилегающих частях Западного Гуандуна [75]. Как и павлины, эти небольшие эффектные птицы — только потому, что они были здесь многочисленны — составляли одну из добавочных статей рациона туземцев этого района: довольно тривиальный мотив для поедания таких красивых существ. Как это не похоже на участь попугаев в Индии, где их ели только брахманы как пищу благородную и священную, или на судьбу попугаев, доставлявшихся в Рим, где их наряду с жареными фламинго употребляли в пищу только такие гурманы, каким был Элагабал,— как блюдо, достойное его утонченности и великолепия [76].

Часть попугаев с юга отправляли в клетки и сады северян — любителей птиц, где им приходилось соперничать с более привычными породами с гор Лун. Эти классические птицы должны были еще оставаться многочисленными, поскольку попугаи в саду Ли Фана в X в. именовались «гости из Лун» [77].

Но начиная с III в. у них появились блистательные соперники, быстро отобравшие у длиннохвостых попугаев (как северо-западных, так и южных) благосклонность знатоков, достаточно богатых или знатных, чтобы приобрести их. Это были индокитайские или индонезийские попугаи [78] — великолепные птицы, которых посылали в дар китайскому императору владыки тропических стран или же привозили с края света моряки и купцы (как это было с попугаями повсюду и во все

времена) — наглядное доказательство того, что далекие страны расцвечены ярче, чем родная земля.

Полог из восточной ткани,
Алый блеск камней лучистых,
И пурпурные макао
Мчатся в волнах серебристых.

В «Африканской песне» Чаттертона, из которой взяты эти строки, верно схвачен непреходящий ореол экзотических мест, хотя макао — птица американская, а не африканская, и ее не знали в Старом Свете вплоть до нового времени. А птицы, которых привозили в танскую империю моряки и дипломаты, были новыми для Китая породами длиннохвостых попугаев — лори и какаду.

Больше всего славились своей красотой длиннохвостые попугаи лори, именовавшиеся в Китае «пятицветными попугаями». По той же самой причине — они переливались всеми цветами радуги — и в средневековой Индии попугаев с Молуккских островов называли *панчаваранагини* «пятицветные попугаи» [79]. Возможно даже, что это китайское название явилось переводом индийского.

Спина изогнута, блестят задорно глазки,
На свежих перьях цвет листвы зеленой,
На шее круг рубиновой окраски,
Я чищу пальчики на лапке округленной,
Я жду свою царицу, я — влюбленный.

Таков центральный образ стихотворения Джона Скелтона «Говори, попугай». И так, может быть, воспринимался в Китае экзотический длиннохвостый попугай. Попадали в Китай и «красные попугаи»: это были, несомненно, алые лори и розовые какаду из Австралазии, обитающие к востоку от линии Уоллеса, делящей фауну Океании на две большие зоны. «Белые попугаи» китайских текстов — явно какаду из этих же далеких стран.

Сообщение о подношениях в танское время «красных попугаев» до нас не дошло, хотя раньше их и привозили. Однако «южная индийская страна» в 720 г. прислала с посольством говорящего «пятицветного попугая». Об этом посольстве сохранились подробные сведения: оно просило отправить китайское войско, чтобы наказать арабов и тибетцев за многочисленные злодеяния, а индийский посланник был достаточно умен, чтобы отметить, что одеяния и пояса были единственными ощутимыми проявлениями китайских милостей к «варварам». И его тоже Сюань-цзун пожаловал парчовым кафтаном и поясом из позолоченной юфти [80]. «Пятицветный попугай», подаренный Тямпой столетием раньше, настолько поразил

Тай-цзуна, что тот приказал сочинить в его честь хвалебную оду[81]. Этот попугай и другой, белый, составлявший ему пару, часто страдали от холода, и по особому указу этим смышленым птицам предоставили свободу и отправили на их родину[82]. Горная страна на полуострове Малакка, богатая слонами[83], в 655 г. прислала «пятицветного попугая»[84]. В VIII в. попугаи прибывали из Шривиджайи[85] и Тохаристана (их привез крупный вельможа «Рама» по поручению соседней Капиши)[86], а в начале IX в. дважды — из Калинги[87]. Одно из этих многоцветных созданий — попугай, умевший говорить,— стал любимцем великого Сюань-цзуна; ему было высказано предположение, что этот попугай мог даже быть той самой сказочной благовестной птицей называвшейся «радость времени года», которая изображалась в старых иллюстрированных книгах — с «ярко-красной ⟨киноварной⟩ головой, розовой грудью, багряным хохолком и зелеными крыльями»[88].

Что же касается белых какаду, то об одном из них, из Тямпы, мы уже упоминали (скорее всего, он был уроженцем не самой Тямпы — его должны были изловить в отдаленной части Индонезии). Это была птица, «совершенная по пониманию, незаурядная по сообразительности и превосходная в ответах на вопросы», которую Тай-цзун из жалости вернул в ее родной лес[89]. Янь Ли-бэнь изобразил этого попугая вместе с «пятицветным», парным ему. Чжоу Ми, сунский автор и критик, заявлял, что он владел этой картиной.

«В моем доме в течение долгого времени хранилась картина ,,Изображение попугаев, подаренных Прум Ирап". Это должны быть те, что были подарены при Тан, во время ⟨правления под девизом⟩ Благополучное Обозрение ⟨*Чжэнь-гуань*, 647 — 649 гг.⟩. Так как они мечтали о возвращении, Тай-цзун отправил их на родину в сопровождении двух женщин. Значит, картина эта — подлинное творение Янь Ли-бэня»[90].

Другим знаменитым белым какаду, запечатленным в живописи, была «Дева в белоснежном одеянии» — любимая птица Ян Гуй-фэй. Согласно широко известному анекдоту, супруга государя пускала ее летать над игорным столом, когда над Сюань-цзуном нависала опасность проиграть в «двойную шестерку», чтобы отвлечь внимание игроков и предупредить неминуемый удар по самолюбию императора[91]. Эта трогательная сцена (другая версия рассказа о собачке-игрушке из Самарканда) была описана Чжоу Фаном[92].

Еще более живописным был какаду с десятью длинными розовыми перьями на хохолке, несомненно изящный какаду с розовым гребешком из Серана и Амбоины[93],— подношение островного владения, лежащего далеко за морем, в пяти месяцах пути от Гуанчжоу,— видимо, одного из Молуккских

островов[94]. Посланцы далекой страны привезли не только попугая, но и камфору, а в ответ просили лошадей и бронзовые колокола, и было предписано, чтобы они были им вручены[95].

Что же касается познаний о попугаях вообще, то древняя традиция гласила, что, если гладить попугая, можно заболеть неизлечимой болезнью. Это заболевание — пситтакоз, или попугайная болезнь, которая действительно поражает легкие через пыль, содержащую частицы помета попугаев[96]. Затем имелись хорошо известные рассказы (видимо, преимущественно индийского происхождения)[97] о попугаях, которые шпионят за слугами и неверными женами. Наконец, попугай считался также олицетворением ума, попавшего за решетку: плохо знать слишком много! Но «потеря свободы может быть добровольной и альтруистичной, и в этом случае попугай становится олицетворением невесты, которая вручает свою свободу мужу, или вассала, который поступается личными интересами ради своего господина. К тому же красивое оперение — источник тщеславия владельца — может стать причиной поимки, заключения в тюрьму и несчастья»[98].

Страусы

Никакое иноземное животное не казалось китайцам бо́льшим чудом, чем страус. И не менее двух раз их доставляли в Тан в VII в. Эти громадные птицы были известны по рассказам с тех пор, как парфяне еще в 101 г. прислали одного страуса в дар[99]. Это были, несомненно, экземпляры тохаристанской породы страусов, похожей на ту, что обитала в пустынях Сирии и Аравии вплоть до исчезновения в 1941 г.[100] Голова и шея взрослого самца были красного или розового цвета, оперение туловища — глянцевито-черное с белыми перьями в хвосте и крыльях. Персы называли его *уштур мург* «птица-верблюд»[101]. Это название, переведенное на китайский язык, стало обычным в средние века обозначением для страуса на Дальнем Востоке, заменив старое — «великий воробей из Тяочжи», напоминающее нам о греческих и латинских названиях страуса[102]. Но и старое китайское название не исчезло, так как в сообщении о посольстве, направленном в 620 г. ханом западных тюрок, сказано, что посланцы подарили «исполинскую птицу из Тяочжи»[103]. Более знаменита была «птица-верблюд», присланная из Тохаристана в 650 г.: ее способность пробежать в день 300 ли, взмахивая все время крыльями, а также то, что она могла переваривать даже медь и железо, описывались неоднократно[104]. Последнее свойство привело к использованию верблюжьего помета в танской медицине; че-

ловеку, нечаянно проглотившему железо или камень, рекомендовалось, чтобы он принял это немыслимое лекарство, растворяющее их [105].

Красивая тохаристанская птица была принесена в жертву Гао-цзуном на могильном кургане его прославленного предшественника Тай-цзуна [106], а ее каменное изображение до настоящего времени стоит на кургане самого Гао-цзуна [107]. На могиле Жуй-цзуна поставлена еще одна «птица-верблюд», неизвестного происхождения; как и предыдущая, изображена она просто и реалистично, явно с натуры. Загадкой остается страус у Ли Бо:

На Бреге Осеннем
  парчовая птица-верблюд
Высокому небу
  и людям всем на удивленье.
У вод неподвижных
  нерадостный горный петух:
Не смеет он в речке
  взглянуть на свое отраженье [108].

Хорошо известно, что фазан бывает пленен своим собственным красивым отражением. В этом четверостишии он посрамлен страусом, «разукрашенным» в красное, белое и черное. Слово «разукрашенный» или «пестрый» первоначально служило эпитетом фазана: золотого фазана иногда называли горным петухом, как это было здесь, а иногда — за горящее многоцветное оперение — разукрашенным петухом [109]. Писал ли Ли Бо о виденном им страусе или же о страусе, известном ему по рассказам, или эта птица была для него просто образом, навеянным литературой?

Калавинки

В буддийской литературе есть много упоминаний о птицах калавинках и их мелодичном пении. Эта чудесная певчая птица встречается там не как таковая, а как стандартный образ Будды и его голоса, открывающего всем живущим великую истину о природе страдания и бренности материального мира [110]. О самой птице великий буддийский лексикограф Хуэй-линь пишет следующее: «Эта птица обитает в снежных горах. Она может петь, еще находясь в яйце. Её голос гармоничный и изысканный. Слушая ее, нельзя пресытиться» [111].

Эта божественная птица отображалась религиозным искусством Дальнего Востока по-разному, так как ее смешивали с птицей *киннарой* — на деле совершенно другим существом [112]. Она была изображена в китайском балете индийского происхождения, называвшемся «Калавинка» (мы уже упоминали о нем); в Японии этот балет до сих пор исполняют крылатые мальчики [113].

Можно было бы предполагать, что это создание, само существование которого, казалось, ограничивалось буддийской словесной символикой и иконографией, тщетно искать в реальном мире. Но такое предположение оказалось бы ошибочным, так как в начале IX в. из страны Калинга к танскому двору прибыла миссия и преподнесла трону (наряду с попугаем, юношами зандж и множеством редких благовоний) птицу калавинку[114]. Что же собой представляла эта индонезийская птица? Пытаясь идентифицировать ее, мы должны найти такую птицу, которая обитает как в Индонезии, так и в Индии и обладает чистым, мелодичным голосом. Эти условия, однако, излишне широки, чтобы удовлетворять задаче, поскольку в этих двух регионах (если учитывать видовые и родовые различия) есть много одинаковых птиц, и некоторые из них — прекрасные певцы.

Но благодаря одному китайскому автору XII в. область поисков должна быть сужена. Чжан Бан-цзи, описывая буддийский храм в Чжэцзяне, пишет следующее:

«На святилище Будды жили две птицы калавинки, которые соорудили свое гнездо между стропилами и коньком. Они были такой же величины, как черный дронго[115], а их хохол и оперение — глубокого цвета индиго, с переливами, как у зимородка. Голоса их были чистые и сильные, как яшма, когда по ней ударяют. Каждый год они выводили птенцов, но всегда уводили их, а куда — мы не знали»[116].

Наша загадочная птица, таким образом, сопоставима с обычным китайским дронго. И оперение у нее с таким же металлическим отливом, только не черного цвета, а темно-синего. Голос у нее очень высокий и звучный. Встречается ли такая птица на Островах и в Индии? Да, это райский дронго[117], или, как его более широко (и обыденно) называют, крупный дронго ракеткохвостый. Яванская порода (*Dicrurus paradiseus formosus* — прекрасный райский дронго) имеет блестящее лилово-черное оперение, длинные, свисающие вниз хвостовые перья и владеет «серией мелодичных свистящих звуков и нот и большим даром подражания»[118]. Об индийской породе говорится, что это, «видимо, лучшая певчая птица Востока»[119].

Все условия удовлетворены: в Индии голос этой прекрасной и бесстрашной птицы с ее сверкающим оперением, отливающим синевой, звеня по горным лесам, стал символом голоса Просветленного, который дает людям Закон. Пара таких птиц (индокитайского или юньнаньского ответвления этого рода) забрела в XII в. в Чжэцзян, чтобы поразить Чжан Бан-цзи. А царь Калинги послал своего прекрасного райского дронго в Чанъань и как чудо природы, и в равной степени как религиозный символ[120].

В слепящих бликах вся она предстала
Зеленых, синих, золотых и алых.
Пестра, как барс, как зебра — вся из линий,
В разводах красных и в глазка́х павлиньих.
В рою серебристых лун; — она дышала,
Они горели, меркли — и вплетались
Их люстры в поле темное обоев;
Среди ничтожеств — радуга собою,
Как королева эльфов в мире бренном,
Супруга демона — иль просто демон.

Джон Китс. Ламия.

ГЛАВА VI

МЕХА И ПЕРЬЯ

Приверженность к ношению шкур и перьев, насильно содранных с их законных владельцев, видимо, столь же стара, сколь и само человечество, но не заметно, чтобы мода эта устаревала. Первоначально, во всяком случае, это был поразительно легкий способ приобрести уже готовый наряд. При этом владелец получал наряду с теплом первозданную красоту и магическую силу — силу в том смысле, что он сам становился или медведем, или лисой, или лебедем и разделял с ними их чудесные качества.

В древнем Китае мех, надетый на плечи, был знаком особого достоинства, а «великие меха» были прерогативой Сына Неба, который надевал их вместе с венцом, когда совершал поклонение верховным богам [1]. О его священной мантии говорится, что она должна была изготовляться из мерлушки и ее должны были украшать символические рисунки и изображения планет, гор и земных существ.

Шли века, и меха стали отличительным признаком северного кочевника или китайского воина или даже просто зимней одеждой северянина. В танскую эпоху было в употреблении совершенно ошеломляющее разнообразие одеяний из меха. Были в ходу меха белых лисиц, меха куниц, меха черных соболей, тигровые шкуры, «меха ценою в тысячу монет», «лиловые лесные меха», «зимородково-синие меха» и даже «белые полотняные меха», «гобеленовые меха», «хлопковые меха» и «шерстяные камчатные меха» [2]. Последние выражения, явно внутренне противоречивые, по-видимому, относятся к накидкам и теплым покрывалам, частично изготовленным из тканей, подбитых изнутри или снаружи звериными шкурками, а возможно даже — к плотной одежде, заменявшей меха.

В пределах самой танской империи провинция Лунъю (т. е., грубо говоря, современная Ганьсу) считалась крупнейшим поставщиком мехов. В официальном перечне податей значится, что наряду с золотом, точильными камнями, восковыми свечами, мускусом и хлопком эта провинция снабжала двор «рогами, пером, пухом, шкурами и кожами птиц и зверей»[3]. Ничего похожего не сообщается ни об одной другой провинции. Но меха для придворных также доставляли и из таких далеких мест, как Япония[4]. В целом, однако, привозные меха были северного происхождения, хотя какое-то их количество доставлялось и с далекого запада. И все они отдавали запахом «варварского».

Замша

Далекий Хорезм славился как экспортер меха «соболей, белок, горностаев, а также меха степных лисиц, куниц, лисиц, бобров, пятнистых зайцев и козлов»[5]. Хотя нет свидетельств, что Трансоксиана вела сколько-нибудь значительную торговлю мехами с империей Тан, послы из Хорезма в 753 г. привезли в Чанъань пурпурного цвета замшу[6], а ремесленники, прикрепленные к императорскому дворцу, получали темно-красные оленьи шкуры для своих мастерских с территории «от Персии до Лянчжоу»[7], т. е. от Ирана и большей части Сериндии вплоть до танской границы. Этот иранский олень получил название *цзин*. Существовали кожи *цзин* и местного китайского производства, высоко ценившиеся как материал для сапог.

Сапоги в Китае имели свою долгую историю. Они были заимствованы у кочевников в классический период и использовались прежде всего в военном облачении. Но их иноземное происхождение никогда не было забыто полностью. Даже в период Тан мы читаем о дочери куртизанки из Чанша, где она после исполнения чачского танца

> Сняла с себя варварские [маньские] сапоги
> и сбросила алый покров[8].

И действительно, пока в первой половине VII в. не были придуманы сапоги с нарядными войлочными головками, в священных местах и в дворцовых залах (*дянь*) сапоги носить запрещалось[9].

Лучшие сапоги изготовлялись из кожи оленя *цзин* из Гуйчжоу (современная Северная Гуанси). Во время Тан они были

статьей «местной дани» двору[10], но мы знаем также, что такие сапоги изготавливали в 938 г. в Фуцзяни[11]. Мне казалось когда-то, что *цзин,* мягкая шкура которого пользовалась таким спросом у танских сапожников,— это маленький мохнатый олень[12], схожий с мунтжаком и имеющий длинные клыки и почти незаметные рога. Это милое животное живет вдоль китайского побережья к югу от Янцзы, да и в нагорьях Юго-Запада. Я не могу до конца быть уверенным в таком отождествлении *цзин,* поскольку свидетельства сбивчивы; и определенно *цзин* иранской Средней Азии не мог быть этим мохнатым оленем.

Во всяком случае, красные сапоги из замши были в танское время в моде. Их отдаленные «родичи» дожили до наших дней в Японии, где в сокровищнице Сёсоин сохранилась пара церемониальных туфель, изготовленных из ярко-красной кожи и украшенных золотой тесьмой, серебряными цветами и цветными бусами[13]. Утверждалось, что их носил император Сёму. В правление Тай-цзуна, в конце VIII в., дворцовые дамы носили высокие парчовые сапоги ярко-красного цвета[14], которые, должно быть, копировали сапоги из хорезмийской или гуйчжоуской замши, окрашенной для дворцовых щеголих камбоджийским лаком.

Шкуры лошадей

Из ганьсуйского коридора, Ордоса и монгольских пограничных областей, находившихся под танским контролем, в столицу регулярно поступали лошадиные шкуры как знаки «дани» провинциальных городов[15]. С давних времен этот материал имел значение в производстве маленьких кожаных лодок или челнов для переправ через северные реки, а также для выработки «седельных покрытий»[16]. Мы увидим ниже, что доспехи из лошадиной кожи ввозили в Китай из тюркских стран[17]. И, может быть, китайцы, имевшие традицию изготовления кожаных доспехов, продолжали и в танское время использовать для этих целей шкуры лошадей.

Котиковые шкурки

Ленточный котик, называвшийся по-китайски за его пятнистость «морским леопардом»[18], кормится и резвится в Охотском море[19]. При первом императоре по имени Сюань-цзун (т. е. в VIII в.) шкуры этих животных посылали из владений бохайских мохэ и из Силлы[20].

Мы уже отмечали, что в танское время продолжал существовать древний обычай прикреплять к одежде воинов и в особенности к их головным уборам хвосты куниц и куницеподобных животных. Некоторые высшие гражданские чиновники танской империи также носили подобные знаки доблести [21]. Но именно смелых юношей, которые отправлялись на тюркскую границу или вернулись оттуда в родные места, чтобы поохотиться с ястребами и собаками, имел в виду поэт, когда писал:

Заплелись и сцепились
 золотые звенья кольчуги;
И густа, и пушиста
 из куньего меха одежда [22].

Подобные выражения встречаются в танской поэзии часто. Шкурки куниц и горностаев, красивые и теплые (но, видимо, к тому же напоминающие о кровожадном нраве их первоначальных обладателей), всегда ассоциировались с севером и холодом, с пьющими молоко «варварами» и с опасностями пограничных стычек.

Вот как писал о них Ли Ци в «Песне о пограничных крепостях»:

В округе Яньмэнь
 и у горы Хуанъюнь
В пыльную бурю
 солнце садится под вечер.
Тысяча всадников
 в черных собольих мехах,
Их называют:
 войска юйлиньского дети.
«Северный снег» —
 золотая свирель запоет;
«Тучи и воды» —
 конское ржанье ответит.
Полог натянут,
 пьют виноградное там,
Благо сердца их
 всегда утешаются этим [23].

Ввозили шкурки во множестве — будь то шкурки куницы, соболя или горностая — для танских военных поселений. Даже китайские пограничные провинции регулярно посылали их в императорские шорные мастерские, с тем чтобы из шкурок изготавливалось убранство для кавалерии [24]. Мягкие, теплые шкурки в VII в. посылало племя улагун [25], обитавшее к западу от мохэ, к востоку от тюрок и к северу от киданей; посылали их и в VIII в.; в частности, поступления от тунгусских племен мохэ, живших по Сунгари и Амуру, иногда исчислялись тысячами [26].

Леопардовые шкуры

В 720 г. леопардовую шкуру представила танскому двору «Южная Индия» (Паллавы?) [27], спустя четыре года Силла прислала другую, которая, несомненно, принадлежала длинношерстому сибирскому леопарду [28]. И счастливый владелец этой пятнистой шкуры вполне мог последовать совету поэта:

Не лишнее в стужу
закутаться в мех леопарда [29].

Теплом шкуры дорожили, но она же могла скрывать в себе и опасности. Свирепая натура леопарда могла оказать дурное воздействие на владельца шкуры. Поэтому фармаколог Чэнь Цанци предостерегал: на леопардовую шкуру «нельзя ложиться спать, потому что она наводит страх на человеческую душу»; кроме того, если волосы из шкуры попадут на язву или рану, то они могут отравить ее [30]. Некоторые пренебрегали этим советом; в их числе был отшельник Чжан Чжи-хэ, который, как и полагалось истинному даосу, «прикрытый леопардом и обутый в туфли из кокосового волокна, закидывая удочку, не насаживал приманки, так как в его намерения не входило поймать рыбу» [31].

Леопардовая шкура имела также повседневное употребление и в ученом мире: если тушечницу ученого покрывали, сохраняя от пыли, узорной камкой, то палочку туши, чтобы ее не коснулась сырость, хранили в мешочке из леопардовой кожи [32].

Львиные шкуры

«В четвертом месяце ябгу-каган западных тюрок направил послов, которые преподнесли в дар львиную шкуру» [33]. Это было в 622 г., и шкура была добычей, достойной Нимрода или Геракла.

Прочие шкуры

Сообщалось, что Сюань-цзун владел мехом животного, имя которого на языке «варваров» означало «индиговый и благоуханный»; это было подношение от далекой страны, сделанное во времена Тай-цзуна [34]. Об этом звере говорили, что он является помесью леопарда и легендарного животного, называвшегося в древнем Китае **tsiəu-ngiu*. Его шкура была более глубокой синевы, чем персидское индиго, а его запах можно было почувствовать издалека, за много *ли* [35]. Вопрос об отождествлении этого зверя более всего осложняется тем, что мы не знаем, как отождествляется один из его родителей: высказывалось предположение, что таковым был далеко не сказочный индийский панда [36]. Приходит на ум и тибетский голубой медведь.

Наконец, в VIII в. племя мохэ из Северной Маньчжурии наряду со шкурами тамошних куниц прислало шкурки белых зайцев — дар заснеженных лесов этого народа [37].

Акулья кожа (галюша)

Акулью кожу добывали по всему побережью Китая к югу от устья Янцзы. Она все же отнесена к экзотическим товарам только потому, что ее привозили также и из Тонкина, являвшегося китайским протекторатом [38]. Древнее предание повествует об акульем народе, который жил на дне моря у берегов Тямпы; эти люди были богаты жемчугом (это были их слезы) и необычайно тонкими тканями [39]. Но вообще акулья кожа служила вполне прозаическим целям и, кажется, не была наделена особыми чарами, если не считать того, что ее могли носить сказочные морские люди. Некогда из акульей кожи изготовляли что-то вроде пластинчатого доспеха и она употреблялась с успехом как шлифовочный материал. Но в танское время на нее существовал спрос как на красивую и удобную кожу для обтягивания рукояток мечей, поскольку ее шершавая поверхность не позволяла руке скользить [40]. Танские мечи с рукоятками, обтянутыми шагренью, отделанные такими ценными материалами, как золото, серебро, крапчатый рог носорога, можно теперь видеть в Нара в Японии [41].

Хвосты животных

Хвост животного, употребленный в качестве украшения-эмблемы, мог олицетворять животное целиком и заключать в себе его сущность, точно так же как царский меч мог быть наделенным царственностью, а скальп врага сохранял его жизненные силы. Но, конечно, в каких-то случаях хвосты были лишь знаками отличия; к таким должны быть причислены хвосты яков, ввозившиеся или из Тибета, или из тех земель, которые примыкали к Тибету с запада (современные Сычуань и Ганьсу) [42] или с севера, из китайских владений в Монголии [43]. Хвосты белых лошадей с северо-запада [44] и лисьи хвосты с запада [45], считалось, обладали большей священной силой. О хвостах леопардов вообще не возникало никаких сомнений — они заключали в себе *ману* и обладали силой оберега [46].

Школа гадателей *инь-ян* признавала «бога леопардового хвоста», и хвосты леопардов занимали определенное место среди церемониальных инсигний, подобавших Сыну Неба [47]. Хвост леопарда в архаическое время был военной эмблемой, а в

ханьскую эпоху он превратился в знак, которым обозначали границы священной процессии — к ней, как и к ограде самого дворца, нельзя было приближаться, чтобы не осквернить их. При танских императорах хвост леопарда стал важной составной частью императорских регалий, обладавшей своим статусом: хвост леопарда, свисающий с ярко-красного шеста, вез в сопровождении дюжины воинов в отдельной повозке военачальник в шлеме и в ярко-красном костюме с кожаным поясом [48]. Эта колесница принимала участие во всех церемониальных процессиях.

Из средства рассеивания злых духов хвост леопарда превратился в окруженный благоговением кумир. Много позже, в сунское время, когда этот церемониальный хвост леопарда исчез, его чисто символически заменило знамя из желтой ткани, украшенное нарисованными на нем точками [49].

Перья

Быть как птица — это в определенных отношениях более привлекательно для человека, чем приобретение каких-то свойств любого другого животного. Свобода тела, полет души, парение воображения были идеалами не только древними, но и исполненными смысла. Эти идеи продолжали жить и во времена Тан. Правда, такие представления наиболее основательно разработаны в той традиции, которую мы именуем «даосской»,— именно в ней идеальным существом был «человек в оперении», легкий, как воздух, и ангелоподобный. Но в той или иной степени эти мечтания были сродни каждому китайцу. И в соответствии с этим, как и шкуры животных, оперение птиц могло служить для того, чтобы украшать (и вместе с тем преображать) личность средневекового китайца или по крайней мере сообщать красоту его телу и в то же самое время давать пищу его воображению [50].

Сказочные плюмажи — перья, которые отвечали вкусам китайцев,— должны были иметь красивую окраску. И, подобно королевским ремесленникам на Гавайях, которые общипывали питающихся нектаром береговых ласточек, придворные ремесленники в Чанъани жаждали прославленных желтых перьев иволги [51] и радужно-бирюзовых — зимородка. Перья зимородка имели намного большее значение и находили с древнейших времен применение в ювелирном деле и в наиболее дорогих видах убранства как самого человека, так и его жилья. Танская литература изобилует упоминанием вещей, украшенных перьями зимородка,— от больших навесов и пологов [52] до миниатюрных перстней и прочих женских безделушек:

Грязь пропитала
расшитые жемчугом туфли;
Дождь промочил
шпильки из зимородковых перьев [53].

Какое-то количество высоко ценившихся перьев этой красочной птицы доставляли из отдаленной части Линнани [54], но большинство их поступало из Аннама, над которым еще существовал с таким трудом державшийся танский протекторат [55].

Перья птиц (я не знаю, от каких птиц их получали) находили применение также в «живописи»: выполненные из перьев два панно, которые хранятся ныне в Сёсоине, если не китайской работы, то изготовлены под китайским влиянием. Одно из них (створка ширмы из дворца японского императора Сёму) изображает даму, стоящую под деревом, на другом — каллиграфически выполненные из перьев изречения [56].

Кроме того, в ходу были перья белой аннамской цапли [57], в давние времена служившие для изготовления ритуальных жезлов чжоуских танцоров, а в танское время потребовавшиеся для воинских инсигний [58]. Среди великолепных штандартов, выставлявшихся почетным караулом на приемах в честь чужеземных принцев, особенно блистательными были эмблемы, отличавшие солдат седьмого ряда — с короткими копьями, одетых в желтые куртки и шапки, орнаментированные изображениями облаков и цветов; их опознавательные знаки были сделаны из оперения чудесных «пятицветных попугаев», привозившихся из «Индий» [59].

Но еще издревле наибольшую славу в воинском обиходе снискали перья красивых пород фазанов и других куриных, в изобилии водившихся в Китае (особенно на западе и на юге страны) и в прилегающих к нему областях Восточной Азии [60]. Напомним, какими чудесами здесь располагали: кроваво-красный фазан Давида с малиновым хвостом [61] — в горах Циньлина; рогатый трагопан Теммипка [62] с оперением в белых крапинках и с синей маской — в Западном Китае; серебряный фазан [63] с сине-черным хохолком, красными щеками и длинным белым хвостом — в Линнани; в Ганьсу и Кукуноре — синеухий фазан [64] с белыми рогами, красными щеками и серо-голубым оперением тулова с радужным зеленым и пурпурным отливом; золотой фазан [65] с его золотистым хохолком, зелено-желтой спиной и ярко-красной нижней стороной тела — на западе и на северо-западе страны; и, может быть, самый великолепный из всех — алмазный фазан леди Амхерст [66], переливающийся красным, белым, голубым, желтым и черным цветами и особенно искристо-зеленым,— в Тибете и в Юго-Западном Китае. А ведь было еще много-много других... Трудно сказать с уверенностью, какие именно из этих пылающих птиц лишались своих перьев, попа-

давших к танским государственным ремесленникам. Известно, что древняя традиция самыми замечательными считала хвостовые перья королевского фазана [67] — красивой золотисто-коричневой птицы, расцвеченной белыми и черными крапинками и полосками, с белой головой и черной маской и с чрезвычайно длинным хвостом. Искони обитающая в Северном Китае, эта порода куриных еще с незапамятных времен снабжала своими щегольскими перьями китайских мастеров, изготовлявших ритуальные и воинские жезлы, штандарты и шапки. Что же касается танского времени, следует отметить, что перья королевского фазана были необходимы дворцовому ведомству конюшен и арсеналов [68], несомненно, для традиционных знаков отличия, для придворных опахал [69] и для наиболее изящных зонтиков [70].

Но здесь мы еще находимся только на подступах к миру экзотических диковин.

Хвосты павлинов

Никакие другие хвостовые перья не ценились так высоко, как павлиньи. Их наряду с дорогими шелками и смолами привозили из аннамских городов [71]. Туземцы собирали эти перья, «золотистые и изумрудно-голубые», для изготовления вееров и метелок. Они старались отсекать хвосты от живого павлина целиком, так как иначе, считалось, его окраска поблекнет [72].

Заботиться о размещении ста пятидесяти шести опахал из павлиньих хвостов на больших официальных приемах было обязанностью чиновника, ведавшего императорскими колесницами. Опахала из павлиньих хвостов были в какой-то мере нововведением танского времени, хотя и не беспрецедентным, так как они заменили собой более традиционные опахала, изготовленные из хвостов королевских фазанов. Дух бережливости при дворе в начале VIII в. привел к замене их вышивками, копировавшими павлиньи хвосты [73]. Когда император совершал выезд, его сопровождали наряду с другими красочными знаками власти вроде «круглых опахал, раскрашенных киноварью» [74], две группы с опахалами из павлиньих хвостов: в одной группе их было четыре, в другой — восемь. Павлиньи опахала, по-видимому, были квадратными, судя по словесному описанию одной картины, изображающей танского императора, которую приписывали У Даоцзы. В этом тексте упоминается «квадратное опахало из [перьев] воробья *кун*, со стороною в два локтя» [75]. Этими опахалами пользовались при самых разных событиях, отмеченных особой торжественностью и святостью. Одним из таких случаев было присвоение усопшему Сыну Неба почетного посмертного титула. У нас имеется стихотворение IX в., посвященное этой теме: на территории дворца перед одним из больших дворцовых павиль-

онов или храмов два императора одновременно удостаивались этой почести:

Раскрыты из *кун*-воробья веера,
с туалетного столика взятые.
Волнами — с драконом изогнутым платья,
из сундуков извлеченные [76].

Описания роскошных вееров в поэзии встречаются довольно часто. Я отметил их в особенности в стихах Вэнь Тин-юня, где они служат проявлением и олицетворением императорского великолепия или ненужной утонченности. Вот пример:

На плотине изогнутой гибкие ивы
издалека могу рассмотреть.
Опахал воробьиных большие круги
ароматную яшму прикрыли [77].

Или же:

Ступиц узоры —
певицы из тысяч покоев.
Седла златые —
вельможи бесчисленных зал.
Тонкие тучки
летят к веерам воробьиным;
Легкий снежок
к соболиным накидкам пристал [78].

Вряд ли стоит пояснять, что выражение «воробьиные» опахала — это сокращенное обозначение опахал из перьев воробья *кун,* т. е. павлина.

Одеяния из перьев

Боа из перьев марабу и шляпы из страусовых перьев в наши дни отходят окончательно в прошлое и вроде бы не наделены особой силой. Но некогда можно было исполниться магической силы перьев, если целиком облачиться в них; плащ или полный костюм из перьев намного больше, чем любое другое сделанное из них украшение, приближали того, кто их носил, к духам-птицам, к птицам в их волшебном облике, осмыслявшимся как идеальные создания. Трудно сказать, считались ли крылатые люди китайских народных преданий человеческими существами в наряде из перьев или же птицами, способными снимать свое оперение. Видимо, задавать этот вопрос излишне. Но, как бы то ни было, рассказ о девушке-лебеде и ее сестрах — очень распространенный сюжет, и это предание о возвышенных существах, которые могут по желанию становиться то прекрасной женщиной, то облакокрылой птицей,— только одно из воплощений

созданного человечеством образа птицы как волшебного существа. Этот же образ, но уже в более простой и телесной оболочке, мы узнаем в сказках «Тысячи и одной ночи»: о девах-птицах говорится в «Истории Джаншаха» и в «Рассказе о Хасане из Басры». Затем имеется персидское предание о Бахрам-Гуре, который похитил голубиное одеяние пери, и эта же легенда существует в другой версии в Индии[79]. И для древнекитайской культуры птицы-женщины и их родичи — пернатые феи, даосские небожители и другие подобные им существа — самые обычные образы[80]. Вот один пример, относящийся к танской эпохе:

«„Скитающиеся женщины, которые ходят по ночам", называются по другому „дочери бога — повелителя Небес", а иначе именуются „звездные рыболовы". Они летают ночью и остаются скрытыми днем, подобно призракам и духам. Они накидывают оперение, чтобы превратиться в летающих птиц, и сбрасывают его, чтобы стать женщиной. Они не имеют детей и находят удовольствие в том, что похищают человеческих детей. На кончиках грудей у них имеются соски. Когда обыкновенные люди дают сладости маленьким детям, это не должно происходить на открытом воздухе, и не следует детскую одежду выставлять на солнце, ибо, если перья этих существ попадут на одежду, ребенок может превратиться в летающего духа. Иногда они пачкают такую одежду кровью, что служит их знаком. Некоторые говорят, что они являются перевоплощениями тех, кто умер при родах»[81].

Эти древние мифы находили отражение не только в мире воображения, но и в других мирах на земле: танский паломник Сюань-цзан, наблюдая индийских шиваистов, отмечал, что кроме тех, кто ходит обнаженным, и тех, кто носил ожерелья из черепов, существовали еще аскеты, одетые в оперение и хвосты павлинов. Он не сообщает, чем было вызвано это одеяние[82], но такая эксцентричность вряд ли нас удивит. Гораздо меньше мы подготовлены к тому, что наряд из перьев реально существовал и в Китае. Хотя и известно, что *юй и* «одетый в перья» — метафорическое выражение, обозначающее «полностью оперившегося даоса» (особенно того, кто уже перевоплотился в новое эфирное состояние), мы удивляемся, узнав, что и живые наставники даосского учения носили одеяния из перьев, да и почтенные светские лица ходили в нем, и все это происходило в весьма поздние периоды истории Китая.

В почти хрестоматийно-классические годы II в. до н. э., когда ханьский У-ди был ослеплен показными чудесами даосских чародеев, термин «человек в оперении» не был пустым иносказанием. Например, алхимик Луань Да был пожалован знаком достоинства — яшмовой печатью через императорского посланца, который был облачен в одежды из перьев, и сам

Луань Да, «пребывая ночью на подстилке из белого шелкового пуха, был одет в наряд из перьев»[83]. По поводу этого танский комментатор Янь Ши-гу писал: «Используя оперение птиц на то, чтобы изготавливать себе одежду, он добивался постижения полета и парения, подобно божеству или небожителю»[84].

Но что нам тогда сказать о некоем Чжао Гане, крупном аристократе времени Поздней Хань, который пришел на пиршество со свитой из ста слуг, «подпоясавшись мечом с узорами и укрывшись в одежду из перьев»[85]. Или о высокородном принце конца V в. в государстве Южная Ци, который был искусен во многих утонченных и изысканных ремеслах: он сшил «меховое изделие», вероятно накидку, из перьев павлина, которое «по яркости своих красок — золотистой и зимородково-голубой, превосходило голову фазана»[86].

Существует рассказ о том, что в конце VII в. городская управа Гуанчжоу преподнесла «Подражающей Небу» — императрице У — «меховое изделие», изготовленное из перьев зимородка, «редкостных и ярких, не похожих на обычные». Властительница отдала эту редкость своему фавориту, который поставил ее в споре с другим придворным против халата из пурпурного шелка. «Подражающая Небу» озаботилась разъяснить, что плащ из перьев — вещь гораздо более ценная, чем халат. После этого объяснения владелец халата вышел в негодовании, упорно настаивая, что красивое платье придворного любимчика нельзя сравнивать с халатом почтенного подданного[87]. Мы можем уловить в позиции владельца пурпурного халата нечто большее, чем высокомерие по отношению к человеку, которому выказывается предпочтение не за обычные заслуги, а по совсем иным соображениям. Почтенный чиновник, непоколебимый в своей педантичной ортодоксальности, видел что-то «чародейское» в наряде из перьев — старинном одеянии даосов, стремящихся попасть на небеса,— испытывая к ним своего рода «атеистическое» презрение как к «суевериям», подобно тому как пуританин чурался митры, ризы и других проявлений папизма.

Согласно более надежному свидетельству источника, мы знаем, что искусная танская принцесса сшила две юбки из перьев многих птиц. Они позволяли видеть «один цвет, если смотреть на них прямо, и другой цвет, если смотреть на них сбоку; они были одного цвета при свете солнца и были другого цвета в тени; кроме того, там можно было видеть очертания ста птиц». Эта же дама из меха «ста зверей» (чисто условное число) изготовила также чепрак не менее сложной работы. Хотя традиционный взгляд клеймил такие произведения как «безобразную одежду», платья из перьев вызывали большое восхищение «и большинство знатных подданных и богатых придворных сле-

довали этим образцам, так что меха и перья необычайных птиц и диковинных зверей с Янцзы и Горного прохода (т. е. с далекого юга) собирали, пока те почти совсем не исчезли» [88].

Рассказ о посланной Сюань-цзуну в качестве дани парче «золото перьев феникса», сделанной из перьев нежно-золотистого оттенка, относится к более позднему времени и, вероятно, недостоверен. Об этой парче сказано, что «многие одеяния во дворце были отделаны ею; ночью она излучала яркий свет. Только Ян Гуй-фэй была одарена достаточным количеством, чтобы сделать из него одежды и ширму, ослеплявшие, подобно солнечному свету» [89].

Было естественным, что предания об одеяниях из перьев роились вокруг даосского окружения Сюань-цзуна и его феоподобной супруги. Хорошо известная песня «Радужная рубашка, одеяние из перьев», под которую, услаждая своего повелителя, госпожа Ян танцевала, считалась волшебной музыкой. И наряд из перьев был для нее вполне «созвучным» и наиболее подходящим одеянием. Хотя легенда рассказывает, что император впервые увидел этот танец в исполнении лунных дев в их дворце на ночном небе и что он дал этому танцу название по наряду его исполнительниц, в действительности это была древняя центральноазиатская мелодия «Брахман», переработанная и переименованная этим государем. Ученый Шэнь Гуа, живший в XI в., сообщал, что в его время можно было видеть текст, начертанный на притолоке высокой беседки «горизонтальным письмом, напоминающим индийские буквы, каким-то человеком времени Тан». Хотя никто не мог разобрать эти буквы, предание говорило, что это запись «Танца радужной рубашки» [90]. Если предание не ошибалось, то это скорее должен был быть текст «Брахмана», т. е. этой же мелодии в ее первоначальном варианте, записанный письменами Сериндии. Но с уверенностью говорить об этом нельзя. Как бы то ни было, этот танец и песня теперь забыты и не существуют. Но само название этого танца и сопричастность к нему лунных фей, летающих существ, Сюань-цзуна и Драгоценной Супруги Ян продолжают жить. Память о них сохранилась не только в Китае, но и в Японии, в пьесе театра *но*, которая называется «Хагоромо». Фабула этой танцевальной пьесы отчасти сходна с древним и распространенным во всем мире преданием о смертном, который похитил облачение из перьев у крылатого существа (только в танской версии этой легенды о «девушке-лебеде» героиня принимает облик белого журавля, а одеяние из перьев становится нарядом из белого шелка, когда происходит превращение этого существа в человека) [91]. Японская поэтическая драма включает в себя также новую версию китайского средневекового танца «Радужная рубашка, одеяние из перьев», который японская крылатая дева

исполняет для мужлана, чтобы за это получить обратно свое оперение. Вот отрывок из этого *но*:

Небесным покровом из перьев колышет, колышет
Над соснами Мё,
Над Плывущими Островами она летит сквозь подножия облаков,
Выше гор Аситаки, над высоким пиком Фудзи,
Смутен облик ее,
Растворенный мглою небес;
И вот пропала из виду [92].

Заманчиво было бы считать, что в этом спектакле продолжает жить танец крылатой девы, который исполняла госпожа Ян, но снова у нас нет уверенности, что японский вариант «Радужной рубашки» действительно подлинное наследие древности, а не просто удачная стилизация под старину.

Украшения из крыльев насекомых

Среди драгоценных материалов, требовавшихся придворным ремесленникам, чтобы украшать одежды и утварь своих высокопоставленных клиентов, наряду с такими ценностями, как слоновая кость, яшма и черепаховый панцирь, были и надкрылья жука, называвшегося «сине-зеленое насекомое». Ловили этих жуков в Линнани и Аннаме [93]. Этот золотистый и бирюзовый жук (иногда его называли «яшмовым насекомым», а иногда «маленькой золотой черепахой») особенно прочно ассоциировался с городами Гуанси, лежащими к северу от Западной реки [94]. В этой области радужный золотоцветный убор насекомых (как это было с красивым нарядом павлина и зимородка) служил для украшения платьев дам и особенно их причесок. Но намного важнее внешней привлекательности этих насекомых были их достоинства как любовного талисмана. Эти маленькие существа «любят укрываться в ярко-красных цветах алтея, где они спариваются друг с другом» [95]. Этот пыл насекомых передавался с помощью симпатической магии романтически настроенным дамам всего Китая. В стихотворении Ли Хэ это изображено в такой весьма типичной картине:

С тоскою не сладить,
    покои закрыв на засов.
Пчела молодая
    мечтает о меде цветов.
Горяч еще пепел
    сгоревших душистых курений,
Но стынет прическа
    от черных заколок-жуков.
Уж ночь на исходе,
    в светильнике кончилось масло,

Смыкаются очи
за ширмой, в убежище снов.
Как сладостно грезить
об уток чете неразлучной;
За южной стеною
умолкли удары вальков [96].

Эти сверкающие надкрылья жука *Chrysochroa* играли сходную роль в Корее и в Японии (где его называли *тамамуси* «насекомое-драгоценность»). Его применение там не ограничивалось лишь украшением особы человека: всем известна прекрасная часовня Тамамуси в Наре, а в сокровищнице Сёсоин хранится кинжал с рукоятью из слоновой кости и оплеткой из луба, деревянные ножны которого украшены золотисто-зелеными надкрыльями *тамамуси* [97].

Chrysochroa было не единственным, хотя и наиболее излюбленным насекомым, для которого находили применение в ювелирном деле. Сельские женщины использовали для украшения своих браслетов и шпилек для волос «золотое насекомое», также золотисто-зеленого цвета, но вроде пчелы [98]. Некоторые пятнистые кузнечики (или саранча), считавшиеся сильным любовным талисманом, если их собрать в пятый день месяца (т. е. во время их совершенно немыслимого спаривания с земляными червями), также становились драгоценностями, украшавшими одежды девушек [99]. Но здесь мы уже отклонились от экзотического очарования в сторону другого, более знакомого и пленительного.

Бальзамом и камедью плачут рощи,
А там, на ветках, в кожуре златой
Плоды смеются — Гесперилы сказок
В них живы — и какой тончайший вкус!

Джон Мильтон. Потерянный рай

ГЛАВА VII

РАСТЕНИЯ

Золотые персики, присланные в VII столетии из Самарканда в империю Тан, я сделал полномочными представителями, олицетворяющими все экзотические товары в средневековом Китае [1]. Они происходили из отдаленного и лишь номинально зависимого владения, а их золотой цвет делал эти персики достойными выращивания в императорских садах. Поэтому вполне уместно, чтобы именно эти прекрасные плоды воплощали в себе целую группу чужеземных растений, больших и малых, которые тогда ввозили в Китай, чтобы сажать в садах и парках; одни — постоянно, другие — лишь на протяжении короткого периода. У нас нет данных о том, что самаркандские персики когда-либо разводили за пределами ограды запретного парка в Чанъани, и даже о том, что в самом парке они сохранились после VII в. Тем не менее любопытно, что некие золотые персики действительно разводили в Китае — возможно, потомство подлинных самаркандских или выведенные независимо от них каким-нибудь неграмотным садовником. Утверждалось, что золотые персики можно было вывести путем прививки персиковой ветки на дерево хурмы. Еще более любопытно, что искусство получения золотых персиков с помощью прививки было известно самому знаменитому из всех китайских садовников — Го-Верблюду, горбуну из Чанъани, чье интуитивное, внушенное *дао* мастерство принесло ему покровительство всех богатых и знатных обитателей столицы, как об этом повествуется в изящной аллегории, составленной Лю Цзун-юанем [2]. Утверждение о персиках цвета хурмы впервые появляется в «Книге о разведении деревьев», в качестве автора которой значится Го-Верблюд [3]. Но как ни заманчиво напрашивающееся отождествление, внимательное изучение сохранившихся экземпляров этой книги показывает, что она должна быть произведением юаньского времени. Если даже реальный прототип Го-Верблюда, нарисованного Лю Цзун-юанем, действительно существовал, то мы не можем быть уверены, что он вывел золотые персики столь же прекрасные, как и привезенные из Согда. Существовал он или нет,

6 Заказ № 2366

но слава, созданная его имени Лю Цзун-юанем, должна была заставить подлинного автора «Книги о разведении деревьев» принять в качестве псевдонима имя легендарного садовника, чтобы поднять престиж своего сочинения [4]. Мы еще будем снова и снова встречаться с этим горбуном в связи с экзотическими растениями.

Впрочем, не исключено, что саженцы императорских персиковых деревьев могли бы попасть за пределы дворцовых садов и, вполне возможно, садовник, подобный Го-Верблюду, мог разводить их или создавать похожие на них сорта. Вообще же экзотические растения ввозились из-за границы как подношения императору и распространялись затем по стране. К одному из знаменательных событий в 647 г. растительные продукты были прямо затребованы у «подданных» Тан владений, и в результате в столицу было доставлено значительное число новых растений, съедобных и разных других; при этом их названия и свойства были добросовестно зафиксированы в архивах [5]. Многие из них прижились и стали неотъемлемой частью культурной флоры Китая. Но этими императорскими привозными растениями поступления не ограничивались. Средства многих частных лиц из числа знати должны были позволять им приобретать экзотические образцы растений, некоторым из них было суждено стать родоначальниками новых пород в пределах Китая. Стихотворные строки Чжан Цзи, написанные примерно в начале IX столетия в честь друга, уезжающего в Гуанчжоу, чтобы вступить в должность, показывают, что это было особенно справедливо для южных городов, где имелось несравненно больше возможностей для внедрения новых растений, особенно красивых тропических цветов и плодов:

Цветы из-за моря и маньские травы
всю зиму в том крае растут.
Куда ни поедешь, у дома любого
они наполняют сады [6].

Новые садовые растения разводили также чужеземцы, жившие под покровительством Тан, будь то на юге или в Чанъани. Им было, вероятно, тяжело жить без любимых растений их родины, и в этом отношении они напоминали поселенцев из Европы в Америке, которые завезли туда гвоздики, первоцветы и тюльпаны. Более того, в танское время в Китай должны были проникнуть и иноземные садовые композиции, хотя сейчас трудно обнаружить нововведения и влияния такого рода [7]. Это могло произойти благодаря древней традиции, создававшей благоприятные условия для укоренения подобных новшеств. Как известно из витиеватых од Сыма Сян-жу, уже начиная с ханьского времени, если не раньше, императорские сады состо-

яли из магических схем, образованных колдовским размещением растений, и несколько природных сфер вселенной соединялись в них под духовной властью Сына Неба. Хотя сады для развлечений в послеханьское время приняли более светский характер, большие императорские парки никогда не теряли полностью своего магического характера. Сады же частных лиц обычно подражали в меньших масштабах этим великим примерам чужеземного влияния [8].

Джеффри Григсон показал, что образы местных растений в английской поэзии использовались для того, чтобы отражать и вызывать глубокие человеческие чувства. Образы чужеземных растений, не имевших длительной и близкой связи с англичанами, поэт мог использовать только лишь как яркие цветовые пятна в стихах [9]. В Китае было то же самое. Слива, обещающая весну и обновление жизни и надежды, или персик, олицетворяющий плодородие и бессмертие в фольклоре и легендах, выглядят как старые друзья, роль которых тесно сплетена с человеческими судьбами. А вот с личжи, например, было совсем по-другому. Хотя это растение на севере было известно с ханьского времени, к нему даже в танской поэзии относились как к чему-то экзотическому, яркому и романтически обаятельному. Но этот образ вряд ли отражал реальные, существовавшие в повседневной жизни мечты и страсти. Что же тогда говорить о нововведенных цветах и плодах, которым посвящена эта глава, таких, как золотые персики! И хотя они, оказавшись в средневековом Китае, кажутся нам вдвойне экзотичными, в воображении китайцев танского времени они на самом деле занимали примерно такое же место, какое занимают пальмы в наших воображаемых картинах тропических стран. И как бы они ни прославились у себя на родине, они не идут ни в какое сравнение с нашими лилиями и розами.

Хранение и распространение

Хорошо известно, что госпожа Ян — Драгоценная Супруга Сюань-цзуна — жить не могла без свежих личжи и имела возможность их получать, хотя эти фрукты надо было перевозить на почтовых лошадях из Линнани через весь Китай. И несмотря на это, нежные фрукты, которые меняют цвет за один день и теряют аромат за два, подавали госпоже Ян в Чанъани, сохранив их цвет и вкус [10]. Каким же образом это оказывалось возможным?

Дальше мы расскажем об изысканном винограде «сосок кобылицы», который перевозили свежим и непострадавшим из Ходжо через окраины пустыни Гоби в Чанъань. Готового ответа на вопрос, как это достигали, мы в танской литературе

не найдем. Но разбросанные по разным поводам сведения могут оказаться полезными, если их собрать вместе. Например, арбузы, которые в IX в. привозили из Хорезма, упаковывали в свинцовые ящики со снегом [11]. Значит, следует предположить, что для перевозки винограда из Сериндии лед доставляли с находившихся поблизости Небесных Гор. Но и после этого остается необъясненным, каким образом сохраняли личжи, привозившиеся с тропических южных окраин Китая. Тут должен был употребляться какой-то иной, не находящий пока объяснения способ охлаждения. Мы не можем с уверенностью сказать, какие принимали меры, чтобы сохранить растения по пути из отдаленных стран (в том случае, когда их привозили не в семенах), пока они не достигли пределов Китая. Не обольщаясь надеждами, что мы найдем точные ответы на все эти вопросы, все же бегло окинем взглядом дошедшие до нас скупые сведения о методах охлаждения и хранения растений, применявшихся в танской империи.

Хун Си-вэнь, поэт первой половины XIV столетия, видел картину, изображавшую Сюань-цзуна и госпожу Ян, отдыхающих в жаркий день [12]. В связи с этим он сочинил четверостишие, озаглавленное «Смотрю на картину, изображающую радости отдыха Мин-хуана с (Ян) Тай-чжэнь, укрывшихся от зноя», с описаниями увиденной сцены:

Разрезана дыня «зерно золотое»,
    лежит на подносе из льда;
Вскипела для чая «отведай прохлады»,
    бурлит снеговая вода.
Дворцовой красавице все невдомек,
    что страстью горит повелитель,—
Цветы из источника в синем кувшине
    она притащила сюда [13].

Короче говоря, служанка слишком глупа, чтобы понять, что монарх жаждет остаться наедине со своей любимой. К сожалению, мы не знаем ни имени, ни даты жизни художника. Картина могла быть написана в сунское или даже в юаньское время, и поэтому ее нельзя использовать как доказательство того, что в VIII в. употребляли дыни во льду и чай, охлажденный снегом. Что же касается чая со снегом, то, к счастью, в изобилии сохранились свидетельства о том, что при Тан в летнее время для охлаждения пищи применяли лед. А восходит это обыкновение еще к династии Чжоу. Летом лед иногда даже ели. Чэнь Цаньци предостерегает против этой привычки как источника болезни: лед, по его словам, можно употреблять только для охлаждения еды и питья, но не проглатывать [14]. Но и дыни в танское время, несомненно, сохраняли с помощью льда: их держали

первоначально в ледниках или ледовых ямах-погребах (обычай, также восходящий к древности), а затем в горшках или урнах со льдом [15]. Дыни, пользовавшиеся летом успехом в Чанъани, и наполненные льдом урны, иногда из камня *юй* (яшмы), часто упоминаются танскими поэтами. Так, образ «чистый, как лед в яшмовой урне» [16] уже в дотанское время стал устойчивым обозначением кристальной чистоты истинно благородного человека. Существовало даже нечто вроде холодильников, поскольку известный алхимик утверждал, что известняк сталактитов пригоден для изготовления «ледяного ларя» [17] — очевидно, чтобы хранить быстро разлагающиеся вещества для лабораторных опытов.

Ледники и ледовые ямы императорского дворца, видимо, не имели себе равных. Они находились в ведении Ведомства лесов его величества, т. е. учреждения, отвечавшего за императорские парки, цветники и сады. Каждую зиму власти заготовляли тысячу глыб льда — квадратных, со стороною в три *чи* и толщиною в полтора *чи*. Их нарезали в холодных горных равнинах и посылали в столицу должностные лица на местах [18].

Можно не сомневаться, что, располагая такими ресурсами для обеспечения удовольствий двора, танская администрация принимала столь же действенные меры, чтобы сохранить плоды, цветы и столь желанные саженцы при перевозке из отдаленных мест, находившихся под танской юрисдикцией. Суйский Ян-ди получил из Сычуани мандариновые деревья, стволы которых были покрыты воском [19], а в XI в. точно так же подготовили к путешествию в сунскую столицу Кайфэн ранние пионы из Лояна, как об этом поведал Оуян Сю: «Мы поместили их в маленькие бамбуковые корзины, покрыв в несколько слоев зелеными листьями растений, чтобы они были неподвижны и их не трясло на лошади. Еще мы покрыли стебли цветов воском, чтобы цветы не опали за несколько дней» [20]. Можно быть уверенным, что такой способ существовал и в танское время. Кроме того, так как известно, что в начале IX в. мандарины перевозили завернутыми в бумагу [21], можно смело утверждать, что и другие растительные плоды предохраняли при перевозке подобным образом.

Доставленные таким образом в Чанъань экзотические растения поступали в ведение начальника лесов его величества, оставаясь там, пока его величество не востребует их для собственного стола, для публичного празднества или же для священного жертвоприношения [22]. Так произошло и с золотыми и серебряными персиками из Самарканда: «Указ: приказано, чтобы они были высажены в наших парках и питомниках» [23].

«Запретный парк расположен к северу от Большого Внутреннего дворца. На севере он доходит до реки Вэй, на востоке его огибает поток Чэнь, а на западе заканчивается у стен древней

[т. е. ханьской] столицы. В окружности он имеет сто двадцать *ли* [24]. Нет таких птиц и зверей, растений и плодов, которые бы здесь не были представлены» [25].

Этот громадный питомник и рассадник, пополнявшийся из садов всего мира, был, в свою очередь, источником саженцев для всей империи. Когда в 740 г. в ходе кампании по украшению столичных городов Северного Китая Сюань-цзун затеял «посадку фруктовых деревьев на дорогах в обеих столицах и в парках внутри городских стен» [26], вероятнее всего, эти деревья происходили из леса его величества.

Частные сады и парки, конечно, не могли равняться с громадным императорским парком, но некоторые из них, несомненно, были весьма обширны и богаты различными видами растений, в том числе и экзотических. Некоторое представление о таких садах можно получить из описания затеи, устроенной юношами из числа домочадцев Ян Го-чжуна, брата госпожи Ян. Они соорудили поставленный на колеса деревянный сад, в котором были высажены «прославленные цветы и диковинные деревья». Эта утопающая в цветах повозка, демонстрировавшаяся публике, вращалась, когда двигалась, так что все и каждый могли разглядеть в подробностях все содержавшиеся в ней чудеса [27].

И наконец, еще одним источником распространения чужеземных растений был императорский сад лекарственных растений. Им руководил наставник лекарственного сада, подчинявшийся, в свою очередь, главному начальнику Ведомства лекарей. Это учреждение, размещавшееся в столице, должно было заниматься специально выращиванием растений, пригодных для получения лекарств, и сбором урожая от них. Молодые люди от шестнадцати до двадцати лет в условиях практического садоводства и под руководством вселенского наставника во врачевании (он вел занятия по различным разделам медицины, а не только по лечебным вопросам) изучали здесь теорию *инь-ян* в приложении к лекарствам, географическое распределение лекарственных растений, правильное время их сбора, свойства различных частей растений, ядовитые и неядовитые травы, составление лекарств и другие вопросы [28]. Этот специального назначения сад также был важным дополнительным центром распространения большого набора полезных трав и растений, необходимых населению танской империи.

Финиковые пальмы

Золотые и серебряные персики были не единственными плодовыми деревьями, завезенными с запада при Тан. Таким же привозным растением была и финиковая пальма. О финиках издавна было известно, что они персидского происхождения [29], а

в танский Китай их уже ввозили. Рассыпчатые и сахаристые персидские финики, доставлявшиеся в Гуанчжоу, были прекрасно описаны автором IX в. [30], и уже в фармакопее VIII столетия они высоко оценены как средство, благоприятно действующее на цвет лица и на здоровье в целом [31].

Финики были известны в Китае под различными названиями, наиболее употребительным из которых было, видимо, наименование «персидский жужуб» [32]. Но имели какое-то распространение (вероятно, не очень широкое) и два заимствованных названия. Одно, близкое к **gurmang* или **khurmang*, было персидского происхождения, другое — **mîu-ləu* — более загадочное, хотя один исследователь пытался возводить его к египетскому *bunnu* и даже к греческому φοῖνιξ [33]. «Тысячелетние жужубы», привезенные в Тан в 746 г. посланцами правителя теплого и плодородного Табаристана, расположенного у Каспийского моря [34], — это финики, но не ясно, были ли в этом случае привезены сами деревья или только сушеные плоды. Деревья вряд ли принялись бы в чанъаньском климате, но мы располагаем достоверным свидетельством о том, что в IX в. эти деревья выращивались в окрестностях Гуанчжоу [35].

Пиппала

Деревья бодхи, священные фиговые деревья Индии, не были чем-то совершенно новым для Китая, но раньше их импорт ограничивался, так сказать, духовной сферой. Некий индийский махараджа послал дерево бодхи китайскому императору в 641 г. [36], еще одно дерево было прислано из Магадхи в 647 г. [37]. Магадха была родиной этих чудесных деревьев, и поэтому нет ничего необычного в том, что их могли посылать оттуда. С. Ситуэл описывает это дерево так: «Мало того, что чампака пропитывает воздух ароматом своих синих цветов. Это — рай из цветущих деревьев. Это розовое яблоко, и это большое дерево роз, целый город цветов — и они подобны огонькам в сверкающем воздухе» [38].

Китайские источники отмечают, что листья дерева бодхи из Магадхи напоминают листья «белого тополя» и что название его — *пала*. Это сокращение от санскритского *пиппала*, общеупотребительного наименования «дерева просветления» (*bodhidruma*) — эпитета, напоминающего нам, что под одним из таких деревьев Гаутама достиг просветления. Само это дерево в Бодх-Гайе (Бихар), согласно известной легенде, было сожжено великим Ашокой перед его обращением в буддизм, а затем чудесным образом оно возродилось из пепла. На святое дерево обрушивались и другие бедствия, но оно постоянно возобновлялось, как рассказывают, с помощью отростков и так дожило до сегодняшнего

дня. Самое знаменитое дерево, происходящее от него,— это святое дерево в Анурадхапуре на Цейлоне, которое считается старейшим в мире деревом с документированной родословной. Дерево бодхи стало почти повсеместно символом дерева мудрости и в индийских языках даже имеет связанные с этим значением названия — *Пундарика* и *Ашваттха*. В буддизме деревом мудрости может быть не только фига-пиппала: древо мудрости может изображаться как сверкающее «дерево» из золота, хрусталя и драгоценных камней [39]. Дуань Чэн-ши, всегда интересовавшийся буддийскими легендами, оставил описание чудесной истории величайшего из всех пиппал. Там рассказывалось, как оно потеряло листву, когда Будда погрузился в нирвану, как его сжег Ашока и как оно воскресло, как его в VI в. хотел уничтожить царь Шашанка, а также приводились его различные названия и многое другое. Он сообщает также:

«В высоту это дерево имеет четыреста *чи*. Под ним стоит серебряная ступа, и оно обвивается вокруг нее, опоясывая ее со всех сторон. Жители этой страны постоянно во все четыре времени года жгут здесь благовония, разбрасывают цветы и оказывают ему почести, обходя дерево кругом. В ⟨правление под девизом⟩ Благородное Обозрение ⟨Чжэнь-гуань, 647—649 гг.⟩ при династии Тан мы неоднократно направляли туда посланцев, чтобы принести подношения святилищу храма, а также для распределения *кашайа*. В пятый год ⟨правления под девизом⟩ Явленное Благоденствие ⟨Цин-сянь, 660 г.⟩ у храмового святилища мы воздвигли стелу, чтобы прославить священные свойства дерева» [40].

В Китай дерево пиппала было завезено до воцарения Тан. Деревья эти часто сажали на храмовой земле, где их чтили как символ Будды и просветления, которое он даровал всем людям. Кроме того, китайское название для дерева бодхи было перенесено и на другие виды деревьев, в особенности на липы [41]. Я не знаю, были ли среди священных фиговых деревьев в Китае прямые потомки подлинного дерева просветления. Если царство Магадха действительно прислало бы такой чудесный отросток, то можно не сомневаться, что в танских анналах были бы отмечены его особые достоинства. Но таких записей нет. Поэтому следует полагать, что священные фиговые деревья в Китае являлись обычными пиппала, а деревьями бодхи их считали в знак почтения — почтения, которое распространилось в целом на все деревья этой породы, и весьма охотно, как это можно представить, так как святость этого дерева в Китае усиливалась удаленностью от Индии.

Пи Жи-сюй оставил нам четверостишие «в форме Ци и Лян», в котором упоминаются эти высокочтимые привозные деревья при главном храме секты Тяньтай в Чжэцзяне. Храм носил на-

звание Гоцин — «просветление страны» или «страна чиста и непорочна»:

Дорога на десять *ли* до Гоцин
 ведет от Сосновых ворот;
Площадка кормления обезьян —
 здесь дерево бодхи растет.
Как странно: какая-то морось, и дождь
 полился из ясного неба,—
Да это ветер морской налетел,
 их от водопада несет [42].

Дерево сал

Название *сал* (*sāl*) происходит из языка хинди. Так называется *Shorea robusta* — красивое дерево с желтыми цветами, которое дает тяжелую плотную темную древесину, высоко ценимую в Индии [43]. Особенно ценной считается древесина *сал* из лесов, окаймляющих бенгальскую равнину. У этого дерева есть близкие родственники в Индокитае и Индонезии; некоторые из них (они известны в настоящее время под такими вводящими в заблуждение названиями, как «красное дерево», «борнеоский кедр», «сингапурский кедр» и др.) [44] по твердости превосходят даже более широко известные индийские породы. Хотя это дерево было завезено в Китай в средние века и широко разводилось, свидетельств о том, что его древесина находила там применение (во всяком случае, в танское время), не сохранилось. Внимание китайцев привлекали экзотическое происхождение дерева, его красивые цветы и связанные с ним религиозные ассоциации, так как, подобно дереву бодхи, оно было причастно к деяниям самого Гаутамы. Будда погрузился в нирвану в Шалаване, в роще деревьев *сал*, близ Кушинагары, и получил эпитет Шалендра-раджа — «царь деревьев *сал»*, такой же, какой имел отец Авалокитешвары (Гуаньинь) Шубхавьюха [45]. Великий Сюань-цзун, чудесным образом перенесенный в хрустальные покои луны, видел там дерево *сал*, достигающее небес. «Окраска его листьев была как у серебра, а цветы его были облачного оттенка» [46].

Появление этого священного дерева в Китае должно быть благочестивым нововведением дотанского времени [47]. Части этого дерева издавна считались ценными дарами. Так, правитель Бнама, «малайского» владения [48] у Сиамского залива, в 519 г. отправил посланников в Лян с подношениями различных благовоний, приносящей счастье скульптуры из сандала, а также листьев дерева *шала* [49]. Но даже еще и в VIII столетии дерево было достаточно редким и оставалось экзотическим. В 723 г. Ли Юн сделал памятную надпись, посвященную дереву *сал*, в уезде Хуайинь в Чучжоу. Оно получило известность благодаря

паломнику И-цзину, который в конце VII столетия останавливался под ним, когда возвращался из путешествия на Запад. Поэт отмечает, что «деревьев *сал* в Центральном Ся (т. е. Китае) не бывает»[50].

Несколько десятилетий спустя, при Сюань-цзуне, в начале ⟨правления под девизом⟩ Небесное Сокровище ⟨Тянь-бао, 742—755 гг.⟩, императорский эмиссар на далеком Западе прислал в Чанъань двести отростков дерева *сал*, приобретенных в Фергане. В сопроводительной записке он сообщал, что это дерево «не может быть сравнимо с обычными растениями; оно не дает убежища птицам зла, и его вознесшийся ствол не уступит сосне или туе. Тень, которую оно отбрасывает, нисколько не хуже, чем тень от персика или сливы»[51]. Несколько лет спустя, во время правления Дай-цзуна, китайские представители прислали с Запада еще большее количество этих деревьев, и в большом буддийском храме Сострадания и Милосердия (Цыэньсы) в столичном городе был выращен красивый экземпляр, который в следующем столетии созерцал Дуань Чэн-ши[52]. Так как в литературе сунского времени упоминания о дереве *сал* становятся весьма многочисленными, кажется вполне вероятным, что многие из привезенных отростков пустили корни и что давшую результаты интродукцию этого дерева следует относить к середине VIII столетия.

Шафрановый крокус

Одним из редчайших, самых дорогих и благородных цветов древности считался шафрановый крокус. Родина этого пахучего лилового цветка, распускающегося осенью, расположена, вероятно, где-то между Персией и Северо-Западной Индией. В этих областях его интенсивно разводили с древних времен. Душистая краска, получаемая из темно-оранжевых рылец цветка, составляла важную статью торговли в древности. Во времена Плиния крокус произрастал в Греции и в Сицилии; римляне употребляли его, чтобы придать букет сладким винам, и распыляли в виде мельчайших капелек в театрах, чтобы там установился благовонный запах[53]; римские женщины ценили его как краску для волос, для отцов же церкви было естественным относиться к нему неодобрительно[54].

В Китай крокус был завезен в средние века, и получаемый из него ароматный порошок пользовался спросом в танское время как лекарство, принимаемое внутрь при отравлениях, и как благовоние, но не ясно, использовался ли он как краситель[55].

Китайцы называли его «благовоние — золото *юй*», что означало «золотистое вещество с таким же нежным запахом, как у растения *юй*, применявшегося в древности для приготовления ри-

туального вина». К сожалению, название «золото *юй»* прилагалось также к привозной куркуме, хотя в этом случае слово «благовоние» не добавлялось. Тем не менее их часто путали, как это происходило и в других частях света, где они были известны в торговле только в виде порошка [56]. По этой же причине шафран иногда путали с сафлором, который был завезен в Китай значительно раньше и который часто подмешивали к шафрану; путали его и с цитварным корнем — ароматическим корнем, близким родственником куркумы, происходившим из Индии и Индонезии и игравшим большую роль в торговле благовониями [57]. (Следует вспомнить, что в средние века не было четких границ между лекарствами, благовониями и курениями, и, помещая здесь какое-нибудь растение в ту или иную рубрику, я вынужден подгонять средневековую культуру под современные градации. По-видимому, самое правильное — рассматривать шафрановый крокус не под рубрикой «лекарств» или «благовоний», а именно здесь, среди привозных растений, чтобы подчеркнуть, что жителям танской империи были известны живые цветы крокуса.)

Индия отправила к танскому двору шафран в 641 г., а Бухара в 734 г., но мы не знаем, были ли посланы засушенные рыльца или растения целиком. Более подробная запись относится к 647 г.: «Страна Капи [Капиша?] преподнесла в дар „благовоние — золото *юй*“. Его листья напоминают листья *момэньдуна* [черный лук-порей, *Liriope graminifolia*]. Цветы его раскрываются в девятую луну, и обликом они подобны лотосу [чашевидной формы]. Они темного лилово-синего цвета, и их аромат чувствуется за несколько десятков шагов. Хотя (это растение) цветет, оно не плодоносит, и если его хотят вырастить, то необходимо взять его корень» [58].

Таким образом, в данном случае в Китай были посланы растения целиком.

Готовый шафран — было ли это привозное экзотическое благовоние или полученное от нововведенной в Китае растительной культуры — употреблялся для придания аромата одеждам и завесам. Лу Чжао-линь, поэт второй половины VII в., оставил такие строки:

Ласточек пары летают попарно,
у балок узорных кружат:
Газовый полог, покров зимородковый,
«золота *юй*» аромат [59].

Или еще Чэнь Тао писал в XI столетии:

Под пологом светлым дымок благовонный
курений из «золота *юй*» [60].

Здесь имеется в виду какое-то курение или, может быть, распыленная жидкость. Благовоние из шафранового масла существовало по крайней мере уже в начале X столетия. Есть сведения о том, что гейши того времени, привлекательность которых поддерживалась самыми дорогостоящими веществами, пропитывали свои одежды экстрактом из алоэ, а в локоны на висках втирали шафрановое масло [61].

Букет некоторых танских вин, как и в Риме, облагораживался шафраном. Ли Бо описывает такой ароматный напиток:

Вот знаменитые вина Ланьлина —
«золота *юй*» аромат —
В яшмовых чашах, налитых до края,
цветом янтарным горят [62].

Поэты IX столетия питали пристрастие к цветовым образам и стремились создавать новые, но иногда они находили их в зародышевой форме в стихах предшественников. Янтарное вино в цитированном выше стихотворении Ли Бо дало возможность Ли Хэ употребить слово «янтарь» как метафору для обозначения вина. Другое стихотворение Ли Бо было предтечей распространенной в IX в. «шафрановой» метафоры. Он писал:

Грустные ивы на дамбе Реки,
ветки — как «золото *юй*» [63].

Это изображение красно-желтой листвы или, как говорят наши словари, определяя шафраново-желтый цвет, «красно-желтый с желтизной, большой интенсивности и яркого блеска». Короче говоря, это красивый и интенсивный желто-оранжевый цвет. Столетием позднее Вэнь Тин-юнь писал о «весенних деревьях, красных, как золото *юй*» [64],— образ здесь не столь смелый, как у Ли Бо. Но в том же столетии Ли Шан-инь смог представить пионовый сад в виде танцующих девушек, юбки которых — это лепестки, пользуясь такими выражениями,— «соревнуясь в танце, изгибали стан в платье цвета золота *юй*» [65]. «Золото *юй*», или «шафран», ассоциировалось теперь уже не с экзотическим ароматом, а с красивым цветом. Но чисто практический вопрос — была ли краска, навеявшая эту метафору, действительно шафраном, или это была куркума,— к сожалению, остается без ответа.

Цветы нага

Существовал и цветок *нага*, название которого выглядит как перевод индийского *нагапушпа*. Дуань Чэн-ши писал, что этот индийский «змеиный цветок» напоминает «наши „три весны“. У него нет листьев, и его цветки белого цвета с желтой сердце-

виной и шестью лепестками. (Эти цветы) доставляются к нам на кораблях» [66]. Но *нагапушпа* — название, употребляемое для нескольких индийских цветов, и мы не можем сказать, какой из них привлек внимание Дуаня. Он был жадным любителем чтения и в какой-то степени дилетантом, и поскольку был в такой же степени знатоком-любителем буддийской науки, начитанным в буддийской литературе, то весьма вероятно, что значительная часть информации об экзотических растениях получена им скорее из книг, чем из личных наблюдений [67]. Но, может быть, какому-нибудь индологу все же удастся опознать этот цветок по описанию Дуань Чэн-ши.

«Лист земли Будды»

Другое индийское растение, которое остается неотождествленным, это «лист земли Будды» [68], образчики которого были посланы в танскую империю Гандхарой в 647 г. Они были описаны следующим образом: «На стебле пять листьев; цветок красный, но сердцевина его совершенно желтая, тогда как тычинки имеют лиловую окраску» [69]. Его китайское название является переводом санскритского *буддхакшетра* — выражения, по-разному интерпретировавшегося в различных буддийских толках и махаянистских эсхатологиях. Это название обозначает страну, где признан священный авторитет Будды и выполняются его заповеди, но вместе с тем в мистическом значении оно подразумевает и священную страну, где в конечном счете восторжествуют законы Будды. То есть это своего рода «божий град», а иногда даже и рай, куда может стремиться благочестивый верующий, в особенности Западный рай Амитабхи [70]. Обозначали ли пять листьев этого священного растения пять земель или раев Будды, или, может быть, на каждом листе таинственным образом были начертаны планы небесных чертогов?

Нарцисс

Для средневековых китайцев нарцисс был римским растением. Но его китайское название **nai-gi,* как и греческое νάρκισσος, очевидно, должно происходить от персидского *наргис* [71]. Разновидность, описанная Дуань Чэн-ши, имела розовый цветок с оранжевой сердцевиной. Этот неутомимый исследователь добавляет, что «они берут цветы и давят из них масло, которым умащивают тела, чтобы изгнать „ветер" и „воздух". Владетель страны Рима, равно как и знать в той стране,— привыкли употреблять его» [72]. Плиний также отмечал, что масло, добываемое из нарцисса, оказывало согревающий эффект в случае

обмораживания[73], что вполне согласуется с упоминанием недуга «ветер» у китайского автора. Но, честно говоря, нет никаких свидетельств, показывающих, что Дуань Чэн-ши — наш единственный информатор — когда-нибудь сам видел цветок или нарциссовое масло, хотя мы можем представить, что какой-нибудь путешественник показал ему это растение.

Лотосы

Сунский философ Чжоу Дунь-и в своем знаменитом поэтическом эссе в честь лотоса[74] приписывал хризантеме качества добродетельного отшельника среди других цветов, которым в новые времена пренебрегают. Он противопоставлял ей пион — любимца как высшего света, так и вульгарной толпы в танское время. «Только я один,— провозглашает он,— приношу лотосу, этому князю среди цветов, то восхищение, которого он достоин». В этом утверждении есть доля истины, но у лотоса в танское время никогда не было недостатка в почитателях, хотя его и не удостаивали такого всеобщего восхваления, какое досталось пиону. Большое число дошедших до нас стихотворений, посвященных лотосу, иллюстрирует то значение, которое ему придавалось. Особенно много лирических излияний посвящено собиранию лотосов во время прогулок на лодках. Сам великий Тай-цзун написал стихи об этом, и даже в сухой официальной истории его правления отмечено посещение им сада лотосов[75]. А вот как писал Бо Цзюй-и, наблюдая собирателей лотосов:

Над персиком-крошкою лодочки-крошки,
  и лотосы в лодках плывут.
Одна половина — вся в лотосах алых,
  в других — только белые рвут.
Другое я видел от Цзяна на юг —
  там ветер сердитый и волны.
А здесь расстилается прямо у ложа
  спокойный с фужунами пруд[76].

В строфах на эту тему было принято изображать, как эти крупные цветы собирают красивые девушки южного озерного края, розовые и белые лица которых вызывали неизбежное сравнение с лотосами — тоже белыми и розовыми. Это были неотразимые «прелестницы из Юэ, красавицы из Цзин» или же «певицы из У, прелестницы из Юэ» условного поэтического языка[77]. Несмотря на то что «индийские» лотосы, как розовые, так и белые, были известны в Китае задолго до Тан, им все еще был присущ привкус экзотики. Чэнь Цан-ци писал в своей фармакопее, что они «произрастают в западных странах и уроженцы Запада привозят их сюда»[78]. Поэтому не вызывает удивления, что позднетанские поэты, приверженные к экзотической и ро-

мантической тематике, написали множество стихов о лотосе. Среди этих поэтов выделялись Вэнь Тин-юнь и Лу Гуй-мэн. Художники конца Тан также находили в лотосе нечто созвучное им. Таков, например, Дяо Гуан, который писал цветы и бамбук на стенах буддийских храмов в Сычуани; его картина «Лотосы и хохольчатые утки» дожила до сунского времени. Другой позднетанский художник, Чжоу Хуан, оставил две картины на эту же тему и еще одну — с изображением лотосов и различных птиц [79].

Такое затянувшееся надолго отношение к лотосу как к чему-то экзотическому поддерживалось непрекращающимся притоком буддийской образной иносказательности из Индии. Лотос как символ самовоссоздающейся сущности восходит в Индии к добуддийским верованиям. Как символ Брахмы, перенесенный на Будду, лотос олицетворяет собой чистое существо, которое поднимается незагрязнившимся из ила, а в культе Амитабхи он символизирует незапятнанное перерождение в Западном раю [80]. В частности, примером проникновения в махаянистский буддизм символики лотоса может служить бодхисаттва Падмапани, имя которого переводится на китайский как «Бодхисаттва с цветком лотоса в руке». То же самое можно сказать и о «Секте лотоса» в горах Тяньтай, священная книга которой «Саддхармапундарика-сутра» по-китайски называлась «Сутра о лотосе сокровенного закона». Эта община, обладавшая значительным влиянием в танское время, считалось, была основана в конце IV в. нищенствующим монахом Хуэй-юанем у Пруда Белого Лотоса, хотя «лотосом» при этом, похоже, была водяная лилия [81].

Но независимо от того, были ли это настоящий лотос (*Nelumbo Nelumbium*) или водяная лилия (*Nymphaea*), китайский белый лотос широко упрочился при Тан, а его менее привычные разновидности, как и всякие растительные диковины, считались добрыми предзнаменованиями и легко становились предметом хвалебных од. Таким же манером восхвалялись два цветка на одном стебле, цветы с необычно большим количеством лепестков и тому подобное; они же были излюбленными сюжетами живописцев. Розовый лотос был самым распространенным видом, вслед за ним шел белый. Двойные белые лотосы, как мы назвали бы их сейчас, или «тысячелепестковые» белые лотосы, как их именовали при Тан, были вызывавшей восхищение достопримечательностью водоема в саду при Великом Светлом дворце Сюань-цзуна в Чанъани [82]. Но за пределами дворцового сада этих чудесных цветов, видимо, не существовало, и, если не считать их и не принимать во внимание упоминания в литературе (возможно, вызванные тем, что лотосы не отличали от белых лилий), окажется, что белые лотосы не росли в Северном Китае. Ученый XII в. сообщает, что белых лотосов не было

в Лояне до IX в., когда их впервые привез из Чжэцзяна и стал разводить там садовод и поэт Бо Цзюй-и [83]. И действительно, в его стихах есть немало строк, посвященных белым лотосам. Его современник Ли Дэ-юй похвалялся, что он первый написал оду (*фу*) о белом лотосе. «Люди древности,— говорил он,— воспевали только розовые лотосы, и поэтому произведения, подобного моему, никогда не было» [84]. Словом, белый лотос оставался еще чем-то необычным и в IX столетии, и даже в это время его отмечают главным образом лишь такие энтузиасты садоводства, как Бо Цзюй-и и Ли Дэ-юй. Пи Жи-сю в своем небольшом стихотворении, названном «Белый лотос», пользуется элементами индийской экзотики:

Только боюсь я, что сливки — и те
вряд ли такой белизны;
Может быть, чампака с ним наравне
станет одна, благовонная.
Полусклоненный, в пыльце золотой,—
напоминает он мне
Деву невинную с желтым на лбу,
в водах ручья отраженную [85].

Желтый порошок на бровях девушки, о котором говорится в этом сравнении, был распространенным косметическим средством, окраску которому придавала окись свинца или, возможно, серый мышьяк (опермент).

Розовый лотос был знаком в Китае, белый лотос оставался необыденным цветком, но и желтый и синий лотосы были величайшей редкостью. Среди лотосов Старого Света желтая окраска необычна, хотя и существует американский лотос желтого цвета. Если желтый лотос и был известен жителям танской империи, то исключительно по изображениям в религиозном искусстве: мы располагаем, например, найденным в Дуньхуане живописным изображением женской ипостаси бодхисаттвы — возможно, это Тара или феминизированный Авалокитешвара — в розовом платье, с желтовато-коричневым шарфом на груди, серым поясом и в накидке. Это божество показано сидящим на желтом лотосе «с ногами, слегка скрещенными у лодыжек» [86]. Поклонение этому лотосу было индийского происхождения. Настоящие желтые лотосы, хотя они и были хорошо известны сунским любителям цветов, при Тан очень мало кто видел в Китае. Чжао Гу в своем стихотворении, написанном в середине IX в. и озаглавленном «В осенний день я смотрю на желтые лотосы в Учжуне», повествует о том, как он нашел их в озере, заполненном красными лотосами. «Остальные лотосы — это бесконечные ряды розовых» [87]. Были ли эти желтые лотосы случайным отклонением вида? Или же они были созданиями искусных садовников Чжэцзяна — области, где садоводство было одним

из излюбленных занятий? Более вероятно последнее, но имеются упоминания о желтых лотосах еще и в дотанское время. Так, например, в старинной книге о чудесах, написанной примерно в IV столетии, говорится о желтых лотосах в горных потоках в Хунани [88]. Но всего вероятнее, это были не лотосы вообще, а их более скромные и незаметные сородичи — желтые озерные лилии или кувшинки [89].

Желтые лотосы, таким образом, воспринимались как большая редкость и чудо природы. Синие же лотосы считались порождениями сверхъестественных сил. В танском Китае считалось, что они могут существовать лишь в результате чуть ли не магического искусства. Но для нас это еще не причина, чтобы отвергать вообще их существование. В религиозной живописи на свитках из Дуньхуана большинство лотосов, служащих священными тронами и божественными атрибутами,— белые, розовые или алые, но некоторые из них синего цвета. Имеется, например, изображение Авалокитешвары «в чисто тибетской манере» с позолоченным телом и с побегами синих лотосов в руках [90]. Кроме того, известно изображение Манджушри в одеждах ярких цветов (включая томатно-красный), сидящего на синем лотосе, который, в свою очередь, «возвышается над пьедесталом на спине льва; грива, борода и хвост льва — зеленого цвета» [91]. Но синие лотосы находили и более скромное применение: они появляются на носках туфель у двух раскрашенных глиняных фигурок «прислуживающих дам», одетых в жакеты с длинными рукавами и с «воротниками Медичи» и имеющих цветы, кроме того, в прическах, уложенных двойным кольцом [92].

В природе синих лотосов не существует. Тем не менее в танской и сунской литературе встречаются настойчивые уверения, что люди могут их выращивать. Раннесунская энциклопедия передает рассказ (без ссылки на источник, но предполагается, что он может относиться к танскому времени) о семье красильщиков в Хучжоу, которые умели создавать синие лотосы. (Поскольку Хучжоу находится в Северном Чжэцзяне, центре садоводства в Китае, мы тем более склонны довериться этому рассказу.) Главный правитель округа, как там сказано, послал небольшое количество семян этих лотосов в столицу, где они были высажены в дворцовых прудах, но часть из них дала розовые цветы.

Это вызвало удивление, и был послан письменный запрос к красильщику, и красильщик сказал: «В моем доме есть человек, который хранит по наследству сосуд с индиго. Это его дело — брать семена лотоса и замачивать их на дне сосуда. Затем он ожидает, пока пройдет год из двенадцати лун, после чего он высаживает их. Если же семена синих лотосов, которые он са-

жает таким образом, вырастают сами по себе, то они будут розовыми, как у вас. Оказывается, они вернулись к своему обычному состоянию, так почему это вызывает удивление?» [93]. Таким образом, получается что райские цветы бодхисаттвы «материализовались» в мирском саду. Даже уже знакомому нам горбатому садовнику Го-Верблюду приписывалось умение выращивать цветы лотосов темно-синего цвета, вымачивая семена в бочке с индиго [94]. Может быть, в конце концов этот маленький человек и в самом деле не мифическая фигура?

Еще более удивителен рассказ о знаменитом племяннике Хань Юя — последователе искусства даосов, который в народных преданиях позднейших поколений превратился в Хань Сян-цзы, одного из Восьми Бессмертных, и стал покровителем предсказателей судьбы. Его было принято изображать держащим бамбуковый барабан и трещотки или же корзину с цветами или персик бессмертия, а то и играющим на флейте [95]. Этот юный чародей (как сообщает Дуань Чэн-ши в IX в.) обрабатывал корни пионов такими химическими реактивами, как шеллак и каломель, чтобы по прошествии определенного срока, исчислявшегося неделями, получать синие, лиловые, желтые или красные — какие он хотел — цветы. Некоторые цветы, говорится далее, составляли целые стихотворения из четких лиловых иероглифов [96]. Возможно, многие читатели этой книги выводили синие гортензии, насыщая почву у корней железистыми солями, что делается очень просто: в землю закапывают ржавые гвозди и банки. Поэтому способ юного Ханя создавать искусственно окрашенные цветы не может вызвать особого удивления. Однако, возможно, от внимания читателей ускользнул римский метод, описанный Плинием:

«Был изобретен также метод окрашивания лилий... Стебли погружают в густой осадок от темного или греческого вина, с тем чтобы они приняли его цвет, и затем высаживают в маленьких канавах, вылив вокруг них примерно половину секстария винных осадков. Таким способом получают лиловые лилии...» [97].

Трезвые переводчики этого отрывка разделяют распространенное мнение о Плинии, что он был склонен без колебаний принимать на веру небылицы. Они указывают в примечании: «Фе⟨Fée⟩ отмечает, что нелепые операции, описанные здесь Плинием с полной серьезностью, совершенно смехотворны и не стоят того, чтобы их комментировать». Можно надеяться, что число порицателей Плиния уменьшается по мере того, как с ростом научного творчества в наше время границы возможного все время расширяются.

Как бы то ни было, синие цветы, вероятно, всегда должны вызывать скептицизм. Роберт Форчун, крупнейший собиратель

китайских растений, в письме к Джону Линдлею, секретарю Лондонского общества, писал о «пионах с синими цветами, существование которых, однако, сомнительно» [98]. Вероятно, синие пионы существовали в Китае только в народных преданиях, как воспоминание об искусстве даоса Ханя. Но сегодня мы знаем о колхицине — ядовитом препарате, извлекаемом из безвременника (растения, родственного долинному шафрану и шафрану осеннему) [99], который может в других растениях вызвать мутацию — появление многолепестковых разновидностей. Даосским секретам угрожает опасность превратиться в прописные истины.

Водяные лилии

Синие водяные лилии, напротив, вполне обычные цветы, хотя они и являлись экзотикой для Китая. В «Истории Тан» под 647 г. мы читаем:

«Страна Кашмир преподнесла цветы *нила-утпала*. Лепестки их, сходные с лепестками лотоса, были похожи на разорванные окружности. Окраска этих цветов была темно-синей, тогда как тычинки у них — желтые. Их запах распространяет благоухание на несколько десятков шагов» [100].

Индийская водяная лилия, иногда называемая «синим лотосом» (такая путаница — явление повсеместное: ее же называют «египетским синим лотосом»), показана в руке у Манджушри [101]. Ее правильное международное название — *Nymphaea caerulea*.

В том же, 647 г. соседнее с Капишей владение — страна свирепых богатырей, одетых в шерсть [102], «отправила посланцев преподнести цветы *кумуда*. Они были смешанной ярко-красной и белой окраски, а их запах можно было почувствовать издалека» [103]. Если следовать санскритскому названию, этим экзотическим растением была *Nymphaea eskulenta* — белая водяная лилия (или, возможно, это была *Nymphaea alba*). Однако, судя по пестрой окраске, можно заключить, что это был редкий мутант, отличавшийся от обычных разновидностей. Белая водяная лилия служила вместилищем богини Лакшми, а также Авалокитешвары. На картине X в. на шелке, найденной в Дуньхуане [104], последний изображен сидящим на белой водяной лилии. Но этот прекрасный цветок был связан не только с упомянутым выше заимствованным божеством. Кроме того, он был зримым символом лунного бога — Девачандры, или, как его иногда называли, Кумуда-пати — «господин белой водяной лилии» [105]. Таким образом, этот цветок (хотя мы и должны все время иметь в виду, что в литературе и иконографии его не всегда ясно отличали от большого белого лотоса) по своей

божественной сущности занимает такое же место, как и его кузен — священный египетский лотос *Nymphaea lotus*. Хотя индийская водяная лилия — как синяя, так и белая — через буддийское искусство должна быть знакома жителям танской империи, нет данных о том, что она когда-либо прижилась в средневековом Китае, и, кажется, должна являться редкой диковиной даже в наши дни.

Но в Китае, на крайнем Юге, имеется местная водяная лилия. В танское время сведения о ней ограничивались лишь неясными слухами и сообщениями. По-китайски она называлась «спящим лотосом» [106], но в действительности это *Nymphaea teragona* — карликовая водяная лилия. На вид это маленький белый цветок, и своим китайским названием она обязана тому, что «она распускается в летние дни, ночью сжимается и уходит под воду, а днем снова поднимается на поверхность. „Трава сновидений“ уходит в землю днем и затем выходит ночью, и, таким образом, в этом они противоположны друг другу. Но цвет „травы сновидений“ красный, и именно ее Дунфан Шо преподнес У-ди» [107].

Итак, даже эта местная лилия была сродни созданиям потустороннего мира.

Мой господин родным лесам не рад.
Влюблен в деревья на заморский лад.
«Стол из ореха? Есть на нем — ужасно!
Мила мне махагони в жилках красных!
Шкатулки, стулья в комнате моей —
Все из-за бурных прибыло морей».

Томас Уортон. О роскоши

ГЛАВА VIII

ДРЕВЕСИНА

Жители танского Китая имели в своем распоряжении прекрасный набор местных пород древесины, который позволял им обеспечивать себя всеми необходимыми и привычными изделиями. Местное розовое[1] дерево шло на рукояти секир; кислый жужуб (ююба), упругий и податливый в обработке, служил материалом для вертелов, ложек и палочек для еды; из камфорного дерева, произраставшего к югу от Янцзы, строили лодки[2]; платаны из Сычуани употребляли для изготовления цитр (их оснащали также нефритовыми колками и струнами из чжэцзянского шелка) и замечательных китайских средневековых арф[3]. К счастью, мы располагаем дожившей до нас танской арфой, с большим мастерством восстановленной в Сёсоине: изготовленная из платана, она украшена изображениями птиц и цветов, выполненными инкрустацией из перламутра, и имеет двадцать три струны, натянутые на колки из кости лани[4]. Это изделие — образец совершенного искусства танских мастеров по дереву.

Существовал большой спрос на дерево из самых южных областей страны, ибо там сохранилось больше нетронутых лесов, чем на севере, и этот субтропический край был богат древесиной твердых пород. Многие из таких пород встречались как в Китае, так и в Индокитае, так что их древесину можно считать «полуэкзотической». К этой категории следует отнести, в частности, перистую пальму из Линнани и Индокитая, называвшуюся *гомути*[5]. Помимо пеньки для связывания досок при сооружении кораблей и саго для пищи она давала также красивую красно-черную древесину с прожилками, из которой особенно охотно изготавливали игральные доски. Из этого же наполовину китайского района поступала и одна из самых употребительных пород дерева — бамбук, источник бесчисленного множества полезных вещей. Многие сорта бамбука росли в Центральном и Южном Китае, но выше всего в богатых и знатных домах ценились предметы, изготовленные из пятни-

стого бамбука[6], на стволе которого имелись красноватые крапинки; его использовали для самых разных отделочных целей, главным же образом он шел на палочки для самых изысканных кистей для письма, образчики которых есть и в Сёсоине. Они отделаны слоновой костью, золотом, серебром или красным сандалом[7]. Прекрасный пятнистый бамбук ввозился из Хуаньчжоу (в Тонкине)[8]. Его слава была так велика, что иногда этот сорт бамбука подделывали. В сокровищнице Сёсоин есть вещи, отделанные под пятнистый бамбук. Этим материалом (его определение остается под вопросом) покрыта, например, шкатулка для хранения палочек туши, сделанная из древесины черной хурмы[9].

В начале VIII в. строительство и внутренняя отделка домов и дворцов для императорской фамилии, крупных вельмож, а также влиятельных буддийских монастырей достигают неслыханных вершин роскоши. Потребность в благородных сортах дерева была так велика, что баснословные затраты шли на получение необходимой древесины, а леса полностью вырубались, оголяя целые горы[10]. Эти расточительные запросы, однако, не только увеличили потребление местного строевого леса: особый размах приняла и доставка в Китай иноземной древесины, главным образом цветных и благородных пород. Среди высшего света распространилось увлечение предметами повседневной утвари, изготовленными из этих экзотических материалов, так что дома знати насквозь пропахли тропическими ароматами. Возьмем в качестве примера описание выезда императорской дочери у Ли Хэ: он изображает ее саму и ее свиту снаряженными как на битву; невольницы верхом на лошадях, одеты в кольчужный доспех, сверкающий бронзой; они везут знамена из газовых тканей, прикрепленные к древкам из душистой древесины, отделанным золотом[11]. Дворцовые мастера, чтобы обеспечить всем необходимым такого рода проявления расточительности, а также пышные официальные церемонии, должны были располагать огромными количествами древесины редких пород из «индийских стран», попадавшей в пределы танской державы через территорию Аннама, находившегося под контролем Китая, и через крупный морской порт Гуанчжоу. Главными статьями этого вида импорта были красный сандал (в танском Китае его называли «лиловое розовое дерево»), узорное розовое дерево (его называли «дерево *люй*») и сандаловое дерево («белый сандал» и «пахучее розовое дерево»).

«Пурпурная *чандана* поступает из долин Курунга и Паньпаня, и, хотя она не произрастает в Центральной Ся, жители там имеют ее повсеместно»[12]. Танский фармаколог Су Гун, говоря о широком распространении красного сандала во всей империи, называет его наполовину иноземным термином, означающим «пурпурный сандал» (*чандана* — индийское название сандала), поскольку эта превосходная поделочная древесина считалась в средневековом Китае сродни, с одной стороны, сандалу, а с другой — розовому дереву. Семантическая связь выражена в этом названии и лингвистически: слово *чандана* передано древнекитайским иероглифом, обозначавшим «розовое дерево». Малайский красный сандал[13], наиболее привычная для Китая разновидность, имел желтоватую или красноватую древесину с запахом, напоминающим аромат розы. Иногда в средневековый Китай попадали, видимо, также более дальние сородичи пурпурной *чанданы,* например, андаманский падук (птерокарпус)[14], превосходный строительный материал, и индийский красный сандал[15], древесина которого, не имевшая запаха, помимо применения в архитектуре шла на изготовление цветного порошка для нанесения кастовых знаков. Почти так же, как древесиной, красный сандал был известен и в качестве красителя. Так, древесный краситель из индийского красного сандала употреблялся в средневековой Европе для подцвечивания соусов[16], а малайский красный сандал служил в танском Китае для окраски материй[17]. Пурпурному розовому дереву отдавали предпочтение при изготовлении струнных музыкальных инструментов, прежде всего лютни. Танские стихи изобилуют упоминаниями лютен из красного сандала. Мэн Хао-жань, например, пишет об одной такой лютне, украшенной золотыми блестками[18]. В Нара, в сёсоинской коллекции, еще и сейчас можно видеть разные типы красиво отделанных лютен из красного сандала. На танской пятиструнной лютне (единственной сохранившейся) из красного сандала растительный орнамент выполнен инкрустацией из перламутра, черепахового панциря и янтаря[19]. Можно там видеть и *жуаньсянь* (по-японски *гэнкан*), или «лютню из Цинь», названную так по имени одного из Семи Мудрецов Бамбуковой Рощи, которая также сделана из красного сандала и украшена попугаями и другими изображениями, выполненными из тех же трех драгоценных материалов[20].

Но приятная древесина красного сандала служила для изготовления и множества других небольших предметов, немало образцов которых, к счастью, дошло до нас. В Сёсоине хранится прямоугольный ларец для совершения пожертвований Будде,

отделанный золотой инкрустацией, повторяющей фактуру дерева, и пластинками из горного хрусталя, наложенными поверх красочных росписей, изображающих цветы. Подлокотник, которым пользовался император Сёму, декорирован золотом, камфорным деревом и раскрашенной слоновой костью. Доска для игры в *го* украшена изображениями животных и розетками из слоновой кости. Растительный узор на доске для игры в «двойную шестерку» выполнен из золотой и серебряной фольги под прозрачным черепаховым панцирем. Цветы, птицы и бабочки на курильнице с длинной рукоятью выполнены в золоте, горном хрустале и зеленом стекле. И все эти чудесные изделия из Сёсоина сделаны из красного сандала[21]. Описания других дорогих изделий из этого материала можно найти в литературе. Состоятельные люди в IX в. обычно имели набор фишек для игры в *го*, одна половина которого изготовлялась из камфорного дерева с острова Борнео, а другая — из красного сандала[22]. У придворных красавиц того времени имелись служившие резонаторами диски из «белой яшмы», подвешенные на станине из красного сандала, а ударяли по диску молоточком из рога носорога[23]. Поэт-монах Гуань-сю, восьмидесятилетняя жизнь которого приходится на IX и X вв., писал о пагоде (видимо, миниатюрной) из красной *чанданы*[24]. Император Тай-цзун, страстный почитатель каллиграфа Ван Си-чжи, свернув образцы его письма в виде книги-свитка, хранил их обернутыми в лиловую газовую ткань в футляре из сандалового дерева, а торцовые крышки футляра были из красного сандала[25].

Розовое дерево (палисандр)

Строго говоря, названием «палисандр» обозначают разных представителей рода *Dalbergia*, высоко ценимых по всему свету мебельщиками-краснодеревщиками за красивый темный цвет и приятный крапчатый узор древесины. Название розового дерева обязано своим происхождением не цвету, а запаху древесины. Разные виды рода *Dalbergia* (некоторые из них за темно-коричневый цвет древесины называют «черным деревом») встречаются в Азии, в Африке и в тропических областях Америки. В частности, заслуживают упоминания такие виды, как *Dalbergia sissoides* на острове Ява, а в Индии — *Dalbergia latifolia* и *Dalbergia sissoo*[26]. Последний вид этого дорогостоящего розового дерева был в почете в древней Персии при династии Ахеменидов: его, например, наряду с кедром и кипарисом употребляли в Сузах для изготовления роскошных дворцовых кресел и лежанок[27].

Некоторые породы розового дерева были в ходу у танских столяров. Значительную долю среди них должна была состав-

лять разновидность *Dalbergia hainanensis*, называвшаяся по-китайски «узорчатое дерево *люй*», которую в Гуанчжоу доставляли, как свидетельствует название породы, с острова Хайнань; не исключено, правда, что под именем узорчатого дерева *люй* китайские авторы не объединяли и другие индонезийские разновидности рода *Dalbergia*. «Оно поступает, — писал в VIII в. Чэнь Цан-ци, — из Аннама и Наньхая и применяется для изготовления лежанок и скамеечек; оно напоминает пурпурный сандал, но цветом красное, его древесина тверда и превосходна» [28]. Это дерево с красивой структурой употреблялось также и для медицинских целей: сделанные из него изголовья могли излечивать головную боль [29].

Сандаловое дерево

Сандаловое дерево — это белая или желтоватая сердцевина небольшого, паразитирующего на чужих корнях дерева [30], распространенного в Индии, на Яве и на островах Зондского архипелага [31]. «Оно подобно нашему розовому дереву»,— пишет Чэнь Цан-ци [32], имея в виду сопоставление его с желтоватой древесиной китайской *Dalbergia*. И действительно, несмотря на устойчивый эпитет «белый», естественный цвет древесины душистого сандала — желтый. Это дерево ценится и за его ароматические качества, и за мелкослойную структуру, предохраняемую маслянистостью древесины [33], и превосходно подходит для изготовления изящных произведений прикладного искусства — небольших культовых образков, коробочек для ювелирных изделий и тому подобных миниатюрных сокровищ. Более всего характерно употребление сандала для культовых предметов — его роль в Южной и Восточной Азии подобна роли кедра на древнем Ближнем Востоке; кедр, из которого был построен храм Соломона или сделан саркофаг для египетской мумии, символизировал бессмертие духа.

Главные источники сандалового дерева в танское время точно неизвестны. Как необработанная древесина, так и изделия из сандала поступали из Индии и «индийских стран», но конкретные источники и соответствующие размеры поставок остаются для нас тайной [34]. Страна в Индонезии, называвшаяся * *Dabatang* (вероятно, на острове Суматра) прислала в 647 г. ко двору сандаловое дерево [35], но все прочие случаи привоза этого материала, возможно, скрываются в источниках за упоминаниями об уплате дани или преподнесении в дар «редких благовоний» и за другими недетализированными обозначениями.

Сандал занимал видное место и в восточной медицине. Чэнь Цан-ци утверждал, что сандал употребляли для рассеивания «паров нечистой силы» и для «уничтожения ползучих соз-

даний»[36]. Первое из отмеченных свойств толкуют как ветрогонное действие, да и средневековые арабы также употребляли сандал для избавления от желудочных колик[37]. Такое его применение, как и обыкновение использовать сандал в косметике в виде порошка, несомненно, ведет начало из Индии[38], откуда оно распространилось в «индианизированных» странах Индокитая[39]. Однако в средневековом мире не существовало строгого разграничения между лекарствами и косметическими средствами. В китайском переводе тантрической «Шурангама-сутры», выполненном Парамити в 705 г., рекомендуется: «Умащайте тело белой *чанданой,* и вы сможете избавиться раз и навсегда от недуга лихорадки»[40].

Божественно сладкий аромат сандала являлся ощутимым проявлением антидемонических свойств, заключенных в его богоподобной плоти. По этой же причине сандаловое дерево считалось наиболее подходящим материалом, чтобы вырезать из него благоуханное тело божества — таково было изображение Авалокитешвары из древесины сандала, виденное Сюань-цзаном[41]. И другие статуи из сандалового дерева, большие и малые, были чтимы по всему Востоку. Так, в развитие этого представления сандал стал эпитетом самого живого бога, а именно Будды Юга, одного из десяти духов стран света, которого называли Сияющий Сандалом и Жемчугом[42].

Само сандаловое дерево (как и связанные с ним представления и образы) попало в Китай за несколько столетий до эпохи Тан, под влиянием индийского буддизма. Слово *чандана* «сандал» появляется в Китае в 357 г., но лишь как название некоей страны в «Индиях»[43]; в качестве названия дерева оно появляется в 454 г.[44]. Это экзотическое слово сперва передавалось по-китайски иероглифами, звучавшими близко к *чандана* и этимологизировавшимися как «златопламенное розовое дерево» и «истинное розовое дерево». Это оказалось возможным, потому что китайским названием розового дерева было **d'an*[45]. Из него естественно и легко возникла более поздняя транскрипция, закрепившаяся за благоуханной древесиной сандала.

При Тан, в эпоху наивысшего расцвета буддийской культуры, в Китае изготовлялось множество культовых изображений, вырезанных из дерева, в том числе и из сандала. Напомним апокалиптическое зрелище девяти сонмов небожителей, описанное в «Буддхаватамсака-сутре», выполненное из сандалового дерева иноземным (и, к сожалению, безымянным) мастером с помощью шестидесяти художников и украшенное драгоценными камнями. Это чудо резьбы по дереву было помещено Сюань-цзуном в храме Кайюань в Гуанчжоу, где его видел паломник Цзянь-чжэнь[46]. Другой праведный путешественник, японец Эннин, повествует об изображении Шакьямуни в три *чи* высотою,

которое было вырезано из сандалового дерева по приказу могущественного чиновника Ли Дэ-юя и помещено в храме Кайюань в Янчжоу. Эннин вместе с этим важным человеком вкушал чай (сидя в креслах!) в Галерее Благостных Образов, созданной с помощью взносов купеческих общин персов и жителей Тяма [47].

Более неожиданным выглядит рассказ о буддийском священнике Бу-куне, который по примеру Сюань-цзуна «сжег благовонного дракона из белого сандала» во время моления о дожде [48]. Чтившийся китайцами обычай сжигания духа воды в виде человека, заменяющего это божество, как это было в глубокой древности, или в виде его изображения, как произошло в данном случае [49], оказался, таким образом, совмещенным у этого буддиста с чисто индийской обрядностью.

Бытовые предметы из сандала были разных размеров — от миниатюрных вещиц вроде восьмидольчатой коробочки в Сёсоине [50], до крупных, как «Павильон из *чанданы»* в стихотворении Ли Бо [51]. Сандал ассоциировался не только с религией, но и с роскошью. Когда Сюань-цзун построил в 751 г. в Чанъани для Рокшана великолепный дом, он наполнил его самыми дорогими вещами (вроде золотой и серебряной утвари), и были в этом доме среди прочей обстановки два ложа длиною в десять *чи* и шириною в шесть *чи*, отделанные сандаловым деревом [52]. Но еще более замечательными были высокие сиденья, преподнесенные монахам храма Аньго (Умиротворение Страны) императором И-цзуном в 871 г., чтобы ими пользовались те, кто читает сутры. Эти сиденья имели в высоту двадцать *чи* и были покрыты деревом алоэ и сандаловым деревом [53]. Столь же великолепен был и помост для созерцания в монастыре Тяньтай на горе Утай в IX в.: он был покрыт сандаловой мастикой, так что ветры доносили ее благоухание на значительное расстояние [54].

Сандал также давал в руки поэтов удобный и даже, пожалуй, банальный экзотический образ: такие сочетания, как «изготовленный из благовоний *чандана*» и «записанный на листьях *паттра»* [55] (последнее заменяет слишком пространное «листья пальмы-пальмиры»), автоматически вызывали картины индийской или индианизированной среды. Намного бóльшая редкость — метафора «сандаловый рот», которая встречается в любовных стихах одаренной куртизанки Чжао Луань-луань [56], явно подразумевающая «ее рот, благоухающий, как сандал».

Эбеновое дерево

Многие породы дервьев рода *Diospyros,* родственных хурме и произраставших в Индии и в «индийских странах», служили источником красивой и твердой черной древесины, известной под собирательным названием «эбеновое дерево» [57]. Какие-то

разновидности эбенового дерева, называвшиеся «вороново дерево», ввозились персидскими кораблями в Китай уже в IV в.[58]. И снова мы слышим о привозном эбеновом дереве в XII в.; один автор, к примеру, описывает характерную сверкающую черную поверхность древних цитр, которые «подобны „воронову дереву", привозимому на продажу заморскими кораблями»[59]. Однако о ввозе эбенового дерева в танский Китай прямых свидетельств не встречается, хотя время династии Тан и лежит между двумя только что названными эпохами. Можно было бы не без оснований ожидать, что в коллекции Сёсоина встретятся предметы из эбенового дерева, если оно действительно занимало важное место среди экзотических пород, употреблявшихся в Китае VIII в. Каталоги этой сокровищницы часто упоминают изящные столярные изделия (например, восьмиугольная подставка и шкаф с дверцами на петлях)[60] из черной хурмы, но похоже, что это не настоящее эбеновое дерево, а скорее какая-то более светлая разновидность рода *Diospyros*, окрашенная соком сапана[61]. Вопрос о ввозе в танский Китай эбенового дерева остается, таким образом, открытым.

Финики, манну везут на судах
Из Феца, а лакомства всякого рода
От шелковиц Самарканда — под кедры Ливана.

Джон Китс.
В канун дня Святой Агнессы

ГЛАВА IX

ПИЩА

Так же как нельзя в средневековой культуре Дальнего Востока провести четкую и устойчивую границу между косметическими средствами и лекарствами, так любая попытка определить различие между лекарствами и пищей или между пряностями и благовониями привела бы лишь к неоправданному искажению истинной роли съедобного в жизни танского Китая. А роль эта была далеко не простой [1]. Любая пища имела целебные свойства; их внимательно изучали ученые лекари и особенно даосы, для которых диета была неотделима от борьбы против воздействия времени, ибо своей целью они ставили продление цветущей и полной сил молодости. В частности, пряности (и прежде всего чужеземные), обладая ароматическими свойствами и распространяя свои чудодейственные качества посредством явственно ощутимых излучений, занимали видное место среди употребительных лекарств, а не только служили вкусовыми раздражителями на лукулловых пирах (хотя и в этой роли они выступали тоже). Но важно помнить, что и подобная картина оказалась бы слишком упрощенной: пряности и благовония играли свою роль не только в медицине, но и в религиозной жизни, а также в повседневном быту — с их помощью можно было сохранять пищу, отгонять назойливых насекомых, уничтожать затхлый дух, очищать тело и умащивать кожу, вызывать любовь в равнодушном возлюбленном, улучшать свое положение в обществе и совершать еще многое другое [2]. И именно это многообразие применения, а не поверхностный и снисходительный ярлычок «торговля предметами роскоши» (как будто только богатый мог жаждать здоровья и красоты!) следует считать подлинной подоплекой большого развития в средние века торговли пряностями и специями. Они были в одно и то же время и магическим зельем, и панацеей, и обладали кроме этого многими другими свойствами [3]. Утверждая это, я все же буду, совершенно произвольно подразделяя эти съедобные благовония и благовонную пищу, упрямо продолжать помещать их под разными рубриками — в зависимо-

сти от того, в чем их роль оказалась наиболее значительной: в кулинарном деле, среди благовоний и курений или же в медицине. Порой это членение, может быть, будет выглядеть странным не только из-за его произвольности и односторонности, но и потому, что оно не соответствует современной практике и представлениям. Возьмем в качестве примера гвоздику и мускатный орех: они будут рассмотрены под рубрикой «Благовония» в следующей главе, а не здесь, под заголовком «Пища», где им самое подходящее, по нашим понятиям, место. Нет данных о том, что эти пряности находили большое применение в танской кулинарии, но есть множество свидетельств о том, что они играли важную роль в приготовлении благовоний и лекарств.

Монах-паломник И-цзин, хорошо знакомый с индонезийской и индийской кухней, явно смакуя, описывает великолепно приготовленную пищу, которая есть в этих странах, противопоставляя ее родной для него китайской: «В Китае люди нынешнего времени едят рыбу и овощи, по большей части не сварив их. У индийцев это не так. Все овощи должны быть хорошо проварены, а есть их надлежит, смешав с асафетидой, с очищенным жиром, с растительным маслом или с какой-нибудь пряностью» [4]. Видимо, нам следует довериться этому описанию особенностей китайской кухни VII в., поскольку его дает в высшей степени надежный свидетель. Правда, оно идет вразрез с современными представлениями о китайской кулинарии, особенно о южнокитайской. В описании И-цзина танская кухня выглядит похожей на современную японскую — простая еда, иногда невареная, и, следует думать, почти без острых приправ и пикантных соусов. Если это так, лучшие достоинства современной китайской кухни сложились сравнительно недавно, и нетрудно предположить в этом случае, что характерное для нее вкусовое богатство только начинает появляться в танскую эпоху — несомненно, под влиянием иноземных вкусов и обычаев в еде, в частности того, что приходило из Индии и из «индианизированных» стран Центральной Азии и Индийского океана.

Но нужно признаться, что о танских обыкновениях в еде все еще известно очень мало. Затрагивая их в этой главе, пришлось ограничиться предположениями, приводя главным образом примеры того, что постоянно или эпизодически употреблялось в пищу. Но ничего не будет сказано о том, как эти продукты приготовляли: этот интересный вопрос еще ожидает своего исследователя.

Мы знаем, что некоторые продукты — просо, рис, свинина, бобы, цыплята, сливы, лук и побеги бамбука — употреблялись очень широко. Мы можем также найти сведения о блюдах, ха-

рактерных для определенных местностей, и предположить, что танские гурманы во время своих путешествий, деловых или развлекательных, пробовали эти местные блюда вроде лягушек — лакомства, излюбленного в Гуйяне, на далеком юге (хотя сообщается, что утонченные северяне высмеивали тамошних жителей за такое пристрастие) [5]. А еще существовали гуандунские пирожки из саго [6], сушеные устрицы, подававшиеся к вину в этой же области [7], и чжэцзянские «земляные каштаны» [8]. Когда местный деликатес привлекал благосклонное внимание при дворе и в столице, он вносился в список местной подати, и после этого императорские кухни регулярно получали его: летний чеснок из Южной Шэньси, оленьи языки из Северной Ганьсу, моллюски-венерки с шаньдунского побережья, «сахарные крабы» из реки Янцзы, морские коньки из Чаочжоу в Гуандуне, белый карп в маринаде из винного осадка из Северного Аньхоя, сушеное мясо белой узорной змеи (колодезной гадюки) из Южного Хубэя, квашенная в рисовом сусле дыня из Южной Шэньси и Восточного Хубэя, сушеный имбирь из Чжэцзяна, локвы (разновидность мушмулы) и вишни из Южной Шэньси, хурма из Центральной Хэнани и «игольчатые лимончики» из долины Янцзы [9].

Поскольку экспансия танской империи поставила под ее контроль новые страны с разными культурными традициями, вполне естественно, что списки снеди, поставлявшейся в Чанъань (и наверняка и в другие места тоже, так как двор служил образцом для провинции), увеличились за счет новых и необычных яств — таких, как душистый жужуб (юоба) из Хами [10]; «терновый мед», получаемый из безлистного пустынного растения, который присылали из Ходжо [11]; миндаль из Кучи [12], а также аннамские бананы и бетелевые орехи (их малайское название — *pinang* — было принято китайцами) [13]. Эти и подобные им виды пищи составляли промежуточную «полуэкзотическую» группу, принадлежа, так сказать, политически Китаю, но относясь к чужеземным культурам. Со временем они стали в полной мере китайскими и в культурном отношении. От них мы перейдем к тому, что было настоящей экзотикой.

Ввоз пищевых продуктов (он осуществлялся по тем же правилам, какие существовали для лекарств) находился под строгим правительственным надзором. Каждый иноземец, пересекавший границу, должен был у обладающего соответствующими полномочиями чиновника на пограничной заставе запаковать и скрепить печатью тюк или ящик с лекарственными или продовольственными «подношениями», а на содержимое его просто составлялась опись для сведения придворных чиновников или рыночных властей с целью установления стоимости [14]. Самые

лучшие из этих яств попечением сановника, именовавшегося «распорядитель пищей» (*шан ши*), становились кушаньями императорского стола. С помощью восьми диетологов и шестнадцати кравчих этот сановник поставлял все необходимое для пиров и постов Сына Неба в строгом соответствии с запретами, существовавшими для разных времен года, а также блюда подобающего ассортимента для государственных пиршеств, неофициальных приемов и тому подобного: «Когда он представляет пищу, ему надлежит первым попробовать ее. Он должен различать названия и качества всех сладостей и яств самых редкостных и диковинных, поставляемых различными провинциями (*чжоу*) Поднебесной, и надлежащим образом сохранять и запасать их» [15].

Поскольку сведения о такого рода редкостях распространялись из дворца за его пределы, интерес к ним в больших и малых городах возрастал и увеличивалась их продажа. Теперь обратимся к некоторым из них.

Виноград и виноградное вино

Китайцы, подобно другим народам мира, с того времени, как они начали возделывать злаки, должны были знать и получаемые из них путем брожения напитки — пиво пришло к людям вместе с хлебом. Они получали свое пиво (или «вино», как мы предпочитаем его называть) из проса, риса или ячменя — простой напиток для повседневного употребления. Были у них и напитки из фруктов, и кумыс из подвергнутого брожению молока кобылиц [16]. Были в Китае и такие изысканные напитки, как имбирное вино, мед [17] и разного рода душистые и пряные вина-настойки, посвященные богам. Некоторые из этих древних напитков еще продолжали изготавливать и в танскую эпоху, другие — давно вышли из употребления. Но в целом основным продуктом для получения алкоголя стал рис.

В Китае знали (во всяком случае, с чужих слов) и о различных экзотических напитках: сообщалось, что жители Тяма приготовляют вино из сока бетеля [18]; тодди (пальмовое вино) делают в Калинге из сока, извлекаемого из цветов кокосовой пальмы [19]; тангуты варят пиво из риса, который им приходится ввозить для этой цели [20]. Но нет сведений о том, чтобы какой-нибудь из этих горячительных чужеземных напитков пили в Китае. Единственное исключение — виноградные вина Запада.

Чжан Цянь, отважный путешественник раннеханьского времени, завез семена винограда в Китай, где они были высажены в столице и плоды выращивались в ограниченных количествах для еды [21]. Согласно одному танскому преданию, это был виноград трех сортов: желтый, белый и черный [22]. Известно, что они

хорошо чувствовали себя в окрестностях Дуньхуана в V в. [23]. Но урожай винограда был незначителен, и приготовлявшееся из него вино оставалось редким и экзотическим напитком.

Такое положение сохранялось до начала правления танской династии, когда внезапно, в результате стремительного проникновения Тан в иранские и тюркские страны Запада, виноград и виноградное вино стали хорошо известны в Китае. Но и после этого плоды винограда сохранили в представлении китайцев «духовную» связь с Западом: побеги лозы веками использовались в качестве экзотических декоративных мотивов полихромных тканей, все знают и «эллинистический» узор в виде виноградной лозы на тыльной стороне танских зеркал [24]. И кроме того, римляне, арабы и тюрки-уйгуры Сериндии были хорошо известны в Китае как большие специалисты по выращиванию лозы и употреблению вина [25]. Однако после танского завоевания Сериндии виноград и его сок несколько утратили для китайцев аромат экзотики, как и «полуэкзотические» миндаль и орехи бетеля. Весьма разнообразные произведения лозы предписывалось поставлять из Ходжо в качестве ежегодной подати великому чанъаньскому двору: «сушеный», «морщинистый» и «запекшийся» составляли три особые разновидности изюма; ввозился также сироп и, конечно же, вино [26].

Но важнее всего было то, что в Китай был завезен новый, винодельческий сорт лозы, а с ним проникло и искусство приготовления вина из винограда, что положило начало новой отрасли производства. Это был знаменитый сорт винограда — «сосок кобылицы». Первое датированное упоминание о нем, которым мы располагаем, повествует о подношении от тюркского ябгу, пославшего гроздь этих продолговатых лиловых ягод императору весной 647 г. [27]. Название этого сорта винограда свидетельствует о его вытянутой форме в отличие, например, от сорта шаровидной формы, называвшегося «бусы (или жемчужины) дракона» [28]. Это название получило образный отклик в одном из пяти написанных чанъаньской куртизанкой Чжао Луань-луань стихотворений, красочно описывающих наиболее пленительные части женского тела: «Облачная прическа», «Ивовые брови», «Сандаловый рот», «Батистовые пальцы» и «Грудь как сливки». В последнем из этих стихотворений соски метафорически обозначены как «лиловые виноградины», однако элементарная учтивость заставляет нас считать, что реальной первоосновой этого сочного образа был не «сосок кобылицы», а какой-то другой сорт винограда, более мелкого и более подходящего по пропорциям [29].

Черенки лозы западного винограда «сосок кобылицы» были доставлены в Китай после завоевания Ходжо в 640 г., однако точная дата этого нововведения неизвестна. Их успешно выра-

7 Заказ № 2366

щивали в императорском парке[30], а потомство этих черенков, вероятно, можно было найти в двух виноградниках Запретного парка в Чанъани вплоть до конца VII в.[31]. Со временем они распространились за пределами священных владений, так как мы встречаемся с ними в стихотворении Хань Юя, который укоряет владельца запущенного виноградника:

Все еще много засохших стеблей,
свежих — едва половина.
С перекосившихся длинных шестов
сверху упали жердины.
Если хотите вы блюдо наполнить
грудой «кобыльих сосков»,
Не откажитесь бамбука побольше
вбить для «драконьих усов».

Мы не знаем, где именно находился этот виноградник[32], однако лоза широко произрастала в знойной Ганьсу еще со времени Западной Лян. Другим значительным районом виноградарства в танском Китае был округ Тайюань в Северной Шаньси, «там, где яньские чародейки кубки подносят с вином»[33]. В этих прославленных виноградниках были выведены местные разновидности винограда; помимо винодельческих сортов для X в. мы знаем из источников о крупном столовом хэдунском винограде (Шаньси), столь нежном, что он приходил в негодность, пока его доставляли в столицу[34].

Виноград был настолько хорошо известен в VII в., что удостоился публично обнародованных заключений ученых-диетологов: Мэн Шэнь заявлял, что поедание его в чрезмерно больших количествах вызывает симптомы беспокойства и потемнение в глазах, однако виноградный сок способствует опусканию плода, когда тот давит на сердце[35].

Но все же в это время виноград еще не принадлежал к числу самых обычных фруктов. Даже в VIII в., когда лоза уже прочно утвердилась в Китае, Ду Фу еще мог использовать ее плоды в ряду образов чудесной чужеземной страны, объединив вместе «зрелый виноград» и «тучную люцерну» (оба растения, ввезенные Чжан Цянем во II в. до н. э., вошли в число классических литературных образов) и употребляя их наравне с выражениями «тибетские женщины» и «западные парни»[36]. Возможно, Ду Фу писал о каком-нибудь пограничном городе вроде Лянчжоу. А вино из Лянчжоу (такого же экзотического уголка танской империи, каким является «китайский город» в Сан-Франциско), действительно считалось изысканным и редким напитком, с «привкусом» волшебства. Однако даже в Дуньхуане, лежащем еще дальше на этой караванной дороге, виноградное вино было дорогостоящим прибавлением к торжественному столу, как шампанское на наших празднествах[37]. «Неофициальное жизнеопи-

сание Ян — Драгоценной Супруги» изображает ее пьющей виноградное вино — подношение города Лянчжоу — из стеклянной чаши, украшенной «семью драгоценностями» [38]. В начале IX в. чаша этого восхитительного вина была преподнесена императору Му-цзуну, и он высказался об этом вине так: «Когда я пью его, я неизменно ощущаю гармонию, наполняющую мои члены. Это — подлинный „владыка великого спокойствия“» [39]. Этот титул перекликается с почтительным наименованием Лаоцзы, а кроме того, выглядит как бы отзвуком греческого представления о вине как о божестве.

Восхищение перед винами Запада в Китае имеет почтенную историю: какие-то западные вина ввозили уже в период между династиями Хань и Тан [40], а старая энциклопедия «Бо у чжи», содержащая множество рассказов III—IV вв. о чудесах, сообщает: «В западных странах имеется виноградное вино, которое не портится с годами. Народное поверье тех мест гласит, что вино годится для питья в течение десяти лет, но, если его пить после того, опьянение не проходит целый месяц и лишь потом от него можно избавиться» [41].

В танское время существовало необычное вино, приготовленное из персидских миробаланов, которое можно было получить в тавернах Чанъани [42]; вино «жир дракона», черное, как лак, доставлявшееся из Александрии (!) в начале IX в. [43], было, видимо, лишь детищем богатой фантазии писателя Су Э. Виноградное вино, приготовленное по иранскому способу, несомненно, поступало из Чача в VIII в. [44], когда винодельческое искусство уже было освоено и в Китае.

Когда в 641 г. царь Ходжо вместе с его лучшими музыкантами и другими трофеями такого рода был доставлен плененным к Тай-цзуну, в столице было провозглашено трехдневное празднование с вином — своего рода всеобщая вакханалия [45]. Такой характер празднества вполне подходил к случаю, так как именно из только что покоренного Ходжо, переименованного в Западный округ (Сичжоу), винодельческое искусство пришло в империю Тан и жители Северного Китая познакомились с восемью «цветами» (разновидностями) этого в высшей степени жгучего и благовонного напитка [46]. Виноград «сосок кобылицы», видимо, должен был играть важную роль в новом производстве. Изготовление вина сосредоточилось при виноградниках области Тайюань, ежегодно поставлявших большие количества этого изысканного напитка императорскому двору [47]. Высокая репутация тайюаньского вина, изготовленного из винограда «сосок кобылицы», отражена в стихотворении Ли Юй-си («люди Цзинь» в этом стихотворении — это жители области Тайюань в Шаньси):

Росток винограда
пробился на поле пустом,

На шест одинокий
    взобрался, обвился кругом.
Он был пересажен
    сюда, к бирюзовым ступеням,
Тянулся все выше,
    все больше густел день за днем.
Обширным покровом
    раскинул побеги и ветви,
Затейливо в кольца
    свиваются толстые плети.
Взметнул свои крылья,
    орех во дворе обнимая,
И можно подумать,
    что так и росли они вместе.
Ему перекладины
    длинные установили,
Листва подбирается
    к самым проемам оконным.
Поят его корни
    отваром из лучшего риса,
Едва пробивается
    свет через полог сплетенный.
Шнурами из шелка
    соцветья его подвязали,
Висят его гроздья,
    как собранный жемчуг зеленый.
Как инеем легким
    покрыты «кобыльи соски»,
Они на рассвете
    блестят, как чешуйки дракона.
Вот странник добрался
    до южного берега Фэнь,
Приблизился к дому —
    глаза у него разбежались.
И слышит слова он:
    «Мы, люди из области Цзинь,
Сажали мы это,
    как будто бы яшму сажали.
Когда перебродит —
    прекрасное будет вино:
Даешь его людям —
    никак оторваться не могут.
Давно припасли мы
    вина целый *доу* для вас.
Правитель Лянчжоу,
    возьмите с собою в дорогу» [48].

Новое искусство приготовления виноградного вина было распространено даже на мелкую дикую китайскую лозу, которая имеет темные плоды с лиловатым оттенком и до сих пор произрастает в Шаньдуне. Название этого винограда — *инъюй*. Танские травники сообщают о вине, которое делали из него, точно так же как из экзотических виноградных сортов, произраставших в Ганьсу и Шэньси [49]. Может быть, именно эти лозы — те самые, о которых Дуань Чэн-ши повествует в рассказе о «Доли-

не винограда» (но он употребляет здесь для винограда заимствованное слово). Долина эта находилась, очевидно, в Шаньдуне[50]; виноград там можно было срывать свободно, но поевший его сбивался с пути. Эти плоды были известны под названием «виноград матери-повелительницы», что связывает их с плодами бессмертия, произраставшими на горе мироздания. В середине VIII в. некий буддийский монах, сделавший из куска этой лозы дорожный посох, посадил его затем у своего храма, где лоза могуче разрослась и образовала беседку, усыпанную лиловыми плодами; ее назвали «Полог растущих драконовых жемчужин»[51].

Миробаланы

В 746 г. объединенное посольство тюргешей, Чача, Кеша, Маймурга и Капиши доставило танскому двору среди других ценностей в качестве подношения миробаланы эмблика[52]. Чаще, однако, эти плоды привозили с юга морским путем, преимущественно на персидских судах[53].

Три классических вида индийских миробаланов именовались на санскрите *трипхала* «три плода»[54]. По-китайски они назывались «три плода» или же «три **-raks*», где **-rak* — последний слог названия каждого из этих плодов в тохарском языке[55], одном из значительных индоевропейских языков Центральной Азии. Кажется, именно отсюда китайцы и заимствовали их названия. Три вида миробалана — это миробаланы эмблика (санскритское *амалаки*[56]), миробаланы беллерика (санскритское *вибхитаки*) и миробаланы чебуля (санскритское *харитаки*)[57].

Индийцы и тибетцы, а также другие народы, находившиеся под индийским влиянием, приписывали всем трем разновидностям этого вяжущего плода самые чудесные свойства. Один тибетский текст описывает все три вида вместе как эликсир жизни и говорит о миробалане *харитаки*, который растет на Благоуханной горе бога Индры, как о вызывающем всюду необычайное восхищение[58]: «... когда зрелый, он имеет шесть вкусовых качеств и восемь видов чудесной силы, воздействует тремя (вкусовыми качествами) на пищеварение, совершенствует семнадцать достоинств и рассеивает все виды болезней»[59]. Что же касается миробаланов *вибхитаки*, то в Индии считалось, что они населены демонами; но, несмотря на это, они ценились в дубильном деле и в медицине как слабительное в зрелом состоянии и как вяжущее в незрелом[60].

Танские фармакологи, и особенно официальный редактор фармакопеи Су Гун, констатируют, что все три вида этого важного лекарственного растения произрастали в Анпаме, попавшем позже под контроль Китая, и что, во всяком случае, миробалан *амалаки* и миробалан *вибхитаки* также произрастали

в Линнани[61]. Сунский фармаколог Су Сун отмечает, что в его время (т. е. в XI в.) миробалан *харитаки* также произрастал в Южном Китае, главным образом около Гуанчжоу[62]. Похоже, однако, что, хотя классические «три плода» и привозились на индийских судах персидским морским путем, другие виды миробалана, характерные для Индокитая и обладающие, по существу, теми же самыми качествами, ввозили в Китай из мест, расположенных совсем под рукой. Но, возможно, учитывая компетентные указания Су Гуна, мы должны допустить, что эти «три плода» также выращивались в окрестностях Гуанчжоу, крупнейшего южного порта Китая. Цзянь-чжэнь, странствовавший по морям монах, также рассказывает, что он видел дерево *харитаки* с плодами, похожими на крупный жужуб, около буддийского храма Великого Облака в Гуанчжоу[63]. И, может быть, он определил его правильно. Но в целом похоже, что произраставшие поблизости миробаланы, родственные индийским видам, как плоды, так и пересаженные деревья, часто путали с привозными.

Каково бы ни было их происхождение, природные свойства этих плодов и комплекс связанных с ними поверий и представлений, принесенный из Индии вместе с буддийской культурой, обеспечили им важное место в китайской медицине. Нас не удивляет, что мы находим миробаланы, уже совершенно высохшие, среди целебных сокровищ, хранившихся с VIII в. в Сёсоине (Нара)[64]. Миробалан *амалаки* делает волосы черными, писал Чжэнь Цюань, врач начала VII в.[65]; это считалось ясным доказательством его омолаживающих свойств. Чужеземцы приготовляли горячий напиток из персикоподобного миробалана *вибхитаки*, писал знаменитый Су Гун[66]; эти слова могут относиться к некоему напитку (явно алкогольному, поскольку он отнесен к числу вин), который пользовался определенным успехом в Северном Китае, а искусство его приготовления считалось воспринятым от персов[67]. «Вяжущий старец» — таково было шутливое название, которое было дано миробалану *харитаки* в начале X в.[68], причем обозначение «старец» должно быть связано со сморщенной кожицей поступавших в продажу плодов. Возможно, это название содержало намек на зрелость, связанную с возрастом; Бао Цзи, поэт VIII в., когда он заболел, получил в подарок от сочувствовавшего ему друга только лист дерева, на котором росли миробаланы, и написал цикл вычурных стихов, прославляющих божественные свойства миробалана — «прогонять старость и болезни»[69].

В танское время в Китай ввозилось множество не только овощей, но и зелени. Некоторые из них начали разводить, другие — срезанные — шли только в пищу. Шпинат был одним из немногих прижившихся растений, посланных в 647 г. королем Непала — страны, которая была известна людям танской эпохи как холодный край, населенный вероломными людьми [70]. Это растение в конечном счете должно быть персидского происхождения. В кабалистике даосов оно было действительно известно под именем «персидской травы», во всяком случае, так было в послетанское время [71]. Даосы, очевидно, должны были проявлять особый интерес к этому новому растению, так как Мэн Шэнь, специалист по вопросам питания, говорит о шпинате, что «он вылечивает от винных ядов и тем, кто принимает киноварный камень, очень полезно есть его» [72]. Иными словами, приверженцы даосизма, которые, принимая киноварный эликсир, пытались достичь бессмертия, могли, употребляя в пищу шпинат, противодействовать неприятным последствиям, вызываемым этим ртутным соединением. В любом случае, сообщают эти рассказы, вкус шпината улучшается, если его варить [73]. Название, которое было дано в Китае этому новому огородному растению, видимо, должно отражать иноземное наименование, близкое к **palinga*. У псевдо-Го То-то в «Книге о посадке деревьев» сказано, что оно обозначает название страны [74].

Еще в танском Китае знали кольраби, разновидность капусты, которую Чэнь Цан-ци называет и «сладким индиго», и «индиго Западного края», подметив некоторые особенности ее широких листьв, которые напоминали китайское растение индиго. Чэнь Цан-ци рекомендует кольраби как общее тонизирующее средство [75]. Кольраби в конечном счете растение европейское и пришло в Китай явно через жителей Сериндии, тибетцев и Ганьсуйский коридор [76].

Среди новых растений, присланных из Непала в VII в., были белое растение, «похожее на лук» (возможно, лук — порей или шалот) [77], «горький лиственный овощ», напоминающий латук [78], «кислый лиственный овощ», также с широкими листьями [79], и душистый «западный сельдерей» [80]. Все они были не непальского происхождения и в качестве забавных экзотических диковин только проследовали через непальского короля к его далекому танскому собрату.

«Ротанг ценою в тысячу монет», доставленный объединенным посольством тюргешей и других среднеазиатских владений в 746 г., остается загадкой, ибо Чэнь Цан-ци сообщает о множестве китайских растений, известных под этим же лестным названием [81].

Один современный ученый полагает, что сахарная свекла под ее персидским названием могла быть завезена в Китай в танский период, «вероятно, арабами» [82].

Ни одно из этих сугубо полезных растений не отмечено у поэтов.

Лакомства

Крупные, сладкие и душистые семена корейской сосны [83], называвшиеся «семена морской сосны» или «семена сосны из Силлы» [84], ввозили, очищали и ели.

Фисташки — любимый вид орехов у жителей Согдианы, Хорасана и Персии, где их произрастало несколько разновидностей, — также ввозили в танский Китай, а начиная примерно с IX в. и выращивали в Линнани [85]. Население танской империи прозвало фисташки «орехи западных чужеземцев» [86], хотя иногда и в Китае можно было услышать их странно звучащее иранское название. Они славились не только благодаря своему вкусу, но и потому, что считалось, будто фисташки увеличивают сексуальную силу и повышают жизненный тонус в целом [87].

С юго-запада, из Наньчжао, в Китай поступал «ползучий» грецкий орех, по вкусу похожий на настоящий; его иногда обозначали как «семена ротанга из (земель) Мань» [88]. Настоящий грецкий орех называли «персик западных чужеземцев».

Оливки были известны в Китае (во всяком случае, по рассказам) под персидским названием *зейтун* как плоды, из которых в Персии и Руме получали масло, применяемое в кулинарном деле [89]. Но нет никаких свидетельств, что сами оливки или это масло доставлялись в империю Тан. Так называемые «китайские оливки», конечно, вообще не являются оливками, а представляют собой плоды двух местных деревьев [90]. Мезга одного из них (*Canarium pimela*) служила для получения черной смолы или дегтя, употреблявшегося для окраски и смоления судов.

С острова Суматра поступали душистые, с острым вкусом семена — по всей вероятности, укропа [91]. Они были известны в танском Китае под именем *jila*, что является передачей или санскритского *джира*, или среднеперсидского *жира* [92]. К тому же фармаколог Ли Сюнь ссылается на старую книгу, в которой сказано, что эти зерна прибывают из Персии. Но так часто говорилось и о тех неперсидских товарах, которые только доставляли в Китай на персидских судах. Ли Сюнь сообщает, что зерна укропа придают чудесный вкус пище, но что «их нельзя употреблять в пищу одновременно с асафетидой, так как они уничтожают ее букет» [93].

Предводитель племени цзанго из дикой гористой местности (в современной провинции Гуйчжоу) прислал в дар маринованное мясо [94]. Не располагая никакой другой информацией о нем, я все же взял на себя смелость причислить это мясо к числу лакомств.

Дары моря

В средневековом Китае хорошо знали и любили жившего в реках и морях лобана — лакомую пищу выдр [95]. В танское время его ловили сетями на побережье [96], но лобана также следует причислить к экзотической танской пище, поскольку бохайские мохэ отправили из Маньчжурии в 729 г. послов, преподнесших эту рыбу императору [97]. Южные китайцы приготовляли из лобана что-то вроде соуса или подливы с забавным названием «соус из прыгающей рыбы» (*тяо тин*). Засоленную рыбу «обмакивали в уксус и вымачивали в вине», что придавало блюду утонченный вкус. Одно из объяснений, которое дается названию «прыгающая рыба», связано с тем, что лобаны перемещаются огромными косяками, как «туча в боевом порядке», так что нет необходимости вытаскивать сети: рыбы сами в таком большом количестве впрыгивают в рыбачьи лодки, что даже опасны для них своей тяжестью [98].

Несколькими годами позже то же самое маньчжурское племя рыболовов прислало сто сушеных «полосатых рыб» [99]. Это название как бы содержит в себе отзвук мифов; оно же встречается в «Ли сао», большой эпической поэме о полете души: «Оседлав белую черепаху,— о!— преследую полосатую рыбу!» Мы снова встречаем это название в начале III в. в «Оде фее реки Ло» Цао Чжи:

Прыжки полосатых рыб
    отмечают движенье ее колесницы;
Перезвон бубенцов из яшмы
    слышен, покуда она не исчезнет.

(«бубенцы из яшмы» — это подвески на сбруе). Однако какая-либо связь между этими классическими обитателями вод и безвестной вяленой рыбой, посланной северо-восточными «варварами», может быть прослежена только при участии фантазии.

Наконец, китайские лекари, во всяком случае, знали об одной из разновидностей корейского двустворчатого моллюска из Силлы (там он был одной из статей пищевого рациона) и, возможно, могли им даже располагать. Чэнь Цан-ци предписывает суп, приготовленный из этих моллюсков и из съедобных морских водорослей, называвшихся *котро* [100], как средство против «затрудненного дыхания» [101]. Это, несомненно, корейский рецепт, но мы

не знаем, употреблялся ли этот моллюск в пищу не только по назначению лекаря. Название его раковины *tâm-lâ*, очевидно, происходит от *Тамна*, т. е. от древнего названия острова Чечжудо[102]. Этот остров славился своими устрицами и крабами, и китайцы поэтому просто перенесли название места, откуда они происходят, на самих лакомых моллюсков.

Приправы

Еще до того, как у китайцев появился перец, у них существовала своя собственная острая приправа — фагара[103]. Различные виды перца-фагары служили вместо настоящего перца в Индии, в Китае и в Японии, где ее плоды, иногда вместе с семенами, использовались как в кулинарии, так и в медицине[104]. Употреблявшаяся в древности разновидность — циньская фагара[105] — находила широкое применение в средневековой китайской медицине. Она, например, могла помочь при запаздывающих менструациях, вылечивала некоторые виды кровавых поносов и способствовала росту волос[106]. Дуань Чэн-ши сообщает, что она также обладала довольно необычным свойством притягивать ртуть, но каким образом эта особенность циньской фагары находила применение, не говорится[107]; возможно, она служила показателем наличия ртути для рудокопов. В близком родстве с ней находилась шуская фагара (т. е. сычуаньская фагара), область произрастания которой на севере простиралась до Циньлина (к югу от столицы). Один из источников утверждает, что лучшая фагара этого вида доставлялась из Западного края[108].

Эта привычная для китайцев приправа, как и другие душистые травы, добавлялась к жертвенному вину и мясу — как для того, чтобы обеспечить их сохранность, так и для того, чтобы сделать их более привлекательными для богов[109]. В частности, цветочный нектар, приправленный перцем-фагарой, считался в древности и в средние века возлиянием, подобающим для новогодних церемоний[110]. Но постепенно напитки и блюда, приправленные фагарой и другими благовониями, приобретали и светский характер, проделав путь от алтарей богов до столов знати[111] и даже попав на самые простые кухни. Сообщалось, что император Дэ-цзун (конец VIII в.) употреблял творог и перец-фагару с чаем[112], а загадочный буддийский поэт Ханьшань (VIII в.) так с презрением описывал яства на столе спесивого гурмана:

Паровую свинину
  обливают чесночной подливой,
Мясо жареной утки
  обсыпают и перцем, и солью[113].

Это описание не вызывает отрицательных эмоций у нас, привычных к употреблению перца вместе с солью. Такое сочетание могло быть особенно характерно для южной китайской кулинарии, предшественницы той обильной кухни, которую мы теперь называем «кантонской». Хань Юй в стихах так описывал свое первое знакомство с южнокитайской кухней:

Я добрался досюда,
изгоняю нечистую силу,
В воздаянье за это
познакомился с варевом юга:
Здесь соленое с кислым
не чураются смешивать вместе,
Померанцы и перец
в их еде дополняют друг друга [114].

Собственно перец, таким образом, появился в Китае не как нечто совершенно новое, а как экзотическая и, по всей вероятности, дорогостоящая замена для фагары. И даже возникшее для него в Китае название «фагара западных чужеземцев» [115] подчеркивает такое назначение перца. При этом, точно так же как шуская фагара (по отношению к обычной и давно известной циньской фагаре) считалась лучшей, так хуская фагара («фагара западных чужеземцев», т. е. перец) намного превосходила шускую, хотя все эти сорта служили для одинаковых целей. Но, видимо, новая разновидность принесла с собой и новые блюда. Мы читаем, например, о перце, «который происходит из страны Магадха, где его называют *марича* [116]... Его семена по форме похожи на ханьскую фагару, но он крайне едкий и жгучий. Его собирают в шестую луну. В наше время его употребляют всегда, когда готовят мясные блюда на „западный манер“» [117]. Чужеземные рецепты требовали чужеземных приправ.

Черный перец получают из стручков *Piper nigrum*; стручки «складывают в кипы для ферментации, в процессе которой они чернеют, и затем раскладывают на матах для просушки». Белый перец получают из тех же плодов; самые крупные и лучшие из них замачивают в воде, перед тем как их очищают от кожуры [118]. Родина перечного растения — Бирма и Ассам, оттуда его ввезли в Индию, Индокитай и Индонезию [119], а уже из Индии перец попал в Персию, откуда персидские корабли вместе с сандалом и лекарствами развозили его во все концы средневековой Азии [120]. В танской фармакопее сказано просто, что он произрастает у западных жунов [121], т. е. «варваров», но мы уже отмечали, что он ассоциировался преимущественно с Магадхой, да и в санскрите «магадхский» служит эпитетом к слову «перец» [122], так что следует предположить, что эта область была крупным центром его производства. Невероятно высокие

цены на перец в позднесредневековый период и в начале нового времени принесли богатства купцам, которые монополизировали торговлю им,— это широко известные исторические факты. Но и в VIII в. эта специя, оказывается, тоже была весьма дорогостоящей, ибо, когда в 777 г. описывалось конфискованное имущество разжалованного министра Юань Цзая, было установлено, что он имел наряду с прочими дорогими товарами (например, у него было пятьсот *лянов* сталактита — ценного лекарства) сто *даней* настоящего перца — огромное количество, явно указывающее на его несметные богатства [123].

Лекарственная ценность перца, почти столь же важная, как и его значение в качестве приправы, основывалась главным образом на его раздражающем действии, которое стимулировало секрецию кишечника и таким образом способствовало пищеварению [124]. Мэн Шэнь советует принимать его в чистом вине «при простуде и болях в сердце и в животе» [125]. Но он обладал также и отрицательными свойствами, ибо, как писал другой специалист, «если его поедают в большом количестве, он поражает легкие и вызывает кровохарканье» [126].

Китайцы танского времени были знакомы также с другим, длинным перцем [127]. Они дали ему название, происходящее от санскритского *пиппали* [128] или, чаще, от этого же слова, укороченного до *пиппал* (в неверном произношении — *питпат* или *пиппат*). Английское слово *pepper* «перец» также, конечно, того же происхождения [129]. Длинный перец распространился среди обитателей Южной Азии даже раньше обычного черного перца [130], а в Риме во времена Плиния он ценился дороже, чем черный перец [131]. Дуань Чэн-ши сообщает нам, что он, как и черный перец, произрастает в Магадхе [132], а Су Гун называет его произведением Персии — из-за того места, которое он занимал в торговле «персидских парусников». Он добавляет: «...западные чужеземцы принесли его к нам; мы употребляем его ради его аромата, кладя в пищу» [133]. Видимо, в танское время он не выращивался в Китае, в танской поэзии он не упоминается, но в XI в. в Линнани он уже произрастал [134], и великий сунский поэт Су Ши часто упоминал этот перец и его душистость. На деле длинный перец еще более жгуч, чем даже бетелевый перец, который он напоминает, и его соответственно считали более сильным лекарством, чем другие виды перца. Его прописывали как укрепляющее для ног и поясницы, для улучшения пищеварения, против холода в желудке и т. д. [135]. Сам Тай-цзун, страдавший расстройством кишечника, после того как он тщетно перепробовал средства, прописанные его врачами, обнаружил, что действенным для него оказалось варево из длинного перца, прокипяченного в молоке, порекомендованное одним из офицеров его стражи [136].

Листья бетелевого перца [137], жевание которых (обычно вместе с кусочками ореха бетелевой пальмы [138]) было широко распространено в Юго-Восточной Азии, служили средней силы возбуждающим средством и очищали дыхание. Листья бетеля в том виде, как их продавали в танском Китае, иногда называли «бетелевой подливой» (по способу их приготовления в Линнани, где жевание бетеля было принято с древних времен [139]); иногда они именовались «земляная *пиппала*» [140] (т. е. земляной длинный перец). Его употребляли как приправу к вину и к пище, а также прописывали (как и другие виды перца) при нарушениях пищеварения [141]. Су Гун свидетельствует, что бетелевый перец также произрастал в Сычуани и что время от времени его доставляли в Китай чужеземцы из западных стран [142].

Еще одна разновидность перца, которую знали жители Китая в танское время,— *кубеба* [143], родиной которой были индианизированные страны Юга. В танскую эпоху ее доставляли из Шривиджайи [144]. И именно Индонезия была той страной, в которой в средние века арабские торговцы приобретали *кубебу*. Попадая в Индию, она называлась *кабаб чини*, т. е. «китайская кубеба», возможно из-за того, что китайцы действительно принимали участие в торговле этим товаром [145], но еще более вероятно потому, что *кубеба* составляла важную статью в той торговле, которая была китайской только по названию. В раннесредневековой Европе *кубеба* также употреблялась как пряность [146]. В Китае этот вид перца называли или *виленга* (очевидно, название заменителя черного перца в одном из индийских языков, перенесенное затем на это малайское растение) [147], или же *виданга*, т. е. санскритским словом того же корня. Ли Сюнь полагал, что *кубеба* растет на том же самом дереве, что и черный перец [148]. Как бы там ни было, танские лекари назначали его, чтобы вернуть аппетит, чтобы исцелить от «паров нечистой силы», чтобы вернуть черный цвет волосам и для умащивания тела [149]. Нет данных об употреблении *кубебы* в качестве приправы, но она была включена в этот раздел, чтобы не отрывать ее от других видов перца.

Китайцы располагают собственной разновидностью горчицы [150], но в танскую эпоху западные виды этого растения, которое состоит в близком родстве с капустой и репой, доставлялись в страну иноземными торговцами. Это и было то, что называлось белой горчицей [151] или горчицей западных чужеземцев [152]. Ее родиной были страны Средиземноморья, но в Шаньси ее выращивали уже в VIII в. [153]. Крупные, с очень резким вкусом, белые зерна давали в теплом вине при нарушениях дыхания [154], но об их месте в кулинарии, как и в отношении *кубебы*, нам ничего не известно.

Сахар

Сладости были широко распространены в танскую эпоху. И обычно для их изготовления использовался мед. В Южной Шэньси готовили ростки бамбука в меду [155], а медовый имбирь делали в Янчжоу и Ханчжоу близ устья Янцзы [156]. Считалось, что определенная доза медовой воды, если ее принимать в течение долгого времени, придает цвету лица замечательный розоватый оттенок [157]. И все же, несмотря на то что мед хорошо знали в Китае с глубокой древности, самого высокого качества мед привозили от жителей Тибета [158].

Злаки были еще одним источником сахара, известным в Китае. Уже в древности из таких видов зерна, как клейкое просо или рис, получали вкусные сиропы и сладости, а ячменный сахар изготавливали по крайней мере уже во II в. до н. э. [159]. К танскому времени эти виды сахара, должно быть, уже не казались особенно вкусными и относились к числу продуктов низкого качества, поскольку они не упоминаются в списках податей. И серьезной причиной этого послужило то, что еще задолго до танского времени в Китае появились и были хорошо встречены сок и кристаллы, полученные из сахарного тростника.

Тростниковый сахар — наиболее широко распространенный из всех видов растительного сахара, хотя и у сахара из свеклы, из сорго и из пальмы-пальмиры существует немало приверженцев. Бесчисленные виды сахарного тростника произрастают в тропической Азии и Океании. Из этой обширной области тростник был перенесен на Запад, попав в Персию, видимо, к V в., в Египет — к VII в. и в Испанию — к VIII в. [160]. Сахар можно было добывать из тростника различными способами. Самый простейший способ состоял в том, что тростник разжевывали или измельчали, чтобы получить приятный напиток. На более сложном уровне этот сок можно было выпаривать, чтобы получить твердое вещество, пригодное для подслащивания пищи. И, наконец, чтобы предохранить продукт от порчи, примеси могли быть удалены с помощью очистки [161]. Каждый из этих трех этапов представлен в истории китайской цивилизации.

Сахарный тростник был известен во времена Поздней Чжоу и Хань как растение теплых стран Юга, и в особенности Аннама [162]. Название «сахарный напиток», о котором упоминает Сыма Сян-жу, могло даже относиться к напитку, полученному из тростника обитателями южных стран путем брожения. Как бы то ни было, питье это китайцам понравилось, а со временем они научились выращивать и само растение, так что ко времени Тан тростник хорошо рос в Центральной Сычуани, в Северном Хубэе и в прибрежном Чжэцзяне [163]. И при всем этом сахарный

тростник не стал вполне обычным видом растений, и его стебли продолжали стоить дорого на севере. Так было даже еще в VIII в. Мы можем прочесть, как Тай-цзун вручил одному из своих подданных в качестве редкостного диковинного подарка двадцать стеблей сахарного тростника [164]. Сверх того, сахарный тростник был одним из многих творений природы (таких, как павлин или лотос), который оказался включенным в сложную систему образов, окружающих Будду. Шакьямуни именовался Иксваку («сахарный тростник»), поскольку считалось, что один из его предков родился от этого растения [165]. А Вэй Гао, покоривший тибето-бирманские племена на бирманской границе, послал к танскому двору наряду с прочей танцевальной музыкой государства Наньчжао танец, называвшийся «владыка сахарного тростника», «что означает, что наставления Будды людям своей сладостью подобны сахарному тростнику и все наслаждаются их благоуханием» [166].

Сахар приготовлялся для повседневного потребления в виде маленьких кусочков или голов, которые были известны под названием «каменный мед». Их изготавливали в Тонкине уже в III в. из сахара, получаемого выпариванием на солнце сока сахарного тростника [167]. Иногда им придавали форму человечков, тигров, слонов и т. п. «Сахар-лев» позднеханьского времени — один из примеров таких фигурок-сладостей [168], однако не установлено, шел ли на их изготовление сахар, полученный из южного тростника. Во времена Тан такой каменный сахар производили в нескольких городах. Кусковой сахар, предназначенный для императорского стола, поступал из города Лучжоу (в Юго-Восточной Шаньси), откуда его посылали на север наряду с женьшенем, холстами и тушью [169]; кусковой сахар поступал также из Юэчжоу (в Северном Чжэцзяне) вместе с киноварью, фарфором и камчатными тканями [170] и из Юнчжоу (в Южной Хунани) вместе с кудзу, древками для стрел и интересными ископаемыми [171].

Хотя источники сахара в подобных изделиях различались в зависимости от места, в рецептуру всегда входило молоко. Хороший, прочный сахар делали из белого меда и молочной сыворотки неподалеку от столицы [172]. В некоторых местностях его приготовляли путем кипячения рисовой пудры в молоке буйволиц-карабао, что давало твердые и тяжелые куски [173]. Но самый лучший и самый белый сахар делали из сахарного тростника и молока — способ, применявшийся только в Сычуани и среди «персов» [174]. Этими «персами», должно быть, были представители вообще восточноиранских народов, потому что подношения императору «каменного меда» совершали в VIII в. Бухара и Хорезм [175]. Самарканд располагал им тоже, ибо мы встречаем об этой местности такое сообщение:

«Народ привержен к вину и любит петь и танцевать на улицах. У их правителя имеется войлочная шляпа, украшенная золотом и различными драгоценностями. Женщины укладывают волосы в кольца и покрывают голову черным платком с нашитыми на нем золотыми пластинками. Когда женщина родит ребенка, она кормит его каменным медом и кладет клей на его ладонь, желая, чтобы он был сладкоречив, когда вырастет [176], ⟨и крепко держал денежку»⟩ *[176].

Превосходное качество «каменного меда» с далекого Запада побудило Тай-цзуна отправить посланцев в Магадху, чтобы узнать его секрет, который, видимо, заключался в высоком качестве составных частей. Этим искусством затем соответственно овладели сахаровары Янчжоу. Выпаривая сок тростника, они приготовляли сахар, который «по цвету и по вкусу намного превосходил тот, что производят в Западном крае» [177]. Его называли *ша тан* «песочный (или зернистый) сахар» [178]. Это, видимо, должна быть всего лишь относительно хорошая разновидность «коричневого сахара», зернистого, но по-настоящему не рафинированного. Кусковой сахар, приготовленный из нерафинированного сахара, содержал кроме сахарозы много примесей и довольно скоро превращался в бесформенную массу [179]. Чистый белый кристаллический сахар должен был получаться в результате многократного и тщательного удаления пены с кипящей жидкости. Не похоже, что именно так и поступали во времена Тан, даже применяя методы, заимствованные из Магадхи [180]. Рафинированный кристаллический сахар назывался по-китайски *тан шуан* «сахарный иней», и, кажется, он был достижением уже сунского времени [181]. Но предание говорит, что один человек знал этот метод уже при Тан, и он вполне мог стать родоначальником сунского очистительного производства. В шестидесятых или семидесятых годах VIII в. некий монах, по имени Цзоу, поселился на Зонтичной горе, непосредственно к северу от города Сяоци («малый поток») в Центральной Сычуани. Он владел искусством приготовления «сахарного инея» и передал его крестьянину по имени Хуан; со временем там появилось много людей, занимавшихся очисткой сахара, получаемого с тростниковых полей около этой горы [182].

Кто это выходит из пустыни,
словно дымный столп,
Курящаяся миррой и благовоньем,
привозным воскурением?

Песнь песней Соломонова, 6, 3
(перевод И. М. Дьяконова)

ГЛАВА X

АРОМАТИЧЕСКИЕ ВЕЩЕСТВА

Курения и курильницы

Стоит еще раз подчеркнуть, что в средневековом мире Дальнего Востока не существовало четко определенных различий между лекарствами, пряностями, благовониями и курениями, т. е. различий между веществами, которые питают тело или питают дух, между тем, что служит для привлечения возлюбленного, и тем, что служит для привлечения божества. В этой главе мы рассмотрим такие вещества, наиболее важной особенностью которых был их запах, независимо от того, кому он предназначался в первую очередь — людям или богам. В танской империи жизнь мужчины или женщины из высшего слоя проходила в клубах воскурений и в облаках духов. Тело надушено, вода для ванны ароматизировалась, одежды были увешаны мешочками с благовониями. В доме приятно пахло, присутственные места благоухали, храмы были напоены ароматами тысяч душистых бальзамов и эссенций [1]. У этого утонченного мира были созданные воображением и еще более совершенные «двойники» — сказочные страны, райские земли, волшебный мир народных преданий и стихов, в особенности тех, что были навеяны даосизмом (но и буддийские легенды тоже щедро насыщены благоуханиями). Эти сказочные миры всегда представлялись наполненными чудесными запахами, которые, считалось, как бы питают душу и оказывают, следовательно, возвышающее и очищающее воздействие, способствуя одухотворению жизни и раскрытию лучших качеств.

Атмосфера священности, которой были окружены обряды конфуцианского культа, соответственно усиливалась благодаря обильному употреблению душистых смол, камедей и благовоний сложного состава. Средоточием этого культа был император, т. е., строго подходя, божественный правитель, связанный с духовными силами, нисходящими от Неба, и отвечающий за благоденствие всех земных созданий. Приведем один пример в качестве иллюстрации. В 755 г. некий военачальник, первоначально сто-

ронник Рокшана, видя, что трон неизбежно займет соперник Рокшана Ли Чжэн-цзи (корейский генерал на китайской службе), освободил посланцев Ли из тюрьмы, послал ему богатые дары, держал у себя «портрет Чжэн-цзи и совершал богослужения перед ним, возжигая курения, чем Чжэн-цзи был обрадован» [2]. Словом, этот военачальник воздавал удачливому корейцу божественные почести. Воскурения выражали присутствие царственного озарения, вдыхающего сверхъестественную мудрость в мир природы и человеческие деяния. Или же воскурения олицетворяли очищающее дыхание богов, влияющее на деяния, в которых император выступает в роли представителя высших сил. Так, в 847 г. новый император, Сюань-цзун [II], желая возродить в придворном этикете более строгие и благопристойные порядки, издал указ, в котором наряду с прочими реформами содержалось требование, чтобы император (т. е. он сам) рассматривал доклады и прошения своих подданных только после того, как омоет руки и воскурит благовония [3]. Важная символическая роль курений при священном дворе наиболее полно выразилась в установлении, согласно которому во время большого приема, когда в зале для аудиенций раскладывали старинные одеяния и церемониальные ковры, перед Сыном Неба должны были помещать «стол благовоний». Великие государственные советники затем вставали перед этим столом и, овеянные магическим благоуханием, приступали к вершению государственных дел [4]. Или, уже на более низком уровне, когда кандидаты на степень «возвысившийся муж» должны были экзаменоваться, главный экзаменатор и кандидаты одинаково должны были приветствовать друг друга у «стола благовоний» при экзаменационном зале [5]. Здесь также этот стол являл присутствие божественной и царственной благодати.

Властитель выражал свое благоволение любимым приближенным и находившимся в чести слугам, одаривая их благовонными подарками. Сохранилось несколько обращенных к престолу «изъявлений» знатных придворных, благодарящих своего господина за подаренные им душистые снадобья, притирания и необычные духи. Мы располагаем, например, таким «изъявлением», написанным Чжан Цзю-лином, в котором он благодарит императора Сюань-цзуна за пожалованные ему ароматические снадобья и мази для лица [6]. В тексте сходного документа от другого должностного лица с благодарностями за благовония, подаренные по случаю жертвоприношения Ста божествам (вскоре после зимнего солнцестояния), среди императорских даров перечислены «благовонные снадобья в двух серебряных шкатулках с золотыми цветами, одна коробочка с мазью для лица, два мешочка с благовониями для ароматизации одежд и один мешочек „стручков для омовения“» [7].

Курения играли также значительную роль при поклонении богам бесплотным, которых нельзя было лицезреть на вполне земном троне. Вот рассказ, поведанный, как сообщается, Рокшаном своему повелителю, когда его принимали при дворе в начале 743 г.:

«В прошлом году в Инчжоу насекомые поедали хлебные всходы. Ваш слуга возжег благовония и обратился к Небесам с такими словами: „Если побуждения сердца вашего слуги не были праведными или его служба своему высокому господину не была преданной, пусть будет так, чтобы насекомые съели его сердце. Но если он не отвернулся от богов Неба и преисподней, пусть будет сделано так, чтобы насекомые исчезли". При этом с севера появилась стая птиц и поела насекомых, уничтожив их полностью. Было испрошено, чтобы это сочли достойным внимания чиновников, ведущих записи событий. На это было изъявлено согласие» [8].

Независимо от того, была ли покорность Рокшана показной (как это представляется ретроспективно) или нет, все его слова следует считать выдумкой, но сам рассказ в целом может служить иллюстрацией того, что возжигание курений было привычной и неотъемлемой частью поклонения китайским богам, вознося слова просителя вместе с благоуханием к Небу.

Буддизм и пришедшая из Индии культура принесли с собой в храмы Китая множество новых запахов и вместе с ними — обилие представлений и обычаев, связанных с курениями и благовониями, укрепляя и развивая древнюю традицию. Правда, эти новые обыкновения и взгляды не оказали в Китае такого всеподчиняющего воздействия, какое они вызвали в Индокитае, где менее развитая местная культура могла впитать в себя значительно больше. Например, индианизированная знать «Красной страны» в Малайе (возможно, Рактамриттика в современной провинции Вэллеслей, известная по надписи V в.)[9] умащивала свои тела ароматическими маслами, а правители Даньданя напудривали свои особы благовонными порошками [10]. В танской империи дело до этого не дошло, но это было время апогея в развитии буддизма в Китае, и курения занимали большое место не только в ритуальных обрядах, но и в литературе и в мире представлений. Буддийские книги были пропитаны благовонными образами. И даже санскритское слово *гандха* «благовонный» часто означает просто «относящийся к Будде». Храм называли *гандхакути* «дом воскурений»; погребальный костер, на котором был сожжен Будда, стал «благоуханной башней»; «благоуханный царь» и «благоуханный слон» были эпитетами бодхисаттв, а Гандхама̄дана — «гора благовоний» — была населена *гандхарвами* — божества-

ми ароматов и музыки [11]. Все эти выражения и многие другие, подобные им, были переведены на китайский, обогатив не только танский лексикон, но и танскую мысль.

Приятные запахи проникли также и в светскую жизнь, в особенности в жизнь знатной части общества. Мы читаем о жившем в VIII в. расточительном принце, который обращался к своим гостям не иначе, как держа во рту алоэ и мускус, и «затем, когда он открывал свой рот и вступал в беседу, благоуханное дыхание разносилось над циновками» [12]. По всей вероятности, такой человек перед тем, как выйти к гостям, принимал ванну из горячей ароматизированной воды [13]. Мужчины так же старались превзойти друг друга своими духами, как в наши дни женщины своими пирогами и заливными: на одном из изысканных приемов в царствование Чжун-цзуна его придворные демонстрировали свои тончайшие благовония, и первое место досталось какому-то составу из перца-фагары [14].

Вершины утонченности достиг Хань Си-цзай, сибарит X в., который позволял запаху благовоний смешиваться с запахами своих садовых цветов — в каждом случае в зависимости от его представления об их взаимном соответствии: камфора сочеталась с османтусом, дерево алоэ — с ежевикой, «четыре исключительных» — с орхидеями, мускус — с магнолией, сандал — с михелией [15].

От такой утонченности уже недалеко до использования ароматов, чтобы вызывать любовь и увеличивать наслаждения от любовных утех. Применение благовоний для возбуждения страсти было хорошо знакомо танским куртизанкам. Очаровательная и широко известная чаньаньская распутница VIII в., носившая имя Благоухание Лотоса, надушивала себя с таким упоением, что, когда она выходила за порог, «пчелы и бабочки следовали за ней, совершенно плененные ее благоуханием» [16]. Существует еще рассказ об одной куртизанке, находившейся под покровительством верховного министра Юань Цзая (того самого, в конфискованном имуществе которого, как мы видели, содержалось так много драгоценного перца). Эта куртизанка была настоящей феей с нефритоподобным телом, ей не нужны были никакие искусственные средства, требовавшиеся другим ее сестрам по профессии, потому что дальновидная мать кормила ее благовониями, когда она была еще младенцем. В результате ее тело обладало естественным ароматом, как если бы она была и в самом деле бессмертной небожительницей. Увы! Этот эротический образ благоуханного тела с его даосскими полунамеками взят из «Дуянской смеси» Су Э, и его можно воспринимать лишь как идеал, к которому светские дамы могли стремиться, но никогда не сумели бы достичь [17].

Естественно, что ароматические средства, занимавшие важное место среди лекарств вообще, должны были иметь еще большее значение в качестве любовных снадобий. Когда Сюаньцзун, будучи уже немолодым, впервые сильно увлекся госпожой Ян, Рокшан преподнес ему сто возбуждающих пилюль. Они были красного цвета, не больше рисовых зерен каждая, и изготовлены были из «благовония цветка страсти». Императору надлежало положить одну из них в рот, когда он удалялся в свою спальню, чтобы «помочь его влечению перейти в возбуждение и чтобы сила его мускулов не ослабла» [18].

Китайцы, используя местные виды растений и животных, производили немалое количество духов и курений. Кассию, камфору, жидкий стиракс (или «розовую мальву») [19] получали из растущих в Китае деревьев, а из местных трав извлекали эссенции сладкого базилика [20] (ее производство было сосредоточено около Юнчжоу и Южной Хунани [21]) и цитронеллы [22], которая вместе с лепестками персика служила для ароматизации горячих ванн (хотя считалось, что цитронелла, доставлявшаяся из заморских стран, самого высшего качества) [23]. Среди китайских ароматических средств животного происхождения были цибетин, широко использовавшийся в медицине для успокоения духа и избавления от ночных кошмаров [24], и в особенности мускус — его получали от маленького мускусного оленя, распространенного всюду в Северном и Западном Китае. Но даже употребление мускуса было слегка окрашено в экзотические тона, поскольку подношения этого стойкого ароматического вещества поступали в VIII в. от предводителей «варваров» из Юньнани [25] и от маньчжурских си, которые обитали в Жаолэ [26]; и еще было известно, что даже такой отдаленный от Китая народ, как персы, во время поклонения Ахура Мазде намазывают мускусом бороды и брови [27].

Но несмотря на замечательные качества этих и других продуктов местного производства, нельзя не признать, что обилие чудесных благовоний, ввозившихся из далеких стран, было впечатляющим. В особенности это относится к душистым смолам и камедям: сандаловое дерево и дерево алоэ, борнеоская камфора и пачули, росный ладан и стиракс, ладан и мирра [28]. Хотя эти сокровища поступали в танскую империю со всего света, большинство из них прибывали на судах, следовавших Южно-Китайским морем, например груз «диковинных благовоний», посланный из Калинги в 815 г. [29]. Эти перевозки сделали Гуанчжоу одним из крупнейших в мире рынков ароматических веществ, второе после него место занимал Янчжоу. Ввозившиеся количества благовоний должны были быть потрясающими, если учесть расточительность знати в их использовании, простиравшуюся даже до возведения благоухающих построек [30]. Признан-

ное превосходство индокитайских ароматических веществ, по сравнению с которыми китайские были «нищенскими» [31], и явно неистощимые источники курений и благовоний в расплывчато очерченных Южных морях, где «базальмом и камедью плачут рощи» [32], породили представление о некоем благовонном дереве, дававшем все важнейшие ароматические вещества сразу. Его корни были сандалом, ветви — алоэ, цветы — гвоздикой, листья — пачулями, а его смола — ладаном. Одна из версий предания помещает это благовонное дерево на горе Цилянь, легендарной вершине в Центральной Азии, и называет его «деревом небожителей» [33], связывая его с даосским раем. Но фармаколог XI в. Су Сун, комментируя это поверье «людей древности», утверждает, что такое представление пришло в Китай от жителей страны Бнам, древнего докамбоджийского царства на берегу Сиамского залива [34]. Но тем самым Су Сун просто помещает это священное дерево в другой Эдем, на другой горе мироздания — цари Бнама считались в первую очередь царями этой горы.

Древние египтяне ублаготворяли бога солнца Ра во время заката на западе «особыми благовониями, называвшимися *kuphi*, состоявшими не менее чем из шестнадцати ингредиентов, среди которых были мед, вино, изюм, смола, мирра и сладкий аир» [35]. Сложные по составу благовония были широко распространены как на древнем Ближнем Востоке, так и в средневековом Китае. Простые, несмешанные ароматы, судя по всему, должны считаться пристрастием сравнительно поздним. Различие между восточными и западными ароматическими смесями определяется тем, какие составные части оказывались наиболее доступными: на Западе это был главным образом ладан с миррой, гальбаном и пахучей раковиной оникс, на Востоке — преимущественно дерево алоэ с ладаном, сандалом, гвоздикой, мускусом и тем же ониксом. Так утверждает один современный авторитет, хотя официальная танская фармакопея определяет алоэ, ладан, гвоздику, пачули, элеми и жидкую амбру как шесть главных веществ, которыми пользовались составители благовонных смесей [36]. До нас дошли данные об одном из танских благовоний сложного состава, приготовленном для воскурений в Хуадусы, буддийском храме на северо-западе Чанъани, рядом с несторианской церковью; в рецепте названы полтора *ляна* дерева алоэ, пять *лянов* сандалового дерева, один *лян* стиракса, один *лян* оникса, пол-*ляна* борнеоской камфоры и пол-*ляна* мускуса. Их хорошо размалывали, просеивали через кисею и смешивали с медом, чтобы получить тестообразную массу [37]. Подобные ароматические составы часто встречаются в поэзии под названием «благовония ста смешений» — названием, которое намного древнее самой династии Тан [38]. Так, у Ду Фу есть строчки:

Слилось дыханье цветов — как будто
курения «ста смешений»[39],

а Цюань Дэ-юй, поэт конца VIII — начала IX в., описывая прекрасную девушку в ее спальне, писал:

Занавеска из жемчуга, верные утки
по зеленому шелку оконному;
«Сто смешений», руками рабыни-служанки
раньше прочих курений зажженные[40].

Танские сложные курения-смеси высоко ценились и в Японии; в состав того, что вывозилось туда, обычно входили дерево алоэ, сахар и сливовая мякоть[41].

Но оказывается, что такого рода смеси и ввозились в танский Китай. В 724 г. Тохаристан прислал послов с подарком — двумястами гандхапхала экзотических снадобий[42]. Гандхапхала — «благоуханный плод» — название, прилагавшееся в Индии ко множеству разных деревьев с душистыми плодами, но в интересующих нас текстах, если мое чтение китайской транскрипции санскритского названия правильно, мы имеем дело с ароматическими «свечками» из смеси благовонных снадобий, которым придана форма плодов.

Попав некогда в пределы танского Китая, эти приятно пахнущие чужеземные вещества нашли себе различное применение в соответствии с их естественными качествами и нуждами тех, кому они принадлежали. Расточительная мода требовала, чтобы благовонное дерево попадало в руки плотника или столяра. Наиболее примечательный образчик такого рода изысканности — «галерея» из дерева алоэ, построенная Ян Го-чжуном, министром Сюань-цзуна; перила ее были из сандалового дерева, а штукатурка стен состояла из мускуса и ладана, смешанных с глиной. Утонченные гости министра имели обыкновение выходить на эту благоуханную веранду весною, чтобы осматривать хозяйские пионы в разгар их цветения[43].

Но лишь самое крупное состояние давало возможность располагать благовониями, необходимыми для такого мотовства. В целом даже знатные люди, занимающие значительное положение, употребляли эти привозные товары на традиционные нужды — в качестве курений и духов.

Было приятно, когда благовонный светильник горел в уединенной комнате или в спальне. И мы часто читаем о благовонных фитилях и свечах в стихах танских поэтов. Замечательный пример — благоуханные свечи императора И-цзуна, которые, будучи всего в два *цуня* длиной, могли гореть всю ночь напролет, распространяя вокруг восхитительный аромат[44]. Осо-

бым видом благовонных свечей были свечи с делениями, служившими для определения времени в течение ночи. Впервые это изобретение вполне могло быть сделано буддийскими монахами во время их бдений. Оно было хорошо известно еще до Тан, о чем свидетельствуют стихотворные строки Юй Цзянь-у, поэта VI в.:

По горящим куреньям
 узнаю я ночные часы,
По размеченной свечке
 проверяю я сроки для стражи [45].

В тесном родстве с подобными указывающими время свечами находились и «часы-курения», как мы теперь могли бы их назвать, упомянутые в начале только что приведенного стихотворения Юй Цзянь-у. Они представляли собой искусно выполненный узор из размельченных в порошок курений на плоской поверхности, на которой были вырезаны знаки, обозначающие отрезки времени. Время можно было определять, поскольку огонь двигался по узкой «дорожке» курений, тянувшейся от одного знака к другому. Такие часы обычно назывались «печати из благовоний», потому что старинные узоры, составленные из курений, напоминали рисунки, вырезавшиеся на личных печатях знати. Придворный поэт Ван Цзянь использовал такие часы как образ ночного бдения в одиночестве:

Без дела сижу;
 как знаки печатей — куренья;
Заполнило двор
 дыхание сосен и туи.
Огонь догорел,
 и вот уже стало светлее,
И надпись понять
 на стеле замшелой могу я [46]

(«часы» догорели, наступил рассвет, и поэт уже может прочесть надпись на каменной плите в своем саду). Ложе, на которое насыпали порошок и жгли, обычно бывало деревянное. Вот что сказано в источнике X в., описывающем несколько усложненную разновидность таких часов: «Если, пользуясь деревянной формой, в которой кусочки курений насыпаны на текст из знаков, как на печатях, вы быстро перевернете ее, то получится „курение извилистой реки“» [47]. Некоторые ложа таких часов могли быть, однако, и каменными; их образчики можно и сейчас увидеть в Сёсоине: одно из них — это круглая каменная плита, помещенная в искусно вырезанный из дерева лотос, лепестки которого позолочены и расписаны мифологическими изображениями [48]. Однако на этом образце из музея вырезаны не знаки китайских печатей, а знаки письма деванагари. И пред-

ставляется, что часто так оно и бывало. Отсюда следует, что «часы-курения» были в ходу в буддийской среде, а возможно, даже были индийским изобретением. Вот как о них говорится в одном из стихотворений Дуань Чэн-ши:

Переведены *га̄тхи*
  из страны под западным небом;
Догорели куренья —
  дым от них, как санскритские знаки [49].

Но в домах и при исполнении обычных обрядов курения возжигали в курильницах, иногда выполненных из драгоценных материалов. Подобная курильница из яшмы описана в стихотворении Ли Хэ «Струны духов», где рассказывается о шаманке, ударяющей по струнам своей лютни медиатором из дерева, которое называется «думаю о вас» (или «тоска в разлуке»), и призывающей бога овладеть ею:

Шаманка вино возливает — тучи
  столпились над головой.
В курильнице яшмовой уголь горит,
  куренья, тун-туна бой.
И духи морские, и демоны гор
  сбираются к ней чередой;
Бумажных денег шорох и шум
  и вихрей кружащихся вой.
Узор золотой на «тоске в разлуке» —
  луаней танцует пара.
Насуплены брови — каждому вздоху
  по струнам вторят удары.
Взывая к звездам, демонов манит
  от блюд и от кубков паром;
Увидишь, как горные духи едят,
  прохватит морозом и жаром.
К Чжуншань опускается солнечный лик,
  зубцы хребта осияв.
О, как же долго сей дух пребывал
  на грани небытия!
Но будь он радостен, будь он гневен,—
  нахмурится ворожея,
И тысячи всадников мчатся за духом
  за гор темно-синих края [50].

Курильницы более традиционного облика имели форму горы мироздания, склоны которой некогда «населяли» божественными созданиями. В частности, величественный образец такого старинного убранства держал перед своей постелью Ван Юань-бао (тот самый любитель роскоши, у которого был зал с балюстрадой из дерева алоэ); «две скульптурные фигуры мальчиков-карликов, поддерживающих курильницу „гора мироздания“, сделанную из „семи драгоценностей“: он жег в ней курения от наступления темноты и до самого рассвета» [51]. Однако это было

ничто по сравнению с «курильницей благовоний ста драгоценностей» в буддийском храме в Лояне. Дар державной принцессы, эта курильница была три *чи* высотой и имела четыре устья. Украшали ее жемчуга, сердолик, янтарь, кораллы и всякого рода драгоценные камни, а вырезаны на ней были изображения птиц и животных, богов и демонов, небожителей, небесных музыкантов и разного рода мифологических персонажей. Это потрясающее изделие, стоившее тридцать тысяч монет, опустошило запасы драгоценных материалов в казначействе [52].

Широко распространены были курильницы в форме птицы или животного, реально существующего или фантастического,— льва, единорога и т. п.; иногда благоуханный дым выходил из пасти. Особенно распространенными были курильницы-утки [53] и курильницы-слоны [54]. И, судя по стихотворению Ли Шан-иня, некоторые курильницы были снабжены слюдяными оконцами [55].

Курильницы-кадила с длинными ручками были у китайцев в употреблении еще с ханьской эпохи. Одна из разновидностей — с ручками, украшенными изображениями львов,— была известна также в средневековой Центральной Азии и в Гандхаре и в конечном счете восходит, вероятно, к древнему Египту [56]. Кадила вывозились из Китая в Японию; красивые экземпляры сохранились до настоящего времени в Сёсоине и в храме Тосёдзи в Нара. Обычно они изготавливались из меди в сплаве с другими металлами, например с сурьмой и золотом, но имеется и роскошный экземпляр из сандалового дерева с растительным орнаментом, выполненным золотом, серебром и драгоценными камнями [57].

Кадила-корзины представляли собой полые металлические шары со сложным ажурным растительным или зооморфным узором. Внутри шара находилась подвешенная на шарнирах железная чаша, содержавшая сжигаемое благовоние. Их использовали для придания аромата одеждам и постельному белью и даже для уничтожения насекомых.

Образцы таких курильниц, сделанных из серебра и бронзы, сохранились в Сёсоине [58]. О них можно прочесть и в лирических стихотворениях Ван Цзяня, посвященных придворной жизни, например в таких строчках: «На дне серебряной „кадящей корзины“ огонь кружится как снег» [59]. На это было не единственное приспособление, с помощью которого одежду пропитывали ароматами. Жена министра Юань Цзая придумала следующую процедуру:

«Она взяла сорок голубых и пурпурных шелковых шнуров, каждый в десять *чи* длиною, и развесила на них свои наряды из газа, из тафты и из камки, украшенные шитьем. Под каждым шнуром она выстроила в ряд по двадцать золотых и серебряных

курильниц, в каждой из них горели чужеземные благовония, и ее одежды пропитались их запахом» [60].

Обыкновение подвешивать на платье, особенно на пояс, сухие духи (саше) и всевозможные мешочки с благоуханиями восходит в Китае к древнейшим эпохам, точно так же как и обыкновение пропитывать благовониями экипажи знати. Эта традиция с успехом поддерживалась и в танское время, когда сладкий базилик являлся классической основой для составления духов для одежды [61]. В особенности обильно душились придворные дамы; источники того времени говорят, что благоухание придворного шествия можно было распознать с расстояния в несколько ли [62]. Вот надушенные танские дамы — такие, какими их увидел монах Хань-шань («холодная гора»):

Я, недостойный,
с гор ненадолго спустился,
В город вошел,
окруженный стенами и рвом.
Сразу навстречу
девушек пестрая стайка,
Стройных собою,
милых, прелестных лицом.
Головы так
в Шу украшают цветами,
Слоем густым
пудра лежит на румянах.
Из серебра
золоченых браслетов узоры,
Шелк на одеждах
красный, лиловый, багряный.
Алые лица,
свежие, как у бессмертных,
На поясах
благовония благоухают.
Встречные все
их провожают глазами,
Глупою страстью
мысли свои оскверняют.
Этот, воскликнув:
«Такая одна в целом свете!» —
Тенью бесплотной
за нею вослед поспешает.
Будто бы пес,
пересохшие кости грызущий,
Губы сухие
лижет в желанье напрасном.
Вовремя он
не сумел удержать свой рассудок,
Неотличим он
ничем от скотины безгласной,
Стала бы ныне
дева седою старухой,
Дряхлою, страшной,
уродливее привидений,—

Он бы причину
утратил для мыслей собачьих,
Но не попал бы
и в земли, где нет треволнений [63].

Быть сильно надушенным не считалось недостойным мужчины: стихотворение IX в. повествует о молодом воине, который собирается провести приятный вечер с чужеземной куртизанкой в столице; он оседлал белую лошадь, его рубашка украшена узором из фениксов, «благовония славные чуждых стран надушили его рукава» [64]. Даже император носил мешочки с благовониями, особенно во время праздника зимнего солнцестояния,— этого требовал обычай [65].

Знаменитым стал мешочек с благовониями, с которым была погребена Ян Гуй-фэй. После своего возвращения из Сычуани Сюань-цзун послал доверенного человека, чтобы тайно перенести ее тело из придорожной могилы около Мавэя. Посланный нашел там и этот мешочек с благовониями и доставил его государю, который при виде его зарыдал от горя [66].

Обычно подобные ароматические мешочки изготавливались из какого-нибудь ярко окрашенного или покрытого цветами материала, особенно из тонкой кисеи. Несколько таких маленьких мешочков из газа и полотна имеется в Сёсоине [67]. Наконец, существовали упоминаемые в поэзии благовонные шары, которыми танские девушки-танцовщицы искусно жонглировали [68].

Дерево алоэ

Агару — санскритское название этого излюбленного в танском Китае ароматического вещества. От него происходит и значительная группа английских синонимов названия «алоэ». От малайского *gahru*, еврейского *ahaloth*, португальского *aguila* и тому подобных слов, восходящих к *агару*, происходит английское *garroo* (употребляется в торговом жаргоне), *aloes*, *eagle-wood* [«орлиное дерево»] и даже *agalloch* [69]. Эти слова и производные от них обозначают все те материалы, которые получают от различных деревьев рода *Aquilaria*; родиной его является Юго-Восточная Азия [70]. Древесина алоэ, шедшая на изготовление курений,— это тяжелая, темная, переболевшая древесина, отличающаяся от более светлой и легкой вокруг нее. Она насыщена смолой и сильно пахнет. Иногда такие патологически благоуханные выросты очертаниями напоминают людей или животных, что сильно увеличивает их рыночную стоимость [71].

Китайцы называли лучшие виды этой драгоценной древесины «тонущее благовоние», потому что алоэ было тяжелее

воды. Один из танских авторов рассказывает, как жители Тяма получают его: «Они срубают деревья и складывают их в штабеля на долгие годы. Когда деревья сгнивают и распадаются настолько, что остаются лишь сердцевины и узлы, их кладут в воду, в которой они тонут, почему мы и называем его „тонущее в воде благовоние“» [72]. Но, добавляет другой автор, «если оно плавает, а сердцевина его имеет рисунок с черными прожилками,— это благовоние *tsiän. И „кость цыпленка“, и „конское копыто“ — это разные виды благовония *tsiän, и ни одно из них не имеет особых [целебных] свойств; они годятся только для окуривания одежды и изгнания запахов» [73]. Приведенные в отрывке названия служили для обозначения в торговле более дешевых разновидностей этого благовония.

На Западе считали, что алоэ происходит из Китая. Мы узнаем, например, об одном ибадитском торговце из Омана, который в VIII в. отправился в Китай и там его покупал [74]. Но, несмотря на данные о том, что Гуанчжоу постоянно посылал алоэ в Чанъань в качестве местной подати (наряду с серебром, орхидеями, личжи и желчью питона) [75], почти наверняка древесину алоэ получали из пограничных с Аннамом районов [76]. «Китай», который имели в виду мусульмане, был не первичным производителем, а большим рынком. Вероятно, большая часть алоэ, использовавшегося в Китае, была привозной, главным образом из Тямпы, правители которой присылали алоэ в Чанъань на протяжении VIII в., в том числе подношение тридцати *цзиней* «черного» лекарственного алоэ [77]. Похоже, что цивилизованные жители Тяма в поисках больных деревьев еще в большей степени, чем теперь, зависели от туземных горных племен.

В XIX в. *гелао* (*gahlao*), как жители Тяма называют алоэ, собирала с соблюдением всего церемониала единственная деревня тямов-мусульман в провинции Биньтхуан, в тесном сотрудничестве с «лесными людьми» (*orang glai*). И даже в это время алоэ играло очень важную роль в обрядах жителей и Тяма и Аннама [78].

Дерево алоэ занимало прочное место в китайской медицине, находя применение от всякого рода внутренних болей, для изгнания злых духов и для очищения души. Для этих целей его, считалось, следует отваривать в вине. Добавляли алоэ и в мази, которые накладывали на пораженные места [79]. Преобладание алоэ в танских благовонных курениях показывает, что благоуханный дым считался, как и в Индии [80], благотворным для язв и ран. Но мне не удалось установить, имеет ли под собой какие-то реальные основания сообщение Абу Зайда из Сирафа (начало X в.) о том, что китайских правителей погребали, покрыв смесью алоэ и камфоры [81].

Как бы то ни было, значение древесного алоэ в средневековых китайских курениях для всякого рода обрядовых и личных надобностей было огромным. Четверостишие Ли Хэ может служить иллюстрацией этого в миниатюре. Оно изображает юного вельможу, ожидающего рассвета в своей уединенной комнате:

Клубится-клубится
дым «тонущего в воде»,
Вороны кричат,
кончается ночь, посветлело,
В заливах болотца
фужуны по волнам плывут,
Охвачен мой стан
холодною яшмою белой [82].

Сообщается, что душистая вода, приготовленная с помощью алоэ, употреблялась некоторыми куртизанками для «окрашивания» одеяний [83], по-видимому для того, чтобы эти дамы в большей степени возбуждали чувства. Но еще более расточительным было использование драгоценного дерева для ароматизации зданий. Это благовонное вещество превращали в порошок и наносили на нужное место — на стены, как это было в особняке некоего Цзун Чу-кэ, чтобы ошеломить входящего, когда открывалась дверь [84]. Ни одна из этих благоуханных построек не сохранилась до наших дней, но в Сёсоине имеется длинная шестиугольная шкатулка-футляр для сутр, покрытая слоем порошка алоэ и украшенная гвоздиками и красными «семенами любви» от «дикого лакричника» [85],— достойное вместилище для благоуханных слов Будды.

Было естественным, что из алоэ изготовляли небольшие и драгоценные предметы. Примером может служить хранящаяся в Сёсоине кисть для письма, сделанная частично из алоэ, частично из пятнистого бамбука и обмотанная полосками бересты [86]. Кажется невероятным, что могли существовать куски этого дерева настолько большие, чтобы из них можно было изготовить балки здания; и все же именно об этом сообщает достоверный источник IX в. Один персидский купец-мореплаватель [87] подарил только что воцарившемуся императору Цзин-цзуну, юноше с расточительными вкусами, столько древесины алоэ, что ее хватило на то, чтобы сделать павильон — нечто вроде беседки; за это юного государя строго укорял один из его наставников [88]. У дорогостоящего павильона Цзин-цзуна есть прообраз — беседка, построенная столетием раньше для Сюань-цзуна, перед которой была посажена императорская коллекция кустов пионов — красных, пурпурных, розовых и белых. Но утверждали, что «галерея» из дерева алоэ Ян Гочжуна была самой изумительно красивой из всех [89]. Здоровое

дерево *Aquilaria* издает благоухание только свежесрубленным; куски его, лишь частично пропитанные смолой, могли быть использованы в качестве ароматического вещества, хотя это и не было настоящее «тонущее в воде» благовоние [90]. Возможно, именно доски из более здоровой, но менее душистой древесины шли на отделку таких развлекательных построек.

Лаковое дерево

Другое древесное ароматическое вещество, бывшее в употреблении в танском Китае,— *kayu laka*, или лаковое дерево, душистая сердцевина лианы розового дерева (палисандра), ввозившаяся из Индонезии [91]. «Его запах похож на аромат дерева *сапан*, — писал фармаколог Ли Сюань, — но оно не очень благовонно, если его сразу возжигают. А если взять различные ароматические вещества и смешать их с ним, оно дает чрезвычайно тонкий аромат [92]. При Тан его называли «благовоние пурпурной лианы» (но и глициния тоже называлась «пурпурная лиана»!), и сверх того это было «благовоние, призывающее Истинных (т. е. Святых)». Истинные — это бессмертные небожители даосского учения, питающиеся росой и воздухом, и такое название указывает на особенное значение этого благовония в даосских храмах [93]. В стихотворении даосского содержания Цао Тан ставит рядом напиток долголетия и это призывающее богов благовоние:

Алеет роса — мои мысли склонились
к вину «продолжение жизни»;
Белеет дымок — замышляю зажечь
куренья «нисшедший святой» [94].

Магическое или лечебное употребление лакового дерева трудно отличить от культового: это благовоние возжигали, чтобы избавиться от всего «сверхъестественного и необычайного в доме и жилище», а кусочки его привешивали маленьким детям, чтобы оберечь их от злых чар [95].

Элеми

В средневековом Китае знали не одну разновидность эфирных масел, даваемых тропическими деревьями из рода *Canarium*. Их называют «элеми» или «камеди». Камедь «китайской оливы» [96], родина которой Гуандун, использовалась в танское время как полировочный лак. За свой состав она получила название «сахар канари» [97]. Однако китайцы располагали другим видом элеми, входившим в число продуктов, поставляемых городом Гуанчжоу с подчиненной ему округи [98]. Его называли «благовоние сахар-*trâm*» (*trâm* — аннамское обозначение для

канари, т. е. дерева *Canarium*). И это была камедь канари-копалиферы [99], которая во времена Тан произрастала в некоторых районах Линнани, преимущественно близ аннамской границы. Но центром производства этой камеди был Тонкин. Само вещество — беловатое, зернистое, с запахом лимона и скипидара [100], но благовоние обычно черного цвета благодаря примеси угля [101]. «Оно напоминает мандариновое дерево с плодами, имеющими горьковатую кожуру, — писал Су Гун, — а его ветви вываривают, чтобы изготовить благовоние, напоминающее зернистый сахар, но только оно черное. Оно происходит из Гуана и Цзяо и из мест, лежащих к югу от них» [102]. Оно должно было употребляться в Чанъани, как и в Тонкине, для возжигания на жертвенниках богов.

Камфора

Китайская (или «японская») камфора [103] — это декстрокамфора, кристаллическое вещество, получаемое из древесины крупного дерева, растущего в Китае, Японии и Тонкине. Борнеоская (или «суматранская») камфора [104] — это левоборнеоль, сходный продукт, извлекаемый из высокого индонезийского или малайского дерева [105]. Именно эта разновидность камфоры пользовалась наибольшим спросом в Китае, и это была камфора, торговля которой с Европой велась начиная со средних веков и вплоть до новейшего времени [106].

Два названия борнеоской камфоры были в ходу в средневековом Китае. Одно из них передается как *kapur Baros* «камфора Бароса» и происходит из малайского торгового жаргона; иногда ее называли просто «баросская мазь» [107]. Барос был поселением на западном берегу Суматры и некогда являлся главным пунктом экспорта камфоры [108]. Другое название — благовоние «мозг дракона». Диковинное и драгоценное вещество, доставлявшееся из заморских стран, легко связывалось в воображении с драконами, властвовавшими над морями. Таким же образом и серая амбра получила название «слюна дракона». В танское время делались попытки (не слишком успешные, правда) определить различие между «баросской мазью» и «мозгом дракона». Некоторые говорили, что одно из этих веществ дают толстые деревья, другое — тонкие, хотя оставалось неустановленным, какое именно вещество из какого дерева получают [109]. Говорили также, что «барос» — это чистый сок дерева, тогда как «мозг дракона» — это продукт его сушки [110]. Действительно, слово «мазь», обычно прилагавшееся к камфоре «барос», позволяет предположить, что она поступала на рынок как более или менее липкий продукт, чем отличалась от кристаллического «мозга дракона». К этому можно добавить, что

государство Шривиджайа производило «масло из мозга дракона» [111].

Происхождение борнеоской камфоры жители Тан представляли смутно. Поступала ли она из Бароса или с острова Бали? Эти названия были почти идентичны в китайской передаче [112]. К тому же говорили, что ее производят персы; как это часто случалось, такое мнение возникло как следствие уверенности, что товары, доставляемые в Китай персидскими торговцами, и производят сами персы [113]. Праведный монах Сюань-цзан сообщал, что камфору производят в одном месте на Малабарском побережье, называемом Малакута [114]: «... формой подобная „матери облаков“ [слюде], цветом она была как лед или снег» [115]. Вероятно, камфорное дерево завезли туда и успешно разводили. Сообщалось, что в Восточной Калинге мертвым всовывали в рот золото, а сжигали их на костре, в который добавляли камфору [116].

Что же касается привоза камфоры, известно, что царь Дагона, находившегося в зависимости от Дваравати, присылал в VII в. в дар «баросскую мазь» [117]; большая страна Удйана, богатая золотом, железом и шафраном, присылала в том же столетии «мозг дракона» и получила в ответ благодарственное послание императора [118]; даже арабы, хотя и были далеки от источника поступления камфоры, прислали ее, но столетием позже [119]. В целом же камфора несла с собой теплые запахи юга.

Позже, в средние века, камфора, предназначенная на вывоз, запаковывалась в разрезанный по сочленениям бамбук, из-за чего путешественник Ибн Баттута полагал, что камфора и растет таким образом [120]. Весьма вероятно, что и с камфорой, поступавшей в танский Китай для продажи, поступали точно так же. Попав в Китай, камфора хранилась вперемежку с клейким рисом, углем и красными «любовными семенами» [121].

Запах камфоры в танском Китае восторженно почитали, и она была одной из составных частей многих благовоний и курений. Самое знаменитое камфорное благовоние — «благовестный мозг дракона» (так его называли во дворце) был прислан из Тонкина в качестве «дани» Сюань-цзуну. Этой особенно душистой камфоре был придан облик цикад и шелковичных червей, чтобы носить в одеждах в качестве амулета; десять таких фигурок император отдал своей фаворитке — госпоже Ян. Здесь мы можем продолжить рассказ об игре в *го*, которую сопровождал музыкой своей лютни Хэ Хуай-чжи и которая была прервана собачкой-любимицей (начало рассказа было приведено в гл. III).

«В это время ветер набросил шарф Драгоценной Супруги на головную повязку Хэ Хуай-чжи. Затем, немного погодя, когда Хэ Хуай-чжи повернулся, шарф упал. Вернувшись домой,

Хэ Хуай-чжи обнаружил, что все его тело исполнено необычайным благоуханным запахом. Поэтому он снял свой головной убор и положил его в парчовый мешочек. После того как его величество возвратился [из изгнания] к „дворцовым столпам", он беспрестанно вспоминал Драгоценную Супругу. Поэтому Хэ Хуай-чжи преподнес ему головной убор, что хранился у него, и изложил обстоятельно все, что произошло в тот день. Его сиятельное величество открыл мешочек и сказал, рыдая: „Это запах благовестного мозга дракона"» [122].

Другая история показывает, каким наслаждением был запах камфоры, пропитавший одежды. Император Цзин-цзун в ранней молодости затеял забавную игру, пуская в своих наложниц бумажные стрелы, содержавшие камфору и мускус в порошке — эта смесь придавала сильное благоухание тем счастливым дамам, в которых он попадал [123].

Согласно официальной фармакопее, камфора излечивала от нечистых испарений в сердце и в животе и в особенности предписывалась при глазных недугах, в том числе и при катаракте [124]. Ее следовало, согласно алхимику VIII в. Чжан Гао, смешивать с мускусом (видимо, это было вообще частое сочетание), чтобы излечиться от «ветров», которые проникли в костный мозг [125]. Вслед за самой камфорой в танский Китай последовали и индийские рецепты ее применения в медицине. Китайская версия буддийской сутры, прославляющей бодхисаттву Авалокитешвару, советует лицу, которое было укушено ядовитым насекомым, смешать в равных количествах борнеоскую камфору и бделлий в чистой воде и «пропеть *дхарани* десять раз перед изображением Авалокитешвары. Как только пропоет, сразу исцелится» [126]. Это полезное лекарство имело также и более дельное применение. Ван Янь-бинь, племянник военачальника, основавшего позднее «империю» Минь в Фуцзяни, был в начале X в. главой магистрата в Зейтуне. Он приумножил процветание города и этой области, поощряя торговлю с купеческими судами, прибывавшими из Южных морей, и должен считаться одним из основоположников славы Зейтуна и его последующего незаурядного положения. Однако он был эстет и гуляка, и у него существовало привычное средство против последствий злоупотребления спиртным: в конце застолицы он выливал на себя несколько сосудов жидкой камфоры и затем спал до полудня [127].

Камфора употреблялась даже в пищу. В 825 г. (опять при юном Цзин-цзуне) для императорского стола было приготовлено редкостное блюдо — «рис чистого ветра». Это была тщательно перемешанная смесь прозрачного риса, «порошка „глаз дракона"», «кусочков „мозга дракона"» и коровьего молока. Эту смесь положили в металлические сосуды, которые были опущены в «ледяной пруд». Затем, сильно охлажденную, ее доставали из

ледника для услаждения императора в самые жаркие дни[128]. Здесь должно было учитываться наряду с прочим и магическое значение, которым определялся выбор этого благовонного ингредиента: кристаллики камфоры выглядят как «лед и снег» и поэтому обладают холодящим действием.

Камфора в виде насекомых, присланная из Аннама, уже была упомянута. Обыкновение изготавливать такие фигурки было известно также и в Китае, при династии Тан или вскоре после нее. В X в. Тао Гу, автор «Цин и лу», писал, что, хотя он хорошо знаком с буддийскими изображениями, сделанными из камфоры, он никогда не видел среди них окрашенных; тем не менее, добавляет он, такая редкостная вещь существует в храме в Кайфэне: это фигурка мальчика, вырезанная с большим искусством и раскрашенная в естественные цвета[129].

Стиракс

Классический стиракс[130], издавна привозившийся в Китай из Рима и Парфии, был темно-пурпурного цвета, и некоторые утверждали, что это львиные экскременты — снадобье, вызывающее ужас[131]. Эта душистая смола была, видимо, широко распространена и хорошо известна в Китае и в дотанские времена. И именно это вещество имел в виду поэт Чэнь Бяо, приверженец старины, когда писал о древнем правителе, осматривающем свой город:

В дворцах и палатах правителя Цинь
  весенняя дымка плывет,
Жемчужного дерева ветви из яшмы
  в лазурный вздымаются свод.
Как благоухающий дух государя
  восходят куренья *сухэ*;
От полога свет, словно волны, струится,
  по нитям хрустальным течет.
Вослед рукавам ароматным шелка
  взлетят — и потом опадут;
Кружит над пирующими *цзяосяо*,
  взмахнет — и опять поворот...
А ныне отсюда взгляни на Сяньян,
  лишь голову поверни:
Вечерние тучи тоскливого цвета
  висят уже тысячный год[132].

Место, которое отводилось этой смоле западного происхождения в Китае, можно сопоставить с тем местом, которое занимала мирра; однако в отличие от стиракса мирра упоминается намного реже других экзотических смол. Если же обратиться к танской эпохе, то вещество, бывшее в ходу под названием «стиракс», на деле являлось малайским бальзамом, использовавшимся для изготовления благовоний[133]. Вычурное название, придуманное для него в X в., — «божий жир»[134]. Как это было

и с другими благовониями, его кусочки носили при себе, часто — подвешивая к поясу. У Ли Дуаня есть такие строчки:

Сухэ в поясах
у отроков благоухала;
Из пальмы *пукуй*
певицы несли опахала [135].

Бделлий и бензойная смола

Под именем «благовоние Аньси» [136] (т. е. «парфянское благовоние») в Китае знали несколько веществ. В дотанское время это название относилось к бделлию [137] — широко употреблявшейся примеси к ладану. С IX в. это же название было перенесено на бензоин, или бензойную смолу — ароматическую камедь из Индокитая и Индонезии [138]. Эта перемена, так же как и изменение значения для стиракса, указывает на увеличившееся значение индийских товаров в экономике средневекового Китая, происшедшее за счет сирийских и иранских товаров. В результате китайские источники танского времени полны неясностей, потому что под одинаковым названием могли выступать разные благовония — западного или южного происхождения, которые, видимо, должны были иметь и одинаковое назначение.

В IV в. монах-чудотворец Фоту Дэн употреблял «благовоние Аньси» (т. е. бделлий) в своих церемониях вызывания дождя [139]; это первое упоминание о нем в Китае. В V и VI вв. благовоние поступало из буддийских стран Центральной Азии и ассоциировалось преимущественно с Гандхарой [140]. Гандхара была местом, откуда в Китай шло как буддийское учение, так и экзотические благовония, хотя ароматические средства она поставляла только как посредник в выгодной торговле, не выдавая их за товары своего производства. Тем не менее само название «Гандхара» истолковывалось как «страна благовоний». Поэтому душистая смола, поступавшая из этой страны, некогда составлявшей часть парфянских владений, без труда получила название династии, правившей там [141].

Затем, в середине правления династии Тан, суматранская бензойная смола, известная еще арабам как *лубан Йави* «яванский ладан», стала поступать в Китай и, заменив собой бделлий, стала фигурировать под его китайским названием. Именно поэтому Ли Сюнь мог позволить себе написать, что «благовоние Аньси» производят в странах Южных морей и в Персии [142]. Спутать их было легко: оба вещества должны были сбываться и сбывались в качестве ладана, и оба доставлялись через Южно-Китайское море торговыми судами, в числе которых были и персидские.

Отличительные особенности бделлия были перенесены на бензойную смолу. Когда Дуань Чэн-ши сообщал, что персид-

ское дерево, дающее «благовоние Аньси», называется также «дерево, изгоняющее злых духов»[143], он имел в виду бделлий, т. е. подлинное «парфянское благовоние». Танские авторы, писавшие о снадобьях, утверждали, что «аньсийское благовоние» поражает злых демонов внутри тела[144] и что, если детородные органы женщины, одержимой демоном, окурить этим благовонием, злой дух покинет ее навсегда[145]. Хотя эти авторы ссылаются на традиционные свойства бделлия как оберега, снадобье, которое назначали, было на деле (по крайней мере в некоторых случаях) индонезийской бензойной смолой.

Ладан

Ладан — это гуммисмола, которую дают одно южноаравийское дерево[146] и родственное ему дерево из Сомали[147]. Эта смола была известна китайцам под двумя названиями. Одно из них восходит к III в. до н. э. и представляет собой передачу санскритского *кундурука* «ладан»[148]. Другое название — описательное выражение *жу сян* «благовоние соска», относившееся к кусочкам ладана, формой напоминавшим сосок, вроде тех, что описывал Плиний: «Однако благовоние, которое ценится выше других,— это такое, которое имеет форму соска или груди. Он получается, когда одна капля вдруг останавливается, а другая, следующая непосредственно за ней, прилипает и соединяется с нею в одно целое»[149]. Кабалистическое название «стекающий жир священного цветка»[150] было в употреблении, вероятно, только среди алхимиков.

У жителей Тан ладан, видимо, не ассоциировался конкретно ни с Хадрамаутом, одной из его родин, где его охраняли крылатые змеи[151], ни с другой его родиной — страной Сомали, Пунтом, куда царица Хатшепсут и другие правители Египта посылали свои экспедиции. Су Гун сообщает о белой разновидности ладана из Индии и о слабо пахнущем сорте с зеленой сердцевиной из Монголии[152]. Ли Сюнь связывал его происхождение с Персией, как это он делал и в отношении многих других товаров[153]. В каких-то случаях мы имеем дело с кусочками подлинного ладана, широко расходившегося по рынкам Азии, в остальных же — вне всяких сомнений, с благоуханными «подделками» под ладан.

Ладан вместе со *стакти*, душистой раковиной оникс и гальбаном был одним из компонентов священного курения древнееврейских обрядов. Нашлось для него подобающее место и в христианском ритуале[154]. В танском Китае он также использовался главным образом как курение, однако в гораздо меньших масштабах. Кроме всего прочего ладан был очень дорог. Фэн Жофан, хайнаньский пират, живший на широкую ногу в окружении

своих персидских рабов, жег только ладан для освещения своих пиров. И это отмечалось как бросающееся в глаза дорогостоящее расточительство[155]. Сходным образом, но уже в знак великого презрения к земным богатствам некий Цао Му-гуан сжег в чаше десять *цзиней* этого драгоценного курения со словами: «Богатство добыть легко, но Будду обрести трудно»[156].

«Благовоние соска» занимало определенное место в медицине; его предписывали при наружных язвах и при жалобах на кишечник[157]. Даосские лекари рекомендовали его как продлевающую жизнь замену зерна[158]. Довольно неожиданное применение было изобретено Чжань Янь-юанем, автором истории живописи: он смешивал ладан в порошке с пастой для приклеивания живописных произведений к свиткам, утверждая, что это обеспечивает прочность соединения и предохраняет от книжных червей[159].

Мирра[160]

Мирра, как и ладан,— это африканская или аравийская гуммисмола, считавшаяся священной на древнем Ближнем Востоке. Она упоминается, в частности, как одно из веществ, требовавшихся древним египтянам для бальзамирования[161] — традиция, продолженная Никодимом для того, чтобы сохранить тело Иисуса. Это темно-красное благовоние было малоизвестно в танском Китае, и то преимущественно среди аптекарей, которые давали его в вине при ранах, нанесенных металлическими лезвиями и полученных при падении с лошади, очевидно как болеутоляющее[162], а также при выкидышах и послеродовых болях[163]. В танском Китае мирра была известна только под именем, приблизительно соответствующим ее семитическому названию *murr*[164], хотя в X в. в каталоге, дающем снадобьям причудливые названия, она фигурирует как «кровь с языка дракона-*мань*»[165]. Мне не встречались сообщения об использовании мирры в Китае как курения или благовония, и, если бы не ее известность в этом качестве у нас, мирру следовало бы поместить в следующую главу, среди лекарств.

Гвоздика

Гвоздику можно было бы рассматривать и в главе «Пища», и в главе «Лекарства», потому что эта пряность находила в Китае, как и на Западе, широкое применение. Однако ее ароматические качества как будто бы перевешивали другие ее свойства, и, поскольку люди танской эпохи часто примешивали ее к курениям и другим благовониям, она оказалась включенной в эту главу[166].

Древнее название гвоздики в Китае — «благовоние языка цыпленка» — напоминает о форме высушенных нераспустившихся бутонов цветка. Более позднее название — «благовоние-гвоздь» — также описывает форму, равно как и английское *clove* через старофранцузское *clou* восходит к латинскому *clavis* «гвоздь»[167]. Название «гвоздичное благовоние» первоначально прилагалось к некоторым видам местной китайской сирени из-за формы их маленького цветка. И в танской поэзии это выражение, кажется, всегда обозначает не привозную пряность, а «благоухание сирени». В противоположность этому выражение «благовоние цыпленка», означавшее гвоздику в том же значении, что и у нас,— это сокращенная форма более старого китайского названия, появившегося в стихах таких позднетанских поэтов, как Ли Шан-инь и Хуан Тао, проявлявших интерес к чувствам человека вообще и к обонянию и запахам в частности.

Гвоздику ввозили из Индонезии. Ли Сюнь называет «Восточное море», очевидно указывая на первоначальную родину гвоздики — Молуккские острова[168]. С другой стороны, Су Гун уверял, что гвоздику производят также и в Аннаме, из чего можно заключить, что это полезное дерево было туда завезено[169].

Существовало древнее и продолжавшее поддерживаться обыкновение, восходящее к ханьской эпохе,— освежать с помощью гвоздики дыхание[170]. Высшим должностным лицам танской империи предписывалось держать во рту гвоздику, когда они обращались с докладом к Сыну Неба[171]. Гвоздика использовалась также и в курениях и благовониях сложного состава, а один из авторов сообщает об ароматической эссенции, «сваренной» на гвоздичных цветах, взятых с мужского дерева[172].

Хотя гвоздика, очевидно, не применялась в танской кулинарии в таких же масштабах, как теперь ее употребляют на Западе, есть сообщение о нарезанном тонкими ломтиками мясе, «вымоченном в гвоздичном благовонии», т. е. замаринованном в жидкости, ароматизированной гвоздикой[173]. Находила применение эта пряность и среди пьяниц: считалось, что жевание гвоздики увеличивает количество вина, которое человек может выпить, и удерживает от беспрерывного пьянства[174].

Гвоздику употребляли в различных медицинских целях, в том числе «для уничтожения насекомых, для изгнания нечисти, для избавления от порчи», не говоря уже о лечении почечуя[175]. Вместе с экстрактом имбиря гвоздика также служила для возвращения черного цвета местами побелевшей бороде[176]. Но превыше всего славилась гвоздика в древнем, как и в современном, мире в качестве могущественного средства от зубной боли. Эвгенол, действенная составная часть гвоздичного масла, содержится в «гвоздичной коре», которую Ли Сюнь предписывает как средство против зубной боли[177].

Путчук (мочекрас)

Путчук, или костусный корень, дает летучее масло с неповторимым запахом фиалки и имеет большое значение в парфюмерии [178]. По-китайски его называли «древесное благовоние» [179]. В Китае отмечали его сильный аромат и использовали уже с начала нашей эры. Его считали главным образом произведением Кашмира, но в танское время он был известен как продукт Кабудана и Цейлона [180]. Он не встречался в перечне «дани» из Кашмира, но, возможно, его название скрывается за собирательным обозначением «западные снадобья», которые получали из этой страны в начале VIII в. [181]. Официальный трактат по медицине, однако, утверждает, что тот вид путчука, что поступает морским путем через индианизированные страны Юго-Восточной Азии,— самого лучшего качества, тогда как тот, что поступает по суше с Запада,— плохой [182]. Костусный корень, очевидно, играл какую-то роль в изготовлении курительных и благовонных смесей [183], а также использовался в медицине, в особенности при болях в области сердца: «Если женщина ощущает сильные боли при сердцебиении или дыхании и боль нельзя пересилить, дай ей дозу этого, растворив порошок в вине» [184].

Пачули

Малайская мята [185] дает душистое темное масло, которое в античном мире называли μαλάβαθρον или φύλλον Ινδικόν «индийский лист» [186]. Его санскритское название — *тамалапаттра*, а нам оно известно под именем, происходящим от тамильского *paccilai* «зеленый лист». В Китае пачули из-за их внешнего вида назывались «благовоние листа фасоли» [187].

В танское время пачули производились в Тенассериме [188], но к IX в. их уже выращивали в районе Гуанчжоу [189], где их можно встретить и сегодня [190]. В Китае пачули были известны примерно с III в. до н. э., источник их был тот же (т. е. Малайя), и употреблялись они для ароматизации одежды [191]. В Индии пачули были встречены восторженно, и там их использовали как благовоние для женских волос [192]. Интересно, что пачули во время Второй империи и средневикторианского периода настолько прочно ассоциировались с индийскими шалями, что европейцы считали, будто такой приятный запах издают сами шали, и даже использовали его как показатель подлинности шалей [193]. Это благовоние под его санскритским названием часто упоминается в китайских переводах буддийских сочинений (например, в тантрической «Шурангама-сутре», переведенной в 705 г.) как одна из составных частей очистительных омовений, и в особенности священной воды для омовения образа Будды [194]. Танские монахи, вероятно, следовали этим правилам.

Жасминовое масло

В танском Китае были известны два вида чужеземного жасмина: один — под его персидским именем *йасаман*[195], другой — под индийским названием *маллика*[196]. Оба вида жасмина прижились в округе Гуанчжоу[197]. Его душистые цветы были связаны в представлении китайцев с Персией, Аравией и Римом. Они олицетворяли любовь и красоту, особенно очаровательных феподобных женщин[198].

В середине VIII в. в Китае знали, что в мусульманских странах из цветов жасмина давят приятное и душистое масло[199]. Это было действительно знаменитое персидское масло жасмина, некогда производившееся в Дарабджирде, Сабуре и Ширазе[200]. И хотя в сунское время это масло доставляли в гуанчжоуский порт[201], мы не можем с уверенностью сказать, что это почти легендарное благовоние попадало и в танский Китай.

Розовая вода

Говорили, что у Нерона были фонтаны розовой воды, а Элагабал, как сообщали, купался в вине из роз. Но сведений о розовой воде в Китае не было отмечено ранее 958 г., когда царь Тямпы Шри Индраварман послал ко двору Поздней Чжоу некоего Абу Хасана, доставившего «даннические» подношения, среди которых наряду с такими чудесами, как восемьдесят четыре стеклянные бутыли с жидким «греческим огнем», находилось и пятнадцать флаконов с розовой водой. Посланец утверждал, что это благовоние происходит из Западного края и предназначается для того, чтобы опрыскивать им одежды[202]. Это посольство в наши дни снискало определенную известность. Но, кажется, пока остается незамеченным, что имеются еще более ранние сообщения о розовой воде в Китае. За двадцать или тридцать лет до упомянутого посольства из Тяма у позднетанских владетелей был сказочно дорогой искусственный сад, расположенный в одном из больших дворцовых залов. Горы и холмы в этом саду были сделаны из древесины алоэ, реки и озера — из розовой воды и стиракса, деревья — из гвоздики и какого-то другого благовония, которое не удалось определить[203], стены и укрепления — из ладана, здания — из палисандра и красного сандала и резные человеческие фигурки — из сандалового дерева. Все это в целом составляло миниатюрный город, вывеска над главными воротами которого гласила: «Страна Волшебных Ароматов». По слухам, этот благоуханный ландшафт был добычей, захваченной в государстве Шу в Сычуани[204].

Но можно найти упоминания о розовой воде в Китае и для IX в. Когда Лю Цзун-юань получил стихотворение, посланное Хань Юем, его почтение было настолько велико, что он не стал читать его, не омыв прежде руки в «розовой росе»[205]. И в наши дни «розовую росу» еще изготовляют в Китае для прохладительного напитка[206]. Оказывается таким образом, что существовало местное, китайское искусство приготовления розовой воды, возникшее еще до первого появления на Дальнем Востоке знаменитого *гулаба* из Фарса, хотя, конечно, не исключено, что способ приготовления розовой воды мог быть занесен в Китай и раньше, задолго до прибытия этого посольства из Тяма. Во всяком случае, ни розовая вода, ни «розовая роса» не были знаменитым розовым маслом — эфирным маслом, которое, как считается, было впервые изготовлено в Индии много столетий спустя[207].

Серая амбра

Серая амбра — это патологическое образование в кишечнике кашалота[208]. Это серое легкое вещество, особая ценность которого для парфюмеров заключается в том, что оно сообщает цветочным запахам стойкость[209]. Мы называем его «серая амбра», однако первоначальпо оно именовалось просто «амбра», из арабского *анбар*. Это название достигло Китая к IX в. и встречается в замечательном труде Дуань Чэн-ши[210].

Арабы были главными торговцами серой амброй в средние века. Ибн Хордадбех сообщает, что арабские купцы дают железо туземцам Никобарских островов в обмен на эти драгоценные сгустки[211]. С другой стороны, Дуань Чэн-ши называет Сомали главным источником серой амбры:

«Страна Бербера находится в море на юго-западе. Они не знакомы с пятью злаками и питаются только мясом. Там существует обычай брать кровь из вены домашнего скота, смешивать ее с молоком и пить в сыром виде. У них нет ни одежды, ни платья, и носят они только куски овечьей кожи ниже пояса. Их женщины безукоризненно белые, прямые и стройные...»

Он продолжает далее, что главным предметом торговли у этого необыкновенного народа служат «благовоние амбра» и слоновая кость, которые они продают персидским купцам[212].

Подлинного источника происхождения серой амбры в средние века не представляли. Некоторые персидские и арабские авторы «видели в ней выбросы подводных источников; другие — росу, которая, выделяясь из скал, стекает в море и там затвердевает; еще другие держались мнения, что это экскременты какого-то животного»[213]. Этот вопрос в Китае, кажется, не возникал вплоть до конца танского периода. В X или XI в.[214] серая амбра стала называться «слюна дракона»[215] — выражение, уже

употреблявшееся в танской поэзии, но лишь для обозначения пены на водах, населенных драконами [216]. Употребление выражения «слюна дракона» в новом значении, возможно, совпадает с началом импорта самого вещества в Китай, поскольку до этого (примерно до начала сунского периода) сюда доходили главным образом рассказы о нем [217]. Киты были сродни драконам, потому что и те и другие считались великими духами моря, родственными в равной степени и индийскому *макара*, в голове которого находился драгоценный камень [218]. Возможно, серую амбру приняли за слюну дракона, перепутав ее со спермацетом, получаемым из головы кашалота [219]. Как бы то ни было, серая амбра присоединилась к семейству редких и чудодейственных товаров — таких, как камфора («мозг дракона»), благовоние «чешуя дракона» (разновидность алоэ), «глаза дракона» (мелкие плоды, похожие на личжи), трава «борода дракона» и другие части тела дракона,— которыми обогатился китайский мир [220]. Но для жителей танского Китая серая амбра, как и масло жасмина, оставалась лишь экзотической молвой.

Оникс

Оникс — благовоние, получаемое из оболочки брюхоногого моллюска, встречающегося на побережье Китая к югу от Янцзы. Его посылали в Чанъань в качестве «дани» прибрежные города, в том числе и город Лучжоу в Аннаме [221]. Поэтому мы можем относиться к нему как к «полуэкзотическому» благовонию. Раковина содержит также сочное мясо, которое жители юга употребляли в пищу [222]. По-китайски оникс называли (по форме раковины) «благовоние-пластина» [223]. Смешанный с алоэ, мускусом и тому подобными веществами, оникс, как и в курении Моисея, составлял один из компонентов широко распространенного курительного благовония [224]. Оно называлось «отвар пластины» [225] и было тем самым курением, которое, по преданию, сжигалось как обыкновенные дрова во дворце при дворе суйского Ян-ди, прославившегося своим расточительством [226]. Косметическая губная помада для дам также приготовлялась из оникса, смешанного с воском и пеплом душистых цветов и плодов [227].

...Назвал мне тысячу целебных трав,
Их дивные врачующие свойства.

Джон Мильтон. Комус

ГЛАВА XI

ЛЕКАРСТВА

Фармакология

В IX в. Абу Зайд сообщал, что в Китае существует обыкновение выставлять на людном месте большую каменную плиту, на которой перечислены болезни, поражающие людей, и краткие сведения об их правильном лечении. Таким путем все люди могут получить верный медицинский совет, а если пациент беден, он может получить, кроме того, стоимость необходимого ему лекарства из государственной казны. Никаких современных Абу Зайду китайских подтверждений этого любопытного рассказа пока не обнаружено. Но нам известно, что разного рода уведомления для сведения народа действительно высекались в Китае на каменных «досках», а при императорах танской династии проявлялось ревностное внимание к благотворительным учреждениям для народа (и, в частности, к больницам) [1]. Важной побудительной силой, вызывавшей гуманные помыслы и поступки, был буддизм. Эта иноземная религия стала в Китае вполне местной где-то около VI в. И именно с этого времени благотворительные учреждения для народа стали постоянной, а не осуществлявшейся эпизодически частью деятельности буддийских монахов в Китае. Пропитание и другие виды милостыни распределялись среди нуждающихся храмовыми священниками; существовали даровые аптеки, чтобы оделять необходимыми лекарствами бедноту. Такая благотворительность составляла наиболее значительную часть «нивы сострадания», которая в то время считалась одной из двух основных сфер буддийской религиозной жизни (другая сфера — «нива поклонения» — охватывала все, что касалось священнослужителей, обрядов и т. п.) [2]. В VII и VIII вв., в период наивысшего расцвета средневекового буддизма на Дальнем Востоке, больницы и другие благотворительные заведения в помощь бедным постоянно учреждались в больших городах, часто по повелению монарха. Императрица У, ревностная буддистка, назначила особых уполномоченных для попечения над благотворительными учреждениями для бедных, немощных, престарелых и оставшихся сиротами [3]. Паломник Цзянь-чжэнь в середине VIII в.

основал благотворительные заведения в торговом городе Янчжоу [4]. Даже Сюань-цзун, последователь даосизма, следовал буддийским идеалам милосердия, выпустив в начале 753 г. указ об основании общественных больниц в столице, хотя заодно он руководствовался еще и желанием очистить Чанъань от побирушек [5]. После больших гонений на чужеземные религии в 845 г. к больницам, которые содержались буддийскими храмами, были приставлены по предложению сановника по имени Ли Дэ-юй распорядители-миряне. Позднее, правда, такие больницы были снова возвращены в ведение религиозных учреждений [6].

Танское уголовное уложение требовало, чтобы врач строго следовал древним рецептурным книгам и официальным определителям лекарственных трав, и, если пациент умирал из-за того, что лекарство оказывалось неправильно составленным, приговаривало его к двум с половиной годам каторги [7]; если же этим пациентом был император, провинность лекаря наказывалась смертью через удушение [8]. Такая узаконенная государством косность, не способствуя поискам новых лекарств и инициативности среди танских медиков, насаждала консерватизм. Этим объясняется, почему древние предписания оказались рабски скопированными и в поздних китайских фармакопеях — к счастью для историков, которые иначе не знали бы многих старинных рецептов. Официальная точка зрения придавала особое значение только строго определенным способам лечения. И в свете этого кажется удивительным, что в медицинской практике даже среди государственных и наиболее рутинерских кругов танского общества приобрела влияние новая, гуманная установка, по которой первейшей задачей врача считалось избавление больного от страданий. Это был результат воздействия буддийской этики на представления танских лекарей.

Образцом лучшего средневекового лекаря, подвижнически преданного буддийскому принципу сострадания [9], является Сунь Сы-мяо, просвещенный и почитавшийся даос, который отверг приглашение служить суйской династии и только в преклонном возрасте жил, не принимая официального поста, при дворе танского Тай-цзуна [10]. Этот необыкновенный человек и подвижник написал комментарии к книгам «Лао-цзы» и «Чжуан-цзы», сборник рецептов на трехстах свитках под названием «Цянь цзинь фан» («Рецепты ценою в тысячу золотых») [11], первое китайское руководство по офтальмологии [12] и много других книг. Он отстаивал применение лекарств минерального происхождения, предвосхищая воззрения ятрохимического направления в европейской медицине XVII в. Сунь Сы-мяо оставил завещание, в котором просил устроить ему скромное погребение без жертвенных животных и захоронения фигурок; но в конечном счете он был обожествлен в храмах медицины [13].

Один из учеников Сунь Сы-мяо также приобрел широкую известность. Его звали Мэн Шэнь, и он в отличие от своего наставника занимал разные государственные должности, особенно при императрице У. В конце ее царствования он удалился в горы, чтобы изучать алхимию и фармакологию, и, высоко чтимый, умер в возрасте девяноста трех лет уже в царствование Сюань-цзуна. Он оставил после себя много ценных книг, содержавших лечебные предписания [14].

Вне поля нашего зрения приходится оставить многих весьма почтенных лекарей, следовавших главным образом косным традиционным методам. Но, касаясь состояния танской медицины, и в особенности фармакологии, невозможно не упомянуть о Чэнь Цан-ци, обстоятельные записки которого о многих сторонах танской материальной культуры, хотя они и не посвящены специально лекарствам, оказались для меня столь ценными. Его замечательный трактат «Бэнь-цао шии» («Не вошедшее в свод „Корни и травы“»), как показывает заглавие, был написан с целью пополнить официальный сборник сведений о традиционных снадобьях. Его преемники уже в сунское время строго осуждали труд Чэнь Цан-ци за то, что он содержит так много данных, не принятых в ортодоксальной медицине. Но для нас огромную ценность представляют именно содержащиеся в этом сочинении сведения о новых лекарствах, только входивших в употребление во времена раннего средневековья. Из-за уклонения Чэнь Цан-ци от принятых норм его жизнеописание не представлено в официальном своде биографий. «Танская история» с неодобрением отмечает, что поскольку Чэнь Цан-ци утверждал, будто человеческое мясо должно помогать страдающим от «изнуряющей болезни» (туберкулез?), то почтительным сыновьям и дочерям приходилось отрезать куски собственной плоти, чтобы поддержать чахнущих родителей [15].

И, наконец, в этой книге, посвященной экзотическим вещам, вряд ли мы вправе обойти вниманием лекаря, перса по происхождению, который был известен в Китае под именем Ли Тайный Целитель. В 734 г. он отправился в Японию вместе с посольством Тадзихино Мабито Хиронари и наряду с выходцами из других стран способствовал расцвету культуры Японии в период Нара [16].

В распоряжении танских провизоров имелась обильная фармакологическая литература — как старинная, так и более новая. Перечень главных танских книг по медицине должен выглядеть следующим образом.

1. «Шэнь-нун бэнь-цао» («Корни и травы Шэнь-нуна»). Сочинение, в заглавии которого стоит имя божества, ведавшего культурными растениями и домашними животными, удостоилось названия «канон» (*цзин*). Этот основополагающий труд,

собранный воедино, видимо, в ханьскую эпоху, но содержащий намного более древние данные, дошел до танского времени в редакции Тао Хун-цзина (конец V в.) вместе с примечаниями, которые сей ученый муж прибавил к исходным материалам старинного травника. В своем первоначальном виде этот канонический труд подразделяется в соответствии с его даосским по своему характеру содержанием на три части. К *высшим лекарствам*, просветлявшим тело и продлевавшим жизнь, в каноне были отнесены киноварь, азурит, слюда, божественный гриб *линчжи* ‹гриб долголетия›, туккахоэ, женьшень, мускус, устрицы и т. п. *Средние лекарства* состояли из возбуждающих и противодействующих болезни средств — таких, как желтый (сернистый) арсеник (аурипигмент), реальгар, сера, имбирь, рог носорога, оленья замша. К *низшим лекарствам* причислялись такие (в том числе и ядовитые), которые использовались непосредственно для лечения болезни: охра, сурик, свинцовые белила, лягушки, волкозуб (аконит) и персиковые косточки.

2. Самой важной среди книг фармацевтов периода Шести династий являлись «Мин и бе лу» («Дополнения к перечню знаменитых лекарств»). Составивший их Тао Хун-цзин соединил вместе данные канона Шэнь-нуна и материалы авторов послеханьского времени [17].

3. Официально признанная в танском государстве книга «Синь сю бэнь-цао» («Заново составленное [описание] корней и трав») была завершена в 659 г. авторами во главе с Ли Цзи. Она более известна в новой редакции Су Гуна «Примечания к танским корням и травам». Этот замечательный труд содержал много новых сведений, накопленных со времени Тао Хун-цзина, особенно о южных растениях, и был, очевидно, первым иллюстрированным травником [18]. Наряду с лекарственными травами из Южного Китая в танских списках, иллюстрированных от руки, должны были изображаться и подлинно экзотические лекарственные растения. До нас дошло даже имя одного из иллюстраторов книг по медицине: Ван Дин, живший в VII в., нарисовал «Иллюстрации к „Наставлениям и указаниям по корням и травам"» («Бэнь-цао сюнь цзе ту») [19].

4. Мы уже упоминали о книгах Сунь Сы-мяо и должны назвать здесь еще одну из них — «Цянь цзинь ши чжи [фан]», содержащую предписания по диете «ценою в тысячу металлических монет».

5. «Бу ян фан» («Дополнения к предписаниям по питанию») Мэн Шэня (начало VIII в.).

6. «Ши ляо бэнь-цао» («Исцеляющие корни и травы») Чжан Дина представляет собой расширенный вариант книги Мэн Шэня, пользовавшийся большим авторитетом в послетанское время [20].

7. «Хай яо бэнь-цао» («Корни и травы в заморских снадобьях») — книга Ли Сюня (середина VIII в.), посвященная иноземным лекарствам [21].

8. «Вай тай би яо» («Тайные средства Сосланного судьи»), написанная Ван Тао в VIII в. [22].

Все лучшие медицинские ресурсы — и книги и врачи — были, конечно, всегда в распоряжении Сына Неба, и наиболее подробной информацией мы располагаем именно об императорской аптеке. Большая территория в столице была отведена под императорские сады, в которых выращивали целебные травы. Ими ведал «наставник» — один из пяти «наставников», подчиненных «главному начальнику лекарей» [23] (остальные четыре «наставника» были специалистами, отвечавшими за общее лечение, иглоукалывание, массаж и заклинания). Лицу, ответственному за лекарства, придавалось в помощь множество учеников в возрасте от шестнадцати до двадцати лет. Юноши изучали свойства снадобий, в каких областях империи полезные травы произрастают, правила выращивания и ухода за растениями, наиболее подходящее время года для их сбора, правильные способы хранения трав и т. п. [24]. Из этих садов растения отправлялись во дворец, и, когда в этом была необходимость, их передавали двум лицам, стоявшим во главе придворной аптеки и именовавшимся «поставщики государя — совет по врачеванию». Эти старшие фармацевты несли ответственность за диагнозы, назначения и приготовление целительных составов. Лекарства смешивались в соответствии с точно определенными правилами: каждое лекарство должно было содержать одно «высшее» снадобье, царственное и небесное,— для продления жизни, три «средних» снадобья, сановных и человеческих,— для укрепления организма и девять «низших» снадобий, подчиненных и земных,— для исцеления болезни. Сверх того, императорские фармацевты должны были учитывать вкусовые качества составных частей лекарства, их влияние на пять органов тела и другие сложные условия вроде правила, определявшего, что при заболеваниях желудка и диафрагмы царственному пациенту следовало сперва поесть, а затем принимать лекарство, тогда как при болезнях сердца и живота надлежало прежде принимать лекарство и только потом есть [25].

Составление смеси происходило в недреманном присутствии высших советников государства и начальника дворцовой стражи, а полученное в итоге вещество должны были отведать главный фармацевт, главный постельничий (ему подчинялся фармацевт) и наследник престола (по-видимому, чтобы застраховаться от его излишнего нетерпения занять трон). Только после этого лекарство попадало к постели больного императора [26].

 Но мы очень мало знаем о том, как лекарства попадали в

руки простых людей (если не считать того, что известно о большой пользе, которую приносили буддийские даровые аптеки) и практически ничего о розничной торговле снадобьями в танскую эпоху. Можно только строить догадки о том, как осуществлялась продажа лекарств на больших рынках Гуанчжоу, Янчжоу, Чанъани. Здесь мы пребываем в полном неведении, и исключение составляют только сведения, относящиеся к городу Цзычжоу на Сычуанской равнине. Начиная с середины IX в. продавцы лекарств и снадобий со всей страны ежегодно собирались в этом городе в начале девятой луны (что соответствовало по западным календарям октябрю) и устраивали большую лекарственную ярмарку, продолжавшуюся восемь дней и ночей [27].

О том, какого рода лекарства были в употреблении в танском Китае, мы информированы намного лучше. Все доступные ресурсы растительного и животного мира и мира минералов использовались фармацевтами. Вряд ли найдется такое средство (даже если оно было малодейственным, ядовитым или обладало какими-то неприятными свойствами), которое не применялось бы для исцеления больных. Разнообразие главных лекарств и снадобий танского Китая достаточно проиллюстрировать лишь немногими примерами из огромного списка: аконит из Чжэцзяна и Сычуани, лист и бутоны кассии из северной части Гуанси и южной части Цзянси, ревень из северо-западных областей страны, женьшень из северных районов и из Маньчжурии, корень лотоса с устья Янцзы, лилии фритиллярии из провинций Хубэй и Сычуань, сладкий ирис (касатик) из южных районов Сычуани, лакрица из Северного Китая и из Монголии, туккахоэ из Шэньси, шпанские мухи и масляные жуки из Шэньси, кости дракона из Шаньсийских гор, рога козла-горала из гор Сычуани и Ганьсу, мускус из обширной зоны, простиравшейся от северной части провинции Юньнань через Сычуань и предгорья Тибета и до северных областей Китая, Монголии и Маньчжурии, бычий безоар из Сычуани и Шаньдуна, носорожий рог из южной части провинции Хунань, желчь питона из Линнани, кабаний безоар из Ордоса, мышьяк из Тайюани (провинция Шаньси), сталактиты из Шаньдуна, Хубэя и Гуандуна, гипс из Шэньси, Ганьсу и других мест, глауберова соль из Северной Сычуани, селитра из Центральной Шаньси, слюда из Шаньдуна и северной части провинции Аньхой, каменная соль из Ганьсу, горькая соль (сернокислый магний) из ущелий Янцзы и порошок кудзу из Центрального Китая (главным образом из Чжэцзяна) [28].

Нам повезло, что в Сёсоине (Нара) сохранились образцы подлинных снадобий VIII в. Их поместили туда вместе с оружием, драгоценными камнями, домашней утварью, музыкальными инструментами и другими вещами, большая часть кото-

рых была подарена японскому императору Сёму иностранными гостями. После его смерти в 756 г. императрица Комё, вдова Сёму, подарила все эти вещи (и в том числе около шестидесяти лекарств и снадобий) большому буддийскому храму Тодайдзи, сокровищницей которого и является Сёсоин. Большинство снадобий китайского происхождения. Но есть среди них и привезенные из более отдаленных стран Азии: корица, гвоздика, чернильный орешек, глёт — из Ирана; перец и носорожий рог — из Индии; шпанские мухи (кантариды), окаменелые «кости дракона» и многое другое (в том числе и такие вещества, которые отнюдь не кажутся нам лекарственными, — дерево алоэ и сапана, киноварь и серебряный порошок). Систематическое научное исследование этих редких снадобий оказалось возможным только начиная с 1948 г. Среди важных открытий, сделанных за это время, — впервые выясненные точные определения некоторых средневековых лекарств, ранее знакомых только по названиям. Например, до проведения этих исследований не было известно, что «игольчатая селитра» — старинное китайское название сернокислого магния (английской соли) и что сернокислый магний вообще употреблялся в средневековой китайской медицине [29].

Даже если в танском Китае следовали только самым лучшим из изданных справочников, число лекарственных смесей должно измеряться тысячами, а предназначались они против всех известных болезней. Истиная ценность многих старых рецептов недавно привлекла самое серьезное внимание ученых и исследователей. И оказалось, что некоторые «новейшие» лечебные средства были предвосхищены средневековыми китайскими руководствами-травниками. Примером такого рода служит использование в танскую эпоху *Pulsatilla sinensis* при лечении амебной дизентерии [30], каломели (хлористой ртути) как средства при венерических заболеваниях [31], настоя тыквы на вине против авитаминоза [32]. Но вряд ли нас можно убедить в том, что самые лучшие окаменелые останки драконов, переливающиеся разными цветами, — действенное средство против инкубов и суккубов [33], а высушенный пенис белого коня, с медом и в вине,— средство от мужской импотенции [34]. Заварить талисман, начертанный на дощечке священного персикового дерева, и принять его против одержимости злыми духами, по нашим представлениям, это уже не медицина, а магия [35]. Но беспристрастное рассмотрение конкретных проявлений танской медицины окажется возможным только в том случае, если мы откажемся от наших «научных» и «эстетических» предубеждений и попробуем взглянуть на все это непредвзято, рассматривая истинное и ложное, прекрасное и уродливое как неотъемлемую составную часть жизни средневекового Китая. А теперь — при-

меры: если муж и жена в первый день весны выпьют дождевой воды, прежде чем они удалятся на ночлег в свою комнату, супруга непременно должна зачать; роса, собранная с цветов, превосходна для цвета лица; мазь, приготовленная из смеси олова и серебра с ртутью, — успокаивающее средство при сильном раздражении; каломель (хлористая ртуть) превосходно помогает при «подозрительных пятнах» на носу; реальгар подчиняет себе все яды; магнетит (эликсир магнита, сила притяжения которого якобы распространяется и на половую сферу) придает силу тестикулам и укрепляет чресла; селитра рекомендуется при задержках мочеиспускания и менструаций; лакрица — лучшая из всех трав и может быть успешно смешана с любым снадобьем, особенно при болях в брюшной области; листья посконника (*чуань-чуань*) — древнего растительного оберега, употреблявшегося во время ритуальных окроплений, смешанные с маслом, служат укрепляющим средством для женских волос; мальва успокаивает кишечник; корень ревеня — укрепляющее средство для кишечника; вареный лук-порей улучшает аппетит, а сок толченого лука-порея прикладывают при укусах бешеных собак и ядовитых гадов и насекомых; лук-шалот облегчает роды; сухой имбирь раскупоривает все внутренние проходы; папоротник оказывает усыпляющее действие; батат действует успокаивающе; сушеные абрикосы полезны при заболевании сердца; сушеные персики полезны при заболевании легких; стрела, тайно спрятанная под циновкой в постели молодой матери, избавит от язв в кишечнике; если сведенные судорогой мышцы ударить три раза ложкой, они расслабляются; жидкость из раздавленных пауков — действенное средство от укуса змеи; морские коньки, если держать их в руках или привязать к телу, облегчают родовые схватки; устрицы помогают при таких половых расстройствах, как ночные поллюции; мясо обезьяны, сваренное с приправами, помогает против меланхолии и безумия; мясо тигра изгоняет все виды злых духов и делает странника неуязвимым для живых тигров; кабанье сало, употребляемое с вином, вызывает у женщины такое изобилие молока, что она может выкормить трех или четырех детей [36].

Важный раздел учения о лекарствах, возникший на основе даосской традиции и опыта, особое внимание уделял внутреннему употреблению лекарств минерального происхождения (и прежде всего киновари, продлевающей жизнь). Танская медицина была насквозь пропитана как прогрессивными, так и консервативными взглядами мечтателей-алхимиков. В этом кроется и причина того, что руководства по лечебным средствам часто окрашены радужными грезами об омоложении, о женщинах-прелестницах и о неземном могуществе. Однако «даосские»

предписания отнюдь не были общепринятыми: и Чжэнь Цюань и Чжан Гао, к примеру, оба предостерегали от ядовитых свойств киновари [37]. Тем не менее времена эти были благоприятными для деятельности даосов. И наиболее простодушные приверженцы даосской алхимии надеялись найти панацею если не в лабораториях танских ученых, то хотя бы в далеких странах, мистически совмещенных с легендарной и райской родиной бессмертных небожителей. Не удивительно поэтому, что спрос на чужеземные снадобья был при танской династии огромным в противоположность непосредственно предшествовавшему периоду Шести династий, когда в заморской торговле на первом плане стояли культовые принадлежности — буддийские реликвии, образа и благовония для воскурений [38]. Однако людям танской эпохи нужны были не только экзотические снадобья, но и экзотические чужеземцы — знатоки составов. По стране распространилось своего рода великосветское поветрие на чудотворцев из Индии, ученых — последователей йоги и проповедников тантризма [39]. Синкретическая кухня «алхимии» воображения, созвучная вкусам этой эпохи (хотя предпосылки для них существовали в Китае уже начиная с ханьского времени), воспринимала и буддистов и шиваистов, оснащенных чудодейственными снадобьями, как чужеземные эквиваленты отечественным алхимикам и поедателям киновари.

Соответственно влияние индийской медицины на китайскую, которое уже было значительным, возросло еще больше, и многие индийские книги по медицине, в особенности буддийские, были в это время переведены на китайский язык. Для VII в. примером может служить «Авалокитешваракрита-чикитса-бхайшадджйа-сутра», содержавшая и медицинские предписания, и заклинательные формулы (*дхарани*) [40]. Создается впечатление, что офтальмология была отраслью медицины, в которой индийское влияние сказалось особенно сильно: монах-путешественник Цзянь-чжэнь, когда он прибыл в Гуандун в 748 г., брал в Шаочжоу (близ Гуанчжоу) консультации у одного иноземного знатока в этой области, а о первом руководстве по офтальмологии, написанном Сунь Сы-мяо явно под влиянием буддийского сочинения [41], мы уже упоминали выше.

Индийских псевдодаосов с их новомодными методами и вряд ли вызывавшими доверие претензиями далеко не всегда хорошо встречала консервативно настроенная знать при дворе, только и мечтавшая, как бы уличить их в злом умысле. Хорошо известно, что многие танские императоры принимали даосский эликсир бессмертия. В связи с этим высказывались мнения, что их смерти от неустановленных болезней на самом деле были вызваны отравлением такого рода зельями. Это недоверчивое отношение распространялось и на китайских и на индийских враче-

вателей. И Тай-цзун и Гао-цзун приглашали знаменитых лекарей из Индии, чтобы те составили для них продлевающие жизнь снадобья. Один из придворных Гао-цзуна предостерегал его от употребления таких варварских зелий и ссылался при этом на судьбу его предшественника, которому подобное снадобье не принесло пользы,— и в самом деле, ходили темные слухи о том, что к смерти Тай-цзуна каким-то образом причастен этот эликсир [42]. Сходным образом и в 810 г., когда Сянь-цзун спросил мнение своих вельмож о пользе эликсиров бессмертия, один из придворных ответил официальным заявлением о том, что сама история алхимии доказывает их опасность для здоровья. Он привел случай с покойным императором Дэ-цзуном: сей монарх пригласил индийского жреца для приготовления ему эликсира и, приняв это снадобье, тяжко занемог. Позже, когда Дэ-цзун уже был на смертном одре, придворные хотели было убить чужестранца, которого считали повинным в этом роковом недуге, но удержались, «чтобы не быть осмеянными иноземными варварами» [43]. Сянь-цзун, видимо, отнесся беспечно к этому толкованию причин смерти своего деда, ибо и сам позднее пострадал от отравления «золотом и киноварью» [44], и еще не один из его преемников, как считали, погиб вследствие своего доверия к эликсирам из металлов [45].

Вера в эти могущественные даосско-индийские препараты продолжала существовать, не ослабевая, а китайские эмиссары рыскали по свету в поисках новых составов. В 716 г. некий выходец с Запада соблазнял Сюань-цзуна богатствами стран, лежащих за морями, и «выгодами от морской торговли». Император «возымел сверх того желание отправиться в Страну Львов [Цейлон], чтобы найти сильнодействующие снадобья, а также старуху, искусную в медицине, и поселить ее в дворцовых покоях». Однако в данном случае чиновник, которому было велено сопровождать подозрительного иностранца, представил трону памятную записку, доказывая, что занятие торговлей не подобает царствующей особе, что действенность чужеземных снадобий сомнительна и что пребывание иноземки в императорских покоях несовместимо с приличиями; поскольку ни одно из этих деяний не способствовало истинной добродетели, чиновник просил его величество пересмотреть решение. И Сюань-цзун отказался от этого плана [46]. Благочестивое отвращение к подобным чужеземным мерзостям было в такой же мере характерно для консервативно настроенных вельмож того времени, в какой неудача проекта нетипична для этой поры. Экзотические лекарства продолжали поступать в Китай в изобилии. В частности, получалось так, что они сосредоточивались в буддийских храмах. Может быть, несколько неожиданно, но такое положение сохранялось и в IX в., когда заморская торговля носила намного

более эпизодический характер, чем в предшествующее столетие. Поэт IX в. Сюй Тан продолжал писать об изобилии чужеземных снадобий в буддийском монастыре [47], а Пи Жи-сю сообщал о монахе восьмидесяти с лишним лет по имени Юань-да, у которого был сад, где он с любовью выращивал редкие лечебные травы [48]. Монастырские сады, отведенные под такие травы, играли важную роль в распространении в Китае новых лекарств. И, конечно, не менее важной была роль буддийских паломников в перевозке новых растений. Среди таких благочестивых собирателей трав было много и иноземцев, находившихся на службе у китайских властей. Один из подобных людей — житель Центральной Азии, по имени Нанди, много странствовавший по югу Азии до своего прибытия в Китай морем. Он прибыл в столицу в 655 г. с большим собранием санскритских рукописей, а в следующем году был послан в «индийские страны», чтобы привезти оттуда в Китай экзотические снадобья; однако во время этой поездки он не попал дальше Гуанчжоу. В 663 г. он отправился с теми же целями в Камбоджу, но о дальнейшей его деятельности после этого ничего не известно [49]. В подобных жизнеописаниях мы часто встречаемся даже с проявлениями героизма: люди прилагали большие старания, чтобы исполнить возложенное на них поручение, и часто погибали в поисках необходимых Китаю лекарств.

Снадобья поступали из-за рубежа и обычными торговыми путями, и, конечно же, через посредство псевдоторговых дипломатических посольств, прибывавших в Чанъань с вещественными выражениями «подчиненности» далеких от Китая владетелей. Подобные товары, ввозившиеся в страну, проходили строгую проверку на границе, а продажная цена для них определялась в зависимости от их ценности и от требований китайской политики [50]. Можно представить размах морских перевозок (хотя мы не всегда в состоянии судить об их содержимом) лучших лечебных средств из стран Азии, которые проходили через китайские таможенные барьеры, особенно в первой половине VIII в., когда весь мир оказался обращенным в сторону танского Китая. Несколько раз присылал «необычайные снадобья» Тохаристан [51], некий «персидский» царевич доставил «благовонные снадобья» лично [52], «западные снадобья» присылал Кашмир [53], Капиша — «тайные составы и чудодейственные снадобья» [54], а в IX в., когда торговые потоки приобрели иное направление, наборы своих лекарств присылали тибетцы [55].

По мере того как танские фармакологи осваивали эти новинки, результаты их исследований постепенно включались в издаваемые фармакопеи. В результате, по мере того как практикующие лекари узнавали о них, потребность в этих лекарствах возрастала, а многие растения, из которых их составляли, стали

разводить в пределах Китая. Были в ходу даже книги, специально посвященные этим новым замечательным лекарственным материалам. Выше уже упоминался большой труд Ли Сюня «Хай яо бэнь-цао»; к счастью, хотя полный текст его утрачен, в извлечениях он широко использован в медицинских книгах времени Сун и более поздних эпох. Этого, увы, нельзя сказать о книге Чжэн Цяня «Ху яо бень-цао» («Корни и травы западных чужеземцев-*ху*»), которая, вероятно, была посвящена главным образом иранским лекарствам; она также пропала во времена, последовавшие за эпохой Тан, и извлечения из нее обнаружить нелегко[56].

Читрагандха

Одно из индийских чудо-лекарств, которое называлось *читрагандха* «из разных благовоний»[57], было прислано в Чанъань в VIII в. одним царем-буддистом из Северной Индии[58]. Кроме того, его привозили из Тохаристана[59], а в другой раз *читрагандху* доставило объединенное посольство от тюргешей, Чача, Кеша, Маймурга и Капиши[60]. Этот препарат был составлен из тамарисковой смолы (*манны*), сосновой смолы, лакрицы, корня *Rehmannia* и «горячей крови». Как пишет Чэнь Цан-ци, его следовало давать в вине как средство от ран и при кровотечениях, например сопутствующих родам. У чужеземцев существовал свой способ проверки действенности этого состава. «Они брали маленького ребенка,— рассказывает тот же автор,— и отрезали у него одну ногу. Они клали это снадобье ему в рот, а затем ставили на ноги, и, если он был в состоянии тотчас же идти, считалось, что лекарство хорошего качества»[61].

Териак

В 667 г. посланцы Рума подарили танскому императору подлинно универсальное противоядие — *териак*, пилюля которого, согласно Плинию, состояла не менее чем из шестисот разных ингредиентов[62]. Китайский автор сообщает, что это лекарство содержало свиную желчь и было темно-красного цвета; говорили, что иноземцы превозносят это средство, а Су Гун замечает, что оно обнаружило свою действенность против «ста хворей»[63]. Неизвестно, входили ли в попавшую в Китай панацею такие составные части, как мирра, опиум и гашиш, обычно присутствовавшие в средневековом мусульманском *териаке*[64].

Существуют и местные китайские кардамоны [65], но кардамоны из тропических стран ценились гораздо выше и поэтому импортировались в больших количествах. «Черные кардамоны» (или «горькие кардамоны») назывались по-китайски «увеличивающие мудрость семена» [66]; их собирали в Линнани и в Индокитае [67], что позволяет рассматривать их как полуэкзотические снадобья. Считалось, что кардамоны укрепляют ум (чем и объясняется их китайское название) [68], а принимали их в клецках из клейкого проса или в рисе с медом. Но они также оказывали и общее бодрящее воздействие: «усиливали дыхание, укрепляли душу и устраняли несоответствия»; в частности, перекаленные с солью, кардамоны совершенно безотказно действовали при лечении недержания мочи [69].

Из Тонкина поступал «истинный кардамон» [70]: его высушенные плоды купцы из Индии начали доставлять в Грецию уже в IV в. до н. э.; был он хорошо знаком и римлянам [71]. Ли Сюнь сообщает, что имеющие горьковато-сладкий вкус высушенные листья «истинного кардамона», так же как его плоды и кожура, были в употреблении в медицине [72].

Ввозился в Китай также и «смешанный кардамон» [73] — индокитайский кардамон с запахом камфоры [74], особенно полезный при лечении нарушений дыхания [75].

«Круглый кардамон», или «гроздевой кардамон», с острова Ява [76] поступал в Китай из местности, называвшейся Какола (Qaqola) [77] и, очевидно, расположенной на западном побережье Малаккского полуострова; этот топоним нашел отражение в арабском названии кардамона — *какула* [78]. Не исключено, что это растение могло быть завезено сюда с острова Ява и потом выращивалось на полуострове на продажу [79]. В Гуандуне эту культуру стали разводить к XI в.[80]. Китайцы называли такую разновидность «белый кардамон», ибо, как сообщает Дуань Чэн-ши, «зерна его образуют грозди, как у винограда; будучи сразу после своего появления слегка голубоватыми, они по мере созревания белеют; собирают их в седьмой луне» [81]. «Белый кардамон» предписывался во многих серьезных случаях, в том числе при застойных явлениях в бронхах и в легких [82].

Название кардамона нередко встречается в стихах IX—X вв. у таких поэтов, как У Жун, Ли Хэ, Ду Му, Хань Во, ибо это было время, когда поэзию переполняли и дорогие экзотические ароматы, и необычные цвета и запахи.

Мускатный орех

Чэнь Цан-ци первым из китайцев описал мускатный орех[83], который он называл «мясистым кардамоном»[84]. Он сообщал, что эта пряность (хотя, пожалуй, мускатный орех еще не употреблялся тогда в этом качестве) привозилась в пределы Тан на больших торговых судах и что родиной его, как и кардамона, была Кокола[85]. По Ли Сюню, однако, это было произведение «Курунга и Рима»[86] — замечание, мало что сообщающее о месте произрастания мускатного ореха и относящееся в основном только к распространению торговли им. В Европе восточноиндийский мускатный орех был известен в VI в.[87]. В Китае танского времени при различных нарушениях пищеварения и при поносе прописывался особый отвар, приготовленный на основе мускатного ореха[88]. Само растение и его плоды были вполне доступны здесь, поскольку к началу сунской эпохи мускатный орех уже выращивался в Линнани[89].

Турмерик и цитварный корень

Турмерик — продукт одного из многочисленных растений из рода куркума (*Curcuma*), обладающих свойствами красителя и в большей или меньшей степени пахучих. Собственно турмерик — это разновидность куркумы[90], лишь слегка пряная и употреблявшаяся преимущественно в качестве красителя. Такой обыкновенный турмерик считался в Юго-Западном Китае местным растением. В близком родстве с ним состоит очень душистая разновидность куркумы, распространенная в Индии и в Индонезии, которая известна как цитварный корень[91] и используется главным образом для получения ароматического вещества. В Индонезии и в Индокитае существует немало других видов, применяемых в качестве красителя, и в медицине, и как специи, и для приготовления духов[92]. Собирательное китайское название для них — «золото *юй*», т. е. тот же термин, которым, как мы уже видели выше, обозначался шафран, хотя для него, правда, употреблялось и более детализированное наименование — «благовоние — золото *юй*». Во всяком случае, обычно их далеко не всегда различали в торговле и в употреблении. Можно полагать, что в контекстах, где больше подчеркиваются ароматические свойства «золота *юй*», речь идет о шафране или о цитварном корне, а в остальных случаях — о турмерике[93].

«Индия,— говорится в „Истории Тан“,— производит алмазы, сандаловое дерево и „золото *юй*“ (турмерик или цитварный корень?), которыми она торгует с Римом, Камбоджей и Аннамом»[94]. Или, может быть, речь идет о шафране? Скорее

всего, и о том, и о другом, и о третьем. Сходным образом в танское время считалось, что «золото *юй*» производится в Большом Болоре[95], в Джагуде[96], в Удьяне[97] и в Кашмире[98]. Для тех стран из этого перечня, которые лежат к северу-западу от Индии, можно считать с достаточной вероятностью, что названием «золото *юй*» обозначали шафран, а для Кашмира, признанной страны шафрана, это можно утверждать с несомненной определенностью.

Персы, напротив, связывали цитварный корень с Китаем[99]. Возможно, это объясняется существованием в Китае еще одной разновидности куркумы (она называлась «имбирная желтизна»), также привозившейся туда с Запада. Су Гун пишет, что западные «варвары» называют ее **dz'iuĕt* (т. е. что-то вроде *джуд* или *джет*); а кроме того, пишет он же, они [западные варвары] называют обычный турмерик «конский **dź'iuĕt*», потому что используют его для лечения лошадей[100]. Возможно, в китайской передаче отражен первый слог названия этого вида куркумы в каком-то из восточных языков (арабское название — *джадвар*, к которому восходят и обозначения этого корня у европейских народов).

В танской медицине турмерик употреблялся преимущественно, чтобы останавливать приток крови и воздействовать на кровотечения[101]. Известно, что «золото *юй*» применялось для окраски женских одеяний, одновременно придавая им легкий аромат, но не ясно, использовали для этой цели куркуму или же шафран, также служивший в древности красителем[102]. Шафраном или цитварным корнем в виде порошка (вместе с камфорой) посыпали путь, по которому должен был ступать Сын Неба (для сравнения информация из Брюсселя, относящаяся к 1960 г.: «Рю Нёв, самая оживленная из торговых улиц в центре Брюсселя, будет усыпана благовониями 15 декабря в честь бракосочетания короля Бодуэна с доньей Фабиола да Мора-и-Арагон»)[103]. В танском государстве, однако, это обыкновение было отменено в середине IX в. Сюань-цзуном [II] по соображениям, продиктованным бережливостью[104].

Такамахак

Многие полезные, но совершенно не родственные между собой деревья назывались по-китайски *тун*. В первоначальном значении это название платана, благодаря приятным красным цветам которого возникло и расширительное значение — «цветущий *тун*». С точки зрения лингвистической в одну группу с ним следует отнести и такие названия, как «фениксовое дерево» (по-китайски *у тун*; оно называлось также *цин тун* «голубой *тун*»)[105], «дерево древесного масла» (*ю тун* «масляный

тун»)[106], «коралловое дерево» (*цы тун* «колючий *тун*»)[107] и «бальзамный тополь» (*ху тун* «западный *тун*»)[108]. Камедь (живица) последнего и есть «такамахак» — название, прилагаемое также к камеди североамериканского бальзамного тополя[109] и к ароматическому элему, выделяемому одним индокитайским деревом, но отнюдь не тополем[110]. Камедь так называемого западного *туна* ввозилась танским Китаем. Ее получали от тополя, дававшего также древесину, пригодную для изготовления различной утвари[111], и встречающегося в Северо-Западном Китае, в пустыне Гоби и далее на запад, вплоть до Европы. Это дерево получило свое китайское название благодаря сходству не с платаном, а с фениксовым деревом (*у тун*)[112]. Его камедь появлялась на китайском рынке под названием «слюна западного *туна*»[113] (или «слезы западного *туна*»).

Некоторые знатоки считали, что истечение сока в нем вызывают укусы насекомых, поедающих дерево[114]. Смешанная с древесной крошкой и щелочной землей камедь поступала из Ганьсу[115], из Хами[116] и из различных областей Туркестана и Ирана[117].

Такамахак применялся лекарями для исцеления от «сильных ядовитых лихорадок» и желудочных приступов, а также для вызывания рвоты[118]. Вероятно, гораздо большее значение имело использование такамахака ювелирами, особенно приписанными к императорскому дворцу, в качестве флюса при пайке золота с серебром[119].

«Терновый мед»

Чэнь Цан-ци — единственный танский фармаколог, описывающий «терновый мед» из Ярхото в Сериндии. Он рассказывает, что его выделяет волосатое пустынное растение, и приводит китайскую транскрипцию его центральноазиатского названия, которое истолковывается как *khār-burra* «баранья колючка»[120] — название, напоминающее нам об аравийской верблюжьей колючке. Чэнь, очевидно изучавший сладкие выделения этого растения, рекомендует их против многих заболеваний, в том числе против сильных кровавых поносов.

Похоже на «терновый мед» (и, возможно, того же происхождения) сладкое вещество «из отдаленной области к западу от Ба [Сычуань]», которое Чэнь Цан-ци называет «сладкий росный мед», связывая его с волшебной небесной сладкой росой древнекитайских преданий. Он рекомендует ее для намазывания в области диафрагмы при лихорадке, для очищения глаз и для избавления от жажды[121].

«Меккский бальзам»

Сок аравийского растения *Balsamodendron gileadense* носит также название «меккский бальзам», с которым, по преданию, царица Савская познакомила Палестину. Эта душистая зеленоватая смола в IX в. привлекла внимание Дуань Чэн-ши, который сообщает о нем как о превосходном средстве против глистов и добавляет: «Масло это чрезвычайно дорогое, и стоимость его — вдвое против золота». Он называет его произведением Рима, и, действительно, римляне были знакомы с ним, так как производящее его бальзамовое дерево можно видеть в триумфах Помпея и Веспасиана. Дуань приводит сирийскую форму его названия — *apursāmā* — слово, от которого происходит греческое βάλσαμον [122], но нет сведений о том, что он когда-либо попадал в Китай.

Гальбан

Гальбан — сладкая смоляная камедь, которую выделяет дерево, родственное породе дерева, дающего асафетиду (вонючую камедь) [123]. Дуань Чэн-ши знал и это вещество. Он приводит его персидское название (*бирзай*) и семитское обозначение, происходящее от того же корня, что и арамейское *khelbānita* — название одной из четырех составных частей священного благовония иудеев. Это вещество было известно также Плинию и другим древнеримским авторам. Дуань пишет, что гальбан производится в Персии и Риме (подразумевая, как и в других случаях, римские владения в Азии), и заявляет, что его используют во многих употребительных лекарствах [124]. Но и в этом случае трудно с уверенностью сказать, видели ли когда-нибудь этот бальзам в пределах танской империи.

Асафетида

Асафетида в отличие от гальбана была хорошо известна в Китае и как лекарство, и как пряность [125]. Обычно она фигурировала под своим восточнотуркестанским названием, близким к тохарскому *aṅkwa* [126], но санскритское название этого вещества (*хингу*) также было известно. Ввозили асафетиду и в виде высушенных на солнце лепешечек смолы, и в виде кусочков корня, которые считались более низкого качества [127]. Многие страны поставляли это ценившееся снадобье в Китай. Среди них (наряду с многими странами Южной и Центральной Азии, названия которых не даются) конкретно названы Джагуда, а также Персия [128]. Поставки асафетиды были назначены в качестве постоянной подати от китайского гарнизона в Бешбалыке (на гра-

нице с Джунгарией)[129], и ее доставляли в Китай на торговых судах по Южно-Китайскому морю[130].

Асафетида возбуждает нервную деятельность и способствует пищеварению, но более всего находило в танском Китае применение ее необычайное свойство нейтрализовать дурные запахи, хотя сама она весьма пахуча[131]. Она служила также сильнодействующим средством от глистов[132], а сваренную вместе с жужубами в коровьем молоке или в мясном бульоне асафетиду принимали для изгнания нечистой силы[133].

Судя по стихотворению «Пишу на покое на реке Тунцзян» (его автор — монах Гуань-сю, талантливый живописец и поэт IX—X вв., проживший восемьдесят лет), асафетиду принимали с чаем:

Затихшая келья,
печати сандаловой дым,
Глубоко в печи
железный кувшин накаленный;
Я снадобье анква
в согревшийся чай подмешал,
Я тусвый корень
крошу над огнем благовонный.
Уже не один
журавль ко мне прилетал,
Кругом вороха
из сутр громоздятся прочтенных;
Так что мне мешает,
как некогда сделал Чжи-дунь,
Коня оседлав,
исчезнуть во тьме сине-черной?[134]

Сандаловая печать — это, конечно, часы-курения. Чжи-дунь — монах-отшельник, живший в IV в., большой любитель лошадей.

Мне приходилось уже в других случаях высказывать предположение, что в записках Дуань Чэн-ши больше от его начитанности в литературе на разных языках, чем от личных наблюдений. Мы не должны поэтому рассматривать упоминание в его труде о каком-либо растении или животном как свидетельство того, что оно попадало в Китай. Но, оказывается, познания этого интереснейшего человека были почерпнуты не только из книг. В довольно подробном описании дерева, дающего асафетиду, он упоминает о противоречивых сведениях, сообщенных ему двумя духовными лицами: один из них — римлянин по имени Вань, другой — некий «Дева из Магадхи»[135]. Наличие у Дуань Чэн-ши информатора Ваня (видимо, жителя Малой Азии или Сирии) наводит на мысль, что и в других случаях, когда этот автор писал об экзотических для Китая вещах, он располагал устной информацией от не упоминаемых им иноземцев.

Клещевинные бобы

Су Гун писал, что клещевинная конопля [136] называется так потому, что ее зерна, которые ввозят из западных стран и выращивают в Китае, выглядят как коровьи клещи [137]. Речь идет о клещевинных бобах, ценившихся во многих странах древнего мира за получаемое из них касторовое масло. Полагают, что они могли быть впервые «одомашнены» в Египте, где касторовое масло использовалось в светильниках [138]. В Китае и семена, и выжимавшееся из них масло употреблялись в медицине [139].

Слабительная кассия

Индийский лабурнум («золотой дождь»), или, более прозаично, слабительную кассию [140], сами индийцы называли «золотоцветное» и «царское дерево», а арабы — «индийское рожковое дерево» или «огурец ожерелий» [141]. Родиной этого дерева с красивыми цветами и ярко-красными семенами в длинных стручках была Индия, но оно распространилось по всем тропическим странам очень рано, потому что темная мякоть, окружающая семена, пользовалась успехом в качестве средства от запора [142]. В танском Китае его называли «брахманский черный стручок» [143] или «персидский черный стручок» [144], поскольку на него похожа китайская медоносная гледичия [145], или «мыльно-бобовое дерево», которое в Китае называлось «чернильно-черный стручок». Индийское название *агравадха* [146] также было хорошо известно танским лекарям, прописывавшим его семена против многих внутренних недугов.

Морские травы

Съедобные морские водоросли не были в Китае чем-то необычным; например, красная ибунка [147], из которой готовят превосходный суп, была распространенным продуктом прибрежных вод Центрального и Южного Китая, а иногда привозилась и из Японии [148]. Зеленая ибунка («морской латук»), встречающаяся на мелководье Южных морей, была известна в танском Китае как «скальная водяная мальва» [149]. Ее использовали как мочегонное средство; узнав, какое место это растение занимало в медицине «западных чужеземцев», ему отвели такую же роль в Китае [150].

Сладкая ламинария (или морская капуста) [151] — бурая водоросль, богатая йодом, калием и сахаром. Ее называли *котро* и постоянно ввозили из государства Силла на Корейском полуострове. Она поступала и как «дань» от тунгусского племени мохэ в стране Бохай [152]. О ней сообщалось как о любимой пище «жи-

телей морских островов», которая полезна для их здоровья, но приносит вред «жителям севера». Ламинарию в Китае назначали в качестве средства от различных опухолей, и, надо полагать, зоб был в их числе [153].

Женьшень

Настоящей природной панацеей китайской традиционной медицины был корень женьшеня, очертания которого напоминают фигуру человека [154]. «Божественная трава» [155], или «перегнанная киноварь с морщинистым лицом» (псевдоалхимическое название, подразумевающее чудесную силу женьшеня) [156], росла в Китае на горе Пурпурная Гроздь [157] в горах Тайхан (провинция Шаньси), но больше всего и самый лучший по качеству женьшень привозили в страну из корейских царств Корё, Пэкче и Силла и от народов Маньчжурии [158].

«У того (женьшеня), который представляет в качестве дани страна Силла, имеются руки и ноги, а его форма напоминает фигуру человека. Длина его более *чи*. Его помещают между дощечками куннингамии [южнокитайская сосна] и украшают, привязывая нити красного шелка» [159].

Существовало обыкновение преподносить эту панацею в подарок друзьям (точно так же как было принято дарить стихотворения, живописные произведения или драгоценные камни), и до нас дошло много танских стихов, в которых выражается признательность именно за поднесение в дар корня женьшеня. Пи Жи-сю, например, в изысканно-вычурных строчках провозглашает, что продлевающие жизнь достоинства женьшеня намного превосходят могущество алхимиков-даосов [160]. Фармакологи писали о нем: «Он управляет пятью затруднениями и семью истечениями... Он усиливает пять органов и шесть внутренностей», а также многое другое [161]. Совершенно фантастические надежды, возлагавшиеся на этого китайско-корейского конкурента греко-арабской мандрагоры, кажется, не выглядят абсолютно нереальными в свете недавних исследований китайских ученых, показывающих, что женьшень действительно оказывает действие на вегетативную и центральную нервную систему, а также на мочеполовые органы.

Прочие травы

Желтый корень одного растения [162] из числа пахучих ввозился в Китай из Маньчжурии и назначался при болезнях почек [163].

Слегка ядовитый бурый клубень дальневосточной разновидности «целебного ореха» [164] поступал из Кореи и пустынь за гра-

ницами провинции Ганьсу; применяли его при «болях в сердце»[165].

Корень одной из «трав судьбы»[166], подаренный Сюань-цзуну одним индийским монахом, назывался «брахманский женьшень» — подразумевалось, что его тонизирующие и укрепляющие свойства не уступали женьшеню. Его начали разводить в Китае в конце периода Тан или в начале периода Сун, и к XIII в. это растение хорошо прижилось в Гуанси[167].

Привозившиеся с «запада» листья дерева **kân-d'â* (это название, как сообщают источники, означало «коричневый») использовали для окраски плащей буддийских монахов; по словам Ли Сюня, «в Анцаме тоже есть это растение»[168]. Его название в китайской передаче могло бы соответствовать санскритским словам *гандха* «благовонный» или *кантха* «монашеский плащ»[169]. В танском Китае это снадобье принимали с вином для согревания желудка и кишечника[170].

«Желтый порошок»[171], ввозившийся из Аннама, применяли в качестве желтой краски, а также для успокоения болей в груди и животе. Видимо, это было истолченное в порошок палисандровое дерево (розовое дерево) или что-то другое, очень похожее на него[172].

«Западная горечавка»[173] с морского побережья Персии давала корни, помогающие при кишечных расстройствах и при геморрое. В определении этого растения нет ясности[174]. Его разводили в сунскую эпоху в Шэньси и в Ганьсу[175], но в настоящее время это растение в Китае, очевидно, исчезло.

Какие-то ядовитые семена, называвшиеся «журавлиные вши»[176], доставлялись с далекого Запада (в том числе и из Персии). Иноземцы называли их «лебедиными вшами». Применялись они как средство против глистов и при различных язвах и опухолях[177].

Кристаллический экстракт алоэ[178], растения африканского, назывался из-за своего горького вкуса «слоновая желчь». Его давали маленьким детям при заболеваниях, сопровождавшихся жаром. Считалось, что произрастает алоэ в Персии[179].

Некий гриб белого цвета[180] ввозили с заросших тростником солончаков на границе с Маньчжурией; его принимали с вином как средство против ленточных глистов[181].

Существовали и другие загадочные и неизвестные нам лекарственные растения вроде не поддающихся определению трав, доставлявшихся посольствами паломников из северных областей Индии и из Тохаристана для услаждения двора[182], или тех, что перечислены такими специалистами по экзотическим лечебным средствам, как Чэнь Цан-ци и Ли Сюнь; была среди них даже «травка, которая качается сама по себе в безветрие»,— ее следовало носить жене, чтобы внушить любовь мужу[183].

Безоар

Ни одно из снадобий животного происхождения не пользовалось в Китае большей известностью, чем безоар, точнее, так называемый безоар. Настоящий безоар — это образование, которое встречается в четвертом желудке многих жвачных животных, особенно безоарового козла. На Ближнем Востоке безоар снискал большую известность как противоядие. Средневековый китайский «безоар», называвшийся там «бычья желтизна», далеко не всегда соответствует классическому представлению о безоаре. Во многих случаях (если не в большинстве) это печеночные камни, извлеченные из желчных протоков быка [184]. Эти камни играли в танской медицине в гораздо большей степени мистическую роль, чем реальную, целительную. И не приходится удивляться, читая о «желтизне», извергнутой быком, что внутри ее «было нечто, похожее на бабочку, и оно улетело» [185]. При этом «„бычья желтизна“ умиротворяет небесного духа и успокаивает дух земной. Она освобождает от докучливых домовых и избавляет от внутренних зол» [186]. Это столь ценное средство производилось в Китае, главным образом в Шаньдуне. Многие из городов этой провинции посылали «бычью желтизну» ежегодно в Чанъань в качестве «дани» (наряду с изделиями из камня и съедобными моллюсками). Какое-то количество безоара давала также и Сычуань [187]. На эти китайские «безоары» существовал большой спрос даже в далекой Персии, где они очень ценились как талисманы и как лекарства [188]. С другой стороны, танский Китай на протяжении VIII в. получал значительные количества корейских безоаров из государства Силла [189], а также иногда из Маньчжурии и из Наньчжао [190]. Конкреция, извлеченная из дракона, именовавшаяся «змеиной желтизной», была послана ко двору в 761 г. Ферганой и не могла не произвести большого впечатления [191].

Олнул

Ли Сюнь приводит выдержку из старинного вестника, в которой описывается животное, называвшееся по-корейски *олнул* [192]: «Он выходит из вод Восточного моря. Телом он напоминает оленя, но голова у него как у собаки, и у него имеется длинный хвост. Каждый день [эти животные] всплывают и резвятся на поверхности воды, а обитатели Курунга стреляют в них стрелами из луков. Они берут их „наружные почки“ и высушивают их в тени; через сто дней их вкус становится сладким, а их запах — восхитительным» [193].

«Наружные почки» — это, конечно, тестикулы животного. Этноним «куньлуньцы» (как один из возможных вариантов пе-

ревода), т. е. индонезийцы, для жителей морей между Китаем и Японией вызывает недоумение, если только это обозначение не получило собирательного значения «первоклассные охотники на морях» *[193]. Само животное — это явно какая-то разновидность тюленя [194] или, если относиться с доверием к сведениям о длинном хвосте, возможно, морская выдра. Ловили *олнулов* главным образом в морях, омывавших государство Силла [195]. А снадобье принимали с травами и в вине против одержимости злыми духами, против лис-оборотней, против сношений с привидениями в сновидениях и против различных проявлений мужской половой слабости [196].

Возможно, «бобровая струя» (*castoreum*) и цибет продавались под тем же названием, что и *олнул*, и не различались китайцами [197].

Желчь питона

По танским городам не рыскали, как это было в Тямпе [198], наводящие ужас охотники за человеческой желчью. Лекари танской столицы получали желчные пузыри темнохвостых питонов [199], водившихся на захваченной Китаем территории Аннама [200]. Профессиональные сборщики желчи в Пуапи (в современной провинции Гуйчжоу) [201] извлекали ее у этих питонов тем же самым способом, каким в Тямпе получали человеческую желчь. Ли Сюнь, непосредственный очевидец жизни на юге, видел сам, как ежегодно в пятый день пятой луны те, кто занимался этим промыслом, собирали желчь.

Питоны «находились внутри большой корзины, устланной мягкой травой, на поверхности которой они свивались в кольца и извивались. Два человека вытаскивали одного из питонов на землю; потом они брали с десяток кольев и, начиная от головы, переворачивали питона кверху брюхом, а затем прижимали его кольями, так, чтобы он не мог повернуться на ту сторону, с которой находились люди. Затем они с помощью острого лезвия делали надрез длиною в несколько *цуней* или в один *чи* вдоль брюха питона, и печень с желчным пузырем вываливалась наружу. Тут они отрезали желчный пузырь, который у таких питонов величиною с утиное яйцо. Его они клали сушиться на солнце, чтобы затем отправить в качестве дани. А печень вкладывали обратно, сшивая края раны вместе. Затем они складывали питона обратно в корзину. Некоторые говорят, что они относят их и выпускают в реки и озера» [202].

Сведения о питоне доходили и до слуха Дуань Чэн-ши, который сообщает о легком способе поимки этого существа:

«Когда питон заглатывает лань и эта лань полностью переваривается, он обвивается вокруг дерева, и тогда кости [лани]

из его брюха, пропарывая чешую, выходят наружу. Пока раны заживают, его жир и сало превосходны. Некоторые кидают ему женское платье, он обвивается вокруг него и не поднимается.

В первой трети луны желчный пузырь расположен у головы, во второй трети — около сердца, в третьей — близко к хвосту» [203].

На рынке снадобий вместо настоящей желчи питона, случалось, предлагали другие виды желчи. Но опытные фармакологи знали способ, которым определялась подлинность товара: каплю его следовало поместить в чистую воду; настоящая желчь питона плавала при этом на поверхности, двигаясь кругами, тогда как свиная желчь или желчь тигра (ими чаще всего подменяли в торговле желчь питона) должна была утонуть [204].

Само употребление желчи питона в китайской медицине связано с Индокитаем: в Камбодже и в других странах этого полуострова желчи питона также отводилось важное место среди лекарств. Танские лекари прописывали это снадобье при кровавом поносе, при кровотечениях, вызванных глистами, и от множества других заболеваний [205].

Белый воск

Белый воск из Аннама представлял собой обыкновенный желтый пчелиный воск, побелевший на солнце [206]. Но даже он нашел себе применение в медицине. Принятый в вине с яйцом, он должен был останавливать кровотечения у беременных женщин (своего рода магическое «запечатывание»?). Кроме того, ему приписывалась способность вызывать рост черных волос там, где появились седые [207].

Человеческий волос

Человеческий волос в больших количествах присылали в Чанъань на протяжении VIII в. из Маньчжурии и Кореи [208]. Можно только строить догадки о том, какими особыми достоинствами могли обладать эти чужеземные локоны, чем они превосходили волосы китайцев и имели ли они какое-то иное применение, кроме магического и медицинского, прослеживаемых сравнительно легко. Считалось, что волосы не только обладают силой, но и могут даже угрожать опасностью. Чжэнь Ли-янь, младший брат Чжэнь Цюаня (и тоже лекарь, как и его старший брат), был вынужден назначить спасительную дозу сернистого мышьяка (реальгара) даосу, который проглотил волос, обратившийся затем, естественно, в змею [209].

«Если волос живого человека подвешен на плодовом дереве, такие птицы, как вороны, не решаются прилетать и поедать с него плоды. Или еще, если кто-либо убегает, возьми его волос

и, положив на повозку, поставленную поперек, поверни ее обратно. Тогда этот человек будет в смятении и замешательстве и потеряет направление, в котором следовал. Все подобные вещи вроде этих суть божественные превращения»[210].

Но большинство медицинских назначений такого же характера, как и те, что предписывались для шнура, с помощью которого человек мог подвесить самого себя для исцеления от эпилепсии[211]. Те случаи, для которых требовались волосы с головы, касались завязывания, подвязывания и прикручивания. Если ребенок заходился плачем от страха, ему следовало дать золу сожженного волоса с маслом — в молоке или в вине. Если у человека открывалось без видимой причины кровотечение, ему надлежало принять с вином ложку золы от волос и обстриженных ногтей[212].

Медный купорос

«Зеленая соль», производившаяся в области Карашар в Центральной Азии и в Иране, а также доставлявшаяся в танский Китай судами, была схожа с природным голубым карбонатом меди — азуритом. И, подобно ему, «зеленая соль» употреблялась для лечения глазных болезней. Этим названием должны были обозначать кристаллический сульфат меди, иногда называемый медным купоросом, который якобы излечивает трахому. Зеленая ярь-медянка (ацетат меди), его заменитель, приготовлялась китайцами из металлической меди и уксуса, однако лекарей предостерегали от ее употребления в качестве лекарства[213].

Весь дом увешан тирскими коврами,
Полны монет ларцы слоновой кости,
А в кипарисных сундуках — наряды,
Тончайшее белье и балдахины,
Турецкие подушки с жемчугами,
Венецианское шитье златое...

Вильям Шекспир.
Укрощение строптивой
(перевод П. Мелковой)

ГЛАВА XII

ТКАНИ

Когда в середине IX в. посланницы «женского царства варваров-маней», прекрасные, как царственные бодхисаттвы, принесли дары двору в Чанъани (так повествуется в романтической новелле Су Э), в числе подношений была и «парча с узорами в виде светящихся облаков на закате».

«Они утверждали, что ткань эта изготовлена из „благоуханной конопли, очищающей воду“. Сияющая и лучезарная, она источала на людей свое сладостное благоухание. Окрашенная в пять цветов, чередующихся между собой, она была прекрасней парчи Срединного государства (Китая)» [1].

Эти чудесные ткани — дары украшенных ожерельями амазонок, по-видимому, литературный образ, за которым стоят ткани из Индонезии и Индокитая, носившие название «утренние облака на восходе солнца»,— изящные изделия из хлопка, о которых нам еще придется говорить. Утверждение, что могли быть ткани прекраснее танских, следует отнести только за счет необузданной фантазии Су Э, поскольку Китай в то время был родиной и главным центром изготовления дорогих и изящных тканей.

Исходным материалом для текстильного производства танского Китая служил шелк-сырец. С коконов домашних шелковичных червей получали длинные нити, а с коконов дикого шелкопряда — короткие разорванные волокна, которые приходилось спрядать в нити. Кроме того, для изготовления как гладких, так и узорных тканей существовало множество растительных волокон, получаемых из рами, кудзу, конопли, банана и бамбука. Шерсть на Дальнем Востоке шла главным образом на войлок, а шерстяные ткани были более характерны для иранского культурного мира.

Виды тканей, вырабатывавшихся из перечисленного сырья, отличались очень большим разнообразием. Представление о них дает официальный список изделий, которые поставляло императорское управление ткачества и красильного дела: наряду с

полотнами и шерстью существовало еще десять разновидностей тканей (в том числе чесуча, камка, сетчатая ткань, газ), пять типов шнуров и лент, четыре типа крученых нитей, включая туссу [2]. Самым характерным переплетением в танское время была уточная саржа. Некоторые специалисты считают, что это было нововведение, принесенное с Запада, где саржа была известна издревле. Особенно употребителен этот вид переплетения был в сасанидских тканях. В древнем же Китае саржевое переплетение не имело широкого применения, хотя основная саржа и была известна. Атлас, танское изобретение,— это основная саржа, в которой большое число тонких основных нитей полностью покрывает уток [3]. Те красивые узорчатые ткани, которые часто называют «парчой», в действительности были полихромными узорными тканями, изготовленными главным образом в технике уточной репсовой саржи, хотя некоторые продолжали изготовляться по-старому, оставаясь основными [4]. Кроме того, в танское время производилась также и настоящая парча — из золотой фольги, накрученной на шелковую нить. Гобеленовое плетение, по-видимому, было заимствовано в VIII в. через уйгуров [5]. В танском Китае существовали и ткани с набивным рисунком. Они изготовлялись «негативным» методом: рисунок вырезался на деревянных досках-матрицах, между которыми зажимали изделие, заполнив пустоты узора краской. Эта техника, известная с VIII столетия, была иной по сравнению с обычными восковыми индийскими и западными набойками.

Образцом великолепия танских тканей считается так называемая «павлинья сеть» («сеть воробья *куна*»). Эта изящная, богатая и, по-видимому, переливающаяся красками материя изготовлялась в Хэнчжоу (провинция Хэбэй) [6]. Начиная с VI в. она была излюбленной тканью дам, имевших пристрастие к роскоши [7]. Так, например, она входила в число «Десяти выборов», с которыми суйская куртизанка Дин Шестая адресуется к своему возлюбленному:

Скроила для юбки
    шелк сетчатый «*кун*-воробей»,
Зеленое с красным —
    одно затмевает другое.
Искрится, как будто
    парча, «шестипалый дракон»,
Гляжу ненасытно
    на дивное диво такое.
Что грубо, что тонко,
    вы, сударь, постигли давно —
По вашему вкусу
    я выбрала платье и пояс [8].

Крупные центры танского текстильного производства находились близ устья Янцзы и в Сычуани. В этих районах множество

людей трудилось у станков, чтобы изготовить огромные количества узорчатых тканей, потребных состоятельным людям империи. Говорили, что семьсот ткачей были целиком заняты изготовлением тканей, требовавшихся для одной лишь Драгоценной Супруги Ян. Время от времени столь несоразмерно большое производство подвергалось нападкам как ведущее к падению общественных нравов и частично сокращалось. В 771 г., например, Дай-цзун постановил, чтобы было прекращено изготовление определенных видов одежд со сложными узорами (в том числе одно- и многоцветных камчатных и узорных газовых) — отчасти по только что названным соображениям, а также потому, что кропотливая работа над ними «была вредна для мастериц». Вытканные изображения драконов, фениксов, единорогов, львов, павлинов, небесных коней и волшебных трав попали под запрет; однако, говорилось в постановлении, «широко распространенная белая парча Корё, а также разноцветные парчовые ткани, равно как и обычные камчатные и парчовые ткани с мелкими изображениями и знаками и т. п., еще могут быть дозволены к производству в соответствии с древними образцами» [9]. Подобный же эдикт Вэнь-цзуна, обнародованный в 829 г., кроме того, еще и приказывал сжигать в первый день Нового года все станки и берда, служившие для изготовления ярких и легкомысленных тканей [10].

Любопытно, что среди тканей, разрешенных к обращению Дай-цзуном, встречаются и корейские (если это не было лишь собирательное наименование определенного вида тканей вообще). Увлечение экзотикой, видимо, совсем не обязательно оказывалось тлетворным для китайских нравов. Несмотря на превосходные качества танских текстильных изделий (а может быть, именно благодаря этому, поскольку здесь могли с пониманием судить о редких товарах), в Китай ввозилось много тканей иноземного производства. В результате танская империя, снабжавшая замечательной продукцией всю Азию, не избежала влияния импорта и стала отправлять за границу изделия собственного производства, отразившие воздействие экзотических для Китая образцов. Так, на великолепных танских изделиях, сохранившихся в Сёсоине и Хорюдзи в Нара (Япония), и на почти аналогичных им тканях, найденых близ Турфана в Центральной Азии, встречаются сюжеты, образы и орнаменты, характерные для сасанидского Ирана, но прочно вошедшие в танский обиход [11]. Одна из тканей Хорюдзи, например, украшена медальонами, в каждом из которых помещено по четыре бородатых сасанидских царя, на конях и с луками, но тут же, рядом с конями,— китайские иероглифы [12]. В другом случае, в стихотворении в прозе конца VIII в. под названием «Ода на подношение узорной парчи людьми моря», описан орнамент в виде танцую-

щих «фениксов», «с которыми двойные венцы и расходящиеся листья, чередуясь, сплетаются в узоры» [13]. Животное, изображенное среди цветочных завитков или в медальонах,— типично иранский прием, а такие царские подношения должны были служить прототипами для хорошо известных танских парчовых тканей с изображениями «фениксов» в цветочных медальонах [14].

Одежда из золота

Можно было бы почти наверняка предсказать, что Гао-цзун отвергнет такой чрезмерно роскошный подарок, как золотое одеяние, преподнесенное ему посольством из Тохаристана в начале 682 г. [15].

Шерстяные изделия

Шерстяные ткани из Западного и Восточного Туркестана были знамениты в средние века [16]. Были они широко известны и в танском Китае (о них часто упоминают в стихах, например), хотя (за исключением покрывал и ковров) их туда, видимо, не ввозили. Местное производство изделий из шерсти существовало лишь в тех ограниченных рамках, которые отвечали китайскому спросу на такие ткани. Исключение составляет лишь шерстяная (или, может быть, следует сказать «волосяная») ткань из меха выдры. Ее наряду с прочими ценными вещами, такими, как хвосты яков и золотые сосуды, посылали в IX в. ко двору тибетцы [17]. Это необычное сукно (танская альпака?) воспринималось как экзотическое, хотя сами выдры не принадлежали к числу диковинных для китайцев зверей: примерно в это же время один китайский рыбак даже обучил десяток этих сообразительных зверьков ловить для него рыбу [18].

Местные танские шерстяные изделия были почти столь же «экзотичны», как и тибетские: шерстяные ткани из кроличьей шерсти производились в Сюаньчжоу, близ устья Янцзы [19], шерстяные изделия из верблюжьей шерсти выделывались в Ганьсу (Хуэйчжоу) и в Ордосе (Фэнчжоу) [20]. Можно предполагать, что искусство изготовления этих камлотов было заимствовано у иранских народов Запада.

Ковры

В 726 г. царь Бухары отправил миссию в танскую империю с просьбой о помощи против арабских захватчиков. Его посланцы привезли с собой множество дорогих подношений, в том числе шафран, «каменный мед», а кроме того, и «римский вышитый ковер» [21]. Царица «Хатун» послала китайской императрице

два больших покрывала и один «вышитый ковер»[22]. В ответ они просили Сюань-цзуна пожаловать царю Бухары седло и узду, платье и пояс и другие знаки достоинства, а его жене — наряд и косметику[23]. В других случаях шерстяные ковры (в том числе и «коврики для танцев») поступали в Чанъань VIII в. как дары от тюргешей и от владетелей Капиши, Маймурга, Чача и Кеша[24]. Среди «вышитых ковриков для танцев», доставленных из Ирана в танскую столицу в 750 г., некоторые охарактеризованы как «большие волосы» и «длинные волосы» — термины, которые должны относиться к коврам с необычно длинным и толстым ворсом[25]. Возможно, танцевальные коврики с узором из позолоченных змей, описанные в стихотворении Ли Хэ, были иранского происхождения[26]. А в другом стихотворении этого же поэта несомненно настоящий иранский шерстяной ковер фигурирует под китайско-персидским названием **t'âp-təng*; нам следует полагать, что такие ковры не были редкостью в домах состоятельных людей в VIII—IX вв. Стихотворение «Песня дворцовой красавицы» заслуживает перевода. Знакомясь с ним, читатель должен знать, что «дворцовый страж» — это ящерица гекко. По старинному обычаю, этих маленьких ящериц следовало кормить киноварью, пока они не станут красными; затем их толкли в ступе и полученной жидкостью ставили метки на теле императорских наложниц. Считалось, что эти отметки сохранялись до тех пор, пока женщина не имела полового сношения, после чего они исчезали. Сын Неба, таким образом, мог сразу видеть, оставались ли верны ему наложницы. Поэтому гекко и называли «дворцовыми стражами». А-Чжэнь, упоминаемая в стихотворении,— фаворитка правителя, жившего в III в., и «красавица» из нашего стихотворения, называя себя так, хочет сказать, что она так же печальна и одинока, как в древности была А-Чжэнь. Ковш Семизвездный — это Большая Медведица. В стихотворении сочетаются танские и архаические образы:

Свет от высоко подвешенных свеч,
шелковый воздух мерцает.
В спальне узорной толку по ночам
красного «стража дворца» я.
Слон изо рта выдыхает куренья,
коврик-*таптэн* согреваю.
Ковш Семизвездный повис над стеною,
бою часов я внимаю.
Холод проходит сквозь ширму *фусы*,
гуще дворцовые тени.
По верху полога пестрый *луань*,
пятнами иней осенний.
Плачет цикада, скорбя о луне,
возле перил изогнутых.
В кольца и крючья закована дверь,
крепок замок для А-Чжэни.

К мелям песчаным во сне улетаю,
прямо к родным воротам.
Воды Небесной Реки у Чанчжоу
с неба спускаются там.
Мой государь, вы сияете ярко,
словно великое солнце,
Вашей служанке позвольте на рыбе
вдаль унестись по волнам [27].

Асбест

Удивительные качества асбеста были знакомы и римлянам и китайцам примерно с начала христианской эры. Люди Хань считали асбест произведением Рима. И действительно, это минеральное волокно было хорошо известно римлянам, понимавшим также, что асбест сродни камню.

Вот что сообщает Аполлоний Дискол об асбестовых салфетках: «Когда эти салфетки загрязняются, их очищают не стиркой в воде, а зажигают хворост и упомянутые салфетки кладут на огонь, и грязь исчезает; сама же ткань выходит из огня блестящей и чистой» [28].

Для такой естественной, хотя и несколько нарочитой демонстрации свойств асбеста имеется, как рассказывают, параллель в Китае II в.: человек намеренно пачкал свою асбестовую одежду и бросал ее с напускным гневом в огонь лишь для того, чтобы достать ее свежей и чистой [29]. Эти анекдоты делают понятным китайское название для тканей из этого минерального волокна — «холст, очищающийся огнем» ⟨«чисти огнем»⟩. Но асбест называли в Китае и по-другому — «огненный волос». Это название как бы иллюстрирует еще одну (добавим — ложную) теорию происхождения этого вещества. На эллинистическом Востоке какое-то время считали, что асбест, как и хлопок, растительного происхождения. Однако до VI в. среди китайцев (а среди арабов и позже) самым распространенным было представление, что асбест — это шерсть крысы-саламандры (а иногда и ⟨перья⟩ феникса), которая очищалась и обновлялась в огне [30].

Персидский дар танскому императору в 750 г. состоял из «вышитого коврика для танцев из огненной шерсти», т. е., как это можно предположить, из шерсти саламандры [31]. Судя по двустишию в стихотворении того же времени, асбест иногда употреблялся для изготовления одежды: костюм богатого аристократа описывается так:

Нижнее платье из «чисти огнем»,
расшитый квадратный ворот;
Парчовый пояс цвета кизила,
с нефритовой чашей мешочек [32].

Асбест, видимо, должен был ассоциироваться, в частности, с Линнанью, поскольку преимущественно привозной товар имен-

но здесь попадал в руки торговцев. Юань Чжэнь (начало IX в.) в стихотворении, посвященном этой области, описывая характерные для нее товары — саго и элеми, приводит следующие строки:

От «огненной ткани» грязь или пыль
нужно огнем отмывать;
«Древесный хлопок», теплый и мягкий,
пригоден для зимнего платья [33].

«Древесный хлопок» — это капок, другой типично южный продукт [34].

Войлок

Умение изготовлять и использовать войлок было знакомо китайцам с конца династии Чжоу, однако и в ханьское время его все еще считали скорее варварским материалом. Его подлинная родина — среди иранских народов, там, где древние жрецы-маги и ахеменидские цари носили высокие войлочные шапки, так же как это делали в Согде их позднейшие подражатели [35]. Даже в танское время этот материал полностью не «натурализовался» в Китае, хотя его широко использовали для занавесей, драпировок, палаток, циновок, седельных попон, обуви и всякого рода покрывал. Так или иначе, но войлок, как и сливочное масло, считали более характерным для кочевых народов, и в танских описаниях жизни кочевников непременно подчеркивается его присутствие. Тибетские воины высоких рангов жили в громадных войлочных юртах, которые могли вместить несколько сот человек [36]. Но великий правитель Сронгцэн-гампо, чтобы доставить удовольствие своей китайской супруге, «отказался от войлочных и меховых одежд — они должны были уступить место китайскому шелку и парче» [37]. Это было начало тенденции, характерной для VII в.; прошло немного времени, и уже в правление Гао-цзуна тибетцы просили о присылке к ним китайских специалистов по шелководству, виноделию, строительству мельниц, изготовлению бумаги и туши и получили их [38]. Рыжеволосые и синеглазые кыргызы (черные волосы считались у них признаком несчастья) подвешивали у поясов точильные камни и носили шляпы из белого войлока [39]. Тюрки вырезали из куска войлока изображение божества, а когда перекочевывали, хранили его в кожаном мешке, пропитанном благовониями, и поклонялись, повесив это изображение на столб [40].

Но войлочные сапоги изготовлялись и в самой Чанъани [41], алый войлок для нужд китайцев доставлялся из гарнизона в Куче [42], а белый войлок был обычным изделием внутренней части Ганьсу и китайского Ордоса [43]. Чжансунь У-цзи, упорядочи-

вший танский свод законов, несет ответственность за распространение в начале VII в. моды на мужские войлочные шляпы из шерсти черной овцы [44], а среди многочисленных богатых подарков, сделанных Сюань-цзуном Рокшану, был «войлок, вышитый гусиными перьями» [45]. Словом, войлок, хотя и сохранял в себе что-то от дикого наездника степей, в Северном Китае был столь же обычен, как шотландские шерстяные изделия в Англии.

Полотно

Если название «полотно» употреблять в самом широком смысле этого слова, обозначая им ткань из нитей, спряденных из растительных волокон, то китайцы располагали множеством своих собственных видов полотна, в особенности полотен из конопли, рами и кудзу. Но некоторые полотна они и ввозили. Так, в Китае употребляли «западные («хуские») женские полотна» из Ордоса и Монголии и из своих собственных провинций Шэньси и Шаньси. Хотя само название и указывает, что такое полотно выделывалось некитайскими ткачами, мы не знаем, какого рода нити для него употребляли [46]. Из Силлы и соседней Маньчжурии поступало другое остающееся неопределенным полотно (повидимому, из конопли) [47]. Хлопчатобумажные ткани также подходят под наше определение «полотна», да и китайцы относили их к этой категории тканей, но о них будет рассказано не здесь.

Варнака

Варнака, индийское название которой, принятое в торговле, указывает, что речь идет об «окрашенной» ткани [48], была изделием «Малых брахманов», страны вегетарианцев, лежащей сразу за царством Пью в Бирме [49]. Ее также доставляли в Чанъань в VIII в. из Самарканда [50]. Хотя сунские тексты и говорят о «белой *варнаке*» (видимое противоречие) из Багдада и «*варнаке* с золотыми буквами» из Рума [51], у нас нет даже намека на свойства этого «окрашенного» полотна (хлопчатобумажного?) танского времени.

Чесуча

Империя Тан, страна шелка, принимала и некоторые иноземные шелковые ткани. В 839 г. партия гладких тканей из сырого шелка (который можно условно называть чесучой) [52] пересекла Желтое море. Это было подношение правителя Японии его танскому собрату [53]. Этот сорт ткани для дворцовых художников должен был являться наиболее подходящим материалом.

Шелк-сырец

В танской империи, как и в других дальневосточных странах, изготовляли шелк-сырец (бомбицин, или тусса). Нити его прялись из шелковых волокон, которые оставались после того, как дикий мотылек-шелкопряд выходил из кокона [54]. К концу VIII столетия владение Наньчжао преподнесло Тан в качестве «дани» тибетскую туссу [55]. «Дань» из Аннама и Японии поступала также в виде грубого шелка-сырца (или *шаньдуна*, как его теперь иногда называют) [56]. Японский шелк *шаньдун* был двух сортов, по двести кусков каждого сорта. Если один из них называли по имени «провинции» (*куни*) Мино, то другой именовался «водяное тканье». Это загадочное определение остается непонятным, если не обратиться к миру «водяных шелкопрядов», с которым мы еще встретимся здесь снова.

Но прежде займемся необычной туссой из Силлы. В VIII столетии эта корейская страна несколько раз преподносила ткани, называвшиеся «шелк утренние заревые облака» и «шелк „рыбьи клыки“» [57]. Последний также присылали черноводные мохэ и шивэй [58]. Название «утренние заревые облака», связанное со сверкающим розовым оттенком белых облаков, освещенных снизу, было привычным для китайцев определением, прилагавшимся к широко распространенным хлопчатобумажным тканям, которые в большом количестве ввозились из Индии. Следует предположить, что корейский шелк-сырец имел красивую раскраску, если он заслужил такое же название. Что же касается «рыбьих клыков», то тусса с желтыми прожилками или зернами и с более крупными желтоватыми языками напоминала поперечное сечение моржового бивня, откуда и происходит ее название [59].

Многоцветные шелка

Гобелены, парчи и другие роскошные изделия, украшенные красочными узорами, и в особенности многоцветные шелка в танское время обозначались общим названием, которое я перевожу как «парча». Они будут кратко рассмотрены здесь вместе, но в целом следует помнить, что Китай сам был всемирно известным поставщиком великолепных товаров такого рода и намного больше давал их, чем получал. По части высококачественных тканей Иран был серьезным соперником Китая, и посольства из Хутталя и Капиши, несомненно, с гордостью преподносили «персидскую парчу» Сыну Неба [60]. Здесь также необходимо упомянуть «кафтан, тканный золотыми нитями»,— настоящую благородную парчу, дар «*амира ал-му'минин* Сулеймана» (т. е. омейядского 〈халифа〉 — «повелителя верующих») Сюань-цзуну в 716 г. [61]. На Дальнем Востоке было представлено даже искус-

ство византийской Греции — примером служит украшенная восьмиконечными звездами ткань, найденная в могиле у Астаны, близ Турфана [62]. К числу диковин относится и «шерстяная парча» — подношение Самарканда [63] (по-видимому, тонкая шерстяная ткань или, может быть, мустер — смесь шелка с шерстью), а также парча из Силлы, запечатлевшая победу хозяев этой страны над Пёкче. На ней был выткан победный гимн пятисложным стихом, превозносивший Гао-цзуна в самой льстивой манере. Ее преподнес Гао-цзуну младший брат царя Силлы.

«Водяная овца» и «ледяные шелкопряды»

Рассматривая сведения об экзотических и фантастических овцах, мы особо отметили рассказ о «землерожденной овце», *Agnus scythicus* римского предания. Это предание, возможно являющееся слабым отражением на Дальнем Востоке мифа об аргонавтах и золотом руне, оказалось слитым с рассказом о «водяной овце», шерсть которой служила сырьем для реального производства — изготовления ткани πινιχόν на побережье Индийского океана в первых веках нашей эры. Изделия, известные под этим названием, вырабатывались из плотных тонких волокон с сильной круткой, называвшихся «биссус» и получаемых из жемчугоносной мидии (*Pinna squamosa*). Вероятно, эти волокна были отходом жемчужного промысла в Персидском заливе и на Цейлоне [64]. Ткани из мидии имели «ровный коричнево-золотой или тусклый светло-коричневый цвет» [65]. В Китае, где главным источником текстильных волокон животного происхождения были шелковичные черви, а не овцы, существовали рассказы о чудесной заморской нити «водяного шелкопряда» — вероятнее всего, мидии *mussel*. У прекрасной Ян Гуй-фэй была лютня из дерева, блестящего, как зеркало, с изображениями двух фениксов, инкрустированными красным и золотом. На этом драгоценном инструменте были натянуты «шелковые нити водяного шелкопряда», за двести пятьдесят лет до того принесенные в дань отдаленным народом [66]. Еще известно о существовании покрывала из «божественной парчи», вытканной из нитей «водяного шелкопряда», называвшегося также «ледяной шелкопряд». Эти полезные создания (так повествуется в рассказе) на своей родине в Южных морях питались своими любимыми листьями в прудах, облицованных многоцветными изразцами. Покрывало, изготовленное из коконов этих червей, имело свойство расширяться при соприкосновении с водой и сжиматься, когда его касалось пламя [67]. Этот рассказ — произведение нашего старого знакомого Су Э. То, что этот «водяной шелкопряд» иногда оказывается «ледяным», объясняется, вероятно, тем, что иероглифы «вода» и «лед» отличаются лишь одной точкой и их

постоянно путают в китайских текстах. В данном случае путаница могла остаться незамеченной с тем большей легкостью, что и в самом Китае существовало предание о «ледяных шелкопрядах». Рассказ IV в. повествует о «ледяных шелкопрядах» длиной в семь *цуней*, рогатых и покрытых чешуей, которые жили на круглой горе мироздания. Под снежным покровом в сильную стужу они свивали многоцветные коконы, из которых можно было изготовлять узорчатые ткани, не намокавшие в воде и не боявшиеся огня. Яо, герой-создатель архаической эпохи, добыл такие нити у «людей моря» (название, которое иногда означает всего лишь «заморских людей») и выткал себе из них ритуальные одежды [68]. Эту легендарную ткань (или за нею тоже стоит мидия *mussel*?) было легко перепутать (так по крайней мере могло произойти в умах доверчивых грамотеев) с совершенно реальной «ледяной тафтой», или «глянцевитой тафтой» [69],— тонкой белой тканью, которую выделывали в I в. н. э. в Шаньдуне. В этом названии слово «ледяной» означает, что цвет тафты свеж и чист, как лед [70]. Соответственно, когда некий литератор IX столетия написал на заданные рифмы «Оду о подношении ледяных шелкопрядов людьми с моря», которую можно пересказать следующим образом: «Теперь у варваров четырех стран света налажен порядок, моря не прячут своих сокровищ», восхвалявшую, конечно, простирающееся на весь мир императорское милосердие [71], то и губернатор Зайтона того времени смог тоже написать на те же рифмы «Оду о подношении ледяной тафты людьми моря» [72]. Так, цветная ткань, происходящая от гигантских червей со студеной горы Мироздания, слилась воедино с древней ханьской глянцевитой тафтой, сохраняя при этом фантастические свойства волокон «ледяных червей». «Неопаляемая, неувлажняемая, она по своим выдающимся качествам может сравниться лишь с огненными крысами — то ярко-красная, то зеленая...» Даже асбестовые саламандры попали в этот рассказ!

Панегирический характер этих од не позволяет нам с уверенностью выяснить, должна ли принесенная в «дань» «ледяная тафта» рассматриваться главным образом символически — как знак воскрешения добрых старых дней Яо или же как что-то действительно полезное, какая-то реальная ткань из коконов «ледяных (или водяных?) червей», полученная при Тан из-за морей. Если справедливо последнее, то такой тканью вполне могла быть πινικόν.

Хлопок

Примерно с начала IX в. в китайских стихах встречаются довольно часто слова, обозначающие хлопок. Приведем несколько примеров. Пи Жи-сю писал о буддийских священниках:

У них повязки
из полотна *карпаса*,
Они угощают
лепешками из *чанданы* [73],

где «полотно *карпаса»* означает хлопчатобумажную ткань. Чжан Цзи описывал рабов из Курунга, которых доставляли в Китай «посланцы варваров-маней» — чернокожих, с крупными завитками курчавых волос, с тяжелыми серьгами и в накидках из «древесного хлопка» [74]. Бо Цзюй-и рассказывает, как он пьет в ранние утренние часы в своем небесно-синем тюркском шатре и не жалеет об этом:

Смотрю, чтоб у ложа от ветра защитой
короткая ширма стояла.
Я в шапке черной, на войлоке синем,
багтак для меня одеяло.
Час *мао* приходит, я чашечку выпью,
потом ненадолго засну —
И бренного мира хлопот никаких
как будто вовек не бывало [75].

Хлопок в Китае был достаточно хорошо известен, по-видимому, начиная со среднетанского времени, но скорее как модная новинка, чем как привычная вещь. Обратимся теперь к истории его появления на Дальнем Востоке.

Настоящий хлопок дают и однолетнее травянистое растение хлопчатник (*Gossypium herbaceum*), и многолетнее хлопчатое дерево (*G. arboreum*), которые встречаются в диком и в культивированном виде в Тропической Азии. Как в западной, так и в китайской литературе используемые волокна этих растений часто путают с шелковичным пухом — сималем, продуктом «шелко-хлопчатого дерева» (*Bombax malabaricum*), и с капоком, который дает другое «шелко-хлопчатое дерево» — сейба (*Ceiba pentandra*) [76]. Сималь и капок, которые также произрастают в диком виде в Южной Азии, употребляются для набивания подушек и тому подобных нужд, но непригодны для прядения нитей.

Настоящий хлопчатник, таким образом, не был местным китайским растением, но для многих близлежащих тропических стран он эндемичен. Однако разводить хлопчатник в местах, где круглый год выпадают дожди, невозможно, поскольку он подвержен поражению ржавчиной. По этой причине его не выращивают в Южной Малайе, на Борнео, Суматре или Западной Яве. Как и сандаловое дерево, он произрастает в местах, где бывает сухое время года (примерно с апреля до сентября), таких, как Восточная Ява, Бали, Зондский архипелаг и северная Малайя [77]. Вероятнее всего, впервые его «одомашнили» в Индии [78].

Хлопок попал в Китай как предмет торговли примерно в III в. двумя различными путями: через Сериндию и через Индо-Китай [79]. По этим же путям распространялось его культивирование. Его разводили в позднеханьское время некитайские народы области, получившей позднее название Юньнань, а с начала VI в. — в Восточном Туркестане [80].

Особенно славился во времена Тан хлопок из Ходжо в Сериндии: жители этого города выращивали его, пряли и превращали в ткани, после чего их ввозили в Китай [81]. Административно это была китайская территория, и ее завоевание должно было стимулировать создание китайского хлопководства. Но еще более высокой репутацией пользовался тогда хлопок из Индокитая и с Островов. Например, о государстве Тямпа сообщалось, что «правитель ее носит *багтак* и *карпаса* [т. е. хлопчатобумажные ткани], спадающие складками с его плеч и обвернутые вокруг талии. Кроме того, он носит сделанные в виде бус с подвесками подлинные жемчуга и золотые цепочки. Он возлагает на свои курчавые волосы цветы» [82]. Было известно, что на Бали выращивают свой хлопок и изготавливают из него одежды. Там «у всех людей курчавые волосы, и они одеваются в полотно *карпаса*, обматывая им бедра поперек» [83]. Великий путешественник Сюань-цзан, искавший истинное учение, сообщая о ткани, сделанной в Индии из *карпаса*, ошибочно называет ее изотовленной из «нити дикого шелкопряда» [84]. О робких и некрасивых жителях Тохаристана он пишет, что «они большей частью одеваются в хлопчатобумажные ткани, но есть немногие и в одежде из шерсти» [85]. Хлопок ввозили и из многих южных стран: нити хлопка из Наньчжао [86], «цветочные» и другие хлопчатобумажные ткани из Тямпы [87], тонкие хлопчатобумажные ткани с Цейлона [88]. Островные страны в Южных морях, названия которых сейчас трудно отождествить, также присылали ткани из хлопка [89]. В частности, такой страной был загадочный Дабатан (**Dabatang*), расположенный в морях к западу от Калинги. Там писали книги на пальмовых листьях, рты мертвых наполняли золотом, после чего тела их сжигали на погребальном костре из борнеоской камфоры. Эта страна прислала в 647 г. в империю Тан ткани из хлопка [90].

В приведенных только что отрывках мы встречали иноземные для Китая слова *багтак* и *карпаса*. При Тан хлопчатое дерево, хлопковое волокно и ткань из хлопка обозначались разными названиями. Одно из самых ранних — *тун* — употреблялось в период от Поздней Хань до Тан [91]. Происхождение его неизвестно, и в конце танского времени оно вышло из употребления. Более принятыми в это время была китайская фонетическая передача через один из малайских языков санскритского *карпаса* «хлопок» [92], а также древнего иранского слова, родственного но-

воперсидскому *багтак* и каким-то образом связанного с палийским *paṭāka* [93]. Если различия между этими обозначениями и проводились, то словом *карпаса* (или, точнее, его китайской транскрипцией) обозначалась более грубая хлопчатобумажная ткань, а словом *патака* — более тонкая, но эта разница не всегда прослеживается. Эти слова, как мы видели, встречаются в позднетанской поэзии, и, обращаясь снова к этим поэтам, нельзя не прийти к выводу, что к началу IX в. в Линнани было развито хлопководство. У поэта этого времени Ван Цзяня в стихотворении, написанном по случаю отъезда друга в Гуанчжоу, есть такие строчки:

Там все гарнизоны
    «драконов мозг» устилает,
Там возле застав
    клыки слоновые грудой.

И далее:

Как ткут *багтак*,
    увидишь там в каждом доме,
Красный банан
    разводят они повсюду [94].

Другой поэт, живший в X в., описывал Южную Юэ, ту же область, что и Ван Цзянь, в таких выражениях:

Поутру отварим
    на кухне пресные яства;
Весною посеем
    для челноков цветы *тупа* [95].

«Утренние заревые облака»

Выражение «утренние заревые облака» уже было отмечено как название для розового корейского шелка — туссы. «Заревые облака» можно перевести иначе — «облака, розовеющие на рассвете», и это наводит на мысль о красивом персиковом цвете индокитайского и индонезийского красителя для хлопка; это выражение также прилагалось к каким-то шелковым тканям, о которых, например, Ли Хэ писал:

Целая штука легчайшего шелка
    цвета «рассветной зари» [96].

Но вопрос Теофиля Готье в стихотворении «К розовому платью» — всего лишь совпадение:

Может быть, румянец Авроры,
Или груди весенней бутон,
Или раковина Венеры
Дали сей удивительный тон?

Это выражение встречается в четверостишии Ван Бо и в прямом значении — речь идет об утренней заре,— но даже в этом случае связь выражения с названием материи оказалась незабытой, поскольку сама заря соткана богами:

На ширме душистой
рисунок — весенние травы.
Святых челноки
рассветный багрянец соткали.
Сравню ли я это
с дорогой, где горы и воды
И где перед нами
цветов лепестки облетали? [97]

Розовый хлопок ввозился прямо из подвластных земель Аннама [98], а в качестве подношения его получали даже из такого неподходящего для него места, как Тибет [99]. Но, подобно другим изделиям из хлопка, он был прежде всего продуктом индианизированных стран Юга. Рассмотрим, например, хлопководство в бирманской стране Пью, называвшейся также Шрикшетра. В VII в. население Пью исповедовало одно из направлений буддизма, основанное на рукописях, написанных на санскрите, и соперничавшее с более старым течением, священные книги которого были написаны на пали. Прах умерших они погребали в керамических урнах, покрытых надписями [100], а «для одежды и платьев они употребляют только *багтак* из „утренних заревых облаков“, просто оборачивая его вокруг бедер. Они не одеваются в шелковые и атласные ткани, говоря, что их получают от шелковичных червей и что таким образом можно принести вред живому существу» [101]. Сходным же образом жены правителя Тямпы «одеты в *карпаса* „утренние облака на восходе“, из которых они делают короткие юбки; они носят на голове золотые цветы, а их тела украшены бусами с подвесками из золотых цепочек и настоящего жемчуга...» [102]. Словом, жены одевались так же, как и сам правитель [103]. В северных столицах можно было увидеть не только окрашенные ткани этих темнокожих народов, но и их варварские костюмы: когда оркестры из Бнама и Индии с их арфами в виде голов феникса, лютнями, цимбалами, флейтами, раковинами и множеством барабанов играли на дворцовых приемах в Чанъани, танцоры были одеты в наряды из хлопка цвета «предрассветной зари», которые для индийцев были скроены как рясы буддийских монахов [104].

Потому что заметки Ньютона о цвете
αλογος нефилософичны,
Потому что цвета наделены душой.

Кристофер Смарт. Возрадуйся Агнцу.

ГЛАВА XIII

КРАСИТЕЛИ

Придворные красильщики в Чанъани различали пять официально признанных цветов помимо белого: синий, красный, желтый, черный и лиловый [1]. Для получения их имелись растительные красители почтенного возраста и заслуженной репутации: китайское индиго [2], марена, гардения, желуди и воробьиное семя. Существовали и заменители этих красителей для некоторых цветов: желтый, кроме гардении, получали также из «амурского пробкового дерева»[3], из «курящего дерева» (скумпия, или «красильный желтинник») [4] и из барбариса [5]. Что же касается минеральных красителей, то они служили главным образом художникам — для расписывания картин и женщинам — для подкрашивания лица. В этой группе традиционными веществами были азурит — для синего цвета, малахит — для зеленого, киноварь (а иногда свинцовый сурик, или «красный свинец») — для красного, охра — для желтого, уголь — для черного и свинцовые белила — для белого. Новые красители, заимствованные из чужих стран, были в основном растительного происхождения. Другие цивилизации пользовались для получения красителей экзотическими растениями, но очень мало незнакомых Китаю минеральных красок могло найтись за рубежом: горные породы и их компоненты не слишком различаются от страны к стране, или, точнее, они различаются, но не столько составом, сколько количествами, в которых они представлены. Поэтому красители, которые ввозил танский Китай, были главным образом растительного происхождения.

«Кровь гиббона»

Некоторые средневековые китайские красители наделялись фантастическим происхождением, названием или репутацией. Так, у нас могут вызвать недоверие иней с некоей южной горы, который можно было использовать как лиловую краску, и роса с какого-то горного озера, из которой получали красную крас-

ку. «Они являются венцами Поднебесной Сферы, и достойно сожаления, что люди не имеют о них представления»[6]. Но в отличие от них краска, называющаяся «кровь гиббона», существовала на ином уровне реальности или же, скорее, была, как это ни парадоксально, мифической и реальной одновременно. Это была кровь (как это утверждалось) животного, называвшегося *синсин*. «Варвары ху западных стран берут его кровь для окраски своих шерстяных ковров, ее цвет чистый, и она не темнеет. Говорят, что можно спросить его до того, как наносить ему рану, чтобы получить кровь: „Сколько ты дашь мне?“ *Синсин* отвечает: „Хватит ли двух *шэнов*?“ Для того чтобы получить больше, его перед тем, как спрашивать, бьют кнутом, и тогда он дает больше крови, так что ее можно получить до одного *доу*»[7].

Судя по описаниям этого податливого антропоида в древних книгах, он понимал человеческую речь и даже сам мог говорить; некоторые говорили, что это была нагая белокожая «дикая женщина», которая обитает в джунглях Аннама[8]. Губы *синсина* считались лакомством среди гурманов. *Синсины* имели пристрастие к вину, и эта слабость помогала туземцам южных лесов ловить их. Очевидно, они обладали также чувством юмора: в одной танской новелле рассказывается, как несколько этих существ поймали и поместили в загон, чтобы затем приготовить их к столу правителя одного города в Тонкине. Они выбрали из своего числа самого толстого и вытолкали его, воющего, вперед — ожидать, стоя в покрытой клетке, милостивого решения правителя. «Начальник стражи спросил, что там находится, и *синсин* ответил ему из клетки: „Только ваш слуга и кувшин вина“. Начальник засмеялся и почувствовал к нему расположение». Конечно же, это умное животное, питавшее пристрастие к вину, стало общим любимцем[9].

Хотя к этой новелле могли примешаться какой-то чужеземный рассказ или экзотическое предание, не приходится сомневаться в том, что *синсин* — это китайский гиббон[10]. По всей вероятности, название *синсин* было собирательным и относилось в равной степени к трем гиббонам Южного Китая и Индокитая: к черному хохлатому, или индокитайскому, гиббону, к белорукому гиббону и к лохматому гиббону[11]. Последний еще встречается в Юго-Западном Китае, там же можно увидеть и хохлатого гиббона, а белорукий гиббон переместился дальше на юг. В стихах VIII—IX вв. *синсин* упоминается как обитатель долины Янцзы и Сычуани: «Зато увидишь всегда *синсинов*, они на деревьях кричат»[12]. По-видимому, лохматый гиббон или его сородичи некогда обитали значительно севернее, чем сейчас, как и другие млекопитающие, в настоящее время оттесненные за южную границу Китая.

Можно было бы ожидать, что источник рассказа о крови гиббона следует искать на Западе. Эту надежду, казалось бы, подкрепляет египетское предание о том, что некие павианы знали письмо и поэтому были посвящены Тоту, покровителю письменности [13], поскольку эта легенда напоминает нам рассказ о говорящих китайских обезьянах.

В античном мире обезьяны также слыли большими любителями вина, как это отмечали Аристотель, Элиан и Плиний. Опьяненных, их можно было легко изловить [14] — точно так же считали и жители припограничных районов Юго-Западного Китая. С другой стороны, западная традиция подчеркивает похотливость обезьян. Сладострастие, приписываемое бабуинам, могло быть просто следствием попыток истолковать древнеегипетские изображения, показывающие их в итифаллическом состоянии. Но и в Индии обезьян, по крайней мере красных, также считали похотливыми. И, вероятно, индийские гиббоны послужили прототипами азиатских сатиров, описанных Плинием и Элианом [15]. И если классический Пан воспринимался как похотливый козел, то классический сатир — как похотливая обезьяна. Образ обезьяны в позднесредневековой Европе стал стереотипным олицетворением «наслаждения», т. е. сладострастия [16]. Увы, наш китайский гиббон не имеет ничего общего со «сладострастием», а кровь обезьян на Западе не применялась для окрашивания тканей.

Таким образом, происхождение предания об этом кровавом красителе, если оно вообще существовало где-либо помимо Дальнего Востока, не удается пока проследить. Однако можно найти западные аналогии этому рассказу, правда не связанные с человекообразными обезьянами. Такие английские слова, как *crimson* и *cramoisy* («темно-красная ткань»), сохранили в себе название насекомого *kermes* (дубового червеца), служившего в древности, как и червец кошенили, для получения красителя. Разновидность дубового червеца, называвшаяся «кровь святого Иоанна» и употреблявшаяся в Германии и Польше начиная с XII в., снова связывает краситель с кровью примата. И еще на Западе имеется «кровь дракона» — название, которое получила одна из разновидностей пигмента растительного происхождения. Но обезьяны ко всему этому не имеют отношения. Тем не менее контексты, в которых китайцы употребляли название «кровь гиббона», ясно показывают, что оно относилось к благородному, ярко-красному цвету тканей, привозимых с Запада, и не было названием красителя, которым пользовались сами китайцы.

Может быть, так обозначалась «краска из дубового червеца», но мы не в состоянии объяснить, каким образом насекомое трансформировалось в млекопитающее.

Хотя название «кровь гиббона» задолго до Тан употреблялось для обозначения чужеземного красителя тканей, только в позднетанское время оно приобрело более общее значение, став названием цвета. Поэтому цветы камелии могли быть цвета «крови гиббона» [17], ширмы «цвета гиббона» разрисовывали переломленными ветвями деревьев [18], а модные румяна для дам именовались «ореол гиббона» [19]. С этим новым выражением, появившимся в поэзии IX—X вв., мы еще встретимся ниже, когда будем говорить об ультрамарине (пигменте ляпис-лазури) — цвете, который противопоставлялся «ореолу гиббона».

Лак

Китайцы танской эпохи употребляли один краситель, который действительно имел животное происхождение. Это был *лак* — вещество, выделяемое «лаковым насекомым» [20] на многих деревьях в Индокитае. Это насекомое, кроме того, откладывало на ветвях смолистое вещество — источник получения шедшего на продажу шеллака; танские ювелиры использовали его как клеящее вещество [21], точно так же как малайцы совсем недавно использовали его для крепления лезвий крисов к рукоятям [22]. При Тан этот краситель называли или «пурпурный минерал» (название показывает, что происхождение краски понималось неправильно), или *lakka*, используя заимствованное слово [23]. *Лак* ввозили из Аннама [24] и из Камбоджи [25]. Его употребляли как краситель для шелка, а также в косметических помадах [26].

«Кровь дракона»

Выделения «лакового насекомого», в свою очередь, путали с кровью мифического или полумифического животного — китайского «единорога». Одна из разновидностей красной камеди, которой торговали в Старом Свете под названием «кровь дракона», в Китае именовалась «капли единорога» и считалась сушеной кровью [27]. Эту камедь получали из плодов индонезийской ротанговой пальмы [28], но, продавая, ее часто путали со смолой совсем другого растения — сокотранской «кровью дракона» [29] и с еще одной индонезийской камедью [30], а также с *лаком*. В танском Китае «кровь дракона» применяли как вяжущее средство и предписывали при кровотечениях, в какой-то степени руководствуясь принципом симпатической магии, так как цвет ее напоминает кровь [31]. Нельзя сказать с уверенностью, что ее использовали и в качестве красителя, но на ее родине, в Малайе, эту камедь обычно употребляли именно таким образом [32], а китайские фармакологи подчеркивали, что она имела такое же употребление, как и *лак* [33].

Сапан

«Бразильское дерево»[34] китайцы знали как «сапановое дерево». Это обозначение теперь широко распространено на Востоке. Название происходит от индонезийского слова, родственного старояванскому *sapan* «красный», поскольку сердцевина дерева, из которой получают краситель, красного цвета[35]. Древесину сапана ввозили из Тямпы и Камбоджи в течение многих столетий[36], и эти страны продолжали оставаться важным источником ее и для империи Тан, где на нее существовал большой спрос[37]. Персы сасанидского времени также употребляли сапан как краситель, а хайнаньский пират Фэн Жо-фан имел груды сапанового дерева среди сокровищ, которые он награбил на персидских торговых кораблях[38]. В танском Китае им окрашивали ткани[39] и использовали сапан для окраски деревянных предметов; именно эта краска была использована для красивых коробочек из «черной хурмы», хранящихся в Сёсоине[40].

Пурпур моллюсков Murex (?)

Дворцовым дамам при последнем правителе династии Суй выдавалась ежедневная порция косметического средства, которое называлось «улиточный коль» или маскара—краска для ресниц. Они использовали ее, чтобы подрисовывать брови, как этого требовала мода[41]. О цвете этой краски ничего не говорится, но его китайское название сразу приводит на ум античный тирский пурпур, который получали из раковины *Murex*. Сведений о нем для танского времени у меня нет (хотя какие-то запасы суйской косметики должны были пережить танское завоевание), но хотелось бы отметить, что эта знаменитая краска вполне могла попадать на Дальний Восток.

Индиго

В дополнение к древнему источнику синей краски растительного происхождения — местному «индиго», которое получали от одной из сорных трав[42],— танские составители косметических средств располагали также и привозной персидской краской из настоящего индиго, называвшейся «синий коль»[43]. Считалось, что эта краска глубокого синего цвета — индийского происхождения, однако она очень рано вошла в употребление в Египте, а позже — и у иранских народов[44]. В танском Китае ее знали наряду с путчуком и росным ладаном как продукт Кабудана[45] и Ферганы, где женщины красили этой краской веки[46]. Правители Самарканда в 717 г. послали в танскую империю вместе с другими ценными дарами и индиго[47].

Это экзотическое косметическое средство танские женщины употребляли так же, как и их западные сестры, что видно из стихотворения Ли Бо:

Моя пиала золотая
Вином виноградным полна,
Пятнадцать степных лошадок под вьюком —
    певице из У цена:
Подведены брови ее темно-синим,
    парча на туфлях красна,
Коверкая мило слова, поет
    прелестную песню она:
«На коврике из черепаховых планок
    совсем опьянели вы —
Под пологом алым, словно *фужун*,
    я буду ли вам нужна?» [48]

Дворцовым дамам при Дэ-цзуне в конце VIII столетия индиго требовалось, чтобы наводить «брови-мотыльки» [49].

К началу IX в. выражение «синий коль» поэты употребляли в расширенном значении — для обозначения цвета отдаленных гор. У Бо Цзюй-и есть выражение: «Гора, названная „Индией", — нагромождение синего коля» [50]. А у Юань Чжэня сказано еще более впечатляюще: «Цветущая гора, нарисованная синим колем» [51]. Подобные экзотические цветовые образы, как и «кровь гиббона», характерны для этой эпохи.

Бхаллатака

Пятнистые орехи, известные под санскритским названием *бхаллатака* [52], привозили с «западных морей и из страны Персии» и употребляли для укрепления чресел и для окраски волос в черный цвет [53]. Дерево пятнистых орехов, родиной которого была Северная Индия, широко использовалось там для нанесения черных крапинок на ткань, а также давало темно-серую краску [54]; не ясно, служило ли оно для получения такой же краски и в танском Китае.

Чернильный орешек (дубовые галлы)

Круглые выросты, образованию которых вокруг почек «красильного дуба» [55] и других видов дуба способствуют насекомые *Cynips*, богаты танином, который при соединении с железистыми солями легко образует синевато-черные чернила. Поэтому чернильные орешки пользовались большим спросом для изготовления как чернил, так и красок. Китайцы с древнейших времен получали танин из коры и желудей местных дубов, но справедливо считалось, что чернильные орешки, ввозившиеся из

Персии под иранским названием **muzak* (или **mazak*), имеют наивысшее качество [56]. Су Гун сообщает, что чернильные орешки растут также на тамариске в песчаных пустынях Запада [57]. Хотя в фармацевтических книгах сказано только, что дубовые чернильные орешки входили в состав различных тонизирующих лекарств и применялись для окраски волос, можно легко допустить, что они, как и *бхаллатака*, использовались также и в качестве красителей.

Гуммигут (камбоджа)

Краситель гуммигут, или камбоджа, как показывает одно из его названий, происходит из Камбоджи. Этот пигмент представляет собой затвердевший сок одного индокитайского дерева, родственного мангостану [58]. Из этого сока получают высококачественный желтый пигмент, высоко ценившийся на Дальнем Востоке: «Из него делают золотисто-желтую сиамскую тушь, которую используют для написания изготовляемых там книг с черной бумагой» [59]. У средневековых китайских художников, широко употреблявших эту тушь, она называлась «ротанговая желтизна» [60], причем это был единственный краситель растительного происхождения, которым они пользовались. Ли Сюнь сообщает, что этот краситель был нужен не только художникам, но и алхимикам [61]. И привозить его должны были, вероятнее всего, из Камбоджи.

Чешуйчатая синева

Основные карбонаты меди — малахит и азурит — были традиционными зелеными и синими красителями китайских художников. В средневековом Китае существовало множество названий — и народных и специальных — для различных сортов этих двух красителей. Традиционно различие между крупнозернистым порошком, который выглядит более темным, и мелким, более светлым. Азурит обычно назывался «каменная синева», но алхимики именовали его более причудливо — «девушка с синим станом» [62], а темное крупнозернистое вещество называлось «большая синева». Чешуйчатую синеву [63] привозили, согласно Су Гуну, из южных стран — Тямпы и Бнама — на торговых кораблях. Сам Су Гун считал его малахитом [64], но скорее всего это был крупнозернистый чешуйчатый азурит глубокого синего цвета [65]. Не случайно в лексиконе алхимиков азурит назывался просто «Куньлунь» [66], что для нас звучит как «Индокитай».

Красивый желтый самородный сульфид мышьяка, аурипигмент (от латинского *auripigmentum*), который западные художники называли «королевский желтый», в Китае именовался «куриная желтизна» [67], так как он встречался вместе с реальгаром, носившим название «петушиная желтизна» [68]. Алхимики на своем кабалистическом жаргоне именовали его «кровью божественной женщины» или «кровью желтого дракона» [69]. Они утверждали, что такая его разновидность, как «брызги крови», которую доставляли на кораблях, превосходила местный минерал, добывавшийся в Хунани [70]. Аурипигмент называли также «сущность золота» из-за его предполагавшегося минералогического родства с золотом, так же как азурит был «сущностью меди» [71]. Эту красивую краску ввозили из Тямпы и Камбоджи по крайней мере уже в V в., и поэтому она также называлась «курунговая желтизна» [72]. И нет ничего удивительного в том, что этот золотисто-желтый краситель встречается в живописи на шелку, привезенной из Дуньхуана [73]. В танское время считалось, что окрестности Мастуджа изобилуют аурипигментом и виноградом [74], но мы не знаем, привозили ли оттуда их в Китай.

Наложение «желтого на лоб» было одним из самых распространенных обычаев у танских дам, как это известно из литературы о нравах того времени [75]. Вполне вероятно, что чаще всего для этой цели дамы употребляли желтый свинец, похожий на массикоту. Но не исключено, что иногда при этом применялся и золотой мышьяк, хотя он, как и свинцовая краска, вреден для кожи, если остается на ней слишком долго [76]. Желтый цвет, а также синий и даже черный считался подобающим для лица высокородных дам. Подобные причудливые моды, некоторые — иностранного происхождения, вызывали как улыбку, так и негодование поэтов. В «Чужеземных модах» изложена точка зрения Бо Цзюй-и на моду, существовавшую в косметике и прическах в начале IX столетия:

О, нашего века уборы,
О, нашего века уборы!
В четыре края они из столицы
    распространяются скоро.
В наш век они, невзирая на дали,
    текут по белому свету,
И нету уже на щеках румянца,
    и пудры на лицах нету.
Помадою черной намазаны губы,
    не губы — грязная корка,
А брови расходятся сверху вниз,
    начертаны как восьмерка.
Урод ли, красотка ль, черна иль бела —
    никто различить не может,

У всех одинаковое выраженье:
сейчас зарыдают горько.
Волосы кольцами скрыли виски,
кудряшек гора громоздится;
Под красной краской не видно кожи,
кирпичного цвета лица.
Я встарь о распущенных волосах
слыхал в Иньчуаньском крае,
Но это варваров-жунов прическа,
и каждый про это знает.
Убор и прическа годов Юань-хэ
(запомните это покрепче) —
Кирпичные лица, кудряшек горы
противны нравам Китая [77].

Все камни, снадобья и хризоспермы,
Все ваши соли, ваши ртути, серы,
Все масла роста, кровь и древо жизни,
Магнезии, обманки, маркезиты
. . . .
Названия диковинных составов,
Хоть лопни, не припомнишь!

Бен Джонсон. Алхимик

ГЛАВА XIV

МИНЕРАЛЬНОЕ СЫРЬЕ

В средневековой Индии к названиям многих привозных товаров прибавлялось *чини* или *чина* в знак того, что они доставлены из Китая и обладают непревзойденными достоинствами привозимого из этой изобильной и богатой страны; так, китайский паломник Сюань-цзан отмечал, что персики в Индии называются *чинани* «из Китая», а груши именуются *чина раджапутра* «китайский царевич» [1]. Но на деле многие из этих обозначений относились не к подлинно китайским продуктам, а к товарам, имевшим определенное значение в торговле китайцев, точно так же как «персидские» товары в Китае нередко бывали малайского или индийского происхождения. К числу товаров, именовавшихся китайскими, относились *чина пишта* «китайская мука» (название для сурика, или «красного свинца») и *чина ванга* «китайский свинец» (название для свинца). И эти названия могли быть вполне заслуженными, поскольку в танском Китае действительно разрабатывали свинцовые копи; был известен китайцам и секрет изготовления сурика, который считался у них одной из разновидностей киновари, таинственным образом получавшейся не из ртути, а из свинца. В любом случае эти названия свидетельствуют об уважении, которым китайское минеральное сырье пользовалось в средневековой Азии [2].

Китай богат разными видами минералов, и большинство из них перерабатывалось для практических целей танскими ремесленниками. Поистине древние китайцы исследовали царство минералов с удивительной доскональностью. Изучение лекарств из минералов и их свойств было поприщем, на котором китайцы первенствовали. Но они были столь же щедро обеспечены материалами, требовавшимися живописцам, дубильщикам, ювелирам-гранильщикам и другим ремесленникам, которые нуждались в минералах высшего качества и разбирались в их свойствах. Конечно, превосходное знание алхимиками, художниками и лекарями минеральных веществ не мешало надува-

тельству в общественных торговых местах, где иные купцы стремились продавать несведущим за подлинные минералы их заменители. Поэтому современный исследователь, как и средневековый покупатель, оказывается введенным в заблуждение, ибо танский ученый оставил ему крайне противоречивые описания того, что, судя по названию, является образцами одного и того же минерала. К счастью, Су Гун и другие составители танской фармакопеи заботливо отметили многие из подобных фальсификаций. Например, они сообщают нам, что в VII в. торговцы обычно продавали под названием «гипс» — кальцит (карбонат кальция вместо гидросульфата кальция) [3]. Но менее осмотрительные фармакологи иногда, на беду исследователя XX в., простодушно описывают под одним названием свойства двух разных веществ.

Некоторые иноземные разновидности минералов, добывавшихся и в танском государстве, считались более чистыми или более действенными, чем их дальневосточные родичи. Так было, например, с реальгаром. Другие минералы, в которых была большая потребность, не встречаются в Китае вообще — бура, например. Были и такие вещества, которые являлись результатом переработки минерального сырья по технологии, еще не освоенной китайским производством; к их числу относится глет. Все такие продукты должны были ввозиться. Они и некоторые другие вещества и составляют предмет этой главы.

Соль

Китай производил огромные количества соли. «В пределах четырех морей в каком месте она отсутствует? Скудно с нею разве только у некоторых варваров Юго-Запада», — писал Чэнь Цан-ци [4]. Главным источником этого употребительного минерала была морская вода, а крупным центром выпаривания в древности было прибрежное государство Ци (современный Шаньдун); этот центр сохранил свое значение и в танскую эпоху [5]. Однако начиная с ханьского времени и рассол, и природный газ получали также из глубоких скважин в Сычуани [6]. Кроме того, китайцы располагали залежами каменной соли, пригодной для разработки копями, и высохшими солеными озерами на границе своего государства. Например, некитайские поселения вдоль монгольской границы, расположенные в пределах большого изгиба Желтой реки вокруг Фэнчжоу, ежегодно добывали свыше четырнадцати тысяч пикулей (центнеров) соли для китайского правительства [7]. Среди различавшихся разновидностей соли, применявшихся в медицине, в кулинарии и в производстве, имелись: «соль варваров-жунов», «блестящая и светлая соль» и «печатная соль». Первая из них являлась на деле

смесью солей, в которую наряду с поташом и хлористым натрием входили водные сульфаты магния, кальция и натрия. Эта смесь была по-разному окрашена примесями, а собирали ее на «солончаковых землях» в безводных районах Северо-Восточного Китая — в Ганьсу и Кукуноре[8]. Одним словом, это были кристаллические залежи, выпавшие в сухих ложах древних озер. «Блестящей и светлой солью» называлась каменная соль[9]. «Печатная соль», названная так за ее внешний вид, была искусственно очищенной солью, имевшей форму больших и прямоугольных кристаллов, похожих по виду на обычные китайские печати на документах[10]; «печатная соль» из Линчжоу в западной части Шэньси была достаточно высокого качества, чтобы быть принимаемой в Чанъани в качестве «местной дани»[11].

При таких богатых собственных запасах, находившихся в распоряжении государственной монополии, удивительно читать о ввозе соли в Китай. Но эта статья торговли действительно не имела слишком большого значения и явно ограничивалась только ввозом цветных солей, считавшихся особенно необходимыми для медицинских целей. Одна из таких солей — «зеленая соль» — не имела ничего общего со столовой солью (хлористым натрием) и уже рассматривалась выше, в главе XI, в разделе «Медный купорос».

«Черная соль» была доставлена в качестве «дани» в 746 г. объединенным посольством от тюргешей, Чача, Кеша, Маймурга и Капиши (вместе с «красной солью»)[12], а в 751 и 753 гг. она поступила также из Хорезма — страны в низовьях Окса, которая была известна тем, что купцы из нее следовали по странам Азии в повозках, запряженных быками[13]. Какое вещество названо «черной солью», остается невыясненным.

Квасцы

И на Востоке и на Западе квасцы использовались в древнем мире лекарями (их вяжущие свойства наиболее известны), красильщиками (в качестве протравы, чтобы преобразовать растворимое красящее вещество в нерастворимое покрытие) и кожевенниками — для придания шкурам животных мягкости. Танские бумагоделы также употребляли квасцы — для лощения наиболее изысканных сортов бумаги[14].

В танском Китае квасцы подразделялись по их цвету. «Белые квасцы» представляли собой квасцы чистые. Цветные квасцы содержали различные примеси, но иногда это могли быть и не настоящие квасцы, а иные гидросульфатные соединения, лишь внешне похожие на квасцы. Какие-то белые квасцы производились в Северном и Северо-Западном Китае, но для тех, кто отделывал императорскую бумагу, квасцы самого лучшего

качества ввозились из Ходжо в Центральной Азии[15]. Византия и Персия также были известны своими превосходными белыми квасцами — кристально чистыми, игольчатой формы; эта разновидность квасцов высоко ценилась китайскими алхимиками отдавали предпочтение персидским квасцам и аптекари[16].

«Желтые квасцы» (вероятно, гидросульфат железа и алюминия, называемый «галотрихит», может быть, в смеси с алуногеном — железными квасцами)[17] присылались как «дань» северо-западными городами Шачжоу и Гуачжоу[18] и пользовались спросом в алхимии и для «крашения шкур»[19]. «Зеленые квасцы» также производились в Гуачжоу[20]. Это был, видимо, мелантерит[21], по цвету похожий на бериллово-зеленое стекло; окислив прокаливанием, его можно было превратить в «малиновые квасцы»[22].

Из Персии поступала и некая изысканная разновидность квасцов с золотыми прожилками. Она также была в почете у алхимиков[23], но что это был за минерал и имел ли он на Дальнем Востоке повседневное практическое применение, остается одинаково неизвестным.

Нашатырь

Хлористый аммоний, или нашатырь, встречается в природе около выходов газа в вулканических районах, но может быть также приготовлен из навоза домашних животных. Население танского Китая ввозило его в «в виде зубовидной селитры, сверкающей и чистой», из Западного края[24], и прежде всего в качестве дани из китайских владений в Куче[25]. Он назывался **njau-ṣa*, передавая какую-то иранскую форму, вероятно согдийскую, родственную персидскому *наушадир*[26]. Танские ювелиры использовали его в качестве флюса для спайки золота и серебра[27]. Нашатырю отводилась видная роль в медицине, а среди лечебных средств он появляется впервые в танское время[28]. Предупреждая, что нашатырь — яд и что его следует применять с осторожностью, танские фармакологи подчеркивали его значение для исцеления бронхиальных заболеваний и других воспалительных процессов[29].

Бура

Бура осаждалась в виде кристаллов по берегам озер в засушливых странах на запад от Китая, в частности в Тибете[30]. Ее привозили из этих стран в танскую державу для нужд ремесленников, занимавшихся металлообработкой, которые для золотого и серебряного припоя использовали свойство буры растворять металлические окислы[31]. Однако бура не упоминается в танских книгах по медицине[32].

Селитра, глауберова соль и английская соль

Танские фармакологи следовали древней традиции, объединяя английскую соль (гидросульфат магния) с глауберовой солью, или мирабилитом (гидросульфат натрия), а их обеих — с селитрой (нитрат калия); их различали по названиям, но воспринимали как близкородственные вещества. Ввозили их из безводных стран Центральной Азии, где они образовывались при выпаривании соленых озер[33].

Из них селитра была лучше всего известна и наиболее важна для производственных нужд благодаря своим свойствам флюса[34]. Не могли без нее обходиться даосские алхимики, употреблялась она и в пиротехнических составах. В танском Китае умели делать красивые фейерверки — «огненные цветы», «серебряные цветы» и «персиковый цветок», а также какой-то вид «огненного колеса»[35]. И для них, очевидно, требовалась селитра. Селитра и сами фейерверки были, в представлении арабов XIII в., настолько связаны с Китаем, что селитру они называли *телдж ас-Син* «китайский снег», а ракеты — *сахм хаттай* «хаттайские стрелы»[36].

Мирабилит в Китае именовался «сырой селитрой»[37], но его роль в танской медицине была менее заметной, чем у английской соли (эпсомит), которую за удлиненную форму кристаллов называли «игольчатой селитрой»[38] и получали из неочищенного мирабилита путем дистилляции[39]. Судя по образчикам, сохранившимся в Сёсоине[40], этот способ давал очень чистое вещество. Танским лекарям были известны слабительные свойства этих реагентов, и они их часто прописывали[41].

Сера

Лекарям танского времени сера была нужна для их составов; еще большую нужду в ней испытывали алхимики, приготавливая киноварный эликсир; шла сера и на изготовление яркой пурпурной краски, необходимой и живописцам, и поставщикам косметики. Сера также использовалась при изготовлении пиротехнических устройств.

Сера применялась при лечении кожных заболеваний, и именно поэтому горячие источники, содержавшие соединения серы, были популярны еще со времен Хань[42]. Считалось, что это вещество обладает теплотворными свойствами, благодаря которым и разогревается вода в купальнях; на этом же основании сера применялась в медицине для согревания тела, например в области поясницы и почек при лечении простуды[43]. С древнейших времен считалось, что чаши, сделанные из серы, наделены необычайными свойствами, в том числе способностью

10 Заказ № 2366

продлевать жизнь. Юань Цзай, верховный министр Дай-цзуна, горячую пищу принимал из фарфоровой посуды, плавающей в холодной воде, а все холодное ел и пил из сосудов, сделанных из серы, стремясь достичь совершенного равновесия между воздействием горячего и холодного и полагая, что это необходимо для телесного здоровья [44]. Один даос-алхимик, некий Вэй Шань-фу, даже утверждал, что он способен с помощью серы избавлять людей от страстей «и поэтому его искусство находило широкое применение» [45].

Сера для всех этих целей веками ввозилась морем из Индонезии [46]; ее добывали там главным образом в вулканических районах. У китайцев это вещество желтого цвета называлось «струящаяся (текучая) желтизна» [47]. Этот термин, употребленный поэтом IX в. для обозначения цветной ткани, не вызывает удивления, ибо это была пора, когда новые цветовые образы были в большой моде. У Вэнь Тин-юня есть строки:

Женщина-крошка,
накинув «текучее желтое»,
Восходит на башню
с заветною цитрою яшмовой [48].

Но на деле, хотя такого рода литературные образы вполне созвучны своей эпохе, они не были созданы заново, а только возрождали старую традицию. Выражение «струящаяся желтизна» (или «текучее желтое»), в частности, употреблено в старинном стихотворении, написанном задолго до танского времени, где оно обозначает желтую чесучу [49].

Красный мышьяк (реальгар)

Как и желтый самородный мышьяк (аурипигмент), реальгар состоит из серы и мышьяка. В Китае его считали (как и желтый мышьяк) «сущностью золота» прежде всего потому, что его находили поблизости от залежей золота [50]. В учении алхимиков существовало представление, что реальгар обладает силой превращать медь в золото и даже сам может становиться золотом [51]. Поэтому ему отводилась основная роль в даосских лабораториях, а при получении эликсира долголетия он олицетворял желтый цвет в его мистическом значении [52]. Обычным названием реальгара было «петушиная желтизна», но его даосское наименование — «сущность киноварной горы» [53].

Реальгар занимал также важное место в медицинском деле, где его предписывали как средство от заболеваний кожи, как антисептическое средство для зараженных ядом ран, как омолаживающее средство и как оберег; для этой последней роли, возможно, предназначалось приготовленное из реальгара яйцо, хранящееся в собрании древних лекарств в Сёсоине. В част-

ности, такое снадобье считалось действенным средством против кошмаров, преследовавших помешанных женщин; больная освобождалась от них после окуривания ее детородных органов горящим шариком из красного мышьяка и смолы [54].

В древности реальгар наряду с самородным мышьяком добывался в некоторых областях Китая. Но в танскую эпоху лучшим считался тот, что ввозился из стран на Западе, название которых не приводится [55]. Существовали значительные залежи сернистых соединений мышьяка в стране Наньчжао, к югу от Дали [56]; видимо, какое-то количество реальгара попадало в танский Китай и оттуда.

Глет

Окись свинца, которую мы называем глет и которая была в танском Китае известна под ее персидским названием *мирдасанг* (реже — «желтые цветы свинца», «желтые клыки» и «желтый дракон») [57], имела два основных назначения. Прежде всего, это было лекарство, назначавшееся при почечуе, при ранах, нанесенных металлическим оружием, и при прочих ранах. Глет был также полезен при пятнах на лице, и поэтому он входил в состав мазей для лица [58]. Во-вторых, глет был нужен тем, кто отделывал деревянную утварь, как средство, высушивающее масляную краску. Танские масляные краски обычно содержали масло судзы ⟨*Perilla Ocymoides*⟩ и часто употреблялись в соединении с прозрачными лаками [59]. Среди средневековых предметов, расписанных маслом, которые известны нам по литературе,— шкатулка для хранения пищи, поднесенная Рокшану Сюань-цзуном [60]. Тяжелые кристаллы глета в виде «зубов желтых драконов» ввозились из Персии. И вплоть до сунского времени китайцы не научились приготовлять глет как побочный продукт от переплавки свинцового блеска в свинец и серебро [61], хотя, возможно, в окутанных тайной тиглях китайских алхимиков это уже проделывали и раньше.

Кальцинированная сода

Желтоватое землистое вещество, применявшееся при стирке белья и как составная часть для приготовления цветных стекол, ввозилась в Китай с «берегов Южных морей» [62]. Это был неочищенный углекислый натрий, видимо получавшийся путем выжигания солончака, подобно барилле средневековых европейских стеклоделов. Китайцы называли кальцинированную соду «природной золой» и применяли ее в этих целях уже в III в. [63]. Но даже в танские времена неспециалисты вроде Чэнь Цан-ци неверно понимали ее назначение, воображая, что агат и яшма, будучи зарытыми в это вещество, «размягчались» до состояния глины, так что их можно было легко формовать [64].

Алмазы

Поясной набор, украшенный алмазами, был наградой китайскому генералу, победившему в начале II в. сюнну (т. е. гуннов). Но эта пряжка могла быть скорее военной добычей, чем китайским изделием, поскольку алмазы — не китайский камень[65]. В другом случае правитель Келантана на Яве послал в V в. китайскому властителю Южной Сун алмазный перстень (вместе с красным попугаем)[66].

Если подобные алмазные украшения и доставлялись когда-либо в танский Китай, они не оставили следа в исторических источниках. Танские алмазы — это алмазы технические. Часть из них должна была попадать в Китай из Индии, которая была главным поставщиком алмазов (как и сандалового дерева и шафрана) для римского Востока, Бнама и Аннама[67]. Но докамбоджийский Бнам по берегам Сиамского залива и сам добывал какие-то алмазы: «По виду они сходны с „лиловым каменным благородством“; они произрастают на скалах на дне вод, и люди ныряют в воду, чтобы достать их; ими можно резать яшму»[68]. Красивым названием «лиловое каменное благородство» обычно обозначается аметист, но было высказано авторитетное предположение, что в данном случае, судя по названию, мог иметься в виду дымчатый кварц[69]. Независимо от того, насколько приемлемо это сопоставление с окрашенными кристаллами кварца, приведенный отрывок правильно показывает подлинное назначение алмазов в танском Китае как гранильного инструмента: алмазы применялись для резания твердых камней и для просверливания жемчугов[70]. Из Центральной Азии ввозились также алмазные наконечники для сверления нефрита в императорских мастерских Чанъани[71]. Еще ближе, совсем под боком у Китая, на северо-западе, алмазные сверла изготовляли уйгуры в Ганьчжоу[72].

Помимо этого будничного назначения алмазы были лучше всего известны в Китае как буддийский символ. Его китайское название — «твердость золота» (или «твердость из золота»), так как считалось, что он образуется внутри золота[73]. Это название — частично китаизированное санскритское слово *ваджра*; так именовали всесокрушающий «перун» Индры, его оружие, называвшееся также алмазной палицей. Нетленное тело Будды было «алмазным телом», а после того как Будда достиг просветления, он воссел на алмазный трон. В танском Китае «Алмазная сутра» (сжатое изложение «Праджняпарамита-сутры», впервые переведенное Кумарадживой) приобрела наивысшую популярность[74].

Но, несмотря на то что алмаз в Китае считался чудодейственной твердости экзотическим веществом, он не был здесь символом богатства, овеянным романтикой, как у нас.

...богатства Инда и Ормуза,
Иль где рукою щедрой на царей
Восток швыряет золото и жемчуг...

Джон Мильтон. Потерянный рай

ГЛАВА XV

ДРАГОЦЕННОСТИ

Царствующий монарх, если он хотел завоевать расположение другого властителя, вряд ли мог придумать что-нибудь лучшее, чем отправить ему драгоценный камень или даже много подобных драгоценностей. И история династии Тан усеяна упоминаниями о доставке таких дипломатических самоцветов в Чанъань. Но, к сожалению, эти камни по названию, приведенному в исторических хрониках, редко можно идентифицировать, в лучшем случае их свойства скрыты весьма неопределенными похвалами: «редкая драгоценность» или «знаменитое сокровище». Можно привести следующие примеры подношения драгоценных камней танскому трону: в 619 г. из Капиши доставлен украшенный самоцветами пояс [1]; в 627 г. хан западных тюрок преподнес золотой пояс со вставками из драгоценных камней и «несметным количеством заклепок» [2]; около 650 г. Гао-цзун, только что придя к власти, получил от тибетского владетеля по имени Сронгцэн-гампо предметы из драгоценных металлов и самоцветов [3]; около 712 г. пояс, усыпанный драгоценностями, был преподнесен мусульманским послом — тем самым, который отказался поклониться Сюань-цзуну, оставив право на такую почесть за Аллахом [4]; в 744 г. драгоценности и лошадей прислали многие западные страны — «страна Ислама», Самарканд, Кеш, Кабудан, Маймург, Джагуда, Тохаристан и тюргеши [5]; в 746 г. через монаха по имени Амогхаваджра много драгоценностей прислал упоминаемый в «Чулавамсе» цейлонский царь Шиламегха [6]; в 815 г. замечательные драгоценности были доставлены из Калинги [7].

Принятие таких драгоценных предметов, видимо, всегда должно было сопровождаться двусмысленным ощущением нравственной вины, однако их охотно принимали как знаки почтительного отношения к Тан в отдаленных частях мира. Примеры того, как Сын Неба в соответствии с пуританским принципом «добродетель прежде богатства» отвергал драгоценные и диковинные подношения, уже приводились выше. Такого аскетического отношения не избежали и самые прекрасные драгоценные камни. Например, когда хан западных тюрок в пер-

вый год существования Тан был пожалован китайским императором княжеским титулом, он послал обожествленному Гаоцзу, Верховному Предку, крупную жемчужину. Эта драгоценность была возвращена со словами: «Этот жемчуг — истинное сокровище, но для нас ценна только совершенная искренность в сердце; и нам эта жемчужина ни к чему» [8].

Так или иначе, пристрастие к драгоценным камням, сохранявшим тем не менее свою притягательность, считалось постыдным, и по нормам традиционной морали для него не было оправданий. С другой стороны, чужеземцы (особенно западные и чаще всего персы), в представлении китайцев, были сплошь любителями и обладателями драгоценных камней, и именно это отличало их от обитателей танской империи. Выражение «бедный перс» воспринималось как вызывающее смех сочетание несовместимых понятий [9], а персидский маг вышагивал по страницам народных танских рассказов не только постигшим премудрости колдовства (к которому, как все думали, он часто прибегает), но и, сверх того, напичканным волшебными самоцветами (которые, как все были уверены, у него всегда при себе). Персидский торговец драгоценными камнями считался знатоком в последней инстанции и в то же самое время человеком, боготворящим драгоценные самоцветы [10]. Он был одновременно объектом и зависти и презрения. Такое отношение можно проиллюстрировать здесь небольшим рассказом, который к тому же передает дух даосской волшебной новеллы.

«Однажды один человек из Линьчуани, по фамилии Цэнь, путешествуя по горам и долам, увидел в воде два белых камня, величиной с семечко лотоса каждый, которые стремительно плыли один за другим. Он выловил их, принес домой и положил в короб для платков. В эту же ночь ему привиделось во сне, что две прекрасные женщины в белых одеждах пришли и прислуживали ему слева и справа, называя друг друга старшей и младшей сестрой. Проснувшись, он понял, что эти женщины должны были быть чудесными воплощениями тех двух камней. Поэтому он стал держать их завязанными в поясе своего одеяния. Позже он прибыл в Юйчжан, где проживал некий западный иноземец из Персии, который приветствовал его и спросил: „У господина есть сокровище?“ Он ответил „Да“. И, извлекши два эти камня, показал их ему. Чужеземец предложил продать их ему за тридцать тысяч. Хотя Цэнь берег эти камни, они были для него бесполезны. Он был рад получить деньги и сбыл камни. Пустив эти деньги в оборот, он стал процветающим и состоятельным человеком и только сожалел, что не расспросил тогда об этих камнях и об их применении» [11].

Охочие до драгоценных камней иноземцы могли даже становиться литературными образами, олицетворяющими скаред-

ность. Такими они предстают в стихотворении загадочного монаха Хань-шаня, в котором голубоглазые торговцы домогаются купить принадлежащую поэту хрустальную бусину — дальневосточную «жемчужину великой ценности», олицетворявшую чистоту истинной буддийской веры [12].

Яшмы

Строго говоря, китайский термин *юй*, переводимый нашим словом «яшма», обозначает и собственно нефрит (крепкий амфибол) [13], и жадеит (твердый пироксен). Классическая китайская яшма — это собственно нефрит, а употребление в Китае жадеита — нововведение более позднего времени. Что же касается той яшмы, что была в обиходе у ацтеков, так это жадеит. Собственно нефритом пользовались племена маори. Существовало своего рода схождение этих двух великих первобытных цивилизаций с культурой Китая в их ритуальном применении царственного нефрита и богоподобных перьев. Это было отмечено Сейчверэллом Ситуэллом: «И это потому, что здесь маорийские воины сохраняют полнейшую невозмутимость по отношению к окружающей обстановке, в чем они походят на призраки великих людей, на тени героев „Илиады“. Недвижное оперение увеличивает их рост, а в правых руках они держат яшмовые скипетры, символ их царственной мощи» [14].

На простое минералогическое отождествление терминов, встречающихся в китайских средневековых текстах, надеяться, однако, не приходится. Слово, которое мы обычно переводим как «яшма», означает в некоторых контекстах лишь «камень с красивым узором», а прилагали его к различным породам камня (например, к драгоценному кремнистому змеевику) главным образом потому, что они напоминали нефрит. Мы встречаем также термины «белая яшма» для обозначения мрамора, «черная яшма» — для гагата, да и мягкие породы, такие, как стеатит и пирофиллит, получали почтительное наименование **ngi̯^{w}ok* — танское слово, к которому восходит *юй* «яшма» современного стандартного произношения. Самой знаменитой из подобных псевдояшм была так называемая «прекрасная яшма Синего Поля»; на самом деле это был зеленый и белый мрамор, добывавшийся на Синем Поле ⟨Ланьтянь⟩ в горах Чжуннань, к югу от Чанъани [15]. Набор каменных колокольчиков, изготовленных из этого красивого камня, был преподнесен преданным повелителем Сюань-цзуном совершенной госпоже Ян, которая любила играть на традиционных литофонах [16].

Каким бы древним и почитаемым ни являлось в Китае искусство резьбы по яшме, сам материал был некитайским. По сведениям древних и по фантастическим представлениям, счита-

лось, что яшма — камень священных гор в центре мирового континента. В «Книге гор и морей» среди гор Запада описана «Яшмовая гора — место обитания Царственной Матери Запада ⟨Си ван-му⟩. Царственная Мать Запада имеет облик человеческого существа, но она леопардохвостая и тигрозубая; она искусно свистит и носит ленту на своих спутанных волосах»[17].

Земным отражением этой воображаемой горы бессмертных был расположенный на южном участке шелкового пути через Сериндию древний город Хотан (в раннетанское время он назывался Гаустана или Гостана, в IX в.— Юттина), царь которого жил в «расписанном доме», управляя народом, отличавшимся коварством и нелепой речью[18]. Это был древний источник всего нефрита, употреблявшегося в Китае[19]. И в танское время из этого города продолжали поступать и белая и темно-зеленая яшмы, потребность в которых испытывали китайские гранильные мастерские[20]. Куски драгоценного нефрита поднимали со дна двух рек, сливавшихся возле Хотана, перед их впадением в реку Тарим. Одна из этих рек называлась Каракаш (Черная Яшма), другая — Юрунгкаш (Белая Яшма). В их водах, «по утверждению людей этой страны, можно добыть прекрасную яшму в тех местах, где они видели много лунного света»[21], так как считалось, что хотанская яшма — это ставший кристаллами лунный свет[22].

Нефрит занимал видное место уже в неолитической культуре Китая, но только как часть общей каменной индустрии, основанной на технике полировки. В период Чжоу этот минерал уже был широко связан с представлениями о царях и богах и его употребляли главным образом для ритуальных и магических предметов. К их числу относились и старинные заостренные царские жезлы, восходящие, возможно, к архаическим топорам; существовали также «астрономические яшмы», с помощью которых царские звездочеты совершали свои наблюдения; были и преисполненные маны таблички, которыми провозглашали вступление на престол Сына Неба; имелись и «погребальные яшмы», которыми закрывали отверстия в теле умершего; существовали также украшения на шляпу и на пояс для мужчин, а также пряжки, рукояти мечей, оправы для ножен и перстни[23]. Возможно, что последние из упомянутых предметов, личные по принадлежности и светские по назначению, были также наделены силой талисмана и выполняли роль оберега. Значительная доля магического смысла, которым их наделяли, была утрачена в ханьское время, но многие из архаических представлений, связанных с такого рода предметами, сохранились, хотя и в сильно измененном виде. Царь-шаман, который с помощью своего скипетра из зеленого нефрита вызывал появление дра-

копа-дождя[24], еще продолжал существовать, но уже в обрамлении обновленных монархических атрибутов. К тому же вокруг этого красивого камня выросла целая вереница поэтических образов и метафор. Его глянцевитый блеск олицетворял благотворность, нравственно обогащенную конфуцианскую добродетель «гуманность», а его крепость и красивая фактура символизировали достоинства благородного человека[25]. В менее возвышенной литературе яшма, особенно молочно-белая, означала физическую красоту женщины, являясь символом идеального совершенства ее тела, так же как это было с мраморными богинями средиземноморского мира.

Все эти значения и способы употребления хотанского нефрита составляли наследие, доставшееся китайцам танского времени,— в чем-то отмершее, но более или менее изящно набальзамированное, а в чем-то вполне живое. К числу последних относится обычай изготавливать из яшмы ритуальные принадлежности — вместилища божественной мощи.

Самыми священными и сокровенными из такого рода предметов были таблички, закладывавшиеся Сыном Неба на горе Тай в Шаньдуне, когда он исполнял древнее жертвоприношение *фэн* и *шань*, воздавая благодарение великим богам (в том числе и своим собственным божественным предкам) за милости[26], дарованные ему самому и его династии. Когда в 666 г. Гао-цзун, поскольку это была его прерогатива, совершил такой священный обряд, раскрывавший путь сообщения с Небом, он использовал «три яшмовые таблички с письменами, все забранные в золото. Каждая табличка была в один *чи* и два *цуня* длиною, в один и две части *цуня* шириною и в три части [*цуня*] толщиною. Надписи, вырезанные на них, были заполнены золотом; и еще была сделана шкатулка из яшмы для хранения этих табличек»[27]. Подобные посвятительные таблички, некоторые с многоцветными изображениями воинов в золотых доспехах, были среди сокровищ, найденных в могиле Ван Цзяня, правителя Сычуани начала X в.[28].

Указ Сюань-цзуна ⟨II⟩ порицал употребление дешевых заменителей для ритуальной утвари вместо яшмы, ибо такая практика грозила нарушением божественно установленной гармонии. В соответствии с этим было приказано, «отныне и впредь для Шести Драгоценностей, приносимых при поклонениях духам, и для жертвенных яшм в храмах предков единообразно применять подлинные яшмы, но в простых священнодействиях можно употреблять заменители. Буде же ею трудно обзавестись, предпочтительнее уменьшить пропорции и величину крупных предметов, с тем чтобы яшма оставалась подлинной»[29].

Должно быть, эта экономия на материале была вынужденной мерой, поскольку яшма ясно предписывалась обрядовыми ус-

тановлениями для всех сосудов, используемых при поклонении богам.

В танское время яшма употреблялась, кроме того (во всяком случае, теми лицами, которые могли себе позволить такую покупку), для разного рода небольших изделий, красивых и имевших практическое применение. К ним относятся вазочки и коробочки, иногда вырезавшиеся прямоугольными по архаическим образцам времени Поздней Чжоу, зачастую из желтой или коричневой яшмы, пользовавшейся любовью в древности [30], но с таким же успехом их делали и в более «естественном» новом стиле и из более привычных видов яшмы — зеленой и белой. Придворные дамы, например, держали благовония [31] в яшмовых коробочках, имевших форму черепахи. Не все такие предметы были изделиями танских мастеров: небольшая «яшмовая чаша из Курунга для вина» могла быть названа так скорее за манеру отделки, чем по месту ее происхождения [32], а яшмовый кубок, «весьма драгоценный и не имеющий себе подобных», приобретенный в Тибете, был явно произведением высокогорий Центральной Азии [33].

Старинной традицией было и ношение украшений из яшмы, хотя форма их могла быть и новой. Мы располагаем дошедшими от эпохи Тан женскими украшениями для волос — яшмовыми фигурками птиц, отделанными золотом и серебром, и тыльными сторонами гребней из яшмы, украшенными рельефными фигурками людей и животных [34]. Яшмовые подвески на поясе в виде рыб, свидетельствуя о чинах и престиже, также приобрели распространение [35]. Некоторые из подобных безделушек доставлялись из-за рубежа, как это было с белым яшмовым перстнем — подношением Самарканда Сюань-цзуну [36].

Вместо старинных поясов из кожи или из металлических колец, какие носили при династии Суй, среди танской знати распространилась мода на ношение поясов, изготовленных из яшмовых пластин. Но даже они бывали иногда дарами иноземцев. Пояс, присланный Тай-цзуну царем Хотана в 632 г., состоял из двадцати четырех зеленых пластин и был задуман — под иранским влиянием — так, чтобы изобразить разные стадии полной и ущербной луны [37]. Несколько раз на протяжении первой половины IX в. яшмовые пояса танским правителям присылали тибетцы [38]. Царский пояс, украшенный семью яшмовыми пластинами с вырезанными на них драконами, был найден в погребении Ван Цзяня, правившего в Сычуани как до, так и после падения династии Тан в 907 г. [39].

Из яшмы в танскую эпоху было выполнено много миниатюрных изваяний: верблюды, львы, черепахи, зайцы и различные птицы, а также мифические и символические персонажи вроде китайского «феникса» [40]. В яшме были запечатлены лю-

бимые лошади Сюань-цзуна: эти их изображения известны не только по упоминаниям в литературе, но и по иллюстрированным книгам более позднего времени [41]. Драгоценная Супруга Ян (она, как известно, была полной) страдала во время летнего зноя от «иссушения легких» и, чтобы избавиться от этого состояния, держала во рту яшмовую рыбку [42]. Другая миниатюрная фигурка животного из яшмы была не менее знаменита, но играла не целительную, а скорее символическую или пророческую роль. Рассказывают, что, когда несколько принцев были заняты игрой во дворце, мать императора выложила перед ними множество яшмовых вещиц, «которые были данью западных стран», чтобы понаблюдать, как мальчики будут бороться за обладание этими вещами. Только один мальчик оставался в стороне и был спокоен — это был будущий Сюань-цзун, которого повелительница по этой причине сочла предназначенным быть «Сыном Неба Великого Спокойствия», т. е. призванным царствовать во всеобщем мире. Она дала ему маленького яшмового дракона в память об этом эпизоде, и в последующие годы властитель молился этому талисману во время засух [43].

Иногда из яшмы делали изображения божеств: в буддийском храме, называвшемся Расцвет Добра [44], была яшмовая статуя Будды в один *чи* и семь *цуней* высотою, с бодхисаттвами и «летающими небожителями», сделанными из того же камня [45].

Яшма из Хотана имела особое применение, ведущее начало от древних даосских представлений: ее употребляли в качестве средства для облегчения телесной оболочки и продления ее жизни. Это свойство яшмы попросту включено в императорский фармакологический перечень наряду с другими лекарствами. Для приема внутрь ради таких необычных целей лучшим видом этого снадобья считалась яшма, превращенная по старинному алхимическому рецепту в жидкость; но и сам этот минерал в виде порошка или мелких крупинок также мог быть проглочен для очищения внутренних органов [46].

Хрусталь

Под хрусталем или горным хрусталем мы понимаем чистый прозрачный кристаллический кварц, т. е. бесцветный природный кремнезем. Его китайское название — «зародыш [или «семя» или «сущность»] воды» — этимологически не противоречит древнему китайскому представлению о том, что этот минерал является окаменевшим льдом,— мнение, знакомое также Плинию Старшему [47]. Горный хрусталь — минерал широко распространенный, он высоко ценится только тогда, когда совершенно чист и прозрачен. Это качество (наряду с необычайно изящной работой) должно было отличать изделия из хрусталя, ввозившиеся

в танский Китай,— четки, привезенные в качестве подношения японским монахом Эннином [48], или предметы из горного хрусталя (в том числе и чаши для питья), доставлявшиеся несколько раз ко двору в VIII в. в качестве царских даров из Самарканда [49], или хрустальную чашу, присланную из Капиши [50].

Горный хрусталь фактически служил для тех же самых целей, что и любой другой твердый поделочный камень. Но благодаря своей ясной и прозрачной красоте он был подходящим материалом и для мастеров волшебной страны. «Не боящийся пламени воробей», один из пунктов в списке чудесной дани у Су Э, был доставлен в хрустальном коробе [51], а Лунная Дева в стихотворении IX в.— как подарок своему земному возлюбленному:

В пустоте бирюзовой обронила она
    свою шпильку из «сущности водной» [52].

Хрусталь — сам по себе очень удобный материал для описания в сравнениях и метафорах. Поэтому хрустальные предметы часто встречаются в поэтических образах, связанных со льдом, водой, каплями росы и даже лунным светом. Достаточно характерен такой отрывок из стихотворения о хрустальных четках:

Обточены четки искусной рукою,
    жемчужная нить создана;
Чиста безупречно, бесцветна, прозрачна,
    посмотришь — почти не видна;
Ни звездному блеску, ни лунному свету
    ни в чем не уступит она [53].

Или такие строки, также о нитке бус у монаха:

Кусочки, подобные вешнему льду,
    закончил сверлить и гранить... [54].

Или же:

Бывает, что каплю
    уронит на лотоса лист,—
Такую росу
    увидеть и людям случается [55].

Или еще четверостишие Вэй Ин-у, воспевающее хрусталь — «сущность воды»:

На гранях ее —
    везде отраженья вещей,
Сама ж и внутри
    она остается пустою.
Беру я ее
    и к лунному свету несу.
Блестит и горит,
    а вдруг она станет водою? [56].

От такого рода строк отличается принадлежащее перу Ли Бо описание цветущего белыми цветами орехового дерева, превращенного воображением поэта в фигуру монаха, перебирающего четки:

Внутри рукава из красного шелка
    рассмотришь цветок без труда;
На блюде-подносе из белой яшмы
    глядишь — его словно бы нету.
Похоже, как будто старый монах
    закончил твердить молитвы
И вниз роняет с запястий своих
    жемчуг — «водная сущность» по цвету [57].

Цветовые образы, связанные с минералами, видимо, вообще более обычны, чем это можно было бы представить (если кто-нибудь задумался о подобных вещах). Старые метафоры-стереотипы такого рода были связаны с красителями (вроде нашего пурпура, лазури и т. п.), но ко временам Тан большинство из них уже утратило свою свежесть. Хотя ни одному китайскому средневековому поэту того времени еще не дано было достичь даже того, до чего дошел Марлоу, для которого «вещи зеленые суть изумруды, синие — это сапфиры, желтые — золото или топазы, белые — слоновая кость, тогда как ясная прозрачность потока или фонтана — неизменно серебряная или хрустальная» [58], но даже небольшое исследование показывает, что китайцы были столь же склонны отыскивать неожиданные самоцветы в мире деревьев, птиц и цветов, как и тибетские барды, у которых «в долине, где сверкание скал алмазных, есть озеро с поверхностью зеркальной, подобной золоту и бирюзе» [59].

Сердолик

Под сердоликом мы подразумеваем красноватую разновидность халцедона, т. е. полупрозрачного скрытокристаллического кремнезема. Здесь этим словом переводится китайское *манао* (этимологизируется как «лошадиный мозг») — термин, который прежде гораздо чаще понимался и переводился как «агат». Агат — название, прилагаемое к полосатым разновидностям халцедона, прослойки которого контрастны по цвету, например серо-голубые и белые. Но китайское слово *манао* (в танские времена, во всяком случае) обычно подразумевает какой-либо оттенок красного. И если мы переводили бы *манао* как «агат», то пришлось бы пояснить, что имеется в виду агат, в котором красноватый тон является преобладающим. Поэтому проще говорить «сердолик». Можно привести ряд примеров, показывающих, что *манао* было связано с представлением о красноватом оттенке. В 846 г. «страна Бохай прислала в качестве дани шка-

тулку из *манао*, квадратную, со стороной в три *чи*, по цвету — темная марена; искусность работы — бесподобная»[60]. В другом случае человек, разбивший блюдо из *манао,* отправил мелкие его обломки своему приятелю, назвав их семечками граната, а этот приятель пробовал их есть[61]. Наконец, «*манао* — это застывшая кровь призрака»[62]. Марена, гранат, кровь — все это свидетельства в пользу сердолика.

Сердолик в определенных количествах ввозился с Запада и весь шел на изготовление мелкой утвари[63]. Мы знаем конкретные случаи присылки сердолика (в том числе и ваз из этого материала) к танскому двору из Самарканда[64] и Тохаристана[65]. Последняя страна представила этот минерал в качестве дорогого подарка в необработанном виде, и следует полагать, что в итоге он попал к танским придворным камнерезам. Персидское посольство в VIII в. (от какого-то правительства, находящегося в изгнании?) преподнесло сердоликовое ложе[66]. Но этот ценный материал поступал и с Востока: в 730 г. племена мохэ из страны Бохай прислали сердоликовую чашу[67], а еще раньше, в 655 г., огромный светильник из этого красного камня был доставлен из Японии[68]. Но «сердолик», ввозившийся из Японии, определенно не всегда был подлинным[69].

Танская литература изобилует упоминаниями о чашах, блюдах, кубках, кувшинах и прочих видах сосудов, вырезанных из сердолика. Мы можем даже увидеть в Сёсоине танское «агатовое» блюдо, имеющее форму широкого листа с прожилками[70]. Создается впечатление, что танские камнерезы достигли совершенства в вытачивании мелкой утвари такого рода, тогда как хотанские резчики драгоценных камней специализировались, со своей стороны, в гравировке по сердолику и халцедону инталий с изображениями миниатюрных фигурок животных[71].

Малахит

Малахит, основная углекислая соль меди, имеющая зеленый цвет, может перерабатываться как металлическая руда, может измельчаться для приготовления художественных красок, или же (в особенности, когда малахит изумрудно-зеленый и имеет красивые прожилки, как агат) из него можно вырезать различные украшения и предметы утвари. Наиболее прославлен в новое время замечательный уральский малахит, служивший в России для изготовления столешниц и тонких инкрустаций. Для различных подобных целей малахит в зависимости от его качества употреблялся и в Китае. Малахит и азурит, его сородич синего цвета, добывались в танское время как сырье для изготовления красок в Дайчжоу (на севере провинции Шаньси)[72]. Медные рудники в Синьчжоу[73] (на востоке современной

провинции Цзянси), несомненно, давали и малахит (это очень распространенная форма меди в природном состоянии), но ценные сорта этого минерала, видимо, не встречались там до XI в., когда в этом городе расцвело местное производство ювелирных изделий для одежды[74]. Сюаньчжоу (юг провинции Аньхой) тоже давал малахит, который был включен в число местной подати этого округа, однако неизвестно, шел ли этот малахит для камнерезных работ или же только для изготовления красок[75]. Существует рассказ о малахитовом подзеркальнике, относящийся к VIII в.[76], но в действительности, видимо, обрабатывали лишь небольшие количества этого минерала, и в литературе он упоминается только изредка. Поводом для того, чтобы вспомнить о малахите, рассматривая экзотические для Китая предметы, служат сведения о присылке в 643 г. в дар из Рима «каменной зелени» (так называли обычно малахит в Китае)[77]. Но и здесь наши источники умалчивают, в каком виде этот малахит был поднесен в дар.

В X в. малахит появляется в Китае в новой роли. И хотя это уводит нас за рамки танской эпохи, сам предмет достаточно интересен, чтобы здесь на нем остановиться. В это время вошло в моду украшать подносы и блюда миниатюрными изображениями гор, особенно неровных и скалистых. Это обыкновение имело древнюю традицию. Китайцы ханьского времени знали курильницы для благовоний в виде горы Мироздания. Однако где-то в начале VII в. в какой-то стране Дальнего Востока возникла мысль делать их не из искусственных материалов, таких, как металл или глина, а просто из камня, чтобы придать изделию естественный облик миниатюрной горы. Одним из прототипов послужила гора-курильница из натурального камня, помещенная в чашу; корейское государство Пэкче преподнесло ее японской императрице Суйко. Эта курильница стала одной из «прародительниц» украшенных «скалами» садиков, которые во времена Сун назывались «горами в чашах»[78]. Это название еще не вошло в обиход в танскую эпоху, хотя мы знаем об относящихся к этому периоду «озерах в чашах», очевидно представлявших собой искусственные садики, устроенные вокруг миниатюрного бассейна в широком сосуде[79]. Три века спустя (в начале X в.) мы читаем о крошечных горах, сделанных из дорогостоящих синих и зеленых минералов:

«Богатство главного ревизора Сунь Чэн-ю из У-Юэ превосходило богатство приемов у самого узурпатора. Он истратил тысячу металлических монет, чтобы приобрести на рынке лампу из „каменной зелени", причем Небом данные очертания камня были зазубрены наподобие горы. Он приказал своим мастерам переделать лампу в „гору мироздания" для курения благовоний. На высшей точке ее вершины было сделано скрытое отвер-

стие для дыма, устроенное так, чтобы он сначала скапливался с одной стороны, а потом через свободный выход клубом поднимался прямо вверх. Это было воистину прекрасное зрелище, и его друзья и близкие копировали это сооружение, называя его „неповторимой горой“» [80].

Эта малахитовая гора была не единственным редкостным созданием такого рода у Сунь Чэн-ю: у него имелась также миниатюрная гора Ли (место знаменитых горячих источников близ Западной столицы), сделанная из борнеоской камфоры, сваренной в молоке [81].

В эту же самую пору, т. е. в первых десятилетиях X в., князь киданей, владевших Южной Маньчжурией, приобрел камень, отделанный в виде нескольких вершин,— ландшафт, называвшийся «Вместилище из полой синевы» [82] («полая синева» — древнее название азурита, синей разновидности основной углекислой меди, родного брата малахита).

Более ста лет спустя владение Дали, преемник государства Наньчжао в Юньнани, отправило послов к сунскому двору, чтобы преподнести (наряду с мечами, доспехом из шкуры носорога, коврами, седлами и уздечками) «гору» из темно-синего (или темно-зеленого) камня, называвшегося *бигань* [83]. Однако неизвестно, был ли это малахит, или окрашенное стекло (как позволяет предполагать танский источник), или сине-зеленый коралл (о существовании такого есть надежные данные), или, может быть, дорогой зеленый змеевик [84]. Во времена Тан восхитительный и загадочный *бигань* доставлялся с далекого Юго-Запада через посредство туземных народов Юньнани и Бирмы, но был он также и произведением Хотана [85].

Ляпис-лазурь

Место, которое занимал лазурный камень [86] в жизни дальневосточного мира, долго оставалось загадкой в основном потому, что в текстах, предшествовавших монгольскому периоду, не удавалось определить китайский термин, которым этот минерал обозначался. Теперь оказывается, что слово *сэсэ* (древнекитайское **sḙt-sḙt*), прилагавшееся людьми танской эпохи к темно-синему самоцвету, как правило, значило ляпис-лазурь (ляпис-лазули, лазурик), но иногда этим словом обозначался и содалит (синяя разновидность полевого шпата, от которого ляпис-лазури трудно отличить) [87], а в отдельных случаях — даже сапфир. Обоснование отождествления *сэсэ* = ляпис-лазурь вынесено из текста в пространное примечание [88], а все приводимые ниже упоминания ляпис-лазури в китайских источниках подтверждают правильность этого отождествления.

Оказывается, что жители танского Китая покупали ляпис-лазурь в Хотане — любимом богиней земли городе пяти крепостей, реки которого были богаты яшмой [89]. В конце VIII в. китайский император послал своего представителя по имени Чжу Жу-юй (имя которого в переводе значит «жемчуг, подобный яшме»!), чтобы тот раздобыл для него в Хотане изделия из яшмы. Посол возвратился с жезлом, поясными украшениями, изголовьем, шпильками, косметическими коробочками, браслетами и другими вещами из самого лучшего нефрита, а также привез с собой «сотни *цзиней* ляпис-лазури наряду с прочими сокровищами» [90]. Хотанские торговцы, видимо, обогащались не только за счет продажи местных яшм, но и перепродавая драгоценные камни. И века спустя ляпис-лазурь была известна в Китае как «хотанский камень» [91]. Название показывает, что хотанские базары самоцветов монополизировали дальневосточную торговлю этим драгоценным камнем, как и «прочими сокровищами».

Подлинной родиной ляпис-лазури был благодатный для здоровья и богатый пастбищами Бадахшан — древнее и хорошо известное место добычи этого минерала [92]. Здесь, в долине реки Кокча, впадающей в Окс (Амударья), ископаемую лазурь — иногда красивого ярко-синего цвета, иногда бледно-голубого, зеленого или серого — выбирали из материнской известняковой породы. Здесь добывали также красные шпинели, называвшиеся «прозрачными рубинами», которые пользовались не меньшей славой на средневековом Востоке [93]. Существование этих копей было известно китайцам, правильно помещавшим их к юго-востоку от Чача (современный Ташкент) — родины прославленных танцоров [94]. Гао Сянь-чжи, корейский генерал, возглавлявший китайские военные силы на Западе, когда он разграбил Чач в 750 г., захватил там (наряду с золотом, верблюдами и породистыми лошадьми) множество прекрасной ляпис-лазури [95].

Хотя главным поставщиком этого минерала в Центральную и Восточную Азию был Чач, а продажу его на Восток осуществлял Хотан, китайцы считали ляпис-лазурь в целом персидским самоцветом [96]. И они не ошибались в этом. Ляпис-лазурь не только была в числе наиболее употребительных минералов (наряду с сардониксом, агатом, гранатом и яшмой), из которых при Сасанидах, как это известно из археологии [97], изготавливали геммы, но и имела особое значение в персидской небесной символике. Мы встречаем ее в Тахти-такдес — «троне в форме купола» — Хосрова II; над троном был балдахин из ляпис-лазури и золота с изображением звезд и планет на синеве неба, знаков зодиака и мировых «поясов» наряду с изображениями древних царей [98].

Что же касается ромеев, в Китай дошли сведения о дворце басилевса, створки дверей которого были из слоновой кости, полы — из золота, балки — из благовонного дерева, царское место — из хрусталя и цветного стекла, а колонны — из ляпис-лазури [99]. Этот рассказ может быть отголоском сведений о царском зале или о соборе в Константинополе VI или VII вв.— о золотых вставках в его мозаичном полу и о его колоннах, украшенных ультрамарином. Плиний Старший описывал ляпис-лазурь под именем *sapphiros*, имея в виду его разновидность с включениями пирита. «In sapphiris enim aurum punctis collucet caeruleis» («В сапфире поистине золотые точки сверкают на синем»),— писал он, напоминая нам о другом китайском названии ляпис-лазури — «камень золотой звезды», которое в сунскую эпоху служило синонимом для термина «хотанский камень». Плиний сообщал, что лучшая ляпис-лазурь поступает из Мидии [100].

В самом Китае кусочки ляпис-лазури считались роскошным подарком. Сестра Ян Гуй-фэй, принцесса, известная своей экстравагантностью, большое количество этого минерала, насыпанного в золотую чашу, отдала плотникам, которые возвели для нее новый дворец [101]. Из этого минерала изготовляли лучшие ювелирные изделия. К числу достоверных относятся сведения о том, что, когда двор Сюань-цзуна в десятую луну ежегодно перемещался в зимний дворец у горячих ключей близ горы Ли, блистательный кортеж наполнял долину парчовыми нарядами и экзотическими запахами, оставляя за собой вдоль дороги след из позолоченных туфель и бус из ляпис-лазури [102]. Пояс, усеянный пластинами из ляпис-лазури фиолетово-синего цвета, который сохранился в Сёсоине, видимо, представляет собой типичную перевязь придворного VIII в. В этой же сокровищнице хранится «магический жезл» из слоновой кости, отделанный рогом и синим лазуриком [103].

Китайцы не были одиноки среди дальневосточных народов в своем восторженном отношении к этому синему самоцвету. Тибетцы ценили его выше всего прочего, ставя даже выше золота [104]; обитатели гор, они видели в нем олицетворение лазурного неба и говорили, что волосы почитавшихся ими богинь — цвета ляпис-лазури [105]. И мужчины и женщины там украшали им свои головы [106]. Более позднее китайское известие (оно относится к X в.) утверждает, что тибетские мужчины той поры носили китайские шляпы, тогда как их женщины носили бусы из *сэсэ*, вплетая их в волосы [107]. Какие-то из таких бус и были легендарными «бусами ценою в лошадь», впервые упоминаемыми в этом столетии, и, возможно, они были не из ляпис-лазури, а из темных сапфиров в форме сферы или кабошона [108].

Лазурит был также излюбленным украшением волос (наряду с раковинами и янтарем) у знатных женщин Наньчжао,

а царь этой страны посылал ляпис-лазурь и янтарь китайскому Сыну Неба [109]. Также и танские дамы для украшения своих волос отдавали предпочтение лазуриту: поэт IX в. Вэнь Тинюнь посвятил целое стихотворение теме «Шпильки из ляпис-лазури», описывая набор самоцветов, «подобный льду, окрашенному в цвета зимородка», в «падающих облаках» черных волос женщины [110].

Этот синий минерал в равной степени подходил и для отделки священных предметов. Например, им было усыпано знамя яркой расцветки, сопровождавшее позолоченную и благоухающую повозку, в которой покоилась священная реликвия — кость Будды, когда в 873 г. ее везли, чтобы представить на милостивое обозрение государя [111]. Ляпис-лазурь иногда могла, видимо, употребляться и на такие изделия крупных размеров (или же они только отделывались снаружи этим минералом), как изголовье, принадлежавшее (вместе с золотым ложем) одному чиновнику из Ведомства соли и железа в Фуцзяни [112].

Мы не встречаем, однако, упоминаний об использовании ляпис-лазури в китайской архитектуре, хотя, возможно, это объясняется пробелами в дошедших до нас средневековых источниках. О танских храмах не сообщается ничего, что было бы сопоставимо со сведениями о «лазурных» колоннах в Византии. Это, и правда, даже в какой-то мере неожиданно, поскольку ляпис-лазурь очень подходит для отделки зданий и особенно сооружений, наделенных космической символикой. Мы видели это на примере и Византии, и искусственного неба над сасанидским царем. И можем снова увидеть, уже спустя столетия, в Исаакиевском соборе, возведенном в Санкт-Петербурге,— «его колонны у входа из ляпис-лазури, а колонны в алтарной части из малахита» или — как отражение пережиточных культурных представлений — в Царском Селе, где имелась «комната со стенными панелями, обшитыми янтарем в честь Балтики и ее песчаных дюн, и ляпис-лазурный зал, паркет из черного дерева в котором был инкрустирован венками из жемчуга» [113]. По понятиям средневекового Китая, описанная картина более соответствовала бы не России, а Ирану, ибо и ляпис-лазурь и янтарь, в представлении китайцев, ассоциировались с Персией, хотя и добывались совсем не там. Но, насколько мы можем судить, в самом Китае подобные сооружения не вызвали повторений. Правда, при династии Тан была сделана попытка возобновить древний Сияющий Зал — обрядовый храм Сына Неба с его небесно-синим сводом, что должно бы было подтолкнуть к использованию лазурного камня. И наше воображение подсказывает, что так оно и было.

Однако для украшения императорского сада ляпис-лазурь могла быть действительно употреблена. Сюань-цзун, имевший

обыкновение вместе со своей фавориткой и со всем двором проводить зиму у теплых источников в Украшенном Цветами Светлом Дворце, среди лесистых холмов к востоку от стольного града, построил там, на одном из прудов с водой из минерального источника, микрокосмический остров-гору из ляпис-лазури, вокруг которого обитательницы его сераля катались в покрытых лаком лодках из сандалового дерева [114]. Этот великолепный образчик искусственного ландшафта, являвшийся вершиной великосветского увлечения садами, относится ко времени, которое на сто лет предшествует первому случаю использования необработанных природных обломков скал для изображения горы Мироздания — причудливого творения таких людей, как Бо Цзюй-и и Ню Сэн-жу [115].

В XII в. был в ходу искусственный *сэсэ* — по-видимому, синяя паста [116]. Этот псевдолазурит, возможно, изготовлялся еще даже во времена Тан [117], а большинство полупрозрачного *сэсэ* танской эпохи, может быть, является поддельной ляпис-лазурью. Точно таким же образом древние египтяне изготавливали подражания ляпис-лазури для использования во вставках, какими инкрустированы погребальные маски и другие изделия в гробнице Тутанхамона [118]. Существует много ассирийских текстов VII в. до н. э., содержащих составы этой пасты, в том числе рецепт изготовления *ṣipru* (=*ṣapphiros*), т. е. ляпис-лазури [119].

Популярность этого красивого самоцвета, привозимого с далекого Запада, привела к созданию нового цветового образа, связанного с глубокой и ровной синевой ультрамарина [120]. Поэзия нуждалась в названии для этого особого цвета: древнее слово *би* (**pi̯äk*), первоначально также служившее названием минерала, теперь употреблялось для всех темных оттенков сине-зеленой части спектра. Более точный образ был созданием поэта Бо Цзюй-и. Он произвел название цвета от термина, означавшего сам минерал, точно так же как наша «лазурь» — цветовой термин, происходящий от минералогического обозначения. Таким образом, Бо Цзюй-и — предтеча Чосера, первого английского поэта, употребившего слово «лазурь» (английское *azure* от персидского *лазвард*) в значении «синий» вместо его обычного содержания «минерал ляпис-лазури» [121]. Подобные метафоры из мира минералов не были новшеством для китайской поэзии. Например, император Цзяньвэнь-ди из династии Лян в VI в. написал такое двустишие:

В тучах раскрылись
листья из сердолика,
В водах очистились
волны цвета берилла [122].

Здесь сердолик — *манао* (см. выше) — означает оранжево-красный цвет, а под бериллом — *люли* — подразумевают искус-

ственные бериллы или, возможно, ляпис-лазурь, т. е. синюю или сине-зеленую пасту.

Само слово *сэсэ* (**ṣvt-ṣvt*), образованное удвоением, использовалось в поэзии и до IX в., но безотносительно к цвету: это было звукоподражательное образование, передающее такие звуки, как шелест или шуршание ветра в листве. Литературовед XVI в. Ян Шэнь первым обнаружил, что это слово, часто встречающееся в стихотворениях Бо Цзюй-и, не имеет (как полагали современники Ян Шэня) обычного значения в произведениях этого автора, а служит ярким цветовым образом [123]. Как и в примере с синим стеклом в стихах лянского императора, Бо Цзюй-и использует слово «ляпис-лазурь» (или «темная лазурь», или «ультрамарин» — все три перевода одинаково приемлемы) как эпитет к цвету зыби на воде, вздымаемой ветром, а также к камню в своем саду и к «осени» (конечно, к темному осеннему небу). В последнем примере ультрамарин осени представляет разительный контраст по отношению к красным осенним листьям, напоминающим сердоликовые листья Цзяньвэнь-ди. В начале IX в. такое противопоставление цветов было поистине экзотическим образом, но постепенно он становится избитым у изысканных поэтов X в., освоивших находку Бо Цзюй-и; контраст ультрамарину составляла дорогая пурпурная ткань, именовавшаяся «кровь гиббона». Мы встречаем это новое сопоставление в стихотворении Фан Ганя (около 860 г.), у которого темный ультрамарин леса оттенен «кровью гиббона» в цветнике. В стихотворении Вэй Чжуана (около 900 г.) темная лазурь (ляпис-лазурь) волн реки контрастирует с кроваво-красной («цвета гиббона») палитрой акварелиста. А в стихотворении Инь Вэнь-гуя (около 904 г.) читаем:

Цветов сердцевины росою отмыты
    от красной «гиббоновой крови»;
На водной поверхности ветер накинул
    сеть ляпис-лазурного шелка [124].

А вот целое четверостишие (одно из цикла, состоящего из четырех волшебных стихотворений) даровитого монаха Гуань-сю (он в равной степени был знаменит и как поэт, и как живописец), в котором лазурный цвет контрастирует, скорее, с золотым.

Вот три иль четыре
    бессмертные юные девы;
На каждой надета
    одежда лазурного цвета.
В руках они держат
    как месяц сияющий жемчуг,
Сбивают они
    золотистые персики с веток [125].

И так же как этот новый цвет органично соответствует такому видению, так и даосская образность естественна у буддийского священнослужителя конца IX в. Все такого рода соединения цветов в пары были обновлением древних избитых словосочетаний, уже утративших живость и красочность: *циндань*, т. е. «лазурь и киноварь», обычное метафорическое обозначение многоцветной живописи, уже «слиняло» в «синий и ярко-красный».

«Сущность металла»

В 643 г. Тай-цзун принял послов от «царя Рима» [126], которые доставили в качестве подношений красное и зеленое стекло, малахит и нечто, называвшееся «сущность металла» [127]. Ромеи поведали о вторжениях арабов в их страну и были хорошо приняты императором, который дал им грамоты с оттиском его печати и прекрасные шелка. В другой раз, в 741 г., Тохаристан прислал в Чанъань миссию, привезшую цветное стекло, необработанный сердолик и необработанную «сущность металла» [128]. Этот же загадочный камень (ибо складывается впечатление, что это был драгоценный камень) был прислан в Китай царем Шугнана [129], а в Чанъани стало известно, что он добывается «шлифовальщиками камня» из реки Куран, по соседству с Тохаристаном [130].

Поскольку термин «сущность металла» в качестве названия привозного самоцвета как будто не встречается позже танского времени, нам придется обратиться к более ранним (дотанским) источникам, чтобы объяснить это выражение и найти ключ к отождествлению этого камня. Характерный отрывок, относящийся к первой половине V в., повествует о появлении белых живых существ: волков, зайцев, воробьев, фазанов, голубей — «подобные считаются добрым предзнаменованием „белого", давая рождение „сущности металла"» [131]. Это означает, что такие поразительные существа-альбиносы были проявлением «белого начала», соответствующего и Западу, и «стихии» металла — с точки зрения широко распространенного учения о пяти стихиях. Вот другой пример, уже относящийся к танскому времени:

«Сущность Звезды Металла упала на западный склон Вершины Жезла в [горах] Чжуннань, и поэтому ее называют Великая Белая Гора. Эта сущность превратилась в белый камень, по виду похожий на прекрасную яшму...» [132].

И Звезда Металла, и Великая Белая Гора — названия белой планеты Венеры, которой в этом отрывке придана роль космического источника камня, напоминающего окраской и прозрачностью светлую яшму. В другом случае поэт Пи Жи-сю описывал воду в таких выражениях:

Столь же чиста,
    что и белый «яшмовый мозг»:
Так же плывет,
    как и свежая «золота сущность»[133].

«Яшмовый мозг» — древнее обозначение волшебного даосского настоя измельченной яшмы; оно также получило значение «халцедон». Этими стихами подтверждается предположение, что «сущность металла» — это камень водяной или жемчужной белизны, сравнимый с белым халцедоном или яшмой[134].

Трудно решить, чем же на самом деле мог быть этот странный камень, недолго ввозившийся в Китай при династии Тан. Мы видели, что его представляли как сгусток сверхъестественной «сущности металла» (металл был стихией Запада и осени) и как сгусток лунной белизны, тогда как лазурит считался «сущностью меди», а мышьяк — «сущностью золота». Словом, это был довольно редкий полудрагоценный камень красивого глянцевитого белого цвета. Наиболее вероятно, что это — лунный камень, называемый также адуляром, разновидность полевого шпата-ортоклаза, отличающаяся жемчужно-переливчатой белизной. Видимо, это и есть *ceraunia*, которую Плиний Старший приводит в числе белых самоцветов, что «получает свет и блеск не только от солнца и от луны, но также и от звезд» и поступает из Кермана в Персии[135].

Стекло

Стекло было известно в Китае много веков и производилось там начиная с эпохи Поздней Чжоу[136]. В китайском языке различались два вида стекла — *люли* и *боли*. Словом *люли* обозначалось непрозрачное или только слабо проницаемое для света окрашенное стекло, а то и цветная керамическая глазурь. Эта масса была сродни свинцовому стеклу, которое мы называем пастой. Оно, как и паста, предназначалось для замены природных самоцветов, особенно синих и зеленых[137]. Иногда *люли* путали с настоящими минералами, такими, как ляпис-лазурь, берилл и, можно не сомневаться, бирюза. В противоположность *люли* стекло *боли* было прозрачным, даже бесцветным, как горный хрусталь, и сопоставлялось с водой и льдом или другими веществами светлой окраски. *Люли* знали в Китае давно, тогда как дутые сосуды из стекла *боли* были новинкой в танском государстве[138].

Следует сказать несколько слов о поддельных «самоцветах» из *люли*. Они часто встречались как в жизни, так и в литературе и были вдвойне экзотичны оттого, что временами попадали в Китай вместе с посольствами с Запада[139]. О них сообщали и в связи с далекими странами вроде государства Пью в Бирме —

страны превосходных астрономов и закона Будды, где священные храмы украшали черепица, покрытая глазурью *люли*, и инкрустации из золота и серебра [140]. В позднетанское время существовала также мода на украшения для волос и браслеты из *люли* [141]. В позднесредневековом описании сравнительного достоинства китайского *люли* и *люли* иноземного (это сопоставление можно считать справедливым и для танского времени) сказано, что местная паста ярко окрашена, но хрупка, тогда как привозимая из заморских стран — грубее и темнее, но очень прочная [142]. Самоцветные качества стекла *люли* делали его привлекательным и для поэтов, особенно для красочных описаний сказочных пейзажей вроде облицованных *люли* «дворцов с залами из „сущности воды“» [143], т. е. сделанных из горного хрусталя и окрашенной пасты.

Утварь из тонкого прозрачного стекла еще считалась в те времена экзотическим сокровищем. Поэтому Чэнь Цан-ци писал: «Оно является драгоценностью западных стран и сродни яшме и другим камням. Оно рождается внутри земли, а некоторые говорят, что оно есть вода, преобразившаяся за тысячу лет; но трудно поверить, что это так» [144]. Иногда считали, что такое стекло, как и горный хрусталь,— это окаменевший лед [145]. Образчики этого диковинного вещества были присланы к танскому двору из Капиши [146], *боли* цвета индиго поступило из Ферганы [147], розовое и синее *боли* — из Тохаристана [148], красная и зеленая разновидность его — из Рима [149]. Некоторые из этих изделий, поднесенных в качестве «дани», возможно, представлены среди вещей, сохранившихся в Сёсоине. Здесь есть, например, темно-синий стеклянный кубок, украшенный рельефными ободками и поставленный на ножку, по стилю совсем не китайский, или бледно-зеленый кувшин в стиле персидских мастеров [150]. Но, возможно, такие изделия производились и в танском Китае, хотя и в традициях Запада: они относятся как раз к тому времени, когда в Китае входит в употребление натриевое стекло, заменившее прежние виды стекла — свинцовое и бариевое [151].

Люли было преимущественно декоративным стеклом, из которого делали отливки и скульптурные изображения, стеклом, которое (как показывает танская поэзия) применялось для украшения самых разнообразных богатых вещей, тогда как стекло *боли* употреблялось главным образом как материал для изготовления техникой дутья разных сосудов: чаш, кружек, блюд и т. п. Последние (может быть, китайского производства, а может быть, и западного) в большом числе представлены в Сёсоине и хранятся во многих государственных и частных коллекциях в разных концах мира. Назовем только некоторые из них. В Сёсоине имеются темно-зеленые подвески в виде рыбы, с

глазами, ртом и жабрами из золота — возможно, подражания знакам достоинства танских должностных лиц [152]; неглубокая зеленая чаша с волнистым краем [153]; мелкое коричневое блюдо на ножке [154]; желтые, синие, зеленые и бледно-зеленые фишки для игры «двойная шестерка» [155]; четырехдольчатая красно-коричневая чаша на поддоне «с рельефным растительным орнаментом и волютами... восходящая к сасанидским изделиям» [156]; зеленовато-белый браслет в виде «обращенных друг к другу двух голов драконов, держащих жемчужину», и другой браслет, янтарного цвета с красно-коричневыми прожилками также в форме двух обращенных один к другому драконов [157]. Видимо, подвески, игральные фишки и браслеты были бы отнесены в танскую эпоху к числу изготовленных из *люли*; иначе говоря, не исключено, что термин *люли* просто обозначал стекло, примененное как камень.

«Огненные шары»

В 630 г. государство Тям одарило танского Тай-цзуна хрустальным «огненным шаром» (или огненной бусиной, или огненной жемчужиной) величиной с куриное яйцо, пояснив, что, если его держать между солнцем и куском трута, последний должен загореться [158]. Послы сообщали, что шар этот был добыт в стране Ракшаса, которую населяют чернокожие люди с ярко-красными волосами, с клыками дикого животного и с когтями ястреба [159]. Очень близкое описание «огненных шаров» с острова Бали дано в «Истории Тан» [160]. Другая страна в Юго-Восточной Азии, Дваравати, прислала к танскому двору «огненный шар» вместе со слоновьими бивнями, прося в качестве ответного дара лошадей [161]. Сообщалось также, что хрустальные шары были произведением Кашмира [162] — страны, богатой (как это было известно и арабским минералогам) горным хрусталем [163]. Когда паломник Эннин высадился в 839 г. на берег в Дэнчжоу (полуостров Шаньдун), он пожертвовал хрустальный шар богу Сумиёси, моля о безопасности и скором возвращении в Японию [164].

Китайское название этих хрустальных шаров отражает санскритское *агнимани* «огненная драгоценность» — название, полученное зажигательными линзами в Индии, которая, кажется, и была родиной таких шаров на Востоке. В свою очередь, Индия, вероятно, получила их от эллинистического Ближнего Востока. Плиний Старший рекомендовал хрустальные шары для прижигания в лечебных целях, а задолго до этого, в IX в. до н. э., линзы из горного хрусталя хранились во дворце ассирийского царя Ашурнасирпала [165]. Что же касается Китая, то здесь выпуклые стекла и хрустальные линзы были известны

с I в.[166]. Их древним эквивалентом, хорошо известным во времена Хань, были вогнутые бронзовые зеркала, называвшиеся *ян суй* «солнечные возжигатели» или «воспламенители силою *ян*»[167]. Действительно, любое приспособление, которое могло собирать в фокус энергию солнца,— солнца, которое само концентрировало животворящий священный свет Неба,— должно было почитаться как божественный предмет, сгусток маны. Поэтому и в танское время «огненные шары» наделяли таким же могуществом. Одновременно они считались олицетворениями луны (или даже маленькими лунами) и находились в родстве с «огненной жемчужиной», которую считали традиционной игрушкой дракона. Эта жемчужина дракона, известная по произведениям искусства, была сама когда-то полной луной, которая поднималась на роге Весеннего Дракона, много веков назад, в первый день года, отмеченный звездой Арктур[168]. Это была также *чинтамани*, исполняющая желания драгоценность индийских *нага*, царей-змей, отождествленных в китайских народных представлениях с драконами — повелителями дождей[169].

«Огненная жемчужина» — шаровидный источник света, излучающий тепло,— в которой видели и солнце и луну, была тесно связана с другими светящимися драгоценностями. Китайские представления о «светящихся жемчужинах» (или «бусах») и о «жемчужинах ночного света» и «светящихся лунных жемчужинах» (см. чудесное стихотворение Гуань-сю несколькими страницами раньше) восходят ко временам Чжоу, а в конечном счете могут быть и индийского происхождения. Им можно найти параллели и аналогии во многих цивилизациях — от манихеев Сериндии, для которых «сокровище — бусина лунного света» стояла на первом месте среди всех драгоценностей, и до сирийской богини в Гиераполисе, драгоценный камень на голове изваяния которой «излучал сильный свет в ночное время»[170].

Излучающие свет «драгоценные камни», которые были известны в Китае, часто являлись на самом деле глазами китов, естественно фосфоресцирующими, как это характерно для разных частей тела многих морских существ. Такими же светящимися шарами являлись, несомненно, и волшебные драгоценности индийских царей-драконов, таившихся в водах океана[171]. Они были известны в Китае с IV в.; несколько раз в VIII в. их присылали ко двору Сюань-цзуна племена мохэ из Маньчжурии[172].

Но существовали также и светящиеся самоцветы минерального происхождения; некоторые камни обладают этим свойством постоянно, другие только тогда, когда их трут или нагревают. Во время царствования Сюань-цзуна ⟨I⟩ посольство из Маймурга преподнесло этому монарху камень, названный просто

**piv̯k*. Этот иероглиф употреблялся для обозначения архаического плоского каменного кольца, символа небесной державности во времена Чжоу; но вместе с тем это было слово, равнозначное слову **pi̯äk* «темный сине-зеленый камень» или «светящийся сине-зеленый камень» [173]. Если этот дар не был ритуальным нефритовым кольцом, то он, возможно, был сделан из хлорофана — разновидности флюорита (плавикового шпата), который светится под воздействием тепла; из этого же минерала, несомненно, состояли и фосфоресцирующие «изумруды» классической античности вроде зеленых глаз мраморного льва на могиле царя Кипра Гермия [174]. Впрочем, эллинистические алхимики знали казавшиеся магическими способы изготовлять, нанося на камни фосфоресцирующие краски, светящиеся ночью самоцветы, самыми прославленными из которых были «изумруды» и «карбункулы» [175].

Самый крупный из танских «огненных шаров» сиял в наиболее высокой точке Зала Света [176]. Это сооружение представляло собой реконструкцию космического ритуального зала чжоуского Сына Неба в его роли блюстителя календаря и смены времен года. С давних времен проблема устройства и отделки этого чертога обсуждалась знатоками старины, архитекторами и теоретиками монархии. Споры особенно разгорелись в первые годы существования династии Тан, но к строительству, как таковому, не приступали до воцарения «Сына Неба» женского пола — императрицы У, которая напоминает нам древнеегипетскую царицу Хатшепсут. Стремясь подтвердить свою божественную предназначенность для престола, она снесла в Лояне, своей Восточной столице, базилику и в 687 г. начала сооружение на этом месте Зала Света. Этот священный храм был закончен 11 февраля 688 г.[177]. В 695 г. его уничтожил пожар, но немедленно начаты были работы по сооружению нового, который был закончен уже весной 696 г. Новое здание высотою в двести девяносто четыре *чи* было квадратным со стороною в триста *чи*. Внутри его было девять заново отлитых бронзовых треножников, которые символизировали владычество великой повелительницы над Девятью Областями. Буря разрушила позолоченного железного феникса, который сперва украшал самую высокую точку сооружения, и его заменили «огненной сферой» [178]. Не менее прославленной была массивная, отлитая из железа колонна, воздвигнутая в 695 г.,— «небесная ось», знаменовавшая возрождение императрицей династии Чжоу; колонна имела сто пять *чи* в высоту, а на ее вершине была установлена «огненная сфера», поддерживаемая четырьмя «драконочеловеками»; на шаре были вырезаны имена крупных деятелей царствования императрицы и вождей некоторых подчиненных варварских племен. Проект этого замечательного сооружения

принадлежал некоему Мао По-ло, судя по его имени явно иноземцу [179].

Почти сорок два года спустя после возведения Зала Света, в 738 г., некий Цуй Шу по случаю своих экзаменов на ученую степень «возвысившийся муж» сочинил стихотворение «Получаю ,,огненную жемчужину" в зале Испытания Просветленных»:

Праведным троном
  палата учреждена;
Небом холодным
  жемчужина эта дана,
Ночь наступает —
  две полных луны предо мною;
Зной миновал —
  и звезда остается одна.
Чисто небо —
  сиянье ничем не погасишь;
Тучи плывут —
  и она уж почти не видна.
Пору предвидя
  великого мира заранее,
В славной столице
  сокровище держит страна [180].

Этот знаменитый шар описывается как бронзовый [181]; если описание правильно, то, сохранив название подлинной, фокусирующей тепло хрустальной сферы, он воспринял материал, из которого были сделаны архаические чаши «превращения силой *ян*». Это был шаг в направлении шаров-наверший буддийских пагод, которые были призваны символизировать свет истины Будды, сияющий, как путеводная звезда, на все страны света.

Одна популярная танская новелла, уже языком литературы повествуя об «огненных шарах», упоминает их под смешанным названием, показывая, что эти шары тем самым рассматривались как законные преемники древних бронзовых чаш-зеркал. Этот рассказ может также служить иллюстрацией широко распространенной веры в богатство и колдовские силы персов. Здесь можно привести только короткий отрывок.

Юный герой рассказа добывает жемчужину после ряда чудесных приключений с призраками древних вельмож в своего рода даосской преисподней — в пещерном склепе близ Гуанчжоу. Он приходит в этот город, чтобы продать свою жемчужину на Персидском базаре, и покупатель рассказывает ему ее историю в таких словах:

«Это — ,,солнцевозжигающая жемчужина" (*ян суй*), сокровище моей страны Таджик. Давным-давно, в начале [эпохи] Хань, Чжао То послал одного чужеземца, и он, взбираясь на

горы и переплывая моря, похитил ее у нас и возвратился в Паньюй. Это произошло как раз тысячу лет тому назад. В моей стране есть лица, осведомленные в тайных предначертаниях, и они сказали, что в наступающем году сокровище страны должно быть возвращено. Поэтому мой царь повелел мне снарядить большое судно и, тяжело нагрузив его товарами, отправиться в Паньюй на поиски ее. И действительно, сегодня мне удалось ее обрести! — Затем он составил яшмовый раствор, промыл жемчужину, и ее сияние озарило всю комнату. После этого чужеземец погрузился на свое судно и отправился в страну Таджик»[182].

Слоновая кость

Фармаколог Чжэнь Цюань писал: «В западных странах стараются употреблять слоновьи бивни для отделки лож и сидений. В Срединном царстве мы ценим их и используем для изготовления ритуальных табличек. Когда у слона выпадают бивни, он закапывает и прячет их сам. Люди некоторых стран Курунга добывают их, исподволь подменяя [выпавшие] деревянными бивнями»[183]. В танское время китайцы получали слоновую кость из принадлежащей им провинции Линнань[184], из Аннама, находившегося под протекторатом Тан[185], и из страны Наньчжао в Юньнани[186]. Более отдаленными источниками были Тямпа[187], **Pək-'iəp* и **Dabatang* в Островных Индиях[188] и Львиная страна — Цейлон[189].

Слоновую кость в Китае больше использовали для изготовления небольших предметов с малым сечением, таких, как палочки для еды, шпильки для волос и гребни; ее также охотно применяли для накладных украшений более крупных предметов. Иногда ее окрашивали в приятные цвета — малиновый, синий или зеленый. Растительный орнамент мог выглядеть белым, если он был вырезан по окрашенной поверхности слоновой кости, или же узор мог быть расписан, а фон оставался неокрашенным[190]. В Сёсоине имеется прямоугольная коробка из сандалового дерева, украшенная геометрическим орнаментом, который инкрустирован сандалом, самшитом, черной хурмой, белой слоновой костью и слоновой костью, окрашенной в зеленый цвет[191]. В том же собрании среди многих других изделий из слоновой кости есть плектр лютни с резными изображениями гор, животных, птиц и цветов, окрашенный в малиновый цвет, с зелеными и голубыми штрихами[192]. Среди разнообразных ритуальных предметов, требовавшихся Сыну Неба к различным праздничным дням (вроде расписанных куриных яиц в дни Холодной пищи или «громовой повозки» в день летнего солнцестояния), дворцовый чиновник был обязан во второй день вто-

рой луны преподносить императору красиво разрисованные мерки для ног из расписанного сандалового дерева и из слоновой кости, украшенной резьбой [193]. Мерка из пурпурной слоновой кости, искусно украшенная резными цветами, птицами и животными, которая хранится в Сёсоине, несомненно, один из таких предметов китайского императора или копия с него, которой пользовался японский царь-солнце [194].

Для танской эпохи были характерны церемониальные таблички с надписями [195], имевшие закругленную верхнюю часть; придворные чиновники приносили их на императорский прием. По крайней мере с середины IX в. члены тайного совета, участвовавшие в выходе императора, брали такие обрядовые таблички с подставки у входа в зал для приемов, тогда как чиновники более низкого ранга обычно хранили свои таблички в сумках, носимых прислужниками [196]. Таблички низших чиновников были изготовлены из бамбука или дерева, но у лиц высшего ранга они были сделаны из слоновой кости [197]. Некоторые из таких табличек должны были быть богато украшенными: наследник танского престола нес табличку из слоновой кости, украшенную золотом, когда он в возрасте двадцати лет отправлялся на церемонию «покрытия головы», одетый в царственные одежды и венец и опоясанный отделанным нефритом мечом с «огненным шаром» на оправе ножен [198].

Другое особое применение слоновой кости состояло в украшении одной из пяти обрядовых повозок Сына Неба. Существовали повозки из яшмы, из золота, из слоновой кости, из кожи и из дерева. Все они имели символического синего дракона с левой (по ходу) стороны и белого тигра — с правой, а также были снабжены вышитыми синими зонтами в три яруса, увенчанными горой мироздания. Повозка из слоновой кости требовалась, когда монарх хотел совершить обычный проезд по своим дорогам. Эта желтая повозка была только украшена слоновой костью [199].

Слоновая кость иногда использовалась для изготовления небольших скульптур: мы знаем сделанное из этого материала и, видимо, относящееся к VIII или IX в. изваяние богини Харити, которая кормит обнаженного кудрявого младенца; она показывает не только танский идеал — довольно полную фигуру и властную осанку,— но и влияние гандархского стиля [200]. Известна также статуэтка танцующей девушки из слоновой кости, расписанная в несколько цветов,— очевидно, произведение танского ремесленника [201].

Рог носорога в танском прикладном искусстве играл роль, весьма схожую с ролью слоновой кости; эти два материала были обычно связаны и в речи, особенно в стихотворной, где они часто фигурировали рядом. Спрос на рог носорога был очень велик. И хотя, как читатель уже знает, много носорогов еще водилось в провинции Хунань, а их рог было предписано поставлять ко двору в качестве дани, рог носорога приходилось также и ввозить в страну. Из ближних к Китаю стран его получали из Наньчжао [202] и Аннама [203]; из более отдаленных — из Островных Индий (через порт Гуанчжоу), и все это в таких количествах, что почти полное исчезновение носорогов в этом районе в новое время можно отнести в значительной степени за счет закупок танского Китая [204]. Сообщали, что носорог имеет привычку зарывать выпавший рог и что охотник может безопасно добыть его, подменив искусственным [205], но этот рассказ выглядит как переделка сходного предания о слоновых бивнях. Наибольшим спросом пользовался и дороже всего стоил рог с красивым узором и зернистой фактурой, на котором после полировки «проявлялись» очертания какого-нибудь живого существа или еще какое-нибудь интересное изображение [206].

Рог носорога играл важную роль в средневековой китайской медицине, в особенности как средство против всех видов яда. Вера в его действенность в качестве противоядия восходит к IV в. и, возникнув, может быть, в Китае, распространилась в Западную Азию и Римскую империю [207]. В танском Китае рог носорога принимали в виде порошка (считалось, что необработанный рог, чтобы его легче было молоть, может быть размягчен, если его, завернув в бумагу, носить за пазухой) [208] или же сжигали и принимали в виде золы, размешанной в воде [209]. В более ранние времена рог носорога выдалбливали, чтобы сделать из него целительный сосуд, возможно копируя при этом архаические чаши из рогов буйвола, полых от природы [210]. Но большинство известных нам танских роговых чаш — небольшие круглые и естественной для рога носорога формы [211]. Нельзя сказать с уверенностью, какие именно из них предназначались для нейтрализации действия яда, но в Сёсоине есть роговая чаша в виде короткого изогнутого рога [212].

Сам рог носорога считался драгоценным материалом, пригодным для ювелирного дела. Его могли также употреблять для изготовления маленьких коробочек, браслетов, пресс-папье, рукоятей ножей, палочек для еды — всех тех предметов, которые также изготовлялись из слоновой кости [213]. Рог шел также на изготовление декоративных грузил для занавесей [214], и мы

читаем о «ложе из слоновой кости с завесами, подобными кисее, и грузилами из рога носорога»[215].

Придворные и высшие должностные лица надевали на императорские приемы и пиры пояса, украшенные пластинами из носорожьего рога, похожего на янтарь с темными прожилками и ценившегося наравне с нефритом и золотом[216]. Слух об огромной стоимости таких поясов докатился даже до гаваней и базаров мусульманских стран[217]; один пояс, с пятнистыми пластинами на покрытой черным лаком коже, можно видеть в Сёсоине[218]. «Дуянская смесь» сообщает, что император Цзин-цзун, царствовавший в IX в., имел подобный пояс, который светился ночью[219].

Другим специальным назначением носорожьего рога было изготовление длинных плоских жезлов «исполнения желаний» с концами, украшенными резьбой; буддийские священнослужители величаво держали их, истолковывая священные тексты[220]. Много образцов таких культовых жезлов имеется в Сёсоине; один из них усеян цветными стеклянными шариками и золотыми полосками и украшен слоновой костью, ажурная резьба по которой изображает цветы и птиц[221]. Другой жезл, с ручкой из сандалового дерева, инкрустированного слоновой костью, расписан серебром (птицы, бабочки, облака)[222].

«Рыбьи бивни»

Несколько раз на протяжении VIII в. танский престол получал в дар от государства Силла «рыбьи бивни»[223]. А от тунгусских племен Маньчжурии поступал материал, называвшийся по-китайски **kuttut*[224]. Оба эти названия связаны соответственно: первое — с персидским *дандан мāхӣ* «рыбьи зубы», второе — с арабским *куту*; оба они служили для обозначения моржовой кости, а иногда также и ископаемых бивней мамонта, происходивших из Сибири[225]. Но поскольку **kuttut* посылали в качестве дани из Инчжоу, главного китайского города с военным гарнизоном в Южной Маньчжурии, а «рыбьи зубы» — из Силлы, можно считать, что в данном случае имелась в виду преимущественно моржовая кость, хотя не исключено, что под тем же названием могли попадать в Китай и ископаемые бивни нарвала с сибирского побережья Тихого океана[226].

Жемчуг

Могущество и чудодейственность жемчуга ставились очень высоко. Но жителям танского Китая казалось, что его магическую красоту могут полностью понимать и ценить только в далеких странах. В этих таинственных странах люди знали, как использовать особое свойство жемчуга, состоявшее в том, чтобы

управлять стихией воды, «сущность» которой и была заключена в жемчуге. Именно поэтому жемчуг и приводил к колодцам в пустыне или к сокровищам царей драконов, скрытым в морях. Такой была «волшебная светящаяся жемчужина», присланная (во всяком случае, так об этом говорится) Сюань-цзуну царем Капиши. «Ее свет распространялся по всему помещению, и внутри ее трепетали и двигались и бессмертные, и яшмовые женщины, и облачные журавли. И когда происходило бедствие от наводнения, или от засухи, или от вооруженных людей, или от разорения, если благоговейно молить ее, не подводила, давая то, что просили» [227].

За справедливость этого рассказа ручались авторы IX и X вв., обычно заслуживающие доверия, так что мы можем быть уверенными в том, что эта «жемчужина» действительно существовала. Возможно, такое впечатление производил искусно исполненный шар, вырезанный из какого-нибудь светящегося минерала с выгравированными в нем очертаниями птиц и неземных существ. Но для китайцев это была волшебная жемчужина из сокровищ некоего дракона.

Во многих популярных танских новеллах фигурируют чудесные жемчужины — часто как собственность или предмет желаний персидского купца. Вот одна из них, которая производит впечатление матросской сказки, перекроенной на китайский лад:

«Во времена нашего поколения некий чужеземец из Персии прибыл в Фуфэн и искал постоялый двор. Он увидел квадратный камень снаружи, у двери хозяина. Несколько дней он слонялся поблизости, пока хозяин не спросил о причине этого. Чужеземец сказал: „Мне нужен этот камень для взвешивания шелка" — и предложил продать его за две тысячи монет.

Владелец взял деньги, очень обрадованный, и отдал ему тот камень. Чужеземец унес камень за пределы города и, расколов его, извлек жемчужину в один *цунь* в поперечнике. Затем, взяв нож, он разрезал себе руку под мышкой и спрятал ее там. Потом он отправился к себе на родину, плывя по морю на корабле.

Они плыли уже более десяти дней, когда внезапно стали тонуть. Корабельщики знали, что произошло это потому, что морской повелитель требует сокровище, поэтому они стали искать повсюду, но не было у них сокровища, чтобы отдать этому духу. И тогда решили утопить чужеземца. В страхе он разрезал свою подмышку и вытащил жемчуг. Корабельщики произнесли заклинание и сказали: „Если тебе угодна эта жемчужина, возьми ее как выкуп!" При этом морской повелитель протянул свою руку, которая была очень большой и очень волосатой, взял жемчужину и скрылся» [228].

11 Заказ № 2366

Жемчуг олицетворял и богатство, и красоту, и сверхъестественную силу. В метафорическом выражении жемчужина означала также и лицо, обладающее великими достоинствами: художник Янь Ли-бэнь, почтив одаренного юношу и будущего министра, назвал Ди Жэнь-цзе «жемчужиной, которую вынесло голубое море»[229]. Жемчуг являлся также, особенно под его санскритским именем *мани*, символом Будды и его закона. В китайско-индийской традиции это была также драгоценность, исполняющая желания ее владельца[230]. Кроме того, и китайцы и индийцы усматривали особую связь между жемчугом и луной. В Китае считали, что жемчуг — это застывшее *инь* (женское [пассивное] лунное начало), заключенное в раковине; при этом полагали, что «плод жемчуга» в створках раковины прибывает и убывает в соответствии с фазами луны[231].

В древности китайцы добывали какой-то жемчуг в водах вдоль побережья центральной части страны. Но с установлением династии Хань главным источником жемчуга для Китая становится древняя область Хэпу (в юго-западной части нынешней провинции Гуандун), в те времена — дикая окраина. Жемчуга (наряду со слоновой костью, рогом носорога, серебром, медью и фруктами) стали для состоятельных северян олицетворением Юга, поставляющего предметы роскоши[232]. Ловцы жемчуга из Хэпу действовали так усердно, что запасы его оскудели. Главный наместник этой области при Поздней Хань Мэн Чан мудрыми мерами надзора и охраны сумел вернуть этим людям средства существования. Он был обожествлен и стал священным покровителем рыбаков и ловцов жемчуга. Само же «возвращение жемчугов» Хэпу воспевалось даже в танскую эпоху в многочисленных одах (*фу*), иллюстрируя тяжелые экономические последствия алчности и неумеренной эксплуатации природных ресурсов[233].

При Тан положение этих ловцов жемчуга не оставалось неизменным. Сперва им было предписано посылать жемчуг ко двору в качестве дани. Но 25 декабря 655 г. этот порядок был отменен[234]. Очевидно, затем предписание о поставках жемчуга ко двору было возобновлено, поскольку им снова был положен конец 27 августа 714 г. Хэпу оставалась областью, производящей преимущественно серебро до 18 августа 863 г., когда ловля жемчуга в Бассейне Жемчугов, наиболее «урожайном» прибрежнем острове, была снова разрешена, чтобы возвратить местным жителям их средства пропитания (уместно напомнить, что эти люди использовали в пищу мякоть из створок раковин, которую они высушивали на солнце на бамбуковых лучинках)[235]. Какой-то жемчуг получали также из двустворчатых раковин пресноводных моллюсков в западной части провинции Сычуань[236].

Но жемчуг, привозимый на купеческих судах с Южных морей, за свой цвет и глянец почитался выше всех китайских жемчугов[237]:

Где южное небо
    и птицы, поющие хором,
Там каждый второй
    стеной не обносится город.
Там маньские семьи
    имеют угодья и рынки,
Там рек именами
    зовутся селенья и горы.
Туман ядовитый
    вздымается там над песками,
Во мгле огоньки
    мерцают в дождливую пору.
Там только увидишь
    гостей, собирающих жемчуг,
Они год за годом
    за ним отправляются в море.

Это стихотворение «Юг» Ван Цзяня[238]. Такие экзотические «сгустки», привозимые из края ночных огней и лихорадки, встречали в Китае с восторгом и даже с жадностью, но в то же самое время и с напускным презрением, как побрякушки низших цивилизаций, принимаемые только как знак почтительной признательности южных «варваров» за те блага, которыми даже крупицы китайской цивилизации смогли одарить смирённые ими побережья. Наглядный образец такого высокомерного отношения мы находим в нравоучительных стихах некоего Люй Ина — в его «Песне о жемчужине поперечником в *цунь*, присланной из Западного края», которая была написана в первой половине IX в., при императоре Цзин-цзуне[239]. Содержатся там и такие характерные строки: «И поэтому они склонились к путям нашего Срединного царства, которое приходит к внешним варварам как ветер, от которого стелется трава».

Так воспринимали в Китае и «великие жемчуга», полученные от Индии в 642 г.[240], и сотню жемчужин, что доставил в 749 г. посол из Тямпы от царя Рудравармана II[241], и просверленный жемчуг, присланный в 750 г. неким призрачным государством — Персией (и еще раз в 771 г.)[242], и жемчуга с Цейлона (доставлены в 750 г.)[243] и из Японии (получены в 839 г.)[244].

Если говорить о практической стороне дела, то жемчуг, местный или иноземный, использовался преимущественно для богатого разукрашивания одежды и домашней утвари; сходная с бусами форма жемчужин делала их особенно подходящими для ширм и занавесей. Судя по рассказам, написанным в IX—X вв., хорошая жемчужина (круглая или неправильных очертаний, имеющая форму какого-нибудь неземного существа) считалась подобающим подношением в буддийский храм[245].

Жемчуг, как и другие вещества — чистые или нечистые,— не сумел избегнуть ступки танских фармацевтов. В медицине (или, пожалуй, как нам следовало бы сказать, в симпатической магии) жемчуг применяли при катарактах и других болезнях глаз, поскольку его форма напоминала глаз и был он чистым и светящимся, как полная луна. Особым почетом жемчуг пользовался у даосов, причислявших его к снадобьям, продлевающим жизнь. Прежде чем примешать непроколотый жемчуг в лекарство, его следовало размельчить в порошок [246].

Черепаховый панцирь

Черепаховый панцирь [247], который шел на изготовление дамских шпилек для волос, на украшения для головных уборов и на инкрустацию дорогой домашней утвари, жители танского Китая получали из Лучжоу в Аннаме [248]. Кроме того, в 818 г. (вместе с двумя чернокожими девушками-зенджи и живым носорогом) черепаховый панцирь доставило посольство из Калинги [249]. На прекрасном плектре из черепахового панциря для пятиструнной лютни, хранящемся в Сёсоине, инкрустирована перламутром фигура западного чужеземца-лютниста сидящего на верблюде [250]. И в этом случае, и в других черепаховый панцирь, вероятно, поступал в Китай с теплых морей Юга.

Для поэтов же черепаховый панцирь служил образным обозначением пестроты, как в этих строчках:

В пруду вода
    чиста, словно берилл;
В саду цветы —
    узор на черепахе [251].

«Нептунова колыбель»

Гигантский моллюск, называемый «нептунова колыбель» [252], с его глянцевито-белыми раковинами, глубоко изрезанными складками, давал материал, использовавшийся в камнерезных мастерских. В древнем Китае этот вид перламутра (а возможно, и другие его виды тоже) считали камнем; его происхождения не знали, а отполирован он был как яшма. Он пользовался особым успехом в раннесредневековую эпоху как материал для изготовления чаш для вина и других сосудов для питья. При императорах династии Тан перламутр считался произведением Рима [253] и воспринимался как одна из «семи драгоценностей» — *саптаратна* индийской традиции [254]. Не исключено, что раковины этого крупного моллюска продолжали ввозить в Китай и во времена Тан, однако доступные нам источники не позволяют судить об этом.

В «Танской истории» описывается «римский» способ добычи драгоценного коралла:

«Есть коралловый остров посреди моря. Люди моря садятся на большие корабли, с которых они спускают железные сети в глубины вод. Когда коралл начинает расти на верхушках каменных плит, он белый, как гриб; но год спустя он уже желтый, а через три года — это запутанное переплетение из красных ветвей в три или четыре *чи* высотою. Теперь его побеги сами цепляются к сети, откуда железо торчит наружу; и люди с корабля выбирают сеть. А если пропустят они подходящее время и не соберут его, тогда он сгниет» [255].

Это был, конечно, драгоценный красный коралл Средиземного моря, прославившийся во всем цивилизованном мире. Коралл, как об этом знали жители танского государства, также произрастает в Южных морях; его ввозили в Китай из Персии и с Цейлона. Китайское название коралла, видимо, восходит к иранскому **sanga* «камень» [256].

Древовидные экземпляры коралла оказали наиболее сильное воздействие на воображение китайцев, так как они выглядели настоящими зарослями из волшебной сказочной страны и деревьями драгоценностей из обители бессмертных богов. Вэй Ин-у, утонченный поэт, всегда окуривавший благовониями то место, где намеревался сесть [257], сложил в честь коралла такие строки (это одно из цикла четверостиший, посвященных драгоценностям и самоцветам):

На дереве алом
    ни листика нет, ни цветка.
Не красная яшма,
    но и не порода простая.
Мы в суетном мире
    откуда такое берем? —
На камнях Пэнлая
    такие леса вырастают [258].

Пэнлай — остров бессмертных небожителей в Восточных морях, тщетные поиски которого вели китайцы в древности, во времена Цинь и Хань; в танскую эпоху этот остров был уже только мечтой, в достижимость которой едва ли верили. Но коралловое дерево в садовом бассейне могло вызывать живые представления о растительности этого воображаемого мира [259].

Сродни красным коралловым деревьям острова Пэнлай были деревья из загадочного минерала *лангань* в стране Куньлунь (этом материковом «двойнике» острова Пэнлай), на которых росли персики бессмертия. Такие деревья из волшебных самоцветов голубого (или зеленого, или зелено-голубого) цвета были

хорошо известны в древности: их описывали в классических сочинениях времени Чжоу и Ранней Хань[260]. Хотя западное дерево *лангань* было для средневекового китайца такой же сказкой, как и коралловое дерево Востока (или для нас дерево драгоценных камней Аладина), тем не менее вещество, называвшееся *лангань*, ввозилось во времена Тан от «варваров» Юго-Запада[261] и из Хотана[262]. Одни говорили, что это такая разновидность стекла (т. е. нечто родственное цветной пасте, называвшейся *люли*[263]), но другие рассказывали о каменной *лангани*, которая являлась разновидностью вылавливавшегося в море коралла — красного, когда он только что выловлен, но постепенно становящегося синим[264]. Возможно, какая-то *лангань* действительно была синим или голубым кораллом, а какая-то стеклянистым зелено-голубым минералом; в любом случае это вещество состояло в родстве с «темно-синим *гань*», из которого были сделаны миниатюрные горы, привозившиеся в Китай в X в. из Юньнани (это было отмечено, когда выше шла речь о малахите).

Красные кораллы с Запада еще с древних времен шли на кольца, браслеты и другие ювелирные изделия и на отделку поверхности иных ценных вещей. Полный список таких драгоценных безделушек — от кораллового эгрета в волосах красивой женщины[265] до коралловой подставки для кистей в кабинете ученого сноба[266] — можно было бы составить по произведениям танских поэтов.

Янтарь

Китайское название янтаря — **χuo-p'ɒk* — с легкостью истолковывали как «душа тигра» — выражение, имеющее такое же произношение. Эта этимология подкреплялась рассказом о том, что застывающий взгляд умирающего тигра превращается в этот податливый минерал. В качестве параллели можно вспомнить о представлении древних греков, согласно которому янтарь — затвердевшая моча рыси. Но Дуань Чэн-ши, наш танский знаток книг и собиратель диковин, говорит об этом так:

«Некоторые говорят, что кровь дракона, когда она впитывается в землю, превращается в янтарь. Но в „Описании южных маней" сказано, что в песке Нинчжоу имеются осы с жалящей талией и, когда берег обрушивается, те осы выходят наружу; люди этой страны изгоняют их огнем и так получают от них янтарь»[267].

Этот странный и путаный рассказ, очевидно, подразумевает ос и других насекомых, часто встречающихся внутри янтаря, но все остальное в нем совершенно невразумительно. Во всяком случае, «душа тигра», вероятно, этимологически не имеет ни-

какого отношения к слову *χuo-p'ɒk, которое должно являться заимствованием из какого-то языка Западной или Южной Азии, в его первоначальном виде что-то вроде *χarupah, явно родственного *harpax* — «сирийскому» слову, о котором упоминает Плиний[268].

Хотя легенда о связи между янтарем и овеществленной душой тигра продолжала существовать и в средние века, истинная природа янтаря была известна в Китае с III в., если не раньше. Танские фармакологи располагали такими научными сведениями и отразили их в своих справочниках. В травнике «Растения области Шу», например, говорится: «Янтарь же как вещество есть сок дерева, ушедшего в землю, который преобразился за тысячу лет»[269].

Даже поэты знали эту истину. Она выражена в четверостишии Вэй Ин-у, воспевающем янтарь:

Что видом похоже
    на гриб престарелый *фушэнь*,
На самом-то деле —
    застывшие соки сосны.
Козявки и мошки
    когда-то попали сюда
И тысячелетье
    в прозрачных кусочках видны[270].

«Гриб престарелый *фушэнь*» — ценный целебный гриб, встречающийся среди корней сосны; верили, что он являлся одной из стадий в процессе превращения сосновой смолы в янтарь[271].

Эта драгоценная окаменевшая смола считалась произведением Рима[272], а ввозили ее из Ирана[273]. Это должен был быть знаменитый янтарь, собиравшийся на берегах Балтийского моря. Но ближе, под рукой существовали залежи янтаря в Верхней Бирме, близ Мьичины (и поблизости от жадеитовых копей, которые стали разрабатываться только много веков спустя); его добывали жители Наньчжао, где знать носила янтарь в ушах, как у современных качинов[274]. Даже Тямпа[275] и Япония[276] присылали янтарь в качестве подношений. Разновидность янтаря, привозимая купцами на продажу через Южно-Китайское море, считалась, однако, особенно высококачественной[277].

В танском ювелирном деле янтарь занимал примерно такое же место, как и коралл, т. е. его охотно превращали в женские украшения, а также в небольшие, но дорогостоящие произведения прикладного искусства для состоятельных домов. Среди янтарных вещей в Сёсоине — фишки для игры в «двойную шестерку», подвеска в виде рыбы, бусы-четки, бусы для парадного венца и инкрустации на тыльной стороне зеркал[278]. Нашлось применение для янтаря и в медицине — так же как это было

со всеми другими драгоценными веществами, которые в принципе могли передавать человеческому организму свою красоту и прочность. Почитались уже и сами сосны, достигшие почтенного возраста, и даже свежая сосновая смола считалась продлевающим жизнь снадобьем. Во сколько же крат больше должны были тогда почитать янтарь — сосновую смолу, заботливо спасенную от небытия попечением Неба [279]. В более конкретных случаях его прописывали при «дурной крови» и при кровотечениях, вызванных оружием [280]. Словом, назначения, основанные на древнем представлении о том, что янтарь — загустевшая кровь, оставались в ходу даже в танское время, несмотря на то что тогда уже располагали правильными сведениями о природе янтаря.

Танские поэты находили янтарь подходящим цветовым образом для обозначения прозрачного красно-желтого цвета и употребляли его, в частности, как эпитет для вина. Мы уже видели, как его использовал Ли Бо, когда выше (с. 172) шла речь о шафране. Другой пример — строчка из Чжан Юэ:

В северном зале тончайшие яства,
янтарная влага вина [281].

Ли Хэ, утонченный поэт IX в., сделал еще один шаг, совершив метонимическую подмену и используя слово «янтарь» в значении «вино». Такое употребление этого слова составляло неразрывную часть хорошо известного стремления Ли Хэ к красочным образам ради усиления эмоциональной окраски стиха. Ему не было равных по частоте употребления эпитетов «золотой», «серебряный», «темно-зеленый» и по тому, как он использовал прилагательное «белый», передавая ослепительность освещения и резкие контрасты в описаниях пейзажа (как в черно-белой фотографии, скажем): у него «небо бело» и даже «осенний ветер — белый» [282]. Вот его стихи «Пусть принесут вина!»:

Кубок хрустальный берем,
Полный густым янтарем.
Будто бы в жемчуге алом, весь в каплях
ковш деревянный с вином.
Жареный феникс, вареный дракон
плачут нефритовым жиром;
Шелковый полог, расшитый шатер —
ветер душистый кругом.
Слышится флейта-дракон,
Бьет крокодил-барабан,
Рот белозубый поет,
Тонкий колышется стан:
«Так же как солнце, к закату идет
эта весна молодая.

Персика цвет ярко-красным дождем
льется в саду, опадая.
Мой вам совет: до последнего дня
пейте до дна, допьяна,
И для земли на могиле Лю Лина
не оставляйте вина»[283].

Лю Лин, один из древних Семи Мудрецов Бамбуковой Рощи, был известным любителем вина, и кувшины с вином были положены вместе с ним в могилу; и поэтому лить вино на его могилу, совершая возлияние, намеренно или случайно, все равно что везти уголь в Ньюкасл.

Гагат

Еще одно ископаемое вещество органического происхождения, использовавшееся в средневековом китайском ювелирном деле,— гагат, называвшийся иногда, несмотря на его мягкость, «черной яшмой»[284]. Согласно древнему преданию, он представляет собой стадию превращения, достигаемую янтарем по прошествии тысячи лет. О том, что он был древесного происхождения, можно было определить по запаху, когда он горел. Кусочки гагата носили маленькие дети, чтобы отпугивать злых духов[285]. Ввозился он из месторождения к югу от Ходжо в Сериндии[286].

Златые ложечки к фарфору,
Отборных яств на блюде горы;
Шкатулка золотой чеканки
Вся в бриллиантах — в ней же, в склянке,
Пастилки Бокка; вот желтеет
Гроздь ониксов, и рядом с нею,
Щипцы богато украшая,
Висит печатка золотая —
Новинка моды, шифр тайный;
Возьмет часы иль зубочистку —
Все загорится златом чистым.

Неизвестный автор.
Путешествие в Мэриленд,
или Туалетная комната знатной дамы

ГЛАВА XVI

МЕТАЛЛЫ

Металлы играли важную роль в танской культуре, а искусство их обработки было хорошо развито. Иноземцы приобретали в Китае дорогие изделия из металла, чтобы увезти их с собой [1]. И в ответ на это издавались указы, запрещающие вывоз из страны золота, серебра, меди и железа, а равно и монет чужестранными торговцами [2]. Некоторых металлов, несмотря на природные минеральные богатства Китая, всегда не хватало. Одним из таких металлов было золото.

Золото

При Тан в Сычуани были собственные месторождения золота, где его находили в виде крупинок в аллювиальных отложениях. Называлось оно «просевным золотом» [3]. О Лунчжоу (т. е. о северо-восточной части нынешней провинции Сычуань), где воды ниспадают как белый шелк и где летают красные птицы, поэт Сюй Тан писал:

Рожденное почвой
на снадобья только годится,
А царскую подать
ничем, кроме злата, не платят [4].

Но более значительными, чем в Сычуани, были залежи золота в Линнани и в Аннаме — часто в глубине сурового края, населенного одними туземцами [5].

«Жители юга говорят, что оно есть там, где зубы ядовитых змей выпадают среди скал; и они также говорят, что где змеиный помет пристанет к скалам или где помет птицы *юань* при-

станет к скалам, там они разламываются, а места, на которые попал яд, превращаются в „сырое золото“».

Так писал образованный фармаколог Чэнь Цан-ци, но он также утверждал, что это «сырое золото», являющееся, по общему мнению, смертоносным ядом, следует отличать от «желтого золота», которое безвредно, ибо он сам наблюдал следующее:

«Я много раз видел людей, добывающих золото: они прокапывают землю на глубину более десяти *чи*, чтобы достичь породы, которая сильно потревожена. Там каждая глыба породы совершенно почерневшая и сильно опаленная, но под такими камнями и есть золото. Что побольше — с палец, что поменьше — как конопляное семя или бобы; по цвету — как „желтизна марены“. И, если на зуб оно крайне мягкое, тогда это и есть настоящее золото. Но когда рабочий тайком проглатывал какое-то количество этого золота, я не наблюдал, что оно ядовито. „Просевное золото“ встречается среди речного песка, а получают его, промывая песок на шерсти» [6].

В другом источнике говорится, что люди, живущие по рекам Фучжоу, Биньчжоу и Чэнчжоу (все в Южной Гуанси), занимаются разработкой золотых россыпей [7]. А близ Гуанчжоу существовал «золотой пруд», на котором местные жители вдруг начали разводить гусей и уток, потому что «они постоянно видели крупинки „просевного золота“ в их помете, и в результате развели уток и гусей во множестве. Они собирали их помет и промывали его, получая ежедневно примерно *лян* или половину *ляна* золота, и так сделались богатыми» [8].

Золотоискатели продолжали использовать в качестве поисковых признаков растения, отмеченные в старинном своде по горному делу. Имбирь, говорится там, указывает на присутствие меди или олова; дикий лук служит признаком серебряных залежей, а лук-шалот растет там, где залегает золото [9]. То, что присутствие металлов в почве способствует произрастанию определенных растений, наличие которых, в свою очередь, указывает на то, что поблизости могут находиться пригодные для разработки залежи,— истина, лишь недавно установленная в западных странах [10].

Было известно, что золото можно «поймать» с помощью ртути [11], но мы не знаем, владели ли танские рудокопы умением выделять золото из песка или размельченной породы методом амальгамирования. Это могло оставаться секретом, которым владели только даосы-алхимики.

До воцарения династии Тан и золото и серебро вряд ли служили материалом, из которого изготавливали блюда, вазы и даже ювелирные изделия. Золото шло на некоторые личные украшения, на дорогостоящие подражания формам древних

бронз и на великолепные инкрустации больших бронзовых сосудов. Но иранская техника чеканки золотых и серебряных изящных тонкостенных изделий завоевала симпатии танских мастеров, работавших по металлу (а возможно, в Китае были бежавшие туда от арабов персидские златокузнецы, которые могли обучить местных мастеров), заменив классические для Китая способы отливки металлических предметов в формах. Новая техника, получив широкое распространение, принесла с собой изображения и формы сасанидской Персии: и звериная охота на фоне растительного ландшафта, и симметричные орнаменты из побегов виноградной лозы, и розетки [12]. Но, несмотря на господство экзотической моды, старинные способы украшения изделий из металла не были забыты: существовали, например, мечи с серебряными рукоятками, на лезвиях которых были инкрустированы золотом облака, и кинжалы, рукояти которых были отделаны деревом алоэ, а лезвия инкрустированы золотыми цветами [13].

Золотой лист, золотая фольга, «резаное золото» (так называлась манера аппликации золотым листом) [14] — все это было в употреблении у танских мастеров. Золотая фольга использовалась в живописи, как это известно по образцам, найденным в Дуньхуане [15]; в то же время много предметов, красиво отделанных золотым листом, содержится в Сёсоине, например «цитра из Силлы», украшенная золотым аппликированным узором из птиц и растений [16]. По крайней мере один из городов, где златокузнецы готовили материал для этих великолепных изделий, известен: город Хуаньчжоу в Аннаме [17].

Драгоценные металлы служили также вставками в фон, покрывавшийся лаком. Эта техника теперь известна главным образом под ее японским названием — *хэйдацу* [18]. Среди сохранившихся танских образцов есть ларцы, лакированные крышки которых покрыты цветами, птицами и облаками из золота и серебра [19]. Литература показывает, что этот способ служил для украшения всякого рода бытовых предметов: когда Рокшан был в почете в Чанъани, Сюань-цзун наряду с другой дорогой утварью пожаловал ему ложки и палочки для еды, отделанные рогом носорога и золотым *хэйдацу*, а также блюдо для пельменей с золотым и серебряным *хэйдацу*; возлюбленная супруга Сюань-цзуна вручила великому «варвару» шкатулку с крышкой, украшенную драгоценными камнями и золотым *хэйдацу*, и «заглаженную» чашу с золотым *хэйдацу* [20].

Искусство изготовления золотой зерни, которое было известно в разных частях древнего мира, считалось одно время утраченным, и его секрет был вновь открыт в XX в. Он заключался в нагревании докрасна крупинок золота в порошке древесного угля, чтобы создать пленку карбида золота, которая

способствовала прикреплению зерни к поверхности золота путем нагревания на воздухе, во время которого карбид снова восстанавливался в чистое золото [21]. Эта технология была хорошо известна в древнем Китае, но ее первоначальной родиной было, вероятно, Северное Причерноморье. В Лолане, китайской колонии в Корее, была найдена золотая поясная пряжка (но не обычная застежка для пояса!), которую украшали вставки из бирюзы, китайские драконы и узоры из маленьких золотых шариков. Дата самой пряжки неизвестна, но она была найдена вместе с лаковыми изделиями, датирующимися от III до VIII в. [22]. Однако типично танские изделия с зернью выполнялись из прочеканенной золотой проволоки. Именно так сделаны детали стоящего феникса из листового золота, некогда составлявшего часть золотого головного убора; таков же и павлин, увенчивающий замысловатую шпильку, он тоже сделан из листового золота и «зернистой» проволоки [23].

Но в Китае, как и повсюду, средневековые вкусы пришли к тому, что филигранной работе отдавали предпочтение перед старинной зернью. От танской эпохи дошла до нас прекрасная шпилька из золота, которая усыпана жемчугом, бирюзой и другими драгоценными камнями, оправленными преимущественно филигранью [24].

Золото в порошке занимало важное место в танском живописном убранстве. Оно было обнаружено на живописных свитках из Дуньхуана [25], на вырезанных из зеленой бумаги лепестках лотоса, видимо предназначенных для буддийской церемонии разбрасывания цветов [26], на ножнах кинжала с позолоченным серебряным наконечником, усыпанным жемчугами; сами ножны были покрыты деревом алоэ и расписаны золотом — птицами, цветами и облаками [27].

Плакирование золотом могло быть и танским изобретением: упоминания о нем есть в некоторых стихотворениях IX в. [28]. Позолоченное серебро (как и чистое золото) использовалось для самой разнообразной утвари; примерами могут служить и женские косметические коробочки [29], и сосуды для вина в виде верблюдов [30], и детали ножен [31]. И, конечно же, из золота делались ювелирные изделия и все виды принадлежностей женского туалета: шпильки, гребни, диадемы, браслеты [32]. Золотые птицы (в особенности священные птицы, которых мы по очень грубой аналогии называем «фениксами») были в почете у танских дам и чаще всего встречаются в их головных уборах [33]. Мы можем любоваться такими замечательными изделиями, как танский золотой венец, образованный параллельными тяжами, изображающими бабочек, цветы и побеги с листьями; золотая апсара, показанная летящей, видимо, предназначалась для прикрепления к женскому одеянию; деревянный гребень, на золотом па-

вершии которого выполненные чеканом с оборота побеги с листьями и стоящий на задних лапах — на иранский манер — лев [34].

И, кроме того, в золоте нуждались даосы, считавшие его — как в виде жидкости, так и в порошке — сильным средством укрепления духа и продления жизни [35]. Фармаколог Мэн Шэнь сообщает, что горящее лекарственное золото производит пятицветную эманацию — факт, который он сам проверил [36].

Столь же важной была роль золота и в мире воображения. Вещи удивительного и неземного великолепия изображались как золотые. Эти идеальные образы значительно обогатились во время наивысшего взлета китайского буддизма в танское время за счет представлений, принесенных из Индии. Золотыми были бессмертные духи, в которых верили приверженцы даосизма. Золотым был и прославленный Будда, которого именовали Золотой Человек (или «Золотой Риши»), и его изображения покрывали золотом. Более того, речи Будды называли «золотыми»; не только «благовонными», но и «золотыми» были и его обители, и его вещи. Золотистым было небо Манджушри, а у птицы Гаруды, сопутствующей Вишну, были «золотые крылья» [37].

На более прозаическом уровне «золото» обозначало все вещи высокого достоинства, но в особенности достоинства человека. Так, Тай-цзун превозносил своего главного министра Вэй Чжэна, сравнивая его с ремесленником, который может обнаруживать золото в необработанной руде, каковой является особа императора, и способен извлекать это золото, очищать и делать его достойным доброго мнения людей [38]. Много напыщенных *фу* было сочинено в танскую эпоху на тему «Разгребаю песок, чтобы выбрать из него золото». Одно из таких *фу* было написано Лю Цзун-юанем на заданные рифмы «Ода на тему: разгребая песок, выбираю золото» [39]; в основе сравнения — весомость и сияние золота, подобные твердой и сверкающей сущности добродетельного человека.

Так относились к золоту в танском Китае. Но внутреннее производство не удовлетворяло нужд страны, и золото Азии притекало в Китай через границы. Хотя Иран можно считать исходным источником искусства чеканки золотых сосудов и первоисточником идей многих изображений, выполненных на этих сосудах танскими мастерами, представляется, что и Тибету также следует отвести важное место среди стран, ремесленники которых внесли свой вклад в танскую культуру. Если судить по записям о дани и подношениях из Тибета, присылавшихся танскому престолу, в которых раз за разом перечисляются крупные предметы из золота, замечательные своей красотой, диковинностью и превосходной работой, то тибетские златокузнецы были чудом средневекового мира. Но только излишне смелый

ученый решился бы указать на конкретные примеры воздействия тибетских мастеров на Китай. Поэтому мы обратимся к описаниям некоторых из этих из ряда вон выходящих вещей в источниках, не оставляя надежды, что археологи в будущем обнаружат в земле Китая осязаемые образчики тибетских изделий из золота или выполненных под их влиянием танских вещей.

Одно из наиболее крупных подношений тибетского золота относится к числу и наиболее ранних. В конце 640 г. Гар Тонгцэн, министр великого правителя Сронгцэн-гампо, прибыл в Чанъань, чтобы устроить брак между своим господином и китайской принцессой. Чтобы скрепить помолвку, он преподнес золотые сосуды, весящие тысячу *цзиней,* и много других ценных вещей [40]. В следующем году императорская дочь, позднее обожествленная признательными тибетцами, отправилась, чтобы соединиться с властителем высокогорной страны,— событие, запечатленное в живописи Янь Ли-дэ, но в произведении, которое, к сожалению, утеряно безвозвратно [41].

Мы не знаем, какими были сосуды 640 г., но мы лучше осведомлены о подношении, посланном тем же тибетским царем Тай-цзуну, своему тестю, в 641 г. по случаю его молниеносной победы в Корее. Это был золотой кувшин для вина в виде гуся в семь *чи* высотою [42]. В начале 658 г. тибетцы прислали другое чудо художественной обработки металла — населенный золотыми всадниками золотой город и фигурки лошадей, львов, слонов и других животных [43].

Было немало и других подобных чудес из металла. Тибет был золотой страной. В IX в. ее правитель жил в роскошном шатре, украшенном тиграми, леопардами и наводящими ужас пресмыкающимися, выполненными из золота [44]. Но и другие страны также были богаты золотом: у уйгурского хана в Карабалгасуне был золотой шатер, в котором помещалось сто человек [45], а в далеком Руме царь восседал на ложе, покрытом золотой фольгой [46]. Большие количества золота и серебра присылались государством Силла [47], и бывали случайные подношения этого металла от племен Маньчжурии [48], от государства Наньчжао [49] и от многих среднеазиатских владений, в том числе от Чача, Кеша и Маймурга [50]. Из снежного Болора прибывали цветы из золота [51]. Удивляет, что среди этого потока золота мы ничего не слышим о золоте, привозившемся в Китай из «Индий». Где-то в Малайе существовала Суварнадвипа, остров или материк золота, почти сказочное Эльдорадо народов Индии [52]. Предания о ней были могущественным стимулом, побуждавшим индийцев к расселению в Юго-Восточной Азии, но в Китае эта традиция не представлена.

«Лиловое золото»

Сюань-цзун в знак признательности за «Книгу Драконова Пруда», написанную его сыном, когда сильная засуха поразила столичный округ, пожаловал принца «поясом из лилового золота», взятым в Корее его предком Гао-цзуном во время победы над царством Корё [53]. Упоминаются время от времени в танской литературе и другие предметы из «лилового золота» — вещи большого изящества, такие, как «молоток из лилового золота» у молодого воина, щеголявшего еще и стременами из «белой яшмы» [54], или «сосуд для вина из лилового золота», посланный (вместе с императорским одеянием и яшмовым поясом) злополучным Чжао-цзуном в 903 г. Чжу Цюань-чжуну, фактическому властелину Китая [55]. Далекий, занесенный снегом Болор также «изобиловал» «лиловым золотом» [56].

Этот красиво названный металл был известен уже в дотанские времена, а также при Сун и позднее, хотя кажется, что в эпоху Мин были возможны только подделки под него [57].

Ключ к отождествлению «лилового золота» можно найти в древнем Египте. Среди богатых вещей, обнаруженных в гробнице Тутанхамона, имелись украшения из золота, покрытого розовато-лиловой пленкой; например, розетки из этого материала чередовались с пластинами из чистого желтого золота на туфле юного царя. Такой же необычный металл был обнаружен в диадеме царицы Таусерт, также из XIX династии, и в серьгах Рамсеса XI из XX династии [58]. Оказалось, что это должно быть золото со следами железа, которое становится лиловым при нагревании [59]. В более поздние эпохи древнее искусство окрашивания металлов в тот или иной цвет было оберегаемым секретом эллинистических алхимиков, о котором мы узнаем из александрийских и византийских папирусов [60]. Свидетельствует ли «лиловое золото» Болора, Китая и Кореи о любопытном, но случайном техническом параллелизме в алхимии Востока и Запада (т. е. об открытии, сделанном независимо в Египте, в Китае и, возможно, еще где-нибудь), или же это пример проникновения такого рода знаний через всю Азию, сказать пока невозможно. Но, заимствованное или изобретенное на месте, «лиловое золото» в Китае — следствие пытливости даосских алхимиков.

Серебро

Танское производство серебра было сосредоточено в Линнани и в Аннаме [61]. Очевидно, большую часть этого белого металла получали способом купелирования из свинцового блеска, дающего только одну или две части серебра на триста восемьдесят четыре части свинца [62]. В начале IX в. существовало сорок

действующих аффинажных мастерских для получения серебра, производивших двенадцать тысяч *лянов* ежегодно. В середине IX в. их число возросло до сорока двух, а производство — до пятнадцати тысяч *лянов* [63].

Изделия танских мастеров по серебру были превосходны по крайней мере до середины IX в., когда наступил период упадка, вызванный резким снижением иранского влияния после великих религиозных гонений в 845 г. [64]. Танские мастера создали большое число композиций, часто «выгравированных на фоне, густо зачеканенном крохотными кружками» [65]. Иногда изображения были выполнены в рельефе чеканом с оборота и местами проработаны гравировкой. Часто целый предмет изготавливали, спаивая отдельные части вместе,— способ, в особенности применявшийся для изготовления чаш с ручками. Позолота и вставки из золота широко использовались для отделки всех видов серебряных сосудов. Сюжетами, которые изображали на таких кубках, блюдах, коробочках и чашах, становились обычно мифологические сцены или композиции из мира растений и зверей, и в особенности сцены «царской охоты» — темы, тесно связанной с изображениями на сасанидских серебряных изделиях и тканях [66]. Некоторые вещи из серебра выдержаны, однако, в стиле китайской архаики и напоминают ханьские каменные рельефы [67]. Существовала особая техника обкладки серебряной (или посеребренной) фольгой бронзовых зеркал [68]. Работали с серебром и в технике *хэйдацу*, т. е. накладывали изображение, выполненное по тонкому листу серебра, на лаковые изделия. Примечательный образчик — выполненное в этой технике характерное изображение пышной придворной дамы; она показана стоящей под деревом, как и некоторые из ее «сестер» на вещах в собрании Сёсоина [69]. Другие предметы, изготовлявшиеся из серебра,— ножницы, щипчики, ковши, палочки для еды, а также погребальные статуэтки [70].

В число обычных медицинских средств входила серебряная паста, несомненно являвшаяся открытием алхимиков. Ее называли «серебряный жир», а представляла она собой соединение серебра и олова с ртутью, которое прописывали как средство для укрепления сердца и поднятия бодрости духа [71]. Состав «желтого серебра», из которого делали талисманы-обереги, неизвестен, но оно тоже должно быть творением даосов [72]. Черненое серебро получали, окуривая сам металл серой; стремившиеся получить бессмертие смешивали свои снадобья в сосудах, сделанных из этого чудесного материала [73].

В целом серебро, как и золото, не употреблялось в качестве средства обращения (во всяком случае, такого, которое выпускалось бы государством). Однако в Линнани, где этот металл был более распространен, чем в какой-либо другой части Китая,

серебро свободно обращалось как товар-посредник при обмене, т. е. выполняло ту же роль, какую соль и шелка имели на границах Тибета, а киноварь и ртуть — в гористом Центральном Китае[74]. Действительно, за «перевалами Пяти Гор [,которые отделяют Линнань от остальной страны,] покупка и продажа полностью совершались на серебро»[75]. И настолько велико было значение серебра в торговой жизни Гуанчжоу и его округа, что, когда в 808 г. добыча серебра была отменена (император утверждал, что медь полезна, тогда как серебро — нет), для Линнани было сделано особое исключение[76].

Если не считать случайных подношений из других мест, таких, как Туркестан[77] и Маньчжурия[78], большинство привозного серебра поступало в Китай из Силлы[79] и из Тибета[80]. Подарки из этих стран преподносились часто в виде изящной серебряной утвари. Среди самых драгоценных подношений, присланных танскому престолу в начале 658 г. тибетским царем, было нечто, называвшееся «золотая *бала*»[81]. В следующий раз, в 781 г., уже кучинский владетель представил в Чанъань серебряную *балу* и был пожалован в знак благодарности лучшими шелками[82]. Кроме того, в Кабудане, в храме великого бога, имелось какое-то количество предметов из драгоценных металлов, считавшихся подношениями китайского Сына Неба в ханьское время. Среди них были золотая статуя и «золотая *бала*» в пятнадцать *чи* шириною[83]. Но что собою представляет *бала*, золотая или серебряная, остается загадкой.

Латунь

Китайцы были знакомы с латунью, т. е. сплавом меди и цинка, как с персидским товаром и называли его «камень *тоу*» (или, в более привычном для нас произношении, «камень *тутти*», что означает «цинковый камень» — от персидского *тутийа*[84]). Ее ввозили для придворных ремесленников[85], а шла она на отделку поясов чиновников восьмой и девятой степеней[86]. Кроме того, алхимики использовали кусочки «персидской латуни» в своих таинственных составах[87]. В 718 г. прислал латунь в качестве подати танскому двору и Маймург[88].

Временами в Китае должны были располагать довольно большими количествами латуни: в одном чанъаньском храме имелась выполненная из латуни статуя стоящего Вайрочаны в шесть *чи* высотою[89].

Но, возможно, китайцы танской эпохи овладели секретом этого состава: они определенно умели получать другие превосходные сплавы. Одним из таких сплавов была «белая медь» — соединение серебра с медью и никелем, которое получали еще со времен Хань[90]; в Сёсоине имеется сделанная из

этого материала курильница с длинной ручкой[91]. Другая курильница в этой же сокровищнице сделана из «красной меди», которую описывали как сплав сурьмы, золота и меди[92]. Китайская «белая медь» — это англо-индийское *tootnague* (еще одно слово, родственное персидскому *тутийа*), которую позже персы называли *карчини* «китайский камень», говоря, что китайцы берегут этот камень для зеркал и наконечников стрел, тогда как мусульмане предпочитают употреблять его на наконечники копий, на кольца и на колокольчики[93].

Золотые и серебряные монеты

Китайцы в средние века не чеканили золотых монет, сберегая драгоценные металлы для предметов роскоши и щегольских уборов. То, что серебро (и, очевидно, золото) являлось в Линнани обычным мерилом ценностей при обмене, составляет исключение. Но китайцы охотно принимали золото, поступавшее из-за границы. Японские послы привозили в танскую империю бо́льшую часть своего имущества в виде золотого песка[94]. Золотые и серебряные монеты стран Сериндии, и в особенности Кучи, обращались в Китае на протяжении VI в.*[94]. В VII и VIII вв. такие монеты определенно были в употреблении в западных странах, находившихся под китайским протекторатом: свидетельство этого — серебряная монета, найденная во рту покойника в Ходжо, на одной стороне которой изображен жрец Ахура Мазды, а на другой стоит имя халифа Муавии. Вместе с этой «гибридной» монетой была найдена обычная танская монета[95].

Даже золотые византийские монеты и серебряные монеты сасанидского Ирана попадали в этот период в руки торговцев Сериндии, а некоторые из них добирались и до самого Китая, вызывая любопытство своими изображениями иноземных богов и царей. Например, золотой солид Юстиниана II был найден в суйской могиле близ Чанъани[96], а две серебряные монеты Хосрова II обнаружены в погребении этого же периода в Хэнани[97]. Однако создается впечатление, что такие экзотические образчики монет были более обычны для суйского, а не для танского времени; правда, оно может оказаться ошибочным, ибо зависит от случайностей, сопутствующих археологическим открытиям. Могила танского времени поблизости от Чанъани дала византийскую золотую монету[98], а другое погребение рядом содержало серебряную монету Хосрова II[99].

На другом краю империи, в Гуанчжоу, золотые мусульманские динары, видимо, употреблялись в торговле, если судить по танскому сочинению, описывающему этот город: там сказано, что арабы при торговых сделках постоянно пользуются золотыми монетами[100].

В окне, что светит в мрак ночной,
Как статуя, ты предо мной
Вздымаешь лампу из агата.
Психея! Край твой был когда-то
Обетованною страной!

Эдгар Аллан По. К Елене
(перевод В. Брюсова)

ГЛАВА XVII

ПРЕДМЕТЫ СВЕТСКОГО ОБИХОДА

Различная утварь

Вполне естественно, что, несмотря на выдающееся мастерство китайских ремесленников в обработке дерева, керамики, металла и иных материалов, необычайные изделия из других стран должны были пользоваться успехом в танской империи, особенно среди богатых сословий. Радушный прием встретили, например, дары, привезенные японскими монахами: «украшенные серебром ножи, пояса, отборные кисти для письма» [1]. Можно представить, что с еще большим удовольствием была принята «драгоценная утварь», доставленная в 853 г. «царским сыном» из этой же страны [2]. И далеко не всегда популярность привозных изделий зависела от редкости и ценности самого материала, из которого они были сделаны: например, при императорском дворе пользовались спросом ротанговые изделия из Аннама [3].

У китайцев имелись не только сосуды, изготовленные в танском государстве в иранском стиле (иногда это были даже раскрашенные подражания металлическим кувшинам), но и чаши и кувшины, привезенные с далекого Запада. И не исключено, что некоторые серебряные сосуды и другие превосходные образцы работы по металлу, хранящиеся теперь в различных коллекциях, были действительно изготовлены в Иране для продажи на вывоз в Китай [4]. И Бухара и Самарканд присылали чаши из страусовых яиц [5]; они были в употреблении еще в древнем Вавилоне, а их красота ценилась арабскими поэтами, которые сравнивали «кожу лица прекрасной женщины с гладкой и блестящей поверхностью страусового яйца» [6]. От арабов был получен «кувшин с брызгами по земле», усеянный драгоценными камнями [7]. Золотое стило из Капиши украшала выгравированная на нем «Песнь ласточки» Лу Сы-дао [8]. Была и маленькая агатовая коробочка с именем правителя Рима, вырезанная так, чтобы выявился ее лиловый узор [9]. Самарканд преподнес украшенную драгоценными камнями курильницу и маленькие кувшинчики для глазных лекарств [10]. Правитель Силлы прислал колокольчики с тончайшей резьбой для хвостов охотничьих

ястребов[11]. Из той же страны поступили церемониальные знамена[12]. Бухара прислала императору ложе, украшенное драгоценными камнями[13]. И, кажется, тот же самый японский принц, который доставил дары Сыну Неба в 853 г., будучи сам искусен в игре *го*, преподнес доску из серого камня, который назывался «катальповая яшма», и шашки, которые летом казались холодными, а зимой — теплыми[14].

Деревья-светильники

Два агатовых дерева-светильника, доставленные ко двору в середине VII столетия сыном правителя Тохаристана, представляют особенный интерес[15]. Эти искусственные «деревья» — их называли также «огненные деревья» — использовали во время самого блистательного из всех танских праздников — новогодней иллюминации, которая устраивалась в середине первого месяца года и продолжалась три дня и более. Все семьи в эти дни, соперничая друг с другом, вывешивали на домах красивые светильники, и все пели и танцевали всю ночь напролет. Представляется, что этот обычай должен вести начало от древних новогодних празднеств Сериндии. И действительно, мы располагаем настенной живописью танского времени из Ходжо с изображением дерева, увешанного светильниками, ветви которого расположены в семь ярусов; при дереве изображена женщина со служанкой[16]. В Китае это празднество было введено, во всяком случае, не позже VI в., а дата празднования была приурочена к пятнадцатому дню первой луны, всегда приходящемуся на ночь полнолуния. Участники праздника старались затмить это небесное светило сиянием искусственных огней[17]. Ради празднеств отменялся обычный для больших городов вечерний сигнал, по которому жизнь должна была замирать до утра, и все ночи праздника были отведены для развлечений.

Описание большого дерева-светильника, выставленного в Чанъани, гласит, что оно было украшено вышивками и драгоценными металлами и на нем горело пятьдесят тысяч чаш-светильников; при этом дереве находилось более тысячи женщин из этой округи (их шпильки были украшены цветами) и необходимое число служанок. Сообщалось также, что улицы Лояна были уставлены рядами восковых свечей и светильников-башен, изготовленных лучшими мастерами из тонких шелковых тканей, каждая «башня» имела в высоту сто пятьдесят *чи* и была увешана золотом, серебром и драгоценными камнями, а также светильниками в виде драконов, фениксов, тигров и леопардов. Другое танское дерево-светильник, отлитое из бронзы, обошлось в сорок тысяч связок монет, заплаченных мастерам; его возили по разным областям, на восхищение всем лю-

дям, и его перевозка обошлась еще в десять тысяч связок монет [18]. Популярный танский рассказ повествует, что, когда Сюань-цзун спросил как-то одного даоса, в каком городе бывает самый красивый праздник светильников, тот ответил, что в Янчжоу, и император был перенесен туда силой магии [19]. Монах Эннин, посетивший Янчжоу в 839 г., описывал великолепие новогоднего праздника, в котором принимали деятельное участие и буддийские храмы. Благочестивые горожане оставляли приношения под деревьями-светильниками, воздвигнутыми на пожертвования верующих. Эннин рассказывает про «бамбуковый светильник с ложками» в одном из янчжоуских храмов: дерево, изготовленное из бамбука, достигало в высоту семи-восьми *чи*; концы ветвей были усеяны тысячами ложек, служивших светильниками [20]. Суйский Ян-ди незадолго до падения его династии и прихода к власти Тан так изложил свои впечатления о новогодней иллюминации в Янчжоу [21]:

В небе кружит
колесо мирового закона,
В небо взлетают
звуки молитв на санскрите.
Пламя букетов
в семи раскрывается ветках [22],
Древо-светильник
тысячей блесток лучится.
Тени луны
на текущей воде застывают,
Слива ночная
в ветре весеннем таится.
Движутся стяги
по желтому злату земли,
Колокол бьет
на берилловой башне звонницы.

Доспехи

Военное снаряжение имело для властвовавшей над другими народами империи Тан очень важное значение, и, так как танское правительство само испытывало в нем нужду, оно старалось не допускать, чтобы такое снаряжение попадало к соседям Тан. Существовала значительная тайная торговля оружием, в особенности с кочевниками на северо-западной границе [23], несмотря на то что перевозка и даже хранение оружия без разрешения были наказуемы каторжными работами сроком от одного до трех лет. Если у частного лица обнаруживали полный комплект доспехов и три арбалета, виновный подлежал высылке за две тысячи *ли*. Мастера, изготовлявшие оружие без разрешения, подвергались еще более серьезному наказанию [24].

 С другой стороны, все предметы воинского обихода, которые

поступали в столицу откуда бы то ни было, прежде чем попасть в арсенал, проходили регистрацию по наименованиям и количеству [25]. В самом Китае важными (а возможно, и основными) районами, где производили военное снаряжение, были долина Янцзы и соседняя с ней округа по реке Хуай [26].

Древнейшие виды китайских доспехов делали из прочных шкур диких животных, при этом наибольшее предпочтение отдавалось коже носорога и шкуре дикого буйвола [27]. Такие виды доспехов продолжали делать и в танское время [28], так же как и защитные доспехи из акульей кожи (также архаическая разновидность) [29]; тела воинов защищали даже доспехами из дерева, грубой чесучи и полотна [30], не говоря уже о войлоке и бумаге [31]. Особая экзотическая разновидность панциря изготовлялась из кожи, взятой с бедер диких лошадей, которую присылало тюркское племя токуз-огуз [32]. «Пластинчатые доспехи» нового образца, с округлыми нагрудными пластинами, и плащ особого покроя часто встречаются на терракотовых статуэтках конных воинов и «хранителей закона» (дхармапала) танского времени [33]. Этот же стиль характерен также для фигурок из Сериндии, и даже возможно, что такие доспехи попали в Китай именно как изображение на произведении искусства, а не как реальный образец, которому следовали мастера-оружейники [34].

Прямым потомком древних кожаных доспехов были пластинчатые доспехи из металла, и пластина из железа была типична для таких танских доспехов [35]. Одна из разновидностей железных доспехов, очевидно отполированная до блеска, именовалась «ярко сверкающие доспехи» [36]. Это было изделие, характерное для Кореи (возможно, Юго-Западной Кореи), поскольку государство Пэкче присылало его в качестве подношения (вместе с украшенными гравировкой боевыми топорами) в Чанъань в первой половине VII в. [37] и тысячи комплектов таких доспехов были захвачены во время военных действий Тай-цзуна на Корейском полуострове [38]. Но сиятельности духа-покровителя или царствующего Сына Неба (или даже его личной страже) более подобали золотые доспехи, и государство Пэкче присылало такие сверкающие доспехи Тай-цзуну [39]. Пэкче также вручило этому властителю во время его войн в Южной Маньчжурии доспехи, покрытые золотым лаком, и доспехи из «темного золота» [40] с пятичастным узором, изображающим горы. Эти драгоценные доспехи красовались на знатных людях из свиты Сына Неба, когда он объединил силы с генералом Ли Цзи, и «сияние доспехов на солнце было ослепляющим» [41]. В таком богатом военном снаряжении не было ничего необычного и в дни еще большего процветания Тан — для этого времени имеются упоминания также и о серебряных доспехах. Когда Сюань-цзун в 713 г. приказал провести военные учения у подножия

горы Ли, неподалеку от столицы, там собралось двести тысяч вооруженных человек, и «их боевые копья, дротики и золотые доспехи так сияли, что озаряли небо и землю» [42]. Ду Фу, близко знакомый с военным бытом (так и кажется, что его уши всегда наполняет грохот барабанов, а перед глазами постоянно мелькают копья), описывает героических юношей из патриотически настроенного семейства в таких выражениях:

Латы златые
так и замерзли под снегом;
С флагов пурпурных
не отряхается пыль [43].

Чешуйчатые доспехи, изготовлявшиеся из маленьких железных пластинок, нашивавшихся на одежду находящими один на другой рядами, также носили в танском Китае [44]. Народ наси в Юньнани до настоящего времени носит чешуйчатые доспехи, в отличие от их предков — племен наньчжао — носивших кожаные пластинчатые доспехи [45]. Тибетцы в средние века носили военное облачение из кожаных «чешуек», обычно покрывавшихся красным и черным лаком, а чешуйчатые доспехи продолжают сохраняться в Тибете и сейчас [46]. Они, может быть, даже состоят в родстве с танскими чешуйчатыми доспехами, однако сейчас невозможно сказать, являются ли они дожившими до наших дней доспехами, которые восходят к их общему и еще не развитому предку, или же это «выродившиеся» прямые потомки доспехов танского времени [47].

В начале VIII в. в Китае появляется кольчуга. Первое датированное упоминание о ней относится к 718 г., когда «доспехи из звеньев» [48] были присланы в дар Самаркандом [49]. Несколько позднее, в том же столетии, тибетцы, господствовавшие на западных границах, также покрывали и всадника и лошадь тонко выделанными кольчугами, оставляя незащищенными только глаза [50]. А в IX столетии у корейцев существовало предание о том, что давным-давно кольчужные доспехи упали с неба «к востоку от окруженного стеной города Ляо» [51]. Как бы там ни было, кольчуга была иранского происхождения [52]. Единственное изображение дальневосточной кольчуги этого времени можно видеть в дуньхуанской живописи [53]. Хотя обычно кольца были из железа [54], делались кольчуги и из других металлов:

Дождь осыпает
кольчуги златые кольца;
Мох покрывает
копье из «зеленой глуби» [55].

Или же:

Рабыни верхами — из желтой меди
сплетенные кольца на латах;

На шелковом знамени с древком душистым
начертаны листики златом [56].

Мечи и копья

Есть у меня волшебством наделенный,
иноземцем подаренный меч.
Он каждый раз, когда тьма наступает,
колдовскую заводит речь:
«Мудрые знают, что я принесен
из страны Восточное Море...» [57]

Эти слова в песне о мече из Силлы отражают древние поверья о мечах, наделенных магической силой,— одушевленных мечах вроде маджапахитских клинков в Островных Индиях. Клинки, преисполненные маны, часто были оружием, происходящим из отдаленных земель, где волшебников, привидений и талисманов было гораздо больше, чем в танской империи. Даже отравленные копья южных маней, которые убивали людей, не проливая их крови, считались отнюдь не реальными физическими предметами, а как бы божественно созданными, «упавшими с неба» [58].

Могущественное сочетание мужского и женского начал было необходимо для изготовления совершенного меча или вообще любого ответственного изделия из металла — такого, как храмовые колокола. Идеальным считалось, если кузнечные меха, когда плавили металл, раздували девушка и девственный юноша. В древности мечи изготовлялись парами — один мужской, другой женский (*инь* и *ян*), которые как бы являлись наделенными душой бронзовыми супругами; они могли разговаривать, петь и передвигаться сами собой; они могли вспыхивать светом и были на самом деле особого рода духами-драконами и повелителями молний [59]. В танское время могучие бронзовые мечи из Куньу, именовавшиеся также «сокровище-меч», которые могли резать яшму, оставались в памяти и считались древними прообразами всех волшебных и царственных клинков и часто служили темой стихов на исторические сюжеты [60]. Даже если эти чудо-мечи и не названы прямо, они подразумеваются, как это можно увидеть в одном из стихотворений Ду Фу, поэта сражений. Он описывает необычный меч, достойный царя-героя, который должен появиться, чтобы усмирить бури, опустошившие царство:

Не жемчуга
и не яшма клинок украшают,
С края земли
в нашу страну привезенный.
Так почему ж
совершается дивное диво:

Каждую ночь
испускает он луч заостренный.
Ввысь непременно
взлетает дыхание тигра.
Может ли долго
прятаться тело дракона?
В суетной пыли
еще не исчезли страданья,
Пусть же получит
тебя государь просвещенный [61].

Среди холодного оружия, официально различавшегося в танском арсенале, были длинные мечи для обрядов и шествий, украшенные золотом и серебром [62]; короткие мечи, которые носили воины [63]; длинные мечи для пехотинцев [64]. Все эти виды оружия (и некоторые другие тоже) были однолезвийными прямыми и изогнутыми клинками [65]. Это было то самое оружие, с помощью которого Тан осуществляла свое главенство над народами Азии. Что же касается копий, то существовали короткие, покрытые лаком кавалерийские пики [66] и длинные деревянные копья для пеших воинов [67] наряду с более роскошными разновидностями копий, которые носили дворцовая стража и ритуальные караулы [68].

Мы можем составить некоторое представление о красоте средневековых китайских мечей по образцам, хранящимся в Сёсоине, с их эфесами и ножнами, сплошь усеянными драгоценными камнями и металлами, иногда покрытыми лаком и расписанными маслом — растительными и зооморфными узорами. У одного из мечей рукоять покрывает акулья кожа, а золотые и серебряные волюты на эфесе и рукояти заполнены круглыми самоцветами [69]. По крайней мере некоторые из этих превосходных предметов вооружения должны быть танской работы: «узорные мечи и клинки для ножей» изготавливали для танского двора в Восточной Сычуани, близ горных ущелий [70].

Остальное было привозным. Владение Наньчжао прислало меч, «выкованный бродягой»; в расплавленный металл, который пошел на его изготовление, был добавлен яд, а клинок был закален в конской крови; рукоять и гарда были отделаны золотом и рогом носорога, чтобы сделать это оружие достойным царской династии [71]. Несколько раз в VIII в. железные клинки поступали из Маньчжурии — от черноводных мохэ, но об особых свойствах ничего не сообщается [72].

О дамасской стали в средневековом Китае знали, но привозилась ли она сюда в танскую эпоху или нет, остается неясным. Ее описывали как «персидскую» в VI в. и как «кашмирскую» в X в. и считали ее такой «твердой и острой, что она может рубить металл и твердые камни» [73]. Соединение полос стали

вместе при ковке — не единственный способ получить муаровый узор на дамасском клинке; такой же волнистый рисунок встречается на средневековой высокоуглеродистой индийской стали *вуц*[74]. В Китае этот металл был известен как «железо *бинь*», по-видимому по названию на одном из иранских языков, отраженном — через Индию — в пракритском слове *пина*[75]. И вполне возможно, что дамасские клинки, если они были у жителей танского Китая, попадали туда из Индии или через каких-то индианизированных посредников.

Луки и стрелы

Китайское название лука родственно словам «дракон», «радуга» и «небесный свод»[76], и мы можем с уверенностью считать, что лингвистическая связь отражает мифологическую связь между этими понятиями: луки обладают той же силой, что и грозовые тучи, извергающие молнии. Среди многочисленных видов танских луков имелись и длинные луки для пеших воинов, сделанные из тутового дерева; и маленькие арбалеты — также пехотное оружие; и большие дальнобойные арбалеты; и раскрашенные ритуальные луки, и особенно «роговые луки», усиленные накладками из рога и сухожилиями,— главное оружие всадника[77]. Будучи в древности характерным оружием степных воинов — врагов китайцев, к танскому времени «роговые луки» были уже давно полностью освоены китайской цивилизацией, и их производили в Хэбэе и в Северной Шаньси, близко примыкавших к границе и открытых для кочевнических влияний[78]. Красивые луки в Сёсоине (из катальпового дерева и из шелковицы), по-видимому, китайской работы[79]. Но остается неясным, можно ли причислить к числу привозившихся в танскую империю экзотических диковин такие чужеземные луки, как хорезмийские, «которые только сильнейший может натянуть»[80], или изящные роговые луки маньчжурского племени шивэй[81].

Древки танских стрел делали из бамбука, доставлявшегося из чащ Цзянси и Хунани, к югу от Длинной реки[82]. Стрелы с деревянными наконечниками предназначались для стрельбы по мишени и охоты; длинные стрелы со стальными наконечниками служили для поражения доспеха в бою. Арбалетные дротики были короткими и «оперялись» кожей[83]. Наводящие ужас стрелы кочевников со свистящими наконечниками изготовляли в городе близ монгольской границы и посылали в столицу в качестве «дани»[84]. И все-таки, хотя изящные каменные наконечники стрел племени черноводных мохэ (превосходная продукция тунгусских земель с древнейших времен) продолжали поль-

зоваться хорошей репутацией [85] и хотя существовали удивительные рассказы о губительных ядовитых стрелах лесных дикарей, живущих близ Бирмы [86], у китайских стрел в танское время, видимо, не было серьезных иноземных соперников.

Колчаны, сплетенные из белой лозы кудзу и покрытые обычно черным или красным лаком, можно видеть в Сёсоине [87], но нельзя с уверенностью сказать, что именно такими и были императорские колчаны, производившиеся в Гуйчжоу (Северный Хубэй) [88].

Наверно, в огромном мире, в краях,
куда доступа нет.
Есть люди, что вечно ищут знак бога
иль бога след...
А здесь, в таинственной Индии, боги
кружатся роем,
Как дикие пчелы в листве, как бури
порывы воя.

Сэр Альфред Комин Лайел.
Размышления индусского принца

ГЛАВА XVIII

СВЯЩЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ

По проторенным торговым путям через пустыни Центральной Азии или по Южным морям в танскую империю шел обильный поток священных предметов и религиозных реликвий из Индии и стран, находящихся под ее культурным влиянием [1]. В больших буддийских храмах Азии мастера многих народов (в том числе и китайцы) были заняты изготовлением предметов религиозного обихода. Эти храмы на благо верующим, которые путешествовали по опасным дорогам, содержали собственные лавки (а также гостиницы, закладные лавки и долговые конторы) [2]. Товары, которые продавались в этих лавках благочестивым странникам, еще больше увеличивали наплыв священных образов, реликвий и текстов, шедших на Дальний Восток из Индии — истинной родины Закона. В итоге самый разнохарактерный набор экзотических вещей оживлял танский религиозный ландшафт. Среди них были такие предметы, как буддийская ступа в пять *чи* высотою, присланная как подношение из Тибета [3]; модель храма в Наланде, привезенная одним монахом из самой Индии [4]; завещанные великим тантристом Амогхаваджрой императору Дай-цзуну «колокол с отпечатками пяти пальцев и ваджра, унаследованные им от его усопшего наставника, серебряное блюдо, а также четки из семян дерева бодхи и бусинок горного хрусталя» [5]; серебряная арфа в пещере монастыря Тяньтай на горе Утай, «которая имела восемьдесят четыре тысячи тонов, и каждый из восьмидесяти четырех тысяч тонов излечивал от одной из мирских страстей» [6]. Примером собирательского рвения китайских паломников, посещавших святые места Индии, может служить знаменитый И-цзин, который за время, прошедшее с его отъезда из Гуанчжоу в 671 г. и до возвращения в Лоян в 695 г., посетив тридцать стран, собрал четыреста сборников текстов на санскрите, гимны в пятьсот тысяч шлок и триста священных реликвий [7].

Мощи

Благоговение, выказывавшееся мощам святых проповедников буддизма (не говоря уже о мощах самих Будд), было необычайным. И, более того, эти высокочтимые останки, как повествует приведенный ниже рассказ, шли на рынках по очень высокой цене. Вот одна из историй, содержащихся в обширном сборнике анекдотов, рассказанных настоятелем монастыря Бодхи в чанъаньском квартале Пинкан, примыкавшего к дому министра Ли Линь-фу (здесь он назван «Сидящий Справа»).

«Ли, Сидящий Справа, в каждый очередной день своего рождения приглашал одного из монахов этого монастыря посетить его дом, где для приглашенного приготовлялась постная трапеза. Монаху Сэн-и, который однажды призывал там Будду, было преподнесено в качестве милостыни седло со всеми принадлежностями. Сэн-и продал все вместе за семьдесят тысяч монет. Был там еще монах Сэн-гуан, прославившийся своим голосом. По прошествии нескольких лет наступила и его очередь возглашать в этом доме имя Будды. Сэн-гуан преступил все границы, прославляя заслуги и добродетели Сидящего Справа в ожидании щедрого подаяния. По окончании постной трапезы из-под занавеси была принесена разрисованная корзинка, покрытая благоухающим газовым платком. В ней находился предмет, напоминающий заржавленный гвоздь в несколько *цуней* длиной. Монах вернулся с несбывшимися ожиданиями и в течение нескольких дней был в подавленном состоянии. Но затем решил, что такой крупный сановник не мог его обмануть, и понес эту вещь на Западный рынок, где показал ее западному чужеземному купцу. Когда западный купец увидел этот предмет, он был поражен и сказал: „Где вы, почтенный, достали эту вещь? Если вы собираетесь продать ее, за ценой я не постою". Монах ради пробы попросил сто тысяч монет. Западный чужеземец громко рассмеялся и сказал: „Вы продешевили. Назовите самую высокую цену, какую только можете!" Монах увеличил цену до пятисот тысяч монет, на что уроженец Запада возразил: „Цена ей тысяча раз по десять тысяч" — и уплатил названную сумму. Монах захотел узнать, что же это такое, и купец ответил: „Это драгоценная кость (Будды)"» [8].

Чрезмерное увлечение кусочками святых мощей могло приводить даже к прямому разбою: китайский «Учитель Закона» Мин-юань пытался украсть всемирно известный зуб Будды из святилища на Цейлоне.

Предание гласило, что если эти могущественные мощи покинут страну, то весь остров будет поглощен демонами [9]. К счастью, благочестивый фанатик был остановлен вмешательством сверхъестественных сил [10].

Вполне естественно, что такое фанатическое благочестие вызывало реакцию протеста. В танское время было много таких, кто осуждал веру поклоняющихся святым мощам, а сами мощи считал отвратительными и никчемными вещами. Хань Юй, который написал язвительный доклад трону с осуждением почестей, оказанных пальцу Будды, был лишь самым выдающимся среди них. Этот бескомпромиссный антиклерикал представлял более цивилизованное крыло ксенофобии IX в., которая достигла высшей точки в великом гонении на чужеземные религии, в уничтожении произведений религиозного искусства и положила начало закату буддизма, внесшего важный вклад в обогащение китайской цивилизации [11].

Но, несмотря на все это, деятельные поиски святых мощей продолжались. Паломник У-кун вернулся в 790 г. в Чанъань с зубом Шакьямуни, добытым в одном монастыре в Удьяне [12]. В IX в. зубы Будды хранились в четырех храмах столицы. В каждом из них совершалось свое особое празднество, привлекавшее толпы верующих, приносивших подношения в виде лекарств, еды, плодов, цветов и в благоуханных облаках курений «кидавших деньги как дождь в изукрашенный зал Зуба Будды» [13]. Гордостью монастыря на горе Утай был череп пратьекабудды, который, как сообщал Эннин, «по цвету черный с белым, а поверхность его напоминает японскую пемзу»: он был с остатками седых волос, еще сохранившихся на темени [14]. Имелись даже мощи исторических лиц различного достоинства — от частицы останков знаменитого императора Ашоки в одном чанъаньском храме [15] до частицы плоти заурядного японского монаха Рэйсана, хранившейся в монастыре на горе Утай. Последние мощи были, пожалуй, наиболее любопытны: это был «кусок кожи с руки Рэйсана в четыре *чи* длиною и в три *чи* шириною, на которой благочестивый японский паломник начертал изображение Будды» [16].

Хотя следует признать, что такого рода нравоучительные предметы, вероятно, не слишком вдохновляли на поэтические излияния, зато они разжигали воображение просвещенных рассказчиков. Известен, например, рассказ, повествующий о волшебной жемчужине, которая была послана императрице У одной западной страной вместе с нижней челюстью Небесного царя Вирупакши (она была величиной со складной стул) и языком пратьека-будды, который был синего цвета и величиной как язык быка [17].

В танскую эпоху получили большое распространение религиозные изображения, и прежде всего буддийские, в особенности образки небольших размеров — из металла, дерева или глины, которыми мог обладать каждый верующий; мода на них в значительной степени поощряла искусство танских мастеров [18]. Но богатые особы и состоятельные учреждения располагали образáми, доставленными из чужеземных краев, или произведениями искусства, являвшимися китайской переработкой иноземных религиозных сюжетов; и то и другое удовлетворяло вкусы жителей танской империи и в то же время видоизменяло их. «Экзотических» изображений китайской работы было довольно много: от символических (например, [манихейские ?] фигуры семи светил, написанные Янь Ли-дэ) [19] до вполне достоверных (таковы изображения музыкантов Пью, которые прислал ко двору Вэй Гао, покоритель Наньчжао и тибетцев) [20]. «Реалистические» изображения покоренных чужеземцев в танской империи выполняли постоянно, потому что находившимся на государственной службе художникам вменялось в обязанность запечатлевать облик и одежды всех, кто появлялся при дворе [21]. Такие живописные свитки, накрученные на сандаловые цилиндрические оси с наконечниками из белой яшмы, янтаря или горного хрусталя [22], должны были оказать сильное воздействие на вкусы своего времени — во всяком случае, в придворных кругах. Но еще более широким и сильным должно было оказаться влияние предметов искусства, на самом деле вышедших из мастерских художников далеких стран.

И действительно, в Индии и индианизированных странах китайские паломники в святые земли стремились в первую очередь (кроме сутр и мощей) приобрести священные статуи и иконы, чтобы наставить верующих у себя на родине и украсить ими пышные храмы танской империи [23]. Однако не все чужеземные образá, попадавшие в Китай, происходили из Индии. Многие были выполнены художниками других буддийских стран. Примером может служить бронзовая статуя из Хотана, хранившаяся в Чанъани в обители Святого Цветка [24], в зале, стены которого были расписаны изображениями божеств [25]. Другой пример — статуи Будды, исполненные из золота и серебра, доставленные в 810 г. сыном правителя Силлы в качестве подношения Сюань-цзуну [26]. Некоторые изображения даже не были буддийскими: так, среди живописи, найденной в Дуньхуане, есть изображение персонажа с усами красного цвета и с мальтийским крестом на тиаре; похоже, что имелся в виду какой-то христианский святой, а на Дальнем Востоке его, видимо, должны были воспринимать как бодхисаттву [27].

Но из всех привозных вещей такого рода наиболее примечателен далеко идущими последствиями его воздействия на китайские художественные вкусы набор образцов и моделей для изображения божественных существ и религиозных символов, предназначенный для того, чтобы направлять разум и руки художников, не имевших счастья родиться в тех землях, где ступала нога самого Будды и буддийских святых. Когда художник Ваджра Трипитака, уроженец Цейлона и мастер, искусный в изображении священных персонажей, прибыл в танскую империю, чтобы показать там свое умение [28], он привез с собой, в этом можно не сомневаться, книги, в которых были даны пропорции, предписывавшиеся для религиозных изображений. Оберегал ли он их ревностно или с гордостью показывал своим китайским собратьям, неизвестно. Но китайцы наверняка стремились иметь такие классические образцы и наверняка их использовали: целые композиции повторены в различных пещерах Дуньхуана — явление, которое получает объяснение, только если допустить, что художники следовали шаблонам, чтобы в точности обеспечить благочестивое соответствие принятым идеалам [29]. Для того чтобы получить такие иконографические стереотипы, за границу отправляли специальных посланцев. К их числу относится человек, которого Сюань-цзун послал в Хотан добыть верный образец изображения Вайшраваны — небесного стража Севера, излюбленного божества тюркских владетелей центральноазиатских городов-государств [30]. Божественные трафареты могли также составлять важную часть военной или дипломатической добычи: напористый танский посланец Ван Сюань-цэ, который добыл в Индии рисунки многих буддийских изображений, привез из Бодхгайи копию изображения Будды, выполненного самим бодхисаттвой Майтрейей; по ней в 665 г. в Чанъани была выполнена инкрустированная золотом статуя этого божества [31]. (Конечно, художественное влияние шло и в обратном направлении: китайские мастера ткацкого дела, златокузнецы и живописцы трудились в VIII в. у арабов в Месопотамии, в том числе художники Фань Шу и Лю Цы и ткачи Юэ Хуань и Люй Ли [32].)

Период чужеземных влияний на религиозное искусство миновал после того, как — в ходе великих гонений 845 г.— статуи божеств (как из общественных мест, так и принадлежавшие частным лицам) были переплавлены на нужды сельского хозяйства или для использования металла казначейством [33]. Эннин так высказался об этом бедствии: «Разве был предел числу бронзовых, железных и золотых будд в этой стране? И все же в соответствии с императорским указом все было разрушено и обращено в мусор» [34].

Пусть мне прочтут философов причуды,
Расскажут тайны всех царей заморских.

Кристофер Марло.
Трагическая история доктора Фауста.

ГЛАВА XIX

КНИГИ

«*Exotica*»

Привозившиеся из чужеземных стран тексты поражали жителей танской империи своим непривычным обликом, но довольно часто к ним приспосабливались и осваивали их. Они казались чем-то странным еще и потому, что впечатлительному уму сразу же виделись всякого рода причудливые идеи, замысловатая мудрость и даже страшные заклинания, которые скрыты в непостижимых очертаниях иноземных письмен. Нельзя сказать, что в Китае не существовало собственных необычных видов письма. Наряду с древним и хорошо известным письмом печатей и квадратным уставным письмом существовало еще и «письмо тигриных когтей», и «письмо упавших луковиц», и «письмо наклонных струй», «солнечное письмо», «лунное письмо», «ветряное письмо», «письмо листьев, изъеденных червями», и еще очень много других видов письма, в том числе и такие получившие признание нововведения, как «западное [хуское] письмо» и «индийское письмо» [1]. А среди видов письма, употреблявшихся в Западном крае и иногда попадавших на глаза любознательным китайцам танской эпохи, были еще и такие виды письменности, как «ослиные губы», «лотосовый лепесток», «великоциньское» (т. е. римское), «верхом на лошади», «поднявшийся труп», «небо», «дракон» и «птичий напев». Здесь перечислена лишь небольшая часть из шестидесяти четырех видов письма, известных Дуань Чэн-ши [2].

Столь же разнообразна была и бумага, на которую наносили эти письмена. В танской империи была своя бумага из конопли, кудзу, бумажной шелковицы и даже из бамбука и розового дерева. Ее окрашивали в различные тона (одним из самых лучших сортов танской бумаги была тонкая хрустящая бумага золотисто-желтого цвета) и иногда пропитывали благовониями. Листы бумаги склеивали, чтобы получить длинные свитки; лучшие из них, вероятно, накручивали на сандаловые оси-палочки с хрустальными наконечниками (хотя к IX в. уже существовали книги, сложенные в «гармошку», а к X в.— и сшитые из отдель-

ных листов). Но самые изысканные книги были написаны на шелке, особо почитавшемся потому, что на нем писали еще в древности [3].

Несмотря на такие превосходные местные ресурсы, в Китае находили себе применение и многие виды чужеземной бумаги. Танские поэты часто упоминали «варварскую [маньскую] бумагу для заметок», государство Корё в качестве «дани» посылало бумажные свитки, Япония изготовляла бумагу из сосновой коры, а из стран к югу от Китая поступала белая бумага с узором «рыбьи яйца» и другая, сделанная из морских водорослей, которую называли «бумага с косыми прожилками» [4]. Искусство изготовления этих иноземных сортов бумаги было первоначально заимствовано у китайцев, так что «экзотичны» они были чисто внешне. Остается неясным, попадал ли в танский Китай с далекого Запада какой-нибудь вид пергамента, но китайцы знали о его существовании (или о существовании чего-то похожего на пергамент) начиная со II в. до н. э., после того, как великий путешественник Чжан Цянь сообщил, что парфяне пишут горизонтальными строчками на шкурах животных [5]. Кожу использовали для письма в средневековом Хотане [6], но в самом Китае к ней не проявляли особого интереса. Однако существовал иноземный материал для письма, хорошо известный в танском Китае и оказавший определенное воздействие на воображение танских поэтов. Это были листья пальмиры — южноазиатской веерной пальмы [7]. В танском Китае ее знали под именем, означающим на санскрите просто «лист» — *паттра* [8]. Официальная «История Тан» сообщает, что индийцы, сведущие в астрономических знаниях и математике (как это было всем известно), «пишут на листьях дерева *паттра*, чтобы записать события» [9]. Дуань Чэн-ши, который дает правильную этимологию этого заимствованного слова, описывает его как вечнозеленое магадхское дерево, возможно, потому, что изготовление книг на пальмовых листах было важным промыслом в Магадхе. Дуань Чэн-ши добавляет, что при бережном обращении рукописи на листах пальмиры сохраняются в течение пятисот или шестисот лет [10].

Жители танской столицы могли видеть дерево, которое давало эти полезные листья. Эту диковину, привезенную из одной «западной страны», посадили на земле буддийского храма, называвшегося Возвышение Добра [11]. Храм славился величественностью своих строений, которые считались самыми обширными в Чанъани, и многими другими сокровищами, среди которых было изображение Будды из хотанской яшмы и картина художника У Дао-сюаня. Славилась эта обитель и своими древними соснами: ветвь одной из них, которой был придан вид дракона, приносила во время сильной засухи дождь [12]. В конце IX в.

поэт Чжан Цяо написал стихи в честь высокочтимой «бумажной» пальмы [13]. Удивительно, как пальме удалось так долго выжить в климатических условиях Чанъани.

Книги, изготовленные из надлежащим образом приготовленных листьев, назывались *олла*. Эти книги заключали между двумя крышками-досками — «индийскими прессами» [14], как их называли в империи Тан [15]. Такие книги в Китае не должны были представлять особой редкости, если учесть ревностную собирательскую деятельность китайских паломников в Индии. Их можно было найти преимущественно в больших танских монастырях: Эннин сообщает о списке «Лотосовой сутры» такого вида на горе Утай [16]. Пальмовые книги могли читать и в более мирской среде: например, император И-цзун, будучи благочестивым верующим, держал книги из пальмовых листьев во дворце и сам возглашал по ним тексты сутр [17]. Цейлонский царь Шиламегха в 746 г. прислал в Чанъань с монахом Амогхаваджрой написанный на листьях пальмиры экземпляр «Маха-праджняпарамита-сутры» [18].

Книги на листьях должны были особенно почитаться, поскольку они были написаны на языке, который (как и язык писем, посланных в Тан в 646 г. правителем Курана) «был тем же, что и в речениях Будды» [19]. Для китайских мастеров слова эти священные листья стали прекрасным экзотическим образом, который часто появлялся в стихах, призванных передать атмосферу буддийского благочестия. Так, Ли Шан-инь в «Надписи на Стене Монаха» писал: «Если вы верите в истинные и вечные слова на *паттре*» (т. е. в слова священных сутр) [20]. Или пожалуй, еще выразительнее: уже встречавшееся нам упоминание *паттра* вместе с *чандана* — сандалом. Другой пример — изображение храмового сада у Пи Жи-сю:

В пристройке дворца
   благовоние *кундурука*;
Старинные сутры —
   бумага из листьев *паттры* [21].

Ладан и листья пальмиры — это и аромат, и осязаемое прикосновение религии теплых стран Запада.

Книжные лавки и библиотеки

Можно думать, что подданные Тан в VIII и IX вв. могли получать в лавках больших городов книги о чужих краях, словари чужих языков и даже чужеземные книги [22]. К сожалению, мы еще очень мало знаем о танских книжных лавках, располагая только такими отрывочными сведениями, как упоминание в популярном рассказе об одной лавке в столице, которая торговала

классическими книгами и часто посещалась кандидатами на сдачу государственных экзаменов; известно также иносказательное поэтическое упоминание о книжной лавке в Лояне, на Южном рынке [23]. Кроме того, есть сведения, что в Чэнду в IX в. продавались новые печатные книги (главным образом по толкованию снов, по астрологии и по другим подобным отраслям знания) [24].

Так как танское время было эпохой выдающихся собирателей книг, сведений о библиотеках существует гораздо больше. Из них самой значительной была библиотека Сына Неба, основанная в 628 г. Тай-цзуном по настоянию таких выдающихся людей, как Вэй Чжэн, Юй Ши-нань и Янь Ши-гу, которые следили за ее пополнением и привлекали каллиграфов для переписки. Эта новая танская императорская библиотека [25] состояла из двухсот тысяч свитков, причем большую часть из них составляли копии очень редких книг. Следующий крупный шаг в ее развитии был сделан в правление Сюань-цзуна, особенно в деле копирования малоизвестных книг из частных библиотек, на что шла самая лучшая сычуаньская бумага из конопли. В обеих столицах для хранения литературы были основаны академии [26]. Для императорской коллекции было приготовлено новое помещение [27], и была принята усовершенствованная позднее система классификации книг по четырем разделам. Для обозначения раздела употребляли цветные ярлыки из слоновой кости (на них были написаны название и номер тома). «Классики» имели красные ярлыки, осевые палочки, инкрустированные белой слоновой костью, и желтые завязки; «историки» — зеленые ярлыки, палочки, инкрустированные слоновой костью синего цвета, и светло-зеленые завязки; «философы» — синие ярлыки, резные сандаловые палочки и лиловые завязки; «сборники» — белые ярлыки, палочки из зеленой слоновой кости и багровые завязки [28].

Танское государственное собирание книг достигло своего апогея в первую, мирную половину VIII в., т. е. в правление Сюань-цзуна. Но когда в XI в. историк Оуян Сю готовился написать историю Тан, он обнаружил, что более половины этой грандиозной библиотеки исчезло в результате внутренних беспорядков, и прежде всего восстания Хуан Чао [29].

Никаких описей библиотек танских религиозных учреждений не сохранилось, но, по всей видимости, эти собрания были также весьма внушительны. В каталоге наличных буддийских сочинений, переведенных с санскрита, составленном в 664 г., перечислено 2487 различных трудов, причем некоторые из этих сочинений были довольно обширными [30]. Если принять во внимание, что только в одном из чанъаньских храмов, помещенная в пагоду, хранилась тысяча экземпляров лишь «Лотосовой сутры» [31], то можно себе представить астрономическое число священных свитков, имевшихся во всей столице.

Частные собиратели развивали активную деятельность где только можно, и именно к ним в руки попадали некоторые экземпляры самых старых и редких книг. Среди собирателей встречались такие люди, как Ни Жо-шуй, ортодоксальный приверженец классики, который укорял Сюань-цзуна за легкомысленное собирание птиц; полки в доме Ни Жо-шуя не могли вместить всех имевшихся у него книг, поэтому он складывал их в оконных нишах, совершенно не давая солнечному свету проникнуть в библиотеку [32]. Существовали коллекционеры вроде Чжан Цаня, который посвятил свою старость переписке конфуцианских классиков, так как, по его словам, «чтение текстов не идет ни в какое сравнение с их перепиской» [33]. Были и такие, как Дуань Чэн-ши, большой любитель диковинного, обладавший великолепной памятью: будучи сверщиком императорских архивов, он сумел постичь там всевозможные тайные сведения; впоследствии все время он проводил в своей домашней библиотеке и стал выдающимся знатоком буддийской литературы [34].

Не удивительно, что, собираемые с такой энергией и энтузиазмом, частные библиотеки бывали большими и хорошо подобранными. Библиотека Ли Би, к примеру, насчитывала тридцать тысяч свитков, а собрания книг Лю Бо-чу, Вэй Шу и Су Бяня содержали по двадцать тысяч свитков каждое [35]. Такие богатые частные библиотеки как по великолепию убранства, так и по редкостям, имевшимся в них, должны были соперничать с императорскими коллекциями. Так, поэт Люй Вэнь следующим образом описал принадлежащие собирателю книг Цуй Жэнь-ляну роскошные тома, футляры которых были украшены горным хрусталем («водная сущность»), а бумага вылощена слюдой («мать облаков»):

На яшмовой башне бесценные полки
покоятся в выси небесной.
Там свитков добрый десяток тысяч
о дивных делах и чудесных.
Там «сущностью водной» украшены связки,
подвески зеленые к стержням;
Там «мать облаков» блестит на бумаге,
написаны золотом тексты [36].

Книги по географии и записки путешественников

Некоторые представления о чужеземных народах и их странах, сложившиеся у жителей танской империи, восходят к книгам, написанным путешественниками и правительственными географами. Названия многих из них дошли до нас, хотя сами книги в большинстве утрачены. Среди такого рода книг были: «Рассуждение о необычных вещах в Бнаме» Чжу Ина; «Записки

о [многих] *ли* дороги, ведущих в Западный край» Чэн Ши-чжана; «Рассказ о моем путешествии к чужим народам» монаха Чжи-мэна, «Записки о народе Лесного Города (Прум Ирап)»[37] неизвестного автора; «Записки о посольстве, направленном в Корё» неизвестного автора; «Сведения о Тибете и Желтой реке» неизвестного автора; «Трактат о необычных вещах в южных землях» Фан Цянь-ли; «Иллюстрированные записки о Западном крае» Пэй Цзюя; «Записки о стране Силла» Гу Иня; «Записки об Юньнани» Юань Цзы; «Иллюстрированное сообщение о дани, преподнесенной на дворцовом приеме киргизами» Люй Шу. Важное значение имел «Иллюстрированный трактат о Западном крае» в шестидесяти свитках, плод труда многих эмиссаров Гао-цзуна, посланных в Самарканд, Тохаристан и тому подобные места для изучения местных обычаев, изделий и составления карт. Собранные таким образом материалы были сведены воедино придворным Историографическим ведомством под наблюдением Сюй Цзин-цзуна. Завершенный труд был представлен трону в 658 г.[38]. Кроме перечисленных выше имелось еще очень много других книг. Из работ, ныне утраченных (но названия которых поэтому звучат еще более интригующе), мы иногда располагаем небольшими отрывками, сохранившимися в виде цитат в других, более поздних книгах. Так, к счастью, произошло с уже упомянутым важным исследованием Фан Цянь-ли. Так было и с буквально наполненными чудесами Индии «Записками о моем путешествии в Центральную Индию», составленными Ван Сюань-цэ[39] — императорским посланцем с наклонностями разбойника.

Важный раздел литературы, которая давала жителям танской империи сведения (лишь в редких случаях недостоверные) об отдаленных краях, составляли дневники паломников (ими часто были образованные монахи) в Индию. К счастью, некоторые из дневников сохранились до наших дней, так что каждый, кто хоть что-либо знает о средневековом Китае, знаком с именем Сюань-цзана и И-цзина. В самом деле, значение книги Сюань-цзана о его путешествии «Записки о Западном крае» простирается далеко за пределы эпохи Сюань-цзана, она намного шире рамок обычного информационного описания. В танское время Сюань-цзан широко прославился, и его знаменитый пример вдохновил многих других проявить глубокий интерес к Индии и к другим странам, находившимся под влиянием индийской культуры[40]. Столетия спустя беллетристическая версия его путешествия (она была озаглавлена «Путешествие на Запад», но в английском переводе Артура Уэйли широко известна под названием «Обезьяна») обрела всемирное признание как один из самых лучших приключенческих романов в мировой литературе. Роман этот можно рассматривать и как одно из величайших художественных повествований на экзотические темы [*40].

Наставник Сюань-цзан, который привез в танскую империю больше шестисот коробов сутр и абхидхарм [41], писал о трудностях пути между Индией и Китаем, пути, который пришлось преодолеть множеству благочестивых монахов, чтобы привезти с собой, возвращаясь назад, истинные слова Будды. В письме от 654 г. к индийцу Инянапрабхе Сюань-цзан говорил:

«Мне бы хотелось почтительно сообщить вам, что при переправе через Инд я потерял один из вьюков со священными текстами. Поэтому я посылаю теперь вам приложенный к этому письму список тех текстов. Я прошу вас прислать их мне, если представится случай. Я посылаю в подарок вам несколько незначительных вещиц. Пожалуйста, примите их. Дорога дальняя, и невозможно послать много. Прошу не пренебречь ими» [42].

Благочестивые путешественники, преодолев в диких краях множество опасностей, подстерегавших их дух и тело, обычно проходили обучение в большом монастыре Наланда в Магадхе, кирпичные залы и галереи которого давали кров пяти тысячам монахов и послушников. Большинство паломников шли также на поклон дереву бодхи в Гайя, где Будда обрел просветление. Примером такого благочестивого паломника может служить Дао-шэн (по-санскритски именовавшийся Чандрадева), пришедший через Тибет, чтобы изучать тексты Хинаяны в таком крупном центре религиозной мысли, как Наланда. Затем он с большим грузом из книг и религиозных изображений отправился назад в танскую империю, но заболел и умер в Непале [43]. Другой паломник, Сюань-чжао, отправился в Центральную Индию полный религиозного рвения, но умер там в возрасте шестидесяти с лишним лет, не успев осуществить своих намерений [44]. Эти и подобные им люди не оставили записок о необычных вещах, которые они видели, не пополнили они и новыми индийскими книгами танские библиотеки. Но они были мучениками и жертвами во славу своего религиозного братства, вклад которого в познание, взятый в целом, был громаден.

Поиски подлинного и надежного текста той или иной сутры в танское время привлекали широкое внимание и вызывали уважение. Так, первоначально особым почитанием пользовалась «Паринирвана-сутра» («Сутра о Паринирване»), уступившая свое место во второй половине VII в. «Лотосовой сутре» [45]. В начале VIII в. приобрел значительную популярность перевод И-цзина «Суварна-прабхаса-уттамараджа-сутра» («Сутра о царе золотого блеска»). Но в конце того же века ее заменила «Алмазная сутра» [46], которой выпала честь стать самой древней печатной книгой, сохранившейся до наших дней. Подобные изменения во вкусах вдохновляли паломников — собирателей

книг на новые усилия, иногда с высочайшего благословения. Императрица У, имея неполный перевод «Аватамсака-сутры», пожелала обладать ее подлинным санскритским текстом [47], близким ей как восторженной поклоннице Махаяны. Для достижения этой цели она отправила посланцев в Хотан, где, по слухам, должна была существовать эта книга. Посланцы нашли и привезли эту книгу, а заодно и опытного хотанского переводчика Шикшананду, который получил китайское монашеское имя Сюэ-си. Священные страницы, стиснутые между дощечками, и просвещенный ученый были доставлены во дворец в Восточной столице, после чего Сюэ-си принялся за работу над китайским переводом в присутствии сидящей рядом царственной дамы, что явно не могло облегчить его филологические труды [48]. Он может, однако, служить примером тех чужеземных ученых монахов, которые, прижимая к груди священные книги, сотнями собирались при блестящем танском дворе.

В отличие от Шикшананды некоторые из них, как, например, тантристские священники VIII в., пользовались в миру определенной известностью. Среди них был Шубхакарасимха, который, прибыв в Чанъань в восьмидесятилетнем возрасте, утверждал, что он — потомок Шакьямуни. Он привез с собой большое количество санскритских текстов и, обладая мистической силой и магическим искусством, заслужил расположение Сюань-цзуна, и ему не раз поручали вызывание дождя [49]. Был еще и Дхармачандра, который привез с собой собрание новейших заклинаний (наряду с сутрами, абхидхармами, книгами по астрологии и санскритскими медицинскими текстами) [50]. Ваджрабодхи, царский сын, проповедовавший среди паллавов в Южной Индии и затем отправившийся на Цейлон, сопровождал цейлонское посольство, которое доставило в Китай «Маха-праджняпарамита-сутру» [51]. Самым знаменитым из всех проповедников тантризма был Амогхаваджра, ученик Ваджрабодхи. Будучи сам цейлонским брахманом, он во второй половине VIII в. сделал при танском дворе блестящую карьеру, обретя все возможные для монаха привилегии, и умер окруженный почетом в стране, ставшей ему второй родиной [52]. Все эти проповедники привозили в Китай свои могущественные заклинания, свои непостижимые талисманы и свои приворотные зелья вместе с письменными свидетельствами, подтверждавшими их действенность.

Но не все прибывало в Китай из Индии. Силла в начале IX в. оказалась в состоянии прислать в танскую империю собрание буддийских сутр как подношение, достойное высочайшего владетеля [53]. Не все привозные книги восходили к учению Гаутамы. В 638 г. персидский несторианин по имени *'*Â-lâ-puən* доставил свои священные тексты и проповеди и сложил к стопам Тай-цзуна. Император воздал должное их тонкому и глубокому смыслу

и основал в столице для этого еретика храм [54]. В 807 г. уйгуры получили разрешение возвести манихейские храмы в Лояне и Тайюани [55]. Однако после того, как в правление продаосски настроенного императора У-цзуна уйгурское могущество было сокрушено киргизами, «манихейские писания и изображения сжигались на улицах» [56]. Древние боги были снова возведены на пьедестал, а привлекательность богов экзотических сошла на нет.

Научные книги

Танские монахи, посещавшие Запад, наряду с чисто богословскими сочинениями привозили с собой чужеземные рукописи по философии, математике, астрономии, медицине [57]. Эти научные исследования пользовались большим спросом в танской империи, где индийская астрономия ценилась очень высоко. Трактаты на эти темы были во дворце столь же желанными, как золото и драгоценные камни. Послы из Капиши, например, преподнесли в 720 г. Сюань-цзуну наряду с «тайными рецептами и единственными в своем роде лекарствами» сочинение по астрономии [58].

В VIII в. официальные календарные исчисления стали фактически монополией экспертов, принадлежавших к трем индийским семействам: Кашьяпа, Гаутама и Кумара [59]. Самым выдающимся из этих индийских астрономов был Гаутама Сиддхартха [60], возглавлявший при Сюань-цзуне императорскую обсерваторию. Этот выдающийся человек, удостоившийся чести носить имя Будды, перевел на китайский язык индийский календарь «Наваграха» («Девять планет») [61], ввел более точные способы предсказания солнечных и лунных затмений, употребление знака для нуля и таблицу синусоидных функций. К сожалению, два последних нововведения, отвергнутые консервативными китайскими астрономами, не были приняты [62].

В VII в. был в употреблении «Календарь семи светил» [63], также созданный под индийским влиянием. У него имелись предшественники, восходящие к ханьскому времени и носившие сходное название, но с различными вариациями [64]. Уложение середины VII в. запрещало частным лицам иметь у себя или изучать этот астрономический календарь, а также карты неба, гадательные книги и трактаты по военному искусству [65]. Это официальное засекречивание имело целью допустить к близкому знакомству с ошеломляющими достижениями экзотической астрономии лишь заслуживающих доверия знатоков и руководивших ими государственных деятелей. Влиятельную роль в распространении индийских методов календарных вычислений

сыграл Амогхаваджра. Он перевел на китайский язык «Сутру, произнесенную бодхисаттвой Манджушри и премудрыми, о благовещих и неблагоприятных днях и о благих и дурных положениях планет и луны», с помощью которой можно было точно предсказать расположение планет [66]. Ученик этого мудреца, китаец Ян Цзин-фэн, в 764 г. выпустил пояснения к этой книге, где он перечислил названия дней недели по наименованиям планет — на индийском, персидском и согдийском языках. Согдийский (манихейский?) перечень «Семи светил», транскрибированный китайскими иероглифами,— это удивительный список исчезнувших вавилонских богов: Михр (Солнце), Мах (Луна), Бахрам (Марс), Тир (Меркурий), Ормузд (Юпитер), Нахид (Венера), Кеван (Сатурн) [67]. Нахид более известна под древнеперсидским вариантом этого имени — Анахита, т. е. Анаит, Афродита семитских народов. Однако кажется сомнительным, чтобы в танское время могли решиться соединить имя этой не отличавшейся постоянством особы с названием планеты. Согдийское название воскресенья оказалось наиболее устойчивым: «день Михра» есть в китайском календаре, опубликованном на Тайване в 1960 г. [68].

Много других книг о календаре и по астрологии, широко распространенных в танское время, основывалось на западной системе. Великий монах-астроном И-син (один из создателей приводимой в движение водой армиллярной сферы, регулирующий механизм которой позволял соразмерять ее ход с движениями небес [69]) в своих книгах по астрономии также употреблял для планет ближневосточные названия [70].

Книги по медицине и фармакологии поступали также из индианизированных стран. К суйскому времени многие из них были включены в дворцовую библиотеку, в частности книги, имевшие такие названия, как «Рецепты лекарств, предписанных различными риши Западного края», «Рецепты лекарств брахманских [стран]», «Важные рецепты, собранные знаменитыми лекарями Западного края» [71]. Эти названия не встречаются в официальном танском каталоге, и можно допустить, что они были уничтожены во время междоусобных войн, периодически потрясавших танскую империю, или при гонениях на все чужеземное при У-цзуне. Однако из внешнего мира продолжали поступать все новые книги по медицине, и особенно как уже говорилось выше, книги о «тайных предписаниях». Мы даже знаем об иллюстрированном травнике чужеземного происхождения: в ответ на посланные Сюань-цзуном пару белых попугаев, вышитое пурпурное одеяние, золотые и серебряные сосуды с тонкой инкрустацией и триста с лишним кусков тонкого шелка и камки правитель Силлы послал ему благодарственное письмо с нарисованным изображением трав и грибов его страны [72].

Таблатуры и карты

Популярность в танской империи музыки Сериндии и приглашение из этой страны учителей музыки означает, что оттуда ввозились и музыкальные партитуры с чужеземной нотной системой. Старший брат Сюань-цзуна, имевший титул нинского князя, был серьезным музыкантом; он играл на барабанах, и «книги, которые он читал, были музыкальными партитурами из Кучи». Как заметил его августейший брат, он был «отравлен музыкой» [73]. Хотя у нас нет образцов таких музыкальных записей из Кучи, музыка для лютни, записанная средневековой нотной грамотой (совершенно иной, чем современная), была обнаружена в Дуньхуане, а в Японии сохранилась партитура для танской пятиструнной лютни [74]. В обоих случаях музыка была написана под сильным кучинским влиянием, и музыкальные записи должны были иметь с ними близкое сходство.

Изготовление карт в танской империи было тесно связано с военным искусством, а наибольший интерес к этому проявляли военные ведомства правительства. Чтобы облегчить танской империи успешное присоединение новых земель и сохранение контроля над уже покоренными, одной из задач, возлагавшихся на посольства, отправлявшиеся в чужеземные страны, было составление карт, т. е. общепринятая форма шпионажа. Более того, всех иноземных посетителей столицы обстоятельно расспрашивали чиновники, целью которых было получить от них как можно больше сведений об очертаниях их стран, и эти данные переносились на карты [75]. Время от времени случалось, что какая-нибудь страна добровольно представляла карту Сыну Неба, чтобы таким образом униженно засвидетельствовать свое подчиненное положение. Так было после удачного завоевания Магадхи, осуществленного Ван Сюань-цэ; победитель посетил владение Камарупа (в современном Западном Ассаме), и после этого ее правитель отправил в Чанъань посланцев с большим количеством редких и удивительных предметов, в числе которых была и карта его собственной страны, прося в качестве ответного дара изображение Лао-цзы и текст «Дао-дэ цзина» [76].

ПРИМЕЧАНИЯ

К «Введению» (с. 13—19)

[1] Лауфер 1919, с. 379; ЦФЮГ, 970, 11б; ТХЯ, 99, 1774; ТХЯ, 100, 1796.

[2] Э. Рейшауэр (1955а, с. 82) упоминает о скоропортящихся товарах, взятых японскими путешественниками.

[3] А. Сопер (1950, с. 10) пишет об одном жителе корейского царства Силла, который скупил большое количество живописных произведений художника Чжоу Фана и увез их с собой на родину.

[4] Такакусу 1928, с. 22.

[5] Общий обзор международной торговли Китая в этот период см.: Балаш 1931, с. 52—54.

[6] Кёдес 1948, с. 68.

[7] Багчи 1929, с. 77, 346—347. ⟨Следует отметить, что в русском переводе «иранский» означает здесь (и, как правило, всюду далее) «относящийся к ираноязычным народам, иранскому миру» в самом широком значении (а не только к современному государству Иран). В более узком значении, связанном с собственно Ираном (Персией), употребляется термин «персидский», хотя в английском тексте различия между этими двумя определениями выдержаны не всегда строго.⟩

[8] Пельо 1951, с. 81.

[9] фон Габэн 1961, с. 17.

⟨*[9] В русском переводе английское Rome в соответствии со словоупотреблением Э. Шефера переводилось как «Рим», «римский», хотя русскому читателю должно быть ясно, что в большинстве случаев речь идет о Восточной Римской империи, т. е. или о Византии, или о римских и византийских владениях в Азии.⟩

К главе I. Прославленная империя Тан (с. 20—63)

[1] Превосходное краткое изложение истории этой эпохи дает Л. Гудрич (1959, с. 120 и сл.).

[2] Цены оставались высокими в течение примерно первых десяти лет царствования династии, но затем на протяжении большей части VII в. они держались на низком уровне, лишь слегка повысившись снова в последние десятилетия (Цюань 1947, с. 102—109). О налогах см.: Балаш 1931, с. 43—55; Пуллиблэнк 1955, с. 125. Отработки можно было заменить внесением дополнительной доли шелковых тканей. В отдаленных частях империи взимание налога было упрощено: крестьяне Линнани, например, платили их только рисом, а подчиненные тюркские племена присылали овец и деньги. В больших торговых и ремесленных городах система взимания налогов также была видоизменена; так, деловой центр Янчжоу платил причитавшиеся с него основные налоги деньгами, заменяя ими зерно и шелк; ремесленный город Чэнду вносил

вместо зерна шелк. Эти три вида повинностей назывались: *цзу* (выплаты зерном), *дяо* (выплаты тканями) и *юн* (отработки). Существовали также менее значительные налоги — на землю и домашнее хозяйство, пропорциональные размерам владений.

[3] Пуллибланк 1955, с. 27.

[4] Там же, с. 48—49.

[5] Огава Сёити 1957, с. 97; Шефер 1951, с. 411. Для этого периода характерны проза «старого стиля» (*гувэнь*) и короткая фантастическая новелла. Э. Пуллибланк (1960, с. 113) пытался связать этот ренессанс в явлениях культуры с движением за возрождение былого духа самой династии.

[6] Цюань 1947, с. 109—126 (особенно с. 111—112). В период инфляции (764 г.) рис стоил в столице в 500 раз дороже, чем в хорошие времена (725 г.).

[7] Цюань 1948, с. 144—145.

[8] Там же, с. 145.

[9] Пуллибланк 1955, с. 35—36.

[10] СТЦХ, 1, 26б—27а; Накамура 1917, с. 352.

[11] Роль мерила стоимости могли играть — в зависимости от особенностей местности — и другие товары: на северо-западе, в Дуньхуане, ее выполняло зерно, на далеком юге (Гуанчжоу=Кантон) — золото, киноварь, слоновая кость (Цюань 1948, с. 107—114).

[12] Это было также результатом открытия новых медных копей и усовершенствования способа изготовления монеты (Цюань 1948, с. 144—148). Во второй половине VIII в. существовали различные указы, направленные против вывоза монеты из страны, но утечка монеты тем не менее продолжалась: купцы оставались купцами (Рейно 1845, с. 72—73; Кувабара 1930, с. 34—35).

[13] Цюань 1948, с. 133; Балаш 1931, с. 82—92. Следует отметить, что в VIII в. впервые появляются аккредитивы, облегчавшие торговые операции; в начале IX в. была установлена государственная монополия на выдачу этих важных коммерческих документов (Балаш 1960, с. 204).

[14] Балаш 1931, с. 82—92; Пуллибланк 1955, с. 30.

[15] Пуллибланк 1955, с. 55—56.

[16] В современном стандартном китайском произношении — Ань Лушань (см. Введение). Имя это согдийское, а сам мятежник был метисом.

[17] Пуллибланк 1955, с. 26—27, 75—81, 103.

[18] Согласно переписи 754 г., проведенной за год до великого мятежа, население всего Китая в середине VIII в. составляло примерно 52 миллиона. В Чанъани, Западной столице, было около 2 миллионов душ; в Лояне, Восточной столице,— свыше миллиона. Крупными городами, кроме того, были Вэй (также свыше миллиона человек) и Чэнду (около миллиона); можно отметить еще двадцать два города с населением свыше 500 тысяч жителей. Но такой богатый порт, как Гуанчжоу (Кантон), насчитывал лишь немногим более 200 тысяч жителей. Перепись населения, проводившаяся в период после великого мятежа (в 764 г.), показывает, что в Китае осталась только примерно третья часть (16 миллионов) прежнего населения. Максимальное сокращение числа жителей произошло на севере страны, где велись все боевые действия и где жило тогда около трех четвертей населения Китая. Однако такое соотношение является сильно преувеличенным, что объясняется, во-первых, неверными данными переписи после изнурительных внутренних войн, а во-вторых, тем, что из списков переписи были исключены лица, не облагавшиеся налогами: монахи, купцы, иностранцы, арендаторы и т. п. (Балаш 1931, с. 14 и сл.; Фитцджеральд 1947, с. 6—11).

[19] Обо всем этом см.: Гудрич 1959; Фитцджеральд 1938. Арабы и персы, ограбившие в 758 г. Гуанчжоу с моря, были, вероятно, пиратами с острова Хайнань (Шефер 1951, с. 407). Вообще о мусульманах в Китае и в Центральной Азии в танскую эпоху см.: Дрейк 1943, с. 1—40.

[20] Цюань 1947, с. 112—147; Цюань 1948, с. 129—133.

[21] Накамура 1917, с. 558; Леви 1955, вся работа, особенно с. 117.

[22] Особенно см.: Пельо 1904, с. 134, 141.

[23] Из работ на эту тему в первую очередь см.: Гудрич 1959, с. 129—131. А. Райт (1951, с. 33—47) рассматривает опередившие события доклады трону, направленные против буддизма, относящиеся еще к VII в.

[24] Райт 1957, с. 37.

[25] Шефер 1951, с. 409. В написании среднеперсидских имен я следую А. Кристенсену (Кристенсен 1936). ⟨В русском переводе дается написание, принятое в специальной литературе на русском языке.⟩

[26] Шефер 1951, с. 408—409.

[27] Пуллибланк 1955, с. 134.

[28] Бузург ибн Шахрийар, с. 92—95. Возможно, эта рыба была одним из тех «ярлыков»-пластин с очертаниями рыбы, которые носили во времена Тан дипломатические представители. Иудеи были тогда в Китае, но эпизод IX в. с персидским иудеем по имени Элдад ха-Дани (Рабинович 1946, с. 236) — весьма недостоверный пример. Во всяком случае, большинство иудеев в средневековом Китае должны быть выходцами из Персии. А. Стейн (1907, с. 570—574) обнаружил в Дандануйлике (Восточный Туркестан) персидский деловой документ, написанный еврейским письмом и датированный 708 г. Также к VIII в. относится текст с выдержками из «Псалмов» и ветхозаветных пророков, найденный П. Пельо в Дуньхуане (Уайт 1942, с. 139—140). Еще об иудейских купцах на средневековом Дальнем Востоке см.: Нидэм 1959, с. 681.

[29] ТШ, 216б, 4135б. В 731 г. после долгих споров списки конфуцианских сочинений и «Ши цзи» были наконец посланы в Тибет.

[30] Рейшауэр 1955а, с. 277—281.

[31] Чжао 1926, с. 961; Рейшауэр 1940, с. 146.

[32] Чжао 1926, с. 961; Балаш 1932, с. 53; Рейшауэр 1940, с. 150—153.

[33] Балаш 1932, с. 53; Рейшауэр 1940, с. 156, 160—161. Государство Пэкче в юго-западной части Корейского полуострова до его завоевания государством Силла направляло свои суда прямо через Желтое море на Юэчжоу в бухте Ханчжоу в Чжэцзяне (ЧТШ, 199а, 3616а).

[34] Рейшауэр 1955а, с. 277—281.

[35] Там же, с. 143.

[36] Рейшауэр 1940, с. 162; Рейшауэр 1955а, с. 281, 284—285. В IX в., когда Эннин, священнослужитель японской секты Тэндай, посетил Китай, многие из оторванных от родины корейцев уже смешались с китайским населением. Так, в Китае имелись лодочники-корейцы, которые уже не говорили на своем родном языке. Эннин также узнал, что можно остановиться в «Обители Силла» — буддийском монастыре, предназначенном в первую очередь для постоя корейских послов на их пути в столицу Китая (Рейшауэр 1955, с. 150).

[37] Кувабара 1930, с. 40, 97.

[38] Кувабара 1930, с. 48; Хурани 1951, с. 74—75; Вильерс 1952, с. 7, 56—57, 113—114; Уэтли 1961а, с. XVIII—XX, 42—43. Д. Кувабара отстаивает мнение, что китайцы должны были знать юго-западный муссон уже во II в. н. э.; наверняка им воспользовался паломник Фа-сянь в V в. на пути из Индонезии в Шаньдун. В VII в. И-цзин плыл из Гуанчжоу под северо-восточным муссоном.

[39] Хурани 1951, с. 61—64. Впрочем, в водах у устья Инда пираты существовали.

[40] Соважэ 1948, с. 41; Хурани 1951, с. 69.

[41] Левицкий 1935, с. 176—181; Соважэ 1948, с. 41. Первый из них приводит сведения о купцах из секты ибадитов, отправившихся из Сирафа в Китай в VIII в. Один из этих купцов, Абу Убайда из Омана, рассчитывал купить там древесину алоэ.

[42] Хурани 1951, с. 78.

[43] Пельо 1912б, с. 105; Шефер 1950, с. 405. Персы заменили собой согдийцев на сухопутных торговых маршрутах только в XIII в.

[44] Брэддел 1956, с. 13. Считается, что Малабарское (западное) побережье полуострова Индостан было наиболее удобным отправным пунктом дальнейших плаваний, когда судно следовало в Островные Индии, и поэтому более оживленным в древности, чем Коромандельское (восточное) побережье.

[45] Монах Ваджрабодхи в начале VIII в. встретил в цейлонском порту тридцать пять персидских кораблей, зашедших туда, чтобы закупить драгоценные камни (Хасан 1928, с. 98).

[46] Хурани 1951, с. 70—72; Шефер 1951, с. 406; Уэтли 1961а, с. 45; описание торговли между Персией и Дальним Востоком по данным китайского паломника Хуэй-чао и другие сведения об океанских торговых путях см.: Шефер 1951; кроме того, см.: Пельо 1904, с. 215—363, 372—373.

[47] Кувабара 1930, с. 46—47. Первыми проложили в древности путь через Индийский океан, видимо, арабы-сабейцы; до Дальнего Востока его продолжили, проникнув дальше Цейлона, персы в сасанидскую эпоху (Хасан 1928, с. 85).

[48] К XII в., во всяком случае, китайские суда играли важную роль в этой торговле. ⟨До VIII в. китайцы, по-видимому, своих морских судов не имели, а пользовались — в том числе и буддийский паломник Фа-сянь на обратном пути из Индии на родину — услугами малайских мореходов. См.: *Вельгус 1966а, 1969.⟩

[49] Ямада 1959, с. 135—140. Этот исследователь полагает, что китайские суда впервые достигли Индии в IX или в X в. ⟨См. также: *Вельгус 1969.⟩

[50] Хурани 1951, с. 46—50; Пари 1952, с. 275—277, 655; Уолтерс 1960, с. 346. Попытка Б. Лауфера найти вторую «Персию» в Индонезии была вызвана в первую очередь тем, что он не сумел представить себе, что персидские мореплаватели могли изъясняться на торговом жаргоне, включавшем малайские слова, носить такую же одежду, как у сборщиков винограда на Южных морях, и перевозить в Китай не только свои, но и индийские товары. См.: Лауфер 1919, с. 468—487, и возражения ему Чжан Син-лана (1930, т. 4, с. 185—193). Я согласен с П. Пельо, что «во всех текстах времени до воцарения династии Сун упоминания Босы относятся, по всей вероятности, к Персии... Но в XI и XII вв. это название иногда неверно прилагается к какому-то малайскому владению... Это могло быть Пасе (*Pasei* или **Pasi*), название которого было ошибочно принято за обозначение Персии» (Пельо 1959, с. 87). Выражение «...„корабли Босы" примерно до 1000 г. могло означать только „персидские корабли"» (Пельо 1959, с. 102).

[51] Хирт — Рокхилл 1911, с. 28; Накамура 1917, с. 348—351; Чжан Син-лан 1930, т. 2—3, с. 181; Кувабара 1930, с. 86—89; Хорнэлл 1946, с. 143—146; Хурани 1951, с. 109. Некоторые из упоминаний в классических источниках о существующих в Индии и на Западе «высматривающих берег» птицах должны относиться к птицам, отыскивающим берег (вроде птиц из Ноева ковчега), но не переносящим послания. К. Накамура приводит свидетельство, показывающее, что министр Чжан Цзю-лин, который держал голубей для доставки к нему писем (они назывались «летающие слуги»), мог научиться такому использованию голубей от персидских или сингалезских торговцев в Гу-

анчжоу (см.: КЮТБИШ [ТДЦШ, 3], 43а). Исходя из этого появление в Китае такого вида связи следовало бы отнести к концу VII в. Однако еще в начале этого столетия Тай-цзун посылал сообщения из Чанъани в Лоян с помощью своего любимого белого сокола, носившего имя Полководец (см.: ЧЕЦЦ [ТДЦШ, 1], 53б). Таким образом, заведенное Чжан Цзю-лином новшество состояло только в том, что для связи использовались именно голуби. Описание торговых судов в 60 и 70 чи высотой, которые, согласно сообщению священнослужителя Цзянь-чжэня, прибыли в Гуанчжоу в середине VIII в., см.: Т а к а к у с у 1928, с. 466—467.

[52] В отличие от клинкерной постройки, когда доски нашиваются внахлест.

[53] К у в а б а р а 1930, с. 86—89; Х у р а н и 1951, с. 88 и сл.; Ш е ф е р 1951, с. 405—406. Существует гипотеза, связывающая «корабли *бо*» средневековых морей Китая с боевыми ладьями даяков; см.: К р и с т и 1957а ‹ср. также: *В е л ь г у с 1966а; *В е л ь г у с 1969›.

[54] ТШ, 39, 3724г; ТПХЮЦ, 70, 10б. Подробный разбор стратегического значения этого места можно найти в работе Мацуи (1959, с. 1397—1432). О крупнейших торговых путях империи Тан см. статью Чжао Вэнь-жуя (1926, с. 960—961), который насчитывает всего семь таких путей. Рассматриваемый здесь маршрут — это Аньдунская дорога, проходившая через Пнчжоу. См. также знаменитые путевые записки Цзя Даня (ТШ, 43б, 3735—3736г.) и комментарии П. Пельо к этому тексту (П е л ь о 1904).

[55] М и л л е р 1959, с. 8.

[56] Ш а в а н н 1905, с. 529—531; А. С т е й н 1925, с. 481, рис. 34—36; А. С т е й н 1933, с. 160—162; Б е р г м а н 1939, с. 42; М и л л е р 1959, с. 23. ‹О маршруте караванного пути, который получил в европейской и американской географической литературе название «Дорога ветров», см.: К л я ш т о р н ы й 1964, с. 100—101.›

[57] Часть этого пути детально описана в анонимном географическом тексте IX в., найденном в Дуньхуане. См.: Л. Д ж а й л з 1932, с. 825 и сл.

[58] БШ, 97, 3041б; Ш е ф е р 1950, с. 181.

[59] П е л ь о 1904, с. 134, 141, 150—153, 175—178; Л а у ф е р 1905, с. 234, 237. Некоторые подробности, касающиеся бирманского пути в танскую эпоху, рассматривает А. Кристи (К р и с т и 1957).

[60] Б а г ч и 1950, с. 19.

[61] П е л ь о 1904, с. 133. ‹Ш у м о в с к и й 1964, с. 139—143.›

[62] И с и б а с и 1901, с. 1051—1063; К у в а б а р а 1930, с. 19—20; Б а л а ш 1932, с. 53—54. Лукин арабских географов (например, у Ибн Хордадбеха) — видимо, название этого же места, представляющее собой искаженную передачу китайского Лубинь.

[63] Н а к а м у р а 1917, с. 361; К у в а б а р а 1930, с. 16—17.

[64] К. Накамура (1917, с. 247) приводит много цитат из буддийских текстов, чтобы показать, что иноземцы (и в особенности индийцы) словом Чина обозначали Гуанчжоу, а название Махачина (т. е. Великий Китай) служило для обозначения Чанъани. Название Ханфу — производное от китайского Гуанфу. ‹Ср.: Ш у м о в с к и й 1964, с. 140 и сл.›

[65] Б а л а ш 1932, с. 23, 65. Гуанчжоу был хотя и богатым, но не крупным городом. В VIII в. в Китае имелось 25 городов с населением свыше 500 тысяч человек. Согласно Абу Зайду (IX в.), в Гуанчжоу пребывало более 120 тысяч иноземных купцов.

[66] Б а л а ш 1932, с. 65; С о в а ж э 1948, с. 6.

[67] Так рассказывает буддийский монах Цзянь-чжэнь, посетивший этот порт в 748 г. (Т а к а к у с у 1928, с. 466—467).

[68] Снова слова Цзянь-чжэня (Т а к а к у с у 1928, с. 467). Перевод мой, китайский текст приводит К. Накамура (1917, с. 487—488). О средневековом Гуанчжоу см. также: И с и б а с и 1901, с. 1063—1074.

[69] Б а л а ш 1932, с. 56; С о в а ж э 1948, с. 7; Ш е ф е р 1951, с. 407.

[70] Накамура 1917, с. 487—488.

[71] Такакусу 1928, с. 466. Перечень индийских буддистов-паломников в Китае при Тан см.: Багчи 1950, с. 48—55.

[72] Хурани 1951, с. 63. Предание, сохраненное географом Мервези (начало XII в.), гласит, что эти сектанты были изгнаны в 749 г. из Хорасана и поселились на большой китайской реке — на острове против порта, т. е. явно в Гуанчжоу. Но я принимаю сообщаемые этим преданием сведения за достоверный факт не без некоторых колебаний.

[73] Амбар оптового торговца или склад, куда помещали товары на хранение, назывался *ди*; розничная лавка для открытой продажи товаров называлась *дянь* (см.: Чжу 1957, с. 13). Чжоу И-лян (1945, с. 23) ясно показал, что в Гуанчжоу, как и в других крупных городах, существовал вечерний сигнал, по которому жизнь должна была замирать до утра. Однако поэт Чжан Цзи, обращаясь в стихах к другу, пишет о «гомоне варварских голосов на ночном рынке» (ЦюТШ, хань 6, цэ 6). Поскольку назначение закатного барабана состояло в том, чтобы разгонять жителей по их кварталам (а ворота таких кварталов запирались на всю ночь), можно допустить, что ночные рынки, о которых упоминает Чжан Цзи, находились внутри кварталов, в отличие от большого центрального рынка города. Но по большим праздникам дозволялось не закрывать по ночам и большие городские рынки, становившиеся местом увеселений. См., например: ЮСЦЦ, 7, 50, где рассказывается о богатом человеке, пришедшем на ночной рынок инкогнито с большим кошельком, набитым деньгами, чтобы потратить их на девушек и вино. Большие столичные рынки открывались в полдень тремястами ударами барабанов, а закрывались перед закатом под звук трехсот ударов гонга (ТЛД, 20, 13б).

[74] ТШ, 4, 3640г; ТШ, 116, 3942г; ЧТЦ, 89, 3357в.

[75] Год введения этой должности точно неизвестен. См.: Кувабара 1930, с. 8; Балаш 1931, с. 54.

[76] Накамура 1917, с. 353.

[77] К. Накамура (1917, с. 354) высказал предположение, что это могли быть остатки разгромленных арабских отрядов, посланных халифом в 757 г., чтобы помочь генералу Го Цзы-и в подавлении мятежа Рокшана и его сподвижников. Но присутствие в этой шайке персов и то, что грабители покинули Гуанчжоу на судах, заставляет меня думать, что они выступали под предводительством Фэн Жо-фана, крупнейшего пиратского главаря, который захватил множество персов и других иноземцев и содержал их в селениях для рабов на острове Хайнань. Многим персидским морякам приходилось пополнять пиратские экипажи судов Фэн Жо-фана. См.: Шефер 1951, с. 407.

[78] Ван Гун-у 1958, с. 82—84.

[79] Накамура 1917, с. 362.

[80] Ду Фу. Чжу цзян ⟨«Полководцы»⟩ (ЦЦЦЧДШ, 483).

[81] Ду Фу. Цзыпин ⟨«Дворец Цзыпин»⟩ (ЦЦЦЧДШ, 150). О дискуссии по поводу этого мятежа см.: Накамура 1917, с. 351—352, 355—356.

[82] ЧТЦ, 131, 3436г; Накамура 1917, с. 356—357.

[83] Сообщалось, что, когда Ли Мянь покидал Гуанчжоу, чтобы вернуться в столицу по окончании срока своей службы, он произвел обыск багажа возвращавшихся вместе с ним чиновников и выбросил в реку все дорогостоящие заморские редкости, которые были при этом обнаружены.

[84] ЧТЦ, 151, 3482б; ТШ, 170, 4042б; Накамура 1917, с. 360; Балаш 1932, с. 57—58.

[85] Накамура 1917, с. 363.

[86] Сюй Шэнь (находился на этой должности с 802 по 806 г.), Чжэн Инь (занимал должность с 811 по 812 г.) и Кун Куй (занимал должность

с 817 по 819 г.), отменившие незаконные налоги и сократившие излишние поборы,— все это примеры хороших наместников, положивших конец конфискациям и поддерживавших культ «бога Южных морей». Особенно примечателен своими реформами Кун Куй, за что он снискал похвалу поэта Хань Юя, находившегося в это время, в 818—820 гг., в ссылке в Чаочжоу (Накамура 1917, с. 364—365, 489—491).

[87] ТШ, 9, 3655г; Накамура 1917, с. 559—560; Леви 1955, с. 114—115, 117, 121; Ван Гун-у 1958, с. 82—84. Порт Цюаньчжоу (в арабских источниках — Джанфу, много позже у Марко Поло — Зайтон) в провинции Чжэцзян начал свое блистательное возвышение именно как международный перевалочный пункт. Имеются весьма скудные свидетельства о пребывании в VII в. в Цюаньчжоу мусульманских миссионеров. ⟨В. В. Бартольд (1971, с. 375) высказал вполне обоснованные сомнения в достоверности этих сведений: «Китайские авторы и европейские синологи в этом случае отнеслись с излишним доверием к преданиям, возникавшим среди мусульман в Китае, как и во всех других странах, куда проник ислам; в каждой из этих стран первые успехи ислама старались связать с именами пророка, его сподвижников и ближайших преемников, часто в полном противоречии с достоверными историческими известиями».⟩ В IX в. там явно были иностранные купцы, а в X в. произошло существенное развитие портов Фуцзяни, находившихся под властью независимых правителей, которые поощряли посещение иноземными судами гаваней Цюаньчжоу и Фучжоу (Шефер 1954, с. 78).

[88] Перевал Мэйлин получил свое название из-за обилия на нем сливовых деревьев. Его называли также Даюйлин.

[89] Сян 1933, с. 33; Шефер 1951, с. 408, 413.

[90] Накамура 1917, с. 254; Шефер 1951, с. 470, примеч. 36. См. также очерк Чжана в ЦТВ, 291, 1а — 1б. Краткий обзор путей и торговых городов Китая см.: Янь 1954.

[91] Накамура 1920, с. 252—261. Связующим звеном служил Священный канал (Линцюй), сооруженный в III в. до н. э. при династии Цинь, чтобы облегчить завоевание областей Южного Китая и перевозки товаров с юга на север. В ханьское время этот важный водный путь был расширен, чтобы обеспечить доставку провианта для отрядов генерала Ма Юаня. Его продолжали использовать и позже — при династиях Тан и Сун, хотя через определенные промежутки времени его приходилось ремонтировать.

[92] Ли Цюнь-юй. Цзюцзыпо вэнь чжэгу ⟨«На склоне Цзюцзыпо слышу крики турачей»⟩ (ЦюТШ, хань 9, цэ 3, цз. 2, 13а).

[93] Суда с гребными колесами, вращавшимися ножным приводом, были способны плыть против ветра и течения; они были заведены на этом озере членом императорской семьи Ли Гао около 785 г. Кажется, их использовали преимущественно на военных судах (Кувабара 1930, с. 95—96).

[94] ЖЧСБ, 9, 88, где приводятся танские стихи. Подробнее о средневековом Янчжоу см.: Исибаси 1901, с. 1309—1314.

[95] Цюань 1947а, с. 153, 165—166.

[96] Там же, с. 154—157.

[97] Там же, с. 153.

[98] Там же, с. 161—163.

[99] Там же, с. 149—153; Чжу 1957, с. 41—42.

[100] Эпиграмма приведена в ЖЧСБ, 9, 88.

[101] В источниках того времени говорится о персидских лавках. См.: Накамура 1920, с. 244.

[102] ЦТШ, 110, 3402г; ТШ, 141, 3988; ЦТШ, 124, 3426б. Общее число жителей в Янчжоу превосходило в это время 450 тысяч.

[103] ЖЧСБ, 9, 88.

[104] Цюань 1947а, с. 166—175. Изготовление и обработка металлических изделий развивались в Чанша и в Гуйлине, производство шелковых тканей — в Ханчжоу.

[105] ЖЧСБ, 9, 88.

[106] Пуллибланк 1955, с. 35—36, 183—187.

[107] Рейшауэр 1955, с. 20.

[108] Шефер 1951, с. 408.

[109] ТШ, 38, 3721б; Балаш 1931, с. 23. Официальное, но менее распространенное название Лояна — Хэнаньфу.

[110] Шэньду.

[111] ТШ, 38, 3721б.

[112] Като 1936, с. 48. Из таких торговых улиц (*хан* «ряд лавок»), где купцов объединяли общие интересы, выросли позже «купеческие союзы», также называвшиеся *хан*.

[113] Сюй 1902, 5, 33б; Дрейк 1940, с. 352.

[114] Накамура 1920, с. 246—247; Чжао 1926, с. 953—954; Пуллибланк 1955, с. 37; ТШ, 134, 3978б; ЦТШ, 105, 3393а. Создателем водоема был Вэй Цзянь; водоем назывался Озеро Дальних Перевозок (Гуанъюньтань).

[115] Источники сообщают, что после завоевания тюрок в 631 г. около 10 тысяч семей перебрались в Китай и поселились в Чанъани (Сян 1933, с. 4). О Чанъани в танскую эпоху см. также: Сирэн 1927.

[116] *Sārthavāk* — согдийское слово, которому должно было соответствовать китайское **Sât-pâu* (сообщено автору в частном письме от 12.II.1961 г. Альбером Дье, исходившим из исследований Г. Бейли и др.). ⟨О термине «сартхавак», его происхождении и дальнейшей судьбе этого слова см. также: Бартольд 1963б, с. 196—197.⟩

[117] Като 1936, с. 49—51, 60. Торговцы специализированного торгового ряда и их старейшина превратились во время династии Сун в купеческий союз во главе с председателем.

[118] ТШ, 196, 4087б. Приведенное место — из биографии Лу Юя, автора «Ча цзин» ⟨«Книга о чае»⟩. Его сочинение способствовало распространению этой новой моды.

[119] ЦЦТЦ, 225, 4а. Это произошло в 775 г.

[120] ЦФЮГ, 999, 26б; указ Вэнь-цзуна — в ЦТВ, 72, 2б — 3а; Сян 1933, с. 34. При Тан для частных лиц, занимавшихся ростовщичеством, прибыль была ограничена 6%, хотя государство давало деньги в рост под 7% (Балаш 1960, с. 205).

[121] Исида Микиносукэ 1932, с. 67; Жернэ 1956, с. 228—232.

[122] Кисибэ 1955. Такса зависела, конечно, от общего экономического положения в стране и от репутации дамы. Одна изысканная проститутка получила от своего поклонника кошелек с 300 тысячами монет (ЮСЦЦ, 1, 6).

[123] Чжу 1957, с. 114—115. Более подробные сведения о квартале проституток в Чанъани и биографии знаменитых гетер см.: «Бэй ли цзи» (ТДЦШ, 8, 1а — 22а) и Кисибэ 1955. О проститутках «частных» и «казенных» см.: Ван Тун-лин 1930.

[124] Ли Бо. Сун Пэй Ши-ба Ту-нань гуй Суншань ⟨«Провожаю Пэй Ту-наня, восемнадцатого брата в семье, возвращающегося в Суншань»⟩ (ЛТБВЦ, 15, 1а); Сян 1933, с. 36—37; Исида Микиносукэ 1942, с. 54—63.

[125] Ли Бо. Цянь ю цзунь цзю син ⟨«Песни за кубком вина (песня первая)»⟩ (ЛТБВЦ, 3, 8а). Стереотипное выражение «киноварь покажется бирюзой», «красное станет для нас бирюзовым» — намек на зрительные галлюцинации, вызванные винными парами, когда все кажется не таким, какое оно есть. В первой строке, видимо, упоминается классическая песня (см. «Чжоу ли», разд. «Чунь гуань», подразд. «Сы юэ»)

о местности, откуда в древности получали самое лучшее платановое дерево — традиционный материал для изготовления корпуса цитры. Слово «колки» передано иероглифом *чжу*. Это слово обычно употребляется для обозначения колков у других разновидностей цитры — *сэ* или *чжэн*, тогда как цитра, упоминаемая в этом стихотворении, называется *цинь* и колков не имеет. «Чужеземка» — перевод иероглифов *ху цзи*, означающих по-китайски прекрасную девушку с запада (или с севера) с изящными манерами (возможно, иранскую). *Цзи* означало первоначально «благородная дама из Чжоу», но в танское время употреблялось в значении «куртизанка», «певица».

126 Накамура 1920, с. 244—245.

127 Исида Микиносукэ 1932, с. 65—66; Дрейк 1940, с. 352; Шефер 1951, с. 408.

128 ТПХЮЦ, 152, 4а.

129 Там же.

130 Будберг 1935, с. 11.

131 ТШ, 40, 3726г. Средство от головной боли получали из душистых корней растения *цюнцюн* (болиголов-петрушка — *Conioselinum univittatum*).

132 ТХЯ, 100, 1798; ЦЦТЦ, 225, 20б.

133 ТШ, 182, 4062в; ЦТШ, 177, 3538в.

134 Шефер 1951, с. 410.

135 Исида Микиносукэ 1948, 75, 88. Эти фигурки назывались *цзю хуцзы* или *бу цзуй сянь*.

136 Шефер 1951, с. 413—422.

137 Рейшауэр 1955а, с. 220. Сведения о том месте, которое иностранцы занимали в политической и социальной жизни позднетанского Китая (в том числе и приведенный пример с арабом), см.: Чжан Чан-гун 1951, с. 6—7.

138 Балаш 1932, с. 54 и сл.

139 См., например: Балаш 1932, с. 54; Рейшауэр 1955а, с. 40.

140 Д. Фаркухар (1957, с. 61) ясно показал это для минского времени.

141 О трудностях, которые испытала японская миссия, пытавшаяся вести торговлю на пути в китайскую столицу, см.: Рейшауэр 1955а, с. 81.

142 Во всяком случае, в определенных ситуациях для этого требовалось специальное разрешение: «[Маньчжурское племя] си направило прошение, чтобы ему разрешили обменивать товары на Западном рынке. Это было дозволено» (ЦФЮГ, 999, 25а). Это имело место в 716 г. Тот же источник содержит и другие примеры официальных просьб о ведении торговли в столице.

143 ТХЯ, 86, 1581. Этот же указ объявил противозаконной перевозку любого металла через северную или восточную границу страны. Эти меры, несомненно, были направлены на то, чтобы сырье для изготовления оружия не оказалось в руках вероятных противников Китая.

144 Кувабара 1930, с. 190.

145 Шефер 1951, с. 409. См.: ЦТШ, 8, 3081в. Заодно с этим жрецом действовал и один из императорских чиновников.

146 Так по Абу Зайду. См.: Рейно 1845, с. 34. Д. Кувабара полагает, что этой непомерной пошлине соответствует то, что в «Тан шу» названо *ся дин шуй*, а в «Тан го ши бу» — *бо цюэ* (Кувабара 1930, с. 188).

147 ЦТВ, 75, 3а. Интересно, что район Фуцзяни так рано упоминается в качестве имеющего важное значение для международной торговли.

148 Накамура 1917, с. 245. Это, как указывает К. Накамура, помогает понять, почему пользовавшиеся популярностью танские новел-

лы часто повествуют о богатом иноземце, который, умирая, передает находящееся при нем сокровище (например, драгоценный камень) китайцу, заслужившему его расположение.

[149] ТХЯ, 100, 1796; ТЛШИ, 2, 70—71.

[150] ТХЯ, 97, 1748. Это было в 821 г.; принцессу звали Тай-хэ гунчжу.

[151] ЦЦТЦ, 232, 18а.

[152] ТЛШИ, 2, 40. Однако, если тяжба велась между подданными разных государств (например, между двумя корейцами, один из которых подданный государства Силла, а другой — государства Пэкче), она разрешалась по китайским законам.

[153] ЦТШ, 198, 3614б.

[154] ЦТШ, 197, 3609г.

[155] См.: ЦФЮГ, 999, 13б — 22а, где содержатся примеры просьб обо всех этих вещах. Футляр назывался *юй дай* «футляр для рыбы».

[156] ТХЯ, 100, 1795. Подробное рассмотрение вопроса об этих «ярлыках» см.: де Ротур 1952, особенно с. 75—87.

[157] ТХЯ, 100, 1798. Такие нормы были установлены указом от 695 г.

[158] ЦТШ, 10, 3089б.

[159] ТЛД, 18, 11а — 18а. Эти постоялые дворы содержало Ведомство документации Поднебесной (Чжуншу).

[160] Смысл архаического термина *хун-лу* в танское время уже был не совсем ясен. Считалось, что он означает «передача волеизъявлений». Однако (хотя *лу* иногда мог иметь значение «продвижение вперед», «передача») употребление *хун* в значении «волеизъявление», «объявление» (или в значении, хоть сколько-нибудь близком к этому) вряд ли можно считать удовлетворительным объяснением.

[161] В 684—705 гг. это учреждение называлось просто Ведомство наблюдения за гостями (Сы-бинь сы). Описание прибытия японской миссии в Чанъань в 840 г. (Рейшауэр 1955, с. 283 и сл.) помогает представить, как осуществлялся прием вновь прибывших посольств.

[162] ТШ, 46, 3741б.

[163] Юй Гун-гу (1934, с. 8—9) полагает, что Цзя был манихеем, постигшим таинства этой религии с помощью приезжих уйгуров.

[164] ТШ, 23а, 3677г.

[165] Ши-чжун — «приписанный к Ведомству документации Поднебесной».

[166] *Фань* («оплот», «ограждение», «преграда») — определение, выражающее подлинную роль, отводившуюся зависимым владениям. Однако так как теоретически все иноземные народы считались оградительными оплотами Китая, то в общеупотребительном смысле слово *фань* стало означать просто «иностранный».

[167] ТШ, 16, 3667в. В этой главе «Тан шу» церемония описывается со всеми подробностями.

[168] Рейшауэр 1955а, с. 79—80.

[169] На Суматре. По поводу этой идентификации см.: Пельо 1904, с. 321 и сл.

[170] Сюань-цзун. Бао цы Шилифоши то чжи ‹«Указ об ответных пожалованиях стране Шрибходжа»› (ЦТВ, 22, 17б).

[171] ЦТВ, 17, 1а — 1б. Это произошло в царствование Чжун-цзуна.

[172] Сян 1933, с. 42; Исида Микиносукэ 1942, с. 65—66.

[173] «Фа цюй» ‹«Песня о модах»›. См.: ЮШЧЦЦ, 24, 5б.

[174] Фитцджеральд 1938, с. 173—174.

[175] Лю Мао-цзай 1957, с. 199. Эта книга, называвшаяся «Туцзюэ юй» («Тюркская речь»), сохранялась в Японии до конца IX в., а возможно, и дольше: она приведена в списке у Фудзивары Сукэё, «Нихонкоку гэндзай-сё мокуроку» (891—897).

[176] Огава Тамаки 1959, с. 34—44.

[177] Сян 1933, с. 41; Сопер 1951, с. 13—14; Акер 1954, с. 171, примеч. 2; Чжэн Чжэнь-до 1958, особенно табл. 113; Малер 1959, с. 108—109 и табл. XXXI.

[178] *Вэй-мао.* Малер 1959, с. 109—110, табл. XV.

[179] Сян 1933, с. 42—43; Исида Микиносукэ 1942, с. 65—66; Сопер 1951, с. 13—14; Акер 1954, с. 171, примеч. 2. Другой иноземный фасон — высокая коническая шапка с закругленным краем; однако нет уверенности, что этот вид головного убора носили китайцы (Сян 1933, с. 43; Малер 1959, табл. XIX).

[180] Юань Чжэнь с осуждением пишет о «накрученных» прическах и о «замазанных охрой» лицах как о чем-то неподобающем китайским женщинам. См.: Сян 1933, с. 42; Исида Микиносукэ 1942, с. 67; Малер 1959, с. 18, 32, табл. VIII. Описание целого ряда других иноземных мод (преимущественно иранского происхождения) также см.: Малер 1959. Об «уйгурском шиньоне» см.: ЦХП, 2а (ШФ, 77).

[181] Уэйли 1960, с. 240.

[182] Исида Микиносукэ 1948, с. 144—145; Ло Мао-цзай 1957, с. 203—204. В целом, однако, китайское строительное дело, как и египетское, не испытывало на себе иностранных влияний. Необычные потолки в пещерных святилищах, покрытые изображениями в духе буддийских космогонических представлений, могли быть выполнены только в местах вроде Дуньхуана, где китайские образцы были недоступны. См.: Сопер 1947, с. 238.

[183] Сян 1933, с. 41; Фитцджеральд 1938, с. 173—174; Мэнхен-Хелфен 1957, с. 120.

⟨Ли Чэн-цянь (620—645), старший сын императора Тай-цзуна (Ли Ши-минь), с 627 г. наследник трона. Однако в 643 г. за разгульную жизнь и дворцовые заговоры был разжалован в простолюдины, сослан и умер в ссылке. См.: ТШ, 76, 3331.⟩

[184] Сян 1933, с. 45—46; Рейшауэр 1955, с. 297. О важном значении производства растительного масла как для употребления в пищу, так и для светильников см.: Жернэ 1956, с. 146—149.

[185] Приведенное место — из известной новеллы о лисе-оборотне «Жэнь ши чжуань» ⟨«История Жэнь»⟩ писателя VIII в. Шэнь Цзи-цзи. См.: ТПГЦ, 452, 1б. Этот рассказ был также переведен на английский язык в сборнике «Дочь царя драконов», 1954, с. 7 ⟨русский перевод О. Л. Фишман см.: «Танские новеллы», с. 16—17; ср.: «Гуляка и волшебник», с. 35⟩. См. также новеллу об «Иноземце, который продавал пирожки»; в ней центральной фигурой является иноземец, который у себя на родине был когда-то богатым человеком, а затем много лет в Китае вел уединенную и скромную жизнь (ТПГЦ, 402, 9а — 9б).

[186] ШП, 72а. В этой книге приводится меню лукуллова пира, называвшегося «перемены горячего» (*шао вэй*), данного по случаю вступления в должность верховного министра. Речь идет о вполне конкретном пиршестве, устроенном в честь Вэй Цзюй-юаня — самого автора цитируемого сочинения. См. также: Эдвардс 1937, т. I, с. 192—193.

[187] ШП, 69а.

[188] Сопер 1951, с. 9—11.

[189] СХХП, 8, 222—224.

[190] СХХП, 8, 225—228.

[191] Сопер 1950, с. 11.

[192] Сопер 1951, с. 74. Переводы А. Сопера.

[193] ЛДМХЦ, 9, 273; СХХП, 1, 60.

[194] Чжоу Фан написал и самую замечательную из всех подобных картин — «Ян Гуй-фэй, покидающая купальню» (СХХП, 6, 166—172).

[195] СХХП, 5, 155—159; 6, 166—172. Оба эти художника также писали портреты Ян Гуй-фэй, обучающей своего любимого попугая.

[196] СХХП, 10, 262.
[197] Малер 1959, с. 81—84 и вся работа в целом.
[198] СХХП, 1, 60.
[199] ЛДМХЦ, 10, 324; Сопер 1950, с. 19. Два других знаменитых художника, писавших картины на чужеземную тематику,— Ли Хэн и Ци Минь. Ци Минь иногда упоминается в источниках как Ци Цзяо. См.: ЛДМХЦ, 10, 313.
[200] Сопер 1951, с. 25.
[201] СХХП, 6, 166—172.
[202] СХХП, 5, 155—159.
[203] Особенно оплакивающие Будду на живописи в пещере 158, которая относится к IX в. (Грэй 1959, табл. 57).
[204] Груссэ 1948, с. XXXIV—XXXV, где описывается настенная живопись из Кызыла (близ Кучи).
[205] ЛДМХЦ, 10, 313, 324; Сопер 1950, с. 19. Особый пример чужеземных влияний на изваяния животных в Китае — мраморные изображения зодиакальных животных, выполненные в «сибирском» или «иранском» стиле. «В этом отношении такие рельефы скорее воспроизводят внешние особенности, чем стиль... как и все их „собратья" по танскому преклонению перед всем экзотическим, и стоят на деле в стороне от естественного хода развития стиля китайской скульптуры» (Роулэнд 1947, с. 265—282). Но мы не знаем, можно ли распространить это авторитетное мнение и на китайскую живопись, посвященную экзотическим темам.
[206] Этот вид одеяния оставил любопытный след в истории музыки. Старинная песня «Пуса [*B'uo-sat] мань», на мелодию которой написаны в разное время многочисленные слова, была сочинена неизвестным народным композитором в IX в. Название мелодии означает «Бодхисаттва варваров» или, если переводить более точно, «Варвары мани, [одетые, как] бодхисаттвы». По словам Су Э (ДЯЦБ, 2, 58б), это название обязано своим происхождением внешнему виду послов, которых отправило с подношениями в Китай некое Женское царство варваров-маней: они были увешаны золотыми медальонами, соединенными гирляндами бус, как на традиционных изображениях бодхисаттв. Страну эту нельзя теперь точно идентифицировать, но, несомненно, речь идет об одной из индианизированных стран в Индийском океане, где существовала какая-то разновидность «матриархата». Средневековые китайские источники часто описывают в тех же выражениях мужские и женские одеяния жителей Индокитая и Индонезии. Так, в ЦФЮГ (959, 17б) говорится, что царь Тямпы носит ожерелья из бус, «подобные украшениям на буддийской статуе». Сунский трактат «Пинчжоу кэ-тань» («Беседы гостя в Пинчжоу») сообщает, что название *пуса мань* относится к «иноземным» (индонезийским или индокитайским?) женщинам, живущим в Гуандуне, и в этих словах есть зерно истины. Предположение Ф. Хирта, что это название являлось китайской транскрипцией для обозначения «мусульман», следует отвергнуть. Все об этом можно найти в работе: Кувабара 1930, с. 67—69. См. также: Бакстер 1953, с. 144. В одном из последних исследований, посвященных этой песне (Чжан Вань 1960, с. 24), была сделана попытка рассматривать ее название как транскрипцию бирманского этнического наименования *Pyusa*-[*wati*]-*Man*; однако такое доказательство не может быть принято, поскольку оно опирается на современное стандартное китайское произношение, использование которого здесь неправомерно. Как будет показано ниже, большинство (если не все) из посольств с данью, описанных в ДЯЦБ, или легендарны, или — в тех случаях, когда они не вымышлены,— щедро приукрашены в изложении Су Э. И не исключено, что эта песня обязана своим

происхождением не какому-то подлинному событию, а именно рассказу, вымышленному самим Су Э.

207 Сопер 1951, с. 11, примеч. 122.

208 Джейн 1941, с. 7.

209 ЮЯЦЦ, сюй цзи, 5, 218. Из живописи в храме Баоинсы в Чанъани.

210 Согласно СХХП (1, 63) и «Тан чао мин хуа лу» («Опись знаменитых картин династии Тан») (перевод см.: Сопер 1950, с. 11), он был тохаристанцем. Но, по ЛДМХЦ (9, 278—279), он был уроженцем Хотана; Т. Нагахиро (1955, с. 71—72) поддерживает эту точку зрения.

211 Из санскритского Виджайа. Сян 1933, с. 6.

212 Сян 1933, с. 6—7, 52—56; Исида Микиносукэ 1942, с. 179—180; Сопер 1950, с. 11; Бейли 1961, с. 16. О трудностях в определении времени жизни этого художника см.: Нагахиро 1950, с. 72—74. На некоторых раннетанских изображениях в настенной живописи Дуньхуана (например, роспись 642 г., сохранившаяся в пещере 220) лица моделированы светотенью, а фигуры «имеют вес и занимают определенное положение в пространстве» (Грэй 1959, с. 54). Может быть, именно такую манеру письма, ведущую начало из Индии или из Сериндии, и продемонстрировал удивленному двору Вища.

213 Трюбнер 1959, с. 148.

214 В одной коллекции сунского времени. ЮЯГЯЛ, а, 7.

215 Араи 1959, с. 5—6, 11—12. Словом «демонический» переведен здесь иероглиф *гуй*, означающий также «сверхъестественный» и «духовный».

216 ЛЧЦГШ, вай цзи, 14б — 15а.

217 ИТШ, 147, 3474в.

218 Ду Му. Го Хуацингун («Прохожу мимо дворца Хуацингун (стихотворение первое)»).— ФЧВЦ, 2, 6б.

219 Эта романтическая тема получила развитие во многих произведениях. См.: Шефер 1956, с. 81—82.

220 «Звучащие камни с берегов Сы» упоминаются в «Шу цзине»; веками китайцы впоследствии пытались отыскать на берегах Сы ту самую скалу, камень которой годился для изготовления курантов. См.: Шефер 1961, с. 50—51. Его пробовали заменить материалом, который назывался «камень *хуа-юань*». См. стихотворение «Хуа-юань цин» («Курант из камня *хуа-юань*») в ЮШЧЦЦ, 24, 2б. Похоже, что Сюань-цзуну нравилось экспериментировать с новыми материалами для изготовления классических курантов. В источниках сообщается, что у него был литофон, сделанный из «зеленой яшмы с Синих Полей» (Ланьтянь), что в горах южнее Чанъани; на самом деле это был зеленоватый мрамор. Эти куранты были изготовлены для госпожи Ян, которая была искусна в игре на литофоне. См.: КЮТБИШ (ТДЦШ, 3, 76б).

221 Юэфу.

222 Шефер 1951, с. 417—421.

223 Было высказано предположение, что эта мода распространилась даже на создание некоторыми художниками VIII—X вв. в живописи фантастических картин-видений (звери и люди среди скал), предвосхищавших некоторые проявления западного сюрреализма. См.: Балтрушайтис 1955, с. 212—213.

224 Лёр 1959, с. 171. Это увлечение в конце XI в. сменилось более спокойной и скромной манерой письма.

225 МТЦЧ, 10.

226 ГСЦШ, 6, 14а. Эта страна называлась Мабаэр (ср.: ЮШ, 210, 6596б, где *эр* написано не с помощью иероглифа «два», а через иероглиф «ребенок»). Это была большая страна примерно в 100 тысячах *ли* от Зейтуна. Китайское написание, видимо, должно быть транскрипцией назва-

ния местности, арабское название которой звучало как Ма'абар. Профессор П. Уэтли сообщил мне, что этому названию должно соответствовать Коромандельское побережье Индостана или какая-то его часть.

[227] Цзян 1937. Эта замечательная книга посвящена путешествиям, к которым в Китае относились как к полному опасностей духовному подвигу; она показывает, как сильно китайская литература (а в ней, видимо, отражается только часть устной традиции) была проникнута заботой о том, чтобы наставить осторожного путешественника, чего ему следует ожидать и чего избегать. «Шань-хай цзин» — пример такого «путеводителя», сообщающего сведения о чудовищах, с которыми путешественник мог столкнуться в далеких краях.

[228] ЦТВ, 1, 13б. См. также: ТШ, 1, 3634г (от 29 ноября 618 г.).

[229] Например, указы Чжун-цзуна (ЦТВ, 16, 13а—13б) и Сянь-цзуна (ЦТВ, 59, 6б).

[230] Огава Сёити (1957, с. 112—114) классифицировал поэтические темы, характерные для периода упадка Тан, по таким рубрикам: пограничные столкновения, междоусобная война и воспоминания о былом. Одним из подразделов последней категории и является рассматриваемая тема «фантастической дани».

[231] Дж. У 1939, с. 165. Приведенная цитата относится к стихам последних десятилетий существования Тан, т. е. к поэтам Ли Шан-иню, Ду Му, Вэнь Тин-юню и др.

[232] Царствование Дай-цзуна (763—780), рассматривавшееся как некоторое возрождение прошлого, было лишь немногим менее излюбленной темой в литературе «воспоминаний о былом» IX в.

[233] *Дин го бао.*

[234] ЮЯЦЦ, 1, 3—4 (время правления Дай-цзуна). Этот рассказ, несмотря на фантастические детали и сверхъестественные прикрасы, основан на историческом событии. Рассказ «Су-цзун чао ба бао» («Су-цзун встречает восемь драгоценностей») (он приведен в ТПГЦ, 404, 1а — 3а) содержит чудесное описание драгоценностей, врученных буддийской монахине неким божественным существом,— драгоценностей, которые принесли стране мир и процветание в 60-х годах VIII в. Это побудило императора принять девиз правления «Воздаяние драгоценностям» (Бао ин). Этот же рассказ имеется в сокращенном виде в ЮЯЦЦ, откуда и взят приведенный мной рассказ о магических кольцах. Оказывается, эти драгоценности (или сокровища) были действительно преподнесены престолу так, как это было описано. См.: ЦТШ, 10, 3090в; Е Дэ-лу 1947, с. 101—103.

[235] КЮТБИШ (ТДЦШ, 3, 42б — 43а). О чудесных свойствах рога носорога см. также: Лауфер 1913, с. 315—370.

[236] КЮТБИШ, 45а.

[237] КЮТБИШ, 41б—42а.

[238] По-китайски эта страна называлась Малый Болюй. Царь этой страны находился в Гильгите. См.: Чжан Син-лан 1930, т. 5, с. 160.

[239] ЮЯЦЦ, 14, 109—110.

[240] «Дуян цзабянь».

[241] См. предисловие самого Су Э в ЦТВ (813, 27а — 27б). Автор описывает себя как пылкого почитателя таких старинных книг о чудесах, как «Ши-и цзи» и «Дун мин цзи», который после изучения и более серьезных трудов пришел к убеждению, что «в пределах небес и земли нет ничего, что не могло бы существовать». Эта книга представлена в ТДЦШ (2) и была кратко рассмотрена Э. Эдвардс (1937, с. 83—85), которая, в свою очередь, цитирует А. Уайли (1867, с. 194), чтобы показать, что эта книга была «написана в подражание „Ши-и цзи“ и многое из того, что в ней утверждается, выглядит как апокриф». Похвальная сдержанность в суждениях! Тем не менее Бо Шоу-и (Бо Шоу-и 1937)

в своем исследовании о значении благовоний во времена Тан и Сун приводит рассказы из этой книги о чудесах как исторически достоверные. Книге этой повезло: новеллы Су Э долго оставались «в обращении» и еще много веков спустя привлекали к себе авторов фантастических рассказов, например в XIV в. Янь Юя, использовавшего их в своей «Шань цзюй синь хуа». См.: Франке 1955, с. 306.

[242] *Лин гуан доу*. Имеется английский перевод всего этого места: Эдвардс 1937, 1, с. 84—85.

[243] Жилинь следует, может быть, исправить на Жибэнь. Название этой страны и рассказ о чудесной скале были взяты Су Э из книги Жэнь Фана (V в.).— ШИЦ, 6, 12б.

[244] Такая скала с «рентгеновскими лучами», по преданиям, была известна в III в. до н. э., но не в чужих странах, а в самом Китае, и была названа Первым императором ⟨династии Цинь, циньским Ши-хуаном,⟩ «Сокровище, отражающее кости» (ЮЯЦЦ, 10, 73). Туземное название для этих бобов — «бусы *kiĕt-tâ».

[245] Это существо и то, что оно производило, будет рассмотрено в гл. XII («Ткани»).

[246] *Лун цзюэ чай*.

[247] См.: ЦТШ, 52, 3281г.

[248] *Люй шуй чжу*.

[249] *Цюэ хо цюэ*.

[250] Лауфер 1915, с. 320—321. По описанию Бузург ибн Шахрийара (с. 148), самандал из страны Вак-вак — «как зеленый дятел, его оперение переливается красным, белым, зеленым и голубым». Но наши китайские огонь-птички — черные.

[251] *Цин фэн* и *фэй луань*. Персидский «симург» в качестве эквивалента фантастическому китайскому *луань* должен вызывать не больше удивления, чем гораздо более условное отождествление западного «феникса» с китайской птицей *фэн*; некоторые считают, что *луань* — это приукрашенный фантазией фазан *Argus*.

[252] *Чан жань дин*.

[253] *Чан цзянь бин*.

[254] *Бянь чжоу цао*.

[255] *У цай цюйшу*. Эпитет «пятицветный» может означать также «обладающий всеми цветами» или «цвета радуги».

[256] *Вань фо шань*.

[257] Такого рода замысловатые произведения были на самом деле очень популярны во времена Тан и Сун.

[258] *Чжулай няо*.

[259] У зеленой индокитайской сороки (*Kitta chinensis*) красный клюв, зеленое оперение и бело-зеленый хвост, обрамленный белым. Есть и другие виды сорок, которые вполне подходят под описание птицы *чжулай*. Сообразительность и пронзительный голос (наряду с расцветкой) также наводят на мысль об этой птице.

[260] «До синь цзин».

[261] Эту птицу считали предзнаменованием прихода к власти Чжу Цы — военачальника, который изгнал императора Шунь-цзуна (805—806) из столицы в Маньчжурию. Затем Чжу Цы объявил себя императором. Предзнаменование состояло в истолковании китайского названия птицы как «Чжу идет». Во всем остальном похоже, что это было вполне реальное подношение.

[262] Например, Ян Юя в XIV в. (Франке 1955, с. 306).

К главе II. Люди (с. 64—86)

[1] ЦТШ, 199а, 3615г. О массовом обращении мирного населения в рабство в дотанское время см.: Ван И-тун 1953, с. 303.

[2] Свирель — *сяо*, флейта — *ди*, гобой — *дили*, кларнет — *цзяо*.
[3] «Хэ чао хуань».
[4] Т. е. воинский наряд, включающий сапоги и штаны «варварского» образца. Ср.: Уэйли 1923, с. 117—118. «Тюркский» костюм был обычным боевым облачением.
[5] Фитцджеральд 1933, с. 153—154.
[6] Эта церемония описана со всеми подробностями в ТХЯ, 33, 607—610.
[7] ТХЯ, 14, 321; речь идет о празднестве в честь Ли Цзи и его подчиненных после преподнесения пленных из Корё (669 г.).
[8] *Чжаолин.*
[9] ТХЯ, 14, 320—321.
[10] Как это было с пленными из Кореи, принесенными в жертву у гробницы в 666 г. (ТХЯ, 14, 321).
[11] *Ши го.*
[12] ТШ, 135, 3980б.
[13] ТХЯ, 14, 321.
[14] ТХЯ, 14, 320. О том, как обстояло дело с двумя другими выдающимися пленниками (оба они были тюрки), см.: ТХЯ, 14, 320 (под 681 г.).
[15] ЦТШ, 198, 3613г; ЮЯЦЦ, 7, 57.
[16] Ван И-тун 1953, с. 301.
[17] Приведен только отрывок из этого прекрасного стихотворения. ‹В английском оригинале это стихотворение дано в переводе А. Уэйли. Жуны — китайское название тюркских племен.›
[18] Ван И-тун 1953, с. 302.
[19] ВШ, 12, 1932г.
[20] Мэдли 1955, с. 267—268. М. Мэдли отмечает, что, «когда в VIII и IX вв. возникла потребность уменьшить число рабов на императорской службе, многих выставляли для продажи на рынке, где они шли по высокой цене. Особенно ценились дворцовые рабы — не только за их деловые качества и за их умение держать себя, но и из соображений престижа, а также за то, что они могли рассказать о дворцовых скандалах и сплетнях».
[21] Обращенные в рабство военнопленные были зачислены в состав личной стражи Тай-цзуна и Сюань-цзуна (Пуллибланк 1955, с. 142).
[22] ТХЯ, 86, 153; Балаш 1932, с. 10.
[23] Пуллибланк 1955, с. 42, 46.
[24] Балаш 1932, с. 2—3.
[25] Уэйли 1960, с. 162.
[26] Балаш 1932, с. 11. Он отмечал, что рабы играли незначительную роль в сельскохозяйственном производстве средневекового Китая — контраст с римским рабовладением разительный. Однако Ван И-тун (1953, с. 334—335) показал, что, когда в Северной Вэй и Суй производились земельные пожалования видным людям, каждому давались и определенные контингенты рабов для возделывания этих полей.
[27] Балаш 1932, с. 13.
[28] ЮШЧЦЦ, 23, 10а — 10б. ‹«Песня о торговом госте». Холст, омытый огнем,— это асбест; Огненные земли — поэтическое и мифологическое название стран к югу от Китая; Шу — Сычуань; си — маньчжурское племя; дансяны — одно из племен, впоследствии вошедших в состав тангутского народа; туфани — древнее название тибетцев.›
[29] Вильбур 1943, с. 90.
[30] Ср.: Пуллибланк 1958, с. 206—207. Перед законом раб не был равен свободному человеку. Он подлежал смертной казни, если обвинение в преступлении — справедливое или ложное — исходило от его хозяина; его ожидала смерть за применение насилия по отношению к свободному человеку; он заключался в тюрьму на срок, исчислявшийся годами,

за связь со свободной женщиной, даже если это происходило с ее согласия (Вильбур 1943, примеч. на с. 151, 156). Рабам-чужеземцам не разрешалось жениться на китаянках, свободным китаянкам было запрещено их усыновлять (Балаш 1932, с. 11; Вильбур 1943, с. 158). В основе таких законов коренилась боязнь осквернения чужеродными кровями. О танских законах, ограждавших рабов, см.: Пуллибланк 1958, с. 212—217.

[31] Накамура 1917, с. 488; Такакусу 1928, с. 462.

[32] Бартольд 1958, с. 236, 240 ⟨*Бартольд 1963, с. 295, 299, 300⟩. Саманидская администрация выдавала особые разрешения торговцам тюркскими рабами; тюркские рабы составляли важную статью экспорта Ферганы.

[33] Указ 701 г. запретил такую торговлю (ТХЯ, 86, 1569).

[34] Бартольд 1958, с. 235 ⟨*Бартольд 1963, с. 295, где приведены слова Макдиси (X в.) об этом⟩.

[35] Вильбур 1943, с. 92—93.

[36] ТХЯ, 86, 1571. Двумя годами позже посол из государства Силла ходатайствовал перед китайским императором о том, чтобы были приняты меры для возвращения на родину бездомных корейцев, высаженных и брошенных на шаньдунском побережье.

[37] ЦТШ, 199а, 3615г.

[38] Балаш 1932, с. 6—7; Пуллибланк 1958, с. 207, 217. В дотанские времена туземцы к северу от этих областей были обращены в рабство. Например, племена ляо в Сычуани были захвачены и сделаны рабами в ходе осуществления этой политики правительства (Ван И-тун 1953, с. 307—308).

[39] ЦТВ, 50, 6б — 7а.

[40] ЦТВ, 81, 9б — 11а.

[41] ЦТШ, 154, 3486а; Накамура 1917, с. 364.

[42] ЧЦЕШЦ, 6, 18а. ⟨«У южных варваров маней».⟩ Медные столбы (нечто вроде геркулесовых столпов на Западе) здесь обозначают традиционную границу ареала китайской культуры на юге. «Единорог Златой», очевидно, является заменой для «Квартал Златой». Оба читаются *цзиньлинь*. «Золотым Кварталом» назывался танский гарнизон в Анназме, а в более ранние времена — некая страна далеко на юге, представления о которой были нечеткими, т. е. Суварнадвипа или Суварнабхуми (Цзиньчжоу) — Золотой полуостров. См.: Пельо 1903, с. 226; Льюс 1924, с. 151—154; Уэтли 1961а, с. 116—117. ⟨Для Цзиньлинь, переведенного у Э. Шефера «Единорог Златой», а в русском переводе — «Брег Златой», в разных изданиях встречаются два варианта написания. Написание с иероглифом «берег», точно передающее санскритское Суварнадвипа, представляется нам более правильным; Э. Шефер в своем переводе выбрал менее точное, но более «экзотичное» написание с иероглифом «единорог».⟩

[43] Кристи 1957а, с. 352. Современное кхмерское *krong phnot*. Поэтому страна кхмеров называлась у китайцев Бнам (Гора); в современном стандартном китайском произношении это название превратилось в Фунань (см. Введение).

[44] О пережитках этого представления см.: Брэддел 1956, с. 16.

[45] ЦТШ, 197, 3609г. Приведенная здесь транскрипция *куньлунь* обычно рассматривается как китайская передача названия Курунг, хотя некоторые больше склоняются к тому, что *куньлунь* передает некое гипотетическое кхмерское слово; такими словами могли быть *ku(t)-lun* (Курунг?) и в особенности *ku-lung* «древний дракон», которое китайцы приводили как родовое имя царей Бнама (Пельо 1904, с. 230). Другие охотнее связывали *куньлунь* с местными формами вроде *prum* и *krom*,

отразившимися в арабской передаче как *комр* и *камрун* (Р. Стейн 1947, с. 238).

[46] ИЦЦНН, 81, 835в. Если следовать П. Пельо (1959, с. 599), «кхмер» — это китайское **Kâp-miet*. У меня «турми» — это **T'uət-mjie*»; «курданг» — **Kuət-d'âng*.

[47] Пельо 1959, с. 600; Уэтли 1961а, с. 183.

[48] Накамура 1917, с. 263, где цитируется ЛБЛИ. См. также: Чжан 1929, с. 96, где цитируется «Пинчжоу кэ тань». Чжан Син-лан был главным защитником теории о том, что рабы-*куньлунь* в средневековом Китае являлись неграми, доставленными из Африки через посредство арабов. См.: Чжан Син-лан 1929; Чжан Син-лан 1930, т. 3, с. 48—81; Чжан Син-лан 1931. Он опирался главным образом на китайские тексты, которые описывают этих людей как «черных» — термин, который китайцы прилагали ко всем людям более темного цвета кожи, чем их собственная,— к жителям Тяма и даже к персам, точно так же как современные колониальные чиновники называют все туземные народы экваториальных областей. Чжан Син-лан опирается также на упоминания о курчавых и вьющихся волосах, но этот признак характерен для различных народов Индии, Индокитая и Индонезии. Как мы еще увидим, негров явно отличали от таких народов Индии и индианизированных стран Индийского океана. Подлинной загадкой являются «дьявольские рабы» в источнике сунского времени (начало XII в.) «Пинчжоу кэ тань», курчавые волосы которых были «желтыми». В английском тексте своей диссертации Чжан Син-лан переводит китайское *хуан* неопределенным *tawny* [«рыжевато-коричневый»] вместо недвусмысленного «желтый», но это отнюдь не спасает положения. Эти черные как смоль «дьявольские рабы», обладавшие огромной силой (которых определенно отличают от «курунгских рабов», этих отважных пловцов), могли принадлежать к какому-нибудь негроидному племени папуасов или меланезийцев, а их волосы могли быть побелены, как это принято у некоторых племен и в наши дни. Можно допустить, что некоторые из этих темнокожих были африканскими неграми. Чжэн Чжэнь-до (1958, с. 5) определил некоторые танские терракотовые погребальные статуэтки как изображения «куньлуньских рабов» главным образом на основании их курчавых волос. Они одеты в нечто вроде дхоти или саронга (см.: Малер 1959, с. 84, 88). Еще в 1911 г. Ф. Хирт и В. Рокхилл (1911, с. 32) утверждали достаточно определенно, что рабы из Куньлуня «были, по всей вероятности, малайцами или темнокожими жителями полуострова Малакка и островов, лежащих южнее». П. Пельо, вероятно, был прав, полагая, что эти курчавые куньлуньцы были со временем перепутаны с подлинными неграми-*занджи*. «Другими словами, индонезийских темнокожих могли называть *занджи*, хотя они не являлись африканскими неграми, в то время как африканские негры-*занджи* также должны были фигурировать в Китае как *куньлунь*» (Пельо 1959, с. 600).

[49] «Куньлуньский раб» Пэй Сина, включенный в его «Чуаньци» в ТПГЦ, 194.

[50] «Дочь царя драконов» 1954, с. 89. Чжан Син-лан (1930а, с. 44—59) приводит текст этой и других новелл о курунгских рабах.

[51] О языке знаков см.: Бартон 1934, т. 1, с. 774; т. 1, с. 931, примеч.— со специальной ссылкой на «Рассказ об Азизе и Азизе».

[52] Реконструируемое китайское произношение — **səng-g'ji* или **səng-g'jie*. Как показал П. Пельо (1904, с. 289—291), Г. Шлегель совершенно запутался, пытаясь доказать, что это название означает «сиамцы». См.: Пельо 1959, с. 597—603. ⟨В русской востоковедной литературе более принято написание этого этнонима как «зинджи» — по названию острова Занзибар и побережья Восточной Африки.⟩

[53] Об этих «пагубных женщинах» с позиций естествознания см.: Пензер 1952, с. 3—71.

[54] Четыре мальчика в 813 г. (ТХЯ, 100, 1782; ТШ, 222б, 4159в); пять мальчиков в 815 г. (ЦТШ, 15, 3111б; ЦТШ, 197, 3610а; ЦФЮГ, 972, 7а); две девушки в 818 г. (ЦТШ, 197, 3610а; ТХЯ, 100, 1782; ЦФЮГ, 972, 7б).

[55] ЦФЮГ, 971, 6а. Индонезийцы переводили китайское Сын Неба как *девапутра* (Такакусу 1896, с. 136).

[56] Балаш 1932, с. 13. Он отмечает, что эти негры-рабы (в их число он включает, следуя теории Чжан Син-лана, и «курунгских рабов») не занимали важного места в китайской экономике. Справедливо, что курчавые малайцы (если это были они) в роли домашних слуг были, видимо, довольно обычным явлением. Что же касается «рабов *занджи*», то большинство из них явились диковинами какого-то одного десятка лет.

[57] Мукерджи 1957, с. 133.

[58] Об острове Занзибар, который во времена Сун назывался Страна Курунг Занджи (в современном стандартном произношении — *куньлунь цзэнци го*), т. е. негритянская (*занджи*) страна Курунг (Южных морей), см.: Чжан Син-лан 1929, с. 97. См. также: Гудрич 1931, с. 138—139, где приводятся примеры существования рабов-негров в юаньском Китае и рабов индонезийского происхождения (с островов Зондского архипелага) в минском Китае.

[59] Мэтью 1956, с. 52. В Могадишо (бывшее Итальянское Сомали) и в Казерве (бывший протекторат Занзибар).

[60] ТШ, 34б, 3736в; Пельо 1904, с. 349. Очевидно, у западного побережья полуострова Малакка. Профессор П. Уэтли, как он сообщил мне в личном письме от 19 октября 1959 г., допускает связи с Конко- или Кокко-нагара Птолемея, находившемся где-то в этом районе.

[61] Существует несколько написаний этого слова. Другой вариант — *цзяоляо*. Древнее произношение — соответственно **dz'iău-ngieu* и **dz'iău-lieu*. Ср. *цзяонао* (**tsiău-njau*) или *цзяоляо* (**tsiău-lieu*) «птичка-королек». Корень слова явно означает «маленькое существо». См.: ЦТ, 7, 104—105, где также приводятся слова Конфуция из «Го юй» («Лу юй»).

[62] ЦТ, 7, 105а. Сводку сведений о пигмеях в китайской истории см.: Вада 1947. В ЮЯЦЦ (10, 80) рассказывается о танском коллекционере, у которого был мумифицированный карлик всего в три *чи* ростом, которого считали «человеком-корольком».

[63] ТД, 187, 1002б.

[64] ⟨В английском тексте стихотворение Бо Цзюй-и «Люди округа Даочжоу» приведено в переводе⟩ Уэйли 1941, с. 168.

[65] ТШ, 194, 4083в.

[66] Пельо 1904, с. 321, 325. Срибоза = Шрибходжа = Шривиджайа. С конца IX в. арабские путешественники на Восток упоминают о стране Сербоза и Забедж; у китайцев эта страна называлась **Sâm-b'iuət-dz'iei*. Это и был «Золотой Остров» индийцев (Уэтли 1961а, с. 177—183).

[67] ЦФЮГ, 971, 6а. О стране пигмеев (Чжужу го) далеко к югу от Японии есть упоминание, относящееся к III в. См.: «Вэй чжи», цитированное в ТПЮЛ, 378, 4а.

[68] ТХЯ, 99, 1775; ЦФЮГ, 971, 5б. Паломник Сюань-цзан описывал Самарканд как настоящий рай. См.: ДТСЮЦ, 1.

[69] См. краткое изложение в ТД (193, 1042а), основанное главным образом на «Вэй люэ». Ср.: ТПЮЛ, 368, 4а.

[70] Этот рассказ (очевидно, греческого происхождения) впервые появляется в Китае в III в. (Нидэм 1959, с. 505). О приведенной здесь версии см.: ТД (193, 1042а), где цитируется «Туцзюэ бэньмо цзи». ⟨Проникновение этого античного мифа в глубины Азиатского материка нашло отражение не только в литературной традиции, но и в памятниках декоративно-прикладного искусства: воины-пигмеи, сражающиеся с ог-

ромными птицами — орлами (?) и журавлями (?), изображены в вышивке на шерстяных тканях, найденных в одном из курганов могильника Ноин-ула в Северной Монголии. См.: Тревер 1940, с. 145—147, табл. 43, 44.⟩

[71] ТД, 193, 1041в. Сводку этих рассказов и античные аналогии им см.: Хирт 1885, с. 202—204. Рассказ о пигмеях и журавлях слился с рассказом о девушке-лебеде в его дуньхуанской версии. См.: Уэйли 1960, с. 154.

[72] Ян 1952, с. 519—520.

[73] Так было интерпретировано китайское **Niei-niet–si*.

[74] Дрейк 1943, с. 7; ТШ, 221б, 4155б.

[75] Иноземцы, занимавшие военные посты на танской службе, могли и не жить во дворце, хотя некоторые из них были офицерами императорских телохранителей и пребывали у Ворот Черного Воина (ТЛД, 5, 12а).

[76] Ян 1952, с. 510.

[77] Груссэ 1932, с. 16; из тюркской надписи на севере — в Кошо Цайдаме.

[78] ЧЕЦЦ в ТДЦШ, 1, 52б.

[79] В начале VII в. (ТШ, 222б, 4159в). О преданиях об альбиносах в Индокитае, известных также и греческим географам, см.: Уэтли 1961а, с. 158—159.

[80] ЦТШ, 16, 3116г.

[81] Рейшауэр 1955а, с. 45.

[82] ЦТШ, 16, 3116г.

[83] ЦТШ, 19а, 3135а. Чжан И-чао, императорский наместник в Шачжоу (Дуньхуан), прислал их вместе с четырьмя соколами и двумя лошадьми к празднеству Янь-цин (возможно, ко дню рождения императора). Это было в 866 г. В следующем году указ положил конец представлению женщин в качестве подношения как к этому празднеству, так и к празднеству Дуань-у (ТШ, 9, 3655а).

[84] ЦФЮГ, 971, 3б; Чэнь Юань 1928, с. 63—64. ⟨«Великий Муша» (согд. Мočк), манихейский иерарх, вряд ли был направлен к танскому двору как «подношение». Правитель Чаганиана, одного из владений в составе Тохаристана, мог отправить его «в качестве посла и проповедника учения» (*Беленицкий 1954, с. 44—45).⟩

[85] Пельо 1923, с. 278—279. По поводу Ван Сюань-цэ и других танских путешественников см.: У Лянь-дэ 1933.

[86] По вопросу о названии этого растворителя, которое по-китайски дается как **p'uân-'ḋ'a* «обрядовая вода» (по П. Пельо) и **b'uân-ḋ'â-k'ịa* «вода», см.: Пельо 1912, с. 376—377. Дж. Нидэм справедливо считает эти сведения одним из самых ранних упоминаний о природной кислоте, вероятнее всего серной (Нидэм 1954, с. 212).

[87] ЮЯЦЦ, 7, 57; ТХЯ, 82, 1522. В ЮЯЦЦ приводится его рассказ еще об одном чудодейственном индийском снадобье (ср.: Уэйли 1952, с. 95—96).

[88] ЦХЛ в ТДЦШ, 3, 15а.

[89] ЦФЮГ, 972, 10б.

[90] ТХЯ, 33, 609—610. Более детально о включении иноземных оркестров в состав танского придворного музыкального персонала см.: Кисибэ 1948.

[91] Ван Цзянь. Лянчжоу син ⟨«Песня о Лянчжоу»⟩.— ЦюТШ, хань 5, цэ 5, 21а. Название «горная птица» обычно употреблялось по отношению к фазанам (*Syrmaticus reevesii*).

[92] *Цзяо фан.*

[93] Один из них, «правый», обычно располагался в Гуанцзэ-фан, другой, «левый»,— в Яньчжэн-фан. Существовали также два квартала в Лояне, оба — в Минъи-фан (ЦФЦ в ТДЦШ, 8, 80а).

[94] Ван И-тун (1953, с. 328) считает, что «певчих девушек» всех рангов по положению можно «сравнить с рабами».

[95] Как это было в 714 г. (ТШ, 5, 3644б).

[96] ЦФЦ в ТДЦШ, 8, 80а — 90а. См.: Бакстер 1953, с. 119—120.

[97] Чужеземный репертуар придворных музыкантов раннетанского времени был, по существу, таким же, как и при Суй. К нему только прибавилась музыка Гаочана (Ходжо-Турфанский оазис).

[98] В Китае в этот период Бухару именовали древним парфянским династийным именем Арсак, сокращенным до «Ань», которое стало для китайцев названием страны.

[99] «Квартал Обучения» VII в. был уменьшен; «Грушевый сад» VIII в. был уничтожен, хотя его функции продолжало сохранять, пусть даже в уменьшенном масштабе, учреждение, которое именовалось «Двор музыки небожителей» (Сяньшао-юань) — изящным названием с архаическим, религиозным и даосским подтекстами.

[100] Все, о чем говорится в этом абзаце, собрал и проанализировал С. Кисибэ (1952, с. 78—86), который сводит западные влияния в китайской музыке к трем видам: 1) древнеиранское, центром которого был Хотан; 2) тохарское (но не иранское) с центром в Куче; 3) согдийское с центром в Самарканде.

[101] ТХЯ, 33, 611.

[102] Сян 1933, с. 56; Кун 1934, с. 44—46; и особенно Пань 1958 — более новое исследование.

[103] Сян 1933, с. 58—59.

[104] *Цзегу*. Но *цзе* «валух» является также и названием одного северного племени, которое, можно допустить, было как-то связано с происхождением этого барабана. Он был широко известен в Туркестане и в Индии, но попал в Китай из Кучи. ⟨В сочинении Нань Чжо «Сведения о барабанах *цзегу*» [ЦГЛ — «Цзегу лу», середина IX в.] прямо говорится: «*Цзегу* происходят от внешних [по отношению к Китаю] племен. Берут [за образец] барабаны западных варваров *цзе*, поэтому и называются *цзегу*», т. е. «барабаны племени *цзе*» (ЦГЛ в ТДЦШ). Вряд ли следует, как это делает Э. Шефер, отдавать предпочтение буквальному переводу «барабан валуха» или «бараний барабан», поскольку в данном случае, несомненно, имеется в виду название племени.⟩

[105] Кун 1934, с. 62—66. Описание его современных потомков см.: Харих — Шнайдер 1954, с. 4.

[106] Сян 1933, с. 58.

[107] Там же; Кун 1934, с. 51—52.

[108] *Гу-цуй*. «Трехструнная хуская скрипка» (*хуцинь*), которая была в употреблении среди тюрок шато, могла распространиться в Китае в это же время (Эберхард 1948, с. 55).

[109] Кун 1934, с. 30—31.

[110] Там же, с. 75—79.

[111] Как часть японской ритуальной музыки, которая собирательно называлась *гагаку* «придворная музыка» или (если под нее танцевали) *бугаку* «музыка танцев». Она включает древние японские песни и танцы (*утамай*), танскую музыку (*тогаку*), старинную корейскую музыку (*комагаку*), японские народные песни в переложении на китайскую оркестровку (*саибара*) и китайские и китайско-японские стихи, исполнявшиеся как песни под аккомпанемент инструментов (*роэи*). Я здесь касаюсь только раздела *тогаку* (Харих — Шнайдер 1954, с. 1).

[112] Нерасчлененная разновидность с подвижными кобылками, называвшаяся *чжэн* (по-японски *кото*).

[113] Харих — Шнайдер 1954, с. 3—5.

[114] Чаще это название произносят на японский лад: Карёбин.

[115] Такакусу 1928, с. 27—28; Демьевиль 1925, с. 223—224.

13 Заказ № 2366

[116] Харих — Шнайдер 1954, с. 4.

[117] По П. Демьевилю, эта музыка должна быть по происхождению камбоджийской — музыкой, привезенной в Китай вместе с балетом после китайского завоевания Тямпы в 605 г. Но китайцы не интересовались камбоджийской музыкой (равно как и музыкой Тяма, очевидно), и поэтому они заново поставили этот танец под музыку более «чистого» индийского стиля, как его тогда представляли в Китае (Демьевиль 1925, с. 223—224).

[118] Там же, с. 226; Демьевиль 1929, с. 150—157, табл. 16, рис. 1, где воспроизведен костюм танцора, исполняющего роль Калавинки.

[119] Древнее *puât-d'əu или *b'wat-d'əu. Д. Такакусу (1928, с. 27—28) полагал, что это транскрипция имени ведического царя Педу и что этот танцор изображал убивающую змей лошадь этого царя. Сян Да (Сян 1933, с. 65) относится к такому объяснению скептически и считает, что Ван Го-вэй был, вероятно, прав, возводя это название к Бадоу — наименованию страны в Центральной Азии.

[120] Харих — Шнайдер 1954, с. 5; Д. Такакусу полагал, что она также попала в Китай через Тямпу, как это действительно было со многими «индийскими» танцами и музыкой.

[121] Такакусу 1928, с. 27—28; Харих — Шнайдер 1954, с. 4—5.

[122] *По ху ци хань.*

[123] Сян 1933, с. 65—69. В японском варианте они были одеты в соломенные плащи.

[124] *Сань юэ.* Я считаю, что человек с «гибкими членами» (*цзэ чжи*), посланный тохаристанским ябгу в 719 г. в Чанъань, был акробатом (см.: ТХЯ, 99, 1773).

[125] Кун 1934, с. 59—62. Пример с пятью индийцами, искусными в музыке, магии, ходьбе по канату и нанесении себе мнимых увечий (они прибыли в Чанъань в 646 г.), см.: С. Леви 1900, с. 327. Ср.: Уэйли 1952, с. 90; Уэйли 1956, с. 125.

[126] ЧЕЦЦ, 3, 34.

[127] «Указ, запрещающий показ мнимых видений» в ЦТВ, 12, 1а.

[128] Лауфер 1923, с. 38—39.

[129] С. Кисибэ (1952, с. 68—72) собрал имена тридцати одного западного музыканта в танской империи; примеры, которые я привел, все из его списка.

[130] ЧЕЦЦ (ТДЦШ, 1), 51б — 52а.

[131] Кисибэ 1952, с. 74. Страны, из которых происходят другие западные музыканты, могут быть определены по их китайским именам, образованным от названия их стран. Среди таких стран, поставлявших музыку и музыкантов в Тан, но не перечисленных среди официально признанных при дворе групп, были Маймург (Ми), Кеш (Ши), Кабудан, Чач (Ши), Мерв (? Му), Кушания (Хэ), Хотан и Кумед (Кисибэ 1952, с. 86). ⟨Следует отметить, что далеко не все, носившие фамилию Цао, должны быть выходцами из Кабудана: ср. деятеля III в. до н. э. Цао Шэня или представителей фамилии Цао, правивших государством Вэй в III в. н. э. То же можно сказать и о фамилии Бо: совсем не значит, что все, кто ее носил, обязательно были по происхождению кучинцами (см. примеч. 136).⟩

[132] *Хэн цюй.* Но в танскую эпоху она уже называлась *ди* — название, первоначально прилагавшееся к вертикальной флейте.

[133] ГШП в ТДЦШ, 4, 63б.

[134] Ли Хэ. Лун е инь ⟨«Ночная песнь дракона»⟩.— ЛЧЦГШ, *вай цзи*, 14а.

[135] ЛМЧДЦ в ТДЦШ, 10, 11а.

[136] Кучинцы, переселявшиеся в Китай, обычно получали фамилию Бо — «белый», которая служила также именем, обозначавшим кучинских

владетелей. Высказывалось предположение, что само название страны Куча (Kutsi) происходит от индоевропейского слова, означающего «белый» (Бейли 1937, с. 900—901).

[137] «Чунь ин чжуань»; Сян 1933, с. 57. Стихотворение Юань Чжэня «Фа цюй» (ЮШЧЦЦ, 24, 5б), отрывок из которого был переведен в гл. I ⟨см. с 48⟩, примеч. 173.

[138] ЦФЮГ, 971, 95; ТШ, 221б, 4155а.

[139] Сян 1933, с. 59.

[140] *Ху тэн у.*

[141] Сян 1933, с. 60—61. Этот танец был описан в стихотворении Лю Янь-ши (ЦюТШ, хань 7, цэ 9, 4б), которое перевел на японский язык Исида Микиносукэ, а затем на французский — М. Хагенауер (Исида Микиносукэ 1932, с. 74). Другое стихотворение на ту же тему, принадлежащее Ли Дуаню, также появилось во французском переводе (Исида Микиносукэ 1932, с. 73).

[142] Отождествление предложено Сян Да (Сян 1933, с. 95). Его написание — Чадж (Chaj). Чāч — персидская форма, арабское написание — Шаш (Бартольд 1958, с. 169 ⟨; *Бартольд 1963, с. 226⟩). Однако Э. Шаванн (1903, с. 313) полагал, что китайское название — это передача термина «чакар», названия отборных отрядов таких владений, как Бухара и Самарканд.

[143] Бартольд 1958, с. 171—172 ⟨*Бартольд 1963, с. 227—228⟩.

[144] Сян 1933, с. 61—62. Существовал также сольный вариант этого танца и еще один, очевидно, совсем иной, который исполнялся в сунские времена хором мальчиков.

[145] Бо Цзюй-и (ЦюТШ, хань 7, цэ 5, 23, 8а). У Бо Цзюй-и есть еще и другое стихотворение об этом же самом танце (ЦюТШ, хань 7, цэ 6, 25, 16а). ⟨В русском переводе стихотворения сохранено его понимание, предложенное Э. Шефером. Однако не исключено, что название, передаваемое им как Чач (по-китайски оно означает «тутовая ветка»), является просто именем исполнительницы. В пользу такого понимания, в частности, свидетельствует то, что Тутовая Ветка (= Певица из Чача) употребляется в качестве параллели для имени Персика Лист, которое носила любимая наложница каллиграфа IV в. Ван Сянь-чжи,— ей приписывается создание одной из знаменитых впоследствии песен. Название горы Янтай (места любовных встреч в одной из древних китайских легенд) в английском тексте дано не как топоним, а в переводе «the Terrace of the Sun» «солнечная терраса».⟩

[146] «Чжэчжи цзи».

[147] Речь идет о «расцветании персика» (см.: Ван Лин 1947, с. 164). ⟨Скорее это иносказательное выражение, которое означает, что певица встает. О возможностях истолкования, которые связаны с пониманием этих слов как имени Персика Лист, см. примеч. ред. 145⟩.

[148] «Ху сюань нюй [цзы]». Была сделана попытка этимологизировать *хусюань* как Хорезм, но основания для нее ненадежны.

[149] Из Кумеда в 719 г. (ЦФЮГ, 971, 3б); из Кеша дважды в 727 г. (ЦФЮГ, 971, 7б; ТХЯ, 99, 1777); из Маймурга в 729 г. (ЦФЮГ, 971, 8а); из Самарканда в 713 г. (ТХЯ, 99, 1775) и в 727 г. (ЦФЮГ, 971, 7б).

[150] Исида Микиносукэ 1932, с. 71; Сян 1933, с. 63—64; Кун 1934, с. 54—55; ЮФЦЛ в ТДЦШ, 11, 10а. Подробнее о нарядах «казенных» иноземных музыкантов при танском дворе см.: ЦТ, 146, 762в. Существуют стихотворения Бо Цзюй-и и Юань Чжэня о «Западных вертящихся девушках»; имеются французские переводы Хагенауэра (Исида Микиносукэ 1932, с. 68—69) и основанные на них английские переводы (Малер 1959, с. 147—149).

[151] ТШ, 35, 3716в.

[152] ТХЯ, 33, 620. Вэй Гао — правитель, который привел к заключению договора между Тан и Наньчжао в 794 г. и озаботился отправкой этого оркестра в 800 г.,— мог быть автором «самого раннего из известных описаний оркестра, которое подразделяется по звучанию инструментов. Для этого времени не существует подобного документа по западной музыке — они появляются много позже, и нет ничего похожего ни для какого другого из оркестров Азии — как это ни странно, даже для китайского» (Твитчет — Кристи 1959, с. 178).

[153] Твитчет — Кристи 1959, с. 176.

[154] Кёдес 1948, с. 179.

[155] ЦТШ, 13, 3105а; ТХЯ, 33, 620; ТХЯ, 100, 1795; ЛБЛИ, а, 4; Твитчет — Кристи 1959, с. 176—179. В ЦТШ (197) эта дата ошибочно приведена как «Чжэнь-юань, 8» (вместо «Чжэнь-юань, 18»). Особым бирманским инструментом была индийская *вина* — цитра с резонатором из полой тыквы, которая по-китайски называлась «тыквенная цитра». Более простую разновидность бамбуковой *вины* привез в Китай суйский император Ян-ди из завоеванной Тямпы, но ее сочли слишком грубой для китайского слуха. Более крупные инструменты были богато отделаны росписью. Похоже, что именно такими инструментами и были оснащены бирманские музыканты. См.: Хаяси 1925, с. 444—452; ТХЯ, 33, 620. Бо Цзюй-и в связи с появлением этого оркестра осуждает великодержавное самодовольство по поводу китайского престижа за рубежом: «Музыка Пяо, напрасно ты поднимаешь свой шум. Было бы лучше, если бы государь услышал смиренные слова крестьян». Это слова из стихотворения «Императорский секретарь по поводу появления бирманских Пью при китайском дворе в 802 г.». Английский перевод Артура Уэйли см.: Харвэй 1925, с. 14—15.

[156] ЦФЮГ, 971, 6а.

[157] ТШ, 222в, 4159г.

[158] ЦТШ, 199б, 3619г; ЦФЮГ, 972, 3б.

[159] Рейшауэр 1955а, с. 82.

[160] ТХЯ, 33, 619.

[161] Там же.

[162] ЦФЮГ, 972, 7б; ТХЯ, 95, 1709.

[163] «Звук и цвет» подразумевают соответственно музыку и женскую красоту.

[164] ТШ, 220, 4149в; ЦТШ, 199а, 3616г.

К главе III. Домашние животные (*с. 87—113*)

[1] ТШ, 36, 3718г.

[2] ТШ, 50, 3752г; де Ротур 1948, с. 884.

[3] Они были распределены между Цичжоу, Биньчжоу, Цзинчжоу и Нинчжоу (ТШ, 50, 3753а; де Ротур 1948, с. 887). Об управлении этими пастбищами см.: Масперо 1953, с. 88—92.

[4] Шефер 1950, с. 182.

[5] Например, в 651 г. Гао-цзун повелел, чтобы впредь ему не представляли в качестве приношений собак, лошадей, ястребов и соколов. Таким образом, осуждалась охота как занятие легкомысленное (ТШ, 4, 3638в).

[6] ЦТШ, 199б, 3617г — 3618а.

[7] ТХЯ, 72, 1306. «Черногривый» — это перевод китайского *ло*. Словом «серый» переводится китайское *цун*. См. комментарии Дуаня к «Шо вэнь».

[8] ЦТШ, 3, 3070а.

[9] ТШ, 4, 3639в.

[10] Эркес 1940, с. 43.

[11] *Ба цзюнь.*

[12] Лю Цзун-юань. Гуань ба цзюнь ту шо («Пояснения к картине „Обозрение восьми скакунов“»).— ХДСШЦ, 16, 67—68.

[13] *Цзюнь гу* и *лун мэй* — два эпитета, постоянно прилагавшихся к «небесным коням».

[14] Ли Бо. Тянь ма гэ («Песнь о небесных конях»).— ЛТБВЦ, 3, 5а. Пещеры юэчжи — это *юэчжи ку*; выражение создано поэтом, но в основе его более общепринятое словосочетание *юэ ку* «убежище луны» — метафорическое название далекого Запада. Последнее название встречается в стихотворении Лу Гуй-мэна, которое приводится ниже (см. с. 99).

[15] Уэйли 1955, с. 100.

[16] Бил 1885, т. I, с. 20.

[17] Они были изображены на иранском серебряном сосуде, сохранившемся в Японии (Исида Микиносукэ 1942, с. 186). Крылатые кони в каменной скульптуре близ больших погребальных холмов в Китае должны быть такого же иранского типа.

[18] ЦСЦ, 5а.

[19] Б. Шварц высказал предположение, что этот кровавый пот вызывали паразиты *Parafiliaria multipapillosa* (Дабс 1944, с. 132—135; Уэйли 1955, с. 102). «Потеющие кровью» кони Мидии упоминаются Геродотом (см.: Дабс 1944, с. 135). Ниссейские лошади отличались своей величиной; к тому же для более маленьких мидийских коней была характерна и необычная форма головы. См.: Андерсон 1961, с. 127.

[20] Уэйли 1955, с. 96.

[21] Йеттс 1934, с. 242. Х. Фернапд (Фернапд 1959) утверждает, что первыми западными лошадьми, полученными китайцами, были усуньские кони — очевидно, помесь между бактрийскими конями и степными лошадками; они же изображены с крыльями на ханьских изразцах. Они-то и были первыми «небесными конями»; ферганские же попали в Китай позже.

[22] Уэйли 1955, с. 96, 101—102. Он сравнивает их с рыжими конями в масках, которые были найдены сохранившимися в слое вечной мерзлоты в Пазырыке.

[23] Эгами 1951, с. 94 и сл. Н. Эгами считает, что кони из Ферганы, «потеющие кровью»,— те же лошади *цзюэти*, которых держали в ханьскую эпоху хунны; он предполагает, что название *цзюэти* родственно монгольскому **külütei* «потеющий».

[24] Лидекер 1912, с. 148. (Отождествление Сырдарьи с Оксом — явная ошибка, содержавшаяся в приведенной Э. Шефером цитате,— в русском переводе опущено.)

[25] Дабс 1944, с. 133.

[26] Вергилий. Георгики, III, 87 («At duplex agitur per lumbos spina»). См.: Андерсон 1961, с. 26.

[27] ТХЯ, 72, 1306.

[28] ТШ, 221б, 4155а.

[29] ЦИЛ, 3, 6б. Ср. форму **źiəp-b'i^wvt* с зубным первого слога, ассимилировавшим начальный губной звук второго слога. Это же произошло с именем одного из «шести скакунов-*цзюнь*» Тай-цзуна (см. с. 101). Е. Харада (Харада 1944, с. 389) воспринимает это как передачу иранского *аспа*, что невозможно. Р. Н. Фрай сообщил мне, что это слово — согдийская форма со значением «четвероногое», употреблявшаяся в более узком значении «лошадь», которая, видимо, произносилась *čərθpāδ* и дошла до Китая как *čirpāδ*; отсюда китайская транскрипция и принятое в этой книге написание.

[30] В 741 г. (ЦФЮГ, 971, 13а). Топоним Фергана здесь передан как **b'uât-γân-nâ*.

[31] Так же как существовал и другой кот, названный по имени лошади «сине-седой серый» — *цин-цун* (ЮЯЦЦ, 8, 242).

[32] Андерсон 1943, с. 29. У. Йеттс (1934, с. 237) указывает не без оснований, что эти лошади, с их характерными высокими холками, представлены и на гадательных костях периода Шан.

[33] Лидекер 1912, с. 71—72; Эгами 1951, с. 104—105. Н. Эгами предлагает такое отождествление для китайского названия *таоту* древних хуннов.

[34] «Последние прибежища» 1956, с. 212.

[35] Лидекер 1912, с. 107. Возможно, термин «арабский» слишком неточен. Некоторые полагают, что современные породы восходят к лошади Пржевальского и к коням ливийской породы (Йеттс 1934, с. 251). ⟨В европейской литературе (и вообще в Европе) широко распространено искаженное представление о чистоте и благородстве коней арабской породы: далеко не все замечательные лошади, которыми пользовались арабы и через которых они попадали в Европу, были действительно арабских кровей. См.: *Витт 1952.⟩

[36] Лидекер 1912, с. 107—108.

[37] Эркес 1940, с. 34, 41—44.

[38] ЦФЮГ, 970, 14б. Б. Лауфер думал, что такие «дикие лошади» были полуприрученными, что они были обучены ходить под седлом, но содержались не в конюшнях, а на покрытых травой равнинах. См.: Лауфер 1916, с. 371.

[39] ЦФЮГ, 971, 5а. Этот вид поступал из Даньчжоу, что отмечают и другие источники.

[40] ТШ, 42, 3730а; Соуэрби 1937, с. 284. Лошадь Шу, о которой здесь упоминается, относили к племени туюйхунь (IV в. н. э.); ЦШ, 97, 1336в. Пони из современного Южного Китая, описанный у Р. Лидекера (1912, с. 109—110), очевидно, такой же или близкий к ней. См.: Филлипс — Джонсон — Майер 1945, с. 22, где приведена фотография современного сычуаньского пони. Эта и другие низкорослые южнокитайские лошадки «более мускулисты, чем монгольские лошади; шея у них развита сильнее, а постановка головы более высокая... Эти животные имеют уверенную поступь и легко приспосабливаются к езде вверх и вниз по каменистым тропам, столь обычным для района Чунцина» (Филлипс — Джонсон — Майер 1945, с. 21).

[41] Лю ху. ТШ, 91, 3899а. ⟨В английском тексте — Шесть племен западных варваров». О «Шести округах ху» см.: *Кляшторный 1964, с. 94—98 (с библиографией вопроса).⟩

[42] Соуэрби 1937, с. 283.

[43] Пельо 1959, с. 135. У П. Пельо в переводе этого китайского названия стоит «пегий» (piebald) для слова, которое здесь переведено «пятнистый».

[44] ТШ, 217б, 4143б.

[45] ЮЯЦЦ, 10, 78.

[46] ЦФЮГ, 970, 18а. Они вполне уместно названы *лян ма*. *Лян* имеет еще одно важное значение — «родовитый».

[47] Мохэ — это древнекитайское **muât-γât*, которое, видимо, должно читаться **marghat*. Они являлись «тюркским» племенем. Впрочем, некоторые из них были тунгусами, иногда отождествлявшимися (с помощью метатезы) с народом мукри, который упоминается у Феофилакта Симокатты ⟨кн. VII, 12; русский перевод, с. 160⟩.

[48] Два табуна, по тридцать голов каждый, были доставлены в 730 г. (ЦФЮГ, 971, 8б).

[49] Они, как и си, должны относиться к числу монгольских племен.

[50] Точно не обозначенное количество зимой 747/48 г. и гурт из пятидесяти голов — зимой 836/37 г. (ЦФЮГ, 971, 16б; ТХЯ, 96, 1722).

[51] ЦФЮГ, 972, 7а; ЦТШ, 199б, 3619б. В ТХЯ (96, 1308) сказано, что эти лошади превосходили киданьских.

[52] В 619 г. (ТХЯ, 96, 1717); в 623 г. (ЦТШ, 199б, 3618г); в 719 г. (ЦФЮГ, 971, 3б); в 724—725 гг. (ЦФЮГ, 971, 6а); в 730 г. (ЦФЮГ, 971, 8б). В ТХЯ (72, 1308) сказано, что они меньше тюркских лошадей и привычны к езде по густым лесам.

[53] ТХЯ, 72, 1306; Эгами 1951, с. 108.

[54] ТШ, 78, 3872б.

[55] ЦФЮГ, 999, 18б.

[56] Крупный сиртардушский табун уже упоминался выше. От токузогузов (*цзюсин*) лошади поступали в 747 и 748 гг. См.: ЦФЮГ, 971, 16а, 16б. Засвидетельствованы посольства от «тюрок» с лошадьми, количество которых часто исчислялось тысячами: в 626 г. (но лошади были отвергнуты; ЦФЮГ, 970, 5б); в 628 г. (ЦФЮГ, 970, 6а); в 704 г. (лошади названы отборными; ЦФЮГ, 970, 18б); в 717 г. (ЦФЮГ, 971, 2б); в 727 г. (ЦФЮГ, 971, 7б); в 731—732 гг. (ЦФЮГ, 999, 18б).

[57] ТШ, 50, 3753а; де Ротур 1948, с. 898.

[58] ТШ, 51, 3754а; Балаш 1932, с. 53; Г. Леви 1951, с. 89.

[59] ЦФЮГ, 999, 25а; ЦЧТЦ, 224, 19а.

[60] ТШ, 50, 3753а; ТШ, 51, 3754а; ЦФЮГ, 972, 7б; ЦФЮГ, 999, 25а — 26а; Балаш 1932, с. 53.

[61] ЦФЮГ, 999, 25а.

[62] Засвидетельствовано в китайской передаче как **kien-kuən* или **kiet-kuət*, что должно соответствовать алтайскому названию, близкому к **kirkon / kirkot*.

[63] ТХЯ, 100, 1785. Речь идет о посольстве 843 г.

[64] В 676 г. (ЦТШ, 5, 3074б; ЦФЮГ, 970, 16б); в 724—725 гг. (ЦФЮГ, 971, 6а); в 747 г. (ЦФЮГ, 971, 16а); в 747—748 гг. (ЦФЮГ, 971, 16б).

[65] От западных тюрок в 622 г. (ЦФЮГ, 970, 4б); в 627 г. (ЦТШ, 194б, 3599в); в 635 г. (ЦТШ, 194б, 3599г). От толосов в 642 г. (ЦТШ, 199б, 3617г). От тюргешей в 717 г. (ЦФЮГ, 971, 2б); в 726 г. (ЦФЮГ, 971, 6б); в 744 г. (ЦФЮГ, 971, 14б). От племени чумул в 721 г. (ЦФЮГ, 971, 4б). Посольство западных тюрок в 627 г. доставило 5 тысяч лошадей.

[66] В 624 г. (ТХЯ, 99, 1774); в 724 г. (ЦФЮГ, 971, 5б); в 744 г. (ЦФЮГ, 971, 14б); в 750 г. (ЦФЮГ, 971, 17б).

[67] В 726 г. (ЦФЮГ, 971, 7а); в 727 г. (ЦФЮГ, 971, 7б); в 750 г. (ЦФЮГ, 971, 17б).

[68] В 741 г. (ЦФЮГ, 971, 13а).

[69] В 681 г. (ЦФЮГ, 970, 17а); в 720 г. (ЦФЮГ, 971, 4а; ТХЯ, 99, 1773); в 744 г. (ЦФЮГ, 971, 14б); в 748 г. (ЦФЮГ, 971, 17а).

[70] В 746 г. (ЦФЮГ, 971, 15б); в 747 г. (ЦФЮГ, 971, 16а).

[71] В 744 г. (ЦФЮГ, 971, 14б).

[72] В 744 г. (ЦФЮГ, 971, 14б).

[73] В 744 г. (ЦФЮГ, 971, 14б).

[74] В 729 г. (ЦФЮГ, 971, 8а); в 733 г. (ЦФЮГ, 971, 9б); в 746 г. (ЦФЮГ, 971, 15б); в 750 г. (ЦФЮГ, 971, 17б). Макдиси отмечает вывоз лошадей из Хутталя (Бартольд 1958, с. 236 ⟨*Бартольд 1963, с. 295⟩).

[75] ЦФЮГ, 970, 14а.

[76] ЦТШ, 4, 3075в.

[77] В 817 г. (ЦФЮГ, 972, 7б; ТХЯ, 97, 1737); в 827 г. (ЦФЮГ, 972, 8б); в 836 г. (ТХЯ, 97, 1739); в 837 г. (ТХЯ, 97, 1739).

[78] В 631 г. (ЦФЮГ, 970, 7а); в 676 г. (ЦФЮГ, 970, 16б; ЦТШ, 5, 3074а); в 721 г. (ЦФЮГ, 971, 4б).

[79] В 742 г. и, видимо, после этого. ТШ, 110, 3933в.

[80] ЦФЮГ, 970, 17а.

[81] В 724 г. (ЦФЮГ, 971, 5б); в 744 г. (ЦФЮГ, 971, 14б); в 753—754 гг. (ЦФЮГ, 971, 19б).

[82] ЦФЮГ, 970, 8а; ЦТШ, 198, 3614а. Тюрки называли китайского Сына Неба, в частности Тай-цзуна, Небесным Каганом (Исида Микиносукэ 1942, с. 5 и 20). Другими западными странами, от которых китайцы получали лошадей, были Джагуда (в 744 г.— ЦФЮГ, 971, 14б), Шигнан (в 724 или 725 г.— ЦФЮГ, 971, 5б и 6б), «Кэханьна» (искажение одного иероглифа в названии Ферганы или Чаганиана; в 733 г.— ЦФЮГ, 971, 9б), Суселифаулань (в 748 г.— ЦФЮГ, 971, 17а) и Табаристан (в 746 г.— ЦФЮГ, 971, 15б).

[83] ЦТШ, 197, 3611б; ТХЯ, 99, 1764. О других экзотических породах см.: ТХЯ, 72, 1305—1308.

[84] ТШ, 50, 3753а; де Ротур 1948, с. 895; Пуллибланк 1955, с. 106.

[85] ЦТШ, 194а, 3599б; ЦЧТЦ, 213, 5б — 6а. Существовало три пограничных города, называвшихся «Обнесенные стеной города для приведения к покорности» (*шоусян-чэн*). Тот, что был на западе, находился в Линчжоу, у оконечности Ордоса. Он также находился в ведении «войска Северной стороны» (*шофан-цзюнь*).

[86] ЦФЮГ, 971, 16б.

[87] ЦЧТЦ, 213, 14б.

[88] ЦТШ, 198, 3612а.

[89] Там же.

[90] Один человек назначался также на десять коров; верблюдов, ослов, мулов приходилось по шесть голов на погонщика. Но он же мог ведать гуртом в семьдесят овец (ТЛД, 22, 30а).

[91] Масперо 1953, с. 92, 113—149; Ян 1955, с. 150.

[92] ТХЯ, 72, 1305; ТЛД, 17, 24б — 25а, 28а — 28б; Масперо 1953, с. 88—89.

[93] Масперо 1953, с. 89.

[94] ТШ, 50, 3753а; де Ротур 1948, с. 886.

[95] Летящая Желтая (по «Хуайнань-цзы») считалась лошадью богов, Благовестная и Чистокровная (*чжи-лян*) — легендарная лошадь в яблоках (комментарий к «Шань-хай цзину»). О Драконовой Свахе и о лошади *таоту* (древний тарпан?) и *цзюэти* (древние кони, «потеющие кровью»?) уже шла речь выше.

[96] Сян 1933, с. 74. Таково общепринятое мнение. Тан Хао, однако, утверждает, что эта игра была изобретена в Китае примерно в начале II в. н. э. и распространилась на запад до Ирана, где затем была развита при Сасанидах, а после этого снова разошлась по всей Восточной Азии. Его доказательства — в основном упоминания в стихотворении Цао Чжи о спортивном поле, где играли верхом на конях,— весьма неубедительны (Тан 1957, с. 2—7).

[97] *Да цю* или *цзи цюй*. Сян Да выводит китайское *цю* (*g'iəu) из персидского *гуй*; Тан Хао принимает прямо противоположный порядок заимствования.

[98] Сян 1933, с. 74—79.

[99] ЦФЮГ, 971, 2б.

[100] Сян 1933, с. 76.

[101] ЦЛВГЦ.

[102] ТШ, 22, 3677б — в; МХЦЛ в ТДЦШ, 4, 8а — 9а. Полный перевод рассказа о танцующих лошадях и их горестном конце см.: Уэйли 1952, с. 181—183. См. также: Бакстер 1953, с. 121—122.

[103] МХЦЛ в ТДЦШ, 4, 9а.

[104] ⟨Лу Гуй-мэн. Танцующие лошади⟩.— ФЛСШВЦ, 12, 15а — 15б.

[105] См. выше, примеч. 14.

[106] ТШ, I, 3634 г. Запреты, подобные этим, характерны для начального периода правления тех танских императоров, предшественники кото-

рых отличались пылкостью характера и распущенностью. Так было при Тай-цзу (он правил после суйского императора Ян-ди), при Гао-цзуне (он наследовал Тай-цзуну), при Чжун-цзуне (он был преемником императрицы У), при Су-цзуне (он наследовал Сюань-цзуну) и при Дэ-цзуне (правил после Дай-цзуна) — «маятник» весьма показательный.

[107] ЦТШ, 199а, 3616а; ЦФЮГ, 970, 4б.

[108] Одна лошадь *kuâ-ha — в 723 г. и еще две — в 724 г. (ЦФЮГ, 971, 5а; ТХЯ, 95, 1912). Две маленькие лошади в 734 г. (ЦФЮГ, 971, 10б). Народ туюйхунь также разводил маленьких лошадей (ТШ, 221а, 4156г), но нет записей о том, что их привозили в танский Китай.

[109] Лидекер 1912, с. 110; Лауфер 1913, с. 339—340; Ситуэлл 1953, с. 77—78.

[110] ХШ, 68, 0529а. В их названии я следую Чжан Яню, историку III в., которого цитирует Янь Ши-гу в своем комментарии. В тексте говорится только о маленьких лошадях. Лошадки же *kuâ-ha появились лишь в следующем столетии.

[111] ХХШ, 115, 0897а; СГЧ (Вэй), 30, 1005б.

[112] БШ, 94, 3033б.

[113] Так пишут Ли Сянь, танский толкователь, и многие другие (ХХШ, 115, 0897а).

[114] Лауфер 1913, с. 359; ЛШ, 116, 5851б. Б. Лауфер (1916, с. 375) писал, что он безуспешно пытался найти корейское слово, от которого могло бы происходить это название.

[115] ГХЮХЧ, 16а. Фань Чэн-да говорит, что название *kuâ-ha было дано маленьким упряжным лошадкам, которых разводили для императора, и что самая высокая из них, доставленная с реки Лун в Дэцине (в провинции Гуандун), была меньше трех *чи* ростом. Лучшие из этих пони имели двугорбый хребет, как у древних «небесных коней», что могло бы указывать на присутствие среди их предков арабских лошадей. Их посылали в качестве дани от этой области еще во времена Мин (Лауфер 1916, с. 375).

[116] БШ, 94, 3033б; комментарии к ХХШ, 115, 0897а.

[117] См. выше, с. 74.

[118] КЮТБИШ в ТДЦШ, 3, 49б; Исида Микиносукэ 1942, с. 9. Здесь же приведены сведения о том, что японский ученый Мацумото Эйити отметил такую сценку, приспособленную к буддийской тематике, в Дуньхуане. К сожалению, мне осталась недоступной работа самого Мацумото Ёити (Тонко-э но кэнкю, табл. 78а — б).

[119] «Лю ма ту цзань» в ЦТВ, 10, 20а — 21а.

[120] Соперники Тай-цзуна в борьбе за престол.

[121] Реки около Лояна.

[122] Существует также другой английский перевод кроме перевода Э. Шефера. Ср.: Фитцджеральд 1933, табл. 3.

[123] *Хуан-цун пяо.*

[124] *Хуан-цун де-цюй.* ТШ, 21, 3676г. В древности существовала пьеса для флейты, называвшаяся «Песнь о Желто-сером».

[125] *Тэлэ* вместо *тэцзинь*. См.: Харада 1944, с. 389.

[126] ЦФЮГ, 42, 12а — 12б.

[127] Лучезарная Гробница — *чжаолин.* Два изображения находятся теперь в музее при Пенсильванском университете, четыре — в Сианьфу, в Провинциальном музее (Фернал д 1935; Фернал д 1942, с. 19—20, 26; Харада 1944, с. 385—397). Императорские восхваления *цзань* были некогда вырезаны рядом с изображениями рукой каллиграфа Оуян Сюня, но теперь уже разрушились. А. Уэйли (1923, с. 117—118) верно подметил, что скульптурная фигура человека, который вынимает стрелу из груди скакуна,— это изображение не слуги-варвара, как полагали ранее,

а генерала Цю Син-гуна, одетого в «тюркский» военный наряд, обычный в те времена в китайском войске.

[128] Мэнхен-Хелфен 1957, с. 119—138.

[129] Сопер 1951, с. 73—74.

[130] *Ши цзи.*

[131] ЦТШ, 3, 3070б; ЦФЮГ, 970, 12б.

[132] ТШ, 217б, 4143а; ЦТШ, 3, 3070б; ЦТШ, 199б, 3618б; ЮЯЦЦ, 1, 1; ТХЯ, 72, 1305.

[133] Имена перечислены в ТШ, 217б; ЦТШ, 3; ЦТШ, 199б. Эти источники дают разночтения в названиях коней. ТШ (217б) и ЦТШ (199б) в основном совпадают, и я следую им, но в одном случае — для названия Пурпурный Вздыбленный Носорог (*сянлиньцзы*) — предпочтение отдано форме, приведенной в ЦТШ, 3. В ТШ (217б) в этом месте стоит *сян* «благовестный» вместо *сян* «вздыбленный», а в ЦТШ (199б) — *ао* «вздыбленный», т. е. слово, прямо указывающее, что *сян* должно иметь значение «вздыбленный».

[134] Здесь «гнедой» — *юй*, а «желтый» — *гуа.*

[135] ЛДМХЦ, 9, 303—305; Сопер 1950, с. 12.

[136] Шефер 1950, с. 174, 176.

[137] Там же, с. 177.

[138] В 816 г. ЦФЮГ, 972, 7б.

[139] В 837 г. ТХЯ, 97, 1739. По-видимому, бактрийских, хотя тибетцы располагали также и быстроногими одногорбыми арабскими верблюдами. ТШ, 216а, 4135а.

[140] В 721 г. ЦФЮГ, 971, 4б.

[141] В 717 г. ЦФЮГ, 971, 2б.

[142] ЦФЮГ, 971, 2б.

[143] Ру 1959, с. 46.

[144] Ру 1959, с. 59.

[145] ЦТШ, 104, 3391а.

[146] ЮЯЦЦ, 4, 37.

[147] ТШ, 217б, 4143в.

[148] ТЛД, 17, 24б — 25а. Табуны лошадей и крупного рогатого скота включали по 120 голов; табуны верблюдов, мулов и ослов — по 70 голов. В то же время стадо баранов состояло из 620 голов.

[149] Шефер 1950, с. 182. Ср. эти цифры с 325 700 лошадьми, находившимися в то время в этом же районе.

[150] Шефер 1950, с. 185.

[151] Там же, с. 182.

[152] Там же, с. 272. Этот рассказ, написанный в сунское время, называется «Ян Тай-чжэнь вай цзюань» 〈«Неофициальная история Ян Тай-чжэнь»〉.

[153] Шефер 1950, с. 182.

[154] ТШ, 35, 3716б.

[155] ТШ, 225а, 4173б.

[156] ЦЦЦЧДШ, 44; Ср. разные переводы этого стихотворения: Айскоф 1929, с. 220—222; фон Цах 1952, с. 85—86; Хун 1952, с. 101—102. 〈Ворота Яньцю — западные ворота в стене, ограждавшей императорские парки Чанъани; южный шаньюй — в 757 г. шаньюй (предводитель сюнну = гуннов) выразил свою покорность Китаю; при Тан сюнну разделились на северных и южных, причем северные ушли на запад, а южные остались у северных границ Китая; Хуамэнь — застава на крайнем северо-западе, в современной провинции Ганьсу; пять знаменитых могил — могилы пяти императоров династии Тан.〉

[157] Шефер 1950, с. 283.

[158] Там же, с. 184—185, 273. 〈В английском тексте Э. Шефер транскрибирует, выбирая иное чтение иероглифа, имя этого поэта не Цэнь

Шэнь, а Цэнь Цань. Цэнь Шэнь провел большую часть своей жизни на чужбине. Приведенное стихотворение написано на окраине Ганьсу, а остальные строки из него таковы:
стк. 1.

Свищет длинная флейта, пипá звенит,—
они вместе мотив ведут.

стк. 4.. . . . .

Пусть вином знаменитым реки Цзяохэ
кубки полные нам нальют.

Стихотворение называется «Опьянев на пиру у правителя округа Цзюцюань, сочиняю эти стихи». Полный перевод см.: «Антология китайской поэзии». Т. 2. М., 1957, с. 183.〉

[159] Цитируется в БЦГМ, 50а, 19а. Чэнь отмечал, что такая классификация имела почтенный возраст уже в его время.

[160] Соуэрби 1937, с. 286; Филлипс 1958, с. 54. Суинхо даже дал этой помеси название *Bos sinensis.*

[161] Соуэрби 1937, с. 286.

[162] ЛБЛИ, 6, 15.

[163] Соуэрби 1937, с. 286.

[164] Ситуэлл 1953, с. 77—78.

[165] *Цзи ню.*

[166] Восстанавливается как **g'i̯ə̑u*, современное стандартное произношение — *цзю*, значение неясно. Часто пишется как *хуань* «белый шелк».

[167] БЦГМ, 50а, 19а.

[168] ШИЦ, 6, 17б; ГЧ, цитируется в ТПЮЛ, 898, 1б.

[169] ТШ, 1, 3634г.

[170] См.: Юл — Бэрнел 1903, с. 407.

[171] ЮЯЦЦ, 4, 37.

[172] ТШ, 217б, 4143б.

[173] ЮЯЦЦ, 4, 37.

[174] ЮЯЦЦ, сю цзи, 8, 241.

[175] ЦФЮГ, 970, 6а.

[176] В 637 г. ЦФЮГ, 970, 8а.

[177] В 837 г. ТХЯ, 97, 1739.

[178] ТШ, 221а, 4151г; ТШ, 216а, 4135а.

[179] Лидекер 1898, с. 54—55; Лидекер 1912а, с. 191. Зобо бывают черно-белые, серо-белые или совершенно белые. Существует также «мелкая совершенно безрогая порода».

[180] БШ, 96, 3089г.

[181] ТШ, 216а, 4135г.

[182] В 817 г.— ЦФЮГ, 972, 7б; в 824 г.— ЦФЮГ, 972, 8а.

[183] Дикий як теперь на грани исчезновения («Последние прибежища» 1956, с. 213).

[184] «Цзинь шу син» 〈«Песня о парчовом дереве»〉.— ЦЦЦЧДШ, 193—194.

[185] «Чжоу ли», разд. «Чунь гуань», мао жэнь.

[186] БЦГМ, 51а, 27а.

[187] От областного управления провинции Цзяньнаньдао и из Цзичжоу, Вэйчжоу и Баочжоу (ТШ, 42, 3729г и 3730б — в).

[188] Лидекер 1898, с. 54—55; Лидекер 1912а, с. 191.

[189] ТШ, 47, 3743г.

[190] ЦТШ, 198, 3614в. Сокращенная версия этого предания встречается в ТШ, 221б, 4155в.

[191] Б. Лауфер (1915г, с. 112—125) исследовал эту легенду, лучше всего сохранившуюся в Китае. В его выводы внес поправки и дополнения П. Пельо (1959, с. 507—531), показавший, каким образом эти рас-

сказы оказались перепутанными. Ему же мы обязаны мыслью об аргонавтах. Эти предания были известны в Китае с III в.

[192] ЮЯЦЦ, 16, 135.

[193] Лидекер 1912б, с. 171—177.

[194] *Pseudois nahura* — разновидность, промежуточная по отношению к овце и к козе.

[195] Лидекер 1912б, с. 305—306.

[196] ЮЯЦЦ, 16, 135.

[197] Лидекер 1912б, с. 194—195.

[198] ЦТШ, 4, 3071в.

[199] Как это предположил в XVI в. Ли Ши-чжэнь (БЦГМ, 50б, 22а).

[200] Это произошло в Цайчжоу и его округе (ТШ, 214, 4127б).

[201] ТХЯ, 99, 1773; ЦФЮГ, 971, 4а.

[202] Двух животных (ТШ, 221б, 4153в).

[203] ТШ, 221б, 4155б.

[204] Лидекер 1912, с. 180, 183; Соуэрби 1937, с. 285. Чигетаи и кяны — разновидности *Equus hemionus*. Кости их были найдены во время раскопок слоев бронзового века в самом Китае (Андерсон 1943, с. 29). Н. Эгами (1951, с. 122) убедительно показывает, что *тоси* и *цзюйсюй*, которых во времена Хань знали сюнну, принадлежат к этому виду.

[205] О. Келлер 1909, с. 91. Эти пять древних видов таковы: шпиц (происходит от шакала), овчарка (очевидно, от *Canis alpinus*), борзая (очевидно, от абиссинского волка), дворняжка (также от шакала) и мастиф (от тибетского волка).

[206] К. Келлер 1902, с. 49—50.

[207] Лауфер 1909, с. 267—277.

[208] К. Келлер 1902, с. 76; Лауфер 1909, с. 248, 262—263; Лауфер 1923а, с. 445.

[209] Янь Чань-янь. Янь Ли-бэнь чжи гун ту 〈«Искусная живопись Янь Ли-бэня»〉.— «Тушу цзичэн», «цюань», ивэнь 2, 2б. Этот Янь жил в период династии Цзинь (Золотая) 〈в государстве чжурчжэней〉.

[210] ТХЯ, 99, 1775.

[211] ЦФЮГ, 971, 5б.

[212] Там же, 4б.

[213] См.: ТШ, 47, 3743а; де Ротур 1947, с. 222.

[214] ЦФЮГ, 970, 17б.

[215] ЦТШ, 198, 3614б.

[216] БЦШ, 12, 2216в.

[217] В современном стандартном произношении — *фулинь гоу*.

[218] ТД, 191, 1030в. Сходные сведения содержатся в ЦТШ, 198, 3612а; ЦФЮГ, 970, 5а. Но в этих источниках указывается, что ранее собак такой породы в Китае не видели.

[219] Колье 1921, с. 143.

[220] О. Келлер 1909, с. 94.

[221] Сирэн 1928, табл. 21.

[222] ЮЯЦЦ, 1, 2. На этом рассказ не кончается, но остальное будет уместнее привести дальше, где речь пойдет о камфоре (с. 225). 〈Облавные шашки — игра, также известная в Европе под японским названием *го*. Целью игры является окружение и снятие с доски шашек противника и захват таким образом пространства на доске.〉

[223] «Цзуй гунцзы».

[224] Неизвестный автор. «Желанный гость пришел пьяным».— ЦюТШ, хань 12, цэ 10, цз. 11, 2а.

[225] *Во*; как предположил Б. Лауфер (1909, с. 277), это слово того же происхождения, что и *во* со значением «карлик».

[226] К. Сиратори (1956, с. 254) уверен, что болонка Драгоценной Супруги была не туземной самаркандской, а римской.

[227] В. Колье (1921, с. 128—131) полагает, что такие признаки имеются. Б. Лауфер (1909, с. 278—281) считал неясным, насколько эта порода устойчива.

[228] Слова *воцзы* и *воэр* — это уменьшительные формы, являвшиеся тогда нормой, но теперь вышедшие из употребления. Другой термин для «собаки-игрушки» — *бай гоуцзы*, но я не убежден, что он означает какую-то определенную разновидность, и тем более именно римскую, как считает К. Сиратори (1956, с. 247—249). Другой вопрос, который остается открытым: можно ли поставить знак равенства между ними и сычуаньской «собакой-игрушкой» X—XI вв., носившей название «лоцзянская собака»,— маленькой собакой красно-рыжей масти с коротким хвостом (см.: ДСБЛ, 12, 89)? Однако такое отождествление было предложено. По этому вопросу см.: Лауфер 1909, с. 277—280; Колье 1921, с. 130—131. Было высказано также предположение, что эта «лоцзянская собака» является одним из предков маленького японского «игрушечного» спаниеля, называемого *тин* (считают, что это название происходит из *тиисай-ину*).

К главе IV. Дикие животные (с. 114—129)

[1] Шефер 1957а, с. 289.
[2] ЛБЛИ, 1, 8а.
[3] ШЦ, 287, 52646.
[4] НХЦШЦ, 2, 21.
[5] ЛБЛИ (ТДЦШ, 7), 40а; БХЛ, 7, 63а.
[6] ЛБЛИ (ТДЦШ, 7), 40а; ЮЯЦЦ, 16, 131. Х. Чжан (1926, с. 105) утверждает, что во времена Тан в долине Янцзы не было слонов; он, видимо, проглядел эти источники.
[7] Шефер 1957а, с. 290—291.
[8] ДМЦ в ХВЦШ, 16. Из страны, названной **B'iwād-lək* (древнекитайское название).
[9] «Сун нань цянь кэ» ⟨«Пишу для гостя, переселяющегося на юг»⟩.— ЦюТШ, хань 6, цэ 6, цз. 3, 2а.
[10] ЦюТШ, хань 10, цэ 8, цз. 1, 7б. ⟨У Э. Шефера, очевидно, опечатка: вместо Ду Сюнь-хэ стоит Ду Сюнь-цюэ.⟩
[11] ЦюТШ, хань 10, цэ 8, цз. 1, 14б.
[12] Там же, цз. 3, 2б.
[13] «Цзэн южэнь ба цзюй фу Цзяочжи пи мин» ⟨Ду Сюнь-хэ. В подарок другу, после окончания экзаменов отправляющемуся в Цзяочжи по приказу государя⟩.— ЦюТШ, хань 10, цэ 8, цз. 2, 8б.
[14] ТШ, 222в, 4159б; ЦТШ, 197, 3609г.
[15] ЦТШ, 3609г.
[16] Маджумдар 1927, с. 118—119. Надпись из Хоакэ близ Туранэ.
[17] ТШ, 222в, 4159в.
[18] Там же; ЦТШ, 197, 3610а.
[19] Кёдес 1948, с. 178.
[20] ТШ, 222в, 4159б.
[21] ЛБЛИ (ТДЦШ, 7), 40а.
[22] Место остается неотождествленным.
[23] [Ц]ТШ, цитировано в ТПЮЛ, 890, 6а; ЮЯЦЦ, 16, 131. Сообщение о слоне относится к посольству «из страны Чжоучэн», которое прибыло в 671 г.
[24] ЮЯЦЦ, 16, 132.
[25] Там же, 131.
[26] В левую переднюю — весной, в правую переднюю — летом, в леву заднюю — осенью, в правую заднюю — зимой. ЮЯЦЦ, 16, 131—132.
[27] ЦТШ, 4, 3071в; ЦФЮГ, 970, 14а; ТХЯ, 98, 1751.
[28] ЦФЮГ, 970, 17а — 17б.

[29] Там же, 19а — 19б; 971, 1б, 9а, 11а; ТХЯ, 98, 1751.
[30] ЦФЮГ, 970, 19б; 971, 11а.
[31] ТШ, 222в, 4159б.
[32] ЦФЮГ, 970, 13б; ТХЯ, 98, 1752; ЦТШ, 11, 3094б. Первая группа — из Чинрапа, более поздняя — из *Miuən-tân, т. е. из «материкового Чинрапа», или Верхнего Чинрапа.
[33] ЦФЮГ, 970, 15а. Название в этом источнике искажено, но оно дано ясно в ТШ, 222б, 4159г: в измененном виде, с отсутствием конечного *-к*. Место это описывается как страна, изобилующая стадами диких слонов. Профессор П. Уэтли в личном письме от 12 ноября 1959 г. высказал предположение о тождественности этой местности с *Sâm-b'âk* у Чжоу Цюй-фэя.
[34] ТХЯ, 100, 1795.
[35] ЦФЮГ, 971, 15б. В этом источнике говорится, что Персия отправила это животное с посланником, который был владетелем большого города в *Xuo-dz'i*, что звучит подозрительно похоже на вариант названия Куча / Кучи.
[36] ТЛД, 17, 20а — 20б.
[37] ТД, 64, 364в; СШ, 148, 4833б—4833в.
[38] ТШ, 222в, 4159в; ЦТШ, 12, 3096в.
[39] ТШ, 4, 3643а.
[40] ЦЧТЦ, 218, 17б, в особенности комментарии Ху Сань-сина. См. также стихотворение Лу Гуй-мэна «Цза цзи» («Разные искусства») в ФЛСШВЦ, 12, 15б.
[41] МХЦЛ, цитировано в ПШМЧ, 1. Я не обнаружил этого места в сохранившихся изданиях МХЦЛ. ПШМЧ — сочинение XII в.
[42] ЮЯГЯЛ, 6, 50.
[43] Сутхилл — Ходоус 1957, с. 390—391.
[44] «Последние прибежища» 1956, с. 212; Дженинз 1957, с. 35, 43. О противоречивой истории названия носорога в Китае см.: Дженинз 1957, с. 33—35. Видимо, его путали с различными видами древнего дикого быка, особенно с индийским диким буйволом-гауром, с водяным буйволом-буфало и, может быть, даже с яком.
[45] Судя по сведениям о роге носорога как о местной подати из танской провинции Цзяннань (ТШ, 40, 3725б; 41, 3729б — 3729г). Они встречались на большей части территории Западной и Южной Хунани, а также в прилегающих к ней районах провинций Сычуань, Хубэй и Гуйчжоу.
[46] ЛБЛИ (ТДЦШ, 7), 39а — 39б. Этот источник приводит танскую классификацию нескольких разновидностей носорогов в Линнани, рассматривая их как разные виды двурогого (суматранского) носорога.
[47] ЮЯЦЦ, 16, 133—134.
[48] ЦТШ, 18б, 3131г.
[49] ЦТШ, 197, 3609г. Это было в начале правления Тай-цзуна.
[50] ТХЯ, 98, 1751. Согласно преданию, у «проникающих в небо» (*тун тянь*) носорогов был единственный рог длиною свыше одного *чи*.
[51] ЦТШ, 13, 3103а; ЦФЮГ, 972, 5б; ТХЯ, 98, 1751.
[52] ЦФЮГ, 970, 15а. Об этой местности см. примеч. 33 к данной главе.
[53] ЦФЮГ, 971, 18а; ТХЯ, 98, 1752.
[54] ЦТШ, 197, 3610а; ЦФЮГ 972, 7б; ТХЯ, 100, 1782.
[55] В 730 г. (ЦФЮГ, 971, 8а) и в 746 г. (ЦФЮГ, 971, 15б).
[56] ЦФЮГ, 972, 8а.
[57] См. стихотворение Юань Чжэня «Сюнь си» («Прирученный носорог») в ЮШЧЦЦ, 24, 6а.
[58] ЦЧТЦ, 218, 17б; «Сёсоин» 1960, № 5, в южной сокровищнице.
[59] О. Келлер 1909, с. 35, 37, 38.
[60] «Последние прибежища» 1956, с. 212.

[61] Древнекитайское *suân-ngiei*, архаическое *swân-ngieg*.
[62] По мнению Э. Пуллибланка (1962, с. 109), это «тохарский А».
[63] ТШ, 221б, 4155б.
[64] Бузург ибн Шахрийар (англ. перевод), с. 154—155.
[65] Юл — Бэрнел 1903, с. 181.
[66] Там же.
[67] ТШ, 221б, 4155б.
[68] Юл — Бэрнел 1903, с. 181.
[69] ЦТШ, 198, 3614а; ЦТШ, 2, 3068а; ЦФЮГ, 970, 8а; ТХЯ, 99, 1774.
[70] ЦТВ, 138, 1б — 2б. «Медведь» для загадочного *пи* — вынужденное упрощение; *сы* могло некогда означать «дикий буйвол», но реальные представления, связанные с этим словом, уже были утрачены в танское время; «удав» — условный и произвольный перевод для выражения «змея *ба*». ⟨Все эти замечания справедливы и для русского перевода, который в данном случае — в порядке исключения — выполнен не с китайского оригинала, а по английскому переводу Э. Шефера.⟩
[71] ЦТШ, 398, 3а. Я не располагаю сведениями о времени жизни этого поэта; его творчество относят к середине или к концу танской эпохи.
[72] В 657 г. (ЦФЮГ, 970, 15а); дважды в 719 г. (первый раз — ТШ, 221б, 4155в; ЦФЮГ, 971, 3а; ТХЯ, 99, 1779; второй раз — ЦФЮГ, 971, 3б).
[73] ТШ, 221б, 4155в; ЦТШ, 198, 3614в; ТХЯ, 99, 1779.
[74] ТШ, 221б, 4154а; ЦФЮГ, 971, 7б.
[75] ЦТШ, 8, 3082в; ЦФЮГ, 971, 5а.
[76] ТШ, 102, 3918б; ЦТШ, 89, 3353б.
[77] ERE, т. 1, с. 521.
[78] ГШБ, а, 2а.
[79] ЮЯЦЦ, 16, 131.
[80] Там же; ЭЯИ, 18, 192.
[81] ЮЯЦЦ, 16, 131; БЦГМ, 51а, 25а.
[82] Чэнь Цан-ци, приведено в БЦГМ, 51а, 25а.
[83] Перевод А. Сопера (1958, с. 13).
[84] Сопер 1958, с. 14.
[85] ЮЯГЯЛ, а, 23.
[86] Там же, 30.
[87] ЮЯЦЦ, 16, 131.
[88] ЮЯГЯЛ, б, 50.
[89] Там же.
[90] Одна из картин Янь Ли-бэня с изображением доставленных в качестве дани львов хранилась в «коллекции годов Сюань-хэ», принадлежавшей сунскому Хуэ-цзуну (СХХП, 1, 60). Вполне вероятно, что это была одна из тех картин, которые позднее описал Чжоу Ми.
[91] ЛТБВЦ, 7, 9а. «Эмэйшань юэ гэ сун Шу Сэн-янь жу Чжун-цзин», ⟨Ли Бо. Песню о луне гор Эмэйшань посылаю шускому Сэн-яню, отправляющемуся в Чжунцзин⟩.
[92] *Panthera pardus fusca*, обитающая в Индии, Индокитае и в Южном Китае; *P. p. fontaneirii* — в Северном Китае, а *P. p. orientalis* — в Сибири и Маньчжурии.
[93] ТЛД, 24, 21а — 21б.
[94] ТШ, 49а, 3747г.
[95] ТШ, 34, 3713б.
[96] ЦФЮГ, 971, 4а.
[97] Там же, 8а.
[98] Там же, 7б; ТХЯ, 99, 1777.
[99] ТШ, 221б, 4154г.
[100] ТШ, 221б, 4153г; ЦФЮГ, 971, 6б — 7а. Были привезены двумя посольствами.

[101] ЦФЮГ, 971, 7а — 7б; ТХЯ, 99, 1775. Было три посольства с леопардами.

[102] ЦФЮГ, 971, 16а.

[103] Там же.

[104] ТШ, 6, 3647г.

[105] ТШ, 48, 3746а.

[106] Имеются две разновидности: африканский гепард *Felis guttata* (или *Cynailurus guttatus*) и азиатский гепард *F. jubata* (или *C. jubatus*).

[107] Фридерикс 1933, с. 31.

[108] О. Келлер 1909, с. 86.

[109] Верт 1954, с. 92. Как сообщала в номере за 2 октября 1959 г. газета «Вее», выходящая в Сакраменто (Калифорния), была сделана попытка внедрить африканского гепарда в Индии, где местные гепарды стали вымирать.

[110] О. Келлер 1909, с. 87.

[111] Одно в 619 г. (ТХЯ, 96, 1717) и другое в 623 г. (ЦТШ, 199б, 3618в).

[112] В 629 г.— ЦТШ, 199б, 3619б; ЦФЮГ, 970, 6б. В версии ЦФЮГ упоминается также подношение «леопарда *фэн*». Истолкование этого выражения в какой-то мере зависит от решения вопросов, связанных с *фэн дяо* и рассматриваемых в этом разделе.

[113] См., например: СуШ, 12, 2373а, где говорится об украшениях, подобающих воинским головным уборам, а в особенности «Оду пестрому соболю» («Хуа дяо фу»), написанную поэтом VI в. Цзян Цзуном (в ЦЛЦЦ, 1, 6а), где как бы сведены воедино все эти представления.

[114] ТШ, 221б, 4155в; ЦТШ, 198, 3614в; ЦФЮГ, 971, 3а; ТХЯ, 99, 1779. Последний источник ошибочно относит это посольство к 722 г. вместо 719 г.

[115] Латинское наименование горала — *Naemorhedus goral*. Название «козел *лин*», очевидно, иногда прилагалось к двум китайским родичам горала — к серао (*Capricornis sumatraensis*) и к такину (*Budorcas taxicolor*).

[116] А. Соуэрби (1940, с. 67) находил «странным, что такие животные, как серао и горал, не представлены в китайском искусстве, хотя и тот и другой совершенно обычны в горных областях...». Это действительно странно, но, возможно, их просто еще не отыскали те исследователи искусства, которые оказались бы в состоянии их опознать.

[117] Мэн Шэнь, фармаколог VII в., цитируется в ЧЛБЦ, 17, 19б.

[118] Су Гун и Мэн Шэнь, цитированные в БЦГМ, 51а, 28а — 28б. Су Гун отмечает также, что из рогов «горного козла» получаются хорошие седельные луки. Рога у горала короткие. И поскольку название «горный козел» использовалось и для других видов диких баранов и козлов, следует заключить, что в этом отрывке речь идет не о горале. Сходным образом и в новейшее время рога, продаваемые в китайских аптеках под названием рогов «козла *лин*», принадлежат различным видам антилоп. Например, в 1948 г. рога сибирской сайги ценились на китайском лекарственном рынке в 250 долларов (Бриджес 1948, с. 221).

[119] Лауфер 1915в, с. 21—22. Это предание, взятое из «Баопу-цзы», приведено в БЦГМ, 10, 5а. См. также: БЦГМ, 51а, 28а — о горале и его рогах. Б. Лауфер думал, что «бараний рог» (так он переводил этот термин) — это искаженное выражение, первоначально означавшее «баранья кровь». Последняя же, согласно Плинию, якобы размягчала алмазы настолько, что их можно было сломать. В средневековой европейской поэзии кровь агнца стала олицетворением крови Христовой (Лауфер 1915в, с. 24—26).

[120] Это предложение не очень гладкое и в китайском тексте; впрочем, может быть, оно оказывается таким в моем переводе.

[121] Это предложение выглядит искаженным в тексте, которым я располагал.

[122] ГШЦИ в ТШЦЧ, «Ян» (козлы), *цзи ши*, 11б. Отрывки из этой утраченной книги можно найти в «Ханьфэнлоу» (ШФ, гл. 67), но ни один из них, кроме приведенного здесь, не переведен. Заглавие этой книги иногда приводится как «Го ши и цзуань». Автор неизвестен, но книга, кажется, была написана в конце танской или в начале сунской эпохи.

[123] Склэтер — Томас 1898, с. 107.

[124] ЦФЮГ, 970, 12а; ТХЯ, 100, 1796.

[125] ЦФЮГ, 970, 12а; ТХЯ, 100, 1796; древнекитайское **b'^{w}ât-lân.*

[126] Брокельман 1928, с. 42. Этим предположением я обязан П. А. Будбергу.

[127] Банг — Рахмати 1932, с. 687—688. Я обязан этой ссылкой П. А. Будбергу.

[128] Рамстэдт 1949, с. 125. Имеется также тюркское *qūlān* «дикий осел». Стефенсон 1928, с. 22.

[129] Или **Gabiyap*, или **Gavyapa*; древнекитайское **g'ia-b'ji-iäp.*

[130] ЮЯЦЦ, 16, 134; ЦФЮГ, 970, 13б.

[131] БЦГМ, 51а, 25а.

[132] Древнекитайское **t'uo-puât* и **d'â-b'uât.*

[133] Сурок-тарбаган — это *Marmota bobak*; гималайский сурок — *M. himalayana.*

[134] Приведено в БЦГМ, 51б, 35а. Ли Ши-чжэнь указывает, что из шкурок сурка делают теплые меховые шубы, но мы не знаем, использовались ли они на это в танскую эпоху.

[135] ТШ, 40, 3726в.

[136] ЦФЮГ, 970, 9б. По существу, идентичный отрывок встречается в ТШ (221а, 4153в) и в ЦТШ (198, 3614а). Слово «крыса» дано здесь как **ńźi^{w}ok-źi*, тогда как в ТШ стоит во втором слоге *-d'ək* — очевидно, по ошибке вместо *-źi*. Но я полагаю, что в этой транскрипции для единообразия мы должны подставить еще *nəu-* (как это сделано в ТХЯ) вместо *ńźi^{w}ok-*.

[137] ЦФЮГ, 970, 13б; ТХЯ, 99, 1776. В январе / феврале 652 г. В ЦФЮГ это слово дано как **ńźi^{w}ok-'d'iə.*

[138] *Herpestes edwardsii* и *H. javanicus*, оба вида распространены в Южной Азии.

[139] *H. urva.*

[140] Юл — Бэрнел 1903, с. 596, где приведена эта цитата из книги «A History of Ceylon» (P., 1701).

[141] ТХЯ, 100, 1796. Сходные места в ТШ (221б, 4155б) и в ЦФЮГ (970, 12а). Слово восстанавливается как **γuât-nəu* (или *ńźi^{w}ok*]-*'dzia* и, вероятно, отражает какое-то иранское название.

[142] О. Келлер 1909, с. 163—164; А. Томпсон 1951, с. 471.

[143] А. Томпсон 1951, с. 476.

[144] О. Келлер 1909, с. 164—165.

К главе V. Птицы (с. 130—145)

[1] Ли Линь-цань 1956, с. 44.

[2] ЦЧТЦ, 211, 12б.

[3] Шефер 1959, с. 295.

[4] Там же, с. 297.

[5] Там же, с. 298.

[6] ТШ, 3, 3638в; Шефер 1959, с. 303—304.

[7] Шефер 1959, с. 304.

[8] ТШ, 9, 3655б.

[9] Шефер 1959, с. 306.

[10] *Falco gyrfalco grebnitzkii* Северо-Восточной Азии.

[11] Ш е ф е р 1959, с. 308—309.

[12] Л у Г у й - м э н. Фэн чоу Си-мэи... ⟨«Подношу в ответ названому старшему брату Си-мэю во время жестоких ливней в Учжуне сто рифм этого стихотворения»).— ФЛСШВЦ, 1, 11б. ⟨Си-мэй — это поэт Пи Жи-сю, достоинства которого в образной форме воспеваются в стихотворении.⟩

[13] Ш е ф е р 1959, с. 309.

[14] Т а м ж е, с. 310.

[15] *Accipiter gentilis albidus.* Ш е ф е р 1959, с. 311. Главным поставщиком этих птиц было племя мохэ. См., например: ТШ, 219, 4146г.

[16] «Цзянь ван цзянь...» ⟨«Я услышал рассказ войскового ревизора Вана о том, что в ближних горах живут два тетеревятника — черный и белый. Ловцы давно пытаются их поймать, но совершенно безуспешно. Ван полагает, что перья и кости у них не такие, как у других ястребов. Они боятся стужи, но, когда приходит весна, взмывают ввысь, чтобы не разогрелись их крепкие крылья. Ван думает, что осенью они становятся столь маленькими, что их нельзя увидеть. Он просил меня воспеть их в стихах» (стихотворение второе).⟩ — ЦЦЦЧДШ, с. 495. ⟨Я н т а й — южные склоны гор по Янцзы, у восточной границы провинции Сычуань.⟩

[17] КЮТБИШ, 3, 68а.

[18] ЦТШ, 19а, 3135а.

[19] С у Т и п. Предисловие к «Шуан бо ин цзань».— ЦТВ, 256, 12б.

[20] В 722 г. (ЦФЮГ, 971, 5а); в 737 г. (ЦФЮГ, 971, 12а); в 739 г. (ЦФЮГ, 971, 12б); в 741 г. (ЦФЮГ, 921, 13б); в 749 г. (ЦФЮГ, 971, 15а); в 750 г. (ЦФЮГ, 971, 15б); в 777 г. (ЦФЮГ, 972, 3б).

[21] Д о у Г у н. Синьло цзинь бо ин ⟨«Белые тетеревятники, присланные из Синьло»).— ЦюТШ, хань 4, цэ 10, 23а. Доу Гун жил ок. 762—821 гг.

[22] ТШ, 37, 3719г. Линчжоу, лежащий к северо-западу от столицы, ежегодно представлял «орлов, соколов, белые перья». Но я не уверен, следует ли это истолковывать как «белые перья орлов и соколов» или же «орлов и соколов; белые перья».

[23] Ш е ф е р 1959, с. 318—319. Это сочинение является последней главой в современных изданиях ЮЯЦЦ; оно озаглавлено «Жоу цзюэ бу» («Раздел о питающихся мясом»). Ханьский трактат о соколиной охоте «Ин цзин» («Книга о тетеревятниках») исчез в танское время.

[24] Ш е ф е р 1959, с. 325—334.

[25] Т а м ж е, с. 298—299.

[26] Т а м ж е, с. 320.

[27] Т а м ж е, с. 298.

[28] Т а м ж е, с. 312—314.

[29] Т а м ж е, с. 300—301.

[30] Т а м ж е.

[31] Т а м ж е, с. 307.

[32] Т а м ж е, с. 300.

[33] Т а м ж е, с. 299. ⟨«Песня о голодном ястребе».⟩

[34] Т а м ж е, с. 300.

[35] Л и Б о. Дулу пянь ⟨«Стихи о реке Дулу»).— ЛТБВЦ, 4, 1а.

[36] С ю э Ф э н. Ся шаонянь ⟨«Отважный юнец»).— ЦюТШ, хань 8, цэ 10, 16б. Поэт жил в IX в.

[37] Ш е ф е р 1959, с. 308.

[38] «Гу юэфу» в ТПЮЛ, 926, 5а.

[39] ТШ, 128, 3968а. Это было сказано Ван Чжи-анем (начало VIII в.).

[40] ЦТШ, 45, 3258в.

[41] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 49, 12а.

[42] Су Гун в БЦГМ, 49, 12а.

[43] *Pavo cristatus.*

[44] Царь Чжоу — Чэн-ван (ЧШ, приведено в ТПЮЛ, 924, 4б). Э. Эр-

кес (1942, с. 34) считал, что в IV в. до н. э. в Чу были ручные павлины, опираясь на довольно шаткое свидетельство — выражение «павлиний балдахин» в «Цзю гэ». В лучшем случае это означает, что в Чу получали перья павлинов из того же самого источника. Он делает также вывод, что этих птиц должны были привозить из Индии, «поскольку дикие павлины, по всей видимости, в Китае не водились». Не может быть ничего более ошибочного.

[45] ХШ, 96а, 0606г.

[46] СХШ и ХЦ, цитируются в ТПЮЛ, 924, 5а. Оба эти источника помещают павлина в Тяочжи — страну, которая не может быть пока с уверенностью отождествлена. Э. Шаванн (1907, с. 175) полагал, что Тяочжи — это арабское княжество Харацена в низовьях Тигра, которое в начале II в. н. э. подпало под власть парфян.

[47] О. Келлер 1913, с. 150—151. Известно, что их должны были выращивать римляне во II в. до н. э.

[48] СГЧ (У), 8, 1048б. *Pavo muticus* встречается также на Яве. Он более величествен и ярче окрашен, чем индийский павлин (Давид — Усталь 1877, с. 402—403; Делакур 1951, с. 311). Этот вид павлина попадался в Юньнани, но некоторые специалисты утверждают, что и индийский павлин встречается там тоже (Рид 1932, с. 78—79). О павлинах в Юньнани в средние века см.: ТЧ, 197, 3164в. Белые павлины, считавшиеся добрым предзнаменованием, время от времени упоминаются в Китае — например, в 461 г. Но я не знаю такого рода примеров, которые относились бы к танскому времени. См.: БХЛ (СХЛБ), 1а — 1б. Сравнительно недавно в Африке была обнаружена третья разновидность павлинов — конголезский павлин *Afropavo congensis* (Делакур 1951, с. 311).

[49] СГЧ, 3, 1038в; ЦШ, 57, 1234г. Последний из этих источников (очевидно, по ошибке) помещает эти события на год позже.

[50] ТШ, 43а, 3731в — 3731г; БХЛ (СХЛБ, цэ 91), 1а — б. Су Гун говорит, что много павлинов было в Линнани и в Тонкине (в БЦГМ, 49, 11б).

[51] БЦГМ, 49, 11б.

[52] Стихотворение без названия, написанное У Юань-хэном (VIII — начало IX в.), см. в ЦюТШ, хань 5, цэ 7, цз. 1, 7а.

[53] О. Келлер 1931, с. 174.

[54] НФИУЧ, приведено в БЦГМ, 49, 11б.

[55] БХЛ (СХЛБ, цэ 91), 1а — б; ЛБЛИ (в ТПГЦ, 461), 1б.

[56] ЛБЛИ (в ТПГЦ, 461), 1б.

[57] ДМЖХБЦ (X в.) в БЦГМ, 49, 11б.

[58] БХЛ (СХЛБ, цэ 91), 1а — б.

[59] БХЛ в БЦГМ, 49, 11б.

[60] ЮЯЦЦ, 16, 127.

[61] ЦВ (IX в.) в ТПГЦ, 461, 2б.

[62] ЦШ, приведено в ТПЮЛ, 924, 5а.

[63] Хэнсфорд 1957, с. 82.

[64] Сопер 1958, с. 224.

[65] СХХП, 15, 398—402.

[66] Хакман 1954, с. 307—308.

[67] ТШ, 222б, 4160б.

[68] Хакман 1954, с. 307—308. Полностью рассказ об этой царице павлинов см.: де Виссер 1920.

[69] Нандзё 1883, с. 79.

[70] СХХП, 1, 59.

[71] СХХП, 2, 70.

[72] *Psittacula* (или *Palaeornis*) *derbyana*.

[73] Шефер 1959а, с. 271—273. О попугаях в средние века в Юньнани и в Тибете упоминается в ТЧ (195, 3130б; 197, 3164в).

[74] Шефер 1959а, с. 275.

[75] Это соответственно *Psittacula krameri, P. alexandri* и *P. cyanocephala* (Шефер 1959а, с. 275).

[76] Шефер 1959а, с. 278; О. Келлер 1913, с. 49.

[77] Шефер 1959а, с. 274.

[78] Там же, с. 275—277.

[79] Юл — Бэрнел 1903, с. 521—522.

[80] ТШ, 221а, 4153а; ЦТШ, 8, 3082б; ЦТШ, 198, 3613г; ЦФЮГ, 971, 4а; ТХЯ, 100, 1787.

[81] ТШ, 222б, 4159б; ЦТШ, 197, 3609г.

[82] ТШ, 222б, 4159б.

[83] Ее название дано в форме **Ki̯u-ləu-mi̯ĕt*.

[84] ТШ, 222б, 4159в; ТХЯ, 100, 1794.

[85] ЦФЮГ, 971, 6а и 7б.

[86] ТШ, 221б, 4155в; ЦФЮГ, 971, 3б. Здесь Капиша — это попытка дать истолкование стоящему в источнике названию **Xâ-b'ji-śie*.

[87] ТШ, 222б, 4159в; ЦФЮГ, 972, 7б.

[88] Шефер 1959а, с. 278.

[89] ЦТШ, 197, 3609г; ТХЯ, 98, 1751.

[90] ЮЯГЯЛ, сюй цзи, 5.

[91] Шефер 1959а, с. 281.

[92] Сопер 1951, с. 10.

[93] *Kakatoë moluccensis*.

[94] Его название приведено как **Nəu-d'â-γuân*.

[95] ТШ, 222б, 4159г; ЦТШ, 197, 3610а; ТХЯ, 99, 1779; ТХЯ смешивает это посольство, относящееся к 647 г., с более ранним — 644 г.

[96] Шефер 1959а, с. 279. По поводу сообщения Чжао Жу-гуа о пыли с крыльев попугаев, которая ошибочно считалась причиной заболеваний, см.: Уэтли 1961, с. 123.

[97] Шефер 1959а, с. 279—280.

[98] Там же, с. 280.

[99] ХХШ, 4, 0659в; ХХШ, 118, 0904г.

[100] Они назывались *Struthio camelus syriacus*. См.: Уэйли 1952, с. 74.

[101] Хирт — Рокхилл 1911, с. 129.

[102] ЦФЮГ (970, 13б) особо подчеркивает, что «варвары» называли его «птица-верблюд». «История Хань» и другие источники называют его «великий воробей из Тяочжи». Ср. мои замечания по поводу названий, которые носили страусы на Западе, выше ⟨с. 136⟩, в связи с разбором вопроса о павлине. В танском комментарии добавлено: «То есть нынешняя „птица-верблюд“». У Бань Гу в «Си ду фу» ⟨«Ода Восточной столице»⟩ (ЛЧЧВЦ [СБЦК], 1, 10б) он назван просто «птица из Тяочжи». По поводу этого танский толкователь Ли Шань говорит: «Большая птица, яйцо которой как кувшин для воды». Это замечание восходит к ГЧ (см. выдержку в БЦГМ, 49, 11б). Относительно Тяочжи см. выше, примеч. 46 к данной главе.

[103] ЦТШ, 1, 3065в.

[104] ТШ, 221б, 4154г; ЦТШ, 4, 3071а; ЦФЮГ, 970, 13б; Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 49, 11б.

[105] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 49, 11б.

[106] ЦТШ, 4, 3071а.

[107] Лауфер 1926, с. 29—33; Шефер 1950, с. 288.

[108] «Цю пу гэ» ⟨«Песни Осеннего Берега» (песня третья)⟩, ЛТБВЦ, 7, 5а. Всего в этом цикле семнадцать стихотворений. Поэт жил у «Осеннего Берега».

[109] Его латинское название *Chrysolophus pictus*. Рид 1932, № 271.

[110] Демьевиль 1929, с. 153; Сутхилл — Ходоус 1937, с. 317; Хакман 1954, с. 70.

[111] ИЦЦИИ, 23, 456в. Ср. также: ИЦЦИИ, 25, 463а.

[112] Экке — Демьевиль 1935, с. 61—62. Авторы утверждают, что антропоморфная фигура с крыльями, лапами и птичьим хвостом в гранитной пагоде в Зейтуне, напоминающая внешним видом индийскую киннару, на самом деле является калавинкой и что киннара никогда не имела облика птицы ни в Китае, ни в Японии.

[113] Изображение их костюма см.: Демьевиль 1929, табл. XVI.

[114] Два источника (ТШ, 222б, 4159в; ЦХЯ, 100, 1782) относят это событие к 813 г.; два других (ЦТШ, 197, 3610а; ЦФЮГ, 971, 7а) — к 815 г. Я инстинктивно склонен принять более позднюю дату.

[115] Существует много вариантов формы названия обычных черных китайских дронго (*Dicrurus cathoecus*): **pjie-kap*, **p'iei-kap*, **p'iei-kiep*, **b'ji-g'i̯əp* и т. д. У этой птицы черное оперение с металлическим отливом и длинный черный хвост. Она поет всю ночь до рассвета и отличается храбростью: дронго нападает даже на ястребов и ворон. Она — широко распространенный обитатель Китая, но это название могло также иногда прилагаться к перелетному хохолковому дронго (*D. hottentotus*). Конкретное отождествление для этого китайского названия было впервые предложено Моллендорфом (см.: Рид 1932, № 295А); ср.: БЦГМ, 49, 10а; Вильдер — Хаббард 1924, с. 71.

[116] МЧМЛ (ТШЦЧ), 5, 57.

[117] *Dicrurus* (или *Dissemurus*) *paradiseus*. Несколько подвидов этой птицы встречается в Индии, Бирме, Лаосе, Вьетнаме и Юньнани, а также в Индонезии. См.: Делакур — Жабуйе 1931, с. 84—86.

[118] Делакур 1947, с. 340—342.

[119] Флетчер — Инглиз 1924, с. 31.

[120] Б. Лауфер рассуждает о различных способах идентификации птицы *kalavinka* из Калинги, но ни к какому определенному заключению не приходит (Лауфер 1915б, с. 284).

К главе VI. Меха и перья (с. 146—160)

[1] ЧЛ, «Тэнь гуань», Сы фу.

[2] См.: ТШЦЧ, «Лии дянь», 340, по всему тексту.

[3] ТЛД, 3, 17а.

[4] Ли Бо. Сун Ванъу шаньжэнь Вэй Вань хуан Ванъу ‹«Посылаю отшельнику из Ванъу Вэй Ваню, бродящему в горах Ванъу»›.— ЛТБВЦ, 14, 2б.

[5] Бартольд 1958, с. 235—236 ‹*Бартольд 1963, с. 294—295› приводит отрывок из Макдиси (X в.). ‹В русском издании этот отрывок из Макдиси переведен так: «...из Хорезма — меха соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, бобров, зайцев и коз».›

[6] ЦФЮГ, 971, 19а. Определение этой замши как оленьей шкуры представляет некоторые трудности. В источнике стоит *тун* — слово, не засвидетельствованное в других текстах, вероятно, по ошибке,— вместо иероглифа *лян*, который мог употребляться для обозначения оленя наряду с иероглифом *цзин*. Вопрос об отождествлении *цзин* рассматривается в этом же разделе, ниже.

[7] ТЛД, 22, 14б — 15а.

[8] ЦюТШ, хань 11, цэ, 10, цзи нюй, 2б.

[9] В древности обувь для воинов делали из кожи, с коротким голенищем, которое постепенно становилось все более высоким. В первой половине VII в. Ма Чжоу ввел в употребление сапоги с верхней частью из войлока, а в первой половине VIII в. Пэй Шу-тун изготавливал обувь из кожи козла, обшивая кожей *цзин* и добавив завязки. Краткую историю обуви в Китае см. в комментариях Ху Сань-сина к ЦЧТЦ, 221, 12а.

[10] ТШ, 43а, 3732б. См. также стихи Ли Чунь-юя об обуви из кожи *цзин* из Гуй (ЦюТШ, хань 9, цэ 9, 12б — 13а).

[11] Шефер 1954, с. 69.

[12] *Elaphodus cephalophus.*

[13] Исида Мосаку — Вада 1954, табл. 119.

[14] Сопер 1951, с. 14.

[15] ТШ, 37, 3720в — 3721а; 40, 3727а.

[16] Название это мы предлагаем как условное: их подкладывали под седло (Накано 1924, с. 59—60).

[17] ЦФЮГ, 971, 3б.

[18] *Phoca equestris.*

[19] Лауфер 1913, с. 340.

[20] Пять шкур от бохайских мохэ в 730 г. (ЦФЮГ, 971, 8б); необозначенное количество из Силлы в 723 г. (ЦФЮГ, 971, 5а); шестнадцать шкур из Силлы в 734 г. (ЦФЮГ, 971, 10б).

[21] *Ши-чжун* и *чжуншу-лин*. Не всегда легко сказать, какое именно животное имеется в виду: куница, колонок, соболь или горностай. Все они обозначались одним собирательным названием. БЦГМ, 51б, 35б; Хань Цзюэ 1953, с. 391.

[22] Цуй Хао (VIII в.). Гу юй сю чэн цзюнь чжун чжу цзян («Древний странствующий храбрец представляется в войске полководцам»).— ЦюТШ, хань 2, цэ 9, 1а.

[23] Стихотворение VIII в. в ЦюТШ, хань 2, цэ 9, 1, 1а.

[24] ТЛД, 22, 18а.

[25] **Uo-lâ-γuən.* Возможно, связано с монгольским *ulaγan* «красный».

[26] Несколько посольств от бохайских мохэ (ЦФЮГ, 971, 8б; 971, 12б; 971, 13а); в первых двух случаях в тексте вместо «крыса-куница» поставлено по ошибке «крыса-леопард». Восемь посольств от черноводных мохэ (ТШ, 219, 4146г), одно — от великих [или **d'ai-?*] *p'i̯uət-niet* мохэ (ЦФЮГ, 971, 4а). Черноводные мохэ, видимо, должны быть современными нанайцами, которых кидане называли *weji* «лесными людьми». См.: Вада 1955, с. 16.

[27] ТХЯ, 100, 1787. Несомненно, южной породы *Panthera pardus fusca.*

[28] *P. p. orientalis.* ТХЯ, 97, 1712.

[29] Ли Сянь-юн (IX в.). Хэ Инь Я туй чунь линь цзи ши («Вторю стихотворению войскового ревизора Иня „Что было во время ливня“»).— ЦюТШ, хань 10, цэ 2, 2, 12а.

[30] Чэнь Цан-ци, приведено в БЦГМ, 51а, 26а.

[31] ТШ, 196, 4087а.

[32] ЮСЦЦ, 1, 6.

[33] ЦФЮГ, 970, 4б.

[34] Ее название — «страна **Liəm-źie*». Название животного передано словами **siän-g'iʷo* «индиговый» и **źiang-tsiʷo* «благоуханный».

[35] МХЦЛ (ТДЦШ, 4), 16б.

[36] Дайвендак 1939, с. 402, примеч. 1. Это предположение было высказано без особой уверенности.

[37] ТШ, 219, 4146г; ЦФЮГ, 971, 4а.

[38] ТШ, 43а, 3733а.

[39] Шефер 1952, с. 156, 159—160.

[40] Так, в НЮЧ (приведено в БЦГМ, 44, 31а), написанной задолго до воцарения Тан, говорится: «...эта кожа имеет бугорки и может служить для украшения мечей и сабель». А Су Сун (его слова приводит тот же источник) уже в послетанское время писал: «...ею можно украшать рукояти сабель».

[41] Например, «Сёсоин» 1928, IV, 37; Исида Мосаку — Вада 1954, табл. 25.

[42] ТЛД, 22, 18а; ТШ, 42, 3729г, 3730б — 3730в.

[43] ТШ, 37, 3721а.

[44] ТЛД, 22, 18а.
[45] ТШ, 42, 3730б — 3730в.
[46] Чэнь Цан-ци в ЧЛБЦ, 17, 30а.
[47] ТБЦ в БЦГМ, 51а, 26а.
[48] ТЛД, 17, 17а; СШ, 149, 4837а.
[49] СШ, 149, 4837а. Однако даже в танское время некоторые (например, фармаколог Су Гун) считали, что хвост леопарда в качестве императорской регалии является просто символической эмблемой, но сам по себе не заслуживает почитания (ТБЦ в БЦГМ, 51а, 26а).
[50] В иной плоскости следует рассматривать перья белого орла (из нынешней Северной Шаньси), использовавшиеся придворными лучниками для изготовления оперения своих стрел (Ли Ши-чжэнь в БЦГМ, 49, 12а; Шефер 1959, с. 307).
[51] *Oriolus cochinchinensis* [=*chinensis*]. ТЛД, 22, 14б — 15а.
[52] См., например, сатирическую песнь, написанную о такого рода вещах в VIII в. Ван Инем (ТШ, 76, 3868г.).
[53] Ли Хуа. Юн ши ⟨«Воспеваю историю» (стихотворение одиннадцатое)⟩.— ЦюТШ, хань 3, цэ, 2, 4а. В этом стихотворении описана знатная дама, внезапно захваченная бурей.
[54] То есть из Циньчжоу на крайнем западе Гуандуна (ТШ, 43а, 3732а).
[55] Цзяочжоу и Лучжоу. ТШ, 43а, 3733а. Ф. Хирт и У. Рокхилл (1911, с. 235—236) сообщают о правительственном запрете 1107 г. собирать перья для украшения тканей.
[56] Исида Мосаку — Вада 1954, табл. 33, 34.
[57] Имелось несколько ее разновидностей (Чжэн Цзо-синь 1955, с. 15—17).
[58] ТЛД, 22, 18а.
[59] ТШ, 23а, 3678а.
[60] Приводимые ниже примеры взяты из книги Ж. Делакура (1951). Ср.: Рид 1932, № 269—273 и Чжэн Цзо-синь 1955, с. 90—109. Но читателю было бы лучше всего прочесть, что пишет о трагопанах и фазанах С. Ситуэлл (1947, с. 186—196).
[61] *Ithaginis cruentus sinensis.*
[62] *Tragopan temmincki.*
[63] *Lophura nycthemera.*
[64] *Crossoptilon auritum.*
[65] *Chrysolophus pictus.*
[66] *C. amherstiae.*
[67] *Syrmaticus reevesii.*
[68] ТЛД, 22, 18а.
[69] ТШ, 48, 3747а.
[70] ШУЦЮ, 8, 290, где цитируется ТД.
[71] ТЛД, 22, 18а; ТШ, 43а, 3733б. В стихотворении Ли Дуна (IX в.— в ЦюТШ, хань 11, цэ 2, 3, 11а) говорится, что они поступают из местности Наньхай, т. е. из Линнани, через Гуанчжоу.
[72] ЛБЛИ в ТПГЦ, 461, 1б.
[73] ТЛД, 11, 30б.
[74] ВСТК, 117, 1054а.
[75] ЮЯГЯЛ, а, 24.
[76] См.: Сюэ Фэн (после 853 г.). Сюань чжэн дянь... цзунь хао ⟨«Перед дворцом Сюаньчжэндянь с друзьями смотрю на церемонию присвоения посмертных титулов императорам Шунь-цзуну и Сянь-цзуну»⟩.— ЦюТШ, хань 8, цэ 10, 12а — 12б, где описывается церемония присвоения титулов Шунь-цзуну и Сянь-цзуну.
[77] Вэнь Тин-юнь. Вань гуй цюй ⟨«Песня при позднем возвращении домой»⟩.— ЦюТШ, хань 9, цэ, 5, цз. 2, 1а.

[78] Вэнь Тин-юнь. Го Хуацингун («Двадцать две рифмы о том, как я прохожу мимо дворца Хуацингун»).— ЦюТШ, хань 9, цэ 5, цз. 6, 5б.

[79] Бартон 1934, с. 2924.

[80] Эберхард 1942, т. II, с. 156, 287—289. О современных китайских версиях легенды о девушках-лебедях см.: Эберхард 1937, с. 55—59.

[81] ЮЯЦЦ, 16, 130.

[82] ДТСЮЦ, 2, [4б].

[83] ШЦ, 12, 0043г.

[84] Комментарий Янь Ши-гу к соответствующему отрывку из «Цзяо сы чжи» ХШ.

[85] ХХШ, 107, 0872а.

[86] НЦШ, 21, 170б. Речь идет о Вэй-хуэй тайцзы.

[87] ЦИЦ (ТДЦШ, 17), 18а — 18б. Одежды из перьев изготовлялись еще в конце XVIII в. местными жителями-некитайцами в Гуандуне: «...у них есть гусиный бархат, основа для которого делается из шелка; в нее ловко и умело на обычном ткацком станке вплетаются перья, из которых наиболее дорогостоящие — имеющие малиновый оттенок. Из этих перьев диких гусей изготовляют два вида тканей: один для зимы, другой для летних одежд. Дождь не может их промочить, и их назвали соответственно „дождевой сатин“ и „дождевая кисея“. Жители Гуанчжоу, заведя у себя это производство, употребляют перья обычных гусей, вплетая их в ткань». По поводу этого очень интересного описания искусства украшения перьями см.: Макгоуэн 1854, с 58—59. Д. Макгоуэн упоминает также о женских головных уборах из перьев павлина в районе Гуанчжоу, но искусство их изготовления было утрачено к середине XIX в. В ЛБЛИ (а, 5) описываются одеяла из гусиного пуха, изготовлявшиеся в танское время в Линнани, но ничего не говорится о головных уборах из перьев. И все же, учитывая все прочие свидетельства о роли, которую играли перья в этой местности в древности и в новое время, есть основания допускать, что искусство изготовления тканей из перьев было характерно для Линнани не только в новое время, но и в средние века. Согласно Казвини (Стефенсон 1928, с. 62, 83), цветные перья вплетались в мусульманские ткани XIV в. Возможно, это искусство вело свое начало из Китая.

[88] ТШ, 34, 3713а; ср.: Лауфер 1915г, с. 114. В 1107г. сунскому правительству пришлось запретить собирать перья зимородка; это было вызвано массовым уничтожением этих птиц, чтобы обеспечить украшения для особой шелковой парчи (Хирт — Рокхилл 1911, с. 235—236).

[89] Лауфер 1915г, с. 114; переведено по приведенному в ТШЦЧ месту из «Лан сюань цзи».

[90] МЦБТ, 5, 32.

[91] Уэйли 1960, с. 149—155 и 258—260. Этот рассказ был известен в Китае начиная по крайней мере с 300 г. н. э.

[92] Уэйли 1922, с. 177—185.

[93] ТЛД, 22, 14б — 15а.

[94] Слова Чэнь Цан-ци приведены в БЦГМ, 41, 16б. В особенности этих жуков собирали в Биньчжоу и Чэнчжоу.

[95] Ван Ци, комментарий к стихам Ли Хэ, перевод которых приводится ниже.

[96] Ли Хэ. Се сюцай... сы шоу («У сюцая Се была наложница Тао-лянь, она ушла от него к другому. Сюцай пытался ее удержать, но безуспешно. Потом она в этом глубоко раскаивалась. Ее посетители сочиняли стихи, где подшучивали над пей, и я, Хэ, тоже вслед за ними сочинил четыре стихотворения» (стихотворение третье)).— ЦюТШ, хань 6, цэ 7, цз. 3, 2а; ЛЧЦГШ, 3, 7а — 7б.

[97] «Сёсоин» 1928, VI, 26.

[98] Ван Ци, комментарий к стихам Ли Хэ «Нао гун» («Сержусь на вас») (ЛЧЦГШ, 2, 30б). Место, о котором идет речь,— Личжоу.

[99] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 41, 16б.

К главе VII. Растения (с. 161—180)

[1] См. Введение к этой книге, а также в особенности ТХЯ, 100, 1796.

[2] Лю Цзун-юань. Чжун шу Го То-то чжуань.— ЛСШЦ, 17, 2б. (Ср.: Х. Джайлз 1923, с. 142—144, где дается перевод «Pas trop gouverner». Русский перевод «Садовника Го-Верблюда» см.: Алексеев 1958, с. 234.)

[3] ЧШШ в ШФ, цэ 212, 7а (хань 106).

[4] К таким выводам пришел Г. Ледьярд, предприняв текстологическое исследование.

[5] ЦФЮГ, 970, 11б — 12б; ТХЯН, 100, 1796; Лауфер 1919, с. 303—304.

[6] Эти стихи (из ЦюТШ, хань 6, цэ 6) приводит К. Накамура (1917, с. 567).

[7] Мураками 1955, с. 77.

[8] Шефер 1961, с. 4—5.

[9] Григсон 1947, с. 79—85.

[10] ЦЧТЦ, 215, 13б, под седьмой луной 746 г. Комментатор Ху Сань-син сообщает, что даже во время Су Ши (XI в.) говорили, что личжи поступают лишь из Фучжоу в Южной Сычуани. Ху приводит слова Бо Цзюй-и, чтобы показать, что цвет личжи меняется за один день, запах — за два, а цвет, запах и вкус полностью теряются за четыре или пять дней.

[11] Малер 1959, с. 73—74; автор опирается на В. В. Бартольда. Похоже, что до середины X в. китайцы не были знакомы с арбузом, который они называют «западная дыня». См.: Лауфер 1919, с. 439.

[12] Хун Си-вэнь. Мин-хуан Тай-чжэнь пи шуань ле ту.— ЮШС, чу цзи, цэ 14, 10б.

[13] «Золотое зерно» — название местности близ Чанъани, и я принимаю это чтение здесь. Но это может значить и «состоящая из золотых зерен».

[14] Чэнь Цан-ци (БЦГМ, 5, 22б) также цитирует по этому поводу «Ши пу».

[15] Исида Микиносукэ 1942, с. 215—216.

[16] Эти слова принадлежат Бао Чжао (V в.).

[17] ДФЦЮ, приведено в ЧЛБЦ, 3, 13а. Это сочинение, принадлежащее Дугу Тао, было, очевидно, написано в VII в., по словам одних источников — при Суй, по словам других — при Тан.

[18] ТЛД, 19, 19б.

[19] Е Цзин-юань 1958, с. 159.

[20] ЛЯМДЦ, с. 6а.

[21] Е Цзин-юань 1958, с. 159.

[22] ТЛД, 19, 15б; ТЛД, 7, 13а — 13б.

[23] ЦФЮГ, 970, 8б.

[24] В этом издании ТЛД содержится такое примечание: «ЦФЮГ сообщает, что он имел двадцать семь *ли* с запада на восток, тридцать три *ли* с севера на юг».

[25] ТЛД, 7, 13а — 13б.

[26] ЦТШ, 9, 3085а.

[27] КЮТБИШ (ТДЦШ, 3), 53б.

[28] ТЛД, 14, 51а — 51б, 52а — 52б.

[29] Лауфер 1919, с. 385. Они также упоминаются в ВШ и СуШ.

[30] Лю Сюнь в его ЛБЛИ. См.: Кувабара 1930, с. 53.

[31] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 31, 15а.

[32] Лауфер 1919, с. 385. Это название встречается в ЮЯЦЦ и у Чэнь Цан-ци.
[33] Лауфер 1919, с. 385—386.
[34] ЦФЮГ, 971, 15б.
[35] Снова Ли Сюнь; Лауфер 1919, с. 386—387. Юй Цзин-жан (1954, с. 193—195) рассматривает источники, уже исследованные Б. Лауфером, не добавляя ничего нового.
[36] ЦФЮГ, 970, 9а — 9б.
[37] ТШ, 221а, 4153в; ЦФЮГ, 970, 11б; ТХЯ, 100, 1796.
[38] Ситуэлл 1936, с. 181.
[39] Демьевиль 1929, с. 90—91.
[40] ЮЯЦЦ, 18, 149—150. *Кашайа* — облачение буддийского священника.
[41] *Tilia miqueliana*. Демьевиль 1929, с. 90—91.
[42] Пи Жи-сю. Цзи ти Тяньтай Гоцинсы Ци Лян ти.— ЦюТШ, хань 9, цэ 9, цз. 8, 7б. ⟨«Пишу стихи в форме Ци и Лян об обители Гоцинсы в горах Тяньтай».⟩
[43] Юл — Бэрнел 1903, с. 798; Бэркил 1935, 2005. ⟨*Сал* — современная форма в языке хинди, в которой первоначальное произношение деформировано; китайская передача этого названия отражает более старую форму — санскритское *шала*.⟩
[44] *Shorea kunstleri et al.;* Бэркил 1935, № 2001—2005.
[45] Сутхилл — Ходоус 1937, с. 323.
[46] Уэйли 1952, с. 140. Эпизод из даосского предания позднетанского времени.
[47] Например, сообщалось, что в начале V в. монах-иноземец опознал дерево *сал* среди деревьев одного из храмов в Хунани (ЮЯЦЦ, 18, 147).
[48] А. Кристи сообщил мне, что он убежден в большой близости этого владения с Тямпой, где также говорили на малайском языке.
[49] НШ, 78, 2730в.
[50] Ли Юн. Чучжоу Хуайинь сянь Шала шэ бэй ⟨«Надпись на стеле о дереве *шала* в уезде Хуайинь округа Чучжоу»⟩.— ЦТВ, 263, 1а.
[51] Чжан Вэй. Аньсидао цзинь шала шу чжи чжуан ⟨«Доклад о ввозе и посадках деревьев *шала* в области Аньси»⟩.— ЦТВ, 375, 2а — 2б. Сокращенная версия этой памятной записки имеется в ЮЯЦЦ, 18, 147—148.
[52] ЮЯЦЦ, сюй цзи 6, 227.
[53] Плиний, кн. XXI, гл. 18. Чэнь Цан-ци сообщает, что шафран произрастает в «Великой Цинь», т. е. в римской Азии (его слова приводятся в БЦГМ, 14, 40а).
[54] Лауфер 1919, с. 309—329, где с необходимой полнотой рассматривается вопрос о шафране, и в особенности о его смешении с куркумой (ср.: БЦГМ, 14, 38а).
[55] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 14, 40а. Б. Лауфер (1919, с. 312) высказывает странное утверждение, что шафран, по-видимому, не должны были вводить или употреблять в Китае ранее юаньского времени; однако имеются многочисленные свидетельства, которые опровергают это мнение.
[56] Юй Цзин-жан (1935, с. 33—37) рассматривает вопрос об этой путанице, но не высказывает при этом никаких новых мыслей.
[57] Лауфер 1919, с. 322—323; Бэркил 1935, 714—715; сафлор — это *Carthamus tinctirius*; куркума — *Curcuma longa*; цитварный корень — *C. zedoaria*. Существует также *C. aromatica*, свойства которой сходны со свойствами цитварного корня.
[58] ТХЯ, 100, 1796; см. также: ЦФЮГ, 970, 11б, где фраза «Цветы его раскрываются в девятую луну» искажена до полной нечитаемости.
[59] Лу Чжао-линь. Чанъань гу и ⟨«Вспоминаю древность в Чанъани»⟩.— ЦюТШ, хань 1, цэ 9, цз. 1, 10а.

[60] Чэнь Тао. Фэй лун инь («Песня на мотив „Летящий дракон"»).— ЦюТШ, хань 11, цэ 4, цз. 2, 16а.
[61] ЮСЦЦ, 1, 7.
[62] Ли Бо. Кэ чжун цзо («Сижу среди гостей»).— ЛТБВЦ, 20, 2а.
[63] Ли Бо. Чунь жи ду цзо цзи Чжэн Мин-фу («В весенний день сижу один и посылаю стихи Чжэн Мин-фу»).— ЛТБВЦ, 11, 11а.
[64] Вэнь Тин-юань. Цин-мин жи («День Цин-мин»).— ЦюТШ, хань 9, цэ 5, цз. 9, 10а.
[65] Ли Шан-инь. Мудань («Пионы»).— ЦюТШ, хань 8, цэ 9, цз. 1, 26б.
[66] ЮЯЦЦ, сюй цзи, 9, 246.
[67] Его биографии есть в ТШ (89, 3896а) и в ЦТШ (167, 3515а).
[68] У Б. Лауфера (1919, с. 402) стоит «овощная зелень» (*цай*) вместо «лист»; очевидно, это результат опечатки в каком-то издании главных источников, которого я не видел.
[69] ЦФЮГ, 970, 12а; ТХЯ, 100, 1796. Оба текста идентичны, если не считать перестановки в ЦФЮГ.
[70] Сутхилл — Ходоус 1937, с. 226; Хакман 1954, с. 204; и в особенности Демьевиль 1929, с. 198—203.
[71] Лауфер 1919, с. 427—428.
[72] ЮЯЦЦ, 18, 153.
[73] Плиний, кн. XXI, гл. 12 и 75.
[74] Чжоу Дунь-и. Ай лянь шо.— ЧЛСЦ, 8, 139; (русский перевод: «О любви к лотосу» Чжоу Дунь-и см.: Алексеев 1958, с. 306).
[75] ТШ, 2, 3637б. Это произошло зимой 633/34 г.
[76] БШЧЦЦ, 28, 7б (Цзян — река Янцзы; фужун — одно из китайских поэтических названий лотоса).
[77] Это китайские стереотипные выражения: *Юэ янь Цзин шу* и *У цзи Юэ янь*.
[78] Приведено в БЦГМ, 33, 23а.
[79] СХХП, 15, 403 и 405.
[80] Лессинг 1935, с. 44—47, где можно найти полную сводку по буддийской символике, связанной с лотосом.
[81] Поэтому и «Саддхармапундарӣка-сӯтра» названа «Сутрой Белого Лотоса» (т. е. «Сутрой Белой Водяной Лилии») в стихотворении монаха Гуань-сю, которое было найдено в Дуньхуане (У Ци-юй 1959, с. 356).
[82] КЮТБИШ (ТДЦШ, 3), 64б. Это был Пруд Великой Воды (Тай и чи).
[83] ЯФЛ, 9, 2а — 2б.
[84] Ли Дэ-юй. Бо фужун фу («Ода белому фужуну»).— ЦТВ, 696, 5б.
[85] Пи Жи-сю. Бо лянь («Белый лотос»).— ЦюТШ, хань 9, цэ 9, цз. 8, 3б. Чампака — душистый цветок, *Michelia champaka*, который китайцы сравнивали с гарденией (Сутхилл — Ходоус 1937, с. 465).
[86] Уэйли 1931, с. 160 (№ CLX в коллекции А. Стейна).
[87] Чжао Гу. Цюй жи Учжун гуань хуан оу («При заходящем солнце смотрю на желтые лотосы в Учжуне»).— ЦюТШ, хань 9, цэ 1, цз. 2, 1а — 2б.
[88] ШЦЦ (ШФ, хань 60 = цэ 122), 1а — 1б.
[89] *Пинпэн цао*; *Nuphar japonica.*
[90] Уэйли 1931, с. 150—152 (№ CXL). А. Уэйли добавляет: «Это самый ранний из известных образцов живописи, написанный в стиле, который для более позднего времени ассоциируется у нас с тибетским искусством».
[91] Там же, с. 265 (№ CDXLIV — в Дели).
[92] Фигурка хранится в Чикаго (Филд Музеум).
[93] ТПГЦ, 499, 8а — 8б.
[94] ШЦЦ в ШФ, хань 106 (=цэ 212), 14а.

[95] ван Гулик 1954, с. 121—123. Этот племянник, который действительно был даосом, неоднократно встречался с великим поэтом.

[96] ЮЯЦЦ, 19, 157. Ср.: ван Гулик 1954, с. 135. Р. ван Гулик пишет, что «его метод обработки корней деревьев красителями применялся в Китае до недавнего времени». Он убежден, что то место, в котором говорится о лиловых иероглифах,— «красочное добавление рассказчика».

[97] Плиний 1856, с. 317.

[98] Кокс 1945, с. 80. Э. Кокс помещает их вместе с другими китайскими растениями, вопрос о которых требует специальных разысканий, например с «пекинскими персиками, выращивавшимися в императорском саду и весившими по два фунта».

[99] *Colchicum* из семейства лилейных.

[100] ЦФЮГ, 970, 11б — 12а; ТХЯ, 100, 1796. Оба текста содержат искажения, которые, к счастью, легко могут быть исправлены путем взаимного сличения. Кашмир передан как **g'i̯a-śiĕt-pi̯ĕt* (ТХЯ помещает эту страну между Капишей и Гандхарой) и должен отражать название, близкое к **Kashpir*.

[101] Сутхилл — Ходоус 1937, с. 265.

[102] Бил 1885, т. 1, с. 54.

[103] ТХЯ, 99, 1776; здесь назван 648 год, что является ошибкой. Ср.: ТХЯ, 100, 1796; ЦФЮГ, 970, 11б.

[104] Дэвидсон 1954, табл. 26.

[105] Сутхилл — Ходоус 1937, с. 136.

[106] *Шуй лянь.*

[107] БХЛ (ТДЦШ, 7), 71б. В ЮЯЦЦ (19, 159) этот цветок также отмечен. Ли Ши-чжэнь полагал, что он сродни кувшинке (БЦГМ, 19, 3б).

К главе VIII. Древесина (*с. 181—188*)

[1] *Dalbergia hupeana.*

[2] Чэнь Цан-ци, приведено в БЦГМ, 35а, 37а; 36, 46а; 34, 29а.

[3] Ли Хэ. Ли Пин кунхоу инь («Ли Пин играет на кунхоу». Русский перевод Л. Н. Меньшикова см.: Антология).— ЛЧЦГШ, 1, 1б, и комментарии Ван Ци; «Чжуй хэ Лю Юнь» («Вторю стихам усопшего Лю Юня»).— ЛЧЦГШ, 1, 11а.

[4] Исида Мосаку — Вада 1954, № 131.

[5] *Гуанлан* (*Arenga saccharifera*).

[6] *Баньчжу*, видимо, *Phyllostachys puberula var. boryana.* Этот вид произрастает в Центральном Китае, и я не уверен, что та вьетнамская разновидность бамбука, о которой говорится в цитате, принадлежит к этому же виду.

[7] «Сёсоин» 1928, с. 38—42.

[8] ТШ, 43а, 3733а.

[9] «Сёсоин» 1928, с. 38—42.

[10] Жернэ 1956, с. 19.

[11] Ли Хэ. Гуйчжу чжэн син юэ («Песня о принцессе, выступающей в поход»).— ЛЧЦГШ, 2, 18б.

[12] Су Гун, приведено в БЦГМ, 34, 28б. Центральная Ся — древнее название Китая.

[13] *Pterocarpus indicus.* Бэркил 1935, № 1830.

[14] *Pterocarpus dalbergoides.* Бэркил 1935, № 1829.

[15] *Pterocarpus santalinus.* Бэркил 1935, № 1832, 1833. *Pterocarpus marsupium* — другая употребительная разновидность индийского красного сандала.

[16] Юл — Бэрнел 1903, с. 789—790.

[17] Шефер 1957, с. 131.

[18] Там же. Ср.: Ли Хэ. Гань чунь («Растроган весною»).— ЛЧЦГШ, 3, 23а, и особенно комментарии XVIII в., принадлежащие Ван Ци.

[19] Исида Мосаку — Вада 1954, табл. 1 (цветная). В японской литературе красный сандал называют *ситан*, т. е. «красное розовое дерево».
[20] Исида Мосаку — Вада 1954, табл. 31.
[21] Там же, табл. 2, 20, 37, 39, 94.
[22] ЮСЦЦ, 4, 30.
[23] ЛЦЦ (ШФ, хань 78 = цэ 157, 2а). Этот источник составлен около 1000 г.
[24] Гуань-сю. Шу Шиби чань цзюй-у би («Пишу на стене чаньской обители в горах Шиби»).— ЦюТШ, хань 12, цэ 3, цз. 12, 15б.
[25] ФШЯЛ, 10, 14б.
[26] Бэркил 1935, № 753—756.
[27] Гершевич 1957, с. 317—320; Бэркил 1935, № 753.
[28] Чэнь Цан-ци, приведено в БЦГМ, 35б, 14б. Ср.: Шефер 1957, с. 132.
[29] Шефер 1957, с. 132. Тем, кто читает японские издания, следовало бы остерегаться понимания иероглифов *хуа-люй* «цветущий *люй*» как хайнаньское розовое дерево (т. е. так, как это было принято в средневековом Китае). Исида Мосаку и Вада Гунити (1954, с. 68), например, употребляют эти же иероглифы для обозначения японского слова *карин* — японская айва (*Chaenomeles* sp.). Поэтому вещи из Сёсоина, материал которых назван в описании *карин* (*хуа-люй*), могут оказаться сделанными не из розового дерева.
[30] *Santalum album*. Малайское название *chĕndana* (санскритское *чандана*) также приложимо к *Pterocarpus santalinus*, родственному красному сандалу, а малайское *chĕndana puteh* «белый сандал» иногда употреблялось для обозначения древесины *Eurycoma*; «желтый сандал» всегда относится к настоящему *Santalum*. Бэркил 1935, № 1953—1955.
[31] Прочие разновидности рода *Santalum* произрастают в Австралии и в Океании.
[32] Приведено в БЦГМ, 34, 28б.
[33] Бэркил 1935, № 1956.
[34] Ямада Кэнтаро (1957, с. 405) утверждает, что до конца танского периода Индия была главным поставщиком сандала, но начиная с сунского времени Архипелаг Цветов (и в особенности остров Тимор) поставлял Китаю бо́льшую часть ввозившегося сандала. Тем не менее свидетельства танской эпохи могут быть истолкованы и иначе; возможно, танское время следовало бы рассматривать как период, когда эта торговля велась на посреднических началах, в рамках «мировой» торговли.
[35] ЦТШ, 197, 3610а. П. Уэтли (личное сообщение) полагает, что это владение могло находиться на Борнео.
[36] БЦГМ, 34, 28б.
[37] Сведения относятся к XI в. (Хюар — Ван 1958, с. 59).
[38] Бэркил 1935, № 1955.
[39] Ли Ши-чжэнь (БЦГМ, 34, 28б) утверждает, что все предводители различных «варварских» народов юго-запада в его время умащивали свои тела сандалом.
[40] ЛЯЦ, приведено в БЦГМ, 34, 28б.
[41] Хакман 1954, с. 30.
[42] Там же.
[43] ЦШ, 8, 1095в.
[44] Шефер 1957, с. 130.
[45] Там же.
[46] Такакусу 1928, с. 466.
[47] Рейшауэр 1955а, с. 213.
[48] ЮЯЦЦ, 3, 32.

[49] Шефер 1951а (работа в целом), где воссоздана история этого обычая.

[50] Исида Мосаку — Вада 1954, табл. 74. Любопытно, что вещи из сандалового дерева — большая редкость в коллекции Сёсоина, тогда как изделия из красного сандала представлены там в большом количестве.

[51] Ли Хэ. Цзэн сэн Син-жун ‹«В дар монаху Син-жуну»›.— ЛТБВЦ, 11, 7а.

[52] ЮЯЦЦ, 1, 3; ЦЧТЦ, 216, 8б.

[53] ЦЧТЦ, 252, 6а; Бо 1937, с. 49.

[54] Рейшауэр 1955, с. 255.

[55] Вэй Чань. Юэ лу Даолиньсы ‹«Монастырь Даолиньсы на горном склоне»›.— ЦюТШ, хань 9, цэ 3, 4б — 5а.

[56] ЦюТШ, хань 11, цэ 10, цзи нюй, 8б. Я воспринимаю выражение *тань коу* (букв. «розового дерева рот») как означающее «чандановый рот» («сандаловый рот»).

[57] Бэркил 1935, № 826—832. Эти деревья также содержат гидроцианистую кислоту, широко использовавшуюся как отрава для рыбы. И. Бэркил перечисляет двадцать шесть сортов, из которых лучшим обычно считался черный, без прожилок вид *Diospyros ebenum*, распространенный в Южной Индии и на Цейлоне.

[58] ГЦЧ в БЦГМ, 35б, 41б. И. Бэркил (1935, № 826) ошибочно утверждает, что эбеновое дерево не упоминается в старинной китайской литературе до династий Сун и Юань. См. также: Пельо 1959, с. 101—102.

[59] ДТЦЛЦ, 3. Время жизни этого автора приходится примерно на 1180—1240 гг.

[60] Исида Мосаку — Вада 1954, табл. 65, 81.

[61] Там же, табл. 65, примеч.

К главе IX. Пища (с. 189—208)

[1] К. Ямада (1957, с. 2) рассматривает этот вопрос. Он употребляет термин *кояку* «благовоние-снадобье», обозначая им собирательно и благовония, и пряности, и лекарства.

[2] Ямада 1957, с. 4 и сл., где все это рассматривается.

[3] Там же, с. 4.

[4] Такакусу 1896, с. 137.

[5] ЮСЦЦ, 6, 44; 7, 49.

[6] ЛБЛИ, 6, 11.

[7] Шефер 1952, с. 161.

[8] *Scirpus tuberosus*. ШЛБЦ в ЧЛБЦ. 23, 24а.

[9] Это лишь немногие примеры из того, что перечислено в податных списках *диличжи* в ТШ.

[10] Разновидность *Zizyphus vulgaris*.

[11] *Alhagi maurorum*.

[12] По-китайски его называли «плоские персиковые косточки», хотя персидское название миндаля — *бадам* — было также известно в Китае. См.: Лауфер 1919, с. 405—409.

[13] О поступлениях из Центральной Азии см.: ТШ, 40, 3727а — 3727б; из Аннама: ТШ, 43а, 3733а. См. также о бетеле (*Areca catechu*) из Аннама: Су Гун в БЦГМ, 31, 14а.

[14] ТЛД, 18, 17а.

[15] ТЛД, 11, 9б.

[16] Лин 1958.

[17] Мэн Шэнь в БЦГМ, 25, 24а.

[18] ЦТШ, 197, 3609г.

[19] Там же, 3610а.

[20] ЦТШ, 198, 3611г.

[21] БЦГМ, 33, 20б; ЮЯЦЦ, 18, 148.
[22] ЮЯЦЦ, 18, 148.
[23] Тао Хун-цзин, приведено в БЦГМ, 33, 20б.
[24] Было также высказано предположение, что китайское **b'uo-dâu* «виноград» может происходить от греческого βότρυς «виноградная гроздь» (Исида Микиносукэ 1948, с. 246). Однако Я. Хмелевский (1958, с. 35—38) резонно возводит это заимствование к гипотетическому ферганскому **bādaga*, родственному хотано-сакскому **bātaa* «вино». Более удачная связь с греческим — приводимое Атенеем (около 200 г. н. э.) слово ϖατιακή «персидское название для „чаши"».
[25] Лауфер 1919, с. 223.
[26] ТШ, 40, 3727а.
[27] ЦФЮГ, 970, 11б; ТХЯ, 100, 1796; Лауфер 1919, с. 232.
[28] ЮЯЦЦ, 18, 149; БЦГМ, 33, 20б.
[29] Тексты этих стихотворений имеются в ЦюТШ, хань 11, цэ 10, цзи нюй, 8а — 9а.
[30] ТХЯ, 100, 1796—1797; Лауфер 1919, с. 247.
[31] ТЛЦ, 1, 25а.
[32] ХЧЛЦ, 9, 29. ⟨«Пишу на постоялом дворе Чжана Одиннадцатого три стихотворения». Стихотворение третье — «Виноград». Чжан Одиннадцатый — Чжан Шу, к которому обращена целая серия стихотворений Хань Юя; им же написана эпитафия на могиле Чжан Шу. Э. Шефер не совсем прав, когда пишет, что якобы «мы не знаем, где именно находился этот виноградник» — он должен был находиться там, где жил Чжан Шу: в Цзянлине (Южный Хэбэй), недалеко от северного берега озера Тайху.⟩
[33] Исида Микиносукэ 1948, с. 248. Приведенная строка из стихотворения, написанного Бо Цзюй-и. В ССБЦ (17, 243) наиболее значительным районом виноградарства названы Ганьсу и в особенности Дуньхуан и его окру́га.
[34] ЦИЛ, а, 42б.
[35] ШЛБЦ в БЦГМ, 33, 21а.
[36] Ду Фу. Юй му.— ЦЦЦЧДШ, 323. Буквально «женщины *цян*» и «парни *ху*».
[37] Как об этом можно судить по дуньхуанской свадебной песне (Уэйли 1960, с. 196).
[38] ЮДЧВЧ, приведено в: Харада 1939, с. 62. «Семь драгоценностей» (*ци бао*) — древний термин, неразрывно связанный с буддийскими представлениями; в современном японском языке он читается *сиппо* и означает «перегородчатая эмаль» (техника клуазоне). Этот термин часто встречается в средневековой китайской литературе, означая определенного рода многоцветные украшения, похожие на драгоценные камни. Учитывая поразительное зеркало из Сёсоина с украшенной перегородчатой эмалью тыльной стороной (поскольку его нельзя не принимать во внимание), это название, вероятно, должно обозначать простейший вид китайских традиционных эмалевых изделий, изготовлявшихся до хорошо известного введения техники западных эмалей примерно в XIV в. По дотанской и танской технологии расплавленное цветное стекло (паста) наливалось в ячейки (клуазоны) и закреплялось клеем (Блейр 1960, с. 83—93). Остроумная мысль о том, каким образом в танском керамическом производстве могла возникнуть технология изготовления выемчатых эмалей, была высказана Ф. Дэвисом (1960, с. 650).
[39] ЦИЛ, б, 37а.
[40] ТХЯ, 100, 1796—1797.
[41] Приведено в ТПЮЛ, 845, 6а.
[42] Сян 1933, с. 47.
[43] Там же, с. 48. Сян Да допускает, что это вино действительно существовало.

[44] ЦФЮГ, 971, 7б.

[45] ТШ, 2, 3637в.

[46] ЦФЮГ, 970, 12б; ТХЯ, 100, 1796—1797. Существует также сообщение о подношении «морозного» вина из Ходжо. Смысл этого выражения, которое могло бы служить в какой-то мере указанием на производство крепких напитков, не совсем ясен. См.: Лауфер 1919, с. 233, где рассматривается отрывок из «Лян сы гун цзи» в ТПЮЛ, 845, 5б — 6а.

[47] ЦФЮГ (168, 11б) отмечает прекращение поступления (несомненно, временное) этой дани в начале 837 г.

[48] Сэмпсон 1869, с. 50—54. Китайский текст стихотворения можно найти в ЛМДВЦ, 9, 5а — 5б. Заслуживает внимания, что ЧШШ, написанная псевдо-Го-Верблюдом (в ШФ, 212, 7а — 7б), которую мы уже вспоминали в связи с синими лотосами (с. 178), содержит интересные рассуждения о виноградарстве и тоже рекомендует поливать корни лозы «отваром из риса», чтобы улучшилось качество плодов. ЧШШ если и не является действительно танским сочинением, то, во всяком случае, отражает какие-то приемы, характерные для танского времени. ⟨В русском переводе стихотворения: Фэнь — река в Шаньси; область Цзинь — древнее название южной части Шаньси; доу — мера объема более 10 литров.⟩

[49] ТБЦ и ШБЦ, приведено в ЧЛБЦ, 23, 10б — 11а. Виноград *инъюй* — это *Vitis thunbergii.*

[50] «К югу от Бэйцю [Раковинной кучи]» — древнее название местности в этой провинции.

[51] ЮЯЦЦ, 18, 148—149.

[52] ЦФЮГ, 971, 15б.

[53] Фармаколог Сяо Бин рассказывает о черных шестиугольных миробаланах, привозившихся «персидскими кораблями»; однако его сведения помещены в БЦГМ (35б, 39а) под китайско-санскритским названием миробалана *харитаки* — «пятиконечный». Здесь где-то допущена ошибка, возможно, Ли Ши-чжэнем.

[54] Юл — Бэрнел 1903, с. 607—610; Вайман 1954, с. 64.

[55] Лауфер 1915а, с. 275—276. Для санскритского названия миробалана *харитаки* Б. Лауфер приводит тохарское **arirāk*, для санскритского названия миробалана *вибхитаки* — тохарское **virirāk*. Обе реконструкции опираются на китайское звучание **xâ-liei-lək* (или **xâ-lji-lək*) и **bji-lji-lək*. К сожалению, он не дает тохарской формы для китайского **â-ma-lək* или **âm-muâ-lək* (санскритское *амалаки*); по-видимому, она могла бы выглядеть как **amalāk*. Чэнь Цан-ци (в БЦГМ, 31, 13б) приводит китайскую транскрипцию еще одного названия последнего из этих трех видов миробалана, очевидно индийского. Существовало также название миробалана, которое выглядит как собственно китайское его название — *юй гань* (со значением «сладость от избытка»); по толкованию Чэнь Цан-ци, его следует понимать в том смысле, что миробалан *амалаки* сперва кажется на вкус горьковатым, а потом оказывается сладким. Именно это название — *юй гань* — приводится в сообщении о дани от тюргешей и др., упомянутой выше.

[56] Вайман 1954, с. 64. Китайское название (очевидно, тоже тохарского происхождения, если на него можно распространить аргументы Б. Лауфера) легко спутать с **am-la* (передача санскритского *амра* «манго»); и действительно, такую ошибку совершает Асахина Ясухико (1951, с. 491), принимая первое за второе. В этой же работе перепутаны миробалан *харитаки* с миробаланом *вибхитаки*.

[57] Их латинские названия соответственно: *Phyllanthus emblica, Terminalia bellerica, T. chebula.* Существует значительное количество тропических деревьев, принадлежащих к этой группе; их отличительная особенность — присутствие в их тканях таннида, придающего вяжущий вкус

плодам. Бэркил 1935, № 2134, 2135. ⟨Русские названия для разных видов миробаланов не устоялись. Для миробалана эмблика (*амалаки*) в научной литературе употребляются названия: «филлантус лекарственный» или «эмблика лекарственная»; более обиходное название этого вида — «серые миробаланы». Следует отметить, что само слово «миробалан» (от греческих μύρον «благовонное масло» + βάλανος «желудь») не имеет значения систематизационного термина в современной ботанической классификации (серые миробаланы относятся к семейству молочайных; миробаланы беллерика и миробаланы чебуля, или черные миробаланы,— к семейству комбретовых). Обстоятельной консультацией по этому вопросу переводчики обязаны М. Э. Кирпичникову (Ботанический институт им. В. Л. Комарова АН СССР) и И. М. Дьяконову, через любезное посредничество которого эта консультация была получена.⟩

[58] Бэркил 1935, 2135.

[59] Вайман 1954, с. 67.

[60] Бэркил 1935, 2135.

[61] Приведено в БЦГМ, 31, 13б.

[62] Приведено в БЦГМ, 35б, 39а. См. также: Хюар — Ван 1958, с. 56.

[63] Такакусу 1928, с. 466.

[64] Асахина 1955, с. 491, 494.

[65] Приведено в БЦГМ, 31, 13б.

[66] Там же.

[67] ГШП (ТДЦШ, 4), 56б. Ср.: Сян 1933, с. 47.

[68] ЮП, 62а — 67б.

[69] Бао Цзи. Бао бин се Ли Ли-бу цзэн хэ-ли-лэ е.— ЦюТШ, хань 3, цэ 9, 4а.

[70] ЦФЮГ, 970, 12а; ТХЯ, 100, 1796 и 1789. См.: Лауфер 1919, с. 392—398, где разбирается вопрос об этой стране. Такую характеристику Непалу давал Сюань-цзан (см.: Бил 1885, т. 2, с. 80—81).

[71] Ли Ши-чжэнь в БЦГМ, 27, 34а.

[72] Приведено в БЦГМ, 27, 34а.

[73] ЦФЮГ, 970, 12; ТХЯ, 100, 1796.

[74] ЧШШ (ШФ, цэ 212, 12а). Б. Лауфер (1919, с. 392) принимал этот источник за достоверно танский.

[75] Приведено в БЦГМ, 16, 22а.

[76] См. замечания Ли Ши-чжэня в БЦГМ, 16, 22а.

[77] ЦФЮГ, 970, 12а; ТХЯ, 100, 1796. В ЦФЮГ стоит «сладкий» там, где в ТХЯ «белый». Приводится и иноземное название, которое Б. Лауфер (1919, с. 303—304) отождествляет со среднеперсидским *gandena*, возможно означающим шаллот; однако перевод Б. Лауфера в некоторых отношениях неточен.

[78] ЦФЮГ, 970, 12а; ТХЯ, 100, 1796; Лауфер 1919, с. 401. Рассуждения Б. Лауфера по поводу древности цикория в Китае кажутся здесь неуместными. В Китае издревле существовал «горький лиственный овощ» (т. е. латук); см.: БЦГМ, 27, 35б. «Китайско-санскритский словарь» в качестве индийского эквивалента дает *какамачи*, которое П. Пельо определяет как *Solanum indicum* (Багчи 1929, с. 88, 301).

[79] ЦФЮГ, 970, 12а; ТХЯ, 100, 1796. Б. Лауфер (Лауфер 1919, с. 400—402) предлагал различные варианты отождествления этого растения, ни одно из которых не кажется убедительным.

[80] ЦФЮГ, 970, 12а; ТХЯ, 100, 1796; Лауфер 1919, с. 402. Б. Лауфер высказал предположение, что это салатный сельдерей или петрушка.

[81] ЦФЮГ, 971, 15б; Чэнь Цан-ци, приведено в БЦГМ, 18б, 46б.

[82] Лауфер 1919, с. 399—400.

[83] *Pinus koraiensis.*

[84] Ли Сюнь, приведено в БЦГМ, 31, 14а; Сяо Бин, приведено там же.

[85] Лауфер 1919, с. 247—250, 410—414.

14 Заказ № 2366

[86] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 30, 11б.

[87] Ли Сюнь в БЦГМ, 30, 11б. Возможную этимологию переданных китайскими иероглифами персидских названий см.: Лауфер 1919.

[88] ЮЯЦЦ, 19, 160. Б. Лауфер (1919, с. 270) упоминает это растение, но не делает попытки отождествить его.

[89] Лауфер 1919, с. 414—419, опираясь на ЮЯЦЦ, 18, 152.

[90] *Canarium album* и *C. pimela*.

[91] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 26, 33б. Б. Лауфер (Лауфер 1919, с. 383) думал, что это был тмин, но я полагаюсь на Ямаду Кэнтаро (Ямада 1957, с. 468) и других новых авторов. ⟨Тем не менее точное соответствие переданного по-китайски названия новоперсидскому *зира* «тмин» не позволяет отказаться от мнения Б. Лауфера.⟩

[92] Лауфер 1919, с. 383—384.

[93] Приведено в БЦГМ, 26, 33б.

[94] ЦФЮГ, 971, 12а. Слово, переведенное здесь «маринованное мясо»,— это *ла*, которое имело такое значение в сунское время; я допускаю здесь, что оно имело то же значение уже при Тан.

[95] *Mugil cephalus* — разновидность серого лобана, резко отличного от красного лобана. Китайское название для первого — *цзы*.

[96] Вероятно, также и в Янцзы. «Шкуры лобана», применение которых неизвестно, посылались ко двору в качестве «местной дани» от Сучжоу (ТШ, 41, 3728а).

[97] ЦФЮГ, 971, 8а.

[98] ЛБЛИ, б, 17.

[99] ЦФЮГ, 971, 12б.

[100] По-китайски *куньбу*, но это явно некитайское слово. Не ясно, является ли айнское *котро* — форма, которую я здесь употребил,— родным для языка айнов или же представляет собой заимствование и в их языке (см.: Рамстэдт 1949, с. 123). Эти морские водоросли будут рассмотрены в разделе «Морские водоросли» в гл. XI.

[101] Приведено в БЦГМ, 46, 38а.

[102] Я обязан этой идентификацией Г. Ледьярду.

[103] *Zanthoxylum*.

[104] Бэркил 1935, 2284—2285.

[105] *Zanthoxylum piperitum*.

[106] Чжэнь Цюань, приведено в БЦГМ, 32, 16б.

[107] ЮЯЦЦ, 18, 148.

[108] Су Гун в БЦГМ, 32, 16б.

[109] Ямада 1957, с. 22—23.

[110] См. статьи *цзяо цзю* «перцовое вино» и *цзяо сюй* «перечный священный рис / священное вино» в любом из стандартных энциклопедических словарей. Я обнаружил упоминания об использовании перцового вина в Новый год для ханьского и для сунского периодов, что как бы берет «в вилку» танскую эпоху.

[111] Ямада 1957, с. 22—23.

[112] Так сообщает ЕХЦЧ (приведено в ПВЮФ, 771б, и в ТШЦЧ, статья о перце — *цзао му*, 250), но мне не удалось установить подлинник, из которого взяты эти выдержки. В СФ (113, цэ 225) и в ГЦШХ имеется танская «Е хоу вай чжуань», но в ней этого места нет.

[113] Стихотворение без заглавия.— ЦюТШ, хань 12, цэ 1, 21б.

[114] Хань Юй. Чу нань ши и Юань Ши-ба се люй ⟨«За первой трапезой на юге отвечаю на стихи Юаня Восемнадцатого»⟩.— ХЧЛЦ, 2 (цз. 6), 69.

[115] В дополнение к поддающимся определению перцам, ввозившимся в танское время, следует также обратить внимание на «едко пахнущее снадобье», которое было среди необычных растений, присланных из Непала в 647 г. Его описывали так: видом оно как орхидея; оно остается

зеленым в морозную зиму; его собирают, сушат и толкут в порошок; по вкусу оно как перец *гуй*; его корни могут вылечивать «болезни дыхания» (ЦФЮГ, 970, 12а; ТХЯ, 100, 1796). Возможно, это был тоже какой-то перец.

[116] Санскритское «перец». В нашем тексте **muâi-lji-tsie*, возможно, от женского рода на *-и*.

[117] ЮЯЦЦ, 18, 152.

[118] Бэркил 1935, 1746—1751.

[119] Там же.

[120] Лауфер 1919, с. 374.

[121] Су Гун в БЦГМ, 32, 17б.

[122] Лауфер 1919, с. 374.

[123] ТШ, 145, 3994г.

[124] Бэркил 1935, 2285.

[125] ШЛБЦ, приведено в БЦГМ, 32, 17б.

[126] Ли Сюнь, приведено в БЦГМ, 32, 17б.

[127] *Piper longum = Chavica roxburghii.*

[128] По-китайски транскрибировано **piet-puât-lji*. Это название встречается в ЮЯЦЦ, 18, 152; там же приводится еще одно название, как будто бы римское.

[129] См.: Бэркил 1935, № 1744—1745, где приводятся другие индийские названия.

[130] Там же, № 1746—1751. Существует также яванский длинный перец (*Piper retrofractum*), еще более жгучий, чем индийский длинный перец и чем черный перец; он служит для приготовления маринадов и кэрри и имеет значение в медицине. Его в большом количестве вывозят в Китай (там же, № 1751—1752). Легко предположить, что эта приправа также попадала в Китай в средние века под теми же самыми названиями, что и индийские перцы.

[131] Там же, № 1744—1745.

[132] ЮЯЦЦ, 18, 152.

[133] Су Гун, приведено в БЦГМ, 14, 37а.

[134] Су Сун, приведено в БЦГМ, 14, 37а.

[135] Чэнь Цан-ци, приведено в БЦГМ.

[136] ТЦШЛ, приведено в БЦГМ.

[137] *Piper betle* или *Chavica betel.*

[138] Бэркил 1935, № 1737—1742. Более подробно о бетеле см.: Пензер 1952, с. 187—300. Лучшие листья для жевания — те, что находятся на верхних ветвях; нижние листья более низкого качества и используются главным образом в медицине. Их «букет» улучшают путем отбеливания на солнце.

[139] Пензер 1952, с. 274.

[140] Су Гун и ШЛБЦ в БЦГМ, 14, 37а.

[141] Ли Сюнь, приведено в БЦГМ, 14, 37а.

[142] Приведено в БЦГМ, 14, 37а.

[143] *Piper cubeba.* Незрелые ягоды используют высушивая.

[144] Чэнь Цан-ци, приведено в БЦГМ, 32, 17б. Су Сун (приведено в БЦГМ, 32, 17б) сообщает, что он рос в округе Гуанчжоу в XI в.

[145] Ямада 1959, с. 139.

[146] Бэркил 1935, № 1743—1744.

[147] Это санскритское слово относится к *Emelia ribes* (Лауфер 1915в, с. 282 и сл.).

[148] Приведено в БЦГМ, 32, 17б.

[149] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 32, 18а. *Кубеба* воздействует на слизистые ткани мочеполового тракта и может использоваться как мочегонное средство; в Гоа в XVI в. ее употребляли как средство, возбуждающее половую активность (Бэркил 1935, 1743—1744).

[150] *Brassica juncea.* Сведения о ней и о других разновидностях восточ-

ной горчицы см.: Бэркил 1935, 358—363. Наша столовая горчица — это *B. nigra*.

[151] *Brassica* [= *Sinapis*] *alba*. И. Бэркил (1935, 358—363) сообщает, что она «растет в Китае как сорная трава».

[152] ШБЦ в БЦГМ, 26, 29б.

[153] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 26, 29б. Ср.: Лауфер 1919, с. 380.

[154] Сунь Сы-мяо, приведено в БЦГМ, 26, 29б.

[155] ТШ, 40, 3726а.

[156] ТШ, 41, 3727б; 41, 3728а.

[157] Чжэнь Цюань в БЦГМ, 39, 5а.

[158] Су Гун, приведено в БЦГМ, 39, 4б. Фармакопея называет его «земляной мед» и иногда «каменный мед», т. е. мед, взятый среди камней. К сожалению, «каменный мед» может также иметь значение «мед, подобный камню», т. е. крепкие куски сахара. Это служит причиной для часто встречающейся путаницы. См. ниже.

[159] Ши Шэн-хань 1958, с. 77—79.

[160] Бэркил 1935, 1932—1933.

[161] Там же, 1925.

[162] ЖЧСБ, 6, 48—49.

[163] О местной подачи из этих областей см.: ТШ, 40, 3725в; 41, 3728в; 42, 3729г — 3730г. Дань из Сычуани так и называлась — «тростниковый сахар», и, похоже, сахар там умели получать еще до покорения Сычуани Китаем.

[164] ЖЧСБ, 2, 19. Хун Май, уже с высоты положения сунского времени, рассматривает исторические примеры высоких цен на тростниковый сахар на севере и ссылается на этот случай как на один из фактов.

[165] Сутхилл — Ходоус 1957, с. 195.

[166] ТШ, 222б, 4160г.

[167] См.: НФЦМЧ.

[168] БЦГМ, 33, 21б. Они назывались [*суань*]-*ни тан*.

[169] ТШ, 39, 3723.

[170] ТШ, 41, 3728б.

[171] ТШ, 41, 3729б.

[172] Су Гун в ЧЛБЦ, 20, 3а.

[173] Су Гун в БЦГМ, 33, 21б.

[174] Мэн Шэнь в БЦГМ, 33, 21б; ШБЦ в ЧЛБЦ, 23, 28а. Су Гун считает, что кусковой сахар с юга более высокого качества, чем сычуаньский; сахару с юга отдавал предпочтение и императорский двор, что подкрепляет мнение Су Гуна. Но Мэн Шэнь считал лучшим кусковой сахар, который изготовлялся в Сычуани и в Персии.

[175] ТШ, 221б, 4153г; ЦФЮГ, 971, 19а.

[176] ТШ, 221б, 4153г.

[177] ЦФЮГ, 970, 12а — 12б; ТХЯ, 100, 1796.

[178] В танском словаре в качестве эквивалента этого названия встречается индийская форма *гуну* (санскритское *гуда*). См.: Багчи 1929, с. 90.

[179] Бэркил 1935, № 1934.

[180] Бэркил 1935, № 1935, где говорится, что арабы изготовляли очищенный сахар в VII в.

[181] При династии Сун его называли также *тан бин* «сахарный лед».

[182] Эта история рассказана Хун Маем в ЖЧСБ, 6, 49. Из только что приведенного выше обзора истории очистки сахара в Китае я обязан многим Хун Маю и его соображениям. Ср.: Сида 1957, с. 126.

К главе X. Ароматические вещества (с. 209—235)

[1] К. Ямада (1957, с. 22) полагает, что, каково бы ни было использование ароматических веществ на Дальнем Востоке, благовония в меньшей

мере служили здесь для умащивания тела, чем на Западе. Он объясняет это тем, что у представителей монголоидной расы тело издает сравнительно менее сильный запах, тогда как резкий запах кавказских и среднеазиатских народов неоднократно отмечали в средние века. Но в действительности китайцы в древности и в средние века душили свое тело весьма обильно.

[2] ЦЧТЦ, 225, 5а.

[3] ЦТШ, 18б, 3130б.

[4] ЦЧТЦ, 220, 3а. Комментарии Ху Сань-сина по поводу «стола благовоний», устроенного на приеме в 757 г. Ср.: ТШ, 23а, 3678в — 3678г. На столе стояли *сюнь лу* «кадящие курильницы».

[5] МЦБТ, 1, 5.

[6] ЦТВ, 288, 7б.

[7] «Стручки для омовения» — похожий на мыло состав, основу которого составлял горох (Шао Шо. Вэй Го-лин гунсе ла-жи сы сян яо бяо («Доклад трону о благодарности Вэй Го-лина за пожалованные ему в день зимнего солнцестояния благовонные снадобья»).— ЦТВ, 452, 12б).

[8] ЦЧТЦ, 215, 5б.

[9] Пельо 1904, с. 231, примеч. 2; Кёдес 1948, с. 89; Ван Гун-у 1958, с. 68; Уэтли 1961а, с. 32 и сл.

[10] ТД, 188, 1009в и 1010в.

[11] Сутхилл — Ходоус 1937, с. 319.

[12] КЮТБИШ (ТДЦШ, 3), 40б.

[13] См. стихотворение Хань Во (X в.) «Воспеваю омовение» («Юн юй»): ЦюТШ, хань 10, цэ 7, 4, 5б.

[14] ЦИЛ, б, 59а.

[15] ЦИЛ, а, 37а. Ежевика (*Rubus rosifolius* или *R. commersonii*) — это *туми*, а магнолия (*Magnolia fuscata*) — *хань сяо*. Я не смог идентифицировать вещество, названное *сы цзюэ*, условно переведенное «четыре исключительных». Оно упоминается в другом месте в ЦИЛ (б, 61б) как китайское курение наряду с *сань юнь* «три равные части».

[16] КЮТБИШ (ТДЦШ, 3), 40б.

[17] ДЯЦБ (ТДЦШ, 2), 33б.

[18] КЮТБИШ (ТДЦШ, 3), 47а.

[19] *Rose mallow* («розовая мальва») происходит от санскритского названия *раса мала* «благоухающая гирлянда» (Юл — Бэрнел 1903, с. 770).

[20] Знаменитое «линлинское благовоние» (*линлин сян*) — видимо, какая-то особенно душистая разновидность *Ocimum basilicum* (*лолэ*), возможно разводившаяся в каких-то местностях Китая. Но не исключена возможность, что это была *Ocimum sanctum* «священная базилика», посвященная Вишну, которая широко распространена в тропических областях Азии.

[21] ТЛД, 20, 18а — 18б.

[22] *Cymbopogon* [=*Andropogon*] *nardus* или близкородственные виды. «Лимонная трава» — это одна из «шелковых трав», называющаяся по-китайски *мао*. «Белая шелковая трава» ввозилась из Аннама и являлась, очевидно, какой-то иной разновидностью. См. статью в БЦГМ, 14, 40а.

[23] Чэнь Цан-ци и Ли Сюнь, приведено в БЦГМ, 14, 40а.

[24] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 51а, 31а.

[25] ЦФЮГ, 971, 10а — 10б.

[26] Там же, 5б.

[27] ЦТШ, 198, 3614б.

[28] В Китае некоторые привозные ароматические вещества в отличие от их применения в других странах рассматривались скорее как лекарства, а не как курения и благовония; примером может служить, в частности, мирра. См.: Ямада 1957, с. 25; Хюар — Ван 1958, с. 58. В послед-

ней работе отмечается совпадение между пятью главными благовониями мусульманской Испании (мускус, камфора, алоэ, серая амбра и шафран) и пятью благовонными снадобьями Азии (и в том числе Китая). Но это сопоставление неправомочно; серая амбра играла в китайской медицине весьма скромную роль, незначительное место в ней занимал и шафран.

[29] ЦФЮГ, 972, 7а; ЦТШ, 15, 3111б. Читатели, интересующиеся средневековыми названиями курений, пряностей и т. п., могут обратиться к сочинению «Суварнапрабхаса-сутра», переведенному И-цзином под названием «Цзинь гуанмин цзин». Там приведены названия (параллельно санскритские и китайские) тридцати двух веществ, употреблявшихся для ритуального очистительного омовения. См.: ТСДДК, XVI, № 665, с. 435.

[30] Бо Шоу-и 1937, с. 48—49.

[31] ЦИЛ, 6, 61б.

[32] «Потерянный рай», IV, ст. 248.

[33] *Сянь шу*. ЮЯЦЦ, 18, 148.

[34] БЦГМ, 14, 40б.

[35] *«Последние прибежища»* 1956, XII, с. 131.

[36] Ямада 1957, с. 26; ССБЦ, 12, 108—109.

[37] СП, 6, 28.

[38] *Бо-хэ сян*. Это обозначение встречается в одном из двустиший «Старых стихов» (*гу ши*), где описывается смесь из шафрана, стиракса и посконника.

[39] «Цзи ши» ⟨«Приступая к делам (стихотворение первое)»⟩.— ЦЦЦЧДШ, 430.

[40] Цюань Дэ-юй. Гу юэфу ⟨«Древняя песня-юэфу»⟩.— ЦюТШ, хань 5, цэ 8, цз. 9, 3б. ⟨Утки-неразлучницы — символ верной супружеской пары, широко распространенный мотив в китайской орнаментике.⟩

[41] Ямада 1957, с. 336 и 361.

[42] ЦФЮГ, 971, 6а; ТХЯ, 90, 1773; ТШ, 221б, 4154г. В ЦФЮГ написано «триста». В ТХЯ и ЦФЮГ сказано «западные [хуские] снадобья». Китайская транскрипция — *kân-d'â-b'uâ-lâ*. Восстановление **гандхабхада* ничего не объясняет, но слово *гандхапхала* хорошо известно. Э. Шаванн ошибочно принял **b'uâ за *sâ*, что заставило его прибегнуть к лишенным реальной почвы рассуждениям по поводу того, что могла собой представлять «благовонная эссенция» *гандхасара* (Шаванн 1903, с. 158).

[43] КЮТБИШ, 3, 71а.

[44] Бо Шоу-и 1937, с. 49.

[45] Юй Цзянь-у. Фэн хэ чунь е ин лин ⟨«Ответ, в котором я вторю песне о весенней ночи»⟩.— ЮДЧЦ, 29б.

[46] Ван Цзянь. Сян инь ⟨«Печати из благовоний»⟩.— ЦюТШ, хань 5, цэ 5, цз. 5, 2а. Ср.: СП (6, 22), где описываются «курение ста делений» и «курение знаков на печатях» времени династии Сун.

[47] ЦИЛ, 6, 59а.

[48] Ямада 1957, с. 330. См. также: «Сёсоин» 1928, XI, табл. 22—26, 27—31.

[49] Дуань Чэн-ши. Цзэн чжу шан жэнь лянь чжу ⟨«Дарю эти стихи святым людям»⟩.— ТШБМЦЦЦ, цэ 25, 4б.

[50] Ли Хэ. Шэнь сянь ⟨«Струны духов»⟩.— ЛЧЦГШ, 4, 21а — 22а ⟨тун-тун — название большого барабана; бумажные деньги — золоченые бумажные кружки, сжигаемые при жертвоприношениях; «тоска в разлуке» — красное дерево с прожилками, из которого делали лютни и медиаторы; луань — один из видов фантастических птиц — фениксов; Чжуншань — горы на юге провинции Шэньси.⟩

[51] КЮТБИШ (ТДЦШ, 3), 54б. По поводу «семи драгоценностей» см. примеч. 38 к гл. IX. Эти курильницы назывались *бо шань лу*. Считалось, что они были изобретены при Хань, но теперь оказывается, что они вос-

ходят к чжоускому времени; мы располагаем бронзовым экземпляром, богато украшенным самоцветами, который относится к V—III вв. до н. э. (Уэнли 1948, с. 8). Более общее название для благовонных курильниц — *сян лу* или *сюнь лу* «кадящие курильницы».

52 ЧЕЦЦ, 3, 97.

53 См., например: Сюй Инь. Сян Я.— ЦюТШ, хань 11, цэ 1, 2, 3а, где говорится о «ста смешениях», дымящихся в ее клюве.

54 См., например, стихотворения Ли Хэ «Гун ва гэ» 〈«Песня дворцовой красавицы»〉 (ЛЧЦГШ, 3, 22б) и «Да цзэн» 〈«Ответный дар»〉 (ЛЧЦГШ, 3, 21а), а также комментарий Ван Ци. Или стихотворение Вэнь Тин-юня «Чапъань сы» (ЦюТШ, хань 9, цэ 5, 3, 2а). Существуют хранящиеся в Сёсоине округлые чаши с плоским дном, служившие курильницами для благовоний. Они делались из белого мрамора и из бронзы (См.: «Сёсоин» 1928, VII, табл. 26—30). Их китайское название мне неизвестно.

55 Ли Шан-инь. Шао сян цюй 〈«Песня о зажженных курениях»〉.— ЦюТШ, хань 8, цэ 9, цз. 3, 34а.

56 Ямада 1957, с. 328—329. Изображение курильницы-кадила из бронзы с длинной ручкой, которая происходит из Центральной Азии и относится ко II в., см.: фон Лекок 1925, рис. 14. А. фон Лекок сопоставляет ее с египетскими курильницами. Курильницы-кадила с длинными ручками представлены в живописи из Дуньхуана, открытой А. Стейном, и в руках лоханей в пещерах Лунмэня и Тяньлуншаня.

57 Ямада 1957, с. 328—329; «Сёсоин» 1928, XI, табл. 32—37.

58 Ямада 1957, с. 329—330; «Сёсоин» 1928, III, табл. 43—47; VII, табл. 23—25. К. Ямада прослеживает их до первого упоминания «Сицзин цза цзи» 〈«Заметки о Западной столице»〉, где говорится, что они были изготовлены ханьским мастером. «Кадящие корзины» по-китайски — *сюнь лун*.

59 Ван Цзянь. Гун цы 〈«Дворцовая песня»〉.— ЦюТШ, хань 5, цэ 5, цз. 6, 4а; другое упоминание: там же, с. 9а.

60 «Юньси юй-и» 〈«Дружеские беседы на берегах Юньси»〉 цитируется в: Бо Шоу-и 1937, с. 48.

61 ТБЦ в ЧЛБЦ, 9, 36а.

62 Бо Шоу-и 1937, с. 48.

63 Стихотворение без названия.— ЦюТШ, хань 12, цэ 1, 17б. 〈Шу — древнее название современной провинции Сычуань; лица, свежие, как у бессмертных — по даосским представлениям, достигшие бессмертия имеют свежий цвет лица, как у отрока; земли, где нет треволнений — высшие сферы буддийских небес, где обитают достигшие прозрения и навеки избавившиеся от треволнений этого мира.〉

64 Чжан Сяо-пяо. Шаонянь син 〈«Песня о юноше»〉.— ЦюТШ, хань 8, цэ 4, 8а.

65 ТЛД, 22, 14б.

66 ТШ, 76, 3869б. Существует также стихотворение на эту тему, написанное Чжан Ху, «Тай-чжэнь сян нанцзы» 〈«Мешочек с благовониями, принадлежавший Тай-чжэнь»〉 (ЦюТШ, хань 8, цэ 5, цз. 2, 18б). Этот поэт IX в. написал много стихотворений, посвященных времени Сюаньцзуна, на такие сюжеты, как музыкальные инструменты, песни, праздники и танцы (в том числе несколько стихотворений о чачских танцах). Хун Май (в ЖЧСБ, 9, 89) отмечает значение этого автора, сохранившего много сведений о такого рода обычаях.

67 См.: Исида Мосаку — Вада 1954, а также: Ямада 1957, с. 490—491.

68 О них упоминается, например, у Чжан Ху в «Пэй Фаньсюаньчэн Бэйлоу е янь» 〈«Участвую в ночном пире в Северной башне города Фаньсюаньчэн»〉 (ЦюТШ, хань 8, цэ 5, цз. 1, 10б). Полагают также, что ма-

ленькие шкатулки с крышками, хранящиеся в Сёсоине, служили коробочками для благовоний. См.: Ямада 1957, с. 330.

[69] Юл — Бэрнел 1903, с. 335. ⟨К *агару* в конечном счете восходит и русское «алоэ»; менее употребительный русский синоним «сабур» явно иного происхождения.⟩

[70] Главным образом индокитайская *Aquilaria agallocha*, из остальных — *A. malaccensis* (Малайя), *A. moszkowskii* (Суматра) и *A. grandiflora* (Хайнань). Различные представители рода *Gonystylus* (Борнео и Суматра) могут служить для подмены подлинного алоэ (Бэркил 1935, № 198—201).

[71] Бэркил 1935, № 197—199.

[72] ТД, приведено в ЧЛБЦ, 12, 48б.

[73] Чэнь Цан-ци, приведено в БЦГМ, 34, 27б. Ср. слова Су Гуна, приведенные там же. Другая разновидность называлась «благовоние **dz'an*». См.: ТД, приведено в ЧЛБЦ, 12, 48б.

[74] Хурани 1951, с. 63.

[75] ТШ, 43а, 3731а.

[76] Ее также поставлял округ Хуаньчжоу в Анname (ТШ, 43а, 3733а).

[77] ЦФЮГ, 971, 17а; это событие имело место в 749 г. См. также: ЦФЮГ, 971, 10б (под 734 г.), и ТХЯ, 98, 1751.

[78] Эмонье 1891, с. 276—280.

[79] Ли Сюнь, приведено в БЦГМ, 34, 27б; ср.: Хюар — Ван 1958, с. 59.

[80] Бэркил 1935, № 198, где отмечается медицинское применение курений из алоэ в раннесредневековой Индии.

[81] Соважэ 1948, с. 6.

[82] Ли Хэ. Гуй гунцзы е лань цюй ⟨«Песня знатного юноши на исходе ночи»⟩.— ЛЧЦГШ, 1, 12б.

[83] ЮСЦЦ, 1, 7. Это те же женщины, которые, как отмечалось, смазывают волосы шафрановым маслом.

[84] Бо Шоу-и 1937, с. 49, где цитируется ЧЕЦЦ, 3, 37.

[85] *Abrus precatorius*. Исида Мосаку — Вада 1954, № 51.

[86] Исида Мосаку — Вада 1954, № 52.

[87] Его имя передается как Ли Су-ша; оно выглядит в целом или частично как транскрипция чужеземного имени.

[88] ТШ, 78, 3871г; ЦЧТЦ, 243, 8б; Бо Шоу-и 1937, с. 52. Упрек исходил от Ли Ханя, члена императорской семьи.

[89] СП, 6, 21; КЮТБИШ, 3, 71а.

[90] Бэркил 1935, 202.

[91] Там же, 754—755; Шефер 1957, с. 134. Это растение — *Dalbergia parviflora*.

[92] Ли Сюнь, приведено в БЦГМ, 34, 28б.

[93] Шефер 1957, с. 134.

[94] Цао Тан (IX в.). Сун Лю цзун ши чжи Чжаоцюэтин ⟨«Посылаю почитаемому наставнику Лю при поклонении во дворе Чжаоцюэтин три стихотворения» (стихотворение третье)⟩.— ЦюТШ, хань 10, цэ 2, цз. 1, 5б.

[95] Ли Сюнь, приведено в БЦГМ, 34, 28б.

[96] *Canarium album* или *C. pimela*.

[97] Китайское название — «сахар *ганьлан*».

[98] ТШ, 43а, 3731б. Древнекитайская форма для *trâm* — **tśi̯am*.

[99] *Canarium copaliferum*.

[100] Его туземное название — *trâm trăng* «белое канари».

[101] Крево 1925, с. 28; на с. 28—29 дается полный обзор сведений об этом веществе.

[102] ТБЦ, приведено в БЦГМ, 34, 31а.

[103] *Cinnamonum camphora*.

[104] *Dryobalanops aromatica*.

[105] Бэркил 1935, № 338.

[106] Там же, № 546 и 862—846. См. также: Хань Вай-дунь 1941, с. 3—17, и Пензер 1952, с. 196. Камфорное дерево с недавнего времени приобрело более высокую коммерческую ценность, чем сама камфора (Бэркил 1935, 548 и 864). Классификация видов камфоры в работе Хюар — Ван 1958, с. 59 содержит такую путаницу, что оказывается бесполезной.

[107] *Полюй гао.*

[108] См.: Юл — Бэрнел 1903, с. 69, 151—153; Пельо 1904, с. 341—342; Хирт — Рокхилл 1911, с. 194; Лауфер 1919, с. 478—479; и в особенности Пельо 1912а, с. 474—475.

[109] ЮЯЦЦ, 18, 150.

[110] Су Гун в БЦГМ, 34, 31а.

[111] Ли Сюнь в БЦГМ, 34, 31а. Камфорное масло производилось в Китае в новое время (Брайант 1925, с. 230).

[112] Су Гун (в БЦГМ, 34, 31а) в связи с камфорой приводит название *полюй*, Дуань Чэн-ши (ЮЯЦЦ, 18, 150), очевидно, по ошибке — *поли*. Принято считать, что *полюй* — это на самом деле Барос, а *поли* — это Бали.

[113] ЮЯЦЦ, 18, 150.

[114] Сутхилл — Ходоус 1937, с. 335, где транскрипция названий у Сюань-цзана приведена в соответствие с Эйтелем.

[115] ДТСЮЦ, цз. 10 (без пагинации).

[116] ТШ, 222в, 4159г. Ср.: Бэркил 1935, 866: «Малайцы употребляют ее при ритуальном очищении тела покойного... и так же поступают жители Суматры. Тело раджи Батака может сохраняться в камфоре до тех пор, пока не настанет благоприятный момент для его погребения».

[117] Дагон передается как *[*Nəu-*]*d'ā-γuān*. ЦТШ, 197, 3610а; ЦФЮГ, 970, 11б; ТХЯ, 99, 1779.

[118] ТШ, 221а, 4153в; ЦФЮГ, 970, 9б.

[119] ЦФЮГ, 971, 5б.

[120] Юл — Бэрнел 1903, с. 151—152.

[121] Су Гун, приведено в БЦГМ, 34, 31а.

[122] ЮЯЦЦ, 1, 2. В другой версии этого рассказа, которая содержится в ДЧВЧ (ТДЦШ, 13), 77а, делается упор на менее идиллическое обстоятельство: супруга Ян послала три фигурки из десяти с тайным посыльным на верблюде своему знаменитому любовнику Рокшану.

[123] Бо Шоу-и 1937, с. 49, где цитируется ЦИЛ, 6, 35б.

[124] ТБЦ, приведено в БЦГМ, 34, 31а.

[125] Чжан Гао, приведено в БЦГМ, 34, 31а.

[126] Сен 1945, с. 85—86.

[127] Шефер 1954, с. 16, 78.

[128] ЦИЛ, 6, 52б.

[129] ЦИЛ, 6, 58а.

[130] *Styrax officinalis*. По-китайски стиракс — *сухэ*.

[131] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 34, 30б; ЮЯЦЦ, 16, 131.

[132] Чэнь Бяо (около 831 г.). Цинь ван цзюань и ⟨«Кружение одежд у циньского вана»⟩.— ЦюТШ, хань 8, цэ 4, 2а. ⟨Правитель Цинь — Ши-хуан, император династии Цинь (246—207 гг. до н. э.); жемчужного дерева ветви — имеются в виду потомки императора: древо его рода поднимается к самому Небу; цзяосяо — тонкий шелк, не намокающий в воде; Сяньян — столица династии Цинь. В танское время давно уже лежала в развалинах. Находилась вблизи танской столицы Чанъань, к северу от нее.⟩

[133] Он являлся продуктом индонезийского *Altingia excelsa* (=*Liquidambar altingiana*) и тонкинского *Altingia gracilipes*. Лауфер 1919, с. 456—460; Бэркил 1935, № 117—118. Чэнь Цан-ци различает эти два

вещества, но Су Гун, хотя и отмечает, что стиракс поступает и с Запада и из Индонезии, ограничивается описанием только твердого пурпурного стиракса.

[134] *Ди гао.* ЮН, 62а — 67б.

[135] Ли Дуань. Чунь ю лэ («Радости весенней прогулки»).— ЦюТШ, хань 5, цэ 3, цз. 1, 1а. Здесь пальма *пукуй* — это веерная пальма *Livistona chinensis.*

[136] *Аньси* [**ân-siək*] *сян.*

[137] *Balsamodendron hook* и *B. roxburghii.* Ямада 1954, с. 14—15; Ямада 1956, с. 231—232.

[138] *Styrax benzoin.* Лауфер 1919, с. 464—467; Ямада 1954, с. 2.

[139] Ямада 1954, с. 7.

[140] Там же, с. 7—8.

[141] Там же, с. 11—12 ‹Нет никаких данных о том, что Гандхара когда-либо находилась под властью парфянских царей Ирана из династии Аршакидов; очевидно, Э. Шефер имеет в виду небольшую династию «индо-парфянских» царей, иранцев по происхождению, о генеалогической связи которых с Аршакидами трудно сказать что-либо определенное. Вряд ли поэтому стоит искать объяснение для этого названия в реальной исторической обстановке: скорее его происхождение связано с далеко не всегда четким представлением китайских авторов об истории и географии стран Запада.›

[142] Ли Сюнь, приведено в БЦГМ, 34, 30б.

[143] ЮЯЦЦ, 18, 150.

[144] Су Гун в БЦГМ, 34, 30б.

[145] Ли Сюнь в БЦГМ, 34, 30б.

[146] Хадрамаутская *Boswellia carteri* (Ямада 1956, с. 208).

[147] *Boswellia frereana* (там же). Родственные индийские растения *B. serrata* и *B. glabra* дают ложный ладан, использовавшийся для замены подлинного (там же, с. 231—232).

[148] **Kiuən-liuk.* Будберг 1937, с. 359, № 60.

[149] Плиний, кн. XII, гл. 32. Существует точка зрения, что «благовоние соска» — это название, которое сперва было дано пользовавшейся спросом смоле индонезийского и индокитайского *Pinus merkusii*, а затем было перенесено на ладан (см.: Уолтерс 1960, с. 331 и 333). Он отмечает также, что то же самое название уже в новое время прилагалось к мастиковому дереву *Pistacia* (там же, с. 324 и 330—331). Первое из этих утверждений не кажется мне вполне убедительным.

[150] *Лин хуа фан юй.* ЮЯЦЦ, 2, 12.

[151] ERE, VII, с. 200—201.

[152] Су Гун, приведено в БЦГМ, 34, 29б. Я перевожу здесь как «Монголия» то, что в китайском тексте обозначено «Шаньюй».

[153] Ли Сюнь, приведено в БЦГМ, 34, 29б.

[154] ERE, VII, с. 200—201.

[155] Такакусу 1928, с. 462.

[156] ЮСЦЦ, 8, 62.

[157] Чэнь Цан-ци, приведено в БЦГМ, 34, 29б.

[158] Ли Сюнь, приведено в БЦГМ, 34, 29б.

[159] Акер 1954, с. 244—245.

[160] *Balsamodendron myrrha* и *Commiphora abyssinica* (Ямада 1956, с. 211).

[161] ERE, VII, с. 201; Лукас 1934, с. 94—95 ‹*Лукас 1958, с. 158—159›.

[162] Чжэнь Цюань, приведено в БЦГМ, 34, 30а.

[163] Ли Сюнь, приведено в БЦГМ, 34, 30а.

[164] Так по-арабски; древнееврейское *mōr.* Китайское **muət*, передающее **muər.* См.: Лауфер 1919, с. 460—462.

[165] ЮП, 62а — 67б.

[166] См. рецепты составов в СП (цз. 6). Гвоздика — это высушенные бутоны цветка *Carophyllus aromaticus* (=*Eugenia aromatica*).

[167] Китайские авторы, писавшие на фармакологические темы, далеко не всегда были уверены, что эти два названия — «благовоние языка цыпленка» и «благовоние-гвоздь» — относились к одному и тому же продукту, однако Чэнь Цан-ци (в БЦГМ, 34, с. 28а) считал их просто разными наименованиями. Тем не менее после него фармакологи продолжали дебатировать этот запутанный вопрос. Тождественность этих названий была окончательно доказана Шэнь Гуа. См.: МЦБТ, 26, 175—176.

[168] Ли Сюнь, приведено в БЦГМ, 34, 28а.

[169] Су Гун, приведено в БЦГМ, 34, 28а.

[170] ХГИ, приведено в ТПЮЛ, 981, 6б.

[171] МЦБТ, 26, 175—176.

[172] См.: ТБЦ в БЦГМ, 34, 28а; ср.: Чжэнь Цюань, там же.

[173] ШП (ТДЦШ, 10), 70а.

[174] ЮСЦЦ, 3, 19.

[175] Ли Сюнь в БЦГМ, 34, 28а.

[176] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 34, 28а.

[177] Ли Сюнь в БЦГМ, 34, 28а. Ср.: Стюарт 1911, с. 95. Однако К. Ямада (1959, с. 142) полагает, что «гвоздичная кора» — название индонезийской корицы, масло которой также использовалось как анастезирующее средство при зубной боли. Но китайские фармакологи относились к ней как к коре дерева, дающего гвоздику.

[178] Из *Saussurea lappa* (=*Aplotaxis lappa*).

[179] *Му сян*. Существовал танский синоним «благовоние синего дерева» (*цин му сян*), но это выражение теперь обозначает корневище *Aristolochia contorta* (Лауфер 1919, с. 462—464; Асахина 1955, с. 498). *Ми сян* «медовое благовоние» также иногда считают синонимом «древесного благовония» (Ли Ши-чжэнь. БЦГМ, 34, 28а; ср.: Хирт — Рокхилл 1911, с. 211), но, согласно танским фармакологам, это было благовоние индокитайского происхождения. Из-за близости названий его путали также и с миррой. Б. Лауфер (1919, с. 462—464) писал: «Китайское обозначение в действительности не являлось ботаническим термином, будучи лишь торговым наименованием, относящимся к различным корням из самых разных областей». Я подозреваю, что это не совсем верно и что нам следует искать «медовое благовоние» среди растений Юго-Восточной Азии. Многие современные исследования связывают *му сян* с *Rosa banksia* (в том числе: Стюарт 1911, с. 43, 49, 380; Рид 1936); путаница в употреблении этого термина была отмечена уже Ли Ши-чжэнем (БЦГМ, 14, 35а).

[180] ТШ, приведено в ТПЮЛ, 982, 1б и 2б; то же в ЦТШ. См. также: Уэтли 1961, с. 62.

[181] ТШ, 221б, 4155б.

[182] Су Гун, приведено в БЦГМ, 14, 35а.

[183] В СП (6, 32) перечислены составные части рецепта (сунского), в котором костусный корень употребляется вместе с камфорой, мускусом, гвоздикой, кассией, перцем и несколькими другими второстепенными веществами. Подобные составы, возможно, приготовляли и в танское время.

[184] Чжэнь Цюань, приведено в БЦГМ, 14, 35а.

[185] *Pogostemon cablin* — обычные пачули Малаккского полуострова, которые впервые стали разводить там. Южноиндийские *P. heyneanun* получили название «индийских пачулей», но они широко распространены в Малайе и могли быть завезены оттуда в Южную Индию (Бэркил 1935, 1782—1783).

[186] Лауфер 1918, с. 5.

[187] *Хосян.* В настоящее время, к несчастью для историков, это название носят другие растения. В Индокитае оно относится к буквице (*Betonica officinalis*; см.: Лауфер 1918, с. 35—36). Д. Стюарт (1911, с. 247) и другие авторы современных ботанических справочников называют исполинский иссоп (*Agastache rugosa = Lophanthus* sp.), но это — американское растение. ТД (приведено в ЧЛБЦ, 12, 84б) описывает «благовоние листа фасоли», которое получают из сгнившей древесины крупного дерева; все это очень напоминает рассказы об алоэ.

[188] Ли Ши-чжэнь цитирует «Историю Тан» («Тан ши») в БЦГМ, 14, 40б. Ср.: Лауфер 1918, с. 29.

[189] Су Сун, приведено в БЦГМ, 14, 40б.

[190] Хоу 1957, с. 167, где сообщается о существовании «кантонских пачулей» (*Pogostemon cablin*), т. е. об обычных малайских пачулях.

[191] ГЧ, приведено в БЦГМ, 14, 40б; НФИУЧ, приведено в ТПЮЛ, 982, 3б.

[192] Лауфер 1918, с. 38.

[193] Бэркил 1935, 1780.

[194] Приведено в БЦГМ, 14, 40б.

[195] *Jasminum officinale.* Слово *йасаман* (точнее **ia-sâi-muân*) встречается в ЦСЦ. Арабизированная форма *йасмин* также была известна в танском Китае, например **ia-siĕt-miʷeng*.

[196] *Jasminum sambac.* Его транскрипция — **muât-lji.*

[197] Шефер 1948, с. 60 и сл.

[198] Ямада 1958, с. 600—601. К. Ямада проследил, что какое-то число рассказов о превращении прекрасных принцесс в цветы жасмина происходит из Тямпы и с Филиппин.

[199] ЦСЦ, 5а. Ср.: Ямада 1958, с. 593. В ЮЯЦЦ (18, 153) для IX в. приготовление этого масла приписывается персам.

[200] Лауфер 1919, с. 332—333.

[201] Там же; Шефер 1948, с. 62.

[202] ЦФЮГ, 972, 22а — 22б; ТПХЮЦ, 179, 17б; ЧЛЦ (ТДЦШ, 10), 22а; Кувабара 1930, с. 130—131.

[203] В тексте стоит *цинь хо.*

[204] ЦИЛ, 6, 58б.

[205] ЮСЦЦ, 6, 46. В данном случае «роза» — это *Rosa multiflora* (*цянвэй*), душистое белое или розовое вьющееся растение; другие знаменитые китайские розы — это *R. rugosa* (*мэй-гуй*) с розовыми или ярко-красными цветами и с имеющей шипы пышной листвой, которая осенью становится оранжевой; *R. chinensis* (*юэцзи*) — очень душистая, с красными, белыми или желтыми цветами; и, наконец, *R. banksia* (*мусян*) — белый или желтый вьющийся сорт. См.: Х. Ли 1959, с. 92—101.

[206] Х. Ли 1959, с. 96.

[207] Хирт — Рокхилл 1911, с. 204. В этом примечании было бы уместным коснуться некоторых неотождествленных благовоний растительного происхождения. Все они впервые перечислены у Чэнь Цан-ци, который, видимо, имел доступ к образцам и информации, остававшимся недоступными для официальных фармакологов (или, может быть, не принимавшихся ими во внимание). К этим веществам относится «**b'ieng*-благовоние» (БЦГМ, 14, 40а) — трава с Южных морей, помогавшая против злых духов, которую вместе с имбирем и горчицей использовали при омовениях; «**kvng*-благовоние» из страны Вахша (Окса), обладавшее теми же свойствами (БЦГМ, 14, 40а); Ли Ши-чжэнь без достаточных оснований перечисляет оба эти благовония как разновидности *пай цао сян* (очевидно, *Lysimachia* sp.) из Индокитая (*L. foenumgraecum*) — душистая китайская трава, использовавшаяся женщинами для придания запаха волосам; см.: Бэркил 1935, 1375; **ngiʷvn-dz'i-ək* (БЦГМ, 34, 31б) — пер-

сидская смола, схожая с камфорой, которую использовали при заболеваниях сердца, кровотечениях и т. п.; *kiet-sat (БЦГМ, 34, 31а) — ароматный западный цветок, который вместе с грецким орехом клали в целебные мази; Ли Ши-чжэнь совершенно необоснованно объединяет его с элемиirâm.

[208] *Physeter macrocephalus.* Ямада 1955, с. 3; Пельо 1959, с. 33.

[209] Ямада 1955, с. 3.

[210] Там же, с. 9—11; Ямада 1957, с. 246; Пельо 1959, с. 33. Его китайская транскрипция — *·â-muât (для передачи *amar).

[211] Ямада 1957, с. 15. Ср.: Годэ 1949, с. 56.

[212] ЮЯЦЦ, 4, 37. Ср.: ТШ, 221б, 4155г. Перевод всего отрывка см.: Дайвендак 1949, с. 13.

[213] Пельо 1949, с. 34.

[214] К. Ямада (1957, с. 200), опираясь на довольно сомнительные свидетельства, полагает, что это новое название серая амбра получила в IX или в X в.; П. Пельо обнаружил первый определенный случай употребления этого названия в стихотворении XI в., написанном Су Ши (Пельо 1959, с. 35).

[215] *Лун сянь.*

[216] Ямада 1957, с. 199.

[217] См. там же, с. 246, 249; Ямада 1956а, с. 2—5. В последней работе содержатся подробные сведения о сунских обычаях и технологии, связанных с серой амброй.

[218] Ямада 1957, с. 197—198.

[219] Пельо 1959, с. 38.

[220] Ямада 1957, с. 198.

[221] ТШ, 43а, 3733а. Эта раковина — *Eburna japonica.* Ее изображение есть в ЧЛБЦ, 22, 39а.

[222] Су Сун в БЦГМ, 46, 39а.

[223] *Цзя сян.*

[224] БЦГМ, 46, 39а.

[225] *Цзя цзянь.*

[226] См. стихотворение Ли Шан-иня «Суй гун шоу суй» в ЦюТШ, хань 8, цэ 9, цз. 2, 9б.

[227] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 46, 39а.

К главе XI. Лекарства (с. 236—260).

[1] Соважэ 1948, с. 20. Арабская рукопись, приписываемая Сулейману, повествует о медицинской стеле 851 г. Древнейший из таких камней в Китае был воздвигнут в Лунмэне в 575 г. попечением буддистов. См.: Рудольф 1959, с. 681, 684.

[2] Жернэ 1956, с. 214—216. Эти две «нивы» обозначены как *бэйтянь* и *цзинтянь.*

[3] ТХЯ, 49, 863; Жернэ 1956, с. 217. Лучший обзор сведений о больницах в танском Китае см.: Демьевиль 1929, с. 247—248.

[4] Жернэ 1956, с. 217.

[5] ЦЧТЦ, 214, 3а; Жернэ 1956, с. 217.

[6] ТХЯ, 49, 863; Демьевиль 1929, с. 247—248. Больницы именовались *бинфан* или *янбинфан.*

[7] ТЛШИ, 4, 32, (гл. 26).

[8] ТЛШИ, 2, 78 (гл. 9).

[9] Хюар — Ван 1957, с. 327—328.

[10] Он умер в 682 г.; в его официальной биографии сказано, что ему было более ста лет.

[11] Сунь Сы-мяо (автор этого сочинения, полное название которого «Бэй цзю цянь цзинь яо фан» («Рецепты быстродействующих снадобий

ценою в тысячу золотых»)) именуется в даосском каноне почетным титулом Сунь чжэньжэнь («праведник Сунь»).

[12] «Инь-хай цзин вэй» («Сокровенная суть серебряного моря»). *Иньхай* («серебряное море») — буддийский термин для обозначения глаза.

[13] Биографии в ТШ, 196, 4085г. — 4096в; ЦТШ, 191, 3590в — 3590г.

[14] ТШ, 196, 4086а — 4086б; ЦТШ, 191, 3591б.

[15] ТШ, 195, 4084а.

[16] Шефер 1951, с. 409.

[17] Тао Хун-цзину принадлежал также труд «Шэнь-нун бэнь-цао чжу» («Пояснения к „Корням и травам Шэнь-нуна"») в семи свитках, но он утрачен в танскую эпоху; неполный список был найден в Дуньхуане.

[18] См.: ТШ, 59, 3971а; Ли Цзи. Бэнь-цао яо ту («Иллюстрации к снадобьям в „Корнях и травах"»).

[19] ЛДМХЦ, 9, 279—280; ТШ, 59, 3770б.

[20] Эта книга дошла до нас только в отрывках, приводимых другими авторами, но фрагмент ее был найден в Дуньхуане.

[21] Хюар — Ван 1958, с. 16. Дошла только в отрывках, цитированных в других сочинениях. Некоторые считают, что она была написана Ли Сюанем, младшим братом Ли Сюня.

[22] Кимура 1942; Хюар — Ван 1958.

[23] ТЛД, 14, 50а и сл.

[24] ТЛД, 14, 51а — 51б.

[25] ТЛД, 11, 12а.

[26] ТШ, 47, 3743а.

[27] ШУЦЮ, 8, 309.

[28] О многих других см.: Шефер — Валлакер 1961.

[29] См.: Кимура 1954; Асахина 1955.

[30] В ЦЦФ (см. издание 1955 г., Пекин, с. 280).

[31] Хюар — Ван 1957, с. 308.

[32] Лу — Нидэм 1951, с. 15.

[33] ТБЦ в ЧЛБЦ, 16, 2б.

[34] Мэн Шэнь в ЧЛБЦ, 17, 1б.

[35] Мэн Шэнь в БЦГМ, 29, 4а.

[36] Все примеры приведены из сочинений танских фармакологов, цитированных в БЦГМ.

[37] Приведено в БЦГМ, 9, 37б и 38а.

[38] Ван Гун-у 1958, с. 113.

[39] Багчи 1950, с. 172—173.

[40] Сэн 1945, с. 71. Перевод включен в «„Трипитаку" годов Тайсё». № 1059.

[41] Чэнь Бан-сянь 1957, с. 150.

[42] ЦТШ, 84, 3347а; Чэнь Бан-сянь 1957, с. 150.

[43] ТХЯ, 52, 899; ЦТШ, 14, 3108г.

[44] ЦТШ, 15, 3113б; Хэ — Нидэм 1959а, с. 223.

[45] Хэ — Нидэм 1959а, с. 224.

[46] ЦЧТЦ, 211, 13а — 13б.

[47] Сюй Тан (около 862 г.). Ти Ганьлусы («Надпись для обители Ганьлусы»).— ЦюТШ, хань 9, цэ 8, цз. 2, 9б.

[48] Пи Жи-сю. Чжунсюаньсы Юань-да нянь юй ба-ши хао чжун мин... («Юань-да из монастыря Чжунсюаньсы, перешагнув через восемь десятков, увлекся посевом прославленных лекарственных трав. Все им посаженное было привезено из гор Тяньтай, Сымин, Баошань, Цзюйцюй. Я с удивлением рассматривал их достойный славы буйный рост и потом написал эти два стихотворения»).— ЦюТШ, хань 9, цэ 9, цз. 6, 13б.

[49] Биография в СГСЧ, № 4; Багчи 1950, с. 216. Ср.: там же, с. 76, где приводятся сведения о другом монахе VII в., по имени Сюань-чжао, кото-

рый добывал в Южной Индии редкие лекарства для китайского императора.

[50] ТЛД, 18, 17а; ТШ, 48, 3746а.

[51] ТШ, 221б, 4154г; ЦФЮГ, 971, 8б; ТХЯ, 99, 1776.

[52] ЦФЮГ, 971, 8а. Его имя передано **Kiei-χuət-b'â*, что должно отражать что-то близкое к **Kihorba*.

[53] ТШ, 221б, 4155а.

[54] ТШ, 221а, 4153в; ЦФЮГ, 971, 4а; ТХЯ, 99, 1776.

[55] ТХЯ, 97, 1739.

[56] ТШ, 59, 3771а; Лауфер 1919, с. 204; Хюар — Ван 1958, с. 16.

[57] Так я истолковываю китайское **tśi̯ět-γân*.

[58] ЦТШ, 198, 3614а; ЦФЮГ, 971, 8а; ТХЯ, 100, 1787.

[59] ЦФЮГ, 971, 13б; ТХЯ, 99, 1773.

[60] ЦФЮГ, 971, 15б.

[61] Чэнь Цан-ци, приведено в БЦГМ, 34, 30б.

[62] ЦТШ, 198, 3614в; ТХЯ, 99, 1779. По-китайски передано как **tiei-ia-ka*.

[63] Приведено в БЦГМ, 50б, 24б.

[64] Хирт 1885, с. 276—279; Чэнь-сянь 1957, с. 158; Хюар — Ван 1958, с. 15; Нидэм 1954, с. 205.

[65] *Доукоу* — собирательное название, относящееся как к местным, так и к иноземным разновидностям. Б. Рид (1936, с. 207—208) относит к местным сортам китайский кардамон (*Amomum costatum*) и дикий кардамон (*A. globosum?* по-китайски *цао доукоу* «травяной кардамон»). Однако определение названий видов кардамона — очень запутанный вопрос. См. также: Уэтли 1961, с. 87—88.

[66] *Ичжицзы*. Это же самое название прилагалось и к лонгану — *Euphoria longana*. У Б. Рида (1936, с. 207—208) и Дж. Стюарта (1911, с. 35—36) — *Amomum amarum*.

[67] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 14, 37а.

[68] Там же; см. также пояснения Ли Ши-чжэня.

[69] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 14, 37а.

[70] *Elettaria cardamomum*, произрастающий в Юго-Западной Индии и в Тонкине, где он встречается в диком виде; в тропических странах широко выращивается как культурное растение (Бэркил 1935, № 910—915). К этому виду должны были принадлежать кардамоны, которые отправляли в качестве «дани» из Фэнчжоу в Аннаме (ТШ, 43а, 3733а).

[71] Бэркил 1935, № 910—915.

[72] Ли Сюнь в БЦГМ, 14, 36а.

[73] *Amomum xanthioides*, который также смешивали с «лохматым кардамоном» (*A. villosum*), назывался в Китае **si̯uk-sa-mi̯et*.

[74] Лауфер 1919, с. 481—482; Рид 1943, с. 481; Бэркил 1935, № 136.

[75] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 14, 36б. Довольно странно, что у Ли Сюня значится, что такой кардамон привозили из «персидских» стран на Западе и из верховьев залива Бохай. Поскольку это растение встречается только в Индокитае и в Океании, сведения Ли Сюня нельзя принимать во внимание, если только не считать, что под «персами» подразумеваются персидские торговцы, через руки которых этот кардамон попадал в Китай.

[76] *Amomum kepulaga*.

[77] Это название, встречающееся у Ибн Баттуты, было транскрибировано по-китайски и встречается в ЮЯЦЦ (18, 152) и у Чэнь Цан-ци (приведено в БЦГМ, 14, 36б). См.: Пельо 1912а, с. 454—455.

[78] Пельо 1912а, с. 454—455.

[79] Бэркил 1935, № 133, 134, 912, где отмечено, что его разводили на Суматре, но на полуострове Малакка он теперь не произрастает.

[80] ЧЛБЦ, 9, 53б.

[81] ЮЯЦЦ, 18, 152.
[82] Су Гун в БЦГМ, 14, 36; ср.: Бэркил 1935, № 134.
[83] Хирт — Рокхилл 1911, с. 210.
[84] *Жоу доукоу. Myristica fragrans* или *M. moschata.*
[85] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 14, 37б. Ср.: Хирт — Рокхилл 1911, с. 210; Стюарт 1911, с. 276.
[86] Ли Сюнь в БЦГМ, 14, 37б.
[87] Бэркил 1935, № 1524—1525.
[88] Чжэнь Цюань и Ли Сюнь в БЦГМ, 14, 37б. Ср.: Бэркил 1935, № 1529,— о мускатном орехе в мусульманской и индийской медицине.
[89] Су Сун в БЦГМ, 14, 37б.
[90] *Curcuma longa = C. domestica.*
[91] *Curcuma zedoaria.* Английское название может относиться и к индийской *C. aromatica.*
[92] Бэркил 1935, № 705—710; ср.: Лауфер 1919, с. 309—314.
[93] ЮП, 62б — 67а, где «чешуя Золотой Матери» приводится в качестве синонима «золота *юй*»; однако невозможно определить, имеется ли в виду при этом шафран, турмерик или и то и другое.
[94] ТШ, 221а, 4153б.
[95] ТШ, 221б, 4154в.
[96] Там же, 4154г.
[97] ТШ, 221а, 4153в.
[98] ТШ, 221б, 4155а.
[99] Лауфер 1919, с. 544.
[100] Су Гун в БЦГМ, 14, 38а.
[101] ТБЦ в БЦГМ, 14, 38а.
[102] ЧЛЦ (ТДЦШ, 10), 29а.
[103] Лондонская газета «Observer», 27.XI.1960 г.
[104] ЦТШ, 18б, 3133б; ср.: Бо Шоу-и 1937, с. 49.
[105] *Firmiana simplex = Sterculia platanifolia.*
[106] *Aleurites fordii.*
[107] *Erythrina indica.* По этому дереву получил позднее свое название Зейтун.
[108] *Populus euphratica.*
[109] *Populus tacamahac.*
[110] *Calophyllum inophyllum.* Ни один образчик «слез западного *туна*» в Сёсоине не удалось определить как бесспорный (Асахина 1955, с. 496).
[111] ТБЦ в ЧЛБЦ, 13, 33б.
[112] Су Гун в БЦГМ, 34, 33б. Су Гун также отмечает, что это дерево шло на изготовление утвари.
[113] *Хутун цзинь. Цзинь* «слюна» часто в результате искажения превращалась в *люй* «правило», так как оба иероглифа довольно близки по начертанию.
[114] ТД, приведено в ЧЛБЦ, 13, 33б; Янь Ши-гу, комментарий к ХШ, 96а, 0606а.
[115] Су Гун в БЦГМ, 34, 32а.
[116] ТШ, 40, 3727а.
[117] ТЛД, 22, 14б — 15а; Лауфер 1919, с. 339, где цитируется ЛБЛИ, б, 13.
[118] Су Гун в БЦГМ, 34, 32а.
[119] ТЛД, 22, 14б — 15а; Янь Ши-гу, комментарий к ХШ.
[120] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 33, 21б; Б. Лауфер (1919, с. 343) установил это название и определил растение как *Hedysarum alhagi.*
[121] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 5, 22а. См.: Лауфер 1919, с. 345.
[122] ЮЯЦЦ, 18, 153; исторические и лингвистические примечания см.: Лауфер 1919, с. 429 и сл.; растение — *Commiphora opobalsamum.*

[123] *Ferula galbaniflua* и другие разновидности.

[124] ЮЯЦЦ, 18, 152; исторические и лингвистические примечания см.: Лауфер 1919, с. 362.

[125] Это *Ferula fetida* и другие разновидности.

[126] Лауфер 1915а, с. 274—275. Язык этот — так называемый тохарский Б. Китайская реконструкция — **·â-ngj^{w}ei.*

[127] Су Гун в БЦГМ, 34, 31б.

[128] ЮЯЦЦ, 18, 151; Су Гун в БЦГМ, 34, 31б; Лауфер 1919, с. 353—362.

[129] ТШ, 40, 3727а.

[130] Ли Сюнь в БЦГМ, 34, 31б.

[131] Бэркил 1935, № 999; Су Гун в БЦГМ, 34, 31б.

[132] Су Гун и Ли Сюнь в БЦГМ, 34, 31б.

[133] ЦЯФ, приведено в БЦГМ, 34, 31б; Бэркил 1935, № 999, где отмечено, что в Малайе с помощью ее запаха изгоняют злых духов.

[134] Гуань-сю. Тунцзян сянь цзюй цзо ⟨«Двенадцать стихотворений, написанных на покое на реке Тунцзян» (стихотворение третье)⟩.— ЦюТШ, хань 12, цэ 3, цз. 5, 5б. ⟨Тунцзян — река в Чжэцзяне; журавль ко мне прилетал — в китайских легендах отшельники летают на журавлиных упряжках; журавли выступают также как собеседники и спутники отшельников; Чжи-дунь — монах IV в., уединившийся в конце жизни в безлюдных горах.⟩

[135] ЮЯЦЦ, 18, 151.

[136] *Бима* (*Ricinus communis*); *«ricinus»* означает «клещ».

[137] Су Гун в БЦГМ, 17а, 28а.

[138] Лауфер 1919, с. 403—404.

[139] Как показывают соответствующие статьи в БЦГМ, Дж. Стюарт (1911, с. 378—379) ошибается, когда пишет, что китайцы давили это «масло, но, не очищенное от мякоти, оно не находило особого применения в медицине».

[140] *Cassia fistula.*

[141] Лауфер 1919, с. 420—424.

[142] Бэркил 1935, № 475.

[143] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 31, 15б.

[144] ЮЯЦЦ, 18, 152.

[145] Gleditsia sinensis.

[146] **·â-lək-b'uət* — такова транскрипция у Чэнь Цан-ци (если допустить метатезу второго и третьего слогов), истолкование для которой было найдено Б. Лауфером (1919, с. 420—424). В ЮЯЦЦ имеется сходное название (оно именуется там «римским») и другое — «персидское», которое передает какое-то иное слово, остающееся неустановленным.

[147] *Цзыцай* «пурпурный лист-овощ» (*Porphyra tenera*).

[148] Эннин наряду с измельченным чаем привез ее из Японии в качестве подарка китайцам. Рейшауэр 1955а, с. 82.

[149] *Шичунь* (*Ulva lactuca* [или *U. pertusa*]).

[150] Чэнь Цан-ци и Ли Сюнь в БЦГМ, 28, 41б.

[151] *Laminaria saccharina.* См. примеч. 101 к гл. IX.

[152] Ли Сюнь в БЦГМ, 19, 4а; ЦФЮГ, 971, 13а. Ли Сюнь также сообщает, что «западные люди» (*хужэнь*) «скручивают ее, чтобы делать веревки». Подразумевает ли он иноземцев вообще?

[153] Мэн Шэнь в БЦГМ, 19, 4б.

[154] *Женьшень* (*Panax ginseng*). Его подменяли японским *P. repens.* Американский *P. quinquefolius* вывозился в Китай в XIX в.

[155] Так он назван в стихотворении Пи Жи-сю «Ю жэнь и жэньшэнь цзянь хуэй инь и ши се чжи» ⟨«Друг облагодетельствовал меня женьшенем, и я благодарю его в этих стихах»⟩ (ЦюТШ, хань 9, цэ 9, цз. 7, 4б).

[156] ЮП, 62б — 67а. «Возвращенная (т. е. перегнанная) киноварь» —

сверхчистый эликсир киновари, содержавший в своем составе ртуть и серу.

[157] *Цзытуаньшань.* Ли Сюнь (БЦГМ, 12, 15а) также упоминает женьшень из Шачжоу (Дуньхуан) — «короткий и мелкий и негодный к использованию».

[158] Су Гун в БЦГМ, 12, 15а; ЦФЮГ, 971, 5а и 10б; ТХЯ, 95, 1712—1713. Черноводные мохэ и желтоголовые шивэй прислали женьшень в 748 г. (ЦФЮГ, 971, 16б). Су Гун (в БЦГМ, 12, 15а) сообщает нам, что это растение произрастало повсюду в Шаньси и в гористых частях Шаньдуна в XI в.— явно в результате его интенсивного разведения в Китае в конце танской эпохи и в начале сунской.

[159] Ли Сюнь в БЦГМ, 12, 15а.

[160] Пи Жи-сю. Ю жэнь и жэньшэнь цзянь хуэй инь и ши се чжи ‹«Друг облагодетельствовал меня женьшенем, и я благодарю его в этих стихах»›.— ЦюТШ, хань 9, цэ 9, цз. 7, 4б.

[161] Чжэнь Цюань, приведено в БЦГМ, 12, 15а. ‹Пять затруднений — затрудненная работа пяти внутренних органов (сердце, легкие, печень, селезенка, почки); семь истечений — семь нарушений в работе выделяющих органов человека (кровотечения, поносы, холодный пот, уремия и т. д.).›

[162] **iän-γuo-sâk* (*Corydatis ambigua*). ‹Первоначальное название этого снадобья — *сюаньхусо* («корешок северных варваров»), но, поскольку Сюань было именем одного из сунских императоров, иероглиф *сюань* пришлось заменить знаком *янь.* Таким образом, *яньхусо* возникло как результат табу, и фонетическая реконструкция здесь излишня. Лечебное действие этого корня намного разнообразнее, чем это описывает Э. Шефер, и приближается к женьшеню.›

[163] Чэнь Цан-ци и Ли Сюнь в БЦГМ, 13, 28б.

[164] *Бофу цзы* (*Iatropha janipha*). «Лекарственный орех» — это точное соответствие названию американского *I. curcas.*

[165] Су Гун и Ли Сюнь в БЦГМ, 17, 33а.

[166] *Сянь-мао* (*Curculigo ensifolia* [=*Hypoxis* sp.]).

[167] ГХЮХЧ, 17а.

[168] Ли Сюнь в БЦГМ, 37, 55б.

[169] Сутхилл — Ходоус 1937, с. 342.

[170] Ли Сюнь в БЦГМ, 37, 55б.

[171] *Хуансе.*

[172] Чэнь Цан-ци в ЧЛБЦ, 12, 58б; ТШ, 43а, 3733а.

[173] *Ху-хуанлянь. Хуанлянь* — это *Coptis teeta.*

[174] По Дж. Стюарту (1911, 65), *Barkhausia repens*, по Б. Риду (1936), *Picrorhiza kurroa*. Б. Лауфер (1919, с. 199—200) отмечает, что *Barkhausia* не произрастает в Персии.

[175] ЧЛБЦ, 9, 45а.

[176] *Хэши.* Согласно Б. Риду (1936, № 20а), это семена от *Carpesium abrotanoides*, но другие специалисты дают иное определение.

[177] Су Гун в БЦГМ, 15, 9б.

[178] **luo-·uâi* или **nuo-·uâi.* Б. Лауфер (1919, с. 480—481) пишет, что это производное от «арабизированного греческого *alua alwā*».

[179] Чэнь Цан-ци и Ли Сюнь в БЦГМ, 34, 32а.

[180] *Гуаньцзюнь.* Остается неопределенным.

[181] Су Гун и Чжэнь Цюань в БЦГМ, 28, 43а.

[182] ЦФЮГ, 971, 8а и 12а.

[183] Помимо Ли Сюня и Чэнь Цан-ци — в БЦГМ, 21, 9а.

[184] Так в ЮЯЦЦ, 10, 80; см.: Су Гун в БЦГМ, 50б, 24а. К. Сиратори (1939, с. 47—48) утверждает, что **buâ-sât* (в БХЛ) происходит от персидского *пāзахар* «противоядие»; Б. Лауфер (1919, с. 525 и сл.) не считал, что это безоар.

[185] ЮЯЦЦ, 10, 80.

[186] Чжэнь Цюань в БЦГМ, 50б, 24а. Сунь Сы-мяо наделяет безоар такой же силой, но добавляет более конкретно, что он оказывает возбуждающее действие на печень и желчный пузырь.

[187] Су Гун дает перечень таких мест (БЦГМ, 50б, 24а); дань из Дэнчжоу, Лайчжоу и Мичжоу в Шаньдуне, а также из Личжоу в Сычуани; см.: ТШ, 38, 3722б — 3722в; 42, 3730б.

[188] Л а у ф е р 1919, с. 528.

[189] ЦФЮГ, 971, 5а и 10б; 972, 2б; ТХЯ, 95, 1712—1713.

[190] Из Маньчжурии их присылали черноводные мохэ и желтоголовые шивэй (ЦФЮГ, 971, 16б); по поводу присланных из Наньчжао см.: ЦФЮГ, 971, 10а — 10б; ТШ, 222а, 4157а.

[191] ЦФЮГ, 970, 16б.

[192] Китайское *·*uət-niuk* или *·*kuət-nʷat*.

[193] Ли Сюнь (цитирует из ЛХЧ) в БЦГМ, 51б, 34а.

*[193] ‹Это может быть и не собирательным названием, так как племена малайского происхождения жили на островах Рюкю.›

[194] На рисунке в ЧЛБЦ (18, 16а) изображен тюлень; Кимура Коити (1946, с. 195—196) определяет его как *Otoes* (=*Callorhinus*) *ursinus*, и это, возможно, так, хотя есть немало и других «кандидатов», в том числе *Pusa hipsida* (или *P. foetida*), «тюлень в яблоках» маньчжурского побережья и Северной Японии, который встречается также в озере Байкал и в Каспийском море. Старые самцы обладают запахом, «средним между [запахом] асафетиды и лука», но тестикулы, какая бы это порода ни была, должны, по-видимому, давать мускусоподобные стероиды. О различных видах тюленей на побережьях Восточной Азии см.: Ш е ф е р 1958, с. 57, 61, 82—84, 93—94, 95—102, 103, 109.

[195] Чжэнь Цюань, приведено в БЦГМ, 51б, 34а. Он называет это животное «морской собакой», что обычно означает тюленя.

[196] Чэнь Цан-ци и другие в БЦГМ, 51б, 34а.

[197] Чэнь Цан-ци и Ли Ши-чжэнь, цитируя ТШ, рассказывают о животном, названном **kuət-nʷat*, которое обитает в Маньчжурии, в странах тюрок и на Западе. Чэнь Цан-ци говорит, что оно похоже на лисицу и выделяет мускусоподобное пахучее вещество оранжевого цвета, по виду напоминающее сгнившую кость. Возможно, **nʷat*, присланный из Хотана в 717 г.,— это же самое животное (ЦФЮГ, 971, 2б). Ф. Хирт и У. Рокхилл (1911, с. 234) полагали, что с Запада ввозили цибет, а с Севера — «бобровую струю» (*castoreum*). Название, которое приводит Чэнь Цан-ци,— *·*â-dz'i-b'uət-t'â-ni* — они воспринимают как арабское *ал-забāд* «цибет», но указывались для его отождествления и другие близкие слова. См. также: Л а у ф е р 1916, с. 373—374; У э т л и 1961, с. 105—106. Виверра (*Viverra zibetha*) обитает в Южном Китае и в Индокитае, равно как и в других районах Южной Азии. Ее китайское название — *сянли* «пахучая *Nyctereutes*», или «пахучая енотовидная собака». «Они берут мешочки, находящиеся у места, где проходит вода [уретра], льют на них вино и высушивают их. Этот аромат, как от настоящего мускуса». Так писал Дуань Чэн-ши (ЮЯЦЦ, 16, 134). Из Хорезма, согласно Макдиси (Б а р т о л ь д 1958, с. 235 ‹*Б а р т о л ь д 1963, с. 294›), в X в. вывозили «бобровую струю», и, может быть, какое-то количество ее доходило и до Китая

[198] См.: Э м о н ь е 1891, с. 213; человеческой желчью кропили царских боевых слонов.

[199] Или индийский питон *Python molurus*; китайское название — *жаньшэ*.

[200] ТШ, 43а, 3733а; дань из Цзяочжоу и Фэнчжоу.

[201] При Тан это был округ Цзяньчжоу; см.: ТШ, 42, 3730г. Источник не называет желчи питона в числе местной дани от этого далекого округа (оттуда посылали в столицу золотой песок, порошок кудзу и прочие

ценности), но отрывок, который переведен дальше, показывает, что желчь питона числилась в списке дани из каких-то областей танской империи.

[202] ЛБЛИ, б, 22—23.

[203] ЮЯЦЦ, как это место приведено в БЦГМ, 43, 23б — 24а; ср.: ЮЯЦЦ, 17, 143, где некоторые слова опущены.

[204] Так говорит Су Гун в БЦГМ, 43, 24а; но Мэн Шэнь утверждает, что свиная желчь или желчь тигра также должны были двигаться по воде, но только более медленно.

[205] Чэнь Цан-ци и Мэн Шэнь в БЦГМ, 43, 24а. Ср.: Бэркил 1935, № 1847, 1848.

[206] Дань из Фэнчжоу и Фулучжоу (ТШ, 43а, 3733а). Ср.: Хирт — Рокхилл 1911, с. 48, где говорится о ввозе аннамского белого воска. Белый воск также получали из выделений какого-то китайского восконосного насекомого.

[207] Чжэнь Цюань в БЦГМ, 39, 5б.

[208] В частности, из государства Силла, от черноводных мохэ и желтоголовых шивэй (ЦФЮГ, 971, 5а, 10б, 16б; ТХЯ, 95, 1712—1713). Одна партия волос из государства Силла весила сто *цзиней*.

[209] ТШ, 204, 4106а.

[210] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 52, 37а; не полностью также в ЮЯЦЦ, 11, 84. «Повозка, поставленная поперек» — не совсем понятное для меня выражение.

[211] ЮЯЦЦ, 11, 86.

[212] ЦЦФ в БЦГМ, 52, 37а. Эти представления, связанные с обстриганием ногтей, распространены и в других странах; см.: ERE VI, с. 475. Су Гун (в БЦГМ, 52, 37а) приводит множество других назначений, но в каждом случае принимается не волос, а зола от него.

[213] Су Гун и Ли Сюнь в БЦГМ, 11, 8а; Лауфер 1919, с. 510; Рид — Пак 1928, с. 78, где «зеленая соль» отождествляется с персидским *зингāр*, т. е. с зеленой ярь-медянкой; эту соль уксусной кислоты действительно могли иногда привозить на продажу вместо сульфата, рассчитывая на их сходство по цвету.

К главе XII. Ткани (с. 261—275)

[1] ДЯЦБ (ТДЦШ, 2), 58б.

[2] ТЛД, 22, 20б — 21а.

[3] Обзор этого вопроса в целом см.: Симмонс 1956. Она отмечает, что утóчная саржа встречается среди китайских тканей VI или V в. до н. э. из Пазырыка в Сибири, так что эта техника ткачества, видимо, должна быть столь же древней и в Китае ⟨Сведения, приведенные П. Симмонс, не соответствуют действительности. Ткань из Пазырыка изготовлена в той же самой технике, что и все ханьские ткани. См.: *Лубо-Лесниченко 1961, с. 28—29⟩.

[4] Полихромные узорные ткани ханьского времени были выполнены в технике оснóвного репса. Словом «парча» обычно переводится китайский иероглиф *цзинь*.

[5] Ян 1955а, с. 275.

[6] ТЛД, 3, 13а. Существовало также полотно «воробей *кун*» — дань от Чучжоу в Хайнани. Оно должно было имитировать сверкающий блеск павлиньего хвоста, а возможно даже, что в его ткань вплетались перья.

[7] См. в БШ (47, 2904а) биографию Цзу Типа, веселого гуляки и завсегдатая куртизанок, который жил в конце VI в.; он был, однако, высокообразованным человеком и знал несколько иностранных языков; он владел множеством рулонов сетчатого шелка «воробей *кун*».

[8] Дин Лю-нян. Ши сю ⟨«Десять выборов». Четыре стихотворения (стихотворение первое)⟩.— Цюань Суй ши, 4, 10а (в ЦХСГЦНБЧШ).

[9] Тай-цзун. Цзинь дуань чжицзао инь цяо чжао ‹«Указ о запрещении производства утонченных тканей»›.— ЦТВ, 47, 6б — 7а; ср.: ТШ, 6, 3648г.

[10] ЦФЮГ, 56, 16а.

[11] А. Стейн 1921, с. 907—913; А. Стейн 1928, с. 674—680.

[12] Симмонс 1948, с. 12—14.

[13] Ли Цзюнь-фан. Хайжэнь сянь вэнь цзинь фу ‹«Ода на подношение узорной парчи людьми моря»›.— ЦТВ, 536, 21б — 22б.

[14] Харада 1939, с. 75. Б. Грэй (1959, с. 51) замечает, что «фениксы», выполненные в «китайско-сасанидском стиле», не встречаются на памятниках сасанидского искусства, тогда как орлы, фазаны и крылатая собака — мифический Сенмурв — там представлены. Что же собой представляют тогда эти «фениксы»? Возможно, китайцы так воспринимали иранские изображения фазанов.

[15] ЦТШ, 5, 3074г.

[16] См.: Бартольд 1958, с. 235—236 ‹*Бартольд 1963, с. 294—295›, где приводится перевод подробного перечня туркестанских тканей X в., который дает Макдиси. Как показали открытия А. Стейна, существовало значительное производство шерстяных тканей и в Сериндии. См.: Прист — Симмонс 1931, с. 8.

[17] ТШ, 216б, 4139а; ТХЯ, 97, 1739.

[18] ЮЯЦЦ, 5, 42; ср.: Сартон 1944, с. 178.

[19] ТШ, 41, 3728г; ГШП, в, 20а.

[20] ТШ, 37, 3720г — 3721а.

[21] Здесь «ковер» передан словом **g'iu-g'iəu* (ср. с **g'iu-siu* в других источниках). Последнее слово равнозначно санскритскому *варнакамбала* «цветное шерстяное покрывало»; см.: Пельо 1959, с. 484.

[22] В данном случае и «покрывало» и «ковер» обозначены как **g'iu-g'iəu*, но к последнему дается определение **tśia-p'iek*, которое Б. Лауфер считает близким персидскому *тафтан* «крутить», «вить» и нашему «тафта». См.: Лауфер 1919, с. 493. Среди подношений от тюргешей, Чача и других владений, которые будут упомянуты дальше, мы встречаем **t'âp-təng*, явно происходящее от этого же персидского корня. Все эти слова относятся к шерстяным коврам.

[23] ТШ, 221б, 4153г; ЦФЮГ, 999, 15б — 16а.

[24] ТШ, 221б, 4154а; ЦФЮГ, 971, 3а, 14б и 15б. В этих источниках, которые сообщают о таких миссиях, иногда сказано просто «коврики для танцев», но в других случаях эти китайские слова, допускающие различное толкование, связаны с иранскими названиями шерстяных тканых изделий, и поэтому мы считаем, что все они должны обозначать шерстяные ковры.

[25] ТШ, 221б, 4155б; ЦТШ, 198, 3614б; ТХЯ, 100, 1784; ЦФЮГ, 971, 18а.

[26] Ли Хэ. Гань фэн ‹«Смеюсь над своими чувствами»›.— ЛЧЦГШ, *вай цзи*, 4б (первое из шести стихотворений). В комментарии Ван Ци сказано, что это был войлочный коврик, но это лишь его догадка.

[27] Ли Хэ. Гун ва гэ ‹«Песня дворцовой красавицы»›.— ЛЧЦГШ, 2, 22б — 24а ‹Слон... выдыхает куренья — т. е. речь идет о курильнице в виде слона; бою часов я внимаю — в танское время для ночного времени были в употреблении водяные часы с несколькими резервуарами, наполнявшимися поочередно: бой часов раздавался, когда один из резервуаров наполнялся; фусы — деревянная ширма со сквозной резьбой, загораживавшая ночью дверь; луань — один из видов «феникса»; в кольца и крючья закована дверь — имеется в виду узор на дверях; Воды Небесной Реки — Млечный Путь, по китайским представлениям, течет по небу с востока на запад, там падает на землю и дает начало великим китайским рекам.›

[28] Цитирую по Б. Лауферу (1915, с. 303—304). Плиний также рассказывает об асбестовой скатерти, очищаемой огнем.

[29] Лауфер 1915, с. 311.

[30] Там же, с. 307—319 и сл., 339. Ср.: Хирт 1885, с. 249—252.

[31] ТШ, 221б, 4155б; ЦТШ, 198, 3614б; ТХЯ, 100, 1784; Лауфер 1919, с. 499—502.

[32] Ли Ци. Син лу нань ⟨«Трудности езды по дорогам»⟩.— ЦюТШ, хань 2, цэ 9, цз. 2, 1а.

[33] Юань Чжэнь. Сун Линнань Цуй шилан ⟨«Посылаю в Линнань цензору Цую»⟩.— ЦюТШ, хань, 6, цэ 9, цз. 17, 7а. В английском переводе стихотворения «for padding» является свободным переводом слова *мянь* «хлопок» (существительное, употребленное как глагол «использовать хлопок для»). ⟨В русском переводе соответственно «пригоден для зимнего платья».⟩

[34] «Древесный хлопок» иногда путали с хлопком; см. ниже китайские названия для хлопка в танское время.

[35] Лауфер 1937, с. 7—9 и 14—15.

[36] Там же, с. 11. Однако жители Восточного Тибета предпочитали квадратные шатры из тканей, сделанных из шерсти яков.

[37] Лауфер 1937, с. 10—11.

[38] ЦТШ, 196а, 3604б.

[39] ТШ, 217б, 4143б.

[40] ЮЯЦЦ, 4, 36.

[41] ТШ, 37, 3791в.

[42] ТЛД, 3, 17б.

[43] Там же.

[44] ТШ, 34, 3713а. В тексте они названы «войлочные шляпы» (**γuən-t'uât*); **γuən-t'uât* — неотождествленное иноземное слово, относившееся в Китае к вещам, сделанным из овечьей шерсти.

[45] ЮЯЦЦ, 1, 3.

[46] См. перечень местных податей в ТШ, 37 и 39.

[47] ЦФЮГ, 970, 14а; 971, 10б и 16б; ТХЯ, 95, 1713. Это полотно называлось «полотно *цзун*»; поскольку *цзун* означает «всеобщий», были предположения, что это должно быть полотно, которое постоянно брали с общего склада для уплаты в качестве налога. Однако лексикографы не уверены, что *цзун* в данном случае употреблено именно в этом смысле.

[48] Китайское **ĵiʷat-nâk*. Б. Лауфер (1919, с. 493—496) выдвинул для этого слова фантастическую и неубедительную иранскую этимологию. П. Пельо (1928, с. 151) более резонно возводил его к названию одного из владений в Согде. Но тот же П. Пельо (1959, с. 483—484) определенно прав, рассматривая его как транскрипцию какого-то пракритского слова, родственного санскритскому *варнака* (от *варна* «цвет»).

[49] МШ, 10, 46.

[50] ЦФЮГ, 971, 3а; ТХЯ, 99, 1775.

[51] Хирт — Рокхилл 1911, с. 100. Я следую принятому этими авторами обозначению «Рум», отождествляя китайское Лумэй.

[52] Китайское *цзюань*.

[53] ЦТШ, 17б, 3125г; ЦФЮГ, 972, 10а.

[54] Китайское слово *чоу* здесь переведено как «тусса» (или «бомбицин») в соответствии с его средневековым употреблением. В настоящее время термин *чоу* служит для обозначения шелка вообще.

[55] ЦФЮГ, 972, 5б. Эта ткань названа тибетской туссой (**i̯ĕn-pʷat*).

[56] Китайское *ши*. ТШ, 43а, 3733а; ЦФЮГ, 971, 10а.

[57] ЦТШ, 199а, 3617б; ЦФЮГ, 971, 5а; 972, 2б; ТХЯ, 95, 1712—1713.

[58] ЦФЮГ, 971, 16б.

[59] Лауфер 1913, с. 341; и в особенности Лауфер 1916, с. 355.

[60] ЦФЮГ, 971, 7б; 971, 14б; ср.: Лауфер 1919, с. 488—492.

[61] ЦФЮГ, 971, 2а. Первый слог китайской транскрипции остается загадкой, но в целом *ək-miet-miəu-nji suo-lji-muân* превосходно передает этот титул и имя, несмотря на некоторые сокращения.

[62] А. Стейн 1928, табл. LXXX (Ast. VII.1.06).

[63] ЦФЮГ, 971, 2б.

[64] Лауфер 1915г, с. 104—107 Ф. Хирт (1885, с. 260—262) уже высказывал предположение, что шерстью «водяной овцы» была πινικόν (этой мыслью он обязан Э. Бретшнейдеру). См.: Пельо 1959, с. 507—531, где дано состояние вопроса для более позднего времени; см. также: Ямада 1957, с. 488—489.

[65] Лауфер 1915г, с. 114.

[66] ДЧВЧ (ТДЦШ, 13), 72б.

[67] ДЯЦБ (ТДЦШ, 2), 46б.

[68] ШИЦ, 10, 5а. Б. Лауфер (1919, с. 499) полагал, что материалом, который дал пищу для этих рассказов, была малайская ткань из луба.

[69] *Бин-вань*.

[70] ХХШ, 3, 0656а, с комментариями.

[71] Чжан Лян-ци. Хайжэнь сянь бин-цань фу 〈«Ода на подношение „ледяных шелкопрядов" людьми моря»〉.— ЦТВ, 762, 15б—16б.

[72] Вэй Чжи-чжун. Хайжэнь сянь бин-вань фу 〈«Ода на подношение „ледяной тафты" людьми моря»〉.— ЦТШ, 524, 13б — 14б.

[73] Пи Жи-сю. Гуюаньсы 〈«Обитель Гуюаньсы»〉.— ЦюТШ, хань 9, цэ 9, цз. 3, 8а.

[74] Чжан Цзи. Куньлунь эр 〈«Дети Курунга»〉.— ЦюТШ, хань 6, цэ 6. цз. 4, 9а. 〈Вот полный перевод этого стихотворения:

> В дальней заморской округе Курунг
>   дома родимого кров.
> В ханьские земли привезены
>   пленники маньских купцов.
> Как *циньцзиляо*, слова человека
>   могут они изучить;
> Плыли к Юйлиню, по бурным волнам
>   странствуя меж островов.
> Кольца златые готовы упасть
>   из продырявленных мочек;
> Волос курчавый узлами свисает
>   с их непокрытых голов.
> Любят они, чтобы кожа у них
>   черной была, словно лак,—
> Наполовину снимают в дороге
>   «древесного хлопка» покров.

Циньцзиляо — черный попугай, которого можно научить повторять слова человеческой речи; Юйлинь — древний округ на побережье Южно-Китайского моря, на территории южной части нынешних Гуандуна и Гуанси; «древесный хлопок» — Э. Шефер переводит это слово на английский как *fur* «мех», но поясняет, что имеется в виду накидка не из меха животного, а из некоего иного материала — «a substance other than animal fur».〉

[75] Бо Цзюй-и. Мао инь 〈«Пью в час *мао*»〉.— БШЧЦЦ, 36, 18а. В стихотворении о своем знаменитом шатре (см.: Бо Цзюй-и. Цин чжань чжан 〈«Шатер из синего войлока»〉.— БШЧЦЦ, 34, 9б — 10а) он заменяет словами «синий войлок» слово «шатер» — то же самое и здесь 〈для *багтак* см. примеч. 93〉.

[76] То же, что и *Eriodendron* sp. См.: Пельо 1959, с. 429—430 — о хлопке; Бэркил 1935, № 345—346 — о симале; Бэркил 1935, № 501—505 — о капоке.

77 Сообщено профессором П. Уэтли в личном письме.

78 Пельо 1959, с. 433.

79 Чэнь Цзу-гуй 1957, с. 4; Пельо 1959, с. 447, 449. Чэнь Цзу-гуй полагает, что сперва с юга было завезено многолетнее хлопчатое дерево, но оно вышло из употребления после того, как стали разводить однолетние хлопковые растения.

80 Чэнь Цзу-гуй 1957, с. 3—4. Согласно этой работе, хлопок при Сун произрастал в районе Гуанчжоу, а к концу этой династии — в долине Янцзы. Как будет видно ниже, я считаю, что его разводили в Линнани в позднетанское время. О начальном периоде употребления хлопчатых тканей в Южном Китае см.: ЦЧТЦ, 159, 5б; Чэнь Цзу-гуй 1957, с. 22 и сл.

81 ТШ, 221а, 4151б; ЦТШ, 198, 3612а; оба источника рассказывают о производстве, а ТШ, 40, 3727а, сообщает о ввозе тканей.

82 ЦТШ, 197, 3609г; ср.: ТШ, 222б, 4159б.

83 ЦТШ, 197, 3609г; ср.: ТШ, 222в, 4159г.

84 ДТСЮЦ, 2 (без пагинации).

85 ДТСЮЦ, 12.

86 ТШ, 222а, 4157а.

87 ЦФЮГ, 971, 17а; ТХЯ, 98, 1751.

88 ТШ, 221б, 4155б; ЦФЮГ, 971, 15а; ТХЯ, 100, 1793.

89 Например, страна **Pək-iəp* (ЦФЮГ, 971, 17б).

90 ЦТШ, 197, 3610а.

91 Чэнь Цзу-гуй 1957, с. 2 и 20; Пельо 1959, с. 474—476. См. определение *тун*, которое дано в ГЮ: «цветок, из которого может быть изготовлено „полотно“».

92 Пельо 1959, с. 433; ср.: Хирт — Рокхилл 1911, с. 218. Распространенные китайские формы **kiet-puâi*, **kuo-puâi* и **kivp-puâi*; все они связаны с гипотетической индомалайской формой, близкой к **kappāi*; Пельо 1959, с. 435—442. От этого же исходного слова происходят греческое κάρπασος, древнееврейское *karpas*, персидское *карбас* и др.

93 Китайская передача **b'vk-d'iep*. **B'vk* означает по-китайски «белый»; П. Пельо (1959, с. 447) полагает, что этот слог был выбран для транскрибирования с учетом его значения; первоначального значения слога **d'iep* П. Пельо не знал. Иранскую этимологию этого двусложного слова можно найти в работе Фудзита 1943, с. 548—549, где показано, как *-p* в слове **d'iep* могло поменяться местами с *-k*. ⟨В русском переводе сохранено принятое Э. Шефером реконструктивное написание **багтак*; сопоставление с таджикским *пахта*, тюркскими *пахта*, *пакта*, *бахта* — «хлопок» дает более близкое значение. В. В. Бартольд (1971, с. 380) приводит иранскую этимологию для *пахта*.⟩

94 Ван Цзянь. Сун Чжэн Цюань шан-шу чжи Наньхай ⟨«Провожаю шаншу Чжэн Цюаня, отправляющегося к Южным морям»⟩.— ЦюТШ, хань 5, цэ 5, цз. 3, 9а. Наньхай (Южные моря) здесь употреблено как старинное название Гуанчжоу и его округи; стихотворение посвящено отъезду некоего чиновника (по имени Чжэн Цюань), отправляющегося, чтобы занять должность императорского уполномоченного в провинции Линнань, а в приведенных строчках описывается все, что он может там встретить. ⟨«Драконов мозг» — борнеоская камфора, также одна из статей экзотического импорта.⟩

95 Сунь Гуан-сянь. Хэ нань Юэ ⟨«Вторю стихам о Южной Юэ»⟩.—ЦюТШ, хань 11, цэ 6, 10б. Переведенный фрагмент — все, что сохранилось от этого стихотворения. ⟨Южная Юэ — побережье Южно-Китайского моря; пресные яства — так назывались мидии, которых варили и ели без соли; тун — одно из китайских названий для хлопка, см. выше, примеч. 91.⟩

96 Ли Хэ. Нань юань ⟨«Сад Наньюань» (двенадцатое стихотворение

из цикла в 13 стихотворений)).— ЛЧЦГШ, 1, 36б — 37а; из комментария Ван Ци становится ясным, что эпитет «цвета рассветной зари», прилагавшийся как к легкому шелку, так и к «полотну» (т. е. к изделию из хлопка) с юга, означает, что «их цвет красно-желтый, подобно рассветным облакам утром». Ф. Хирт и У. Рокхилл (1911, с. 218) дали нелепый перевод «багрянец Двора», но также полагали, что это китайское выражение может являться транскрипцией санскритского *каушейа* «шелковая материя» — гипотеза, справедливо отвергнутая П. Пельо (1912а, с. 480). П. Пельо (1904, 390) замечает, что это выражение, которое он передает как *rose d'aurore* («румянец утренней зари»), восходит к «Чу цы».

[97] Ван Бо. Линьтан хуай ю («Вспоминаю друга в Линьтане»).— ВЦАЦ, 3, 11а.

[98] ТШ, 43а, 3733б.

[99] ТХЯ, 97, 1739.

[100] Кёдес 1948, с. 132—133.

[101] ЦТШ, 197, 3611в; ср.: ТШ, 222в, 4160а.

[102] ЦТШ, 197, 3609г; ср.: ТШ, 222б, 4159б.

[103] *[*Nəu-*] *d'â-γuân*, остров к юго-западу от Тямпы,– еще одно место, где носили розовые хлопчатые ткани. ТШ, 222в, 4159г; ЦТШ, 197, 3610а.

[104] ТД, 146, 762в.

К главе XIII. Красители (с. 276—284)

[1] ТЛД, 22, 21а.

[2] *Polygonum tinctorium* (но не западное индиго — *Indigofera tinctoria*).

[3] *Бому. Phellodendron amurense*, также называющееся «амурское бархатное дерево».

[4] *Хуанлу.*

[5] *Сяобо* — малый феллодендрон из рода *Berberis*. О нем и о двух упомянутых выше красителях см. у Чэнь Цан-ци (в БЦГМ, 35а, 32б и 33а); у него также имеются полезные сведения и о других растениях, дающих красители.

[6] ЮСЦЦ, 7, 50, где цитируется СТЦ.

[7] Пэй Янь. Предисловие к «Синсин мин».— ЦТВ, 168, 1а — 2б.

[8] БЦГМ, 51, 36б.

[9] ЧЕЦЦ (ТДЦШ, 1), 54б.

[10] Рассказ о *синсине* перепутан с рассказом по крайней мере еще об одной обезьяне, называвшейся *фэйфэй* (*$*b'j^wei$-$b'j^wei$*), обитавшей также на далеком Юго-Западе, которая понимала человеческую речь и из крови которой изготовляли красный краситель, употреблявшийся для окраски обуви. Кроме того, считалось, что, если человек выпьет крови *фэйфэя*, он приобретет возможность видеть духов. ЮЯЦЦ, 16, 135; Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 51б, 36б. Ли Ши-чжэнь считал их одним и тем же животным.

[11] Тейт 1947, с. 138—139. *Hylobates concolor*, *H. lar* и *H. hoolock*. В описании *синсина*, которое дает Ли Ши-чжэнь (БЦГМ, 51б, 36б), подчеркнуты торчащие волосы на голове — отличительная особенность «хохлатого гиббона». Но «лохматый гиббон» более распространен в современном Китае. Несомненно, две породы могли некогда там оказаться скрещенными.

[12] Чжан Цзи. Сун Шу кэ («Провожаю гостя из Шу»).— ЦюТШ, хань 6, цэ 6, цз. 5, 3а. Ср.: он же. Гу кэ юэ («Песня о торговых гостях»).— ЦюТШ, хань 6, цэ 6, цз. 1, 9б, где гиббон помещен в Цзиньлине (в районе центральной Янцзы). (См. это стихотворение в русском переводе Л. Н. Меньшикова: *Антология 1957, т. 2, с. 193—194.)

[13] Макдермот 1938, с. 43.

[14] Там же, с. 83 и 86.

[15] Там же, с. 77—78, 82—83 и 108.

[16] Янсон 1952, с. 115 и 125. Поэтому обезьяна являлась олицетворением человека, погрязшего в грехе, символом безрассудства и суетности, воплощением дьявола (Янсон 1952, с. 13—22, 29—56, 199—225). В Китае обезьяна лишена всех этих черт.

[17] Гуань-сю. Шань ча хуа «Цветы горного чая (камелии)».— ЦюТШ, хань 12, цэ 3, цз. 2, 6а.

[18] Хань Во. И лян «Конец холодов».— ЦюТШ, хань 10, цэ 7, цз. 4, 3а.

[19] ЧТЦ (ШФ, хань 77), 4а — 4б. Это сочинение обычно считается танским, однако оно содержит сунские даты, и в том виде, в каком оно представлено в этом издании, видимо, должно относиться к XIII в. Некоторые из косметических красок, перечисленных в этом сочинении, встречаются также в отрывке из ЦЧЛ (ШФ, хань 77), 1а, который можно считать подлинным танским произведением; оно могло послужить источником и для ЧТЦ. «Ореол гиббона» не встречается в ЦЧЛ, но я допускаю, что он мог бы оказаться там, если бы этот перечень дошел до нас во всей полноте. Ли Ши-чжэнь (БЦГМ, 9, 39б) приводит эпитет «гиббоново-красная» в приложении к киновари, приготовлявшейся из ртути, но я не знаю, насколько старым является это название.

[20] Различные виды, относящиеся к роду *Laccifer* (=*Tachardia*); систематики расходятся во взглядах по поводу их классификации (Бэркил 1935, 1290—1294).

[21] Су Гун и Ли Сюнь в БЦГМ, 39, 7а.

[22] Бэркил 1935, 1293.

[23] Шефер 1957, с. 135.

[24] ТШ (43а, 3733б) называет этот краситель как местную дань от двух тонкинских городов.

[25] Шефер 1957, с. 135.

[26] Там же. См. в особенности: Ли Сюнь в БЦГМ, 39, 7а.

[27] Шефер 1957, с. 133.

[28] Разные виды пальмы *Daemonorops*. Статус *D. draco* с точки зрения систематики остается неопределенным; Бэркил 1935, 747. Ср.: Ши Лу 1954, с. 56.

[29] Род *Dracaena*.

[30] Род *Pterocarpus*.

[31] Су Гун в БЦГМ, 34, 30б.

[32] Бэркил 1935, 747.

[33] В наши дни для «крови дракона» ротанговой пальмы *Daemonorops* было найдено новое применение — ее использовали «для облицовки литографических досок». См.: «London Times» (Annual Financial and Commercial Review), October 24, 1960.

[34] Слово «brazil» (от романского корня, означающего «раскаленные угли») прилагалось к малайским разновидностям *Caesalpinia* за цвет древесного красителя, получаемого из этого дерева; позже название было распространено и на южноамериканскую *Caesalpinia* из Пернамбуко, а затем и на Бразилию. Юл 1903, с. 113.

[35] Бэркил 1935, 390—393; Пельо 1959, с. 104.

[36] Описывается и в ГЦЧ и в НФЦМЧ.

[37] Су Гун в БЦГМ, 35б, 41а; Гу Куан. Суфан и чжан «Стихотворение о сапане» (из цикла «Тринадцать стихотворений, дополняющих дошедшие до нас наставления древних»).— ЦюТШ, хань 4, цэ 9, цз. 1, 3б.

[38] Лауфер 1919, с. 193; Такакусу 1928, с. 462.

[39] Су Гун в БЦГМ, 35б, 41а.

[40] Исида Мосаку — Вада 1954. Пигмент бразилин в образце сердцевины цезальпинии, хранящемся в Сёсоине, в настоящее время

полностью разложился (Асахина 1955, с. 498). К. Ямада (1959, с. 139—140) отметил, что в более поздние времена одна из разновидностей сапанового дерева, употреблявшаяся в Индии, называлась «китайской», поскольку она поступала из района Сиама на китайских судах.

[41] НБЯХЦ (ТДЦШ, 8), 72а.

[42] *Лань* (*Polygonum tinctorium*), которая давала краску, называвшуюся *дянь*.

[43] *Цин дай,* изготовлявшаяся из *Indigofera tinctoria*. См.: БЦГМ, 16, 21б; Лауфер 1919, с. 370–371; Кристенсен 1936, с. 123.

[44] Бэркил 1935, 1232—1233.

[45] ТШ, приведено в ТПЮЛ, 982, 1б.

[46] ЦСЦ, 1а.

[47] ЦФЮГ, 971, 2б.

[48] Ли Бо. Дуй цзю ‹«За вином»›.— ЛТБВЦ, 24, 4б. ‹Черепаховые планки — черепаховые панцири раскалывали на планки и лучинки и делали из них коврики для пиров, остававшиеся прохладными в жару; фужун — один из видов лотоса (розовый)›.

[49] ЧТЦ (ШФ, 77), 3б.

[50] Бо Цзюй-и. Да кэ вэнь Ханчжоу ‹«Отвечаю на вопрос гостя о Ханчжоу»›.— БШЧЦЦ, 24, 4б — 5а.

[51] Юань Чжэнь. Чунь лю-ши юнь ‹«Стихотворение в шестьдесят рифм о весне»›.— ЦюТШ, хань 6, цэ 9, цз. 13, 4а.

[52] *Semecarpus anacardium,* кит. **b'uâ-lâ-tək*. Существует иная форма — с последним слогом = *lək* (Лауфер 1919, с. 482—483).

[53] Ли Сюнь и Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 35б, 39а.

[54] Бэркил 1935, 1991—1992.

[55] *Quercus infectoria* (=*Q. lusitania*).

[56] Лауфер 1919, с. 367—369. Ср.: Бэркил 1935, 1043. Обычным китайским названием было «семена **miu-dź'iək*», но ЮЯЦЦ (18, 150) дает также **mua-dz'ək* (в этом источнике имеется тщательное описание этого дерева).

[57] Су Гун в БЦГМ, 35б, 39а.

[58] *Garcinia hanburyi* дает сиамский и камбоджийский гуммигут. Западноиндийская *G. morella* также дает это вещество, но там оно, кажется, не использовалось до XVI в. Мангостан дает *G. mangostana* Бэркил 1935, 1050–1051).

[59] Бэркил 1935, 1050—1051.

[60] *Тэн хуан.*

[61] Ли Сюнь, приведено в БЦГМ, 18б, 52а. Он цитирует ГЧ, где утверждается, что это растение росло в Центральном Китае; более поздние авторы сомневаются, что это было именно это дерево. Ли Ши-чжэнь ссылается на описание этого дерева в Камбодже, сделанное Чжоу Дагуанем; он называет его «желтый художнический».

[62] ЮЯЦЦ, 2, 12.

[63] *Бянь цин.*

[64] См. выдержки из ТБЦ в ЧЛБЦ, 3, 35а, и в БЦГМ, 10, 3а.

[65] Су Гун в БЦГМ, 10, 3а. Сам Ли Ши-чжэнь полагал, что Су Гун не прав. По У. Р. Б. Акеру (1954, с. 187), это тем не менее зеленый малахит; Б. Рид и Ц. Пак (1928, с. 58) называют «чешуйчатую синеву» кобальтовой рудой или смальтой (хотя и говорят, что иногда этим названием обозначен азурит). Я присоединяюсь к Юй Фэй-аню (1955, с. 4), который отождествляет *бянь цин* с «великим синим» из Юньнани и Бирмы, т. е. с грубым азуритом. У китайских живописцев кобальт не служил краской; соли кобальта при Тан только начали входить в употребление для придания цвета керамическим глазурям.

[66] Хэ Бин-юй — Нидэм 1959, с. 182.

[67] *Цы хуан.*

[68] *Сюн хуан.*
[69] Шефер 1955, с. 76.
[70] ДФЦЮ, приведено в ЧЛБЦ, 4, 10б.
[71] Шефер 1955, с. 75.
[72] Тао Хун-цзин, приведено в БЦГМ, 9, 40б.
[73] Шефер 1957, с. 77.
[74] ТШ, 221б, 4154б. Мастудж соответствует танскому Шанми.
[75] Харада 1944, с. 5—6.
[76] Бэркил 1935, № 242.
[77] Уэйли 1927, с. 3. Изображения того времени, иллюстрирующие очертания бровей, упомянутые здесь, и другие особенности танских мод см.: Лю Лин-цан 1958 (в особенности табл. 10); ⟨брови... начертаны как восьмерка — китайский иероглиф «восемь» представляет собой две черты, расходящиеся книзу; Иньчуаньский край — западная часть провинции Хэнань, где протекает река Иньчуань; годы Юань-хэ — 806—820 гг., когда Бо Цзюй-и служил в столице⟩.

К главе XIV. Минеральное сырье (*с. 285—292*)

[1] Ямада 1959, с. 147, примеч. 6, где цитируется Сюань-цзан.
[2] Там же, с. 132.
[3] ТБЦ, приведено в ЧЛБЦ, 4, 19а. Кальцит благодаря его хорошо известной слоистости назывался «камень, который делится на кубики». Гипс (в том числе и алебастр) именовался «каменный жир» за его беловатый вид.
[4] Чэнь Цан-ци, приведено в БЦГМ, 11, 6а.
[5] Нидэм 1954, с. 93.
[6] Там же, с. 244.
[7] ЦТШ, 48, 3273б.
[8] Су Гун в БЦГМ, 11, 7а, и в ЧЛБЦ, 5, 20а. Конкретно упомянутые месторождения — Шачжоу (Дуньхуан) и Кочжоу. Су Гун утверждает, что эта смесь называлась также «соль ху» [западных людей], тогда как в Дуньхуане ее называли **t'uk-təng*, а в Кочжоу — «соль теневых земель», поскольку она «накопляется на берегах реки и на теневой стороне холмов и склонов». «Перевернутые вверх ногами святые кости» — название, очевидно, даосского происхождения (ЮЯЦЦ, 2, 12). Составные части этой смеси были определены путем анализа пробы из неполивного горшка, хранящегося в Сёсоине. Исследователь, выполнивший анализ, определил это вещество как «почву из соляного озера в Китае». Асахина 1955, с. 496—497; Масутоми 1957, с. 46, 58.
[9] Масутоми 1957, с. 46.
[10] Ши Шэн-хань 1958, с. 75. Процесс изготовления этой разновидности соли описан в ЦМЯШ. Сатиранджан Сен (1945, с. 88) хотел придать названию *инь янь* значение «индийская соль»; он писал: «Это каменная соль Синда, которая известна как *саиндхава* — лучший сорт соли, согласно „Айюрведе"». Заманчивая, но неправдоподобная гипотеза.
[11] ТШ, 37, 3720в.
[12] ЦФЮГ, 971, 15б.
[13] ТШ, 221б, 4154б; ЦФЮГ, 971, 19а.
[14] Чжао 1926, с. 958. У. Акер (1954, с. 247, примеч. 1) объясняет танское *шу чжи* «готовая бумага» как «бумага, ровно отбитая и покрытая квасцами». Мастера, «доводившие до готовности» бумагу, находились в подчинении у ревизионных корректоров и сверщиков записей в императорском дворце (ТШ, 47, 3742б), у императорских библиотекарей (ТШ, 47, 3742в). В ТЛД (20, 18а, 18б и 19а) квасцы перечисляются вместе с желтой краской, коноплей и другими материалами, использовавшимися в дворцовой мастерской по производству бумаги.
[15] ТЛД, 20, 18а, 18б и 19а. Процесс получения квасцов путем про-

каливания алюнита был, видимо, уже известен в Малой Азии к X в., но в Китай он был принесен, очевидно, позже (Нидэм 1959, с. 653).

[16] Ли Сюнь в БЦГМ, 11, 11б.

[17] Масутоми 1957, с. 181.

[18] ТШ, 40, 3726г и 3727а.

[19] Су Гун в БЦГМ, 11, 11б и 13а.

[20] ТШ, 40, 3737а; Су Гун в БЦГМ, 11, 12б.

[21] Масутоми 1957, с. 199.

[22] Су Гун, приведено в БЦГМ, 11, 11б и 12б. «Зеленые квасцы» путали с малахитом или с каким-то другим зеленым минералом, который ввозился из Индокитая. См. ЧЛБЦ, 3, 40а, комментарий к статье в ТБЦ.

[23] Ли Сюнь в БЦГМ, 11, 11б. Лауфер (1919, с. 475) связывает эту разновидность квасцов со своим воображаемым «малайским Босы», но отмечает, что теперь такие квасцы производят в Индии и Бирме.

[24] Су Гун в БЦГМ, 11, 10а. Ср.: Нидэм 1959, с. 654—655.

[25] ТШ, 40, 3727б. В. В. Бартольд (1958, с. 169 ⟨*Бартольд 1963, с. 226⟩) отмечает значительные разработки нашатыря в горах Буттем недалеко от Ферганы ⟨точнее, в области Осрушана, в горах по верхнему течению реки Зеравшан⟩. Нашатырь встречается также в Кермане (Лауфер 1919, с. 507).

[26] Лауфер 1919, с. 506.

[27] Су Гун в БЦГМ, 11, 10а.

[28] Лауфер 1919, с. 504.

[29] Чжэнь Цюань, Чэнь Цан-ци и Су Гун в БЦГМ, 11, 10а.

[30] Рид—Пак 1928.

[31] Перечислена в числе необходимого для придворных ювелиров в ТЛД, 22, 14б—15а. Для чего она была им нужна, объясняет Су Гун в БЦГМ, 11, 10б.

[32] См.: Лауфер 1914, с. 89; Лауфер 1919, с. 503. Бура называлась «крупные зерна *b'эng» (*да пэн ша*). Б. Лауфер полагал, что *пэн* того же корня, что и тибетское *бул* «сода», и поэтому означает «натр», а не «бура».

[33] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 11, 9а.

[34] Шефер 1955, с. 85; Ср.: Чжан Хун-чжао 1921, с. 208—210.

[35] Ван Лин 1947, с. 164.

[36] Лауфер 1919, с. 555—556.

[37] *Пусяо. Сяо* «селитра» того же корня, что *сяо* «плавление», и, видимо, имеет также значение «флюсовый камень», «плавень».

[38] *Ман сяо.*

[39] Су Гун в БЦГМ, 11, 9а.

[40] Кимура 1954, с. 2. До недавнего времени считалось, что «игольчатая селитра» — это синоним для неочищенной селитры. Исследование образцов из Сёсоина (с учетом танских текстов) показывает, что такая точка зрения была ошибочной.

[41] Чжэнь Цюань в БЦГМ, 11, 9б; Су Гун в БЦГМ, 11, 9а.

[42] Шефер 1956, с. 65.

[43] Чжэнь Цюань в БЦГМ, 11, 10б.

[44] ЮСЦЦ, 1, 2. См.: БЦГМ, 11, 11а — о старинных рецептах употребления серных чаш.

[45] ГШП, 6, 17а.

[46] Ли Сюнь в БЦГМ, 11, 10б. В XI в. (согласно Су Суну) серу ввозили только с Южных морей.

[47] Или «каменная текучая желтизна» (*ши лю хуан*).

[48] Вэнь Тин-юнь. Сичжоу цы ⟨«Песня округа Сичжоу»⟩.— ЦюТШ, хань 9, цэ 5, цз. 3, 1б.

[49] См. значение иероглифов *лю хуан*, которое дается в словаре

«Цы юань», в особенности то значение, что приводится со ссылкой на «Гу юэфу» ⟨«Древние юэфу»⟩.

[50] Чжэнь Цюань в БЦГМ, 9, 40а.

[51] Ш е ф е р 1955, с. 82.

[52] Там же.

[53] ЮЯЦЦ, 2, 12.

[54] Ш е ф е р 1955, с. 83—85. С XI в., по крайней мере, реальгар входил в состав зажигательных бомб, а начиная с минского периода из него вырезали мелкую утварь вроде «рукогреек» и медицинских чаш. См.: Ш е ф е р 1955, с. 87. Я не располагаю данными о подобном применении этого минерала в танскую эпоху.

[55] Ш е ф е р 1955, с. 82; Чжэнь Цюань в БЦГМ, 9, 40а.

[56] Ш е ф е р 1955, с. 76, 83, исходя из МШ.

[57] Л а у ф е р 1919, с. 508; Ш е ф е р 1956а, с. 418.

[58] Су Гун в БЦГМ, 8, 32б.

[59] Ш е ф е р 1956а, с. 418, примеч. Наличие таких масляных красок с глётовыми сиккативами было научно установлено с помощью вещей из Сёсоина.

[60] ЮЯЦЦ, 1, 3.

[61] Су Гун и Су Сун в БЦГМ, 8, 32б.

[62] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 7, 28а; ЮЯЦЦ, 11, 85.

[63] НФИУЧ, приведено в ТПЮЛ, 808, 4б; Н и д э м 1962, с. 107.

[64] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 7, 28а.

[65] М э н х е н - Х е л ф е н 1950, с. 187—188.

[66] Ш е ф е р 1959а, с. 276.

[67] ТШ, 221а, 4153б.

[68] ТШ, 222б, 4159в.

[69] П е л ь о 1903, с. 274.

[70] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 46, 37а.

[71] В этом сомнительном источнике сказано: «От Персии до Лянчжоу»; ТЛД, 22, 14б—15а. Ср.: Л а у ф е р 1919, с. 521.

[72] Во всяком случае, так делали в X в. (УДШ, 73, 4480а).

[73] Л а у ф е р 1915в, с. 36—38.

[74] С у т х и л л — Х о д о у с 1937, с. 280—282.

К главе XV. Драгоценности (с. 293—329)

[1] ТШ, 221б, 4154г. Я воспринимаю **Kivp-tśia* как название Капиши.

[2] ЦТШ, 194б, 3599в.

[3] ТХЯ, 97, 1730.

[4] ТШ, 221б, 4155г; ЦТШ, 198, 3614г.

[5] ЦФЮГ, 971, 14б.

[6] ТШ, 221б, 4155б; ЦФЮГ, 971, 14а; ТХЯ, 100, 1793; С. Л е в и 1900, с. 417; Ч ж о у 1945а, с. 292.

[7] ЦТШ, 15, 3111б; ЦФЮГ, 972, 7а.

[8] ЦТШ, 194б, 3599в; ср.: ТХЯ, 94, 1693.

[9] ИШЦЦ (ТДЦШ, 7), 1а.

[10] Е. Д э - л у 1947, с. 95, 98—99. Ср.: Ш е ф е р 1951. Об относящихся к новому времени версиях этого сюжета (преимущественно с мусульманином в роли охотника за магическим предметом) см.: Э б е р х а р д 1937, с. 220—224.

[11] «Цэнь ши» ⟨«Человек по фамилии Цэнь»⟩.— ЦШЛ (ТПГЦ, 404, 7б—8а).

[12] Это стихотворение переведено у А. Уэйли (1954, с. 5), но «горный хрусталь» при этом превратился в «сапфир».

[13] Практически тождественны с амфиболами тремолит и актинолит («лучистый камень»).

[14] С и т у э л л 1936, с. 147.

[15] На Чжи-лян (1953, с. 363—364), рассматривая эту хорошо известную проблему, не добавляет ничего нового к нашему представлению о ней.
[16] КТЧСЦ (ТДЦШ, 3), 76б.
[17] ШХЦ, «Си шань цзин».
[18] ТШ, 221а, 4153а — 4153в; Бейли 1961, с. 1.

[19] В древности могли существовать и другие месторождения; если это и было так, то потом они перестали использоваться. В более позднее время яркендские нефритовые разработки приобрели большее значение, чем хотанские месторождения. Доктор Чжэн Дэ-кунь обратил мое внимание на разработки жада (нефрита ?) в Ляонине, в Южной Маньчжурии (сведения об этом приведены в «Чжунго синьвэнь» от 23.III. 1961). Огромная глыба, найденная в 1960 г., была частично желто-зеленого, частично бирюзово-зеленого цвета.
[20] ТЛД, 22, 14б—15а; ТЛД, 20, 18а, 18б и 19а.
[21] ТШ, 221а, 4153а—4153в.
[22] Груссэ 1932, с. 233.

[23] См.: Лауфер 1946 (работа в целом). На с. 102 сказано: «Мы видим, что все эти яшмовые знаки верховной власти являются воспроизведениями, копирующими реальную утварь; их формы восходят к молоткам и ножам, а также, возможно, к наконечникам копий и дротиков». Б. Лауфер полагал, что в этих предметах можно видеть пережитки солярного культа.
[24] Ср. *лун* «дракон-дождь» с *лун* «манипулировать», «играть с чем-либо», начертание которого изображает две руки и знак яшмы. Этой мыслью я обязан П. Будбергу.
[25] См.: ЛШ, «Пин-и»; и КЦЦЮ.
[26] Лауфер 1946, с. 116—117. Б. Лауфер следует здесь исследованию Э. Шаванна о жертвоприношении *фэншань.*
[27] [Ч]ТЦ, приведено в ТПЮЛ, 805, 1а; ср. сходное место в ТШ, 14, 3663г; см. также: ТШ, 3, 3639в.
[28] Фэн 1944, с. 6.
[29] [Ч]ТЦ в ТПЮЛ, 805, 1б.
[30] Трюбнер 1959, № 280—297.

[31] Комментарии Ван Ци к стихотворению Ли Хэ «Сюй гунцзы Чжэн цзи гэ» ⟨«Песня о наложнице Чжэн в доме господина Сюя»⟩ (ЛЧЦТШ, 4, 40б).
[32] ЮСЦЦ, 5, 35.
[33] [Ч]ТЦ, приведено в ТПЮЛ, 805, 1б.
[34] Трюбнер 1959, № 280—297.
[35] Лауфер 1946, с. 219—220.
[36] ЦФЮГ, 971, 13а.
[37] ЦФЮГ, 970, 7б; Лауфер 1946, с. 291—292.
[38] ЦФЮГ, 972, 7б и 8б; ТХЯ, 97, 1737 и 1739.
[39] Фэн 1944, с. 6.
[40] Трюбнер 1959, № 280—297.
[41] Лауфер 1946, с. 245—246.
[42] КЮТБИШ (ТДЦШ, 3), 66а.
[43] МХЦЛ, приведено в ТПЮЛ, 805, 9б.
[44] Синшаньсы в чанъаньском квартале Цзиншань.

[45] ЮЯЦЦ, сюй цзи, 5, 214. Интересно было бы знать, был ли искусно вырезанный из прозрачного нефрита «Брахманчик» (*Поломэньцзы*), о котором сказано, что он хранился в царской сокровищнице в Хотане, человеческой фигурой или чем-то совершенно иным (БКЛТ, 7, 27б). Данное сообщение взято из той части энциклопедии, которая написана Кун Чжуанем.

[46] Су Гун в БЦГМ, 8, 35а. О хрустале в Китае см.: Нидэм 1961, с. 99—101, 114.

[47] Бромхэд 1945, с. 116; Болл 1950, с. 221.

[48] Рейшауэр 1955а, с. 82.

[49] ТШ, 221б, 4153г; ЦФЮГ, 971, 3а и 13а; ТХЯ, 99, 1775.

[50] ТШ, 221б, 4154г; см. об этом: Нидэм 1961, с. 115.

[51] См. выше, с. 61.

[52] Сыкун Ту. Ю сянь («Прогулки бессмертных»).— ЦюТШ, хань 10, цэ 1, цз. 3, 2б.

[53] Оуян Чжань. Чжи-да шанжэнь шуйцзин няньчжу гэ («Песня о четках из „сущности водной" святого человека Чжи-да»).— ЦюТШ, хань 6, цэ 1, 7а.

[54] У Ци-юй 1959, с. 358, где цитируется стихотворение Гуань-сю, найденное в Дуньхуане.

[55] Ван Цзянь. Шуйцзин («Водная сущность»).— ЦюТШ, хань 5, цэ 5, цз. 5, 2а.

[56] Вэй Ин-у. Юн шуйцзин («Воспеваю „водную сущность"»).— ЦюТШ, хань 3, цэ 7, цз. 8, 1а.

[57] Ли Бо. Бо ху тао («Белый персик варваров ху»).— ЛТБВЦ, 23, 4а.

[58] Смит 1940, с. 49.

[59] Лауфер 1913а, с. 10, примеч. 3.

[60] БКЛТ, 13, 23а—23б.

[61] ЦШЧ (ТДЦШ, 6), 71а. То, что этот эпизод может быть вымыслом в данном случае несущественно.

[62] ЮЯЦЦ, 11, 85.

[63] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 8, 36а.

[64] В 718 и 740 гг. (Ш, 221б, 4153г; ЦФЮГ, 971, 3а; ЦФЮГ, 971, 13а)

[65] В 730 и 741 гг. (ТХЯ, 99, 1773; ЦФЮГ, 971, 13б).

[66] ТШ, 221б, 4155б; ЦТШ, 198, 3614б; ЦФЮГ, 971, 16а; ТХЯ, 100 1784.

[67] ЦФЮГ, 971, 8б.

[68] ЦТШ, 4, 3071в; ЦФЮГ, 970, 14б.

[69] Чэнь Цан-ци (приведено в ЧЛБЦ, 4, 40б) пишет: «Сердолик поступает из страны Японии. Если вы попробуете на нем полированное дерево и он не потускнеет, это лучший; когда сердолик тускнеет от полированного дерева, он ненастоящий». Это, видимо, должно означать, что поддельный сердолик намного мягче, чем подлинный.

[70] Исида Мосаку — Вада 1954, рис. 62.

[71] А. Стейн 1921, с. 101.

[72] ТШ, 39, 3723б.

[73] ТШ, 41, 3729а.

[74] Су Сун в БЦГМ, 10, 2б; ЮЛШП, о котором см.: Шефер 1961, с. 86.

[75] ТШ, 41, 3728г.

[76] ЮСЦЦ, 6, 47.

[77] ТШ, 221б, 4155в; ЦТШ, 198, 3614в; ЦФЮГ, 970, 12; ТХЯ, 99, 1778.

[78] *Пэнь шань.*

[79] Хао Сюй-чжоу. Пэнь чи фу («Ода озеру в чаше»).— ЦТВ. 624, 5а—6а; Р. Стейн 1942, с. 35—36; ср.: Шефер 1961, с. 31, 36. Мы встречаем для танского времени упоминания о «ложных горах», или о «ненастоящих горах» (*цзя шань*), т. е. об «искусственных горах», но большинство из них должно было представлять собой довольно крупные холмы, сооруженные в частных садах, а не карликовые сооружения для водружения на столе. См.: Р. Стейн 1942, с. 33.

[80] ЦИЛ, 6, 20б. Ср.: Р. Стейн 1942, с. 31. Сунь Чэн-ю был шурином Цянь Чу, правителя У-Юэ.

[81] ЦИЛ, б, 23б.

[82] ЦИЛ, а, 3б. Бохай, завоеванный киданями, был переименован в 925 г. в Дундань, и этот князь был поставлен там правителем.

[83] СШ, 488, 5714а.

[84] ТБЦ в ЧЛБЦ, 5, 26а; Хирт — Рокхилл 1911, с. 226; Шефер 1961, с. 95. Этот камень вполне мог бы быть прозрачным змеевиком, крапленным цветными прожилками, как зеленый серпантизированный мрамор, или блестящей белой и зеленой породой вроде бовенита.

[85] ТБЦ в ЧЛБЦ, 5, 26а. В этом тексте упоминается *цин ланган*, что, по-моему, должно быть синонимом для *биган*.

[86] Слово *цин*, которое встречается в описании этого камня, следует истолковывать с осторожностью, но я убежден, что в средневековом Китае оно передавало скорее синий, чем зеленый цвет. Так, в ЛХЦ (Мин), с. 14, говорится: «Могут спросить, почему цвет этих деревьев совершенно синий (*цин*), когда все растения и деревья бывают зелеными. Ясно, что это потому, что зеленый — цвет между синим и желтым, а поскольку деревья не смогли бы вырастать, если бы не земля [, считавшаяся желтой], синее становится зеленым благодаря своей зависимости от этого желтого». Словом, *цин* «синий» был традиционным цветом растительности и в буквальном и в переносном значении, тогда как *люй* «зеленый» был ее подлинным цветом, обусловленным примесью желтого — питающей растения земли. Заметим также, что в обозначениях красок живописцев *цин* обычно означает «синий». Отсюда *ши-цин* «камень-синева» для лазурита (синий вердитер) и *ши-люй* «камень-зелень» для малахита (зеленый вердитер).

[87] Содалит так близко напоминает ляпис-лазурь, что его путают с последней даже в наши дни. Но в действительности ляпис-лазурь —«минерал» с примесями и может содержать как содалит, так и лазурит; см.: Мэрилл 1922, с. 70. Что же касается сапфира, то это название было перенесено на синий корунд (т. е. сапфир в современном понимании) довольно поздно, а *sappir* в Библии и *sapphiros* у Теофраста и Плиния означают ляпис-лазурь; Мэрилл 1922, с. 148—149; Лукас 1934, с. 347 ⟨*Лукас 1958, с. 601⟩. Многие сапфиры происходят из глин (разложившихся базальтов) близ Бангкока и из речных галечников на Цейлоне. Я не знаю танских сапфиров, но в Сёсоине есть зеркало, тыльная сторона его инкрустирована содалитом, янтарем и бирюзой.

[88] Ф. Хирт и Э. Шаванн полагали, что *сэсэ* означает «бирюза». Б. Лауфер (1913а, с. 25, 45) показал, сколь это сомнительно, и, что особенно важно, он показал, что «в Китае бирюза не ценилась» (Бойер 1952, с. 173). Однако Б. Лауфер еще более усложнил этот вопрос своим тройным отождествлением *сэсэ* с рубиновой шпинелью, ониксом и изумрудом. Несколькими годами позже Чжан Хун-чжао (1921, с. 69—71) предложил отождествить *сэсэ* с сапфиром. Я уже высказывал предположение, что название *сэсэ* в каких-то случаях могло относиться к этому минералу, однако обыкновенный *сэсэ* средневекового Китая не мог быть сапфиром. Итак, суммируя, признаки, по которым *сэсэ* и ляпис-лазурь могут быть сопоставлены, состоят в том, что оба имеют темно-синий цвет или цвет индиго (точные ссылки на источники приводятся далее, в основном тексте). *Сэсэ* иногда светопроницаем; полупрозрачной бывает и ляпис-лазурь, хотя по большей части она не пропускает света (однако глубокий цвет лучшей непрозрачной ляпис-лазури придает ей вид льда), тогда как сапфир и содалит прозрачны или полупрозрачны. *Сэсэ* — самоцвет, который был характерен для Чача (Ташкент), а добывали его в большой копи к юго-востоку от этого города-владения; определенно это была знаменитая бадахшанская копь ляпис-лазури, расположенная юго-восточнее Ташкента, которая с древних времен снабжала Восток, еще в халдейский и ассирийский периоды, этим минералом (Джэттонз

15 Заказ № 2366

1950, с. 352, 355) и до сих пор остается важным его источником. И *сэсэ* и ляпис-лазурь были связаны с Персией. В танское время *сэсэ* можно было приобрести в Хотане; с хотанских рынков самоцветов в сунскую эпоху ввозили ляпис-лазурь, но под новым названием — «камень золотой звезды» (*цзинь-син ши*), которое происходит от сверкающих, как золотые звезды на темно-синем небе, крапинок пирита, встречающихся обычно в этом минерале; эта разновидность описана в XII в. (ЮЛШП, б, 19; ср.: Шефер 1961, с. 90—91) как один из сортов «хотанского камня»; другой сорт «хотанского камня» — зеленовато-синий ценился не так высоко, как чисто синий (зеленоватая разновидность ляпис-лазури также встречается в Бадахшане), но также ввозился в сунский Китай под названием «перья зимородка» (название, прилагавшееся снова в XVIII в. уже к бирманскому жадеиту); к тому же, как это было и в средневековой Персии, синие самоцветы, встречающиеся на археологических памятниках Хотана,— это ляпис-лазурь (а не бирюза; например: Лауфер 1913а, с. 38). Любили носить *сэсэ* и тибетцы; в древних тибетских перечнях драгоценных камней ляпис-лазурь встречается, а столь любимая тибетцами в последнее время бирюза в этих перечнях отсутствует: и именно ляпис-лазурь, а не бирюзу древние правители Тибета посылали китайским императорам (Лауфер 1913а, с. 12); и даже современные украшения из ляпис-лазури у монголов «имеют несомненно тибетский облик» (Бойер 1952, с. 173).

89 Одно из местных названий Хотана — *Gostana* — «грудь земли»; по преданию, сын Ашоки, основавший это владение, был вскормлен богиней Земли (А. Стейн 1907, с. 153 и сл.; Браф 1948, с. 334).

90 ТШ, 221а, 4153а. Этот человек, одолеваемый жадностью, прикинулся, что его ограбили чужеземцы, и, вернувшись в Китай, припрятал привезенные вещи для себя, но был разоблачен и сослан.

91 ЮЛШП, б, 19; см. также выше; примеч. 85 к этой главе.

92 В Британском музее имеется цикада из ляпис-лазури, относящаяся к периоду Поздней Чжоу (из коллекции Эвморфопулоса); если материал, из которого она сделана, происходит из Бадахшана, то это замечательный пример развития древних торговых связей еще до открытия шелковых путей через Сериндию.

93 Дана 1892, с. 433; Бартольд 1958, с. 66 ⟨*Бартольд 1963, с. 116⟩. Как называлась шпинель в средневековом Китае, остается неустановленным.

94 ТШ, 221б, 4154а.

95 ЦТШ, 104, 3391а.

96 ТЛД, 22, 14б—15а, где страны «от Персии до Лянчжоу» названы источником таких минералов, как ляпис-лазурь, янтарь, яшма, алмазные сверла, а также желтой меди. По-моему, это должно означать, что все они ввозились через Центральную Азию, которая и занимает территорию между Персией и Китаем. Ср.: Лауфер 1913а, с. 38. Чжан Хунчжао (1921, с. 56) нашел в Пинлу копи танского времени, где, как предполагают, добывался *сэсэ*, но что за синий камень там был найден, остается загадкой

97 Хорн — Штайндорф 1891; Осборн 1912, с. 149. Бирюза совсем не встречается. Сасаниды также любили синий «сапфировый» халцедон, который, возможно, иногда путали с ляпис-лазурью. Осборн 1912, с. 149. ⟨Неизбежная гипотетичность предлагаемых Э. Шефером отождествлений оказалась бы меньшей, если бы в книге были более полно учтены данные музейных коллекций. В частности, в таком представительном собрании сасанидских резных камней, каким является коллекция Государственного Эрмитажа (см.: *Борисов — Луконин 1963; в этот каталог вошли 813 экземпляров), только 19 лазуритовых гемм (халцедон — 306 экз., сердолик — 268 экз., гематит — 41 экз.,

яшма — 39 экз., альмандин — 37 экз., гранат — 15 экз. и т. д.), а «сапфировый» халцедон в ней совершенно не представлен — есть три геммы из голубоватого халцедона (№ 623, 679, 680 по каталогу А. Я. Борисова и В. Г. Луконина), две — из голубовато-желтого (№ 690, 740), одна — из дымчато-голубоватого (№ 795). Минералогическое определение камней этой коллекции принадлежит академику А. Е. Ферсману.〉

[98] Кристенсен 1936, с. 461.

[99] ТШ, 221б, 4155в.

[100] Плиний, кн. XXXVII, гл. 39.

[101] МХЦЛ (ТДЦШ, 4), 3а.

[102] ТШ, 76, 3869б.

[103] Исида Мосаку — Вада 1954, с. 117; «Сёсоин», 1960, № 84, в южном здании.

[104] ТШ, 216а, 4135а.

[105] Лауфер 1913а, с. 10.

[106] ТД, 190, 1022в.

[107] УДШ, 74, 4480б.

[108] Без огранки, которая стала принятой в новое время; Б. Лауфер полагал, что эти камни были изумрудами.

[109] ТШ, 222а, 4156б—4157а. В Лондонском геологическом музее имеется образчик лазурита из Могока (Верхняя Бирма). Отнюдь не вся ляпис-лазурь должна была поступать из Бадахшана.

[110] ВФЦШЦ, 8, 16б. Конечно, поэт мог здесь описывать и просвечивающий псевдоляпис — темный сапфир, содалит или какой-нибудь искусственный самоцвет.

[111] ЮШ, 181, 4061б. Чжан Хун-чжао (1921, с. 57) приводит из полного вымыслов текста ДЯЦБ примеры занавесей, расшитых бусами из ляпис-лазури, и знамен, украшенных ляпис-лазурью, жемчугами и янтарем.

[112] ТШ, 177, 4053в. В данном случае речь, может быть, идет об изделии из пасты.

[113] Ситуэлл 1941, с. 15, 30—31.

[114] МХЦЛ (ТДЦШ, 4), 2а; Шефер 1956, с. 76; см. также стихотворение Лу Гуй-мэна «Тан цюань» 〈«Горячий источник»〉 в ЦюТШ, хань 9, цэ 10, цз. 13, 12а.

[115] Шефер 1961, с. 5—7.

[116] Лауфер 1913а, с. 32, где цитируется ВЛ.

[117] Чжан Хун-чжао 1921, с. 59.

[118] Лукас 1934, с. 348 〈*Лукас 1958, с. 601〉.

[119] Томпсон 1936, с. 194—195. В средневековой Европе существовали искусственные карбункулы, брильянты, сапфиры, изумруды, топазы и др. (Холмс 1934, с. 196). 〈Сведения Э. Шефера, заимствованные им у Р. К. Томпсона, в настоящее время устарели. Как любезно сообщил И. М. Дьяконов, слово *ципру*, действительно происходящее от того же корня, что и *sappir*, существовало в аккадском с широким значением «драгоценность»; «ляпис-лазурь» обозначали словом *укну*.〉

[120] Ультрамарин — это истолченная в порошок ляпис-лазурь. В Китае ультрамарин — редкость, но его удалось обнаружить в вэйской живописи в пещерах Дуньхуана (Грэй 1959).

[121] Стьюарт 1930, с. 72. Чосер был также первым, кто использовал в качестве цветовых эпитетов слова «румяный» (*ruddy*, в тех случаях, когда речь идет не о цвете лица), «солнечный» (*sunnish*), «лимонный» (*citron*), «розовый» (*rosy*).

[122] «Си чжай син ма» 〈«Кони у моего западного кабинета»〉.— ЛЦВДЦ, 2, 41а.

[123] Ян Шэнь. ШАВЦ, приведено в словаре «Дай кан-ва дзитэн», 7, 953б. Чжан Хун-чжао (1921, с. 64—65) приводит и другие примеры для этого образа.

[124] «Ти Учжун Лу Гуй-мэн шань чжай» («Надпись в горной келье Лу Гуй-мэна из Учжуна»).— ЦюТШ, хань 11, цэ 1, 2а.

[125] Гуань-сю (832—912). Мэн ю сянь («Сны о прогулках бессмертных». Четыре стихотворения (стихотворение второе)).— ЦюТШ, хань 12, цэ 3, цз. 1, 4а.

[126] Его имя передается как **Puâ-tâ-liək*. Ф. Хирт (а затем и Нидэм — 1962, с. 106) считал, что это слово могло бы передавать через какой-то из восточных языков титул «патриарх». В Константинополе в это время правил Констант II.

[127] ТШ, 221б, 4155в; ЦТШ, 198, 3614в; ЦФЮГ, 970, 10а; ТХЯ, 99, 1778. В тех версиях, что приводятся в двух «Историях династии Тан», из термина «камень-зелень» (малахит) выпало слово «камень» и соответственно возникло чтение «сущность зеленого металла» (вместо обозначения «камень-зелень, сущность металла»). Этим объясняется точка зрения Э. Шаванна, по которой обозначенный таким образом минерал и есть ляпис-лазурь (Шаванн 1903, с. 159); эта мысль была использована Б. Лауфером (1919, с. 520) и принята П. Пельо (1959, с. 59—60). Единственное основание для этой гипотезы о ляпис-лазури — ошибка в тексте.

[128] ЦФЮГ, 971, 13б. В аналогичном месте в ТХЯ (99, 1773) приводится иная дата — 730 г. Я опираюсь на ЦФЮГ как на более достоверный источник.

[129] ЦФЮГ, 971, 5б.

[130] ТШ, 221б, 4154г.

[131] ЦШ, 87, 1308г.

[132] ЛИЦ (ЦДБШ, серия 11, цэ 4).

[133] Пи Жи-сю. И Маогунцюань и пин сянь шан цзяньи инь цзи («Посылаю в укор государю эти стихи вместе с кувшином воды из источника Маогунцюань»).— ЦюТШ, хань 9, цэ 9, цз. 3, 5б.

[134] Чжан Цзю-лин в своем «Предисловии к славословию льву», в связи с достоинствами некоего льва, присланного в дань из Западного края, говорит, что его кости имели «твердость сущности металла». Из этого можно было бы сделать заключение еще об одном (кроме белизны) качестве этого камня — его исключительной твердости. Но на самом деле приведенный текст упоминает о «твердости металла», т. е. употреблено стандартное китайское обозначение для алмаза, особая твердость которого была широко известна (Чжан Цзю-лин. Шицзы цзань сюй.— ЦТВ, 290, 19а). Плиний повествует об *auri nodus* «зародыше золота» (он был известен уже Платону — Тимей, 59), считая таковым алмаз; рассказ об этом минерале в какой-то мере переплетается с рассказом о «сущности [или зародыше] металла» (см.: Болл 1950, с. 245). Танская фармакопея, однако, в значении «сущность золота» употребляет термин *цзинь цзин*, утверждая, что опермент — это «сущность золота», тогда как лазурит — «сущность меди» (ССБЦ, 4, 44).

[135] Болл 1950, с. 171. Иногда альбит (другая разновидность полевого шпата) также обладает этими качествами и тоже называется лунным камнем. Цейлон дает самый лучший лунный камень, но «История династии Тан», хотя и сообщает, что эта страна «изобилует необычайными драгоценностями», перечня их не приводит (ТШ, 221б, 4155б).

[136] О древнем китайском стекле см.: Нидэм 1962, с. 101—104.

[137] Китайское слово *люли*, по всей вероятности, передает палийское *велурийам* (санскритское *вайдурйа*) и в китайской буддийской литературе продолжало иметь соответствующее индийским терминам значение (т. е. берилл или какой-то другой зеленый самоцвет). На этом основании Б. Лауфер (1946, с. 111—112) не принимал для *люли* значения «стекло» и, соглашаясь, что некоторые цветные стекла иногда называли этим словом, считал термин *боли* единственным словом, употреблявшимся в

Китае для обозначения стекла. *Боли* передает слово, близкое к санскритскому *спхатика* «хрусталь» (см.: Нидэм 1962, с. 105—106).

[138] Грэй 1959, с. 53.

[139] Например, с объединенным посольством от тюргешей, Кеша и других владений в 746 г. (ЦФЮГ, 971, 15б).

[140] ТШ, 222в, 4160а.

[141] ТШ, 34, 3713б.

[142] Комментарий Ху Сань-сина к упоминанию под 778 г. чаши *люли* (в ЦЧТЦ, 225, 14б); он, видимо, опирается на источник XII в. (см.: Нидэм 1962, с. 110).

[143] Оуян Цзюн. Ти Цзин Хуань хуа Интяньсы би тянь-ван гэ («Песня к изображению Небесного царя, написанному Цзин Хуанем на стене обители Интяньсы»).— ЦюТШ, хань 11, цэ 6, 3а.

[144] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 8, 36а.

[145] ЮЯЦЦ, 11, 85.

[146] ТШ, 221б, 4154г.

[147] ЦТШ, 5, 3074а (для 675 г.); ЦФЮГ, 970, 16б (под 761 г.).

[148] ТШ, 221б, 4154г; ЦФЮГ, 971, 13б (под 741 г.); ТХЯ, 99, 1773 (под 730 г.).

[149] ТШ, 221б, 4155в; ЦТШ, 198, 3614в; ЦФЮГ, 970, 10а; ТХЯ, 99, 1778.

[150] Харада 1939, с. 61—62; Исида Мосаку — Вада 1954, рис. 59, 60.

[151] Нидэм 1962, с. 103.

[152] Исида Мосаку — Вада 1954, рис. 69.

[153] Там же, рис. 58.

[154] Исида Мосаку — Вада 1954, рис. 63.

[155] «Сёсоин» 1928, I, 32.

[156] Трюбнер 1957, № 364.

[157] Там же, № 366, 367.

[158] ЦТШ, 197, 3609г; ТХЯ, 98, 1751.

[159] ЦФЮГ, 970, 6б; СТХЦ (ТДЦШ, 1), 13а. Эти источники, видимо, упоминают о том же событии, но относят его к 631 г. По поводу идентификации Ракшаса см.: Лауфер 1915д, с. 211.

[160] ТШ, 222в, 4159б.

[161] ЦТШ, 197, 3610а; ЦФЮГ, 970, 13а.

[162] ТШ, 221б, 4155а.

[163] Лауфер 1915д, с. 212.

[164] Рейшауэр 1955, с. 117.

[165] Лауфер 1915д, с. 170, 174, 217, 225, 228. Ср.: Лауфер 1915е, с. 563, где тибетское *мс шел* «огонь-хрусталь» приравнено к санскритскому *сурьяканта*.

[166] Нидэм 1962, с. 111—113.

[167] Лауфер 1915д, с. 182, 188.

[168] Нидэм 1959, с. 252; Нидэм 1960, с. 135, примеч. 3. Позже этот мифологический образ луны превратился в «огненный шар» — явно в результате смешения созвездия Дракона с невидимыми чудовищами Раху и Кету, которые, по представлениям индийской астрономии, лежат в месте пересечения лунной орбиты с солнечной и пожирают солнце (отсюда и солнечные затмения). Таким образом, игрушка дракона стала снова олицетворением солнца, точнее, солнца и луны вместе (Нидэм 1959, с. 252).

[169] Лессинг 1935, с. 30.

[170] Лауфер 1915в, с. 58; Демьевиль 1924, с. 289—292; Шефер 1952, с. 155, примеч. 8.

[171] Лауфер 1915в, с. 69.

[172] ТШ, 219, 4146г; ЦФЮГ, 971, 4а; Лауфер 1915в, с. 69.

[173] Сравни «*pivk* синего поля» (в действительности зеленый мра-

мор), употреблявшийся наряду с жемчугом и перьями зимородка для украшений по золоту (ХШ, 97б, 0615а); «сияющий ночью *pivk*» из Рима (ХХШ, 118, 0905а) и «шелка цвета *pivk*» (ИЛ, Пин ли, комментарий к *шу цзинь* «связанные шелка»).

[174] Хирт 1885, с. 243; Э. Харвэй 1957, с. 19, 33—34, 372. Ср.: Нидэм 1962, с. 76.

[175] Бертело 1938, с. 271—274.

[176] *Минтан.* Я использую перевод У. Сутхилла.

[177] ЦТШ, 22, 3157б—3157в.

[178] ЦТШ, 22, 3158а; ЦЧТЦ, 205, 14а; Нидэм 1958, с. 21.

[179] ЦЧТЦ, 205, 14а; Нидэм 1958, с. 21.

[180] Цуй Шу. Фэн Шиминтан хо-чжу ⟨«Получаю „огненную жемчужину" в зале Испытания Просветленных»⟩.— ЦюТШ, хань 3, цэ 2, 2б.

[181] ЦЧТЦ, 205, 15а—15б.

[182] Цуй вэй» ⟨в русском переводе О. Л. Фишман: «Цуй Вэй» — «Танские новеллы», 1960, с. 102—111⟩ в ЧЦ (ТПГЦ, 34, 5б—6а). Таджик (Tadjik) — китайское название страны арабов ⟨Э. Шефер приводит лишь приблизительное и упрощенное объяснение происхождения китайского даши. Более строгий и аргументированный анализ соотношения терминов — *даши* — *Tadjik* — *t'zyk* = *tāžik* (согд.) см.: *Бартольд 1963, с. 456; *Лившиц 1962, с. 88⟩; Паньюй — древнее название Гуанчжоу.⟩

[183] Чжэнь Цюань в БЦГМ, 51а, 26а.

[184] ТЛД, 22, 14б—15а.

[185] ТШ, 43а, 3733а; из Хуаньчжоу.

[186] ТШ, 222а, 4157а.

[187] ЦФЮГ, 971, 17а. В качестве «дани» в 748 г.

[188] ЦФЮГ, 971, 17б; ЦТШ, 197, 3610а.

[189] ЦФЮГ, 971, 17б.

[190] Лауфер 1925, с. 67—68.

[191] Исида Мосаку — Вада 1954, табл. 76.

[192] «Сёсоин» 1928, I, табл. 44.

[193] ТЛД, 22, 14а—14б.

[194] Исида Мосаку — Вада 1954, табл. 18.

[195] Они назывались *ху*. ⟨Эти дощечки были знаками достоинства, вручавшимися чиновнику при получении соответствующего ранга; ношение при себе этих табличек во время торжественных церемоний было обязательным.⟩

[196] БКЛТ, 12, 25а — 25б.

[197] ТШ, 24, 3682а.

[198] ТД, 126, 659в.

[199] ТШ, 24, 3681б.

[200] Трюбнер 1957, 128.

[201] Дженинз 1954, с. 49.

[202] ТШ, 222а, 4157а.

[203] ТШ, 43а, 3733а.

[204] Дженинз 1957, с. 35, 43. В сунскую эпоху рог африканского носорога китайцы стали ставить выше рога азиатского носорога, и вышло так, что на большинство подобных изделий минского и цинского времени шел рог африканского носорога.

[205] ЮЯЦЦ, 16, 134.

[206] Эттингхаузен 1950, с. 53. Бо Шоу-и (1937) цитирует средневековый источник, упоминающий «узорный [рог] носорога» наряду с «уникальными жемчужинами, черепаховыми панцирями и невиданными благовониями» в перечне товаров, привозившихся морем в Гуанчжоу.

[207] Дженинз 1957, с. 40—41.

[208] Ли Сюнь в БЦГМ, 51а, 26б.

[209] Мэн Шэнь в БЦГМ, 51а, 27а.

[210] Дженинз 1957, с. 40—41.
[211] «Сёсоин» 1928, I, табл. 31, где воспроизведена одна такая чаша из Сёсоина; ср.: Эттингхаузен 1950, с. 102; Дженинз 1957, табл. 20.
[212] Дженинз 1954, с. 49.
[213] Эттингхаузен 1950, с. 102; Исида Мосаку — Вада 1954, табл. 67 (нож). Ду Фу в стихотворении «Ли жэнь син» (ЦЦЦЧДШ, с. 25) повествует о роговых палочках для еды, которыми пользовались изысканные придворные дамы.
[214] ЮСЦЦ, 5, 34; ср.: Дженинз 1957, с. 45.
[215] Дженинз (1957, с. 44 и сл.), цитирующий Ли Шан-иня, располагает и другими танскими источниками по этому вопросу.
[216] Эттингхаузен 1950, с. 54; Дженинз 1957, с. 47.
[217] Чжоу 1945, с. 16; Соважэ 1948, с. 16.
[218] «Сёсоин» 1928, VII, табл. 33; ср.: Дженинз 1957, с. 47.
[219] ДЯЦБ, 2, 10а.
[220] Современная форма *жу-и*, как нам кажется, должна была возникнуть в начале сунского периода, когда поясные крючки архаической эпохи были неверно поняты как примитивные жезлы (Грэй 1959, с. 49, где цитируется Л. Дэвидсон).
[221] Исида Мосаку — Вада 1954, табл. 117.
[222] «Сёсоин» 1928, XI, 55.
[223] ТХЯ, 95, 1712—1713.
[224] **Kuət-tuət*. Ли Ши-чжэнь спутал его с морским животным, источником возбуждающего снадобья; у меня оно приводится под его корейским названием *олнул* (см. гл. XI «Лекарства»). См.: Лауфер 1916, с. 373—374. Однако Б. Лауфер полагал, что *куттут* может означать бобра, а *олнул* — тюленя, хотя в другой своей работе (Лауфер 1913) он понимает *куттут* как окаменелые бивни нарвала. Ф. Хирт и У. Рокхилл (1911, с. 234) вслед за Ли Ши-чжэнем спутали эти два написания.
[225] Лауфер 1925, с. 32—33. Макдиси называет «рыбьи зубы» в перечне товаров, вывозившихся из Хорезма (Бартольд 1958, с. 235 ⟨*Бартольд 1963, с. 294—295⟩). Б. Лауфер считал, что, хотя обычно это были моржовые клыки, иногда это могли быть и бивни мамонта и что последние могли даже попадать в Китай.
[226] ТШ, 39, 3725а; Лауфер 1913; Лауфер 1916, с. 369.
[227] ЮСЦЦ, 9, 71. Этот же рассказ встречается в более подробном варианте в ЮЯЦЦ, 10, 81.
[228] «Цзин цунь чжу» ⟨«Жемчужина поперечником в цунь»⟩.— ГИЦ (ТПГЦ, 402, 3б — 4а).
[229] ТШ, 115, 3941б.
[230] Сутхилл — Ходоус 1937, с. 435.
[231] Демьевиль 1924, с. 291—292.
[232] Шефер 1952, с. 155.
[233] Шефер 1952, с. 156—157.
[234] ТШ, 3, 3638г; Шефер 1952, с. 161.
[235] Шефер 1952, с. 161.
[236] Ли Сюнь в БЦГМ, 46, 37а.
[237] Там же.
[238] В английском оригинале приведено в переводе А. Уэйли (Уэйли 1961, с. 105).
[239] Люй Ин. Си-юй сянь цзин цунь чжу фу ⟨«Песнь о жемчужине поперечником в цунь, присланной из Западного края»⟩.— ЦТВ, 740, 16б — 17б.
[240] ЦФЮГ, 970, 9а — 9б.
[241] ТХЯ, 98, 1751; ЦФЮГ, 971, 17а. Государство Тямпа присылало их еще в 750 г. (ЦФЮГ, 971, 17б).

[242] ЦТШ, 198, 3614б; ЦФЮГ, 971, 18а и 972, 2а; ТХЯ, 100, 1784. ‹«Персия» названа здесь Э. Шефером в кавычках, потому что Иран, завоеванный арабами, как самостоятельное государство уже не существовал.›

[243] ЦФЮГ, 971, 17б.

[244] ЦТШ, 17б, 3125г; ЦФЮГ, 971, 10а.

[245] Шефер 1952, с. 160.

[246] Ли Сюнь в БЦГМ, 46, 37а.

[247] От «горбоносой черепахи» (*Chelonia imbricata*), китайское название которой — *даймэй*.

[248] ТШ, 43а, 3733а. Из того же самого места поступила «шкура» от **kəu-piek* — очевидно, панцирь съедобной зеленой черепахи, из которой готовили наваристый суп.

[249] ЦТШ, 197, 3610а; ЦФЮГ, 972, 7б; ТХЯ, 100, 1782.

[250] Харада 1939, с. 73.

[251] Шэнь Цюань-ци. Чунь гуй ‹«Весенние покои»›.— ЦюТШ, хань 2, цэ 5, цз. 2, 3б. ‹В английском тексте у Э. Шефера слово *люли* переведено как «beryllinе» — подразумевается «зеленая (берилловая) паста»; о слове *люли* см. выше, в разделе «Стекло».›

[252] *Tridacna gigas*. Китайское **ki̯ʷo-g'i̯ʷo*. См.: Уэтли 1961, с. 91—92.

[253] ТШ, 221б, 4155в.

[254] Ли Сюнь в БЦГМ, 46, 38а. Его индийское название — *мусарагалва*, но лексикографы расходятся в определении значения этого слова: одни считают, что это коралл, другие — что перламутр.

[255] ТШ, 221б, 4155в.

[256] Су Гун в БЦГМ, 8, 35б; Хмелевский 1961, с. 85–86.

[257] Годы его жизни – приблизительно 735–835. Биографические сведения: ЦюТШ, хань 3, цэ 7, цз. 1, 1а.

[258] Вэй Ин-у. Юн шаньху ‹«Воспеваю коралл»›.— ЦюТШ, хань 3, цэ 7, цз. 8, 1а.

[259] Дуань Чэн-ши (ЮЯЦЦ, 10, 73) сообщает о коралловом дереве в 12 *чи* высотою в озере, в ханьском саду,— даре Чжао То, повелителя Вьетнама. Если это дерево действительно существовало, то оно и было прообразом всех последующих миниатюрных коралловых садиков.

[260] Извлечения из ШХЦ, ЭЯ и ХНЦ в ТПЮЛ, 809, 1а.

[261] «[Как] вороны, черные мани» и «белые мани».

[262] Су Гун в БЦГМ, 8, 35б.

[263] Там же.

[264] Так по Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 8, 35б.

[265] Сюэ Фэн (около 853 г.). Цзуй чунь фэн ‹«Опьянен весенним ветром»› — ЦюТШ, хань 8, цэ 10, цз. 7, 3б.

[266] Ло Инь (833—909). Ся жи... Цзюнь чжун биньляо ‹«Как-то в свободный день остановился в Гусу у шицзюня Цао и представил эти стихи ланчжуну Чжану, бывшему в области по служебной надобности»›.— ЦюТШ, хань 10, цэ 4, цз. 1, 4б.

[267] ЮЯЦЦ, 11, 88. Ср.: Лауфер 1905, с. 235. О сведениях, которыми располагали греческие и латинские авторы, см.: Болл 1950, с. 234.

[268] Будберг 1937, с. 359, примеч. 60; Болл 1950, с. 130, 236.

[269] ШБЦ в ЧЛБЦ, 12, 22а.

[270] Вэй Ин-у. Юн хупо ‹«Воспеваю янтарь»›.— ЦюТШ, хань 3, цэ 7, цз. 8, 1б.

[271] Су Гун в БЦГМ, 37, 53а. Последней стадией в этой цепи был гагат.

[272] ТШ, 221б, 4155в. Ср.: Лауфер 1905, с. 231—232; Лауфер 1919, с. 521—523.

[273] ТЛД, 22, 14б — 15а; ЦФЮГ, 972, 2а.

[274] ТШ, 222а, 4157а; Лауфер 1905, с. 233—234, 237; Нидэм 1961, с. 237—238.
[275] ТХЯ, 98, 1751.
[276] ЦФЮГ, 970, 14б.
[277] Ли Сюнь в БЦГМ, 37, 53а.
[278] «Сёсоин» 1928, I, 32; VII, 56; XII, 61; III, 59; II, 22, 24, 25, 27.
[279] Уолтерс 1960, с. 326.
[280] Чэнь Цан-ци и Ли Сюнь в БЦГМ, 37, 53а — 53б.
[281] Чжан Юэ (667—730). Чэн нань тин цзо («Пишу в беседке южнее городской стены»).— ЦюТШ, хань 2, цэ 4, цз. 2, 16б.
[282] Араи 1955, с. 71, 82, 84.
[283] Ли Хэ. Цзян цзинь цзю («Пусть принесут вина»).— ЛЧЦГШ, 4, 37б.
[284] Его называли также *и*. Ср.: Шефер 1961, с. 93.
[285] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 37, 53б.
[286] Су Гун в БЦГМ, 37, 53б.

К главе XVI. Металлы (с. 330—339)

[1] Эберхард 1950, с. 193.
[2] Чжан Син-лан 1930, т. III, [ч.] 2, с. 183.
[3] ТШ, 42, 3729г — 3731а.
[4] Сюй Тан (около 862 г.). Сун Лунчжоу Фань шицзюнь («Посылаю лунчжоускому шицзюню Фаню»).— ЦюТШ, хань 9, цэ 8, цз. 1, 3б.
[5] ТШ (43а, 3731—3733) называет многие местности в этих странах, которые посылали золото в качестве «дани».
[6] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 8, 30а.
[7] ЛБЛИ, а, 2.
[8] Там же. Существовало также месторождение золота в Юньнани под контролем Наньчжао (ТШ, 222а, 4156б). Новый район золотодобычи возник на северном побережье полуострова Шаньдун позднее — в X в. Его широкая разработка относится к середине XI в., когда во всех частях страны началась «золотая лихорадка». Там находили самородки, весившие более двадцати *лянов*. См.: НГЧМЛ, 15, 397.
[9] ЮЦЮИ (ТДЦШ, 4), 49а.
[10] Нидэм 1959, с. 676.
[11] ДФЦЮ в ЧЛБЦ, 4, 18а.
[12] Страхвиц 1940, с. 12—21; Гарнер 1955, с. 66; Трюбнер 1957, с. 24; Гюлленсверд 1958, с. 5.
[13] Образцы из Сёсоина: «Сёсоин» 1928, III, 9; VI, 20.
[14] Японское *кириканэ*. Некогда полагали, что использование этого материала — специфическая особенность японского искусства. Однако, несмотря на совершенство, достигнутое японскими мастерами в использовании этого приема, не может быть сомнений, что эта техника пришла в Японию из Китая, по-видимому, в период Нара. См.: Зеккель 1954, с. 87.
[15] Уэйли 1931, с. XLVI.
[16] «Сёсоин» 1928, I, 55.
[17] ТШ, 43а, 3733а.
[18] По-китайски *пинто*.
[19] «Сёсоин» 1928, VIII, 35—39.
[20] ЮЯЦЦ, 1, 3.
[21] Открытие принадлежит М. Розенбергу (Розенберг 1918). См.: Гриссмайер 1933, с. 32, примеч. 6. В Англии У. Блэкбэнд получил зернь, близкую к этрусской, капая золотом на уголь в порошке и используя медно-золотой припой (остатки меди удалялись с помощью аммиачной соли). См.: Блэкбэнд 1934.
[22] Гриссмайер 1933, с. 31—37.

[23] Трюбнер 1957, с. 25, № 298, 300.
[24] Там же, № 310—323.
[25] Уэйли 1931, с. XLVI.
[26] «Сёсоин» 1928, VI, 17.
[27] Там же, 20.
[28] Чжан Цзы-гао 1958, с. 73; см. также в ПВЮФ выдержки, касающиеся *ду* («металлическая пластинка»). Но вообще плакирование металлом, особенно оловом по меди, восходит в Китае к эпохе Шан.
[29] Гюлленсверд 1958, с. 6.
[30] Ван Ци. Комментарии к стихотворению Ли Хэ «Сюй гунцзы Чжэнь цзи гэ».— ЛЧЦГШ, 4, 40б.
[31] «Сёсоин» 1928, IV, 37.
[32] Гюлленсверд 1958, с. 6; Трюбнер 1957, № 299—308.
[33] Трюбнер 1957, № 298, 299. У № 299 птицей увенчана крышка шкатулки. Ср.: ЮСЦЦ, 1, 7, где рассказывается о золотых фениксах — дорогих подарках куртизанкам.
[34] Трюбнер 1957, № 300, 303, 308.
[35] Чэнь Цан-ци и Чжэнь Цюань в БЦГМ, 8, 30а.
[36] ТШ, 196, 4086б.
[37] Сутхилл — Ходоус 1937, с. 280—283.
[38] ЦТШ, 71, 3320г.
[39] Лю Цзун-юань. Пи ша цзянь цзинь фу ⟨«Ода на тему: разгребая песок, выбираю золото»⟩.— ЦТВ, 569, 11б.
[40] ЦТШ, 3, 3069в; ТХЯ, 97, 1730; Демьевиль 1952, с. 187—188.
[41] ЛДМХЦ, 9, 269. Это была знаменитая «Вэнь-чан гунчжу».
[42] ТШ, 216а, 4135б; ТХЯ, 97, 1730; Бушель 1880, с. 445; Демьевиль 1952, с. 203. Последний из названных источников перечисляет другие, не менее прекрасные образцы златокузнечного мастерства из Тибета, которые я здесь не упоминал. См. также: Бушель 1880, с. 446. Известны случаи преподнесения драгоценных металлов Тибетом в 734 г. (ЦФЮГ, 971, 10б); в 735 г. (ЦФЮГ, 971, 10б); в 805 г. (ТХЯ, 97, 1737); в 817 г. (ЦФЮГ, 972, 7б; ТХЯ, 97, 1737); в 827 г. (ЦФЮГ, 972, 8б) и в 837 г. (ТХЯ, 97, 1739).
[43] ЦФЮГ, 970, 15а; Демьевиль 1952, с. 203.
[44] ТШ, 216б, 4138г; Демьевиль 1952, с. 202—203.
[45] Демьевиль 1952, с. 202—203.
[46] ТШ, 221б, 4155в. Считалось, что золото и серебро изобилуют в Риме.
[47] В 650 г. (ЦФЮГ, 970, 14а); в 723 г. (ЦФЮГ, 971, 5а); в 724 г. (ТХЯ, 95, 1712); в 734 г. (ЦФЮГ, 971, 10б); в 749 г. (ЦТШ, 199а, 3617б); в 773 г. (ЦФЮГ, 972, 2б).
[48] ЦФЮГ, 971, 16б.
[49] ТШ, 222а, 4157а.
[50] ЦФЮГ, 971, 16а. См. также: ЦФЮГ, 970, 12а, и ТХЯ, 100, 1796,— перепутанное сообщение о подношении западным ханом золотых яиц.
[51] ЦФЮГ, 971, 16б.
[52] Брэддел 1956, с. 17.
[53] МХЦЛЦКЦ, 7б и 8б.
[54] Ду Му. Шаонянь син ⟨«Песня о юноше»⟩.— ЦюТШ, хань 8, цэ 11, цз. 4, 12а—12б.
[55] ЦУДШ, 2, 4202а.
[56] ТШ, 221б, 4154б.
[57] «Дай кан-ва дзитэн» («Большой китайско-японский словарь»), объясняя присутствие этого термина в стихотворении лянского У-ди («Седло из лилового золота для лошади-дракона»), считает его синонимом для «красного металла», т. е. меди. Вряд ли это так. ГГЯЛ (источ-

ник XIV в. в позднеминской редакции) утверждает, что современное ему «лиловое золото» — это сплав меди и золота, но никто в новое время не видел настоящего средневекового «лилового золота». Цвет *цзы*, как и наш лиловый, близок к малиново-красному; это, может быть, исключает мою египетскую аналогию.

[58] Вуд 1934, с. 62; Лукас 1934, с. 190—191 ⟨*Лукас 1958, с. 362—363⟩.

[59] Вуд 1934, с. 63—64.

[60] Форбс 1955, с. 125—127.

[61] ТШ, 43а, 3731—3733. Велась также небольшая добыча в средней части долины Янцзы; см.: Шефер — Валлакер 1961, табл. 6, карта 12. Су Гун, однако, утверждает (БЦГМ, 8, 30а), что самое чистое серебро с наименьшей примесью свинца поступает из Гочжоу в Хэнани — места, нигде больше как месторождение не отмеченного.

[62] Ли Сюнь в БЦГМ, 8, 30а.

[63] ТШ, 54, 3757в.

[64] Гюлленсверд 1958, с. 6.

[65] Трюбнер 1957, с. 24.

[66] Трюбнер 1957, с. 24, № 326—354. В этом разделе я целиком полагаюсь на Г. Трюбнера. Ср.: «Сёсоин» 1928, VII, 18; XII, 1 и сл. Б. Гюлленсверд (1958, с. 6) называет «серебряную чашу и кубок для вина с кольцевидной ручкой, которые были найдены на территории Китая, но исполнены в Персии и имеют типично танские формы». ⟨Большая группа торевтики, ранее считавшаяся сасанидской, теперь рассматривается исследователями как согдийская. См.: *Маршак 1971, особенно с. 47—50, где специально и по конкретным деталям прослеживаются связи и взаимовлияния согдийской торевтики и танского искусства.⟩

[67] Трюбнер 1957, с. 24, № 326.

[68] Там же, с. 25.

[69] Там же, с. 26 и № 362. Ср.: «Сёсоин» 1928, II, 34 — о лаковом кувшине с серебряным *хэйдацу*. О других предметах, выполненных в этой технике, см.: ЮЯЦЦ, 1, 3.

[70] Гюлленсверд 1958, 6.

[71] Су Гун в БЦГМ, 8, 30б.

[72] Су Гун и Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 8, 30б. Ср. комментарии Ли Шичжэня к этим текстам; он говорит, что этим ремеслом занимались в Сычуани. См. также: НГЧМЛ, 15, 381; его автор приходит к выводу, что «желтое серебро» не было настоящим серебром, а приготовлялось из минералов, содержащих мышьяк.

[73] Чэнь Цан-ци в БЦГМ, 8, 30б.

[74] Юань Чжэнь. Цянь хо и чжуан ⟨«Доклад с рассуждением о деньгах и товарах»⟩.— ЦТВ, 651, 25а.

[75] Хань Юй. Цянь чжун у цин чжуан ⟨«Доклад о ценности денег и дешевизне вещей»⟩.— ЦТВ, 549, 7б.

[76] ЦТШ, 48, 3272б.

[77] ЦФЮГ, 971, 16а (о тюргешах, Чаче и др.).

[78] Там же (о черноводных мохэ и о племенах шивэй).

[79] Все эти сообщения относятся к VIII в.: 723 г. (ЦФЮГ, 971, 52); 724 г. (ТХЯ, 95, 1712); 734 г. (ЦФЮГ, 971, 10б); 748 г. (ТХЯ, 95, 1713); 749 г. (ЦТШ, 199а, 3617б); 763 г. (ТХЯ, 95, 1713); 773 г. (ЦФЮГ, 972, 2б).

[80] В VIII и IX вв.: 734 и 735 гг. (ЦФЮГ, 971, 10б — 11а); 817 г. (ТХЯ, 97, 1737); 824 г. (ЦФЮГ, 972, 8а); 827 г. (ЦФЮГ, 972, 8б); 837 г. (ТХЯ, 97, 1739).

[81] **P'uâlâ*. ⟨Транскрипция, происходящая от иранского *padγōd 'чаша'(?) ср. согдийское patγōδ, в том числе в надписях на серебряных чашах типа пиал. На западе, в греческом, это слово отразилось в форме φιάλη «чаша», «фиал», в тюркских на востоке в *пиалà / фиалà*; в китай-

ском в *поло* (**p'uâlâ*). Консультацией по этому вопросу мы обязаны В. А. Лившицу).

[82] ТШ, 221а, 4152г; ЦФЮГ, 970, 16б.

[83] ТШ, 221б, 4154а; ТХЯ, 98, 1754.

[84] Л а у ф е р 1919, с. 511—515.

[85] ТЛД, 22, 14б — 15а.

[86] Л а у ф е р 1919, с. 511—515.

[87] Х э Б и н - ю й — Н и д э м 1959, с. 182.

[88] ЦФЮГ, 971, 3а.

[89] ЮЯЦЦ, сюй цзи, 5, 21б.

[90] Ч ж а н Ц з ы - г а о 1958, с. 74. Б. Лауфер (1919, с. 555) называет медь, цинк и никель, но, вероятно, рискованно допускать, что «белая медь» всегда имела один и тот же состав.

[91] «Сёсоин» 1928, XI, 35.

[92] Там же, 32.

[93] Л а у ф е р 1919, с. 555; Х э Б и н - ю й — Н и д э м 1959б, с. 74.

[94] Р е й ш а у э р 1955а, с. 82.

[*94] (Остается совершенно неясным, какие именно «золотые и серебряные монеты Сериндии, и в особенности Кучи», имеет в виду Э. Шефер.)

[95] Я н 1955, с. 150—151. О византийских и сасанидских монетах из Сериндии см. также список монет: А. С т е й н 1921, с. 1340—1341; А. С т е й н 1928, с. 648, табл. CXX, № 17, 18, 19.

[96] С я 1958, с. 67—68.

[97] С я 1957, с. 54. ТД (193, 1042б) сообщает, что персы платили причитающиеся с них земельные налоги серебряной монетой,— это должно быть до некоторой степени неожиданностью. Сасанидские серебряные монеты V в. были также найдены в Цинхае, в Северо-Западном Тибете, на некогда важном торговом пути между Западом и Востоком. См.: С я 1958, с. 105—108.

[98] С я 1958, с. 71.

[99] С я 1957, с. 55.

[100] ГЦЧ, приведено Ли Сюнем в БЦГМ, 8, 30а. ГЦЧ должно являться танским сочинением, поскольку там упоминаются арабы («таджик») и ко времени Ли Сюня оно уже было написано. Конец VII — начало VIII в.— дата, которая кажется вероятной для ГЦЧ.

К главе XVII. Предметы светского обихода (*с. 340—347*)

[1] Р е й ш а у э р 1955а, с. 82.

[2] ЦФЮГ, 972, 10б.

[3] Из Фэнчжоу (ТШ, 43а, 3733а). Их производили также в Гуанси.

[4] ТЛД, 22, 14б — 15а; Т о р и и 1946, с. 51—61. Тории Рюдзо описывает также зеленую резную плиту из нефрита, раскопанную в Ляояне, которая должна изображать человека из страны Бохай с персидского стиля кувшином, имеющим крышку в виде головы птицы. Имеются аналогичные примеры в Сёсоине и в Эрмитаже (Ленинград).

[5] ЦФЮГ, 971, 13а; ЦФЮГ, 971, 3а. В действительности по поводу Самарканда в тексте сказано только «яйцо», а не «чаша из яйца», но пример этот приведен среди других чаш и ваз.

[6] Л а у ф е р 1926, с. 2—4.

[7] ЦФЮГ, 971, 2а. Я воспринимаю стоящий в тексте иероглиф *чи* «пруд» как ошибочное написание вместо *ди* «земля» («фон»). (К сожалению, Э. Шефер никак не обосновывает предлагаемое им исправление.)

[8] ЦИЛ (ТДЦШ, 17), 8б — 9а. В этой книге VIII в. перечислено множество экзотических вещей, которые как будто бы действительно должны были существовать; сама книга производит впечатление достоверной.

[9] ЦИЛ (ТДЦШ, 17), 8б — 9а.
[10] ЦФЮГ, 971, 13а.
[11] Там же, 5а; ТХЯ, 95, 1712.
[12] ЦФЮГ, 972, 6а.
[13] ЦФЮГ, 971, 13а.
[14] БМСЯ, 1, 3. Этот отрывок из книги X в., как кажется, должен основываться на ЮЯЦЦ.
[15] ТШ, 221б, 4154г; ТХЯ, 99, 1773.
[16] Харада 1944, с. 13. ⟨Изображение см.: *фон Габэн 1973, табл. 25.⟩
[17] Исида Микиносукэ 1948, с. 2—19; Харада 1944, с. 13—20. Последний исследователь считает, что этот праздник ведет свое происхождение от ханьского празднества в честь божества Тайи и что он только впоследствии приобрел буддийский характер; возможно, кольца ветвей символизировали колесо закона. С другой стороны, Исида Микиносукэ рассматривает этот праздник прежде всего как западный по происхождению.
[18] Харада 1944, с. 2—19; Сюй Шэнь. Дай Цуй дафу цзянь цзао тун дэн шу бяо ⟨«Доклад трону о сооружении дерева-светильника, представленный вместо дафу Цуя»⟩.— ЦТВ, 959, 4а — 5а.
[19] Исида 1948, с. 11.
[20] Рейшауэр 1955, с. 71; Рейшауэр 1955а, с. 128.
[21] Суйский Ян-ди. Чжэн юэ ши-у жи юй тунцюй цзянь-дэн е шэн наньлоу ⟨«В пятнадцатый день первой луны на главной улице столицы в Ночь фонарей поднимаюсь на южную башню»⟩.— ЦХСГЦНБЧШ, цэ 20, 1, 5б.
[22] Ван Лин (1947, с. 164) высказал предположение, что «пламя букетов» было особым видом фейерверка. См. раздел о селитре в гл. XIV.
[23] Балаш 1932, с. 52.
[24] ТЛШИ, 8, 69.
[25] ТЛД, 16, 6а.
[26] ТШ, 146, 3997г.
[27] Лауфер 1914а, с. 189—190.
[28] ТЛД, 16, 13а.
[29] См., например, стихотворение Лу Гуй-мэна, приведенное в ПВЮФ (с. 1453в) в статье *Цзяо хань* («Акульи доспехи»).
[30] ТЛД, 16, 13а.
[31] Лауфер 1914а, с. 292.
[32] ЦФЮГ, 971, 3б.
[33] Малер 1959, с. 111—112, табл. 37с и 38.
[34] Лауфер 1914а, с. 294—300.
[35] ТЛД, 16, 13а; Лауфер 1914а, с. 190.
[36] *Мин гуан цзя.* Перечислено в ТЛД (16, 13а) среди железных доспехов.
[37] ТШ, 220, 4149а — 4149б; ЦТШ, 199а, 3616б; ЦФЮГ, 970, 5б и 8б.
[38] ТШ, 220, 4148б.
[39] ЦТШ, 2, 3069б, где назван 638 г.; ЦФЮГ, 970, 9а, где назван 639 г.
[40] «Темный» (*сюань*) здесь может иметь другое значение. В ТЛД (16, 13а) «узор из гор» перечисляется среди железных доспехов императорского арсенала.
[41] ТШ, 220, 4148а.
[42] ТХЯ, 26, 503.
[43] Ду Фу. Лань Бо Чжун-юнь... сы лунь ⟨«Любуясь Бо Чжун-юнем, его детьми и племянниками, перед своим выездом на должность описываю отношения отца и сына, братьев и сестер, воспеваю их союз, крепкий, как спряденные нити»⟩.— ЦЦЦЧДШ, с. 179.

[44] Они были заимствованы в циньскую или ханьскую эпоху у сюнну (Демьевиль 1952, с. 180—181, 373—376). Б. Лауфер (1914а, с. 227) называет их «пластинчатой кольчугой». См. также: Малер 1959, с. 112 и табл. 37а, 37б, где приведены иллюстрации. В ТЛД (16, 13а) они названы «тонкими чешуйчатыми доспехами» (*си линь цзя*).

[45] Рок 1955, с. 5.

[46] А. Стейн 1921, с. 463—465; Демьевиль 1952, с. 180—181, 373—376.

[47] Б. Лауфер (1914а, с. 301—305) полагал, что «львиные доспехи» (в этом выражении употреблено архаическое, а не современное слово «лев») были одной из разновидностей железных чешуйчатых доспехов. Но полной уверенности в этом нет.

[48] *Со-цзы цзя.*

[49] ТШ, 221б, 4153г; ЦТШ, 198, 3614а; ЦФЮГ, 971, 3а; ТХЯ, 99, 1775. См.: Лауфер 1914а, с. 247.

[50] Демьевиль 1952, с. 180—181 и 373—376.

[51] ЮЯЦЦ, 10, 79.

[52] Демьевиль 1952, с. 180—181 и 373—376.

[53] Уэйли 1931, с. 107.

[54] ТЛД, 16, 13а.

[55] Ду Фу. Чун го Хэ ши ⟨«Вновь навестил господина Хэ»⟩.— ЦЦЦЧДШ, с. 329.

[56] Ли Хэ. Гуйчжу чжэн син юэ ⟨«Песня о принцессе, выступающей в поход»⟩.— ЛЧЦГШ, 2, 18б.

[57] Ли Шэ (около 806 г.). Юй ди Бо Синьло цзянь гэ ⟨«Песня о мече из Силлы, подаренном моему младшему брату Бо»⟩.— ЦюТШ, хань 7, цэ 10, 3а.

[58] ЮЯЦЦ, 10, 79.

[59] Чэпин 1940, с. XV, 88, 95, 141, 201.

[60] Например, стихотворение Ли Цзяо (644—713) «Цзянь» (⟨«Меч»⟩.— ЦюТШ, хань 2, цэ 1, цз. 3, 66) начинается со слов «Драгоценные сабли идут из Куньу». Ср.: Чэпин 1940, с. 2.

[61] Ду Фу. Фань цзянь ⟨«Фаньский меч»⟩.— ЦЦЦЧДШ, с. 329.

[62] *И дао.*

[63] *Хэн дао.*

[64] *Мо дао.*

[65] ТЛД, 16, 11б—12а.

[66] *Ци цян.*

[67] *Лу цян.*

[68] ТЛД, 16, 12а.

[69] «Сёсоин» 1928, IV, где содержится много образцов. Один из описанных в тексте изображен на табл. 3.

[70] ТШ, 40, 3725б. Они изготовлялись в Чжупчжоу и Фучжоу.

[71] ТШ, 222а, 4157а; ЦФЮГ, 972, 5б.

[72] ТШ, 219, 4146г.

[73] Лауфер 1919, с 515—516.

[74] Нидэм 1958, с. 44—46.

[75] Пельо 1959, с. 42. П. Пельо полагает, что это то же самое, что и *andanique* у Марко Поло.

[76] Чэпин 1940, с. 186.

[77] ТЛД, 16, 10б. Там же перечислены и другие типы.

[78] ТШ, 37, 3720г; 39, 3724а и 3724в.

[79] «Сёсоин» 1928, X, 1—7.

[80] Бартольд 1958, с. 235—236 ⟨*Бартольд 1963, с. 295⟩.

[81] ТШ, 219, 4146в.

[82] ТШ, 41, 3729б; из Юнчжоу (Хунань) и Фучжоу (Цзянси); ТЛД, 16, 11а.

[83] ТЛД, 16, 11а — 11б.
[84] ТШ, 39, 3724г.
[85] ТШ, 219, 4146г.
[86] ТШ, 222в, 4162а.
[87] «Сёсоин» 1928, X, 13—24.
[88] ТШ, 39, 3724г.

К главе XVIII. Священные предметы (с. 348—352)

[1] Жернэ 1956, с. 162.
[2] Там же, с. 163—164.
[3] ЦФЮГ, 970, 14б.
[4] Багчи 1950, с. 157.
[5] Чжоу 1945а, с. 301.
[6] Рейшауэр 1955, с. 248.
[7] СГСЧ (ТСДДК, 50, 710б). Ср. священную «добычу», привезенную в Китай Сюань-цзаном. См.: Уэйли 1952, с. 81.
[8] ЮЯЦЦ, сюй цзи, 5, 220.
[9] Груссэ 1932, с. 265.
[10] ДТГСЧ (ТСДДК, 51, 3в).
[11] Рейшауэр 1955а, с. 221—224; Райт 1957, с. 38.
[12] С. Леви — Шаванн 1895, с. 359—360.
[13] Рейшауэр 1955, с. 300—301; Рейшауэр 1955а, с. 190. Мы располагаем записью об официальном преподнесении святых мощей Тай-цзуну в 637 г. от Капиши; но что именно было подарено, не описывается (ЦФЮГ, 970, 8а).
[14] Рейшауэр 1955, с. 235.
[15] ЮЯЦЦ, сюй цзи, 6, 221.
[16] Рейшауэр 1955а, с. 157—158.
[17] ГИЦ (ТПГЦ, 402, 3а — 3б). Пратьека-будда — это существо, склонное к уединению, стремящееся достичь просветления своими силами, нечто вроде антибодхисаттвы.
[18] Жэрнэ 1956, с. 23—24.
[19] СХХП, 1, 55.
[20] Твитчет — Кристи 1959, с. 177—178.
[21] ТШ, 46, 3741б.
[22] Акер 1954, с. 250—251. Сандаловое дерево помимо своего благородного вида и приятного запаха обладало свойством предохранять от появления насекомых.
[23] Груссэ 1932, с. 334.
[24] Линхуасы.
[25] ЮЯЦЦ, сюй цзи, 5, 217.
[26] ЦФЮГ, 972, 6а; ТХЯ, 49, 859.
[27] Уэйли 1931, с. 81—82.
[28] ЛДМХЦ, 9, 208.
[29] Грэй 1959, с. 35—36.
[30] Эберхард 1948, с. 52; Сопер 1951, с. 79.
[31] ЛДМХЦ, 3, 135; Пельо 1923, с. 270; Багчи 1950, с. 157—158; Уэйли 1952, с. 129.
[32] ЦСЦ, 5а. Этот отчет представляет собой часть записок, составленных Ду Хуанем, который был взят в плен арабами после их победы при Таласе, и включенных его родственником Ду Ю в состав его «Тун дянь» (гл. 191—193) после возвращения в Китай. Упомянутые мастера были, видимо, взяты в плен в той же битве. См.: Пельо 1928а, с. 110—112.
[33] ТХЯ, 49, 861.
[34] Рейшауэр 1955, с. 268.

[1] ЮЯЦЦ, 11, 85.

[2] Там же, 86. Некоторые из этих необычных названий, несомненно, отражают какие-то из многочисленных видов центральноазиатской письменности, которые теперь известны по археологическим материалам. Относительно разных письменностей, употреблявшихся тюрками в Ходжо, см.: фон Габэн 1961, с. 65—68.

[3] Исида Микиносукэ 1948, с. 117—125; Л. Джайлз 1957, с. X—XII; и в особенности Картер 1955 (работа в целом). Большинство сортов бумаги, употреблявшихся во дворце, изготовлялось в городах Чжэцзяна, хотя имелись и некоторые исключения, например белая конопляная бумага, изготовлявшаяся в Чанду. См.: ТЛД, 20, 18а, 18б, 19а.

[4] ФСЦЛ (ХФЛШФ, гл. 18 = цэ 10), 9а. Сунская книга, рассказывающая о танской эпохе.

[5] ШЦ, 123, 0267б.

[6] А. Стейн 1907, с. 347.

[7] *Borassus flabellifera* (или *B. flabelliformis*).

[8] Транскрибировано как **puâi-tâ*. В Китае имела хождение ошибочная этимология, истолковывающая первый слог как *паттра* и второй как *тара* «пальма». См.: Демьевиль 1929, с. 90.

[9] ЦТШ, 198, 3613г.

[10] ЮЯЦЦ, 18, 150.

[11] Синшаньсы.

[12] ТЛЦ, 2, 5б; ЧАЦ, 7, 8а—8б. См.: Хираока 1956.

[13] Чжан Цяо. Син шань сы бэй-то шу ⟨«Дерево *бэйто* [*паттра*] в монастыре Синшаньсы»⟩.— ЦюТШ, хань 10, цэ 1, цз. 2, 1а.

[14] См.: Ван Ци. Комментарий к «Сун Шэнь Я-чжи гэ» ⟨«Песня, посланная к Шэнь Я-чжи»⟩ Ли Хэ (ЛЧЦГШ, 1, 8б — 9а). В наши дни книги из пальмовых листьев изготовляют следующим образом: срединная прожилка листа удаляется; стопка полученных таким путем половинок придавливается и края обрезаются; изготовленные так страницы лощатся песком; текст продавливается стилом, и в углубления втирается сажа, чтобы сделать написанное видимым (Шуйлер 1908, с. 281—283). Таков, по-видимому, был и древний метод их изготовления. Относительно «олла» см.: Юл — Бэрнел 1903, с. 485.

[15] *Фаньцзя. Фань*, возможно, следовало бы перевести «брахманский» или даже «санскритский». Это слово служило конкретно для обозначения буддийских книг, письменности и языка.

[16] Рейшауэр 1955, с. 235.

[17] ЦЧТЦ, 250, 10а.

[18] ЦФЮГ, 971, 15а; ТХЯ, 100, 1793; С. Леви 1900, с. 417.

[19] ТШ, 221б, 4154г.

[20] Ли Шан-инь. Ти сэн би ⟨«Пишу на стене в келье у монаха»⟩.— ЦюТШ, хань 8, цэ 9, цз. 1, 2б.

[21] Пи Жи-сю. Гуюаньсы ⟨«Обитель Гуюаньсы»⟩.— ЦюТШ, хань 9, цэ 9, цз. 3, 8б.

[22] Исида Микиносукэ 1948, с. 102—103.

[23] Там же; «Дочь царя драконов» 1954, с. 68. Упоминания о покупке книг имеются в стихах Юань Чжэня и Бо Цзюй-и.

[24] Исида Микиносукэ 1948, с. 103—104; Нидэм 1959, с. 167.

[25] Сперва в 639 г. был назван Чунсяньгуань, переименован в Чунвэньгуань в 712 г.

[26] Они назывались Цзисяньюань.

[27] Во дворце Личжэндянь.

[28] К. У 1937, с. 259—260; Исида Микиносукэ 1948, с. 107—110; их данные восходят, в свою очередь, к ТШ (57, 3761в) и ЦТШ (47, 3720а).

[29] К. У 1937, с. 258.

[30] Багчи 1950, с. 125. ⟨Э. Шефер не прав, утверждая, что описей библиотек танских монастырей не сохранилось. Каталог, на который он ссылается, а также более поздняя «Опись буддийских сочинений годов Кай-юань» («Кай-юань шицзяо лу») в значительной части включают в себя полные описи некоторых монастырских библиотек. см. об этом: *Демидова 1970.⟩

[31] ЮЯЦЦ, сюй цзи, 6, 226.

[32] ЮСЦЦ, 3, 22.

[33] ГШБ (СЦТЮ), в, 7а.

[34] ТШ, 89, 3896а; ЦТШ, 167, 3515а.

[35] К. У 1937, с. 259—260; Исида Микиносукэ 1948, с. 105.

[36] Люй Вэнь. «Шангуань Чжао-жун шулоу гэ» ⟨«Песня о башне для книг Шангуань Чжао-жуна»⟩.— ЦюТШ (изд. 1960 г.), 371, 4171—4172.

[37] Китайское название Тямпы — **Liəm-'iəp* — было остроумно интерпретировано Р. Стейном (1947, с. 237) как Прум Ирап — «Пром слонов».

[38] Все заголовки (и остальные сведения) можно найти в ТШ, 57 и 58.

[39] С. Леви 1900, с. 297—298.

[40] Багчи 1950, с. 72. О путешествии Сюань-цзана в танском Китае знал почти каждый; оно упоминается во многих танских сочинениях, например в ЮЯЦЦ, 3, 31, и в ДТСЮ (ТДЦШ, 3), 95б.

⟨*[40] Полный перевод романа на русский язык см.: *У Чэн-энь. Путешествие на Запад. Т. 1—4. М., 1959.⟩

[41] ЦТШ, 198, 3613г.

[42] Английский перевод заимствован из Багчи 1950, с. 83, где он выполнен по французскому переводу Э. Шаванна.

[43] Шаванн 1894, с. 39–40.

[44] Там же, с. 27.

[45] Л. Джайлз 1935, 1.

[46] Л. Джайлз 1937, 1—2.

[47] Основополагающее сочинение школы, получившей в Японии название *кэгон*. Китайский перевод 700 г. назывался также «Танская сутра» или «Новая сутра» ⟨точнее, «Переведенная при Тан» и «Заново переведенная [сутра]» соответственно⟩.

[48] СГСЧ (ТСДДК, 50), 2, 718в — 719а.

[49] Чжоу 1945а, с. 264; Багчи 1950, с. 53.

[50] ЦФЮГ, 971, 12а.

[51] Багчи 1950, с. 52—53. Об этой миссии говорилось несколькими страницами ранее.

[52] Там же, с. 54; Райт 1957, с. 32.

[53] ЦФЮГ, 972, 6а.

[54] ТХЯ, 49, 864. В 745 г. эти «персидские» (т. е. несторианские) храмы в двух столицах были переименованы в храмы «Великой Цинь» (т. е. в римские), чтобы стало ясно происхождение этой религии.

[55] ТХЯ, 49, 864.

[56] ТШ, 217б, 4142а.

[57] Багчи 1950, с. 68.

[58] ТШ, 221а, 4153в; ЦФЮГ, 971, 4а; ТХЯ, 99, 1776.

[59] Нидэм 1959, с. 202.

[60] **Kiu-d'âm Siĕt-d'ât.*

[61] «Наваграха», «Девять опор» (Дж. Нидэм переводил на английский как «Nine Upholders», на китайский переводилось как *цзю чжи*) — это девять светил, т. е. пять планет, солнце, луна и, кроме того, Раху и Кэту, якобы существующие у пересечения солнечной орбиты с лунной невидимые планеты, вызывающие затмения.

[62] Ябуути 1954, с. 586—589. Автором книги «Кай-юань чжань цзин», опубликованной в 729 г. и включавшей в себя все эти новшества, был Гаутама Сиддхартха (Нидэм 1959, с. 202—203). Расчеты в календаре «Наваграха», судя по переводу, основывались на наблюдениях, произведенных в Чанъани; поэтому эта книга не могла быть точным переводом индийского оригинала. В ней используются знак для нуля, тригонометрические функции и т. п.

[63] «Семь светил» (*ци яо*) — это солнце, луна и пять планет.

[64] Е Дэ-лу 1942, с. 157.

[65] ТЛШИ, 2 (гл. 9), 82.

[66] Нидэм 1959, с. 202. Принятый здесь перевод заглавия принадлежит П. Ч. Багчи.

[67] Хубер 1906, с. 40—41. Иранские названия, которые я привожу, не являются точно согдийскими формами, но они более привычны, чем согдийские; последние же таковы (Багчи 1950, с. 171): *mir, max, mnxan, tir, wrmzt, maxid* (*sic.*), *kewan*. Интересно, что название Марса передано китайскими иероглифами, означающими «Облачная Хань» ⟨*юньхань*⟩ — китайское название Млечного Пути.

[68] Чжуан 1960, с. 271—301 и табл.

[69] Нидэм 1959, с. 36.

[70] Хубер 1906, с. 41.

[71] СуШ, 34, 2452в; перечень книг, основанный на этом же источнике, встречается также в ТЧ, 69, 812б.

[72] ГХЯ, 95, 1712.

[73] ЮЯЦЦ, 12, 92.

[74] Пань 1958, с. 97.

[75] ТЛД, 5, 20б.

[76] ЦТШ, 198, 3613 г.; ср.: С. Леви 1900, с. 308; Уэйли 1952 г. с. 91.

БИБЛИОГРАФИЯ [1]

Айскоф 1929 — F. Ayscough. Tu Fu: The Autobiography of a Chinese Poet, A. D. 712—770. Vol. 1. Boston — New York — London, 1929.

Акер 1954 — W. R. B. Acker. Some T'ang and Pre-T'ang Texts on Chinese Painting. Leiden, 1954.

* Алексеев 1958 — Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева. М., 1958.

Андерсон 1961 — J. K. Anderson. Ancient Greek Horsemanship. Berkeley — Los Angeles, 1961.

Андерссон 1943 — J. G. Andersson. Researches into the Prehistory of the Chinese, — BMFEA. Vol. 15. Stockholm, 1943, с. 1—304.

* Антология 1957 — Антология китайской поэзии. Т. 1—4. М., 1957.

Араи 1955 — Араи Кэн. Ри Га но си — току-ни соно сикисай-ни цуйтэ.— «Тюгоку бунгаку хо». Т. 3. Киото, 1955, с. 69—90.

Араи 1959 — Араи Кэн. Ри Га. Токио, 1959.

Асахина 1955 — Асахина Ясухико [ред.]. Сёсоин якубуцу. Осака, 1955.

Багчи 1929 — Prabodh Chandra Bagchi. Deux lexiques Sanskrit-chinois. T. 1. P., 1929.

Багчи 1950 — Prabodh Chandra Bagchi. India and China: A Thousand Years of Cultural Relations. 2d ed. Bombay, 1950.

Бакстер 1953 — G. W. Baxter. Metrical Origins of the Tz'u.— HJAS. Vol. 16. 1953, с. 108—145.

Балаш 1931 — E. Balazs [Stefan Balázs]. Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte der T'ang-Zeit.— «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen». Bd 34. 1931, с. 1—92.

Балаш 1932 — E. Balazs. Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte der T'ang-Zeit.— «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen». Bd 35. 1932, с. 1—73.

Балаш 1960 — E. Balazs. The Birth of Capitalism in China.— JESHO. Vol. 3. 1960, с. 196—216.

Балтрушайтис 1955 — J. Baltrušaitis. Le moyen âge fantastique: antiquités et exotismes dans l'art gothique. P., 1955.

Банг — Рахмати 1932 — W. Bang, G. R. Rachmati. Die Legende von Oγuz Qaγan.— SPAW. 1932, с. 683—724.

Бань Гу, пер. Дабса.— The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku [transl. by H. H. Dubs]. Vol. 2. Baltimore, 1944 (reprinted — 1954).

Бартольд 1958 — W. Barthold. Turkestan Down to the Mongol Invasion. 2d ed. L., 1958.

* Бартольд 1963 — В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения. Т. 1. М., 1963.

* Бартольд 1963б — В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана.— Сочинения. Т. 2.Ч.1. М., 1963, с. 167—433.

* Бартольд 1971 — В. В. Бартольд. [Рец.:] Chau Ju-Kua : his work on the Chinese and Arab trade in the twelfth and thirteenth centuries, entitled Chu-fan-chï, transl. from the Chinese and annotated by Friedrich Hirth and W. W. Rockhill. St. Pbg., 1912. 288 с.— Сочинения. Т. 7. М., 1971, с. 374—380.

Бартон 1934 — R. F. Burton. The Book of the Thousand Nights and a Night : A Plain and Literal Translation of the Arabian Nights Entertainments. Vol. 1—3. N. Y., 1934.

[1] Звездочкой отмечены работы, внесенные в библиографию переводчиками и редактором.

Бейли 1937 — H. W. Bailey. Ttaugara,— BSOAS. Vol. 8. 1937, с. 883—921.
Бейли 1961 — H. W. Bailey. Indo-Scythian Studies, Being Khotanese Texts Volume IV (Saka Texts from Khotan in the Hedin Collection). Cambridge, 1961.
* Беленицкий 1948 — А. М. Беленицкий. Хуттальские лошади в легенде и историческом предании.— СЭ. 1948, № 4, с. 162—167.
* Беленицкий 1954 — А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пенджикентских храмов.)— Живопись древнего Пенджикента. М., 1954, с. 25—82.
Бергман 1939 — F. Bergman. Archaeological Researches in Sinkiang, Publication 7 (Sino-Swedish Expedition). Stockholm, 1939.
Бертело 1938 — M. Berthelot. Introduction à l'étude de la chimie des anciens et du moyen-âge. P., 1938.
Бил 1885 — S. Beal. Si-yu-ki : Buddhist Records of the Western World. Translated from the Chinese of Hiuen Tsang (A. D. 629). Vol. 1—2. Boston, 1885.
Блейр 1960 — D. Blair. The Cloisonné-Backed Mirror in the Shosoin.— «The Journal of Glass Studies». Vol. 2. 1960, с. 83—93.
Блэкбэнд 1934 — W. T. Blackband. My Rediscovery of the Etruscan Art of Granulation.— «Illustrated London News». 1934, April 28, с. 659.
Бойер 1952 — M. Boyer. Mongol Jewellery : Researches on the Silver Jewellery Collected by the First and Second Danish Central Asian Expeditions Under the Leadership of Henning Haslund-Christensen 1936—37 and 1938—39. København, 1952 (National museets skrifter, Ethnografisk Raekke, V).
Болл 1950 — S. H. Ball. A Roman Book on Precious Stones, Including an English Modernization of the 37th Booke of the Historie of the World by E. Plinius Secundus. Los Angeles, 1950.
* Борисов — Луконин 1963 — А. Я. Борисов, В. Г. Луконин. Сасанидские геммы. Л., 1963.
Босток — Райли — см. Плиний 1855; Плиний 1856.
Бо Шоу-и 1937 — Бо Шоу-и. Сун ши Исылань цзяотуди сяняо маои.— «Юй Гун». Т. 7. 1937, № 4, апрель, с. 47—77.
Брайант 1925 — P. L. Brayant. Chinese Camphor and Camphor Oil.— «China Journal». Vol. 3. 1925, с. 228—234.
Бриджес 1948 — W. Bridges. Wild Animals of the World. Garden City, 1948.
Брокельман 1928 — C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmūd al-Kāšgarīs Dīvān Luγāt at-Turk. Lpz., 1928.
Бромхэд 1945 — C. E. N. Bromehead. Geology in Embryo (up to 1600 A. D.).— «Proceedings of the Geologists' Association». Vol. 56. 1945, с. 89—134.
Браф 1948 — J. Brough. Legends of Khotan and Nepal.— BSOAS. Vol. 12. 1948, с. 333—339.
Брэддел 1956 — Dato Sir Roland Braddell. Malayadvipa : A Study in Early Indianization.— «Malayan Journal of Tropical Geography». Vol. 9. 1956, December, с. 1—20.
Будберг 1935 — P. A. Boodberg. Some Early 'Turco-Mongol' Toponyms.— «Hu T'ien Han Yüeh Fang Chu». Vol. 9. 1935, May, с. 11—13.
Будберг 1937 — P. A. Boodberg. Some Proleptical Remarks on the Evolution of Archaic Chinese.— HJAS. Vol. 2, 1937, с. 329—372.
Бузург Ибн Шахрийар — [Buzurg ibn Shahriyar]. The Book of the Marvels of India, from the Arabic by L. Marcel Devic. L., 1928.
Бушель 1880 — S. W. Bushell. The Early History of Tibet. From Chinese Sources.— JRAS. N. S. Vol. 12. 1880, с. 435—541.

Бэркил 1935 — I. H. Burkill. A Dictionary of the Economic Products of the Malay Peninsula. L., 1935.
Вада 1947 — Вада Сэй. Сюдзюко.— «Тоё гакухо». Т. 31, 1947, с. 345—354.
Вада 1955 — Вада Сэй. Коцудзякуко.— «Тоё гакухо». Т. 38, 1955, с. 1—18.
Вайман 1954 — A. Wayman. Notes on the Three Myrobalans.— «Phi Theta Annual». Vol. 5. 1954—1955, с. 63—77.
Ван Гун-у 1958 — Wang Gungwu. The Nanhai Trade: A Study of the Early History of Chinese Trade in the South China Sea.— «Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society». Vol. 31. 1958, № 2, June, с. 1—135.
Ван И-тун 1953 — Wan Yi-t'ung. Slaves and Other Comparable Social Groups During the Northern Dynasties,— HJAS. Vol. 16, 1953, с. 293—364.
Ван Лин 1947 — Wang Ling. On the Invention and Use of Gunpowder and Firearms in China.— «Isis». Vol. 37. 1947, с. 160—178.
Ван Тун-лин 1930 — Ван Тун-лин. Тан Сун шидай цзи као.— «Шисюэ няньбао». Т. 1, 1930, с. 21—32.
* Вельгус 1966 — В. А. Вельгус. О средневековых китайских известиях об Африке и некоторых вопросах их изучения.— «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая». Н. С. Т. 90 («Африканский этнографический сборник», VI). М.—Л., 1966, с. 83—103.
* Вельгус 1966а — В. А. Вельгус. Страны Мо-линь и Бо-са-лао (Лао-бо-са) в средневековых китайских известиях об Африке.— «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая». Н. С. Т. 90 («Африканский этнографический сборник», VI). М.—Л., 1966, с. 104—121.
* Вельгус 1969 — В. А. Вельгус. Исследование некоторых спорных вопросов истории мореходства в Индийском океане.— «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая». Н. С. Т. 93 («Африканский этнографический сборник», VII). Л., 1969, с. 128—176.
Верт 1954 — E. Werth. Grabstock Hacke und Pflug. Ludwigsburg, 1954.
Вильбур 1943 — C. M. Wilbur. Slavery in China During the Former Han Dynasty, 206 B. C.— A. D. 25.— «Field Museum of Natural History, Anthropological Series». Vol. 34. Chicago, 1943.
Вильерс 1952 — A. Villiers. Monsoon Seas: The Story of the Indian Ocean. N. Y., 1952.
де Виссер 1920 — M. W. de Visser. Die Pfauenkönigin in China und Japan.— Festschrift für Friedrich Hirth zu seinem 75. Geburtstag. B., 1920, с. 370—387.
* Витт 1952 — В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов.— СА. Т. 16. 1952, с. 191—201.
Вуд 1934 — R. W. Wood. The Purple Gold of Tutʿankhamūn.— «The Journal of Egyptian Archaeology». Vol. 20. 1934, с. 62—65.
* фон Габэн 1961 — A. von Gabain. Das uigurische Königsreich von Chotscho, 850—1250.— SBAW. 1961, No 5.
Гарнер 1955 — H. Garner. Chinese Art, Venice, 1954.— «Oriental Art» N. S. Vol. 1, № 2, 1955. Summer, с. 66—70.
Гершевич 1957 — I. Gershevitch. Sissoo at Sysa (O Pers. yakā = = Dalbergia sissoo Roxb.).— BSOAS. Vol. 19. 1957, с. 317—320.
Глессер 1957 — G. Glaesser. Painting Ancient Pjandžikent.— EW. Vol. 8. 1957, с. 199—215.
Григсон 1947 — G. Grigson. The Harp of Aeolus and Other Essays on Art, Literature, and Nature. L., 1947.
Гриссмайер 1933 — V. Griessmaier. Die granulierte Goldschnalle.—

«Wiener Beiträge zur Kunst- und Kulturgeschichte Asiens». Vol. 7. 1933 (Studien zur Kunst der Han-Zeit, Die Ausgrabungen vono-lang in Korea), c. 31—38.
Годэ 1949 — P. K. Gode. History of Ambergris in India Between About A. D. 700 and 1900.— «Chymia». Vol. 2, 1949, c. 51—56.
Груссэ 1932 — R. Grousset. In the Footsteps of the Buddha, transl. by M. Leon. L., 1932.
Груссэ 1948 — R. Grousset. De la Grèce à la Chine. Monaco, 1948.
Грэй 1959 — B. Gray. Buddhist Cave Paintings at Tun-huang, with photographs by J. B. Vincent. L., 1959.
Гудрич 1931 — L. C. Goodrich. Negroes in China,— «Bulletin of the Catholic University of Peking». Vol. 8. 1931, December, c. 137—139.
Гудрич 1959 — L. C. Goodrich. A Short History of Chinese People. 3d ed. N. Y., 1959.
ван Гулик 1954 — R. H. van Gulik. The 'Mango' Trick in China : An Essay on Taoist Magic.— «Transactions of the Asiatic Society of Japan». Ser. 3. Vol. 3. 1954, December, c. 117—175.
* Гуляка и волшебник — Гуляка и волшебник. М., 1970.
Гюлленсверд 1958 — B. Gyllensvärd. Ekolsund : An Historic Swedish Country House with World-Famous Chinese Collections.— «Connoisseur» (American edition). 1959, March, c. 2—7.
Дайвендак 1939 — J. J. L. Duyvendak. The True Dates of the Chinese Maritime Expeditions in the Early Fifteenth Century.— TP. Vol. 34. 1939, c. 341—412.
Дайвендак 1949 — J. J. L. Duyvendak. China's Discovery of Africa. L., 1949.
Дана 1892 — E. S. Dana. The System of Mineralogy of James Dwight Dana : Descriptive Mineralogy. N. Y., 1892.
Давид — Усталь 1877 — A. David, E. Oustalet. Les Oiseaux de la Chine. P., 1877.
Делакур 1947 — J. Delacour. Birds of Malaysia. N. Y., 1947.
Делакур 1951 — J. Delacour. The Pheasants of the World. L.— N. Y., 1951.
Делакур — Жабуйе 1931 — J. Delacour, P. Jabouille. Les Oiseaux de l'Indochine Française. Vol. 4. P., 1931.
* Демидова 1970 — М. И. Демидова. Перечень произведений Махаяны Сюань-и и его значение для буддийской литературы.— Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока (к 60-летию Л. З. Эйдлина). М., 1970, с. 95—99.
Демьевиль 1924 — P. Demiéville. Review of Tchang Hong-tchao, Che ya (Lapidarium sinicum).— BEFEO. T. 24. 1924. c. 276—301.
Демьевиль 1925 — P. Demiéville. La musique čame au Japon.— «Études asiatiques publiées à l'occasion du vingtcinquiè me anniversaire de l'École Française d'Extrême-Orient». T. 1. 1925, c. 199—226.
Демьевиль 1952 — P. Demiéville. Le concile de Lhasa : une controverse sur le quiétisme entre bouddhistes de l'Inde et de la Chine au VIIIe siècle de l'ère chrétienne. P., 1952.
Л. Джайлз 1932 — L. Giles. A Chinese Geographical Text of the Ninth Century.— BSOAS. Vol. 6. 1932, c. 825—846.
Л. Джайлз 1935 — L. Giles. Dated Chinese Manuscripts in the Stein Collection : II, Seventh Century A. D.— BSOAS. Vol. 8. 1935, c. 1—26.
Л. Джайлз 1937 — L. Giles, Dated Chinese Manuscripts in the Stein Collection : III, Eighth Century A. D.— BSOAS. Vol. 9, 1937, c. 1—25.
Л. Джайлз 1957 — L. Giles. Descriptive Catalogue of the Chinese Manuscripts from Tunhuang in the British Museum. L., 1957.

Х. Джайлз 1923 — H. A. Giles. Gems of Chinese Literature. Vol. 1. Shanghai, 1923.
Джейн 1941 — H. H. F. Jayne. Maitreya and Guardians.— «Bulletin of the University Museum». Vol. 9. Philadelphia, 1941, № 4.
Дженинз 1954 — R. S. Jenyns. Chinese Carvings in Elephant Ivory.— TOCS. 1951—1952, 1952—1953. L., 1954, с. 37—59.
Дженинз 1957 — R. S. Jenyns. The Chinese Rhinoceros and Chinese Carvings in Rhinoceros Horn.— TOCS, 1954—1955. L., 1957, с. 31—62.
Джэттенз 1950 — R. J. Gettens. Lapis lazuli and ultramarine in ancient times.— «Alumni: Revue du cercle des Alumni des Fondations Scientifiques». T. 19. Brussels, 1950, с. 342—357.
Дочь царя драконов. 1954 — The Dragon King's Daughter : Ten Tang Dynasty Stories. Peking, 1954.
Дрейк 1940 — F. S. Drake. Foreign Religions of the T'ang Dynasty.— «Chinese Recorder». Vol. 71. 1940, с. 343—354, 643—649, 675—688.
Дрейк 1943 — F. S. Drake, Mohammedanism in the T'ang Dynasty.— «Monumenta Serica». Vol. 8. 1943, с. 1—40.
Ду Фу иньдэ — Ду ши иньдэ («Индекс к стихам Ду Фу»).
Дэвидсон 1954 — J. L. Davidson. The Lotus Sutra in Chinese Art : A Study in Buddhist Art to the Year 1000. New Haven, 1954.
Дэвис 1960 — F. Davis. A Ming Winecup and Cloisonné (A Page for Collectors).— «Illustrated London News». 1960, October 15, с. 650.
Е Дэ-лу 1942 — Е Дэ-лу. Цияоли жу Чжунго бяо.— «Фужэнь сюэ чжи». Т. 11. 1942, с. 137—157.
Е Дэ-лу 1947 — Е Дэ-лу. Тандай хушан юй чжубао.— «Фужэнь сюэ бао». Т. 15, 1947, с. 101—103.
Е Цзин-юань 1958 — Е Цзин-юань. Чжунго вэньсянь шанди ганьцзюй цзайпэй.— «Нунсюэ ичань яньцзю цзикань». Т. 1, 1958, с. 109—163.
Жернэ 1956 — J. Gernet. Les aspects économiques du bouddhis me dans la société chinoise du Ve au Xe siécle.— «Publications de l'Ecole Française d'Extrême-Orient». T. 39. Saigon, 1956.
Зеккель 1954 — D. Seckel. Kirikane : Die Schnittgold-Decoration in der japanischen Kunst, ihre Technik und ihre Geschichte.— «Oriens Extremus». Vol. 1, 1954, с. 71—88.
Исибаси 1901 — Исибаси Горо,— То-Со дзидай-но Сина энкай бо̄эки нараби-ни бо̄экико̄-ни цуйтэ.— «Сигаку дзасси». Т. 12. 1901, с. 952—975, 1051—1077, 1298—1314.
Исида Микиносукэ 1932 — Ishida Mikinosuke. Etudes sino-iraniennes, I. A propos du *Hou-siuan-wou*.— MRDTB. Vol. 6. 1932, с. 61—76.
Исида Микиносукэ 1942 — Исида Микиносукэ. Тёан-но хару. Изд. 3. Токио, 1942.
Исида Микиносукэ 1948 — Исида Микиносукэ. То-си сосё. Токио, 1948.
Исида Мосаку — Вада 1954 — Mosaku Ishida, Gunichi Wada. The Shosoin : An Eighth-Century Treasure-House. English résumé by Jiro Harada. Tokyo — Osaka — Moji, 1954.
Йеттс 1934 — W. P. Yetts. The Horse : A Factor in Early Chinese History.— «Eurasia Septentrionalis Antiqua». Vol. 9 (Minns Volume). 1934, с. 231—255.
Картер 1955— T. F. Carter. The Invention of Printing in China and Its Spread Westward. 2d. ed. Rev. by L. C. Goodrich. N. Y., 1955.
Като 1936 — Katô Shigeshi. On the Hang or the Association of Merchants in China, with Especial Reference to the Institution in the T'ang and Sung Periods.— MRDTB. Vol. 8. 1936, с. 45—83.
К. Келлер 1902 — C. Keller. Die Abstammung der ältesten Haustiere. Zürich, 1902.

О. Келлер 1909, 1913 — O. Keller. Die Antike Tierwelt. Bd I — 1909, Bd II — 1913, Lpz.
Кимура 1942 — Кимура Коити. Хондзо.— «Сина тири рэкиси тайкэй». Т. 8. Токио, 1942, с. 187—217.
Кимура 1946 — Кимура Коити. Кан-ва якумэй мокуроку. Токио, 1946.
Кимура 1954 — Kimura Koichi. Ancient Drugs Preserved in the Shōsōin.— «Occasional Papers of the Kansai Asiatic Society». Kyoto, 1954, № 1.
Кисибэ 1948 — Кисибэ Сигэо, Тоё но гакки то соно рэкиси. Токио, 1948.
Кисибэ 1952 — Кисибэ Сигэо. Сэйикигаку торю ни окэру когаку раитё но иги.— «Рэкиси то бунка. Рэкисигаку кэнкю хококу». Т. 1. (Токё дайгаку кёнкугакубу дзимбункагаку-ка киё), Токио, 1952, с. 67—90.
Кисибэ 1954 — Kishibe Shigeo. The Origin of the K'ung-hou (Chinese Harp): A Companion Study to 'The Origin of the P'i-p'a'.— «Tōyō Ongaku Kenkyū». Transl. by Leo M. Traynor. Tokyo, 1954.
Кисибэ 1955 — Кисибэ Сигэо. То-дай гикан но сосики.— «Кодай кэнкю 2: Рэкисигаку кэнкю хококу». Т. 3, № 5 (Токё дайгаку кёику-гакубу дзимбун-кагаку-ка киё). Токио, 1955, с. 133—186.
Кисибэ 1956 — Кисибэ Сигэо. Дзэн-Сёку Сисо О Кэн кандза сэкитё но нидзюси гакуги ни цуйтэ.— «Кокусай тохо дакуся каиги киё». Т. 1. 1956, с. 9—21.
* Кляшторный 1964 — С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
Кокс 1945 — E. H. M. Cox. Plant-Hunting in China : A History of Botanical Exploration in China and the Tibetan Marches. L., 1945.
Колье 1921 — V. W. F. Collier. Dogs of China and Japan in Nature and Art. L., 1921.
Кёдес 1948 — G. Coedès. Les états hindouisés d'Indochine et d'Indonesie. P., 1948.
Крево 1925 — Ch. Crevost. Catalogue des produits de l'Indochine.— «Bulletin Economique de l'Indochine». S. N. 1925, c. 26—30.
Кристенсен 1936 — A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. P., 1936 (Annales du Musée Guimet, Bibliothèques d'Etudes, vol. 48).
Кристи 1957 — A. Christie. Ta-ch'in P'o-lo-men.— BSOAS. Vol. 20. 1957, c. 159—166.
Кристи 1957а — A. Christie. An Obscure Passage from the «Periplus»: κολανδιοφωντα τά μέγιστα.— BSOAS. Vol. 19, 1957, c. 345—353.
Кувабара 1930 — Кувабара Дзицудзо. Тан Сун шидай чжун-си туншан ши. Пер. Фэн Ю. Шанхай, 1930.
Кун 1934 — Кун Дэ. Вайцзу иньюэ лючуань Чжунго ши. Шанхай, 1934.
Лауфер 1905 — B. Laufer. Historical Jottings on Amber in Asia.— «Memoirs of the American Anthropological Association». Vol. 1. 1905—1907, c. 211—244.
Лауфер 1909 — B. Laufer. Chinese Pottery of the Han Dynasty. Leiden, 1909.
Лауфер 1913 — B. Laufer. Arabic and Chinese Trade in Walrus and Narwhal Ivory.— TP. Vol. 14. 1913, c. 315—364.
Лауфер 1913а — B. Laufer. Notes on Turquoise in the East. Chicago, 1913 (Field Museum of Natural History, Publication 169, Anthropological Series. Vol. 13, No 1).
Лауфер 1914 — B. Laufer. Bird Divination Among the Tibetans.— TP. Vol. 15. 1914, c. 1—110.
Лауфер 1914а — B. Laufer. Chinese Clay Figures : Part I. Prolegomena on the History of Defensive Armor. Chicago, 1914 (Field Museum

of Natural History, Publications 177, Anthropological Series. Vol. 13, № 2).
Лауфер 1915 — B. L a u f e r. Asbestos and Salamander : An Essay in Chinese and Hellenistic Folk-Lore.— TP. Vol. 16. 1915, с. 299—373.
Лауфер 1915а — B. L a u f e r. Three Tokharian Bagatelles.— TP. Vol. 16. 1915, с. 272—281.
Лауфер 1915б — B. L a u f e r. Vidanga and Cubebs.— TP. Vol. 16. 1915, с. 282—288.
Лауфер 1915в — B. L a u f e r. The Diamond : A Study in Chinese and Hellenistic Folklore. Chicago, 1915 (Field Museum of Natural History, Anthropological Series. Vol. 15. № 1).
Лауфер 1915г — B. L a u f e r. The Story of the Pinna and the Syrian Lamb.— «Journal of American Folk-Lore». Vol. 28. 1915, с. 103—128.
Лауфер 1915д — B. L a u f e r. Optical Lenses.— TP. Vol. 16. 1915, с. 169—228.
Лауфер 1915е — B. L a u f e r. Burning-Lenses in India.— TP. Vol. 16. 1915, с. 562—563.
Лауфер 1916 — B. L a u f e r. Supplementary Notes on Walrus and Narwhal Ivory.— TP. Vol. 17. 1916, с. 348—389.
Лауфер 1918.— B. L a u f e r. Malabathron.— JA. Sér. 11me. T. 12. 1918, с. 5—49.
Лауфер 1919 — B. L a u f e r. Sino-Iranica: Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran, with Special Reference to the History of Cultivated Plants and Products. Chicago, 1919 (Field Museum of Natural History, Publications 201, Anthropological Series. Vol. 15, № 3).
Лауфер 1923 — B. L a u f e r. Oriental Theatricals. Chicago, 1923 (Field Museum of Natural History, Department of Anthropology Guide. Pt 1).
Лауфер 1923а — B. L a u f e r. Review of V. W. F. Collier, Dogs of China and Japan in Nature and Art.— «Isis». Vol. 5. 1923, с. 444—445.
Лауфер 1925 — B. L a u f e r. Ivory in China. Chicago, 1925 (Field Museum of Natural History, Anthropology Leaflet 21).
Лауфер 1926 — B. L a u f e r. Ostrich Egg-Shell Cups of Mesopotamia and the Ostrich in Ancient and Modern Times. Chicago, 1926 (Field Museum of Natural History, Anthropology Leaflet 23).
Лауфер 1937 — B. L a u f e r. Felt : How It Was Made and Used in Ancient Times and a Brief Description of Modern Methods of Manufacture and Uses. 5th printing. Chicago, 1937.
Лауфер 1946 — B. L a u f e r. Jade : A Study in Chinese Archaeology and Religion. 2nd ed. South Pasadena, 1946.
Г. Леви 1951 — H. S. L e v y. An Historical Introduction of the Events Which Culminated in the Huang Ch'ao Rebellion.— «Phi Theta Annual». Vol. 2. 1951, с. 79—103.
Г. Леви 1955 — H. S. L e v y. Biography of Huang Ch'ao. Berkeley — Los Angeles, 1955 (Chinese Dynastic Histories Translations, № 5).
С. Леви 1900 — S. L é v i. Les missions de Wang Hiuen-ts'e dans l'Inde.— JA. T. 15. 1900, с. 297—341, 401—468.
С. Леви 1913 — S. L é v i. Le'tokharien B', langue de Koutcha.— JA. Sér. 11. T. 2. 1913, с. 351—352.
С. Леви — Шаванн 1895 — S. L é v i, Ed. C h a v a n n e s. L'Itinéraire d'Ou-k'ong (751—790).— JA, Sér. 9. T. 6. 1895, с. 341—384.
Левицкий 1935 — T. L e w i c k i. Les premiers commerçants Arabes en Chine.— «Rocznik Orjentalistyczny». Vol. 11. 1935, с. 173—186.
фон Лекок 1925 — A. von L e C o q. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. B., 1925.

Лессинг 1935 — F. Lessing. Über die Symbolsprache in der chinesischen Kunst. Frankfurt am Main, [1935?].
Лёр 1959 — M. Loehr. A Propos of Two Paintings Attributed to Mi Yu-jen.— «Ars Orientalis». Vol. 3. 1959, c. 169—173.
X. Ли 1959 — H. L. Li. The Garden Flowers of China. N. Y., 1959.
Ли Линь-цань 1956 — Ли Линь-цань, Янь Ли-бэнь чжигун tу.— «Далу цзачжи». Т. 12. 1956, с. 33—50.
Лидекер 1898 — R. Lydekker. Wild Oxen, Sheep and Goats of All Lands : Living and Extinct. L., 1898.
Лидекер 1912 — R. Lydekker. The Horse and Its Relatives. N. Y., 1912.
Лидекер 1912а — R. Lydekker. The Ox and Its Kindred. L., 1912.
Лидекер 1912б — R. Lydekker. The Sheep and Its Cousins. L. 1912.
Лин 1958 — Лин Чунь-шэн, Чжунго цзю ши циюань.— «Чжунъян яньцзююань Лиши-юйяньяньцзюсо цикань». Т. 29. Цинчжу Чжао Юань-жэнь сяньшэн лю-ши-у суй луньвэнь цзи, Тайбэй, 1958.
Лу — Нидэм 1951 — Lu Gwei-djen, J. Needham, A Contribution to the History of Chinese Dietetics.—«Isis».Vol. 42. 1951, c. 13—20.
* Лубо-Лесниченко 1961 — Е. И. Лубо-Лесниченко. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э.— III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1961.
Лукас 1934 — A. Lucas. Ancient Egyptian Materials and Industries. 2d ed. L., 1934.
* Лукас 1958 — А. Лукас. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958.
Льюис 1924 — G. H. Luce. Countries Neighbouring Burma.— «Journal of the Burma Research Society». Vol. 14. 1924, c. 138—205.
Лю Лин-цан 1958 — Лю Лин-цан. Тандай жэньу хуа. Пекин, 1958.
Лю Мао-цзай 1957 — Liu Mau-tsai. Kulturelle Beziehungen zwischen den Ost-Türken (=T'u-küe) und China.— CAJ. Vol. 3. № 3, 1957—1958, c. 190—205.
Маджумдар 1927 — R. C. Majumdar. Ancient Indian Colonies in the Far East: I. Champa. Lahore, 1927.
Макгоуэн 1854 — D. J. Macgowan. Chinese and Aztec Plumagery.— «American Journal of Science and Arts». 2d ser. Vol. 18, 1854, c. 57—61.
Макдермот 1938 — W. C. McDermott. The Ape in Antiquity. Baltimore, 1938.
Малер 1959 — J. G. Mahler. The Westerners Among the Figurines of the T'ang Dynasty of China. Rome, 1959.
* Малов 1951 — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.— Л., 1951.
Масперо 1953 — H. Maspero. Les documents chinois de la troisième expédition de Sir Aurel Stein en Asie Centrale. L., 1953.
Масутоми 1957 — Масутоми Дзюносукэ. Сёсоин якубуцу о тюсинто суру кодай сэкияку-но кэнкю.— «Сёсоин-но кобуцу». Т. 1. Киото, 1957.
Мацуи 1959 — Мацуи Сюити. Рорю хантин ко.— «Сигаку дзасси». Т. 68. 1959, с. 1397—1432.
Миллер 1959 — R. A. Miller. Accounts of Western Nations in the History of the Northern Chou Dynasty. Berkeley — Los Angeles, 1959 (Chinese Dynastic History Translations, № 6).
Мукерджи 1957 — R. K. Mookerji. Indian Shipping : A History of the Sea-Borne Trade and Maritime Activity of the Indians from the Earliest Times. 2d ed. Calcutta, 1957.
Мураками 1955 — Мураками Ёсими. То-дай кидзоку тэйэн.— «Тохогакухо». Т. 11, 1955, с. 244—246.

Мэдли 1955 — M. Medley. The T'ang Dynasty: A Chinese Renaissance, A. D. 618—906.— «History Today». Vol. 5. 1955, № 4, April, с. 263—271.
Мэнхен-Хелфен 1950 — O. Maenchen-Helfen. Two Notes on the Diamond in China.— JAOS. Vol. 70. 1950, с. 187—188.
Мэнхен-Хелфен 1957 — O. Maenchen-Helfen. Crenelated Mane and Scabbard Slide.— CAJ. Vol. 3. 1957, № 2, с. 85—138.
Мэрилл 1922 — G. P. Merrill. Handbook and Descriptive Catalogue of the Collections of Gems and Precious Stones in the United States National Museum, Wash., 1922 (United States National Museum Bulletin, 118).
Мэтью 1956 — G. Mathew. Chinese Porcelain in East Africa and on the Coast of South Arabia.— «Oriental Art». N. S. Vol. 2. 1956, Summer, с. 50—55.
На 1953 — На Чжи-лян. Ланьтянь юй.— «Далу цзачжи». Т. 7. 1953, с. 363—364.
Нагахиро 1955 — T. Nagahiro. On Wei-ch'ih I-seng, a Painter of the Early T'ang Dynasty.— «Oriental Art». N. S. Vol. 1. 1955, № 2 (Summer), с. 70—74.
Накамура 1917 — Накамура Кусиро. То-дзидай но Кантон.— «Сигаку дзасси». Т. 28, 1917, с. 242—258, 348—368, 487—495, 552—576.
Накамура 1920 — Накамура Кусиро. Кантон-но сёко оёби Кантон Тёан-о рэнкэцу суру суйро сюун-но коцу.— «Тоё гакухо». Т. 10. 1920, с. 244—266.
Накано 1924 — Накано Кокан. Сина-но ума. Пекин, 1924.
Нандзё 1883 — Bunyiu Nanjo. A Catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripitaka: The Sacred Canon of the Buddhists in China and Japan. Ox., 1883.
Нидэм 1954, 1959 — J. Needham. Science and Civilisation in China. Vol. 1 — 1954; Vol. 3 — 1959, Cambridge.
Нидэм 1958 — J. Needham. The Development of Iron and Steel Technology in China. L., 1958.
Нидэм 1959а — J. Needham. The Missing Link in Horological History: A Chinese Contribution.— «Proceedings of the Royal Society», A, 250, 1959, с. 147—179.
Нидэм — Ван Лин — Прайс 1960 — J. Needham, Wang Ling, D. J. Price. Heavenly Clockwork: The Great Astronomical Clocks of Medieval China. Cambridge, 1960.
Нидэм — Ван Лин — Робинсон 1962 — J. Needham, Wang Ling, K. G. Robinson. Science and Civilisation in China. Vol. 4. Cambridge, 1962, № 1.
Нюберг 1931 — H. S. Nyberg. Hilfsbuch des Pehlevi: II. Glossar. Uppsala, 1931.
Огава Сёити 1957 — Огава Сёити, Бан-То-си-но итимэн — соно сякайсэй.— «То̄ке̄ Синагаку хо̄». Т. 3. 1957, июнь, с. 97—114.
Огава Тамаки 1959 — Огава Тамаки. Тёкуроку-но ута ооно гэнгото бунгакуси-тэки иги.— «То̄хо̄гаку». Т. 18. 1959, июнь, с. 34—44.
Осборн 1912 — D. Osborne. Engraved Gems, Signets, Talismans and Ornamental Intaglios. N. Y., 1912.
Пань 1958 — Пань Хуай-су. Цун гу-цзинь цзыпу лунь цю-цзы-юэ инсянсяди миньцзы иньюэ.— «Каогу сюэбао». Т. 21, 1958, с. 95—124.
Пари 1952 — P. Paris, Quelques dates pour une histoire de la jonque chinoise.— BEFEO. T. 46. № 1, 1952, с. 267—278; T. 46. № 2, 1954, с. 653—655.
Пельо 1903 — P. Pelliot. Le Fou-nan.— BEFEO. T. 3. 1903, с. 248—303.

Пельо 1904 — P. P e l l i o t. Deux itinéraires de Chine en Inde à la fin du VIIIe siècle.— BEFEO. T. 4. 1904, с. 131—413.
Пельо 1912 — P. P e l l i o t. Autour d'une traduction Sanskrit du *Tao-tö-king* [Tao Tê Ching].— TP. Vol. 13. 1912, с. 350—430.
Пельо 1912а — P. P e l l i o t. Review of Hirth and Rockhill, Chau Ju-kua : His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries. Entitled Chu-fan-chï.— TP. Vol. 13. 1912, с. 446—481.
Пельо 1912б — P. Pelliot. Les influences iraniennes en Asie Centrale et en Extrême-Orient.— «Revue d'histoire et de littérature religieuse». S. N. T. 3. 1912, с. 97—119.
Пельо 1923 — P. P e l l i o t. Quelques artistes des Six Dynasties et des T'ang.— TP. Vol. 22. 1923, с. 215—291.
Пельо 1928 — P. P e l l i o t. L'édition collective des oeuvres de Wang Kouo-wei.— TP. Vol. 26. 1928, с. 113—182.
Пельо 1928 а — P. P e l l i o t. Des artisans chinois à la capitale abbasside en 751—762.— TP. Vol. 26. 1928, с. 110—112.
* Пельо 1951 — P. P e l l i o t. Mémoires sur les coutumes du Cambodge de Tcheou Ta-kouan. Version nouvelle suivie d'un commentaire inachevé.— «Oeuvre posthumes par Paul Pelliot». T. 3. P., 1951.
Пельо 1959 — P. P e l l i o t. Notes on Marko Polo. Vol. 1. P., 1959.
Пензер 1952 — N. M. P e n z e r. Poison-Damsels and Other Essays in Folklore and Anthropology. L., 1952.
Плиний 1855, 1856 — The Natural History of Pliny, transl. by J. Bostock and H. T. Riley. Vol. 3. L., 1855; Vol. 4. L., 1856.
Последние прибежища 1956 — Derniers Refuges: Atlas commenté des réserves naturelles dans le monde, préparé par l'Union Internationale pour la Conservation de la Nature et de ses Resources. Brussels, 1956.
Прист — Симмонс 1931 — A. P r i e s t, P. S i m m o n s. Chinese Textiles: An Introduction to the Study of Their History, Sources, Technique, Symbolism, and Use. Occasioned by the Exhibition of Chinese Court Robes and Accessories. N. Y., 1931 (Metropolitan Museum of Art).
Прушек 1939 — J. P r ů š e k. Researches into the Beginnings of the Chinese Popular Novel.— «Archiv Orientální». Vol. 2. 1939, с. 91—132.
Пуллибланк 1955 — E. G. P u l l e y b l a n k. The Background of the Rebellion of An Lu-shan. London — New York — Toronto, 1955.
Пуллибланк 1958 — E. G. P u l l e y b l a n k. The Origins and Nature of Chattel Slavery in China.— «Journal of the Economic and Social History of the Orient». Vol. 1. 1958, с. 185—220.
Пуллибланк 1960 — E. G. P u l l e y b l a n k. Neo-Confucianism and Neo-Legalism in T'ang Intellectual Life, 755—805.— «The Confucian Persuasion». Stanford, 1960.
Пуллибланк 1962 — E. G. P u l l e y b l a n k. The Consonantal System of Old Chinese.— «Asia Major». Vol. 9. 1962. с. 58 — 144.
Рабиновиц 1946 — L. R a b i n o w i t z. Eldad ha-Dani and China.— «Jewish Quarterly Review». Vol. 36. 1946, с. 231—238.
Райт 1951 — A. F. W r i g h t. Fu I and the Rejection of Buddhism.— «Journal of the History of Ideas». Vol. 12. 1951, с. 33—47.
Райт 1957 — A. F. W r i g h t. Buddhism and Chinese Culture: Phases of Interaction.— JAS. Vol. 17. 1957, с. 17—42.
Рамстэдт 1949 — G. J. R a m s t e d t. Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949.
Рейно 1845 — Relations des voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et à la Chine dans le IXe siècle de l'ère chrétienne. Texte arabe imprimé en 1811 par les soins de feu Langlès, publié avec des corrections et accompagné d'une traduction française et d'éclairissements par M. Reinaud. T. 1. Introduction et traduction; T. 2. Texte. P., 1845.

Рейшауэр 1940 — E. O. Reischauer. Notes on T'ang Dynasty Sea Routes.— HJAS. Vol. 5. 1940, № 2 (June), с. 142—164.
Рейшауэр 1955 — E. O. Reischauer. Ennin's Diary: The Record of a Pilgrimage to China in Search of the Law. N. Y., 1955.
Рейшауэр 1955а — E. O. Reischauer. Ennin's Travels in T'ang China. N. Y., 1955.
Рид 1932 — B. E. Read. Chinese Materia Medica, Avian Drugs.— «Peking Society of Natural History Bulletin». Vol. 6, 1932, № 4.
Рид 1936 — B. E. Read. Chinese Medicinal Plants from the Pen Ts'ao Kang Mu A. D. 1596. 3d ed. Peking, 1936.
Рид 1937 — B. E. Read. Chinese Materia Medica, Turtle and Shellfish Drugs.— «Peking Society Natural History Bulletin». Vol. 12. 1937, 2 (December).
Рид 1943 — B. E. Read. Influence des régions méridionales sur les médicines chinoises.— «Bulletin de l'Université l'Aurore». Sér. 3. T. 4. 1943, с. 475—483.
Рид — Пак 1928 — B. E. Read, C. Pak. A Compendium of Minerals and Stones Used in Chinese Medicine from the Pen T'sao [sic] Kang Mu; Li Shih Chen, 1597 A. D.— «Peking Society of Natural History Bulletin». Vol. 3, 1928, № 2 (December).
Розенберг 1918 — M. Rosenberg. Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischer Grundlage. Frankfurt am Main, 1918.
Рок 1955 — J. F. Rock. The D'a Nu Funeral Ceremony with Special Reference to the Origin of Na-khi Weapons.— «Anthropos». Vol. 50. 1955, с. 1—31.
де Ротур 1947, 1948 — R. de Rotours. Traité des fonctionnaires et traité de l'armée; traduits de la nouvelle histoire des T'ang. T. 1. Leyden, 1947, ch. XLVI—L; t. 2, Leyden, 1948.
де Ротур 1952 — R. de Rotours. Les insignes en deux parties (fou) sous la dynastie des T'ang (618—907).— TP. Vol. 41. 1952, с. 1—148.
Роулэнд 1947 — B. Rowland Jr. Chinoiseries in T'ang Art.— «Artibus Asiae». Vol. 10. 1947, с. 265—282.
Ру 1959 — J.-P. Roux. Le chameau en Asie Centrale: son nom — son élévage — sa place dans la mythologie.— CAJ. Vol. 5. 1959, с. 27—76.
Рудольф 1959 — R. C. Rudolph. Chinese Medical Stelae.— «Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica». Vol. 30. 1959, с. 681—688.
Сартон 1944 — G. Sarton. Fishing with Otters (Query and Answer).— «Isis». Vol. 35. 1944, с. 178.
Сёсоин, 1928 — Сёсоин гёбуцу дзуроку. Токио, 1928.
Сёсоин, 1960 — Сёсоин хобуцу. Токио, 1960.
Сида 1957 — Сида Фудомаро. Тюгоку-ни окэру сато-но фукю,— «Такигава хакасэ канрэки кинэн ромбунсю». Т. 1, «Тōёси», Уэда, 1957, с. 125—139.
Симмонс 1948 — P. Simmons. Chinese Patterned Silks. N. Y., 1948.
Симмонс 1956 — P. Simmons. Some Recent Developments in Chinese Textile Studies.— «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities». Vol. 28. 1956, с. 19—44.
Сиратори 1939 — Shiratori Kurakichi. The Mu-nan-chu of Ta-Ch'in and the Cintāmani of India.—MRDTB. Vol. 11. 1939, с. 1—54.
Сиратори 1956 — Shiratori Kurakichi. A New Attempt at a Solution of the Fu-lin Problem.— MRDTB. Vol. 15. 1956, с. 156—329.
Сирэн 1927 — O. Sirén. Tch'ang-ngan au temps des Souei et des T'ang.— «Revue des Arts Asiatiques». T. 4. 1927, с. 40—46, 98—104.
Сирэн 1928 — O. Sirén. Chinese Paintings in American Collections. Paris — Brussels, 1928.

Ситуэлл 1936 — S. Sitwell. Dance of the Quick and the Dead: An Entertainment of the Imagination. L., 1936.
Ситуэлл 1941 — S. Sitwell. Valse des Fleurs: A Day in St. Petersburg and a Ball at the Winter Palace in 1868. L., 1941.
Ситуэлл 1947 — S. Sitwell. The Hunters and the Hunted. L., 1947.
Ситуэлл 1953 — S. Sitwell. Truffle Hunt. L., 1953.
Склэтер — Томас 1898 — P. L. Sclater, O. Thomas. The Book of Antelopes. Vol. 3. L., 1897—1898.
Смит 1940 — M. B. Smith. Marlowe's Imagery and the Marlowe Canon. Philadelphia, 1940.
Соважэ 1948 — J. Sauvaget. 'Ahbār aṣ-Ṣin wa'l-Hind: Relations de la Chine et de l'Inde rédigée en 851. P., 1948.
Сопер 1947 — A. C. Soper. The «Dome of Heaven» in Asia.— «Art Bulletin». Vol. 29. 1947, c. 225—248.
Сопер 1950 — A. C. Soper. T'ang Ch'ao Ming Hua Lu (The Famous Painters of the T'ang Dynasty) by Chu Ching-hsüan of Wu-chün Translated.— «Archives of the Chinese Art Society of America». Vol. 4. 1950, c. 5—28.
Сопер 1951 — A. C. Soper. Kuo Jo-hsü's Experiences in Painting (T'u-hua chien-wên chih): An Eleventh-Century History of Chinese Painting Together with the Chinese Text in Facsimile. Wash., 1951.
Сопер 1958 — A. C. Soper. T'ang ch'ao ming hua lu: Celebrated Painters of the T'ang Dynasty by Chu Ching-hsüan of T'ang.— «Artibus Asiae». Vol. 21, 1958, c. 204—230.
Соуэрби 1937 — A. de C. Sowerby. The Horse and Other Beasts of Burden in China.— «China Journal». Vol. 26. 1937, c. 282—287.
Соуэрби 1940 — A. de C. Sowerby. Nature in Chinese Art. N. Y., 1940.
А. Стейн 1907 — A. Stein. Ancient Khotan: Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan. Ox., 1907.
А. Стейн 1921 — A. Stein. Serindia: A Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Ox., 1921.
А. Стейн 1925 — A. Stein. Innermost Asia: Its Geography as a Factor in History.— «Geographical Journal». Vol. 65, 1925, c. 377—403, 473—501.
А. Стейн 1928 — A. Stein. Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Īrān. Ox., 1928.
А. Стейн 1933 — A. Stein. On Ancient Central-Asian Tracks: Brief Narrative of Three Expeditions in Innermost Asia and North-western China L., 1933.
Р. Стейн 1942 — R. Stein, Jardins en miniature d'Extrême-Orient.— BEFEO. T. 42, 1942, c. 1—104.
Р. Стейн 1947 — R. Stein. Le Lin-yi: sa localisation, sa contribution à la formation du Champa et ses liens avec la Chine.— «Han-hiue. Bulletin du Centre d'Etudes Sinologiques de Pekin». 2. Pekin, 1947.
Стефенсон 1928 — J. Stephenson. The Zoological Section of the Nuzhatu-l-qulūb of Ḥamdullah al-Mustaufi al-Qazwinī. L., 1928.
Страхвиц 1940 — A. Strachwitz. Chinesisches T'ang-Silber und ost-westliche Kunstbeziehungen.— «Ostasiatische Zeitschrift». Neue f. Bd 15—16. 1940, c. 12—21.
Стьюарт 1930 — G. R. Stewart Jr. Color in Science and Poetry.—«Scientific Monthly». Vol. 30. 1930. c. 71—78.
Стюарт 1911 — G. A. Stuart. Chinese Materia Medica: Vegetable Kingdom. Shanghai, 1911.
Сутхилл — Ходоус 1937 — W. E. Soothill, L. Hodous. A Dictionary of Chinese Buddhist Terms, with Sanskrit and English Equivalents and a Sanskrit-Pali Index. L., 1937.

Сэмпсон 1869 — T. Sampson. The Song of the Grape.— «Notes and Queries on China and Japan». Vol. 3. 1869, c. 52.
Сэн 1945 — Satiranjan Sen. Two Medical Texts in Chinese Translation.— «Visva-Bharati Annals». Vol. 1, 1945, c. 70—95.
Сюй 1902 — Сюй Сун. Тан лян цзин чэн фан као, 1902 (издание 1902 г. воспроизведено в Хираока, 1956).
Ся 1957 — Ся Най. Чжунго цзуйцзинь фасяньди Босы Сашаньчао иньби.— «Каогу сюэбао». Т. 16, 1957, с. 49—60.
Ся 1958 — Ся Най. Цинхай Синин чутуди Босы Сашаньчао иньби.— «Каогу сюэбао». Т. 19. 1958, с. 105—110.
Сян 1933 — Сян Да. Тан-дай Чанъань юй Сиюй вэньмин.— «Яньцзин сюэбао чжуаньхао». Чжи 2. Пекин, 1933.
Сян 1957 — Сян Да. Тан-дай Чанъань юй Сиюй вэньмин. Пекин, 1957 [расширенное изд.].
Такакусу 1896 — J. Takakusu. A Record of the Buddhist Religion as Practised in India and the Malay Archipelago (A. D. 671—695) by I-Tsing. Ox., 1896.
Такакусу 1928 — J. Takakusu. Aomi-no Mabito Genkai (779). Le Voyage de Kanshin en Orient (742—754).— BEFEO. T. 28. 1928, c. 1—41, 441—472; T. 29. 1929, c. 47—62.
Тан 1957 — Тан Хао. Шикао вого Суй Тан ицяньды мацю.— «Чжунго тиюйши цанькао цзыляо». Т. 2, 1957, с. 1—9.
* Танские новеллы — Танские новеллы. Перевод с китайского, предисловие и примечания О. Л. Фишман. М., 1955 (АН СССР. Литературные памятники).
Твитчет—Кристи 1959 — D. C. Twitchett, A. H. Christie. A Medieval Burmese Orchestra.— «Asia Major». N. S. Vol. 7. 1959, c. 176—195.
Тейт 1947 — G. H. H. Tate. Mammals of Eastern Asia. N. Y., 1947.
А. Томпсон 1951 — A. P. D. Thompson. A History of the Ferret.— «Journal of the History of Medicine and Allied Sciences». Vol. 6, 1951, c. 471—480.
К. Томпсон 1936 — R. C. Thompson. A Dictionary of Assyrian Chemistry and Geology. Ox., 1936.
Тории 1946 — Тории Рюдзо. Шимянь дяокэ чжи Бохай жэнь фэнсу юй Сашань ши хупин.— «Яньцзин сюэбао». Т. 30. 1946, с. 51—61.
* Тревер 1940 — К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940.
Трюбнер 1957 — H. Trubner. The Arts of the T'ang Dynasty: A Loan Exhibition Organized by the Los Angeles County Museum from Collections in America, the Orient and Europe. January 8 — February 17, 1957. Los Angeles, 1957.
Трюбнер 1959 — H. Trubner. The Arts of the T'ang Dynasty.— «Ars Orientalis». Vol. 3. 1959, c. 147—152.
Дж. У 1939 — J. C. H. Wu. The Four Seasons of T'ang Poetry. Pt X.— «T'ien Hsia Monthly». Vol. 8, 1939, № 2 (February), c. 155—176.
К. У 1937 — K. T. Wu. Libraries and Book-Collecting in China Before the Invention of Printing.— «T'ien Hsia Monthly». Vol. 5, 1937, № 3 (October), c. 237—260.
У Лянь-дэ 1933 — Wu Lien-teh. Early Chinese Travellers and Their Successors.— JNCB. Vol. 64. 1933, c. 1—23.
У Тин-се 1937 — У Тин-се. Тан фан чжэнь нянь бяо.— «Эр-ши-у ши бу бянь». Т. 6. Шанхай, 1937, с. 186—192.
У Ци-юй 1959 — Wu Chi-yu. Trois poèmes inédits de Kouan-hieou.— JA. T. 247. 1959, c. 349—379.
Уайли 1867 — A. Wylie. Notes on Chinese Literature with Introductory

Remarks on the Progressive Advancement of the Art. Shanghai — London, 1867.
Уайт 1942 — W. C. White. Chinese Jews: A Compilation of Matters Relating to the Jews of K'aifeng Fu. P. 1. Historical. Toronto, 1942.
Уилдер — Хаббард 1924 — G. D. Wilder, H. W. Hubbard. List of the Birds of Chihli Province.— JNCB. Vol. 55. 1924, c. 156—239.
Уолтерс 1960 — O. W. Wolters. The *Po-ssй* Pine Trees.— BSOAS. Vol. 23, 1960, c. 323—350.
Уэйли 1922 — A. Waley. The Nō Plays of Japan. N. Y. 1922.
Уэйли 1923 — A. Waley. T'ai Tsung's Six Chargers.— «Burlington Magazine». Vol. 43. 1923, September, c. 117—118.
Уэйли 1927 — A. Waley. Foreign Fashions: Po Chü-I (772—846).— «Forum». Vol. 78, 1927, July, c. 3.
Уэйли 1931 — A. Waley. A Catalogue of Paintings, Recovered from Tun-huang by Sir Aurel Stein, K. C. I. E., Preserved in the Sub-Department of Oriental Prints and Drawings in the British Museum, and in the Museum of Central Asian Antiquities. Delhi—London, 1931.
Уэйли 1941 — A. Waley. Translations from the Chinese. N. Y., 1941.
Уэйли 1952 — A. Waley. The Real Tripitaka, and Other Pieces. L., 1952.
Уэйли 1954 — A. Waley. 27 Poems by Han-shan.— «Encounter». Vol. 3. 1954, c. 3—8.
Уэйли 1955 — A. Waley. The Heavenly Horses of Ferghana: A New View.— «History Today». Vol. 55. 1955, c. 95—103.
Уэйли 1956 — A. Waley. Some References to Iranian Temples in the Tun-huang Region.— «Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica». Vol. 28. 1956, c. 123—128.
Уэйли 1960 — A. Waley. Ballads and Stories from Tun-huang: An Anthology. L., 1960.
Уэйли 1961 — A. Waley. Chinese Poems. New ed. L., 1961.
Уэнли 1948 — A. G. Wenley. The Question of the Po-shan Hsiang-lu.— «Archives of the Chinese Art Society of America». Vol. 3. 1948—1949, c. 5—12.
Уэтли 1961 — P. Wheatley. Geographical Notes on Some Commodities Involved in Sung Maritime Trade.— «Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society». Vol. 32, 1961, N 2, c. 1—140.
Уэтли 1961a — P. Wheatley. The Golden Khersonese: Studies in the Historical Georgaphy of the Malay Peninsula before A. D. 1500. Kuala Lumpur, 1961.
Фаркухар 1957 — D. M. Farquhar. Oirat-Chinese Tribute Relations, 1408—1446.— Festschrift für Nikolaus Poppe. Wiesbaden, 1957, c. 60—68.
Ферналд 1935 — H. E. Fernald. The Horses of T'ang T'ai Tsung and the Stele of Yu.— JAOS. Vol. 55. 1935, c. 420—428.
Ферналд 1942 — H. E. Fernald. In Defense of the Horses of T'ang T'ai Tsung.— «Bulletin of the University Museum». Vol. 9. Philadelphia, 1942, № 4. c. 18—28.
Ферналд 1959 — H. E. Fernald. Chinese Art and the Wu-sun Horse. «Annual. Art and Archaeology Division, Royal Ontario Museum». Toronto, 1959, c. 24—31.
Филлипс 1958 — R. W. Phillips. Cattle.— «Scientific American». 1958, June, c. 51—59.
Филлипс — Джонсон — Майер 1945 — R. W. Phillips, R. G. Johnson, R. T. Mayer. The Livestock of China. Wash., 1945.
Фитцджеральд 1933 — C. P. Fitzgerald. Son of Heaven: A Biography of Li Shih-min, Founder of the T'ang Dynasty. Cambridge, 1933.

Фитцджеральд 1938 — C. P. Fitzgerald. China: A Short Cultural History. N. Y.— L., 1938.
Фитцджеральд 1947 — C. P. Fitzgerald. The Consequences of the Rebellion of An Lu-shan upon the Population of the T'ang Dynasty.— «Philobiblon». Vol. 2. 1947, № 1. September, c. 4—11.
Флетчер — Инглиз 1924 — T. B. Fletcher, C. M. Inglis. Birds of an Indian Garden. Calcutta — Simla, 1924.
Форбс 1955 — R. J. Forbes. Studies in Ancient Technology. Vol. 1, Leiden, 1955.
Франке 1955 — H. Franke. Some Remarks on Yang Yü and His Shan-chü hsin-hua.— «Journal of Oriental Studies». Vol. 2. Hongkong, 1955, № 2, July, c. 302—308.
Фридерикс 1933 — H. F. Friederichs. Zur Kenntnis der frühgeschichtlichen Tierwelt Südwestasiens; unter besonderer Berüchtsichtigung der neuen Funde von Mohenjo-daro, Ur, Tell Halaf und Maikop.— «Der Alte Orient». Bd. 32, 1933.
Фудзита 1943 — Фудзита Тоёхати. Мэнка мэмпу-ни кансуру кодай Синадзин-но тисики.— «Тōдзай кося-си-но кэнкю̄. Нанкай хэн». 1943, с. 533—584.
Фэн 1944 — Han-yi Feng. The Discovery and Excavation of the Royal Tomb of Wang Chien.—«Szechwan Museum Occasional Papers», № 1 [reprinted from «Quarterly Bulletin of Chinese Bibliography». N. S. Vol. 4. Chengtu, 1944, № 1—2, c. 1—11].
Хакман 1954 — H. Hackmann. Erklärendes Wörterbuch zum Chinesischen Buddhismus: Chinesisch-Sanskrit-Deutsch. Leiden, 1951—1954.
Хань Цзюэ 1953 — Хань Цзюэ. Дяо пи као.— «Далу цзачжи». Т. 6. 1953, с. 390—393.
Хань Вай-дунь 1941 — Хань Вай-дунь. Лун-нао сян као.— «Journal of the South Seas Society». Vol. 2. 1941, № 1/3, c. 3—17.
Харада 1939 — Harada Yoshito. The Interchange of Eastern and Western Culture as Evidenced in the Shô-sô-in Treasures.— MRDTB. Vol. 11. Tokyo, 1939, c. 55—78.
Харада 1944 — Харада Ёсито. Тоа ко-бунка кэнкю. Изд. 3-е. Токио, 1944.
Хаяси 1925 — Хаяси Кэндзо. Хокинко.— «Синагаку». Т. 8. 1925, с. 447—456.
Дж. Харвэй 1925 — G. E. Harvey. History of Burma from the Earliest Times to 10 March, 1824, the Beginning of the English Conquest. L., 1925.
Э. Харвэй 1957 — E. N. Harvey. A History of Luminescence from the Earliest Times Until 1900. Philadelphia, 1957.
Харих-Шнайдер 1954 — E. Harich-Schneider. The Rhythmical Patterns, in Gagaku and Bugaku.— «Ethno-musicologica». Vol. 3. Leiden, 1954.
Хасан 1928.— H. Hasan. A History of Persian Navigation. L., 1928.
Хираока 1956 — Хираока Такэо [ред.]. Тē̄ан-то Ракуē̄. Киото, 1956.
Хираока 1958 — Хираока Такэо [ред.]. Рихаку-но сакухин. Киото, 1958.
Хирт 1885 — F. Hirth. China and the Roman Orient: Researches into Their Ancient and Mediaeval Relations as Represented in Old Chinese Records. Leipsic — Munich — Shanghai — Hongkong, 1885.
Хирт — Рокхилл 1911 — F. Hirth, W. W. Rockhill. Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries, Entitled Chu-fan-chï. St. Pbg., 1911.
Хмелевский 1958 — J. Chmielewski. The Problem of Early Loan-Words in Chinese as Illustrated by the Word p'u-t'ao.— «Rocznik orientalistyczny». Vol. 22, 1958, № 2, c. 7—45.

31 Заказ № 2366

Хмелевский 1961 — J. Chmielewski. Two Early Loan-Words in Chinese.— «Rocznik orientalistyczny». Vol. 24, 1961, № 2, с. 65—86.
Хобогирин.— Hôbôgirin. Ed. by P. Demiéville. Tokyo, 1929.
Холмс 1934 — U. T. Holmes. Mediaeval Gem Stones.— «Speculum». Vol. 9. 1934, с. 195—204.
Хорнэлл 1946 — J. Hornell. The Role of Birds in Early Navigation.— «Antiquity». Vol. 20. 1946, с. 142—149.
Хорн — Штайндорф 1891 — P. Horn, G. Steindorf. Sassanidische Siegelsteine.— «Mitteilungen aus den Orientalischen Sammlungen. Königliche Museen zu Berlin». Bd 4. 1891, с. 1—49.
Хоу 1957 — Хоу Куань-чжао. Гуанчжоу чжиу цзяньсобяо. Шанхай, 1957.
Хубер 1906 — E. Huber. Termes Persans dans l'astrologie bouddhique chinoise (Etudes de Littérature bouddhique, VII).— BEFEO. T. 6. 1906, с. 39—43.
Хун 1952 — W. Hung. Tu Fu, China's Greatest Poet. Cambridge, Mass., 1952.
Хурани 1951 — G. F. Hourani. Arab Seafaring in the Indian Ocean in Ancient and Early Medieval Times. Princeton, 1951.
Хюар — Ван 1957 — P. Huard, M. Wong. Structure de la Médicine chinoise.— «Bulletin de la Société des Etudes Indochinoises». Saigon, 1957.
Хюар — Ван 1958 — P. Huard, M. Wong. Evolution de la matière médicale chinoise. Leiden, 1958.
Хэ Бин-юй — Нидэм 1959 — Ho Ping-Yü, J. Needham. Theories of Categories in Early Mediaeval Chinese Alchemy.— «Journal of the Warburg and Courtauld Institutes». Vol. 22. 1959, с. 173—210.
Хэ Бин-юй — Нидэм 1959а — Ho Ping-Yü, J. Needham. Elixir Poisoning in Mediaeval China.— «Janus». Vol. 48. 1959, с. 221—251.
Хэ Бин-юй — Нидэм 1959б — Ho Ping-Yü, J. Needham. The Laboratory Equipment of the Early Mediaeval Chinese Alchemists.— «Ambix». Vol. 7. 1959, с. 57—115.
Хэнсфорд 1957 — S. H. Hansford. The Seligman Collection of Oriental Art: I. Chinese, Central Asian and Luristan Bronzes and Chinese Jades and Sculptures. L., 1957.
фон Цах 1952 — E. von Zach. Tu Fu's Gedichte.— «Harvard-Yenching Institute Series». Vol. 1. Cambridge, 1952.
Цзян 1937 — Kiang Chao-yuan. Le voyage dans la Chine ancienne considéré principalement sous son aspect magique et religieux. Vol. 1. Transl. by Fan Jen. Shanghai, 1937.
Цюань 1947 — Цюань Хань-шэн. Тандай уцзяди бяньдун.— «Голи чжунъян яньцзююань лиши-юйянь яньцзюсо цзикань». Т. 11. Шанхай, 1947, с. 101—148.
Цюань 1947а — Цюань Хань-шэн, Тан — Сун шидай Янчжоу цзинцзи цзинкуанди фаньжун юй шуайло.— «Голи чжунъян яньцзююань, лиши-юйянь яньцзюсо цзикань». Т. 11. Шанхай, 1947, с. 149—176.
Цюань 1948 — Цюань Хань-шэн. Чжунгу цзыжань цзинцзи.— «Голи чжунъян яньцзююань, лиши-юйянь яньцзюсо цзикань». Т. 12, 1948, с. 73—173.
Чжан 1926 — H. T. Chang. On the Question of the Existence of Elephants and the Rhinoceros in Northern China in Historical Times.— «Bulletin of the Geological Society of China». Vol. 5. 1926, с. 99—106.
Чжан Вань 1960 — Чжан Вань. Пусамань цзи ци сянгуань чжи чжувэньти.— «Далу цзачжи». Т. 20. 1960, с. 19—24, 47—49, 93—98.

Чжан Син-лан 1929 — Чжан Син-лан. Тан-ши, Фэйчжоу хэй-ну шу Чжунго као.— «Фужэнь сюэчжи». Т. 1, 1929, с. 93—112.
Чжан Син-лан 1930 — Чжан Син-лан. Чжун-Си цзяотун шиляо хуйпянь. Бэйпин, 1930.
Чжан Син-лан 1930а — Chang Hsing-lang. The Importation of Negro Slaves to China Under the T'ang Dynasty.— «Bulletin of the Catholic University of Peking». Vol. 7. 1930, December, c. 37—59.
Чжан Хун-чжао 1921 — Чжан Хун-чжао, Ши я (Lapidarium Sinicum).— «Дичжи чжуаньбао». Серия В. № 2. Пекин, 1921.
Чжан Цзы-гао 1958.— Чжан Цзы-гао. Цун ду-си тунци таньдао уцзы бэнь-и.— «Каогу сюэбао». Т. 3. 1958, с. 73—74.
Чжан Чан-гун 1951 — Чжан Чан-гун. Тан Сун цюань-ци цзочжэ цзи ци ши-дай. Пекин, 1951.
Чжао 1926 — Чжао Вэнь-жуй. Тандай шанъе чжи тэдянь.— «Цинхуа сюэбао». Т. 3. 1926, с. 951—966.
Чжоу 1945 — Chou Yi-liang. Notes on Marvazī's Account of China.— HJAS. Vol. 9. 1945, c. 13—23.
Чжоу 1945a — Chou Yi-liang. Tantrism in China.— HJAS. Vol. 8. 1945, c. 241—332.
Чжу 1957 — Чжу Сю-ся. Тандай чуаньци яньцзю. Тайбэй, 1957.
Чжуан 1960 — Chuang Shen. Mi jih k'ao [An investigation of «Mihr» as Sunday in a Week Introduced into China During the T'ang Dynasty].— «Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica». Vol. 31, 1960, c. 271—301.
Чжэн Цзо-синь 1955 — Чжэн Цзо-синь. Чжунго няолэй фэньбу мулу. Т. 1. Пекин, 1955.
Чжэн Чжэнь-до 1958 — Чжэн Чжэнь-до. Preface.— Шаньсишэн чуту Танъюн сюаньцзи. Пекин, 1958.
Чэнь Бан-сянь 1957 — Чэнь Бан-сянь. Чжунго исюэ ши. Шанхай, 1957.
Чэнь Цзу-гуй 1957 — Чэнь Цзу-гуй [ред.]. Чжунго нунсюэ ичань сюаньцзи, [серия А] № 5, «мянь» (шан бянь), Шанхай, 1957.
Чэнь Юань 1928 — Ch'en Yüan. Manichaeism in China.— «Bulletin of the Catholic University of Peking». Vol. 4. 1928, May, c. 59—68.
Чэпин 1940 — H. B. Chapin. Toward the Study of the Sword as Dynastic Talisman: The Fêng-ch'êng Pair and the Sword of Han Kao Tsu, unpublished Ph. D. dissertation, University of California. Berkeley, 1940, June.
Шаванн 1894 — E. Chavannes. Mémoire composé à l'époque de la grande dynastie T'ang sur les religieux éminents qui allèrent chercher la loi dans les pays d'occident par I-tsing. P., 1894.
Шаванн 1903 — E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. St. Pbg., 1903.
Шаванн 1905 — E. Chavannes. Les pays d'Occident d'après de Wei lio.— TP. Vol. 6. 1905, c. 519—571.
Шефер 1948 — E. H. Schafer. Notes on a Chinese Word for Jasmine.— JAOS. Vol. 68, 1948, c. 60—65.
Шефер 1950 — E. H. Schafer. The Camel in China Down to the Mongol Dynasty.— «Sinologica». Vol. 2. 1950, c. 165—194, 263—290.
Шефер 1951 — E. H. Schafer. Iranian Merchants in T'ang Dynasty Tales.— «Semitic and Oriental Studies Presented to William Popper» («University of California Publications in Semitic Philology». Vol. 11). 1951, c. 403—422.
Шефер 1951a — E. H. Schafer. Ritual Exposure in Ancient China.— HJAS. Vol. 14. 1951, c. 130—184.
Шефер 1952 — E. H. Schafer. The Pearl Fisheries of Ho-p'u.— JAOS. Vol. 72. 1952, c. 155—168.

Шефер 1954.— E. H. Schafer. The Empire of Min. Rutland — Tokyo, 1954.
Шефер 1955 — E. H. Schafer. Orpiment and Realgar in Chinese Technology and Tradition.— JAOS. Vol. 75. 1955, c. 73—89.
Шефер 1956 — E. H. Schafer. The Development of Bathing Customs in Ancient and Medieval China and the History of the Floriate Clear Palace.— JAOS. Vol. 76. 1956, c. 57—82.
Шефер 1956а — E. H. Schafer. The Early History of Lead Pigments and Cosmetics in China.— TP. Vol. 44. 1956, c. 413—438.
Шефер 1956б — E. H. Schafer. Cultural History of the Elaphure.— «Sinologica». Vol. 4. 1956, c. 250—274.
Шефер 1957 — E. H. Schafer. Rosewood, Dragon's Blood, and Lac.— JAOS. Vol. 77. 1957, c. 129—136.
Шефер 1957а — E. H. Schafer. War Elephants in Ancient and Medieval China.— «Orients». T. 10. 1957, c. 289—291.
Шефер 1959 — E. H. Schafer. Falconry in T'ang Times.— TP. Vol. 46, 1959, c. 293—338.
Шефер 1959а — E. H. Schafer. Parrots in Medieval China.— Studia Serica Bernhard Karlgren Dedicata. Copenhagen, 1959, c. 271—282.
Шефер 1961 — E. H. Schafer. Tu Wan's Stone Catalogue of Cloudy Forest: A Commentary and Synopsis. Berkeley — Los Angeles, 1961.
Шефер — Валлакер 1961 — E. H. Schafer, B. E. Wallacker. Local Tribute Products of the T'ang Dynasty.— JOS. Vol. 4., 1957—1958, c. 213—248.
Шеффер 1958 — V. B. Scheffer. Seals, Sea Lions and Walruses: A Review of the Pinnipedia. Stanford, 1958.
Ши Лу 1954 — Ши Лу. Цилинь цзе.— «Далу цзачжи». T. 9. 1954, c. 44, 56.
Ши Шэн-хань 1958 — Shih Sheng-han. A Preliminary Survey of the Book Ch'i Min Yao Shu: An Agricultural Encyclopaedia of the 6th Century. Peking, 1958.
Шлегель 1898 — G. Schlegel. Geographical Notes.— TP. Vol. 9. 1898, c. 50—51, 278.
* Штейн 1960 — В. М. Штейн. Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности. М., 1960.
Шуйлер 1908 — M. Schuyler. Notes on the Making of Palm-Leaf Manuscripts in Siam.— JAOS. Vol. 29. 1908, c. 281—283.
* Шумовский 1964 — Т. А. Шумовский. Арабы и море. По страницам рукописей и книг. М., 1964.
Эберхард 1937 — W. Eberhard. Typen chinesischer Volksmärchen.— «FF Communications». № 120. Helsinki, 1937.
Эберхард 1942 — W. Eberhard. Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas.— TP. Suppl. to vol. 36. 1942.
Эберхард 1942а — W. Eberhard. Lokalkulturen im alten China. I.— TP. Suppl. to vol. 37. 1942; II, «Monumenta Serica», Monograph 3, 1942.
Эберхард 1948 — W. Eberhard. Some Cultural Traits of the Sha-t'o Turks.— «Oriental Art». Vol. 1. 1948, c. 50—55.
Эберхард 1950 — W. Eberhard. A History of China. Berkeley — Los Angeles, 1950.
Эгами 1951 — Namio Egami. The k'uai-t'i, the t'ao-yu, and the tan-hsi, the strange domestic animals of the Hsiung-nu.— MRDTB. Vol. 13. 1951, c. 87—123.
Эдвардс 1937 — E. D. Edwards. Chinese Prose Literature of the T'ang Period, A. D. 618—906. Vol. 1. L., 1937.
Экке — Демьевиль 1935 — G. Ecke, P. Demiéville. The Twin Pagodas of Zayton: A Study of Later Buddhist Sculpture in China. Cambridge, Mass., 1935.

Эмонье 1891 — E. Aymonier. Les Tchames et leurs religions.— «Revue de l'histoire des religions». T. 24. 1891, с. 187—237, 261—315.
Эркес 1940 — E. Erkes. Das Pferd im alten China.— TP. Vol. 36. 1940, с. 26—63.
Эркес 1942 — E. Erkes. Vogelzucht im alten China.— TP. Vol. 37. 1942, с. 15—34.
Эттингхаузен 1950 — R. Ettinghausen. Studies in Muslim Iconography: I. The Unicorn.— «Freer Gallery of Art, Occasional Papers». Vol. 1. Wash., 1950, № 3.
Юй Гун-гу 1934 — Юй Гун-гу. Цзя Дань юй моницзяо.— «Юй гун». Т. 2. 1934, № 4, октябрь, с. 8—9.
Юй Фэй-ань 1955 — Юй Фэй-ань. Чжунгохуа яньсэди яньцзю. Пекин 1955.
Юй Цзин-жан 1954 — Юэ Цзин-жан. Босы цзао.— «Далу цзачжи». Т. 8., 1954, с. 193—195.
Юй Цзин-жан 1955 — Юй Цзин-жан. Юйцзинь юй юйцзиньсян.— «Далу цзачжи». Т. 11. 1955, с. 33—37.
Юл — Бэрнел 1903 — H. Yule, A. C. Burnell, Hobson-Jobson; A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms, Etymological, Historical, Geographical and Discursive. L., 1903.
Ябуути 1954 — Kiyosi Yabuuti. Indian and Arabian Astronomy in China (transl. by L. Hurvitz).— Silver Jubilee Volume of the Zinbun-Kagaku-Kenkyusyo Kyoto University. Kyoto, 1954, с. 585—603.
Ямада 1954 — Kentaro Yamada. A Study on the Introduction of An-hsi-hsiang in China and that of Gum Benzoin in Europe. I.— «Kinki daigaku Sekai keizai kenkyūjo hōkoku». Vol. 5. 1954; II. Vol. 7. 1955.
Ямада 1955 — Kentaro Yamada. A Short History of Ambergris by the Arabs and Chinese in the Indian Ocean. I,— «Report of the Institute of World Economics, the Kinki University». Vol. 8. 1955.
Ямада 1956 — Ямада Кэнтаро. Нюко моцуё си дзёсэцу.— «Сёгаку кэнсан (Фукуда Ёситаро сэнсэй канрэки сюкуга кинэн)». Кобэ, 1956, с. 201—236.
Ямада 1956а — Kentaro Yamada. A Short History of Ambergris by the Arabs and Chinese in the Indian Ocean. II.— «Report of the Institute of World Economics, the Kinki University». Vol. 11. 1956.
Ямада 1957 — Ямада Кэнтаро. Тодзай кояку си. Изд. 2-е. Токио, 1957.
Ямада 1958 — Ямада Кэнтаро. Ясицумэй, мацури, сокэй (Jasminum) кō.— «Oriental Studies in Honour of Juntaro Ishihama on the Occasion of His Seventieth Birthday». Осака, 1958, с. 589—602.
Ямада 1959 — Ямада Кэнтаро. Пэруся-Арабядзин-но, дарутини (dār-čini, сина-но-ки, сунавати никкэй) то-ю̄ сёхинмэй-ни цуйтэ.— «Момояма гакуин дайгаку кэйдзайгаку ронсю̄». Т. 1. 1959, с. 131—150.
Ян 1952 — Yang Lien-sheng. Hostages in Chinese History.— HJAS. Vol. 15, 1952 (December), с. 507—521.
Ян 1955 — Yang Lien-sheng. Notes on Maspero's Les documents chinois de la troisième expedition de Sir Aurel Stein en Asie centrale.— HJAS. Vol. 18. 1955, с. 142—158.
Ян 1955а — Yang Lien-sheng. Review of J. Needham, Science and Civilisation in China. I.— HJAS. Vol. 18. 1955, с. 269—283.
Янсон 1952 — H. W. Janson. Apes and Ape Lore in the Middle Ages and the Renaissance L., 1952.
Янь 1954 — Янь Гэн-ван. Тандай гонэй цзяотун юй души.— «Далу цзачжи». Т. 8. 1954, с. 99—101.

БКЛТ – 白居易、孔傳，白孔六帖。
(Бо Цзюй-и и Кун Чжуань. Бо-Кун люте, годы Цзя-цзин периода Мин. 1522-1556).
БЛЧ – 孫棨，北里志。
(Сунь Ци. Бэйли чжи. – ТДЦШ).
БМСЯ – 孫光憲，北夢瑣言。
(Сунь Гуан-сянь. Бэй мэн со янь. – ЦШЦЧ).
БХЛ – 段公路，北户錄。
(Дуань Гун-лу. Бэй ху лу. – ТДЦШ, СХЛБ).
БЦГМ – 李時珍，本草綱目。
(Ли Ши-чжэнь. Бэнь-цао ганму. /Изд. Хунбаочжай/).
БЦШ – 北齊書。
(«Бэй Ци шу». – КМ).
БЦШИ – 陳藏器，本草拾遺。
(Чэнь Цан-ци. Бэнь-цао шии).
БШ – 北史。
(«Бэй ши». – КМ).
БШЧЦЦ – 白居易，白氏長慶集。
(Бо Цзюй-и. Бо-ши Чан-цин цзи. – СБЦК).
ВЛ – 高似孫，緯略。
(Гао Сы-сунь. Вэй люэ).
ВСТК – 馬端臨，文獻通考。
(Ма Дуань-линь. Вэнь-сянь тун као. – КМ).
ВФЦШЦ – 温庭筠，温飛卿詩集箋注。
(Вэнь Тин-юнь. Вэнь Фэй-цин ши цзи цзяньчжу, /1920/).
ВЦАЦ – 王勃，王子安集。
(Ван Бо. Ван Цзы-ань цзи, /1922/).
ВШ – 魏書。
(«Вэй шу». – КМ).
ГГЯЛ – 曹昭，格古要論。
(Цао Чжао. Гэ гу яо лунь. – ЦШЦЧ).
ГИЦ – 戴孚，廣異記。
(Дай Фу. Гуан и цзи).
ГСЦШ – 周密，癸辛雜識，續集。
(Чжоу Ми. Гуй-синь цза ши, сюй цзи. – СПТЮ).
ГХЮХЧ – 范成大，桂海虞衡志。
(Фань Чэн-да. Гуйхай юй-хэн чжи. – БШНИЧ).

ГЦЧ – 崔豹，古今注．
(Цуй Бао. Гу-цзинь чжу).

ГЧ – 郭義恭，廣志．
(Го И-гун. Гуан чжи).

ГЧЦ – 廣州記．
(«Гуанчжоу цзи").

ГШБ – 李肇、［唐］國史補．
(Ли Чжао. /Тан/ го ши бу. – СЦТЮ).

ГШЦИ – 國史纂異．
(«Го ши цзуань и»).

ГЮ – 陸法言，廣韻；陳彭年重修．
(Лу Фа-янь. Гуань юнь, под ред. Чэнь Пэн-няня).

ДМЖХБЦ – 大明日華本草．
(«Да Мин Жи-Хуа бэнь-цао»).

ДМЦ – ［別國］洞冥記．
(«/Бе го/ дун-мин цзи». – ХВЦШ, цзэндин)

ДСБЛ – 魏泰，東軒筆錄．
(Вэй Тай. Дунсюань билу. – ЦШЦЧ).

ДТГСЧ – 義淨，大唐西域求法高僧傳．
(И-цзин. Да Тан Си-юй цю фа гао сэн чжуань).

ДТСЮ – 劉肅，大唐新語．
(Лю Су. Да Тан синь юй. – ТДЦШ).

ДТСЮЦ – 玄奘，大唐西域記．
(Сюань-цзан. Да Тан Си-юй цзи. – СБЦК).

ДТЦЛЦ – 趙希鵠，洞天清錄集．
(Чжао Си-ху. Дунтянь цин лу цзи. – ЦШЦЧ).

ДФЦЮ – 獨孤滔，丹房鏡源．
(Дугу Тао. Даньфан-цзин юань).

ДЯЦБ – 蘇鶚，杜陽雜編．
(Су Э. Дуян цза бянь. – ТДЦШ).

ЕХЦЧ – 鄴侯家傳．
(«Е-хоу цзя чжуань»).

ЖЧСБ – 洪邁，容齋隨筆．
(Хун Май. Жунчжай суйби. – ЦШЦЧ).

ИЛ – 儀禮．
(«И-ли»).

ИЦЦИИ – 慧琳，一切經音義．
(Хуэй-линь. Ице цзин инь-и. – ТСДДК).

ИШЦЦ – 李商隱，義山雜纂.
(Ли Шан-инь. И-шань цзацзуань. – ТДЦШ).
КТЧСЦ – 鄭棨，開天傳信記.
(Чжэн Ци. Кай-Тянь чуань синь цзи. – ТДЦШ).
КЦЦЮ – 王肅，孔子家語.
(Ван Су. Кун цзы цзя юй).
КЮТБИШ – 王仁裕，開元天寶遺事.
(Ван Жэнь-юй. Кай-юань Тянь-бао иши. – ТДЦШ).
ЛБЛИ – 劉恂，嶺表錄異.
(Лю Сюнь. Лин бяо лу и. – ЦШЦЧ).
ЛДМХЦ – 張彥遠，歷代名畫記.
(Чжан Янь-юань. Лидай мин хуа цзи. – ЦШЦЧ).
ЛИЦ – 杜光庭，錄異記.
(Ду Гуан-тин. Лу и цзи).
ЛМДВЦ – 劉禹錫，劉夢得文集.
(Лю Юй-си. Лю Мэн-дэ вэнь цзи. – СБЦК).
ЛМЧДЦ – 楊巨源，李謩吹笛記.
(Ян Цзюй-юань. Ли Мо чуй ди цзи. – ТДЦШ).
ЛСШЦ – 柳宗元，增廣註釋音辯唐柳先生集.
(Лю Цзун-юань. Цзэнгуан чжуши инь бянь Тан Лю сяньшэн цзи. – СБЦК).
ЛТБВЦ – 李白，李太白文集.
(Ли Бо. Ли Тай-бо вэнь цзи. – Хираока, 1958).
ЛХЦ – 王逵，蠡海集.
(Ван Куй. Ли-хай цзи. – ЦШЦЧ).
ЛХЧ – 臨海志.
(«Линьхай чжи»).
ЛЦ – 禮記.
(«Ли цзи»).
ЛЦВДЦ – 梁簡文帝集.
(«Лян Цзяньвэнь-ди цзи». – ХВЦШ).
ЛЦЦ – 張君房，麗情集.
(Чжан Цзюнь-фан. Ли-цин цзи. – ШФ).
ЛЧЦГШ – 李賀，李長吉歌詩.
(Ли Хэ. Ли Чан-цзи гэ ши, 1760).
ЛЧЧВС – 六臣註文選.
(«Лю чэнь чжу Вэнь сюань»).
ЛШ – 遼史.
(«Ляо ши». – КМ).

ЛЯМДЦ – 歐陽修，洛陽牡丹記.
(Оуян Сю. Лоян мудань цзи. – БЧСХ).

ЛЯЦ – 楞嚴經.
(«Лэнъянь цзин»).

МТЧЦ – 穆天子傳.
(«Му тяньцзы чжуань». – ЦШЦЧ).

МХЦЛ – 鄭處誨，明皇雜錄.
(Чжэн Чу-хуэй. Мин-хуан цза лу. – ЦШЦЧ).

МХЦЛЦКЦ – 錢熙祚，明皇雜錄校勘記.
(Цянь Си-цзо. Мин-хуан цза лу цзяокань цзи. – ШШГЦШ).

МЦБТ – 沈括，夢溪筆談.
(Шэнь Гуа. Мэн ци би тань. – ЦШЦЧ).

МЧМЛ – 張邦基，墨莊漫錄.
(Чжан Бан-цзи. Мо-Чжуан мань лу. – ЦШЦЧ).

МШ – 樊綽，蠻書.
(Фань Чо. Мань шу. – ЦШЦЧ).

НБЯХЦ – 馮贄，南部烟花記.
(Фэн Чжи. Нань-бу янь хуа цзи. – ЦШЦЧ).

НГЧМЛ – 吳曾，能改齋漫錄.
(У Цзэн. Нэнгайчжай мань лу. – ЦШЦЧ).

НФИУЧ – 房千里，南方異物志.
(Фан Цянь-ли. Наньфан и-у чжи).

НФЦМЧ – 嵇含，南方草木狀.
(Цзи Хань. Наньфан цао-му чжуан).

НХЦШЧ – 吳蘭修，南漢金石記.
(У Лань-сю. Нань Хань цзинь-ши цзи. – ЦШЦЧ).

НЦШ – 南齊書.
(«Нань Ци шу». – КМ).

НШ – 南史.
(«Нань ши»).

НЮЧ – 沈懷遠，南越志.
(Шэнь Хуай-юань. Нань Юэ чжи).

ПШМЧ – 陸游，避暑漫抄.
(Лу Ю. Пи шу мань чао. – ЦШЦЧ).

СГСЧ – 道宣，續高僧傳.
(Дао-сюань. Сюй Гао сэн чжуань).

СГЧ – 三国志.
(«Сань-го чжи». – КМ).

СП – 洪芻，香譜。
(Хун Чу. Сян пу. – ЦШЦЧ).
ССБЦ – 新修本草。
(«Синь сю Бэнь-цао» (факсимиле). Шанхай, 1959).
СТЦ – 常奉真，湘潭記。
(Чан Фэн-чжэнь. Сянтань цзи).
СТЦХ – 劉餗，隋唐嘉話。
(Лю Су. Суй-Тан цзя хуа. – ТДЦШ).
СуГСЧ – 通慧，宋高僧傳。
(Тун-хуэй. Сун Гао сэн чжуань).
СХХП – 宣和畫譜。
(«Сюань-хэ хуа пу». – ЦШЦЧ).
СХШ – 續漢書。
(«Сюй Хань шу»).
СуШ – 隋書。
(«Суй шу» – КМ).
СШ – 宋史。
(«Сун ши». – КМ).
ТБЦЧ – 蘇恭，唐本草注。
(Су Гун. Тан бэнь-цао чжу).
ТД – 杜佑，通典。
(Ду Ю. Тун дянь. – КМ).
ТЛД – 唐六典。
(«Тан лю дянь». Киото, 1935).
ТЛЦЧФК – 徐松，唐兩京城坊考。
(Сюй Сун. Тан лян цзин чэн-фан као. – Хираока, 1956).
ТЛШИ – 長孫無忌，唐律疏義。
(Чжансунь У-цзи. Тан люй шуи. – ГСЦБЦШ).
ТПГЦ – 太平廣記。
(«Тай-пин гуан цзи», 1846).
ТПХЮЦ – 太平寰宇記。
(«Тай-пин хуаньюй цзи», 1803).
ТПЮЛ – 太平御覽。
(«Тай-пин юй лань», 1892).
ТХЯ – 唐會要。
(«Тан хуэй-яо» – ЦШЦЧ).
ТЦШЛ – [唐] 太宗實錄。
(«/Тан/ Тай-цзун ши лу»).

ТЧ – 鄭樵，通志．
(Чжэн Цяо. Тун чжи. – КМ).

ТЧВЧ – 太真外傳．
(«Тай-чжэнь вай чжуань». – ТДЦШ).

ТШ – 唐書．
(«Тан шу». – КМ).

УДШ – 五代史．
(«У-дай ши». – КМ).

ФЛСШВЦ – 陸龜蒙，甫里先生文集．
(Лу Гуй-мэн. Фули сяньшэн вэнь цзи. – СБЦК).

ФСЦЛ – 顧文薦，負暄雜錄．
(Гу Вэнь-цзянь. Фу-сюань цза лу. – ХФЛШФ).

ФЧВЦ – 杜牧，樊川文集．
(Ду Му. Фаньчуань вэнь цзи. – СБЦК).

ФШЯЛ – 張彥遠，法書要錄．
(Чжан Янь-юань. Фа шу яо лу. – ЦШЦЧ).

ХГИ – 應劭，漢官儀．
(Ин Шао. Хань гуань-и).

ХНЦ – 淮南子．
(«Хуайнань цзы»).

ХХШ – 後漢書．
(«Хоу Хань шу». – КМ).

ХЦ – 張璠，漢紀．
(Чжан Фань. Хань цзи).

ХЧЛЦ – 韓愈，韓昌黎集．
(Хань Юй. Хань Чанли цзи. – ГСЦБЦШ).

ХШ – 漢書．
(«Хань шу». – КМ).

ЦВ – 牛肅，紀聞．
(Ню Су. Цзи вэнь).

ЦзИЛ – 秦再思，紀異錄．
(Цинь Цзай-сы. Цзи и лу. – ХФЛШФ).

ЦИЛ – 陶穀，清異錄．
(Тао Гу. Цин и лу. – СИСЦШ).

ЦИЦ – 薛周弱，集異記．
(Сюэ Чжоу-жо. Цзи и цзи. – ТДЦШ).

ЦЛВГЦ – 景龍文館記．
(«Цзинлун-вэньгуань цзи»).

ЦЛЦЦ – 江總，江令君集。

(Цзян Цзун. Цзян линцзюнь цзи. – ХВЛЧ).

ЦМЯШ – 賈思勰，齊民要書。

(Цзя Сы-се. Ци минь яо шу).

ЦСЦ – 杜環，經行記。

(Ду Хуань. Цзинсин цзи. – ЧЦТШГЦШ).

ЦТШ – 舊唐書。

(«Цзю Тан шу». – КМ).

ЦУДШ – 舊五代史。

(«Цзю У-дай-ши». – КМ).

ЦФЦ – 崔令欽，教坊記。

(Цуй Лин-цинь. Цзяо фан цзи. – ЦШЦЧ).

ЦФЮГ – 册府元龜。

(«Цэ-фу юань гуй», 1642).

ЦХЛ – 韋絢，劉賓客嘉話錄。

(Вэй Сюань. Лю Бинь-кэ цзя хуа лу. – ТДЦШ).

ЦХП – 段成式，髻鬟品。

(Дуань Чэн-ши. Цзихуань пинь. – ШФ).

ЦЧЛ – 温庭筠，靚粧錄。

(Вэнь Тин-юнь. Цзинчжуан лу. – ШФ).

ЦЧТЦ – 司馬光，資治通鑑。

(Сыма Гуан. Цзы чжи тун цзянь. Токио, 1892).

ЦЦФ – 孫思邈，千金方。

(Сунь Сы-мяо. Цянь цзинь фан).

ЦЦЦЧДШ – 杜甫，九家集注杜詩。

(Ду Фу. Цзю цзя цзи чжу Ду ши. – «Конкорданс». 1940).

ЦШ – 晉書。

(«Цзинь шу». – КМ).

ЦШЛ – 徐鉉，稽神錄。

(Сюй Сюань. Цзи шэнь лу).

ЦШЧ – 馮贄，記事珠。

(Фэн Чжи. Цзи ши чжу. – ТДЦШ).

ЦЯФ – 崔行功，纂要方。

(Цуй Син-гун. Цзуань яо фан).

ЧАЧ – 宋敏求，長安志。

(Сун Минь-цю. Чанъань чжи. – Хираока, 1956).

ЧЕЦЦ – 張鷟，朝野僉載。

(Чжан Чжо. Чао е цянь цзай. – ТДЦШ).

ЧИЦ – 李睿，摭異記。
(Ли Цзюнь. Чжи и цзи. – ТДЦШ).

ЧЛ – 周禮.
(«Чжоу ли»).

ЧЛБЦ – 重修政和證類本草。
(«Чун сю Чжэн-хэ чжэнлэй бэнь-цао». – СБЦК).

ЧЛСЦ – 周敦易，周濂溪集。
(Чжоу Дунь-и. Чжоу Лянь-си цзи. – ЦШЦЧ).

ЧЛЦ – 張泌，妝樓記。
(Чжан Ми. Чжуан-лоу цзи. – ТДЦШ).

ЧСЕШЦ – 張籍，張司業詩集.
(Чжан Цзи. Чжан сы-е ши цзи. – СБЦК).

ЧТЦ – 宇文氏，粧臺記.
(Юйвэнь-ши. Чжуантай цзи. – ШФ).

ЧЦ – 裴鉶，傳奇.
(Пэй Син. Чуань ци).

ЧШ – 周書.
("Чжоу шу").

ЧШШ – 郭橐駝，種樹書.
(Го Тото. Чжун шу шу. – ШФ).

ШАВЦ – 楊慎，升菴外集.
(Ян Шэнь. Шэнъань вай цзи).

ШБЦ – 韓保昇，蜀本草。
(Хань Бао-шэн. Шу бэнь-цао).

ШИЦ – 王喜，拾遺記.
(Ван Си. Шии цзи. – БШНИЧ).

ШЛБЦ – 孟詵，食療本草。
(Мэн Шэнь. Ши ляо бэнь-цао).

ШП – 韋巨源，食譜.
(Вэй Цзюй-юань. Ши пу. – ТДЦШ).

ШуИЦ – 任昉，術異記.
(Жэнь Фан. Шу и цзи. – ХВЦШ).

ШУЦЮ – 高承，事物紀原.
(Гао Чэн. Ши-у цзи юань. – ЦШЦЧ).

ШХЦ – 山海經.
(«Шань-хай цзин»).

ШЦ – 史記.
(«Ши цзи». – КМ).

ШЦЦ – 王韶之，神境記.
(Ван Шао-чжи. Шэнь цзин цзи. – ШФ).
ЭЯ – 爾雅.
(«Эр-я»).
ЭЯИ – 羅願，爾雅翼.
(Ло Юань. Эр-я и. – ЦШЦЧ).
ЮДЧЦ – 庾肩吾，庾度支集.
(Юй Цзянь-у. Юй Ду-чжи цзи. – ХВЛЧ).
ЮП – 侯寧極，樂譜，陶穀重修.
(Хоу Нин-цзи. Юэ пу, ред. Тао Гу. – ТДЦШ).
ЮСЦЦ – 馮贄，雲仙雜記.
(Фэн Чжи. Юнь-сянь цза цзи. – ЦШЦЧ).
ЮФЦЛ – 段安節，樂府雜錄.
(Дуань Ань-цзе. Юэфу цза лу. – ТДЦШ).
ЮЦЮИ – 范攄，雲溪友議.
(Фань Шу. Юньци юи).
ЮШ – 元史.
(«Юань ши». – КМ).
ЮШЧЦЦ – 元稹，元氏長慶集.
(Юань Чжэнь. Юань-ши Чан-цин цзи, 1929).
ЮЯГЯЛ – 周密，雲烟過眼錄.
(Чжоу Ми. Юнь-янь го янь лу. – ЦШЦЧ).
ЮЯЦЦ – 段成式，酉陽雜俎.
(Дуань Чэн-ши. Юян цза цзу. – ЦШЦЧ).
ЯТЧВЧ см. ТЧВЧ
ЯФЛ – 程大昌，演繁露.
(Чэн Да-чан. Янь фань лу. – СЦТЮ).

СЕРИИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

БЧСХ – 百川學海.
(«Бочуань сюэ хай»).
БШНИЧ – 秘書廿一種.
(«Бишу нянь-и чжун»).
ГСЦБЦШ – 國學基本叢書
(«Госюэ цзибэнь цуншу»).
ГЦШХ – 古今説海.
(«Гу-цзинь шо хай»).
КМ – 開明書店.
(Издания "Каймин шудянь").

ПВЮФ – 佩文韻府.
(«Пэй-вэнь юнь фу»).
СБЦК – 四部叢刊.
(«Сы-бу цункань»).
СИСЦШ – 惜陰軒叢書.
(«Сииньсюань цуншу»).
СХЛБ – 學海類編.
(«Сюэ хай лэй бянь»).
СЦТЮ – 學津討原.
(«Сюэ цзинь тао юань»).

ТДЦШ – 唐代叢書.
(«Тан-дай цуншу», 1864).

ТСДДК – 大正新修大藏經.
(«Тайсё синсю Дайдзокё»).

ТШБМЦЦЦ – 唐詩百名家全集.
(«Тан-ши бо мин цзя цюань цзи»).

ТШЦЧ – 欽定古今圖書集成.
(«Циньдин Гу-цзинь ту-шу цзичэн»).

ХВЛЧ – 漢魏六朝三百家集.
(«Хань Вэй Лю-чао сань-бо цзя цзи»).

ХВЦШ – 漢魏叢書.
(«Хань Вэй цуншу»).

ХФЛШФ – 函芬樓說郛.
(«Ханьфэньлоу Шо фу»).

ЦДБШ – 津逮秘書.
(«Цзинь дай бишу»).

ЦТ – 朱起鳳辭通.
(Чжу Ци-фэн. Цы тун. Шанхай, 1934).

ЦТВ – 全唐文.
(«Цюань Тан вэнь»).

ЦХСГЦНБЧШ – 全漢三國晉南北朝詩. («Цюань Хань Сань-го Цзинь Нань-бэй чао ши»).

ЦШЦЧ – 叢書集成.
(«Цуншу цзичэн»).

ЦюТШ – 全唐詩.
(«Цюань Тан ши»).

ЧЦТШГЦШ – 浙江圖書館叢書.
(«Чжэцзян тушугуань цуншу»).

ШФ – 說郛
(«Шо фу», 1647).

ШШГЦШ – 守山閣叢書.
(«Шоушаньгэ цуншу»).

ЮШС – 元詩選.
(«Юань ши сюань»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ *

СЭ — «Советская этнография».
BEFEO — «Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient». Hanoi (Paris — Saigon).
BMFEA — «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities» (Ostasiatisca Sammlingarna). Stockholm.
BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London)».
CAJ — «Central Asiatic Journal». The Hague — Wiesbaden.
ERE — Encyclopaedia of Religion and Ethics. Ed. J. Hastings. N. Y., 1917—1927.
HJAS — «Harvard Journal of Asiatic Studies». Cambridge, Mass.
JA — «Journal asiatique». P.
JAOS — «Journal of the American Oriental Society». New York — New Haven.
JESHO — «Journal of the Economic and Social History of Orient». Leiden.
JNCB — «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society». Shanghai.
JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». L.
MRDTB — «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (Oriental Library)». Tokyo.
SBAW (SPAW) — «Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse». B.
TOCS — «Transactions of the Oriental Ceramic Society».
TP — «T'oung Pao, ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie, l'ethnographie et les arts de l'Asie Orientale». Paris — Leiden.

* См. также сокращенные обозначения китайских источников, энциклопедий и серий.

ГЛОССАРИЙ А

Имена собственные

А-чжэнь	阿甄
Ань Лу-шань	安祿山
Бань Гу	班固
Бао Цзи	包佶
Би Ши-до	畢師鐸
Бо Мин-да	白明達
Бо Цзюй-и	白居易
Бу-кун	不空
Бянь Луань	邊鸞
Ван Бо	王勃
Ван Вэй	王維
Ван Го-вэй	王國維
Ван Дин	王定
Ван Мао-чжун	王毛仲
Ван Си-чжи	王羲之
Ван Сюань-цэ	王玄策
Ван Сянь-чжи	王獻之
Ван Тао	王燾
Ван Цзянь	王建
Ван Ци	王起
Ван Э	王鍔
Ван Янь-бинь	王延彬
Вань	彎
Вэй Гао	韋皋
Вэй Ин-у	韋應物
Вэй У-тянь	韋無忝
Вэй Цзюй-юань	韋巨源
Вэй Цзянь	韋堅
Вэй Чжуан	韋莊
Вэй Чжэн	魏徵
Вэй Шань-фу	韋山甫
Вэй Шу	韋述
Вэнь Тин-юнь	温庭筠
Вэнь-цзун	文宗
Гао Сянь-чжи	高仙芝
Гао-цзу	高祖
Гао-цзун	高宗
Го Жо-сюй	郭若虛
Го То-то	郭橐駝
Го Цзы-и	郭子儀
Гу Инь	顧愔
Гуань-сю	貫休
Гуаньинь	觀音
Гэшу Хань	哥舒翰
Дай-цзун	代宗
Дао-сюань	道璿
Дао-шэн	道生
Ди Жэнь-цзе	狄仁傑

32 Заказ № 2366

Дин Шестая	丁六娘
Доу Гун	竇鞏
Доу Цзянь-дэ	竇建德
Ду Му	杜牧
Ду Сюнь-хэ	杜荀鶴
Ду Фу	杜甫
Ду Хуань	杜環
Ду Ю	杜佑
Дуань Чэн-ши	段成式
Дугу	獨孤
Дунфан Шо	東方朔
Дэ-цзун	德宗
Дяо Гуан	刁光
Жуй-цзун	睿宗
Жэнь Фан	任昉
И-син	一行
И-цзин	義淨
И-цзун	懿宗
Инь Вэнь-гуй	殷文圭
Кун Куй	孔戣
Лао-цзы	老子
Ли Би	李泌
Ли Бо	李白
Ли Бо-ши	李伯時
Ли Гао	李皐
Ли Дуань	李端
Ли Дун	李洞
Ли Дэ-юй	李德裕
Ли Линь-фу	李林甫
Ли Мянь	李勉
Ли Пин	李平
Ли Су-ша	李蘇沙
Ли Сы	李斯
Ли Сюань	李玹
Ли Сюнь	李珣
Ли Фан	李昉
Ли Хань	李漢
Ли Хэ	李賀
Ли Хэн	李衡
Ли Цзи	李勣
Ли Цзянь	李漸
Ли Цзяо	李嬌
Ли Ци	李頎
Ли Цюнь-юй	李群玉
Ли Чжун-хэ	李仲和
Ли Чжэн-цзи	李正己
Ли Чэн-цянь	李承乾
Ли Шан-инь	李商隱
Ли Шань	李善
Ли Ши-чжэнь	李時珍
Ли Юань-чан	李元昌
Ли Юн	李邕
Лу Гуй-мэн	陸龜蒙
Лу Сы-дао	盧思道
Лу Цзюнь	盧均
Лу Чжао-линь	盧照鄰
Лу Юань-жуй	路元叡
Лу Юй	陸羽
Луань Да	欒大
Лю Бо-чу	劉伯芻
Лю Лин	劉伶
Лю Сюнь	劉恂
Лю Цзун-юань	柳宗元
Лю Цы	劉泚
Лю Юй-си	劉禹錫
Лю Янь-ши	劉言史
Люй Вэнь	呂温
Люй Ли	呂禮

Люй Шу	呂述
Лян	梁
Ма Чжоу	馬周
Ма Юань	馬遠
Мабито Макумон	真人莫門
Мао По-ло	毛婆羅
Мин	明
Мин-хуан	明皇
Мин-юань	明遠
Му (тяньцзы)	穆天子
Му-цзун	穆宗
Мэн Хао-жань	孟浩然
Мэнчан цзюнь	孟嘗君
Мэн Шэнь	孟詵
Нанди	那提
Ни Жо-шуй	倪若水
Ню Сэн-жу	牛僧孺
Ню Шан-ши	牛上士
Оуян Сю	歐陽修
Оуян Сюнь	歐陽詢
Пи Жи-сю	皮日休
Пэй Син	裴鉶
Пэй Цзюй	裴矩
Пэй Шу-тун	裴叔通
Се, сюцай	謝秀才
Си Ван-му	西王母
Си-мэй	襲美
Си-цзун	僖宗
Су Бянь	蘇弁
Су Гун	蘇恭
Су Дин-фан	蘇定方
Су Сун	蘇頌
Су-цзун	肅宗
Су Ши	蘇軾
Су Э	蘇鶚
Суй	隋
Сун	宋
Сунь Жу	孫儒
Сунь Сы-мяо	孫思邈
Сунь чжэньжэнь	孫真人
Сунь Чэн-ю	孫承祐
Сыма Сян-жу	司馬相如
Сэн-гуан	僧晃
Сэн-и	僧翼
Сэн-янь	僧衍
Сюань-цзан	玄奘
Сюань-цзун	玄宗
Сюань-цзун II	宣宗
Сюань-чжао	玄照
Сюй Тан	許唐
Сюй Цзин-цзун	許敬宗
Сюй Шэнь	徐申
Сюэ-си	學喜
Сюэ Фэн	薛逢
Ся	夏
Сян-ван	香王
Сянь-цзун	憲宗
Сяо Бин	蕭炳
Тай-цзун	太宗
Тай-чжэнь	太真
Тай-хэ гунчжу	太和公主
Тао Гу	陶穀
Тао Хун-цзин	陶宏景
Туман	都曼
Тянь Шэнь-гун	田神功
У (императрица)	武后
У Дао-сюань	吳道玄
У-ди	武帝

У Жун	吴融
У-кун	悟空
У-цзун	武宗
У Юань-хэн	武元衡
Фа-сянь	法顯
Фан Гань	方干
Фан Цянь-ли	房千里
Фань Чэн-да	范成大
Фань Шу	樊淑
Фоту Дэн	佛圖澄
Фу И	傅奕
Фэн Жо-фан	憑若芳
Хань	漢
Хань Во	韓偓
Хань Гань	韓幹
Хань Си-цзай	韓熙載
Хань Сян-цзы	韓湘子
Хань-шань	寒山
Хань Юй	韓愈
Ху Гуй	胡瓌
Ху Сань-син	胡三省
Ху Цянь	胡虔
Хуан Тао	黄滔
Хуан Чао	黄巢
Хун Май	洪邁
Хун Си-вэнь	洪希文
Хуэй-линь	慧琳
Хуэй-цзун	徽宗
Хуэй-чао	慧超
Хуэй-юань	慧遠
Цао Му-гуан	曹務光
Цао Тан	曹唐
Цао Чжи	曹植
Цзин-цзун	敬宗
Цзоу	鄒
Цзу Тин	祖珽
Цзун Чу-кэ	宗楚客
Цзя Дань	賈耽
Цзян Цзун	江總
Цзян Цзяо	姜皎
Цзянь-чжэнь	鑑真
Цзяньвэнь-ди	簡文帝
Ци Минь	齊旻
Ци Цзяо	齊皎
Цинь	秦
Цинь Цзай-сы	秦再思
Цуй	崔
Цуй Жэнь-лян	崔仁亮
Цуй Шу	崔曙
Цэнь Шэнь (Цань)	岑參
Цю Син-гун	丘行恭
Цюань Дэ-юй	權德輿
Цянь Чу	錢俶
Чжансунь У-цзи	長孫無忌
Чжан Бан-цзи	張邦基
Чжан Гао	張杲
Чжан Дин	張鼎
Чжан И-чао	張義潮
Чжан Нань-бэнь	張南本
Чжан Сюань	張萱
Чжан Сяо-бяо	章孝標
Чжан Ху	張祜
Чжан Цань	張參
Чжан Цзи	張籍
Чжан Цзю-лин	張九齡
Чжан Цзяо	張皎
Чжан Чжи-хэ	張志和

Чжан Чжоу	張舟
Чжан Шу	張曙
Чжан Юэ	張説
Чжан Янь	張晏
Чжан Янь-юань	張彦遠
Чжао Ган	趙剛
Чжао Гу	趙嘏
Чжао Жу-гуа	趙汝适
Чжао Луань-луань	趙鸞鸞
Чжао То	趙佗
Чжао-цзун	昭宗
Чжи-дунь	支遁
Чжи-мэн	智猛
Чжоу	周
Чжоу Да-гуань	周達觀
Чжоу Дунь-и	周敦頤
Чжоу И-лян	周一良
Чжоу Ми	周密
Чжоу Фан	周昉
Чжоу Хуан	周滉
Чжу Жу-юй	珠如玉
Чжу Ин	朱応
Чжу Мэн	朱蒙
Чжу Цы	朱泚
Чжу Цюань-чжун	朱全忠
Чжун-цзун	中宗
Чжэн Си (Инь)	鄭絪
Чжэн Цзы	鄭綮
Чжэн Цянь	鄭虔
Чжэнь Ли-янь	甄立言
Чжэнь Цюань	甄權
Чун-цзун	崇宗
Чэн-ван	成王
Чэн Ши-чжан	程士章

Чэнь Бяо	陳標
Чэнь Тао	陳陶
Чэнь Цан-ци	陳藏器
Шан	商
Ши-хуан	始皇
Шунь-цзун	順宗
Шэнь Гуа	沈括
Шэнь-нун	神農
Шэнь Цзи-цзи	沈既濟
Эннин	圓仁
Юань	元
Юань-да	元達
Юань Цзай	元載
Юань Цзы	遠滋
Юй	渝
Юй Цзянь-у	庾肩吾
Юй Ши-нань	虞世南
Юэ Хуань	樂隈
Ян Го-чжун	楊國忠
Ян Гуй-фэй	楊貴妃
Ян-ди	煬帝
Ян Цзин-фэн	楊景風
Ян Чэн	陽城
Ян Шэнь	陽慎
Ян Юй	楊瑀
Янь Ли-бэнь	閻立本
Янь Ли-дэ	閻立德
Янь Чан-янь	閻長言
Янь Ши-гу	顏師古
Яо	姚
A-lâ-puən̦	阿羅本
Kiəi-χuət-b'â	繼忽婆
Ki̯u-d'âm Si̯ət-d'ât	瞿曇悉達
Niei-niet-ṣi	泥涅師
Puâ-tâ-li̯ək	波多力

Географические названия

Ань	安
Аньго	安國
Аньси	安息
Аньхой	安徽
Ба	巴
Бадоу	拔豆
Баоинсы	寶應寺
Баочжоу	保州
Биньчжоу (в пров. Гуандун)	賓州
Биньчжоу (в пров. Шэньси)	豳州
Болюй	勃律
Бомаго	駮馬國
Босы	波斯
Бохай	渤海
Бэйцю	貝丘
Бяньчжоу	汴州
Ваньань	萬安
Вахш	烏許
Вэй (Корея)	濊
Вэй, река	渭
Вэйчжоу	維州
Гань	贛
Ганьсу	甘肅
Ганьчжоу	甘州
Гаолян	高涼
Гаочан	高昌
Гоби	戈壁
Гоцин	國清
Гочжоу	虢州

Гуанъюаньтань	廣運潭
Гуандун	廣東
Гуанси	廣西
Гуанчжоу	廣州
Гуанфу	光福
Гуаньнэй	關內
Гуачжоу	瓜州
Гуй	桂
Гуйлин	桂嶺
Гуйчжоу	媯州
Гуйян	貴陽
Дабатан	墮婆登
Давань	大宛
Дайчжоу	代州
Дайцинь	大秦
Дали	大理
Даньдань	丹丹
Даньчжоу	丹州
Даочжоу	道州
Двāравати	墮和羅
Джагуда	謝颶
Джамби	占卑
Дунгуань	東莞
Дундань	東丹
Дунтин	洞庭
Дуньхуан	敦煌
Дэнчжоу	登州
Дэцин	德清
Жаолэ	饒樂
Жибэнь	日本
Жилинь	日林

Инчжоу	營州
Иньчуань	尹川
Иу	伊吾
Кабӯда̄н	曹
Кага	訶伽
Кайфэн	開封
Кайюань	開元
Какола	伽古羅
Кат-кат занги	葛葛僧祇
Кашмир	箇失蜜
Кэханьна	可汗那
Кочжоу	廓州
Кумед	俱蜜
Куньлунь	崑崙
Куньу	昆吾
Ланьлин	蘭陵
Ланьтянь	藍田
Ланьчжоу	蘭州
Ли	灕
Линнань	嶺南
Линхуасы	靈華寺
Линчжоу	靈州
Линцюй	靈渠
Линьчуань	臨川
Личжоу	利州
Лоян	洛陽
Лумэй	盧眉
Лун, горы	隴
Лун, река	瀧
Лунбянь	龍編
Лунмэнь	龍門
Лунчжоу	龍州
Лунъю	隴右
Лучжоу (в Аннаме)	陸州
Лучжоу (в Шаньси)	潞州
Лэйчжоу	雷州
Лян	梁
Лянфу	涼府
Лянчжоу	涼州
Ляньшуй	漣水
Ляо	遼
Ляодун	遼東
Ляонин	遼寧
Ляоян	遼陽
Мавэй	馬嵬
Маймург	米
Мерв	穆
Минтан	明堂
Мэйлин	梅嶺
Наньхай	南海
Наньчжао	南詔
Нинчжоу	寧州
Паньюй	番禺
Пинкан	平康
Поли	婆利
Полюй	婆律
Пуань	普安
Пью	驃
Пэнлай	蓬萊
Сёсо̄ин	正倉院
Си	奚
Сианьфу	西安府
Синшаньсы	興善寺
Синьло	新羅
Синьцзян	新疆
Синьчжоу	信州
Сичжоу	西州
Суйчжоу	巂州

Суйян	睢陽
Суншань	嵩山
Сучжоу	蘇州
Сычуань	四川
Сюаньчжоу	宣州
Сюаньчжэндянь	宣政殿
Сян	湘
Сянь	咸
Сяньян	咸陽
Сяоци	小溪
Табаристан	陁拔斯單
Тай	泰
Таймяо	泰廟
Тайвань	台彎
Тайхан	太行
Тайху	太湖
Тайюань	太原
Таньчжоу	潭州
То̄дайдзи	東大寺
То̄сёдзи	東昌寺
Тунцзян	通江
Туюйхунь	吐谷渾
Тяньлуншань	天龍山
Тяньтай	天台
Тяньшань	天山
У	吳
У-Юэ	吳越
Утай	五台
Учжун	吳忠
Фаньян	范陽
Фергана	拔汗那
Фудзи	富士
Фулучжоу	福祿州
Фунань	扶南
Фуфэн	扶風
Фуцзянь	富建
Фучжоу (в пров. Гуанси)	富州
Фучжоу (в пров. Сычуань)	涪州
Фучжоу (в пров. Цзянси)	撫州
Фэнчжоу (в Аннаме)	峯州
Фэнчжоу (в Ордосе)	風州
Фэнь	汾
Хайнань	海南
Хайян	海陽
Хами	哈密
Ханой	河内
Ханчжоу	杭州
Хорю̄дзи	法隆寺
Хуадусы	化度寺
Хуай	淮
Хуайиньсянь	淮陰縣
Хуаньчжоу	驩州
Хуацингун	華清宮
Хуачжоу	華州
Хубэй	湖北
Хунань	湖南
Хунчжоу	洪州
Хутталь	骨咄
Хучжоу	湖州
Хуэйчжоу	會州
Хэбэй	河北
Хэн	横
Хэнаньфу	河南府
Хэнчжоу	恒州
Хэпу	合浦

Цайчжоу	蔡州
Цзинчжоу	涇州
Цзинь	晉
Цзиньлинь	金鄰
Цзиньтай	金臺
Цзиньчжоу	金州
Цзичжоу	冀州
Цзычжоу	梓州
Цзюцзыпо	菊子坡
Цзян	江
Цзяньнаньчжоу	建南州
Цзяньчжоу	劍州
Цзяохэ	交河
Цзяочжи	交趾
Цзяочжоу	交州
Ци	齊
Цилянь	祁連
Цинхай	清海
Цинь	秦
Циньлинь	秦嶺
Циньчжоу	秦州
Цичжоу	岐州
Цыэньсы	慈恩寺
Цюаньчжоу	泉州
Чанчжоу	昌州
Чанша	長沙
Чаочжоу	潮州
Чач	柘支,者舌
Чжаолин	昭陵
Чжоучэн	周澄
Чжуннань	終南
Чжунцзин	重慶 (中京?)
Чжунчжоу	忠州
Чжуншань	中山
Чжэнь	溱
Чжэньчжоу	真州
Чжэцзян	浙江
Чу	楚
Чучжоу (гл. I)	滁州
Чучжоу (гл. XII)	楚州
Чэнду	成都
Чэнчжоу	澄州
Чэньлю	陳留
Шанми	商彌
Шаньдун	山東
Шаньси	山西
Шаньюй	單于
Шаочжоу	韶州
Шачжоу	沙州
Шивэй	室韋
Шигнан	識匿
Шрибходжа	尸利佛誓
Шу	蜀
Шэньду	神都
Шэньси	陝西
Юй	渝
Юйлинь	榆林
Юймэнь	玉門
Юйчжан	豫章
Юннань	永南
Юнфу	邕府
Юнчжоу	永州
Юньнань	雲南
Юэчжи	月氏
Юэчжоу	越州
Янтай	陽臺
Янцзы	揚子
Яньчжэнфан	延政坊

B'iwad-lək 吠勒
G'ia-b'ji-iap 伽毗葉
G'i̯a-śi̯et-pi̯et 伽失畢
Kâp-miet 閣蔑
Ki̯ɐp-tśi̯a 劫者
Ki̯u-ləu-mi̯et 拘蔞
Xâ-b'ji-śi̯e 訶毘施
Xuo-dz'i 呼慈
Li̯əm-·i̯əp 林邑
Li̯əm-źie̯ 林氏
Mi̯uən-tân 文單
Nəu-d'â-i̯uân 耨陀洹
Pək-·i̯əp 北邑
P'i̯uət-niet 拂涅
Sâm-b'ak 三泊
Sâm-b'i̯uət-dz'iei 三拂齊
T'uət-mjie̯ 突彌
Źi̯am-pâk 贍博

ГЛОССАРИЙ В

Термины

Аньси сян 安息香
ба 巴
би 碧
бима 萞麻
бигань 碧玕
били 蓽茇
бин-вань 冰紈
бинь 鑌
боли 玻璃
бому 蘗木
бофу цзы 白附子
бохэ сян 百合香
бу цзуй сянь 補醉仙
бэйтянь 悲田
бянь цин 扁青
виданга 畢澄茄
виленга 毗陵茄
вэй-мао 帷帽
ганьлан 橄榔
гуа 騧
гуанлан 桄榔
гуаньцзюнь 雚菌
да пэн ша 大鵬砂
да цю 打毬
даймэй 玳瑁
дань 擔
ди 邸
ди 笛
доу 斗
доукоу 豆蔻
ду 鍍
дянь 店
дянь 澱,靛
жань шэ 蚺蛇
жу-сян 乳香
и 瑿,黳
и дао 儀刀
ичжицзы 益智子
инъюй 蘡薁
ку 窟

кумуда	俱物頭
куньбу	昆布
кэ сы	刻絲
ла	臈
лангань	琅玕
ли	里
Линлин сян	零陵香
ло	駱
лолэ	羅勒
лун сянь	龍涎
люй	櫚
лян	兩
лян	[illegible]
ман сяо	芒硝
манао	瑪瑙
мао	茅
ми сян	蜜香
мили	冪羅
мин гуан цзя	月光甲
мирдāсанг	蜜佗僧
мо дао	陌刀
мусян	木香
му цян	木槍
мэй	煤
нӣла-ӯтпала	泥樓鉢羅
пи	犤
пи	貔
пинпэн цао	萍蓬草
пинто	平脱
по цюэ	舶脚
поломэньцзы	婆羅門子
полюй гао	勃律膏
пусяо	朴硝
пукуй	蒲葵

пэнь шань	盆山
пяо	驃
си линь цзя	細鱗甲
синсин	猩猩
со-цзы цзя	鎖子甲
сухэ	蘇合
сы цзюэ	四絶
сюань	玄
сюн хуан	雄黄
сюнь лун	熏龍
ся дин шуй	下碇税
сянли	香貍
сянь	閑
сянь-мао	仙茅
сянь шу	仙樹
сяо (свирель)	簫
таоту	騊駼
тоси	驒騱
тоу	鍮
туми	酴醾
тун	橦
тяотин	跳鯅
фан	坊
фань	蕃
фаньцзя	梵夾
фэйфэй	狒狒
хан	行
хантоу	行頭
хань сяо	含笑
хингу	形虞
хосян	藿香
ху	笏
ху сюань нюй	胡旋女
ху тэн у	胡騰舞

ху-хуанлянь	胡黃連
ху цзи	胡姬
ху ши	互市
хуалюй	花櫚
хуансе	黃屑
хуанлу	黃櫨
хуань	紈
хэши	鶴虱
хэн дао	橫刀
цзегу	羯鼓
цзин	麖
цзи ню	㮨牛
цзи цзюй	擊鞠
цзинь	斤
цзинтянь	敬田
цзисяньюань	集賢院
цзы	鯔
цзыцай	紫菜
цзю	麂
цзю хуцзы	酒胡子
цзю чжи	九執
цзюань	絹
цзюй сюй	駏驉
цзюэти	駃騠
цзя	笳
цзя сян	甲香
цзя цзянь	甲煎
цзя шань	假山
цзянь	監
цзяо фан	教坊
цзяо хань	鮫函
цзяоляо	僬僥(鷦鷯)
цзяонао	鳭[illegible]
цзяосюй	椒糈(醑)
цзяоцзю	椒酒
ци цян	漆槍
ци яо	七曜
цин	青
цин дай	青黛
цин лангань	青琅玕
цин му сян	青木香
цинь	琴
цинь хо	芩藿
цунь	寸
цы хуан	雌黃
цюйшу	氍毹
цюнцюн	芎藭
цюнь	群
чань	禪
чжу	柱
чжулай (няо)	朱來(鳥)
чжэн	箏
чи	尺
чоу	紬
чыртпад	吐撥
ши	絁
ши цзи	十驥
ши лю хуан	石流黃
шичунь	石蓴
юй	騟
юй дай	魚袋
янбинфан	養病坊
ян-суй	陽燧
*'â-d'zi-b'uət-t'â-ni	阿慈勃他你
*'â-lək-b'uət	阿羅本
*'â-ma-lək	阿麻勒
*'â-muât	阿末
*'â-ngj^{w}ei	阿魏

*'âm-lâ 菴羅
*'âm-muâ-lək 菴摩勒
aṅkwa 阿魏
apursāmā 阿勃參
*b'ɐk-d'iep 白氎
*b'ieng 瓶
*b'ji-g'i̯əp 瓶鴿
*b'ji-lji-lək 毗梨勒
*b'uâ-la-tək 婆羅得
*b'uân-d'â-k'i̯a 畔茶佉
*b'wât-lân 拔蘭
*d'ân 檀
*d'ək 特
*dz'an 棧
*dẑ'i̯uĕt 述
*g'i̯əu 紌
*g'i̯u-g'i̯əu 氍毬
*g'i̯u-si̯u 氍毹
*ɣuat-nəu-dz'ia 活耨蛇
*ia-sai-muan 耶塞漫
*ia-siet-miʷeng 耶悉茗
*i̯än- uo-sâk 延胡索
*'i̯ĕn-pʷat 印八
*ji̯ʷat-nâk 越諾
*kân-d'â 乾陀
*keng 耕
*kəu-piek 黿鼊
*ki̯ɐp-puâi 刧貝
*ki̯ĕt-puâi 吉貝
*kiet-ṣat 結殺
*k'i̯ĕt-tâ 詰多
*ki̯ʷo-g'i̯ʷo 車渠
*kuət-nʷat 骨豽
*kuət-tuət 骨咄
*kuo-puâi 古貝
*χâ-liei-lək 訶黎勒
*χâ-lji-lək 呵黎勒
*χək-mi̯ĕt-mi̯əu-nji 黑密牟尼
*χuo-p'ɐk 琥珀
*luo-'uâi 蘆薈
*miu-dź'i̯ək 無食
*muâ-dz'ək 無食
*muât-lji 茉莉
*muət 沒
*nai-gi 㮈祇
*ngi̯ʷen-dz'i-lək 元慈勒
*ngi̯ʷok 玉
*njau-ṣa 硇砂
*nəu-d'ie 耨池
*nuo-'uâi 奴薈
*ńźi̯ʷok-źi 褥時
*palinga 波棱
*piɐk 璧
*puâi-tâ 貝多
*p'uâ-lâ 頗羅
*p'uân-d'a 般茶
*-rāk 勒
*sât-pâu 薩寶
*ṣet-ṣet 瑟瑟
*səng-g'ji 僧耆
*səng-g'jie 僧祇
*si̯än-g'iʷo 鮮渠
*ṣi̯uk-ṣa-mi̯ĕt 縮砂蔤
*suân-ngiei 狻猊
tâm-lâ 擔羅
*t'âp-təng 毾㲪
tiei-ia-ka 底野迦
*tśi̯äm (trâm) 詹

tśi̯a-p'iek	柘辟
*tsi̯än	煎
*tśi̯ĕt-ɣân	質汗
*tṣi̯əu-ngi̯u	騶虞
*t'uk-təng	禿登
*'uət-ni̯uk (-nʷət)	膃肭
*źi̯ang-tsiʷo	上沮
*źi̯əp-b'i̯ʷet	什伐

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

20 Заказ № 2366

ХРОНОЛОГИЯ ПОДНОШЕНИЙ ТАНСКОМУ ДВОРУ

Год	Отправители посольств	Подношения
	ИМПЕРАТОР ГАО-ЦЗУ (618—626)	
	Девиз правления У-дэ, 618—626	
619	Калинга	пояс, украшенный самоцветами
	кидани	лошади и *фэндяо* (соболь или горностай)
620	западные тюрки	исполинская птица *тяочжи*
622	то же	лошади
623	кидани	лошади и *фэндяо*
624	Самарканд	лошади
626	тюрки	кони и десять тысяч овец (отвергнуты)
	ИМПЕРАТОР ТАЙ-ЦЗУН (627—649)	
	Девиз правления Чжэн-гуань, 627—649	
627	западные тюрки	6000 лошадей и золотой пояс со вставками из драгоценных камней
628	тюрки	лошади, быки и коровы
629	шивэй	*фэндяо*
630	Тям	огненный шар размером с куриное яйцо
631	Куча	лошади
	Силла	две музыкальные девушки
632	царь Хотана	пояс из зеленых пластин
635	Самарканд	лев
	западные тюрки	лошади
637	Капиша	кони
640	Тям	11 носорогов из породы «проникающих в небо»

Год	Отправители посольств	Подношения
	Тибет	золотые сосуды
641	то же	золотой кувшин в виде гуся
	Индия	шафран и дерево бодхи
642	то же	«великие жемчуга»
	Капиша	мангуста
	толосы	лошади
643	царь «Рума»	красное и зеленое стекло, «каменная зелень» (малахит) и «сущность металла»
647	тюрки и тибетцы	«козел с лошадиными копытами»
	король Непала	шпинат, лук, «горький лиственный овощ», «кислый лиственный овощ», «западный сельдерей» и «едко пахнущее снадобье»
	Магадха	дерево бодхи
	Кашмир	цветы *нила-утпала*
	Гандхара	«лист земли Будды»
	Молуккские острова	попугай и камфора
	Капиша	шафрановый крокус
	Дабатан	сандаловое дерево и ткани из хлопка
	сиртардуши	*barlan* (бхарал?)
	тюркский ябгу	виноградная лоза «сосок кобылицы»
	«Страна свирепых богатырей»	цветы кумуда
648	из Магадхи	составитель лекарств Нараянасвамин (доставил Ван Сюань-цэ)

ИМПЕРАТОР ГАО-ЦЗУН
(650—683)

Девизы правления: Юн-хуэй, 650—655; Цинсянь, 656—660; Лун-шо, 661—663; Линь-дэ, 664—665; Цянь-фэн, 666—667; Цзун-чжан, 668—669; Сянь-хэн, 670—673; Шан-юань, 674—676; И-фэн, 677—678; Тяо-лу, 679; Юн-лун, 680—681; Кай-хуэй, 681; Юн-шунь, 682; Хун-дао, 683

Год	Отправители посольств	Подношения
650	тибетцы	предметы из драгоценных металлов и самоцветов
	Силла	золото и серебро
	Тохаристан	птица-верблюд
	Gaviap	медведь **t'ien-tiet*
621	Камбоджа (Чинрап)	обученные слоны
652	туюйхуни	лошади
	Капиша	мангуста
654	тибетцы	100 лошадей и осел высотой в 50 *чи*
655	Япония	светильник из сердолика
	полуостров Малакка	пятицветный попугай

Год	Отправители посольств	Подношения
657	Тохаристан	львы
	* *Ziäm-pâk*	обученные слоны
	Тибет	«золотой город» и золотая *бала*
667	посланцы Рима	териак
669	из Японии	айн с невероятно длинной бородой
675	Фергана	*боли* цвета индиго
676	Куча	лошади
	киргизы	лошади
680	Тямпа	дрессированные слоны
681	Тохаристан	лошади
682	то же	золотое одеяние

ИМПЕРАТРИЦА У
(664—704)

Девизы правления: Гуан-чжай, 684; Чуй-гун, 685—688; Юн-чан, 689; Тянь-шоу, 690; Жу-и, 691; Чан-шоу, 692—693; Янь-цзай, 694; Чжэн-шэн, 695; Вань-суй-дэн-фэн, 695; Тянь-цэ-вань-суй, 695; Вань-суй-тун-тянь, 696—697; Шэн-гун, 697; Шэн-ли, 698—700; Цзю-ши, 700; Да-цзу, 701; Чан-ань, 701—704

703	«мусульмане»	кони
704	тюрки	лошади

ИМПЕРАТОР ЧЖУН-ЦЗУН
(705—709)

Девизы правления: Шэнь-лун, 705—707; Цзин-лун, 707—709

709	Тям	белые слоны

ИМПЕРАТОР СЮАНЬ-ЦЗУН
(710—755)

Девизы правления: Цзин-юнь, 710—711; Тай-цзи, 712; Янь-хэ, 712; Сянь-тянь, 712; Кай-юань, 713—742; Тянь-бао, 742—755

712	мусульманский посол	пояс, усыпанный драгоценностями
713	Самарканд	леопарды, собаки и «девы с Запада, крутящиеся в вихре»
715	Маньчжурия	два белых тетеревятника
716	халиф Сулейман	«кафтан, тканый золотыми нитями»
717	Хотан	две лошади для игры в поло
	Самарканд	краска индиго
	тюргеши	лошади

Год	Отправители посольств	Подношения
718	Маймург	латунь
	Самарканд	сердолик и «доспехи из звеньев»
719	Кумед	«девы с Запада, крутящиеся в вихре»
	кидани	лошади
	Тохаристан	львы (дважды, в том числе — один раз от Рима) и два козла *лин* (от Рима)
	из Тохаристана	Великий Муша
720	то же	лошади и онагры
	Капиша	рецепты, лекарства и сочинения по астрономии
	Южная Индия	леопардовая шкура
	«Южная индийская страна»	пятицветный говорящий попугай
721	Куча	собаки и лошади
	племя чомул	лошади
722	страна Бохай	тетеревятники и соколы
723/724	Силла	золото, серебро и одна лошадь * *kua-hua*
724	Шривиджайя	девочка-зенджи, два пигмея и музыканты
	Самарканд	лошади, пигмеи и собаки
	Шигнан	лошади
	Тохаристан	200 *гандхапхала*
	арабы	лошади
724/725	кидани	лошади
725	киргизы	лошади
726	тюргеши	лошади
	Бухара	лошади, шафран, каменный мед, «римский» вышитый ковер, простой ковер, два покрывала
727	то же	лошади
	тюрки	лошади
	Кеш	«девы с Запада, крутящиеся в вихре»
	Самарканд	«девы с Запада, крутящиеся в вихре»
729	Тохаристан	сердолик
	Маймург	«девы с Запада, крутящиеся в вихре»
	Хутталь	лошади
	кидани	лошади
	бохайские мохэ	лобан
730	«Персия»	носороги
	бохайские мохэ	сердоликовая ваза
	Тохаристан	сердолик и *боли* (розовое и синее)
	кидани	лошади
731/732	Бильге-каган	50 лошадей
733	Хутталь	лошади и женщины-музыканты
	«Кэханьна»	лошади

Год	Отправители посольств	Подношения
734	Силла	золото и серебро, 16 меховых шкур и две маленькие лошадки
	Тибет	драгоценные металлы
	Персия	онагры
	Бухара	шафран
735	Тям	белые слоны
737	страна Бохай	соколы и тетеревятники
740	Самарканд	сердолик
741	Фергана	лошади арабских кровей
	страна Бохай	соколы и тетеревятники
	Тохаристан	сердолик и *боли* (розовое и синее)
742	Хотан	лошади
744	арабы	драгоценности и лошади
	Самарканд	то же
	Кеш	то же
	Кабудан	то же
	Маймург	то же
	Джагуда	то же
	Тохаристан	то же
	тюргеши	то же
746	«Персия»	носороги и обученные слоны
	Чач	лошади
	Хутталь	то же
	Табаристан	лошади и персидские жужубы
	Цейлон	множество драгоценностей и экземпляр «Махапраджняпарамита-сутры» на пальмовых листьях
	тюргеши	«ротанг ценой в тысячу монет» и поддельные самоцветы из *люли*
	Кеш	поддельные самоцветы из *люли*
747	Чач	лошади
	киргизы	то же
	тюрки	то же
747/748	шивэй	то же
748	Тохаристан	то же
	Суселифаулань	то же
	киргизы	то же
	токуз-огузы	то же
	Силла	серебро
	Тямпа	слоновая кость
	черноводные мохэ	женьшень
	шивэй	то же
749	Тямпа	100 жемчужин и «черное» алоэ
	Силла	золото и серебро
749/750	страна Бохай	соколы и тетеревятники
750	«Персия»	асбестовый коврик и просверленный жемчуг
	Бухара	лошади
	Самарканд	то же
	Хутталь	то же
	Тямпа	жемчуг
	Цейлон	то же

Год	Отправители посольств	Подношения
	бохайские мохэ	5 шкур ленточных котиков
753	Хорезм	замша пурпурного цвета
753/754	арабы	лошади

ИМПЕРАТОР СУ-ЦЗУН
(756—762)

Девизы правления: Чжи-дэ, 756—758; Гань-юань, 758—759; Шан-юань, 760—762

761	Фергана	«змеиная желтизна» и *боли* цвета индиго
	Куча	серебряная *бала*

ИМПЕРАТОР ДАЙ-ЦЗУН
(762—779)

Девизы правления: Бао-ин, 762; Гуан-дэ, 763—764; Юн-тай, 765; Да-ли, 766—779

763	Силла	серебро
771	«Персия»	жемчуг
	Камбоджа (* *Miuən-tân*)	обученные слоны
773	Силла	золото и серебро
	страна Бохай	соколов, тетеревятников и 11 японских танцовщиц

ИМПЕРАТОР ДЭ-ЦЗУН
(780—804)

Девизы правления: Цзянь-чжун, 780—783; Син-юань, 784; Чжэнь-юань, 785—804

781	«южная страна»	птица *чжулай*
790	из Удьяны	зуб Шакьямуни
795	Наньчжао	60 лошадей
799	Тям	носорог
800	Наньчжао	оркестр
802	государство Пью	оркестр из 35 исполнителей

ИМПЕРАТОР ШУНЬ-ЦЗУН
(805—806)

Девиз правления: Юн-чжэн, 805—806

805	Тибет	драгоценные металлы

Год	Отправители посольств	Подношения

ИМПЕРАТОР СЯНЬ-ЦЗУН (806—820)

Девиз правления: Юань-хэ, 806—820

810	Силла	статуи Будды из золота и серебра
813	Калинга	живой носорог
815	Калинга	благовония, драгоценности, пятицветный попугай, птицы-калавинки и юноши-зенджи
816	племя си	маленькие лошади
817	Тибет	лошади и драгоценные металлы
818	Калинга	черепаховые панцири и две девушки-зенджи
	Силла	корейский ансамбль

ИМПЕРАТОР МУ-ЦЗУН (821—824)

Девиз правления: Чан-цин, 821—824

822	уйгуры	четыре карлука
824	Тибет	серебро и носорог

ИМПЕРАТОР ЦЗИН-ЦЗУН (825—826)

Девиз правления: Бао-ли, 825—826

ИМПЕРАТОР ВЭНЬ-ЦЗУН (827—840)

Девизы правления: Да-хэ, 827—835; Кай-чэн, 836—840

827	Тибет	лошади и драгоценные металлы
836/837	Тибет	то же
836/837	шивэй	50 лошадей
839	Япония	чесуча и жемчуг

ИМПЕРАТОР У-ЦЗУН (841—846)

Девиз правления: Хуэй-чан, 841—846

846	страна Бохай	квадратная шкатулка из *манао*

Год	Отправители посольств	Подношения

ИМПЕРАТОР СЮАНЬ-ЦЗУН II
(847—859)

Девиз правления: Да-чжун, 847—859

853	Япония	музыка, доска для игры в го из катальповой яшмы и шашки
	Джамби (на Суматре)	обученные слоны
854	варвары-мани	ученый носорог (отослан обратно)

ИМПЕРАТОР И-ЦЗУН
(860—873)

Девиз правления: Сянь-тун, 860—873

866	правитель Дуньхуана	Тибетские женщины, две лошади и четыре тетеревятника с «зелеными лапами»

ИМПЕРАТОР СИ-ЦЗУН
(874—888)

Девизы правления: Цянь-фу, 874—879; Гуан-мин, 880; Чжун-хэ, 881—885; Гуан-цин, 885—887; Вэнь-дэ, 888

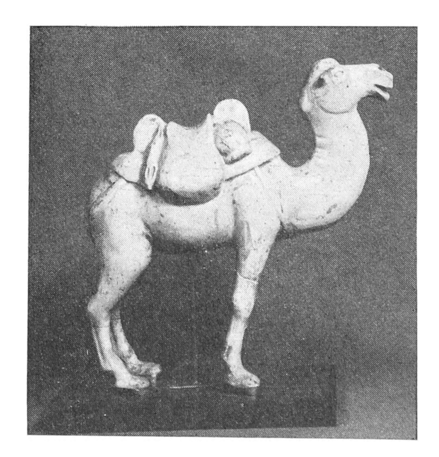
ИМПЕРАТОР ЧЖАО-ЦЗУН
(889—906)

Девизы правления: Лун-цзи, 889; Да-шунь, 890—891; Цзин-фу, 892—893; Цянь-нин, 894—897; Гуан-хуа, 898—900; Тянь-фу, 901—903; Тянь-ю, 904—906

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Корабль Южных морей. Ява. Борободур VII—VIII вв. Барельеф.



2. Груженый верблюд. VIII в. Гос. Эрмитаж. Терракотовая фигурка.

3. Сасанидский орнаментальный мотив. Куча. VIII в. Гос. Эрмитаж. Настенная роспись.

4. Портрет Сюань-цзана. Дуньхуан. VIII в. Гос. Эрмитаж. Живопись на бумаге.

5. Западный купец, приносящий дары. Турфан. IX в. Гос. Эрмитаж. Настенная роспись.

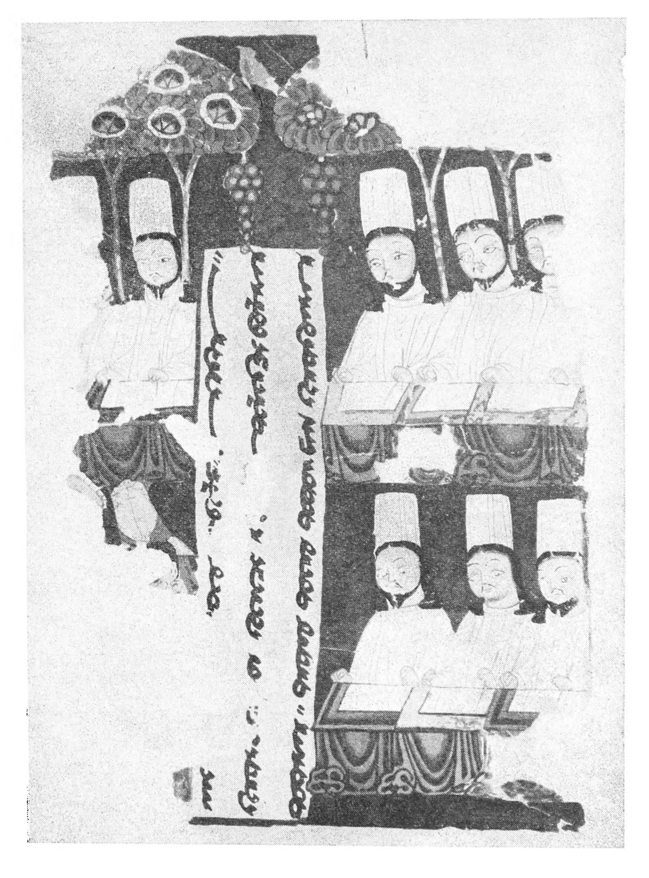
6. Западный иноземец. Куча. VIII в. Гос. Эрмитаж. Терракотовая статуэтка.

7. *Уйгурский монах с книгой. Турфан. IX в. Гос. Эрмитаж. Живопись на бумаге.*

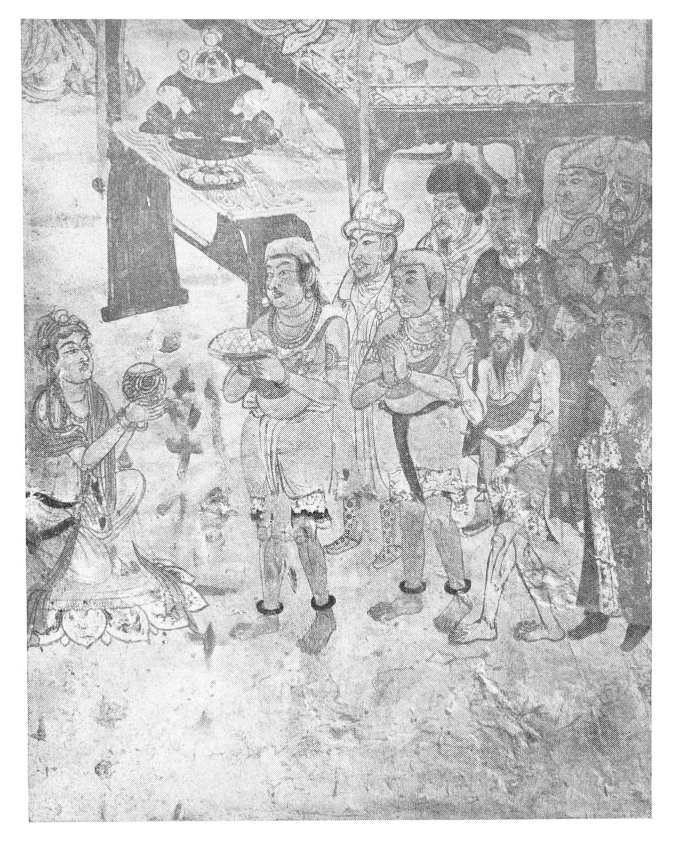
8. *Уйгур-манихей. Турфан IX в. Гос. Эрмитаж. Настенная роспись.*

9. Тибетский государь. Дуньхуан. VIII—IX вв. Гос. Эрмитаж. Настенная роспись (II Туркестанская экспедиция акад. С. Ф. Ольденбурга. Фото С. М. Дудина).

10. Роспись несторианского храма. Турфан. X в. Музей индийского искусства. Западный Берлин. Настенная роспись.



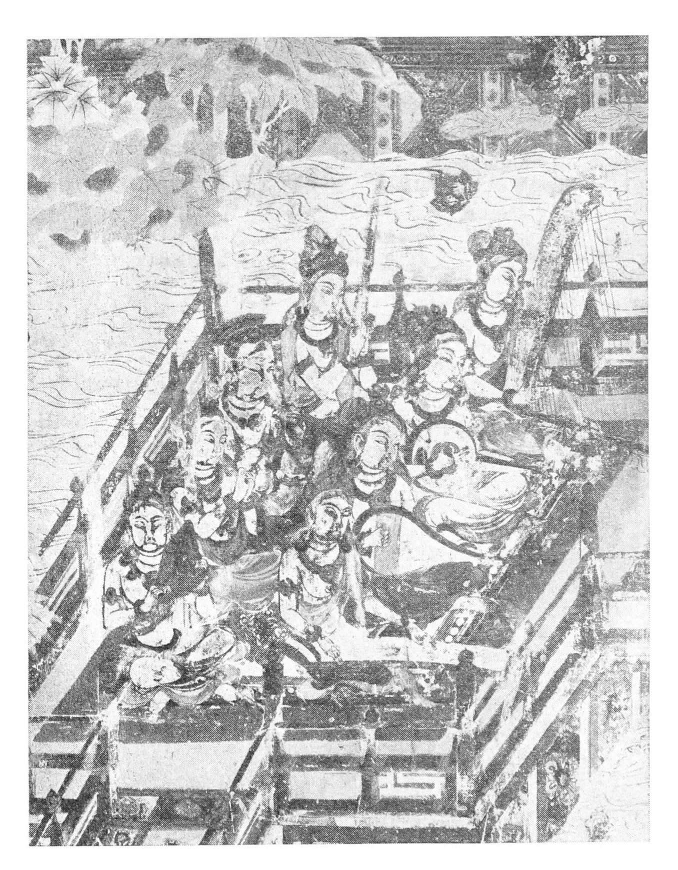
11. Манихейские переписчики книг. Турфан. X в. Музей индийского искусства. Западный Берлин. Книжная миниатюра.



12. Западные данники. Дуньхуан. VIII в. Гос. Эрмитаж. Настенная роспись (II Туркестанская экспедиция акад. С. Ф. Ольденбурга. Фото С. М. Дудина).

13. Стоящие бодхисаттвы. X в. Гос. Эрмитаж. Настенная роспись (II Туркестанская экспедиция акад. С. Ф. Ольденбурга. Фото С. М. Дудина).

14. Западные танцовщицы. Дуньхуан. IX в. Гос. Эрмитаж. Настенная роспись (II Туркестанская экспедиция акад. С. Ф. Ольденбурга Фото С. М. Дудина).

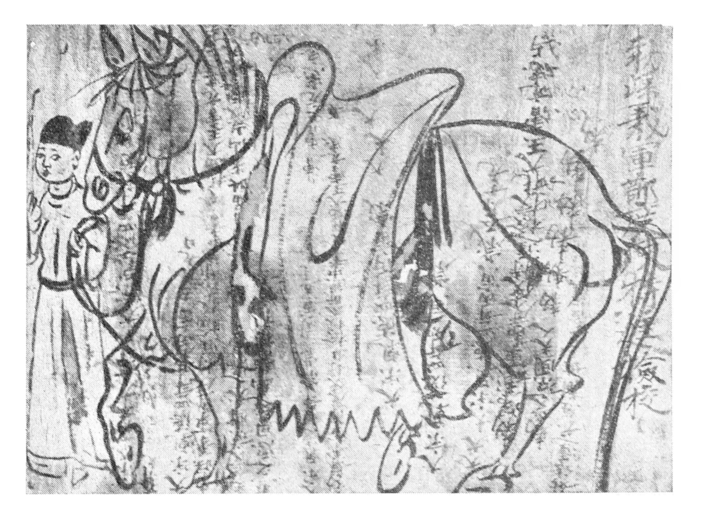


15. Западный оркестр. Дуньхуан. VIII в. Гос. Эрмитаж. Настенная роспись (II Туркестанская экспедиция акад. С. Ф. Ольденбурга. Фото С. М. Дудина).

16. Оркестр из Западного края. Турфан VIII—IX вв. Токио. Частное собрание.

17. Янь Ли-бэнь. Чужеземное посольство. Копия с оригинала VIII в. Музей изящных искусств. Бостон. Живопись на шелке (фрагмент).

18. Янь Ли-бэнь. Чужеземное посольство с дарами. Копия с оригинала VIII в. Музей изящных искусств. Бостон. Живопись на шелке (фрагмент).



19. Лошадь с погонщиком. Дуньхуан. VIII—IX вв. Музей Гимэ. Париж. Рисунок тушью на бумаге.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Эдвард Шефер

ЗОЛОТЫЕ ПЕРСИКИ САМАРКАНДА

Книга о чужеземных диковинах
в империи Тан

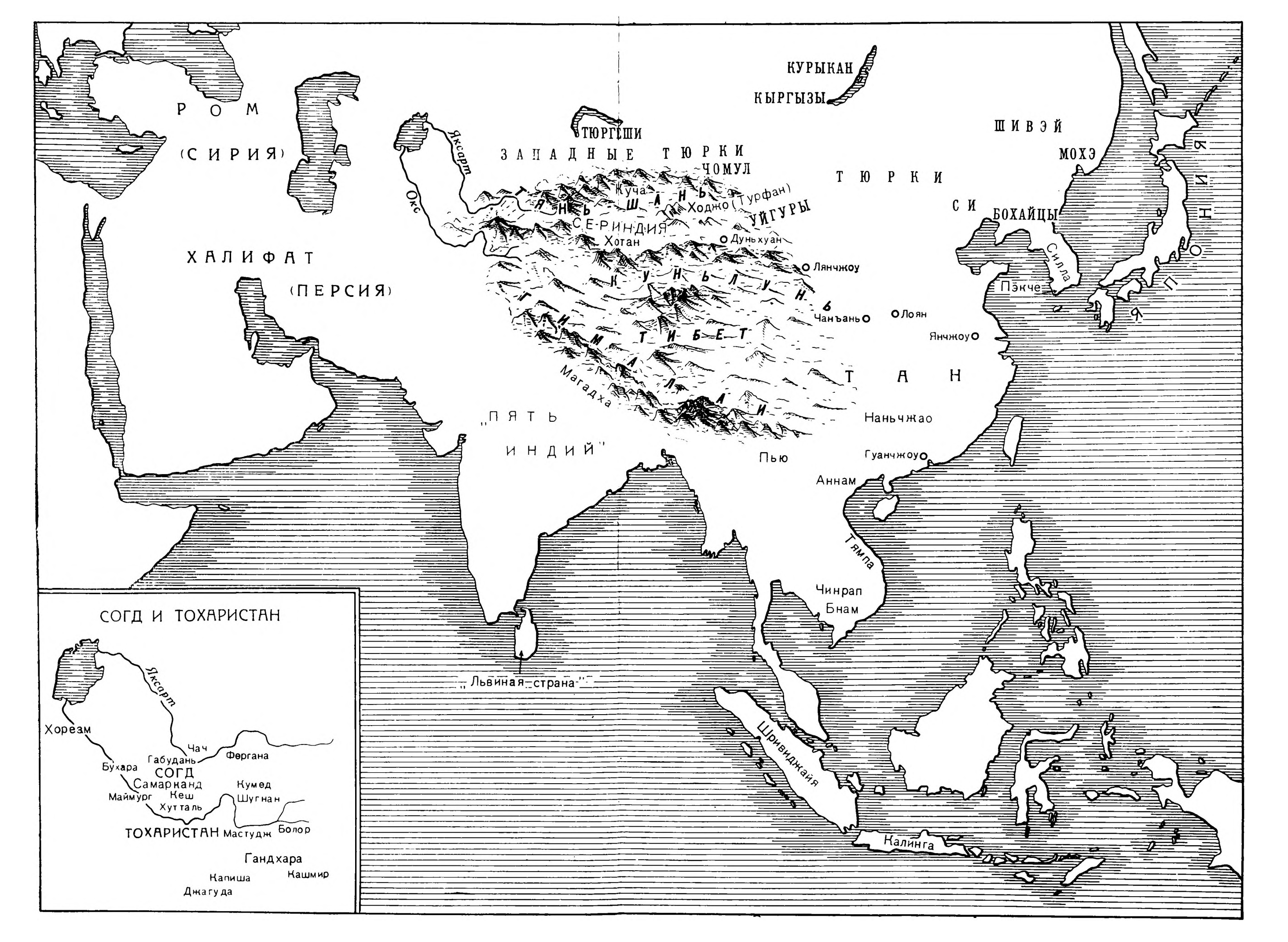
Утверждено к печати Редколлегией серии
«Культура народов Востока»

Редактор Н. А. Кукушкина. Младший редактор Р. М. Аветисова.
Художник Э. Л. Эрман. Художественный редактор Б. Л. Резников.
Технический редактор М. В. Погоскина. Корректоры Л. М. Кольцина
и Р. Ш. Чемерис

ИБ № 14071

Сдано в набор 30.07.79. Подписано к печати 08.08.80. Формат 60×84$^{1}/_{16}$.
Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Усл. п. л. 35,34. Уч.-изд. л. 43,93. Тираж 10 000 экз. Изд. № 3800.
Тип. зак. 2366. Цена 3 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 10



РОМ
(СИРИЯ)
ХАЛИФАТ
(ПЕРСИЯ)
Яксарт
Окс
ТЮРГЕШИ
ЗАПАДНЫЕ ТЮРКИ
ЧОМУЛ
КУРЫКАН
КЫРГЫЗЫ
ТЮРКИ
ШИВЭЙ
МОХЭ
СИ
БОХАЙЦЫ
ТЯНЬ ШАНЬ
Куча
Ходжо (Турфан)
УЙГУРЫ
СЕРИНДИЯ
Хотан
Дуньхуан
КУНЬЛУНЬ
Лянчжоу
ТИБЕТ
ГИМАЛАИ
Магадха
Чанъань
Лоян
Янчжоу
ТАН
Силла
Пэкче
ЯПОНИЯ
„ПЯТЬ ИНДИЙ"
Наньчжао
Пью
Гуанчжоу
Аннам
Тямпа
Чинрап
Бнам
„Львиная страна"
Шривиджайя
Калинга
СОГД И ТОХАРИСТАН
Хорезм
Яксарт
Чач
Габудань
Фергана
Бухара
СОГД
Самарканд
Кумед
Маймург
Кеш
Шугнан
Хутталь
ТОХАРИСТАН
Мастудж
Болор
Гандхара
Капиша
Кашмир
Джагуда

50 K.

3 р. 30 к.